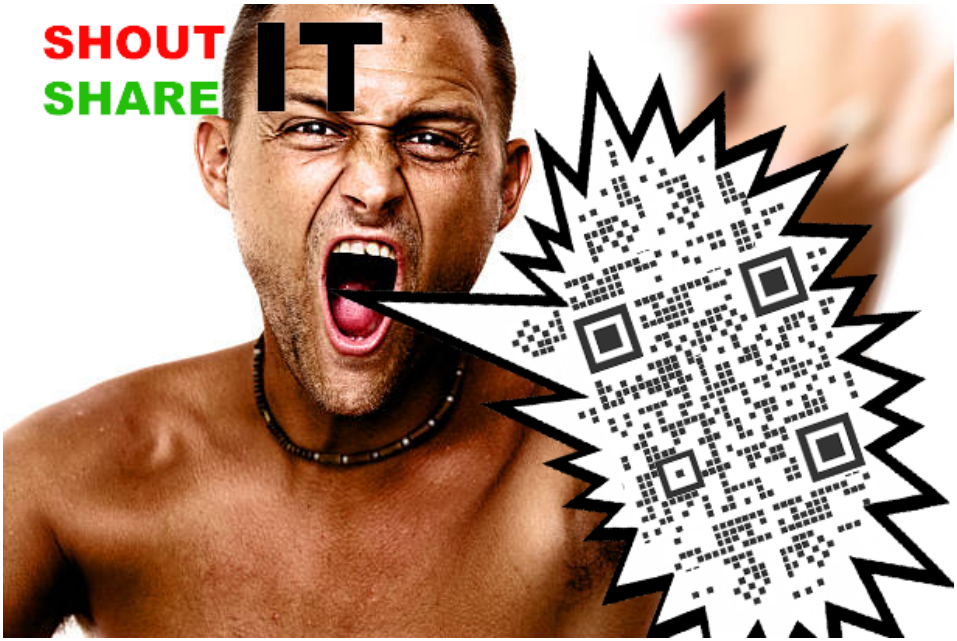
Владимир Мономах

Русская правда
Устав
Поучение

Не для этого мира тружусь, но для жизни вечной.

Великие правители


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

4 мая 2013 года исполнилось 900 лет со дня восшествия на киевский престол великого князя Владимира Всеволодовича, вошедшего в историю под именем Владимира Мономаха.

Выдающийся полководец, непревзойденный политик, мудрый законотворец, – Владимир Мономах (1053—1125) обладал также ярким писательским талантом. Возможно, именно поэтому его произведения пережили почти тысячу лет – чтобы во всем богатстве представить нам картину жизни наших славных предков.

Формально правление Владимира Мономаха продлилось недолго – всего двенадцать лет (1113—1125). Но мы знаем, что еще за много лет до вокняжения в Киеве Мономах играл заметную, а часто и решающую роль в управлении Киевской Русью – как при своем отце, великом князе Всеволоде Ярославиче (1078—1093), так и при дяде – Святополке (1093—1113). А после смерти Мономаха его дело достойно продолжил его старший сын Мстислав Великий (1125—1132). Вот почему полстолетия на рубеже XI—XII веков можно по праву назвать эпохой Владимира Мономаха.

Его правление стало высшей точкой древнерусской государственности. Никогда прежде – ни при его выдающемся деде Ярославе Мудром, ни при прадеде, крестителе Руси святом равноапостольном Владимире Святославиче, – Киевская Русь не достигала такой степени единения и мощи. Однако после вершины всегда начинается спуск. «Предвестьем льгот приходит гений – и гнетом мстит за свой уход», – сказал поэт. С уходом Владимира Мономаха солнце русской славы закатилось: началась эпоха феодальной раздробленности.

Но дела Владимира Мономаха не были забыты: его законы действовали, его труды служили образцом для лучших князей, а наставления, которые он оставил в Поучении сыновьям, учили стойкости, мужеству и правде грядущие поколения русских людей во времена испытаний и смут.

Наряду с Ярославом Мудрым и Александром Невским Владимира Мономаха до сих пор чтят как одного из величайших правителей в истории России, а его правление признают высшей точкой древнерусской государственности.

Электронная публикация включает полный текст бумажной книги и избранную часть иллюстративного документального материала. А для истинных ценителей подарочных изданий мы предлагаем классическую книгу. Как и все издания серии

«Великие правители» книга снабжена подробными историческими и биографическими комментариями. В книге великолепный подбор иллюстративного материала: текст сопровождают более 200 редких иллюстраций из отечественных и иностранных источников, с многими из которых современный читатель познакомится впервые. Элегантное оформление, прекрасная печать, лучшая офсетная бумага делают эту серию прекрасным подарком и украшением библиотеки самого взыскательного читателя.

- От Издательства
- Д. С. Лихачев. ВЕЛИКОЕ НАСЛЕДИЕ
- «ПОУЧЕНИЕ» ВЛАДИМИРА МОНОМАХА
  - Д. С. Лихачев. «Поучение» Владимира Мономаха[20]
  - Поучение
- РАССКАЗ О «ПУТЯХ И ЛОВАХ»
- ПИСЬМО ВЛАДИМИРА МОНОМАХА К ОЛЕГУ СВЯТОСЛАВИЧУ
- УСТАВ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА
  - Введение
  - Устав Володимира Всеволодича
  - Именной указатель
  - Список литературы
- Приложение 1. ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ
  - Введение
  - От рождения Владимира Мономаха до вокняжения отца его, Всеволода Ярославича, на Киевском престоле
  - Начало княжения Изяслава в Киеве
  - Начало княжения Всеволода в Киеве
  - Княжения Святополка
  - Начало княжения Владимира, сына Всеволодова
- Приложение 2. С. М. Соловьев. ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
- Приложение 3. Н. И. Костомаров. КНЯЗЬ ВЛАДИМИР МОНОМАХ
- Приложение 4. ТРУДЫ И ДНИ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА
- Приложение 5. РОДОСЛОВИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50

- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94

- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136
- ○ 137
- ○ 138

- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180
- ○ 181
- ○ 182

- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224
- ○ 225
- ○ 226

- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268
- ○ 269
- ○ 270

- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312
- ○ 313
- ○ 314

- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356
- ○ 357
- ○ 358

- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400
- ○ 401
- ○ 402

- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444
- ○ 445
- ○ 446

- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488
- ○ 489
- ○ 490

- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518

От Издательства

История Русского государства длинна, богата, разнообразна и до конца не изучена еще и сегодня. Ибо что такое «изучение истории»? Составление подробной хронологии? Определение значения тех или иных событий и периодов? Выявление закономерностей политических, экономических, культурных или этнических процессов? Ликвидация «белых пятен»? Есть макро– и микроистория; существуют специальные и вспомогательные исторические дисциплины – от генеалогии и геральдики до палеографии и археологии. Неисчерпаема и многообразна историческая литература: летописи, сказания, берестяные грамоты и граффити на стенах древних соборов обрастают комментариями и толкованиями, обзорные многотомники дополняются или опровергаются специальными монографиями, публикации архивных документов становятся бестселлерами, а исторические романы предлагают читателям смелые гипотезы. И ни на день не утихают споры о том, что считать историей России и даже с какого времени (года, столетия) следует вести отсчет.

История СССР в свое время в исторических учебниках начиналась с описания царства Урарту; сегодня мы узнали, что она началась в 1922-м и закончилась в 1991 году. До СССР почти два века существовала Российская империя (1721–1917), границы (и площадь) которой непрерывно расширялись, ей предшествовало Московское царство – или Московская Татария, как называлась она во многих зарубежных источниках. *(*Но мы знаем, что никакой Московской Татарии никогда не существовало, как никогда не существовало Византии.*)* А до этого ряд удельных княжеств, входивших в состав Орды, вели друг с другом непрерывные междоусобные войны. С ними граничили независимая Новгородская республика и Великое княжество Литовское, в состав которого входили Смоленск, Псков, Киев, Минск и которое вело войны с Новгородом, другими русскими княжествами и крымскими татарами. А до этого не было ни Орды, ни Москвы, а была Киевская Русь – от Новгорода до Тмутаракани и от Карпат до половцев, которые вытеснили со степного пограничья печенегов. А до нее, то есть до переноса в X в. столицы из Старой Ладоги в Киев, было государство Рюрика – Новгородская, или Поволховская, Русь. И так далее в глубь истории, где нет письменных источников, а только отрывочные находки археологов.

В. М. Васнецов. Владимир Мономах после охоты. *1881 г.*

Однако если отрешиться от чрезвычайно несходных – в зависимости от точки отсчета и системы координат – научных критериев, все мы более или менее интуитивно можем почувствовать, что именно считать русской, а что – нерусской историей. Прежде всего – это не история государственная: государств за последнюю тысячу лет только в европейской части (мы не говорим о Зауралье) можно насчитать не один десяток. Это также и не история национальная: великороссы как нация оформились в единую народность примерно тогда же, когда древнерусский язык разделился на белорусский, русский и украинский, то есть в XIV–XV веках. Это не история славянская: болгары, сербы и чехи никогда не входили в состав ни одной из древнерусских или средневековых русских земель; а литовцы и поляки, сколь долго ни находились бы в составе Российской империи, никогда не считали себя и не были ее неотъемлемой частью (хотя именно Литовская Русь граничила с Великим княжеством Московским).

На уровне ощущений, наверно, правильно будет считать «русской историей» историю Киевской Руси и ее преемников (что бы мы ни подразумевали под этим определением). Прибалтика, Кавказ, Крым, Средняя Азия не воспринимались русскими как

Россия, даже если они принадлежали России. А вот Сибирь – Россия! – просто потому, что, будучи сравнительно малозаселенной до русской экспансии, она в ходе колонизации утратила свою изначальную (весьма разнообразную, но очень хрупкую) аутентичность. Кто сейчас вспомнит, что древние коми-пермяки до начала колонизации русскими Предуралья занимали обширный район междуречья Камы, Вишеры и Колвы – несколько десятков тысяч квадратных километров!

В начале двухтысячных годов несколько сотен обрусевших коми-язьвинцев проживали всего в семи деревнях Красновишерского района Пермской области. Та же участь в большей или меньшей степени постигла остальные этносы, чью землю захватывали русские колонисты на протяжении последних пяти веков. Так что Сибирь и Дальний Восток – Россия. Но это относительно новые территории; если же нас интересует, «откуда есть пошла земля Русская», мы поневоле обращаем свой любопытствующий взор к X–XII векам – времени создания и распада первой по времени Русской державы.

Великий князь Рюрик, великий князь Игорь и Святополк Игоревич. «Династия Рюрика». *Роспись Грановитой палаты Московского Кремля*

История, как известно, – это люди. Каждый из нас, хочет он того или нет, вносит свой вклад в историю своей страны, своего

народа, своего времени. Но лишь немногие остаются в веках – кто с добрыми делами, кто со злыми. Великих князей, царей, императоров и генеральных секретарей разных партий, не говоря уж о наместниках и премьер-министрах, в русской истории было множество. Но имена лишь десятка-другого хоть что-то говорят сердцу простого гражданина, не занимающегося историей профессионально. Ярослав Мудрый и Нестор Летописец, Александр Невский, Юрий Долгорукий, Дмитрий Донской, Андрей Рублев, Иван Грозный, протопоп Аввакум, Степан Разин и Емельян Пугачев, Петр Великий и Екатерина Вторая, Суворов и Кутузов, Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский, Ленин, Сталин – вот персонажи, навечно занявшие место в пантеоне выдающихся личностей, оставивших неизгладимый след в нашей истории, хотя бы от них осталось всего несколько строк – как от основателя Москвы Юрия Долгорукого, про которого известно только, что «сей великій князь былъ… толстый, лицемъ бѣлый, глаза невелики, великій носъ долгій и накривленый, брада малая, великій любитель женъ, сладкихъ пищъ и питія, более о веселіяхъ, нежели о расправѣ и воинствѣ прилѣжалъ; но все оное стояло во власти и смотрѣніи вельможъ его и любимцевъ, и, хотя, несмотря на договоры и справедливости, многія войны начиналъ, обаче самъ мало что дѣлалъ, но больше дѣти и князи союзные: для того весьма худое щастіе имѣлъ и три раза отъ оплошности своей Кіева изгнанъ былъ»[1].

Но есть среди череды выдающихся деятелей отечественной истории такие, чей вклад в эту историю переоценить невозможно. Таков, к примеру, Владимир Святой, крестивший киевлян в 988 году. Таков и главный герой и автор предлагаемой вниманию читателя книги Владимир Всеволодович Мономах – великий князь киевский, выдающийся политик, военачальник, мыслитель и государственный муж, сделавший неизмеримо много для объединения и укрепления Русской державы и парадоксальным образом положивший начало ее феодальной раздробленности. Автор четырех знаменательных произведений – «Поучения», «Автобиографии», «Письма князю черниговскому Олегу Святославичу» и «Устава», он вошел в историю также как писатель, чьи труды оказали мощное практическое влияние на духовную, правовую и политическую составляющие русской жизни накануне монголо-татарского нашествия.

Д. С. Лихачев

ВЕЛИКОЕ НАСЛЕДИЕ

Д. С. Лихачев. ВЕЛИКОЕ НАСЛЕДИЕ

Сочинения князя Владимира Мономаха[2]

Русская литература XI–XII вв. удивительна по своему характеру. Почти каждый памятник литературы этой эпохи воспринимается как своего рода небольшое чудо. Правда, каждое из этих чудес в той или иной мере объясняется литературоведами: мы можем вскрыть его истоки в русских, византийских и других книжных традициях, в общественной жизни Руси, в исторической обстановке. Тем не менее каждый памятник в той или иной мере удивляет своей непохожестью на другие.

Сочинения киевского великого князя Владимира Мономаха, известные под наименованием «Поучения», написаны в конце XI – начале XII в.

«Поучение» дошло до нас совершенно случайно, в единственном списке, в составе Лаврентьевской летописи, которая рисковала сгореть вместе со списком «Слова о полку Игореве» в московском пожаре 1812 г. в собрании рукописей Мусина-Пушкина, но не сгорела только потому, что была взята из библиотеки Н. М. Карамзиным.

Можно быть совершенно уверенным, что если бы Лаврентьевская летопись сгорела, то «Поучение» Владимира Мономаха было бы объявлено подделкой и защитить подлинность его было бы гораздо труднее, чем сейчас защищать подлинность «Слова о полку Игореве». «Поучение» никак не отразилось в последующей русской литературе, оно нигде не упоминается; текст «Поучения» разрывает связный, цельный текст Лаврентьевской летописи в рассказе о событиях 1096 г. – это, казалось бы, явная вставка; частное письмо и автобиография Мономаха, которые имеются в «Поучении», необычны для литературы XI–XII вв. Объяснить, зачем понадобилось в конце XVIII в. сочинять «Поучение» Мономаха, можно было бы так: Мономах – родоначальник московских государей, его шапка – символ монархической власти, и его «Поучение» оправдывало ее. Можно было привести и много других аргументов в защиту идеи поддельности «Поучения». По счастью, рукопись сочинений Мономаха сохранилась, и никаких подозрений она не вызывает.

То, что мы называем «Поучением» Мономаха, по существу является своеобразным собранием его сочинений: здесь собственно «Поучение», его автобиография и письмо к князю

Олегу Святославичу. Молитва, приписываемая Мономаху и заключающая его сочинения, ему не принадлежит.

Особенно поражает и удивляет замечательное письмо Мономаха знаменитому Олегу Святославичу («Гориславичу», как называет его автор «Слова о полку Игореве» за то горе, которое он принес своими братоубийственными войнами Русской земле). Письмо это частное, личное. Обстоятельства, которые дали повод для написания письма, исключительны, и сама тональность письма, его содержание также совершенно исключительны и производят на современного читателя сильнейшее впечатление.

События, явившиеся поводом к письму Мономаха, разыгрались в 1096 г. В междоусобной битве с войсками Олега Святославича под стенами Мурома был убит сын Мономаха – Изяслав[3]. Тогда старший сын Мономаха князь Мстислав прислал письмо Олегу с требованием отступиться от незаконно захваченных Олегом Суздаля и Мурома и с предложением помирить Олега с Мономахом.

Владимир Мономах был женат на дочери последнего англосаксонского короля Харальда – Гите. И старший сын Мономаха, вступивший в переговоры с Олегом Святославичем, – Мстислав, и убитый Изяслав были внуками именно этого последнего англосаксонского короля, погибшего при завоевании Англии норманнами в битве при Гастингсе в 1066 г. Мстислав даже имел в честь своего деда второе, англосаксонское, имя – Харальд.

О судьбе Гиты и о ее влиянии при дворе Мономаха имеется подробное исследование академика М. П. Алексеева – «Англосаксонская параллель к “Поучению” Владимира Мономаха»[4], к которому я и могу отослать интересующихся.

Но вернемся к трагическим событиям 1096 г.

Свирепый князь Олег, враг Мономаха, всю жизнь проведший в походах, не уступил мирным предложениям Мстислава. Он попытался двинуть свои войска против Мстислава, но был разбит наголову в битве «на Кулачьце», бежал в Муром, в Рязань и далее – вон за пределы Руси.

Вторично обратился Мстислав к Олегу с предложением остаться в Русской земле, держась только своей отчины, и примириться с Мономахом: «Не бегай никамо же, но пошлися к братьи своей с мольбою, не лишать тя Русьскые земли: и яз пошлю к отцю молитися о тебе». Олег обещал послушаться, и Мстислав обратился к Мономаху с просьбой за Олега.

Вот в этих-то обстоятельствах Мономах и пишет письмо убийце своего сына.

О чем мог писать могущественнейший князь, владения

которого были тогда самыми обширными в Европе, своему заклятому врагу, потерпевшему страшное поражение? Преступление Олега было тем более ужасно, что убитый Изяслав приходился крестным сыном Олега. Со средневековой точки зрения, Олег был сыноубийцей. Он крестил Изяслава в один из коротких промежутков между войнами с Мономахом. Может быть, Мономах торжествует свою победу над ним? Может быть, он пишет ему злорадное письмо? Может быть, он ставит ему какие-либо условия и требует принести повинную, отказаться от своих прав на владения в Русской земле?

Нет! Письмо Мономаха поразительно. Я не знаю в мировой истории ничего похожего на это письмо Мономаха. Мономах прощает убийцу своего сына. Более того, он утешает его. Он предлагает ему вернуться в Русскую землю и получить полагающееся по наследству княжество, просит забыть обиды.

Письмо победителя Мономаха к своему побежденному врагу начинается в покаянном тоне: «О, многострастный и печальны аз!»[5] Мономах излагает повод, послуживший к написанию письма – убийство Олегом сына их обоих, – и высказывает мысль, что жизнь человеческая в руках Божиих (то есть – виноватых нет!), а затем пишет: «Егда же убиша детя мое и твое пред тобою, и бяше тебе, узревше кровь его и тело увянувшю (следовало бы тебе, увидя кровь его и тело увянувшее), яко цвету (цветку) нову процветшю, яко же агньцю заколену, и рещи бяше, стояще над ним, вникнущи в помыслы души своей: “Увы мне! что створих! И пождав его безумья, света сего мечетнаго кривости ради налезох грех собе, отцю и матери слезы”».

В трогательных выражениях просит Мономах отпустить к нему его сноху – молодую вдову Изяслава – «зане несть в ней ни зла, ни добра, да бых обуим (чтобы обняв) оплакал мужа ея и оны сватбы ею в песний место: не видех бо ею первее радости, ни венчанья ею, за грехы своя! А Бога деля пусти ю ко мне вборзе с первым сломь, да с нею, кончав слезы, посажю на месте (чтоб я, наплакавшись, поместил ее у себя), и сядет акы горлица на сусе (сухом) древе желеючи, а яз утешюся о Бозе».

Рюрик на памятнике
«Тысячелетие России» в Великом Новгороде

Мономах всячески подчеркивает, что он не собирается мстить Олегу: «Дивно ли, оже мужь умерл в полку (в сражении) ти? Лепше суть измерли и роди наши». Перед нами поразительная для своего времени переделка обычной воинской формулы ободрения воинов перед битвой: «аще мужь убьен есть на рати, то кое чюдо есть?»

Мономах очень смело переделал традиционную формулу ободрения воинов перед битвой здесь не случайно: Мономах ведь

обращается к суровому воину Олегу и стремится говорить с ним на понятном для него языке воина. Князья обычно говорили воинам перед сражением: «Что удивительного (разве это чудо?), что муж убит на войне?» Этим они стремились вселить бесстрашие в своих воинов. См. ободряющую речь, с которой обратился Даниил Романович к своим союзникам-полякам: «Почто ужасываетеся? Не весте ли, яко война без падших мертвых не бываеть? Не весте ли, яко на мужи на ратные нашли есте, а не на жены? аще мужь убьен есть на рати, то кое чюдо есть? инии же и дома умирають без славы, си же со славою умроша; укрепите сердца и подвигнете оружье свое на ратнее»[6].

Вместо побуждения к битве Мономах этой же формулой оправдывает свой отказ от мести за убитого сына и добавляет: «Неси ти ворожбит, ни местьник (я не враг тебе и не мститель)». Мономах готов добром отдать побежденному Олегу его волости.

Мономах призывает Олега вернуться в Русскую землю и начать княжить в своем наследственном княжестве. Больше того, Мономах просит его простить старую вражду.

Письмо написано с удивительной искренностью, задушевностью и вместе с тем с большим достоинством. Это достоинство человека, сознающего свою огромную моральную силу. Мономах чувствует себя стоящим над мелочностью и суетой политики. Он заботится о правде и о своей стране.

Письмо Мономаха должно занять одно из первых мест в истории человеческой Совести, если только эта История Совести будет когда-либо написана.

Если мы приглядимся ко всей политической деятельности Владимира Мономаха, ко всем его сочинениям, то убедимся в одном чрезвычайно важном факте: письмо его к Олегу не было вызвано случайным настроением или случайными политическими обстоятельствами (хотя какой случай может заставить победителя убийцы своего сына так полно, так искренне простить этого убийцу и отдать ему его владения?).

У Мономаха были отчетливые этические представления, целая этическая система в области политики. Эта этическая система его политики довольно полно выражена в двух его сочинениях: в том, что мы можем назвать собственно «Поучением», и в автобиографии, в которой он обсуждает события своей жизни с той же высокой моральной точки зрения, с какой написано и письмо к Олегу.

В исторической науке до сих пор остается неясным вопрос о том, представляла ли политическая деятельность Владимира Мономаха прогрессивное для своего времени явление или реакционное. К чему стремился Владимир Мономах:

«восстановить старый политический строй», «воскресить прошлое», как утверждают авторы «Очерков истории СССР», или укрепить новый политический порядок феодальной раздробленности?[7]

Феодальное дробление, начавшееся еще в X в., не означало собой полного распада Руси. Выделявшиеся из относительно единого Древнерусского государства княжества были связаны между собой феодальными отношениями, с одной стороны, санкционировавшими их относительную самостоятельность, а с другой стороны, объединявшими их взаимными обязательствами сюзеренитета-вассалитета. В эту систему вассалитета-сюзеренитета в качестве разрушительного начала вторгались княжеские раздоры. Усобицы князей было бы неправильно рассматривать как непременную часть самой системы феодальной раздробленности, – они были, напротив, ее нарушением и знаменовали собой ее неустойчивость, объясняемую как экономическими, так и чисто политическими причинами.

Княжеские съезды конца XI – начала XII в. выдвигают новый политический принцип суверенного существования каждого княжества (князья постановляют: «Кождо да держит отчину свою») и вместе с тем пытаются предотвратить окончательный распад развитием добровольных соглашений, системы съездов, совместными военными действиями, крестоцелованиями и т. д. Вот почему все увеличивается необходимость в моральном воздействии и все усиливается авторитет Церкви. Церковное влияние все больше подчиняет себе общественную мысль феодалов.

Сторонники феодального дробления феодального класса отнюдь не были сторонниками княжеских раздоров; напротив того, они стремились нейтрализовать невыгодные последствия дробления, отстаивали необходимость строгого выполнения отношений вассалитета-сюзеренитета, уважения к самостоятельности каждого княжества, постоянно прибегали к идеологической пропаганде против нарушения прав друг друга, обращались для этого к авторитету Церкви и к церковной учительной и житийной литературе. Именно в отстаивании прав каждого княжества на самостоятельное существование и, в связи с этим, в протесте против междукняжеских столкновений и посягательств на землю соседа и заключалась идеология сторонников феодальной раздробленности. Вот почему отнюдь нельзя согласиться с мнением тех исследователей (литературоведов в особенности), которые в каждом выступлении литературы против княжеских раздоров видели выступление

против феодального дробления Руси.

Общественная мысль верхов феодального общества пытается оправдать принципы суверенного существования каждого княжества, на которых зиждилось феодальное дробление, и вместе с тем не допустить раздоров. Защищая права феодалов на обособление, обосновывая необходимость строгого соблюдения прав вассалов и сюзеренов, оправдывая существование лестницы феодальных отношений, общественная мысль феодалов пыталась одновременно и оправдать обособленное существование каждого княжества, и удержать на моральной основе единство Русской земли, призывая князей к взаимному уважению прав и к строгому выполнению заветов христианской Церкви с целью прекращения раздоров.

Одним из таких идеологических средств, внушавших взаимоуважение прав, братство князей, мирное сосуществование старших и младших, явился культ братьев Бориса и Глеба.

События, вызвавшие канонизацию Бориса и Глеба, были связаны с нарушением феодальных отношений между князьями. Старший князь – Святополк – убил двух младших князей, Бориса и Глеба, безропотно выполнявших свои обязанности вассалов. Установление культа Бориса и Глеба прославляло строгое выполнение вассальных обязательств по отношению к сюзерену и осуждало сюзерена, нарушившего свой долг по отношению к своим вассалам, заподозрившего в вассалах своих соперников и убившего их. Политическая тенденция культа Бориса и Глеба ясна: укрепление государственного единства Руси при полном признании прав всех князей на свои отчины на основе принципа феодальной раздробленности страны[8].

Святые Борис и Глеб.
Новгородская икона. XIV в.

В самом деле, культ Бориса и Глеба неоднократно использовался для идейной защиты прав князя на свои вотчины. Когда сына Владимира Мономаха, Андрея Доброго, князья пытались изгнать из его вотчины и дать ему вместо Переяславля Курск, он сказал: «Отець мой Курьске не седел, но в Переяславли. И хочю на своей очине смерть прияти. Оже ти, брате, не досыти, всю землю Русскую держаще, а хочешь и сее волости, а убив мене

– тобе то волость, а жив не иду из своее волости. Обаче не дивно нашему роду, тако и преже было же. Святополк про волость же ци не уби Бориса и Глеба, а сам ци долго поживе»[9].

В другом случае и при других обстоятельствах, перефразируя слова из «Жития Бориса и Глеба», летописец говорит: «Лепо жити братьи единомыслено укупе, блюдучи отецьства своего»[10]. Под «отецьством» и здесь подразумевается летописцем вотчина. Примеров такого рода можно было бы привести немало. Характерно, что культ Бориса и Глеба особенно расцветает во время Владимира Мономаха, официально его поддерживавшего. При Владимире же Мономахе создается и «Повесть временных лет» с ее центральной политической идеей братства всех князей. Согласно «Повести временных лет», все русские князья – представители одного княжеского рода, восходящего к единому родоначальнику – Рюрику. Все князья – братья, но братья не равные между собой, а старшие и младшие. Старшие должны уважать права младших, младшие же – выполнять свои обязанности по отношению к старшим.

Сам Владимир Мономах, конечно, представитель новой идеологии, оправдывавшей новый, провозглашенный на Любечском съезде принцип – «кождо да держит отчину свою», признавший факт раздробления Руси.

Мономах во всех случаях подавал свой голос за упорядочение государственной жизни Руси на основе нового принципа и стремился предотвратить идейной пропагандой те княжеские раздоры, которые в новых условиях могли только усилиться. Призыв к единению против общих врагов – половцев, к прекращению раздоров между князьями не был в его устах призывом к старому порядку. Сторонников раздоров самих по себе никогда не существовало. Раздоры князей были естественным следствием нового положения вещей, но следствием, против которого выступали (внешне по крайней мере) и сами враждующие стороны.

Владимир Мономах стремился к объединению усилий всех русских князей по укреплению могущества Русской земли, но к объединению на основе принципа, провозглашенного Любечским съездом.

Владимир Мономах отчетливо сознавал, что новому принципу общего владения Русской землей необходимо было создать моральный авторитет. Это было тем более необходимо, что сразу же вслед за Любечским съездом вновь начались кровавые раздоры князей. Нужна была идеологическая пропаганда новых идей. Задачам этой пропаганды служит культ Бориса и Глеба, летописание, усиленно поддерживавшееся

Владимиром Мономахом, и, наконец, собственные произведения самого Владимира Мономаха.

В своей политической деятельности Мономах с особенной энергией призывал соблюдать крестоцелование. Это был не простой призыв к честности, а установление самой сути системы: ведь целует крест не только побежденный победителю, но и сюзерен своим вассалам, а вассалы ему: все князья – постоянно договаривающиеся стороны. На договорных условиях пытался Мономах организовывать совместные походы русских князей против половцев, стремился добиться их организации путем уговоров, созывов княжеских съездов, на которых всегда выступал против раздоров и за активную оборону Русской земли. Кроме того, в новых условиях необходимо было упорядочить феодальную эксплуатацию в интересах всего феодального класса, остановить отдельных излишне усердствовавших в этом феодалов. Одним словом, недостаток объединяющей политической силы киевского князя и недостаток экономических связей необходимо было бы в некоторой степени возместить силой моральной.

Мономах был одним из создателей идеологии периода феодальной раздробленности – идеологии, обосновывающей и оправдывающей совершившееся и совершающееся дробление Руси между отдельными княжествами и вместе с тем безуспешно стремящейся устранить путем моральной проповеди бедственные последствия этого дробления. В своих произведениях Мономах пытался опереть новую политическую систему на христианскую мораль, на строгое выполнение договорных условий, на совместное решение основных вопросов на княжеских съездах, на взаимное уважение к правам младших и старших.

В конечном счете вся новая система должна была опираться на моральную дисциплину, на идеологию. Вот почему этой идеологии Мономах и придал такое большое значение, заботясь о писателях, покровительствуя летописанию, укрепляя Церковь, развивая культ Бориса и Глеба, поддерживая Киево-Печерский монастырь и лично занимаясь писательской деятельностью. Новую идеологию и новый принцип Мономах пытался сделать тем стягом, с помощью которого он мог бы руководить дружиной князей-братьев.

Таким образом, высокая мораль была потребностью распадающегося общества. Ее появление было вызвано глубокими историческими причинами.

Моральная сила должна была заменить силу государственную.

Чрезвычайно важно проследить, как тема необходимости

морального упорядочения нового политического строя пронизывает собой все сочинения Владимира Мономаха: его «Поучение», автобиографию и письмо к Олегу.

Повод, по которому написано «Поучение», отмечен самим Мономахом: к нему пришли послы его братьев с предложением выступить против князей Ростиславичей и выгнать их из отчины. Владимир Мономах опечалился этой попыткой нарушить новый порядок, раскрыл Псалтырь, нашел в ней утешение, а затем написал свое «Поучение» – к детям и к «иным, кто его услышит». Под этими «иными» Мономах явно разумел всех русских князей. Именно к князьям обращены «Поучение» и другие примыкающие к нему «списания». Он учит в своем «Поучении» князей и военному искусству, и искусству управления землей, призывает их отложить обиды, не нарушать крестного целования, довольствоваться своим уделом, не доверять тиунам[11] и воеводам и т. д. Мономах широко обращается к церковному авторитету, пользуется общехристианскими моральными правилами, традиционными дидактическими приемами, но только для единой, главной цели – призвать князей к строгому выполнению нового политического принципа.

«Поучение» начинается с тех слов Псалтири, которые он нашел в ней и которые как бы ответили его мыслям: «Не ревнуй лукавнующим (то есть не соревнуйся со злодеями), ни завиди творящим безаконье, зане (потому что) лукавнующии потребятся (то есть истребятся, погибнут), терпящий же Господа – ти обладають землею». Эта мысль развивается Мономахом особенно подробно, здесь явно имеются в виду князья-современники. Он призывает их довольствоваться малым: малое у праведника лучше многих богатств нечестивых, нечестивые обнажают меч и натягивают лук свой, чтобы низложить бедного и нищего, чтобы пронзить идущих прямым путем: меч их войдет в их же сердце, и луки их сокрушатся (вольное переложение псалма 36). Практическое применение всех этих мыслей псалма в феодально-княжеской практике XII в. означало только одно: каждому князю довольствоваться своей отчиной, хотя бы и малой, как бы законны ни казались ему его права на землю соседа.

Б. А. Чориков. Святополк I Окаянный. 1019 г.
Литография к книге «Живописный Карамзин, или Русская история в картинках». 1836 г.

Как мы уже отметили, раздел Русской земли между князьями и был ее разделом между равными. Князья находились между собой в отношениях вассального подчинения – среди них были и старшие, и младшие. Мономах учит соблюдать эти отношения: младшим уважать старших, а старшим покровительствовать младшим, опять-таки пользуясь церковной литературой. При старых следует молчать, премудрых слушать, старейшим покоряться, с равными и меньшими любовь иметь и умерять «увлекающихся властью». Это выражение – «не уклоняться учить

увлекающихся властью» («не стрекати учить легких власти»), самая идея того, что власть «увлекает», – замечательны.

Обращаясь к своим читателям, Мономах говорит: «Лишаем не мьсти, ненавидим люби, гоним терпи, хулим моли, умертви грех. Избавите обидима, судите сироте (праведно судите обездоленных, крестьян), оправдайте вдовицю» – последние слова этой тирады, призывающие избавить обиженного, дать суд сироте (под «сиротами» обычно разумелись крестьяне)[12] и оправдать вдовицу, могли опять-таки относиться только к князьям, «увлекающимся властью», чрезмерной эксплуатацией и тем разрушающим ее планомерность. Мономах вовсе не был прекраснодушным «смердолюбцем». Его социальная политика была той же политикой упорядочения нового строя, обуздания отдельных зарывавшихся феодалов, нарушавших во имя личных интересов интересы всего феодального класса в целом.

От авторитета христианской морали Мономах обращается в «Поучении» к тому назидательному примеру, который подает человечеству устройство мироздания, и здесь проводит ту же мысль о необходимости каждому довольствоваться своим уделом: природа разнообразно и чудно устроена: среди человеческих лиц нет и двух одинаковых, птицы небесные, расселяясь весной из рая по всей земле, находят каждая свое место «и не ставятся на единой земли, но и сильныя и худыя идут по всем землям Божиимь повеленьемь».

Птицы здесь, конечно, дают моральный образец для поведения князей. Птицы довольствуются своим уделом, каждая из них находит свое место, хотя среди них есть сильные и «худые»[13].

Новый политический порядок держания земли многими князьями-вотчинниками мог стеснить свободу передвижения по ней, свободу торговли, и вот Мономах особенно настаивает на том, чтобы не обижать путешествующих: куда вы пойдете и где станете станом – «напойте, накормите» убога и странна (странника) «и боле же чтите гость, откуду же к вам придеть, или прост, или добр, или сол» (простой человек, знатный или посол), «и человека не минете не привечавше (не поприветствовав его) – добро слово ему дадите».

Автобиография Мономаха подчинена той же идее миролюбия. В летописи своих походов Владимир Мономах приводит следующий выразительный пример княжеского миролюбия. На Мономаха пришел походом Олег с Половецкою землей. Мономах заперся в Чернигове, и билась дружина его восемь дней из-за рва, не впуская противников в острог. Мономах мог обороняться и еще, но, сжалившись «хрестьяных душ и сел

горящих и манастырь», сказал: «Не хвалитися поганым» – и отдал Олегу Чернигов, а сам пошел в Переяславль. Это было сделано Мономахом не только с целью установления мира, а и с целью сохранения принципа «кождо да держить отчину свою»: ведь «отчиной» Олега был Чернигов, а отчиной Мономаха был именно Переяславль.

Вот почему Мономах и отметил: «А сам идох на отца своего место Переяславлю». Выезду своему из Чернигова Мономах придал патетическое значение, изобразив его в сильных выражениях и не случайно связав его с памятью Бориса и Глеба, культ которых, как я уже сказал, был тесно связан с новыми идеями: «И выидохом на святаго Бориса день ис Чернигова, и ехахом сквозе полкы Половьчские не в 100 дружине, и с детми и с женами, и облизахутся на нас (половцы) акы волци стояще и от перевоза и з гор, Бог и святый Борис не да (не дал) им мене в кориcть (добычей)».

Письмо к Олегу, о котором мы говорили вначале как об образце высокого уровня морального идеала, посвящено, следовательно, той же теме: с помощью христианской морали установить новые политические отношения между князьями–«братьями»: отношения полной личной уступчивости друг другу.

Владимир Мономах дал в своем письме к Олегу образец того, как надо прощать противнику даже смерть сына, – ибо смерть невозвратима, заботу же необходимо проявлять только о живых. Вот почему письмо к Олегу тесно примыкает к «Поучению» и по содержанию, и по ходу изложения. Оно как бы продолжает заключительные слова «Поучения», где Мономах говорит: «А иже от бога будет смерть, то ни отец, ни мати, ни братья не могут отъяти». Не мог отнять у смерти своего сына и Владимир Мономах. Не исключена возможность, что свое смелое и сильное письмо именно сам Владимир Мономах присоединил к «Поучению» в качестве практического образца нового поведения.

Как и «Поучение», оно, следовательно, обращено ко всем русским князьям. Вместе с тем Владимир Мономах понимал, что последовать примеру, который он излагал в своем письме к Олегу, могли далеко не все князья. Может быть, именно поэтому писал он в начале своего «Поучения»: «Аще вы последняя не люба, а передняя приимайте». «Последняя» в самом «Поучении», то есть походы и княжеские «ловы», отнюдь не могли быть «не любы» князьям, но последнее из «словец» – из сочинений Мономаха – его письмо к Олегу могло действительно показаться чересчур требовательным к морали князей и потому невыполнимым.

Громадная политическая тема – подкрепить моральной дисциплиной новый политический строй – была разрешена в

«Поучении» с удивительным художественным тактом. Весь тон «Поучения» – задушевный, почти лирический, иногда несколько старчески суровый и печальный – строго соответствует тому определению, которое сам Мономах дал в начале своего «Поучения», когда писал, что, отпустив послов своей братьи, пришедших к нему с бесчестным предложением выступить против Ростиславичей, он «в печали» взял Псалтирь, а затем собрал «словца си любая и складох по ряду и написах». Вынувшийся Мономаху стих из Псалтири: «Векую печалуеши, душе?», «будучи обращен к гадающему, как бы сам собой присваивал его душевному строю названье печалования; а слово это на языке той эпохи значило много больше, чем значит теперь»[14],– к этому верному наблюдению исследователя «Поучения» – В. Л. Комаровича[15] добавим от себя, что слово «печалование» имело в Древней Руси именно тот политический оттенок, который требовательно лежит на всем «Поучении». Печалование означало заступничество старших за младших и обиженных.

Как моралист, Мономах не гневается на ослушников, – он не патетичен, не риторичен, не считает себя безупречным образцом для всех. Он печален, он грустно размышляет, он беседует с читателями и этим удивительно располагает к себе.

Конечно, моральный идеал Мономаха и художественные достоинства его сочинений не могли возникнуть сами по себе на основе одних лишь общественных потребностей. Громадную роль сыграли обширные книжные традиции Киевской Руси.

В своем «Поучении» Владимир Мономах выказывает большую начитанность в церковно-учительной литературе. Можно указать десятки примеров, когда «Поучение» Мономаха оказывается близким различным наставлениям «к детям», тем или иным местам из творений отцов Церкви (в частности, особенно Василия Великого), различным поучениям из «Пролога», отдельным произведениям византийской, средневековой латинской и даже англосаксонской литературы.

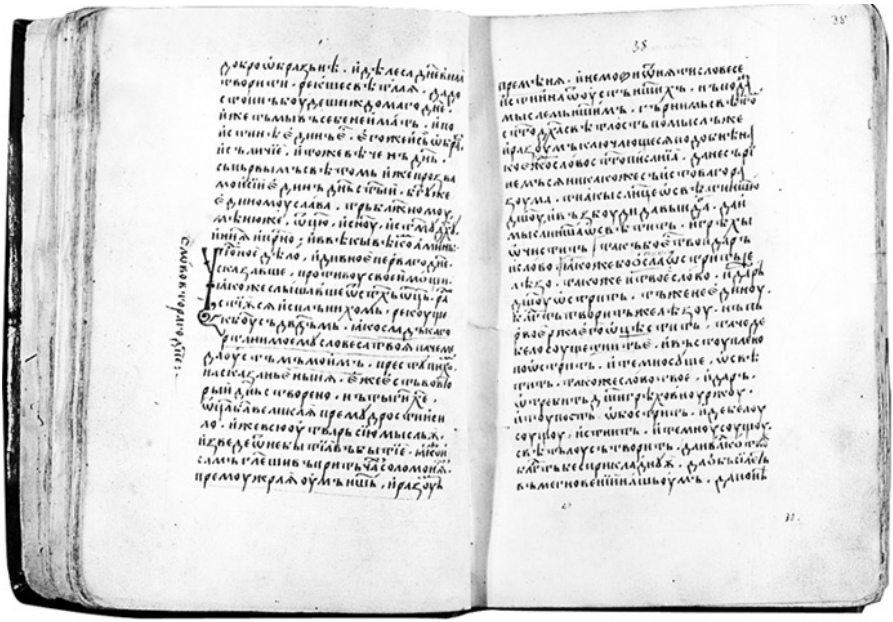
Сначала идут выписки из покаянных псалмов, читаемых в церкви накануне Великого поста и в первые его недели, затем выдержки из «Поучения» Василия Великого, из одного поучения, включаемого в русские прологи XII–XIII вв., из пророчеств Исаии и из молитвословий, читающихся в «Триодях».

Особенно тесно примыкает «Поучение» Мономаха к псалмам Давида, которые он обильно цитирует. Мономаха и Давида связывала между собой общность положения царственных поэтов и общность настроений: оба ощущали тяжесть своей ответственности, стремились основать свое управление на моральных принципах, совестливо относились к своим поступкам.

Далее, «Поучение» тесно примыкает к «Шестодневу» Иоанна Экзарха.

Приведя выдержки из Псалтири, живописующие величие Божественного домостроительства, Мономах пишет, обращаясь к Богу… «Иже кто не похвалить, ни прославляеть силы Твоея и Твоих великых чюдес и доброт, устроенных на семь свете: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звезды, и тма и свет, и земля на водах положена, Господи, Твоим Промыслом! Зверье розноличнии, и птица, и рыбы украшено Твоим Промыслом, Господи! И сему чюду дивуемъся, како от перси (из праха) создав человека, како образи розноличнии в человечьскых лицих, – аще и весь мир совокупить, не вси в один образ, но кыи же своим!»

Наиболее вероятный источник цитированного места «Поучения» Владимира Мономаха отыскивается все же в «Шестодневе» – в переводе и переработке Иоанна Экзарха Болгарского. «Шестоднев» Иоанна Экзарха был весьма популярен в древнерусской литературе. Это одна из самых поэтических книг в мировой литературе. Изучение влияния «Шестоднева» на русскую литературу XI–XIII вв. представит в будущем очень большой историко-литературный интерес.



Шестоднев Иоанна Экзарха

Компилятивный труд философско-богословского характера болгарского писателя конца IX — начала XX в. Иоанна Экзарха, составленный по образцу «Шестоднева» Василия Кесарийского, содержит православное истолкование библейского учения о мироздании (о шести днях Творения мира Богом).

Отметим, что влияние «Шестоднева» Иоанна Экзарха на «Поучение» Владимира Мономаха касается не только общего смысла размышлений по поводу мудрости Божественного мироустройства, но и самой стилистической манеры восхищения перед разнообразием мира: нагромождение риторических вопросов и восклицаний, перечисления и постановка глаголов в конце предложений: «И како не хотять радоватися възнекающии того, и разумевше, кого деля се есть, небо солънцемь и звездами украшено; кого ли ради и земля садом, и дубравами, и цветомь утворена, и горами увяста (увенчена); кого ли деля море, и рекы, и вся воды рыбами исплънены; кого ли делма ради (ради кого) само то царство уготовано, таче разумевьше яко же не иного

никого же цеща (никого же ради), но тех, како се не имуть радовати и веселити славещеи к тому нужна темь и се помыслити, кацемь суть сами образом сътворени…» (л. 1)[16].

Особенно ярко совпадение «Шестоднева» с «Поучением» в рассуждении о разнообразии человеческих лиц: «Аще и сего не разумееши, – пишет Иоанн, – откуду изидоше образи, и чудиши се божий твари, яко толико много-чисме, ти в толиках несведех личьных, ти на едино подобъство несть истое; аще и до края земле доидеши ище то, – не обрещеши; аще ли и обрещеши, то будет, или носом неподобьн, или очима, или инемь чим многащи же да се и чюдно явит и блазне те се родите от единое утробы – тоже не будете подобьне саме к себе, таче не бывьшю толику многу образ нъ повелением изведену бывьшу…» (л. 155)[17].

Восхищение разнообразием человеческих лиц являлось признанием ценности человеческой личности самой по себе. В устах главы государства это восхищение разнообразием человеческих лиц означало признание права человека на индивидуальность, права быть самим собой – права, столь часто отрицаемого «увлекающимися властью». И не случайно Мономах писал в своем «Поучении» князьям: «Не давайте сильным губить человека», «больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны». «Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите». «Не уклоняйтесь учить увлекающихся властью ни во что ставить всеобщий почет».

Есть в «Шестодневе» Иоанна Экзарха и основная политическая мысль «Поучения» – каждый должен довольствоваться своим уделом, не завидовать чужому и не покушаться на достояние соседа. В «Поучении» эта мысль проводится на примере поведения птиц, в «Шестодневе» – на сходном примере из жизни рыб.

Говоря о разнообразии рыб, среди которых есть не только сильные, но и «худые», Иоанн Экзарх замечает, что «и великы живот (зверь) и малы» созданы повелением Божиим: «Единем же то повелением Божием все родило се – и великое и малое» (л. 162). Рыбы живут в разных местах и разным обычаем – каждая рыба находит свое место: «В сих рыбах сут овы по ширине плавающе, а другые по краю, а другые по глубине, а другые по камением. О вы же стады ходет, а другые разно. И кити еже сут леже си без года велици и дробнице малые. Все то равном повеленьем: и великы живот, и малы» (л. 165).

Владимир Мономах заменил только поучительный пример морских рыб примером с птицами, которые весной расселяются по всей земле и каждая находит себе место. Сделано это было Мономахом потому, что пример этот был более понятен русскому

читателю, которому не были знакомы морские рыбы и их поведение. Русь была далека от морей.

Иоанн Экзарх указывает в «Шестодневе», подобно тому как это сделал впоследствии Владимир Мономах в своем «Поучении», что каждый человек должен быть доволен своим уделом, как довольны им животные, и не претендовать на землю соседа: «… подобает и подражати их; како ти родове рыбнии: кыждо, акы разделивъше места, друг другу не отемлет их, нъ своем кождо пределе живет. Никы же землемерець в них разделил жилища их, ни стенами обьставлена сут, нъ само о себе коемуждо на потребу отлучено ест… нъ мы несм таци, иже отнемлем уставы вечные, юже суть положили отци наши урубьяем земь (присоединяем землю), съкупьяем дом к дому и село к селу да от въскраинеаго отимем» (увеличиваем земельные владения, прикупаем дом к дому и село к селу, и от соседа отнимаем) (л. 168).

Находит себе аналогию в «Шестодневе» и другая мысль «Поучения» – «леность бо всему мати». Обращаясь к читателю, Иоанн пишет: «А ты что речеши в празни (в лености) тако живы; празьнь (ленивый) же злу делу начело» (склонен к злому делу) (л. 170).

В «Поучении» можно найти и иные следы знакомства его автора с «Шестодневом» Иоанна Экзарха. По-видимому, Владимир Мономах хорошо знал «Шестоднев» и опирался на него не только в своих сведениях о природе или в своих размышлениях о красоте и мудрости мироустройства, но и в своих общественных взглядах, пропагандируя новый политический порядок держания земли многими князьями-вотчинниками, провозглашенный Любечским съездом 1097 г.

Однако нет ни одного произведения до XII в., в котором поучение было бы до такой степени слито с автобиографическими моментами, пронизано таким сильным личным чувством, столь прочно соединено с бытом и со всей эпохой. Это произошло потому, что «Поучение» было выстрадано Мономахом, оно было теснейшим образом связано с собственной политикой Мономаха, с утверждением нового политического принципа разделения Руси на ряд княжеств-вотчин.

Ввергнутый в водоворот княжеских междоусобиц, Мономах писал свое «Поучение» со всей страстностью политического бойца, готового личным примером отстаивать новый политический строй от попыток нарушения его отдельными князьями. Если мы вспомним, с какою поистине страстной терпимостью – терпимостью, за которой чувствуется мучительная борьба с самим собой, – Мономах решил пойти на примирение с убийцей своего сына, чтобы отстоять новый принцип

политического разделения Руси, то мы поймем и проникнутый сильно выраженным чувством самый тон его «Поучения», столь необычный для литературных произведений того времени.

Страстная политическая целенаправленность «Поучения» Владимира Мономаха, тесная связь его с политическими событиями его времени, последовательное проведение в нем единой политической идеи, правда замаскированной порой религиозной формой, делает его одним из самых значительнейших публицистических произведений на Руси. На «Поучении» лежит налет трагизма, сказавшегося в его несколько скорбном тоне и вызванного недостижимостью того политического идеала, к которому стремился Мономах, даже в его личном поведении: Мономах, вопреки собственным наставлениям, был втянут в усобицы князей, нарушал клятвы и обязательства, действуя порой под влиянием реальной необходимости.

Конечно, политическая деятельность самого Владимира Мономаха отнюдь не всегда была безупречной в моральном отношении. В его деятельности были и случаи коварства, и нарушения обещаний, и жестокого обращения с населением захваченных городов…

Все это так! И при всем том Мономах умел отказаться от незаконно захваченного, умел признавать свои ошибки, умел, как в случае с Олегом, отступиться от результатов победы, простить заклятому врагу, не боясь потерять престиж силы, во имя приобретения престижа морального.

Мономах внес сильное и высокое этическое начало в свою политическую деятельность. Он писал сочинения, открыто обсуждал свои поступки с этической точки зрения, признавал открыто, перед лицом всех, свои ошибки, не побуждаем никем и ничем, во имя одной только правды. Он проповедовал свою политическую и этическую систему на княжеских съездах, стремился действовать уговорами. И ему многое удалось сделать.

Его пример удивителен.

Идеалом политического устройства Руси казалось ему политическое расчленение всей земли между князьями, но без раздоров и без распада: гармония «сильных» и «худых» на основе строгого соблюдения обязательств вассалитета-сюзеренитета. Ему рисовалось мудрое устройство мира, в котором все князья находили бы свое место, обладали бы обособленными отчинами и объединялись бы для совместных действий против внешних врагов княжескими съездами, блюли бы смердов и сдерживались моральными нормами от посягательств на отчины друг друга и на «жизнь» (богатства) смердов.

В своем политическом идеале Мономах не был одинок: это был политический идеал феодалов времени раздробленности Руси, вступавший в резкие противоречия с жизнью, постоянно напоминавшей о себе нарушениями крестоцелований, усобицами князей, набегами половцев, против которых все труднее и труднее было собирать союзные рати князей.

Итак, уже на основании этих данных можно думать, что Мономах отнюдь не «тянул назад», к политическим порядкам X – начала XI в., а был убежденным и страстным идеологом нового, пропагандировал новую систему управления землей, стремился моральной проповедью сгладить политические недостатки системы и защищал самую систему. Его «Поучение» – отнюдь не обычное рассуждение о необходимости соблюдать христианскую мораль и быть благоразумным в своем поведении, а темпераментный политический трактат, отстаивающий необходимость соблюдать новый принцип – «кождо да держит отчину свою». В этом трактате удивительно слиты этическая система и эстетическая, исповедь с элегическим тоном. Естественными и закономерными представляются обращения Мономаха к лирике псалмов Давида, к философским размышлениям в «Шестодневе» Иоанна Экзарха Болгарского и даже отчасти к русской народной лирике.

Я уже сказал, что Владимир Мономах был только одним из тех авторов, которых волновала этическая сторона государственной деятельности.

После Владимира Мономаха этические сомнения особенно сильно мучили героя «Слова о полку Игореве» – Игоря Святославича Новгород-Северского.

Летописец дважды вкладывает в уста Игоря Святославича покаянный счет своих княжеских преступлений. На поле битвы, когда Игоря пленили и связали половцы, Игорь вспоминает всю свою прежнюю деятельность: «Помянух аз грехы своя перед Господем Богом моим, яко много убийство, кровопролитие створих в земле крестьянстей»[18]. Вторично кается Игорь, находясь в плену у хана Кончака.

Портрет царя Ивана IV Васильевича Грозного.
Гравюра неизвестного западноевропейского мастера. XVI в.

Период феодальной раздробленности поставил вопрос об этическом ограничении государственной власти. Иное наступило в XVI в., с образованием единого централизованного государства. Государство взяло на себя решение всех этических вопросов за своих граждан, казнило людей за отступление от этических норм всевозможного порядка. Возникла страшная этическая система

Грозного. Как и Мономах, он сам пишет и сам проповедует свою систему. Этическая система Грозного поставила государство и государственные интересы над личностью.

В отличие от Владимира I Святославича, он казнил «разбойников» «со испытом» и «без испыта». Казнь стала для него одним из основных приемов утверждения государственного начала, утверждения власти и порядка. Ответственность за все должен нести сам монарх. Он отвечает не только за ограниченный круг антигосударственных действий и явных преступлений. Он отвечает за благочестие своих подданных, за их нравы, за устроение их быта, за все мелочи их поведения – в узком кругу семьи, в сугубо личных делах. Государство, с точки зрения Грозного, отвечает за все перед Богом и должно пресекать всякие отступления от этических норм во всех сторонах жизни.

Грозный взял на себя невероятный груз ответственности. Он залил страну кровью во имя соблюдения этических норм или того, что ему казалось этическими нормами. Но он не выдержал этого груза. Если Мономах был все время в конфликте со своей совестью, так как чувствовал, что он не может достаточно последовательно провести свою этическую систему, то Грозный тоже был в конфликте со своей совестью, но уже по другому поводу. Он как бы сомневался в правильности своих принципов. Он слал поминки, поминальные списки по монастырям, просил молиться за казненных им. И в эти списки включались им не отдельные лица, в правильности казни которых он имел те или иные основания сомневаться, а все им казненные подряд. Это означало, что он был не уверен в правильности своих принципов в их целом. Он взял на себя слишком много. Его трагедия ужасна. Это трагедия была не только трагедией Грозного. Пушкин почувствовал эту трагедию и в Борисе Годунове.

Еще одна этическая система, на которую особенно необходимо было бы обратить внимание, – это система Аввакума. Она выросла на идеях эмансипации личности, характерных для XVII в., и противостояла этической системе Грозного. Не глава государства, с точки зрения Аввакума, ответствен за всех своих подданных, а каждый человек – за все государство в целом и за всех людей, и за себя в первую очередь[19]. Поэтому Аввакум развенчивает представления о государе как об исключительной личности, имеющей право брать на себя ответственность за всех. Он показывает царя слабовольным и глуповатым, падким на лесть и неумеренные восхваления.

Аввакум также развенчивает представления о патриархе и епископах. Он взывает к ответственности всех за все и поэтому придает огромное значение слову, проповеди, силе убеждения.

Долг каждого – мучиться до смерти, пока существует на земле грех и неустойчивость в вере. Мученичество – единственное, что избавит человека от конфликта с его совестью. Это была этическая система бунтаря, этическая система необычайной действенности и динамичности. Это была реакция на систему государственного подавления личной ответственности каждого за себя и за других – система такой же нетерпимости и еще большей страстности.

Система Владимира Мономаха опиралась на лирику другого царя и псалмопевца – Давида, на его самоотречение государственного человека. Она опиралась в известной мере даже на народную лирику. Лирическое начало было в высшей степени свойственно Мономаху – и тогда, когда он вспоминал о своем возрасте, и тогда, когда он вспоминал свой жизненный путь, и тогда, когда он молил своего врага о примирении, и тогда, когда он просил его вернуть ему жену покойного сына.

Система Грозного опиралась на риторику. Она глушила совесть пышностью слов или силой бранных выражений. Он был многоречив, так как боялся, что в нем заговорит совесть, если он остановится. Цитатами из Священного Писания, из отцов Церкви, манерой говорить «целыми паремиями и посланиями» (выражение о нем его противника – Курбского) он хотел создать впечатление своей убежденности. Его пышные обличения были продолжением и одной из форм его пышных казней.

Система Аввакума сбрасывала покровы пышности со всего. Это была система почти натуралистического обнажения действительности. Он восстал против превознесения царя, против превознесения государственного начала во имя ответственности всех и за все – самого последнего человека и за самых последних людей. В его системе ценность человеческой личности была восстановлена независимо от занимаемого ею положения в государстве и в Церкви. Поэтому система Аввакума нашла себе наиболее полное выражение в просторечии, в конкретности, в народном языке, в разговорных формах. Он сбрасывал с человека всякую парадность, показывал его в наготе и восстанавливал его ценность самого по себе, независимо от его положения в обществе.

Я только бегло коснулся вопроса об этических системах в древнерусской литературе и их связях с эстетическими представлениями их авторов. Следует вообще сказать, что русская литература постоянно уделяла большое внимание этическим вопросам. Проблемы этической ответственности человека постоянно занимали в ней самое важное место. Вспомним Радищева, Достоевского, Толстого, Леонида Андреева, Горького и

многих других. Это одна из специфических, национальных черт русской литературы. И проявлялась эта черта уже в первые века ее существования.

«Поучение»
Владимира Мономаха

«ПОУЧЕНИЕ» ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Д. С. Лихачев. «Поучение» Владимира Мономаха [20]

«Поучение» Владимира Мономаха читается только в Лаврентьевской летописи. Здесь оно искусственно вставлено между рассуждением о происхождении половцев и рассказом о беседе летописца с новгородцем Гюрятой Роговичем. В других летописях текст, разделенный в Лаврентьевской летописи вставкой «Поучения», читается без всякого разрыва (см. Ипатьевскую, Радзивиловскую и другие летописи).

А. А. Шахматов дает следующее объяснение, почему «Поучение» было вставлено в Лаврентьевскую летопись в середину статьи 1096 г. В «Поучение» вставлена летопись походов Мономаха, очевидно, им составленная. Эта летопись доведена до похода Владимира Мономаха на Ярослава Святополчича, относящегося к 1117 г. Отсюда ясно, что «Поучение» не могло быть вставлено в летопись ранее этого года. «Поучение» доведено (в части этой летописи) до того же года, что и третья редакция «Повести временных лет» 1118 г. По-видимому, «Поучение» попало в Лаврентьевскую летопись именно из этой третьей редакции «Повести временных лет» вместе с последующим рассказом о беседе летописца с новгородцем Гюрятой Роговичем.

Как известно из работ А. А. Шахматова, текст Лаврентьевской летописи представляет собой соединение второй редакции «Повести временных лет» с третьей редакцией Мстислава Владимировича, старшего сына Мономаха, к которому как к наследнику киевского стола (в 1118 г. Мстислав был вызван Мономахом из Новгорода и готовился занять киевский стол по смерти отца) и было прежде всего обращено «Поучение». Почему же «Поучение» было перенесено именно сюда, под 1096 г.?

На это А. А. Шахматов отвечает следующим образом. Рассуждение о происхождении половцев принадлежит второй редакции, а беседа с Гюрятой Роговичем – третьей. «Для нас ясно, что, обрабатывая текст Владимирского свода 1185 г., Лаврентий (или его предшественник, если летопись только списана, а не скомпилирована Лаврентием) сделал после слов “и по сихъ 8 колѣнъ в кончинѣ вѣка изидуть заклѣпении в горѣ Александромъ Македоньскымъ нечистыя человѣкы” известного рода отметку (напр.: слово “зри”) для указания, что в этом месте должна быть сделана вставка из другого источника.

Переписчик, дойдя до указанного знака, нашел соответствующий знак (тоже “зри”) при двух статьях

вспомогательного источника[21] – при “Поучении” Мономаха, которое Лаврентий предполагал также включить в свой свод, но, очевидно, под другим годом и при статье, излагавшей беседу летописца с Гюрятой Роговичем. Не сообразив, что знак при статье 6604 (1096) г. относится именно только ко второму месту, Лаврентий или другой переписчик ошибочно списал вместо второй статьи “Поучение” Мономаха, после чего исправил свою ошибку, переписав за “Поучением” и приложенными к нему документами статью, содержащую беседу летописца с новгородцем Гюрятой»[22].

Лаврентьевская летопись. Страница с «Поучением».
Конец XIV в.

Менее сложное объяснение того, почему «Поучение» Владимира Мономаха попало в это случайное место Лаврентьевской летописи, дает М. Д. Приселков в своей статье

«История рукописи Лаврентьевской летописи и ее изданий»[23]: «В своем послесловии Лаврентий… называя свой оригинал “Летописцем”, утверждает, что этот “Летописец” к его времени работы представлял собою ветхую книгу, что, как полагал Лаврентий, и привело к тому, что в его копии с этого “Летописца” можно встретить теперь как описки, так и переписки с недописками. К тому же он, Лаврентий, как молодой и неопытный переписчик, не всегда мог справиться с своею задачей удовлетворительно: “занеже книгы ветшаны, а ум – молод, не дошел”. Действительно, можно думать, что в работе Лаврентия встречаются все указанные им промахи его переписки, из которых мы на первом месте поставим его недописки, т. е. оставленные им пустые места в строках, где, конечно, размер незаполненных буквами пространств строки соответствует количеству не прочитанных Лаврентием букв в протографе.

Из таких, теперь для нас самых досадных недописок Лаврентия на первом месте надо, конечно, поставить те 4½ строки, которые находятся после первых строк “Поучения” Владимира Мономаха (оно дошло до нас только в Лаврентьевской летописи). Протограф Лаврентьевской летописи был, как говорит Лаврентий, уже настолько обветшалою книгою, что не везде ее текст легко прочитывался переписчиком. Иногда переписчик все же, несмотря на неясность, прочитывал текст, подлежащий переписке; но сам же находил полученное им чтение подозрительным и непонятным, тогда он такое полученное чтение отделял от соседних слов точками… Но почему же так случилось, что в “Поучении” Лаврентий прямо оставил пустыми 4½ строки, не дав никакой попытки своего прочтения?

Ответ, очевидно, будет тот, что в своей ветхой книге, подлежащей переписке, Лаврентий в этих 4½ строках, как и в ряде других мест… ничего даже приблизительно восстановить прочтением не мог. Но как же получилось, что именно здесь, в начале текста “Поучения”, оказались столь загрязненные или столь сильно стертые строки? Давно уже определено, что так называемое “Поучение” Владимира Мономаха представляет собою три самостоятельных, отдельных произведения этого автора: в начале поучение детям (без окончания), затем письмо Мономаха двоюродному брату Олегу (оно без начала) и, наконец, текст культового содержания, вероятно, пера того же автора.

Также давно установлено, что эта дефектная группа листов, содержащая все три произведения Мономаха, попала у Лаврентия или в его протографе не на свое место: ведь текст этих произведений Мономаха разрывает собою текст летописного повествования 1096 г., и при удалении из настоящего его места

“Поучения” разорванный им текст летописного повествования 1096 г. благополучно смыкается во вполне последовательный и связный рассказ… Лаврентий получил для переписки книгу, в которой эти листы находились уже не на месте. В самом деле, неужели Лаврентий, располагай он возможностью переставлять листы переписываемой ветхой книги, не смог бы найти для них более подходящего места, чем занимаемое ими теперь, например хотя бы в конце изложения любого года? Но вполне своевременно спросить себя: где же было надлежащее место для этих листов в той книге, которую переписывал Лаврентий? Поскольку это, так сказать, собрание сочинений Владимира Мономаха невозможно связать ни с каким местом Лаврентьевского летописного текста, внутрь которого оно теперь попало, т. е. связать так, чтобы это не вызывало сомнений, постольку правильнее всего будет предположить, что это собрание Мономаховых сочинений или предшествовало, или последовало летописному тексту в целом.

Из этих двух предположений склониться к первому побуждает нас именно известное уже нам неудовлетворительное для прочтения состояние первого листа “Поучения”, на котором на лицевой его стороне было 4½ стертых или загрязненных строки, которые не мог воспроизвести нам Лаврентий. В самом деле, если мы предположим, что ветхая книга “Летописец”, которую переписывал Лаврентий, была лишена переплета, то первый ее лист от держанья рукою мог легко пострадать, так как на лицевую его сторону (ближе к верху) постоянно должен был нажимать большой палец левой руки читателя, наводившего справку или читавшего летописный текст, т. е. переворачивавшего листы книги своею правою рукою.

Наше предположение о том, что “Поучение” и другие сочинения Мономаха находились при данном летописном тексте в его начале, едва ли представляет собою предположение произвольное. Надо припомнить, что в начале Лаврентьевского текста читается “Повесть временных лет”, в своей основе представляющая редакцию Сильвестра, предпринятую по поручению Мономаха. Эту сильвестровскую редакцию “Повести временных лет” вместе с сочинениями Владимира Мономаха естественно встретить в летописной традиции Переяславской (Переяславля-Южного) епископии, куда епископом был назначен Сильвестр в 1119 г. Владимиром Мономахом и откуда, как мы знаем, летописатели Владимира Суздальского в XII и XIII вв. привлекли летописные тексты для пополнения своих материалов повествованием о делах юга или “Русской земли”.

Когда в непереплетенной книге теперь отрываются первые или последние листы, то обычно, особенно когда заметят, что

некоторые из отделившихся от книги листов уже утрачены, желая сберечь от утраты еще остающиеся, их вкладывают в книгу, в случайное, так сказать, место. Так было и с рукописными, конечно, книгами в древности. Так случилось и с первыми оторвавшимися листами того ветхого “Летописца”, который копировал Лаврентий. Какой-то читатель этой ветхой книги, до того как Лаврентий приступил к ее копировке, заметив, что некоторые листы из оторвавшихся от книги листов уже утрачены (вспомним, что теперь нет окончания “Поучения” и начала письма Мономаха к Олегу), желая оберечь от дальнейшей утраты уцелевшие листы, вложил их в случайно открытое место книги. Лаврентий только копировал данную ему книгу; он так и переписал текст, как лежали в книге листы» (с. 186–188).

Несмотря на всю зрительную отчетливость и почти ощутимость восстановленной М. Д. Приселковым картины того, как попало «Поучение» Мономаха в середину статьи 1096 г., она все же вызывает серьезные возражения. Не ясно прежде всего, почему в начале того «ветхого летописца», с которого переписывал Лаврентий, оторвались ровно те листы, на которых находились сочинения Мономаха, при этом не захватив текста «Повести временных лет» и не отдав ей части своего текста? Во-вторых, не ясно, как мог Лаврентий не заметить, что он имеет дело со случайно вложенными в рукопись листами? Ведь этих листов было немало, и первый из них, по словам самого же М. Д. Приселкова, выделялся своею истрепанностью. В. Л. Комарович бесспорно установил, что Лаврентий не был простым копиистом, что он внимательно отнесся к тексту своего оригинала, внеся в него важные исправления, касавшиеся основателя его монастыря и его города (Нижнего) Юрия Всеволодовича Владимирского[24].

Предполагаю, что место, занимаемое сочинениями Мономаха в «Повести временных лет», не случайное. Пытаясь установить время, под которым должно было быть помещено «Поучение», Лаврентий или его предшественник могли определить дату одного из сочинений Мономаха – его письма к Олегу, которое к тому же могло быть и прямо датировано. Летописец и вставил поэтому сочинения Мономаха под 1096 г. Он сделал это тоже не в случайном месте, а там, где был сходный материал общих рассуждений. Он вставил сочинение Мономаха при переходе от одного рассуждения к другому, хотя и разорвав их между собой, но не повредив ни одного. Сочинения Мономаха могли находиться и в начале «ветхого летописца», но, скорее всего, они представляли собою отдельную тетрадь. Попасть в приблизительно верное для своего нахождения место они, конечно, случайно не могли.

Также неслучайным считает местонахождение «Поучения» под 1096 г. и Л. В. Черепнин. По мнению Л. В. Черепнина, «Поучение» было вставлено в третью редакцию «Повести временных лет» и тесно связано с задачами этой третьей редакции: рассмотреть под новым углом зрения после ликвидации усобицы, которую начал Ярослав Святополкович, взаимоотношения между Владимиром Мономахом и Святополком Изяславичем. По своему содержанию и «Поучение», и письмо Мономаха к Олегу очень точно отвечали тем политическим задачам, которые стояли в 1118 г. перед составителем третьей редакции «Повести временных лет». Помещенное перед описанием Любечского съезда и событий княжеской борьбы того времени «Поучение» давало нужное Мономаху политическое освещение всему этому узлу событий (*Черепнин Л. В.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды. С. 319–321).

Когда было написано «Поучение»? По этому поводу существует большая литература и большие расхождения во мнениях. А. И. Мусин-Пушкин, впервые опубликовавший «Поучение» (Духовная великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха. СПб., 1793), относил его написание ко времени между 1119 и 1125 гг. (Там же, с. 50, примеч. 80). Н. М. Карамзин считал, что «Поучение» составлено Мономахом в маститой старости, «не ранее 1117 г., ибо великий князь упоминает о своем походе на Ярослава, князя Владимирского» (История государства Российского. Т. 2, примеч. 230). Наиболее раннюю дату написания «Поучения» дает М. П. Погодин —1099 г. М. П. Погодин буквально понимает выражение «сѣдя на санех» и считает, что «Поучение» было написано в дороге. Он приводил в связь с этим упоминанием саней еще два места «Поучения» – то, в котором Мономах говорит о встрече послов своих двоюродных братьев на Волге, и то, в котором он говорит: «и се нынѣ иду Ростову». «Ясно, что Мономах, – говорит М. П. Погодин, – задумал “Поучение” на дороге в Ростов по поводу посольства братьев с предложением об изгнании Ростиславичей, написал же его по прибытии в сей город. Нам остается отыскать время, когда братья шли на Ростиславичей». Время это, по расчетам М. П. Погодина, падает на 1099 г.[25]

Что же касается упоминаемых в «Поучении» событий, случившихся после 1099 г. (например, похода на Ярослава Владимирского 1117 г.), то их М. П. Погодин объясняет просто: он их считает вставками переписчиков. С. М. Соловьев, видимо, соглашаясь с мнением М. П. Погодина, мимоходом обронил мысль, что «Поучение» написано после примирения с Давыдом

Игоревичем: «По окончании усобицы с Давыдом Игоревичем на Витическом съезде (в 1100 г. – *Д. Л.*) поехал он (Мономах. – *Д. Л.*) на север в Ростовскую область и, будучи на Волге, получил посольство от двоюродных братьев с приглашением идти на Ростиславичей галицких» и с угрозой в противном случае порвать с ним отношения. «Угроза братьев разъединиться с ним сильно опечалила Мономаха; в этой печали он разогнул Псалтирь и попал на место: “Вскую печалуеши, душе? Вскую смущаеши мя” и пр. Утешенный псалмом, Мономах решился тут же написать своим сыновьям поучение»[26]. С мнением М. П. Погодина согласился не один С. М. Соловьев. Ту же дату (1099) предлагает и С. Протопопов[27] и авторы общих курсов истории древней русской литературы: И. Порфирьев[28] и А. Н. Пыпин[29].

А. А. Шахматов в своем докладе «Кем и когда был составлен летописный свод – Повесть временных лет», сделанном в Московском обществе любителей древней письменности 31 января 1897 г., высказал мысль, что Мономах начал свое «Поучение» еще в 1096 г. и продолжал его до 1118 г., когда «Поучение» было внесено в летопись. «Поучение», с точки зрения А. А. Шахматова, представляет собою дневник Мономаха, его летопись[30]. К сожалению, А. А. Шахматов не посвятил «Поучению» обстоятельного исследования, и мы лишены возможности проверить всю его аргументацию в целом. В 1900 г. вышло исследование Н. В. Шлякова «О Поучении Владимира Мономаха». На основании весьма искусственных сопоставлений Н. В. Шляков пришел к выводу, что «Поучение» написано под сильным влиянием богослужения первой недели поста, 8—10 февраля 1106 г. в погосте Волга, недалеко от Ростова. Следующее за тем исследование И. М. Ивакина[31] «Князь Владимир Мономах и его Поучение» (Ч. 1. М., 1901) относит «Поучение» ко времени между походом 1117 г. на Ярослава Святополковича (поход этот, как уже отмечено, упоминается в «Поучении») и 1125 г. (дата смерти Мономаха).

Новую гипотезу о времени написания «Поучения» высказал В. Л. Комарович. Он сопоставляет три факта: 1) последний из упоминаемых в «Поучении» походов Мономаха – это поход на Глеба Минского в 1117 г., 2) «Поучение» написано под влиянием великопостной службы, 3) Ипатьевская летопись говорит о том, что Мономах в этом походе на Глеба сжалился над Глебом под влиянием своего великопостного настроения.

Отсюда В. Л. Комарович делает вывод: «Поучение» написано в 1117 г. во время или вскоре после Великого поста. Оно было внесено в третью редакцию «Повести временных лет», так как составитель этой третьей редакции, отмечая, что примирение

Владимира Мономаха с Глебом совершилось под влиянием на Мономаха Великого поста, мог знать о «Поучении» в целом (История русской литературы. Т. 1. С. 295). Оставляя в стороне спорное предположение В. Л. Комаровича о том, что «Поучение» написано именно в пост 1117 г., о чем якобы знал даже летописец, не можем не согласиться с ним (и с его предшественниками в этом вопросе), что «Поучение» не могло быть написано ранее тех событий, о которых в этом «Поучении» идет речь. Иными словами, «Поучение» не могло быть написано ранее 1117 г., на который падает последнее из упоминаемых в «Поучении» событий – поход на Глеба Минского. Вместе с тем, как на это обратил внимание пишущего эти строки И. У. Будовниц, оно не могло быть написано и позднее 1117 г., ибо, рассказывая о своем походе совместно с Олегом Святославичем в Чехию, Мономах добавляет, что тогда же «и дѣтя ся роди старѣйшее новгородьское».

Между тем Мстислав был в Новгороде с 1095 до 1117 г. После этого Мономах вряд ли стал бы его называть новгородским. Итак, «Поучение» написано в 1117 г. «Поучению» Владимира Мономаха некоторые литературоведы старались подыскать образцы и параллели во всех литературах мира, начиная от византийской и кончая старофранцузской. Однако, кроме самой идеи поучения отца детям, вполне естественной для каждого отца, никакого сходства между различными «поучениями», «завещаниями» и «Поучением» Мономаха установить не удалось. Это и понятно: Мономах исходит из собственного житейского опыта, из опыта русской исторической действительности конца XI – начала XII в., он пишет о событиях собственной жизни, обращается к собственным детям, учитывая их будущее, обращается и к русскому читателю, полный заботы об интересах своей родины. Русская действительность конца XI и начала XII в., политическая деятельность Мономаха, его мировоззрение – вот те важнейшие данные, исходя из которых следует прежде всего оценивать «Поучение».

Поучение

Азъ худый дѣдомъ своимь Ярославомъ, благословленымъ, славнымъ, нареченый въ крещении Василий, русьскымь именемь Володимиръ[32], отцемь възлюбленымь и матерью своею Мьномахы[33]… и хрестьяных людий дѣля, колико бо сблюдъ по милости своей и по отни молитвѣ[34] от всѣх бѣдъ! Сѣдя на санех[35], помыслих в души своей и похвалих Бога[36], иже мя сихъ дневъ грѣшнаго допровади. Да дѣти мои или инъ кто, слышавъ сю грамотицю[37], не посмѣйтеся, но емуже люба дѣтий моихъ, а приметь è в сердце свое, и не лѣнитися начнеть, такоже и тружатися.

Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов… и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, Который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет люба, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться.

Совет Владимира Мономаха «со Князми своими».
Прорисовка резного изображения одного из клейм южной стенки Мономахова трона. 1551 г.

Мономаховым троном называется Царское место (престол для молитв царя), которое Иван Грозный устроил в Успенском соборе в 1551 г. Располагалось оно под узорчатой шатровой сенью (кровлей), которая опиралась на четыре столба, установленные на фигурах четырех фантастических животных.

Мономахов трон украшен 12-ю клеймами, которые повествуют о прибытии на Русь царских регалий в дар Владимиру Мономаху.

Первое, Бога дѣля и душа своея, страх имѣйте Божий в сердци своемь и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не люба грамотиця си, а не поохритаються, но тако се рекуть: на далечи пути, да на санех сѣдя, безлѣпицю си молвилъ.

Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своем и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра. Если же кому не люба грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безлепицу молвил.

Усрѣтоша бо мя слы[38] от братья моея[39] на Волзѣ, рѣша:

«Потъснися к нам, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимем[40]; оже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будем, а ты собѣ[41]». И рѣкъ: «Аще вы ся и гнѣваете, не могу вы я ити, ни креста переступити».

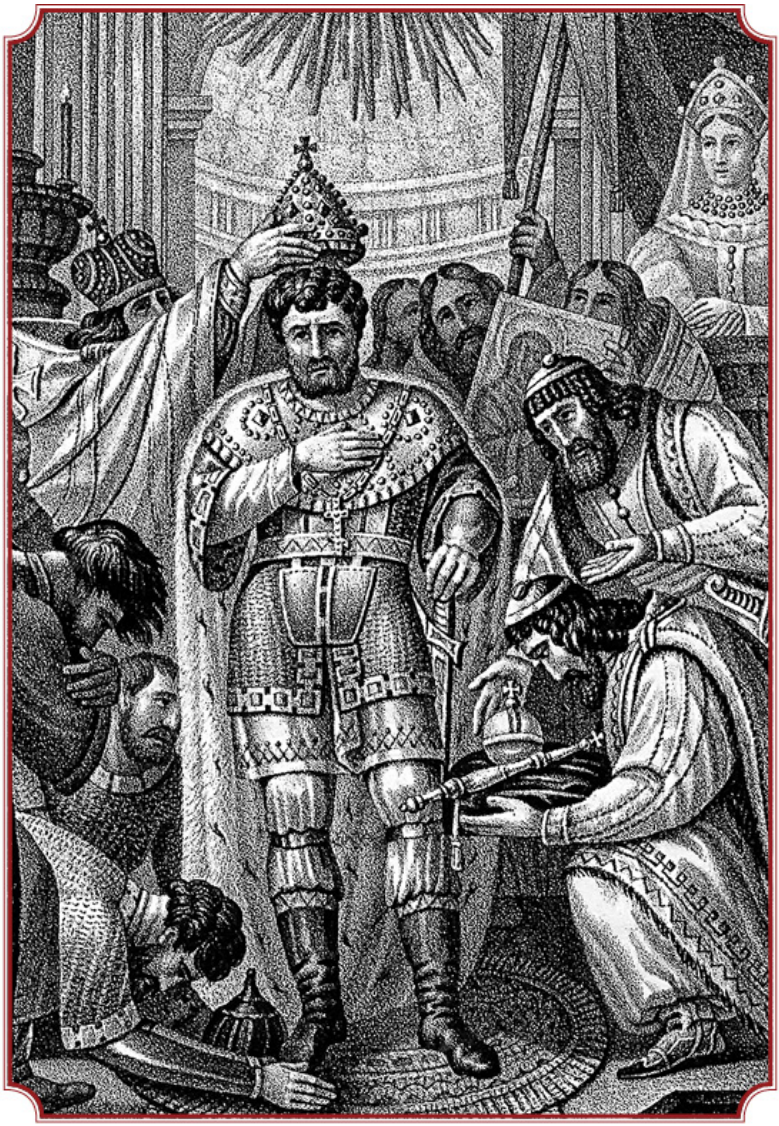
Ибо встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: «Поспеши к нам, и выгоним Ростиславичей, и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы – сами по себе будем, а ты – сам по себе». И ответил я: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить».

И отрядивъ я, вземъ Псалтырю, в печали разгнухъ я, и то ми ся выня[42]: «Вскую печалуеши, душе? Вскую смущаеши мя?»[43] и прочая. И потомь собрах словца си любая, и складохъ по ряду, и написах[44]: Аще вы послѣдняя не люба, а передняя приимайте[45].

И, отпустив их, взял Псалтырь, в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось: «О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?» – и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся слова и расположил их по порядку и написал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите.

«Вскую печална еси, душе моя? Вскую смущаеши мя? Уповай на Бога, яко исповѣмся Ему»[46]. «Не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ безаконье, зане лукавнующии потребятся, терпящии же Господа, – ти обладають землею»[47]. И еще мало: «И не будеть грѣшника; взищеть мѣста своего и не обрящеть. Кротции же наслѣдять землю, насладяться на множьствѣ мира. Назираеть грѣшный праведнаго, и поскрегчеть на нь зубы своими; Господь же посмѣется ему и прозрить, яко придеть день его.

«Зачем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? Уповай на Бога, ибо верю в Него». «Не соревнуйся с лукавыми, не завидуй творящим беззаконие, ибо лукавые будут истреблены, послушные же Господу будут владеть землей». И еще немного: «И не будет грешника; посмотришь на место его и не найдешь его. Кроткие же унаследуют землю и многим насладятся миром. Злоумышляет грешный против праведного и скрежещет на него зубами своими; Господь же посмеется над ним, ибо видит, что настанет день его.



Б. А. Чориков. Венчание на царство Владимира Мономаха. 1116 г.
Литография к книге «Живописный Карамзин, или Русская история в картинках». 1836 г.

Оружья извлекоша грѣшьници, напряже лукъ свой истрѣляти нища и убога, заклати правыя сердцемь. Оружье ихъ внидеть в сердця ихъ, и луци ихъ скрушатся. Луче есть праведнику малое, паче богатства грѣшных многа. Яко мышца грѣшных скрушится, утвержаеть же праведныя Господь. Яко се грѣшници погыбнут;

праведныя же милуя и даеть. Яко благословящии Его наслѣдят землю, кленущии же Его птребятся. От Господа стопы человѣку исправятся. Егда ся падеть, и не разбьеться, яко Господь подъемлеть руку его. Унъ бѣх, и сстарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ни сѣмени его просяща хлѣба. Весь день милует и в заимъ даеть праведный, и племя его благословлено будет. Уклонися от зла, створи добро, взищи мира и пожени, и живи в вѣкы вѣка»[48].

Оружие извлекли грешники, натягивают лук свой, чтобы пронзить нищего и убогого, заклать правых сердцем. Оружие их пронзит сердца их, и луки их сокрушатся. Лучше праведнику малое, нежели многие богатства грешным. Ибо сила грешных сокрушится, праведных же укрепляет Господь. Как грешники погибнут, – праведных же милует и одаривает. Ибо благословляющие Его наследуют землю, клянущие же Его истребятся. Господом стопы человека направляются. Когда он упадет, то не разобьется, ибо Господь поддерживает руку его. Молод был и состарился, и не видел праведника покинутым, ни потомков его просящими хлеба. Всякий день милостыню творит праведник и взаймы дает, и племя его благословенно будет. Уклонись от зла, сотвори добро, найди мир и отгони зло, и живи во веки веков».

«Внегда стати человѣкомъ, убо живы пожерли ны быша; внегда прогнѣватися ярости Его на ны, убо вода бы ны потопила»[49].

«Когда восстали бы люди, то живыми пожрали бы нас; когда прогневалась бы на нас ярость Его, то воды бы потопили нас».

«Помилуй мя, Боже, яко попра мя человѣкъ, весь день боряся, стужи ми. Попраша мя врази мои, яко мнози борющиися со мною свыше»[50]. «Возвеселится праведник, и егда видить месть; руцѣ свои умыеть в крови грѣшника. И рече убо человѣкъ: аще есть плодъ праведника, и есть убо Богъ судяй земли»[51]. «Измий мя от врагъ моихъ, Боже, и от встающих на мя отъими мя. Избави мя от творящих безаконье и от мужа крови спаси мя; яко се уловиша душю мою»[52]. «И яко гнѣвъ въ ярости Его, и животъ в воли Его; вечеръ водворится плачь, а заутра радость»[53]. «Яко лучьши милость Твоя, паче живота моего, и устнѣ мои похвалита Тя. Тако благословю Тя в животѣ моемь, и о имени Твоемь въздѣю руцѣ мои»[54]. «Покры мя от соньма лукаваго и от множьства дѣлающих неправду»[55]. «Възвеселитеся вси праведнии сердцемь. Благословлю Господа на всяко время, воину хвала Его»[56], и прочая.

«Помилуй меня, Боже, ибо попрал меня человек; всякий день нападая, теснит меня. Попрали меня враги мои, ибо много

восстающих на меня свыше». «Возвеселится праведник и, когда увидит отмщение, руки омоет свои в крови грешника. И скажет человек: “Если есть награда праведнику, значит, есть Бог, творящий суд на земле”». «Освободи меня от врагов моих, Боже, и от восстающих на меня защити меня. Избавь меня от творящих беззаконие и от мужа крови спаси меня, ибо уже уловили душу мою». «Ибо гнев в мгновение ярости Его, а вся жизнь в воле Его: вечером водворится плач, а наутро радость». «Ибо милость Твоя лучше, чем жизнь моя, и уста мои да восхвалят Тебя. Так благословлю Тебя при жизни моей и во имя Твое воздену руки мои». «Укрой меня от сборища лукавых и от множества делающих неправду». «Возвеселитесь все праведные сердцем. Благословлю Господа во всякое время, непрестанна хвала Ему», и прочее.

Якоже бо Василий учаше[57], собрав ту уноша: душа чисты, нескверньни, телеси худу, кротку бесѣду и в мѣру слово Господне: «Яди и питью бесъ плища велика быти, при старых молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, с точными и меншиими любовь имѣти; без луки бесѣдующе, а много разумѣти; не сверѣповати словомъ, ни хулити бесѣдою, не обило смѣятися, срамлятися старѣйших, к женам нелѣпымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душю горѣ, пребѣгати сует; не стрѣкати учить легкых власти, ни в кую же имѣти, еже от всѣх честь. Аще ли кто васъ можеть инѣмъ услѣти, от Бога мьзды да чаеть и вѣчных благъ насладится». «О Владычице Богородице! Отъими от убогаго сердца моего гордость и буесть, да не възношюся суетою мира сего» в пустошнѣмь семь житьи.

Ибо как Василий учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово Господне: «Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свиреповать словом, не хулить в беседе, не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты; не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из вас может другим принести пользу, от Бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится». «О Владычице Богородице! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего» в ничтожной этой жизни.

Научися, вѣрный человѣче, быти благочестию дѣлатель, научися, по Евангельскому словеси, «очима управленье, языку удержанье, уму смѣренье, тѣлу порабощенье, гнѣву погубленье, помыслъ чистъ имѣти, понужаяся на добрая дѣла, Господа ради; лишаемъ – не мьсти, ненавидимъ – люби, гонимъ – терпи, хулимъ

– моли, умертви грѣхъ». «Избавите обидима, судите сиротѣ, оправдайте вдовицю. Придѣте, да сожжемъся, глаголеть Господь. Аще будут грѣси ваши яко оброщени, яко снѣгъ обѣлю я»[58], и прочее. «Восияеть весна постная и цвѣтъ покаянья, очистимъ собе, братья, от всякоя крови плотьскыя и душевныя. Свѣтодавцю вопьюще рцѣмъ: “Слава Тобѣ, Человѣколюбче!”»

Поистинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть Человѣколюбець Богъ милостивъ и премилостивъ. Мы, человѣци, грѣшни суще и смертни, то оже ны зло створить, то хощемъ ѝ пожрети и кровь его прольяти вскорѣ; а Господь наш, владѣя и животомъ и смертью, согрѣшенья наша выше главы нашея терпить, и пакы и до живота нашего. Яко отець, чадо свое любя, бья, и пакы привлачить è к собѣ, тако же и Господь наш показал ны есть на врагы побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти его и побѣдити его: покаяньемъ, слезами и милостынею. Да то вы, дѣти мои, не тяжка заповѣдь Божья, оже тѣми дѣлы 3-ми избыти грѣховъ своихъ и Царствия не лишитися.

Поистине, дети мои, разумейте, что Человеколюбец Бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь; а Господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и Господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь Божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и Царствия Небесного не лишиться.

А Бога дѣля не лѣнитеся, молю вы ся, не забывайте 3-х дѣлъ тѣхъ: не бо суть тяжка; ни одиночьство, ни чернечьство, ни голодъ, яко инии добрии терпять, но малым дѣломь улучити милость Божью.

Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость Божию.

«Что есть человѣкъ, яко помниши ѝ?»[59] «Велий еси, Господи, и чюдна дѣла Твоя, никак же разумъ человѣческъ не можеть исповѣдати чюдес Твоихъ[60]; – и пакы речемъ: велий еси, Господи, и чюдна дѣла Твоя, и благословено и хвално имя Твое в вѣкы по всей земли»[61]. Иже кто не похвалить, ни прославляеть силы Твоея и Твоих великых чюдес и доброт, устроеных на семь свѣтѣ: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како ли звѣзды, и тма и свѣт, и земля на водах положена, Господи,

Твоимъ промыслом! Звѣрье разноличнии, и птица и рыбы украшено Твоимъ помыслом, Господи! И сему чюду дивуемъся, како от персти создавъ человѣка, како образи розноличнии въ человѣчьскыхъ лицих, – аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образ, но кый же своимъ лиць образом, по Божии мудрости. И сему ся подивуемы, како птица небесныя изъ ирья идут[62], и первѣе въ наши руцѣ[63], и не ставятся на одиной земли, но и силныя и худыя идут по всѣмъ землямъ Божиимь повелѣньемь, да наполнятся лѣси и поля. Все же то далъ Богъ на угодье человѣкомъ, на снѣдь, на веселье. Велика, Господи, милость Твоя на нас, иже та угодья створилъ еси человѣка дѣля грѣшна. И ты же птицѣ небесныя умудрены Тобою, Господи; егда повелиши, то вспоють и человѣкы веселять Тобе; и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюще онемѣють. «А благословенъ еси, Господи, и хваленъ зѣло!»[64], всяка чюдеса и Ты доброты створивъ и здѣлавъ. «Да иже не хвалить Тебе, Господи, и не вѣруеть всѣм сердцемь и всею душею во имя Отца и Сына и Святаго Духа, да будеть проклятъ»[65].

«Что такое человек, как подумаешь о нем?» «Велик ты, Господи, и чудны дела Твои; разум человеческий не может постигнуть чудеса Твои», – и снова скажем: «Велик Ты, Господи, и чудны дела Твои, и благословенно и славно имя Твое вовеки по всей земле». Ибо кто не восхвалит и не прославит силу Твою и Твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет, и земля на водах положена, Господи, Твоим промыслом! Звери различные, и птицы и рыбы украшены Твоим промыслом, Господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по Божией мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут, и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые идут по всем землям, по Божиему повелению, чтобы наполнились леса и поля. Все же это дал Бог на пользу людям, в пищу и на радость. Велика, Господи, милость Твоя к нам, так как блага эти сотворил Ты ради человека грешного. И те же птицы небесные умудрены Тобою, Господи: когда повелишь, то запоют и людей веселят; а когда не повелишь им, то и, имея язык, онемеют. «И благословен, Господи, и прославлен зело!» «Всякие чудеса и эти блага сотворил и совершил. И кто не восхвалит Тебя, Господи, и не верует всем сердцем и всей душой во имя Отца и Сына и Святого Духа, да будет проклят!»

Си словца прочитаюче, дѣти моя, божествная, похвалите Бога, давшаго нам милость Свою: а се от худаго моего безумья

наказанье. Послушайте мене: аще не всего приимете, то половину.

Прочитав эти божественные слова, дети мои, похвалите Бога, подавшего нам милость Свою; а то дальнейшее – это моего собственного слабого ума наставление. Послушайте меня: если не все примете, то хоть половину.

Аще вы Богъ умякчить сердце, и слезы своя испустите о грѣсѣх своих, рекуще: «Якоже блудницю и разбойника и мытаря помиловалъ еси, тако и нас, грѣшных, помилуй!» И в церкви то дѣйте, и ложася. Не грѣшите ни одину же ночь[66], аще можете, поклонитися до земли; а ли вы ся начнеть не мочи, а трижды. А того не забывайте, не лѣнитеся, тѣмь бо ночным поклоном и пѣньем человѣкъ побѣжает дьявола, и что въ день согрѣшить, а тѣмъ человеѣкъ избываеть. Аще и на кони ѣздяче не будеть ни с кым орудья, аще инѣх молитвъ не умѣете молвити, а «Господи помилуй» зовѣте беспрестани, втайнѣ: та бо есть молитва всѣх лѣпши, нежели мыслити безлѣпицю ѣздя.

Если вам Бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: «Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал Ты, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте, и ложась. Не пропускайте ни одной ночи, – если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакого дела и если других молитв не умеете сказать, то «Господи помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, – нежели думать безлепицу, ездя.

Владимир Мономах на памятнике «Тысячелетие России». *Новгород. 1862 г.*

Памятник тысячелетия России открыт в центре Новгородского кремля в 1862 году в честь празднования тысячелетия Российского государства и в ознаменование огромного вклада Новгорода в дело культурного и государственного строительства России. Авторами проекта памятника являются скульпторы Михаил Микешин, Иван Шредер и архитектор Виктор Гартман.

Памятник представляет собой огромный шар-державу на постаменте в форме колокола. Державу окружают шесть скульптурных групп из 17 фигур. Они символизируют периоды истории Русского государства. Каждая из групп ориентирована на определенную часть света, что символизирует роль каждого государя в укреплении определенных рубежей.

Всего же паче убогых не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и придайте сиротѣ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте силным погубити человѣка[67]. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его; аще будеть повиненъ смерти, а душа не погубляйте никакояже хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не кленитеся Богомь, ни хрестителся, нѣту бо ти нужа никоеяже. Аще ли вы будете крестъ цѣловати к братьи или к кому, а ли управивъше сердце свое, на немже можете устояти, то же цѣлуйте, и цѣловавше блюдѣте, да не приступни, погубите душѣ своеѣ. Епископы, и попы, и игумены… с любовью взимайте от них благословленье, и не устраняйтеся от них, и по силѣ любите и набдите, да приимете от них молитву… от Бога. Паче всего гордости не имѣйте в сердци и въ умѣ, но рцѣмъ: смертни есмы, днесь живи, а заутра в гробъ; се все, что ны еси вдалъ, не наше, то Твое, поручил ны еси на мало дний. И в земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ. Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью.

В дому своемь не лѣнитеся, но все видите; не зрите на тивуна[68], ни на отрока, да не посмѣются приходящии к вам ни дому вашему, ни обѣду вашему. На войну вышедъ, не лѣнитеся, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои, тоже лязите, а рано встанѣте; а оружья не снимайте с себе вборзѣ, не разглядавше лѣнощами, внезапу бо человѣкъ погыбаеть. Лжѣ блюдися и пьяньства и блуда, в томъ бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ[69],

не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣх, ни в житѣх, да не кляти вас начнуть[70]. Куда же поидете, идеже станете, напойте, накормите унеина[71]; и боле же чтите гость, откуду же к вам придеть, или простъ, или добръ, или солъ; аще не можете даромъ – брашном и питьемь: ти бо мимоходячи прославять человѣка по всѣм землям любо добрым, любо злымъ. Болнаго присѣтите; надъ мертвеця идѣте, яко вси мертвени есмы. И человѣка не минѣте, не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конець всему: страхъ Божий имѣйте выше всего.

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение, и не устраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве… от Бога. Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что Ты нам дал, не наше, но Твое, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев.

В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтеся, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, – то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или

добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте им власти над собой. А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего.

Аще забываете сего, а часто прочитайте: и мнѣ будеть бесорома, и вамъ будеть добро.

Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Егоже умѣючи, того не забывайте доброго, а егоже не умѣючи, а тому ся учите, якоже бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ[72], в томъ бо честь есть от инѣхъ земль. Лѣность бо всему мати: еже умѣеть, то забудеть, а егоже не умѣеть, а тому ся не учить. Добрѣ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе, первое к церкви: да не застанеть вас солнце на постели; тако бо отець мой дѣяшет блаженый и вси добрии мужи свершении. Заутренюю отдавше Богови хвалу, и потомъ солнцю въсходящю, и узрѣвше солнце, и прославити Бога с радостью и рече: «Просвѣти очи мои[73], Христе Боже, иже далъ ми еси свѣтъ Твой красный!» И еще: «Господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ, грѣховъ своих покаявъся, оправдивъ животъ», тако похвалю Бога! И сѣдше думати с дружиною, или люди оправливати[74], или на ловъ Ьхати, или поЬздити, или лечи спати: спанье есть от Бога присужено полудне. Отъ чина бо почиваеть и звѣрь, и птици, и человѣци.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь – как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене воздавши Богу хвалу, потом на восходе солнца и, увидев солнце, надо с радостью прославить Бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет Твой прекрасный». И еще: «Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю Бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать: спанье в полдень назначено Богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди.

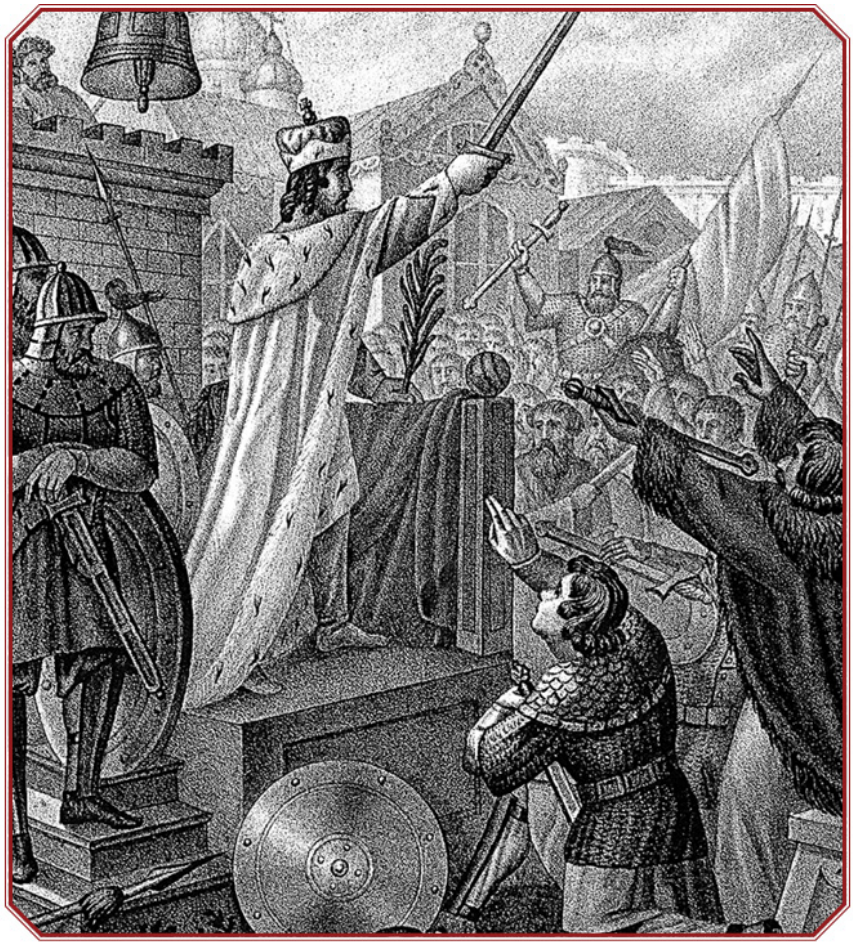
Детали украшения храма Покрова на Нерли

РАССКАЗ О «ПУТЯХ И ЛОВАХ»

РАССКАЗ О «ПУТЯХ И ЛОВАХ»

А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ, пути дѣя и ловы с 13 лѣт[75]. Первое к Ростову идохъ[76], сквозѣ вятичѣ[77], посла мя отець, а самъ иде Курьску[78]; и пакы 2-е к Смолиньску[79] со Ставкомь с Гордятичемъ[80] той пакы и отъиде к Берестию[81] со Изяславомь[82], а мене посла Смолиньску, то и-Смолиньска идохъ Володимерю[83]. Тое же зимы тои посласта Берестию брата[84] на головнѣ, иде бяху ляхове пожгли[85], той ту блюдъ городъ тихъ[86]. Та идохъ Переяславлю отцю[87], а по Велицѣ дни ис Переяславля та Володимерю – на Сутейску[88] мира творить с ляхы. Оттуда пакы на лѣто Володимерю[89] опять.

А теперь поведаю вам, дети мои, о труде своем, как трудился я в разъездах и на охоте с тринадцати лет. Сначала я к Ростову пошел сквозь землю вятичей; послал меня отец, а сам он пошел к Курску; и снова вторично ходил я к Смоленску, со Ставком Гордятичем, который затем пошел к Берестью с Изяславом, а меня послал к Смоленску; а из Смоленска пошел во Владимир. Той же зимой послали меня в Берестье братья на пожарище, что поляки пожгли, и там правил я городом утишенным. Затем ходил в Переяславль к отцу, а после Пасхи из Переяславля во Владимир – в Сутейске мир заключить с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир.



Б. А. Чориков. **Великий князь Изяслав в собрании новгородцев и псковичей предлагает им защиту против оскорблений князя Суздальского. 1148 г.**
Литография к книге «Живописный Карамзин, или Русская история в картинках». 1836 г.

Та посла мя Святославъ в Ляхы[90]; ходивъ за Глоговы до Чешьскаго лѣса[91], ходивъ в земли ихъ 4 мѣсяци. И в то же лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее новгородьское[92]. Та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову[93].

Затем послал меня Святослав в Польшу: ходил я за Глогов до Чешского леса, и ходил в земле их четыре месяца. И в том же году и сын родился у меня старший, новгородский. А оттуда ходил я в Туров, а на весну в Переяславль и опять в Туров.

Князь Изяслав Мстиславич предлагает мир и дружбу дяде своему Вячеславу. *Гравюра по рисунку К. Лебедева. 1890 г.*

И Святославъ умре[94], и язъ пакы Смолиньску, а и-Смолиньска той же зимѣ та къ Новугороду; на весну Глѣбови[95] в помочь[96]. А на лѣто со отцемь подъ Полтескъ, а на другую зиму с Святополкомъ подъ Полтескъ, – ожьгъше Полтескъ; онъ иде Новугороду[97], а я с половци на Одрьскъ[98], воюя, та Чернигову. И пакы и-Смолиньска къ отцю придох Чернигову. И Олегъ приде[99], из Володимеря выведенъ, и возвах ѝ къ собѣ на обѣдъ со отцемь в Черниговѣ, на Краснѣмь дворѣ[100], и вдахъ отцю 300 гривен золота. И пакы и-Смолиньска же пришедъ, и проидох сквозѣ половечьскыи вои, бьяся, до Переяславля[101], и отца налѣзохъ с полку пришедше. То и пакы ходихомъ, том же лѣтѣ, со отцемь и со Изяславомь битъся Чернигову с Борисомь, и побѣдихомъ Бориса и Олга[102]. И пакы идохом Переяславлю, и стахом во Обровѣ[103].

И Святослав умер, и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород; весной – Глебу в помощь. А летом с отцом – под Полоцк, а на другую зиму со Святополком под Полоцк, и выжгли Полоцк; он пошел к Новгороду, а я с половцами

на Одреск войною и в Чернигов. И снова пришел я из Смоленска к отцу в Чернигов. И Олег пришел туда, из Владимира выведенный, и я позвал его к себе на обед с отцом в Чернигове, на Красном дворе, и дал отцу триста гривен золота. И опять из Смоленска же придя, пробился я через половецкие войска с боем до Переяславля и отца застал, вернувшегося из похода. Затем ходили мы опять в том же году с отцом и с Изяславом к Чернигову биться с Борисом и победили Бориса и Олега. И опять пошли в Переяславль и стали в Оброве.

И Всеславъ Смолнескъ ожьже, и азъ всѣдъ с черниговци о двою коню[104], и не застахом… въ СмолиньскѢ. ТѢм же путем по ВсеславѢ пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожьска[105], та на Дрьютьскъ воюя, та Чернигову.

И Всеслав Смоленск пожег, и я с черниговцами верхом с поводными конями помчался и не застали… в Смоленске. В том походе за Всеславом пожег землю и повоевал ее до Лукомля и до Логожска, затем на Друцк войною и опять в Чернигов.

А на ту зиму[106] повоеваша половци Стародубъ весь, и азъ шедъ с черниговци и с половци, на ДеснѢ изъимахом князи Асадука и Саука[107], и дружину ихъ избиша. И на заутреѢ за Новымъ Городом[108] разгнахомъ силны вои Белкатгина[109], а семечи и полонъ весь отяхом[110].

А в ту зиму повоевали половцы Стародуб весь, и я, идя с черниговцами и со своими половцами, на Десне взяли в плен князей Асадука и Саука, а дружину их перебили. И на следующий день за Новым Городом разбили сильное войско Белкатгина, а семечей и пленников всех отняли.

А въ Вятичи ходихом по двѢ зимѢ на Ходоту[111] и на сына его, и ко Корьдну[112], ходихъ 1-ю зиму. И пакы по Изяславичихъ[113] за Микулинъ[114], и не постигохом ихъ. И на ту весну къ Ярополку совкуплятъся на Броды[115].

А в Вятичскую землю ходили подряд две зимы на Ходоту и на сына его и к Корьдну ходили первую зиму. И опять ходили мы и за Ростиславичами за Микулин, и не настигли их. И на ту весну – к Ярополку на совет в Броды.

Том же лѢтѢ гонихом по половцихъ за Хоролъ, иже Горошинъ взяша[116].

В том же году гнались за Хорол за половцами, которые взяли Горошин.

И на ту осень идохом с черниговци и с половци, с читѢевичи, къ МѢньску: изъѢхахом городъ и не оставихом у него ни челядина, ни скотины.

На ту осень ходили с черниговцами и с половцами-читеевичами к Минску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни

скотины.

На ту зиму идохом къ Ярополку совокуплятися на Броды и любовь велику створихом[117].

В ту зиму ходили к Ярополку на сбор в Броды и дружбу великую заключили.

Ярополк с женой и матерью.
Миниатюра из Трирской Псалтири. XI в.

Трирская Псалтирь, или Кодекс Гертруды,— молитвенник, который польская принцесса Гертруда привезла с собой на Русь, став женой сына Ярослава Мудрого, Изяслава I Ярославича.

И на весну посади мя отець в Переяславли передъ братьею[118], и ходихом за Супой[119]. И Ьдучи к Прилуку городу[120], и срѣтоша ны внезапу половечьскыѢ князи, 8 тысячь,

и хотѣхом с ними ради битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ[121], и внидохом в городъ; толко семцю яша одиного живого[122], ти смердъ нѣколико, а наши онѣхъ боле избиша и изъимаша, и не смѣша ни коня пояти в руцѣ, и бѣжаша на Сулу тое ночи. И заутра, на Госпожинъ день[123], идохом к БѣлѢ Вежи[124], и Богъ ны поможе и Святая Богородица: избихом 900 половець и два князя яхом, Багубарсова брата, Асиня и Сакзя, а два мужа толко утекоста.

И на весну посадил меня отец в Переяславле выше всей братии, и ходили за Супой. И по пути к Прилуку городу встретили нас внезапно половецкие князья, с восьмью тысячами, и хотели было с ними сразиться, но оружие было отослано вперед на возах, и мы вошли в город; только семца одного живым захватили да смердов несколько, а наши половцев больше убили и захватили, и половцы, не смея сойти с коней, побежали к Суле в ту же ночь. И на следующий день, на Успение, пошли мы к Белой Веже, Бог нам помог и Святая Богородица: перебили девятьсот половцев и двух князей взяли, Багубарсовых братьев, Осеня и Сакзя, и только два мужа убежали.

Св. Петр. *Миниатюра в византийском стиле из Кодекса Гертруды. XI в.*

И потомь на Святославль[125] гонихом по половцих, и потомь на Торческый городъ[126], и потомь на Гюргевъ[127] по половцих. И пакы на той же сторонѣ у Красна[128] половци побѣдихом; и потомь с Ростиславом же[129] у Варина[130] вежѣ взяхом. И потом ходивъ Володимерю[131], паки Ярополка посадих, и Ярополкъ умре[132].

И потом на Святославль гнались за половцами, и затем на

Торческ-город, и потом на Юрьев за половцами. И снова на той же стороне, у Красна, половцев победили, и потом с Ростиславом же у Варина вежи взяли. И затем ходил во Владимир опять, Ярополка там посадил, и Ярополк умер.

И пакы по отни смерти[133] и при СвятополцѢ[134], на СтугнѢ бившеся съ половци до вечера, бихом – у ХалѢпа[135], и потом миръ створихом с Тугорканомъ[136] и со инѣми князи половечьскими; и у ГлѢбовы чади[137] пояхом дружину свою всю[138].

И снова, по смерти отца и при Святополке, на Стугне бились мы с половцами до вечера, бились у Халепа, и потом мир сотворили с Тугорканом и с другими князьями половецкими, и у Глебовой чади отняли дружину свою всю.

И потом Олегъ на мя приде с Половечьскою землею к Чернигову[139], и бишася дружина моя с нимь 8 дний о малу греблю, и не вдадуче внити имъ въ острогъ; съжаливъси хрестьяных душь и селъ горящих и манастырь[140], и рѢхъ: «Не хвалитися поганым!» И вдахъ брату отца его мѢсто, а самъ идох на отця своего мѢсто Переяславлю. И выидохом на святаго Бориса день[141] ис Чернигова, и Ѣхахом сквозѢ полкы половьчскиѢ, въ 100 дружинѢ, и с дѢтми и с женами. И облизахутся на нас акы волци стояще, и от перевоза и з горъ[142], Богъ и святый Борисъ не да имъ мене в кориcть, – неврежени доидохом Переяславлю.

И потом Олег на меня пришел со всею Половецкою землею к Чернигову, и билась дружина моя с ними восемь дней за малый вал и не дала им войти в острог; пожалел я христианских душ, и сел горящих, и монастырей, и сказал: «Пусть не похваляются язычники!» И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около ста человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы, точно волки, стоя у перевоза и на горах, – Бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля.

И сѢдѢхъ в Переяславли 3 лѢта и 3 зимы, и с дружиною своею, и многы бѢды приихом от рати и от голода [143]. *И идохом на вои ихъ* [144] *за Римовъ* [145], *и Богъ ны поможе – избихом я, а другия поимахом.*

И сидел я в Переяславле три лета и три зимы с дружиною своею, и много бед приняли мы от войны и голода. И ходили на воинов их за Римов, и Бог нам помог: перебили их, а других захватили.

И пакы Итлареву чадь избиша[146], и вежи ихъ взяхом, шедше за Голтавомь[147].

И вновь Итлареву чадь перебили, и вежи их взяли, идя за

Голтав.

И Стародубу идохом на Олга[148], зане ся бяше приложилъ к половцем. И на Богъ идохом[149], с Святополком на Боняка за Рось[150].

И к Стародубу ходили на Олега, потому что он сдружился с половцами. И на Буг ходили со Святополком на Боняка, за Рось.

Бегство Изяслава в Польшу и примирение Всеволода и Изяслава Ярославичей. ***Украшенный миниатюрами лист Радзивилловской летописи. XV в.***

И Смолиньску идохом, с Давыдомь смирившеся. Паки идохом другое с ВоронищЂ[151].

И в Смоленск пошли, с Давыдом помирившись. Вновь ходили во второй раз с Вороницы.

Тогда же и торци[152] придоша ко мнѢ, и с половець читѣевичи, идохом противу имъ на Сулу.

Тогда же и торки пришли ко мне с половцами-читеевичами, и ходили мы им навстречу на Сулу.

И потомь паки идохом к Ростову на зиму[153], и по 3 зимы ходихом Смолиньску. И-Смолиньска идох Ростову[154].

И потом снова ходили к Ростову на зиму, и три зимы ходили к Смоленску. Из Смоленска пошел я в Ростов.

И пакы с Святополком гонихом по БоняцЂ, но ли оли… убиша[155], и не постигохом ихъ. И потом по БоняцЂ же гонихом за Рось, и не постигохом его.

И опять со Святополком гнались за Боняком, но… убили, и не настигли их. И потом за Боняком гнались за Рось, и снова не настигли его.

И на зиму Смолинску идохъ, и-Смоленьска по ВелицЂ дни[156] выидох; и Гюргева мати умре[157].

И на зиму в Смоленск пошел; из Смоленска после Пасхи вышел; и Юрьева мать умерла.

Переяславлю пришедъ на лѣто, собрах братью[158].

В Переяславль вернувшись к лету, собрал братьев.

И Бонякъ приде со всѣми половци къ Кснятиню[159], идохом за не ис Переяславля за Сулу, и Богъ ны поможе, и полъкы ихъ побѢдихом, и князи изъимахом лѣпшии, и по РожествЂ створихом миръ съ Аепою, и поимъ у него дчерь[160], идохом Смоленьску. И потом идох Ростову.

И Боняк пришел со всеми половцами к Кснятину; мы пошли за ними из Переяславля за Сулу, и Бог нам помог, и полки их победили, и князей захватили лучших, и по Рождестве заключили мир с Аепою, и, взяв у него дочь, пошли к Смоленску. И потом пошел к Ростову.

Пришед из Ростова, паки идох на половци на Урусобу с Святополком[161], и Богъ ны поможе.

Придя из Ростова, вновь пошел на половцев на Урусову со Святополком, и Бог нам помог.

И потом паки на Боняка к Лубъну[162], и Богъ ны поможе.

И потом опять ходили на Боняка к Лубну, и Бог нам помог.

И потом ходихом к Воиню[163] с Святополком; и потом пакы на Донъ идохом с Святополком и с Давыдомъ[164], и Богъ ны поможе.

И потом ходили к Воиню со Святополком, и потом снова на Дон ходили со Святополком и с Давыдом, и Бог нам помог.

И к Выреви[165] бяху пришли Аепа и Бонякъ, хотѣша взяти ѝ, ко Ромну[166] идох со Олгомь и з дѣтми на нь, и они, очутивше, бѣжаша.

И к Вырю пришли было Аепа и Боняк, хотели взять его; к Ромну пошли мы с Олегом и с детьми на них, и они, узнав, убежали.

И потом к Мѣньску ходихом на Глѣба[167], оже ны бяше люди заялъ, и Богъ ны поможе, и створихом свое мышленое.

И потом к Минску ходили на Глеба, который наших людей захватил, и Бог нам помог, и сделали то, что задумали.

И потом ходихом къ Володимерю на Ярославця[168], не терпяче злобъ его.

И потом ходили к Владимиру на Ярославца, не стерпев злодеяний его.

А и-Щернигова до Кыева нестишьды ѣздих ко отцю, днемъ есмъ переѣздилъ до вечерни[169]. А всѣх путий 80 и 3 великих[170], а прока не испомню менших. И миръ есмъ створилъ с половечьскыми князи безъ одиного 20, и при отци и кромѣ отца, а дая скота много и многы порты своѣ[171]. И пустилъ есмь половечских князь лѣпших изъ оковъ толико: Шаруканя 2 брата[172], Багубарсовы 3[173], Осеня братьѣ 4[174], а всѣх лѣпших князий инѣхъ 100[175]. А самы князи Богъ живы в руцѣ дава: Коксусь с сыномь, Акланъ, Бурчевичь, Таревьскый князь Азгулуй[176], и инѣхъ кметий молодых 15[177], то тѣхъ живы ведъ, исѣкъ, вметах в ту рѣчку въ Салню[178]. По чередам избьено не съ 200 в то время лѣпших.

А из Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу, за один день проезжая, до вечерни. А всего походов было восемьдесят и три великих, а остальных и не упомню меньших. И миров заключил с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце и без отца, а раздаривал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков лучших князей половецких столько: Шаруканевых двух братьев, Багубарсовых трех, Осеневых братьев четырех, а всего других лучших князей сто. А самих князей Бог живыми в руки давал: Коксусь с сыном, Аклан Бурчевич, таревский князь Азгулуй и иных витязей молодых пятнадцать, этих я, приведя живых, иссек и бросил в ту речку Сальню. А врозь перебил их в то время около двухсот лучших мужей.

А се тружахъся ловы дѣя: понеже сѣдох в Черниговѣ, а и-Щернигова вышед, и до сего лѣта по сту уганивал и имь даром всею силою кромѣ иного лова, кромѣ Турова, идѣже со отцемь ловилъ есмь всякъ звѣрь.

А вот как я трудился, охотясь, пока сидел в Чернигове; а из Чернигова выйдя и до этого года по сту уганивал и брал без трудов, не считая другой охоты, вне Турова, где с отцом охотился на всякого зверя.

А се в ЧерниговѢ дѣялъ есмь: конь диких своима руками связалъ есмь въ пущах 10 и 20 живых конь, а кромѢ того же по ровни Ѣздя ималъ есмь своима рукама тѢ же кони дикиѢ. Тура мя 2 метала на розѢх[179] и с конемъ, олень мя одинъ бодъ, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другый рогома бодъ, вепрь ми на бедрѢ мечь оттялъ, медвѢдь ми у колѣна подъклада укусилъ, лютый звѢрь скочилъ ко мнѢ на бедры и конь со мною поверже[180]. И Богъ неврежена мя съблюде. И с коня много падах, голову си розбих дважды, и руцѢ и нозѢ свои вередих, въ уности своей вередих, не блюда живота своего, ни щадя головы своея.

А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул. И Бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал и руки и ноги свои повреждал – в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

В. М. Васнецов. Баян. *1910 г.*

Боян (Баян) — один из персонажей «Слова о полку Игореве», сказитель, певец, «песнотворец», возможно, историческое лицо — придворный певец ряда русских князей XI в. По-видимому, Боян и подобные ему певцы-сказители были и авторами, и исполнителями своих ритмизированных песен, которые либо воспевали, либо хулили известных слушателям людей.

Еже было творити отроку моему[181], то сам есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ[182], не дая собѣ упокоя[183]. На посадники не зря, ни на биричи[184], сам творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ, и в дому своемь то я творилъ есмь. И в ловчих ловчий нарядъ сам есмь держалъ, и в конюсѣх, и о соколѣхъ и о ястребѣх[185].

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал – на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у

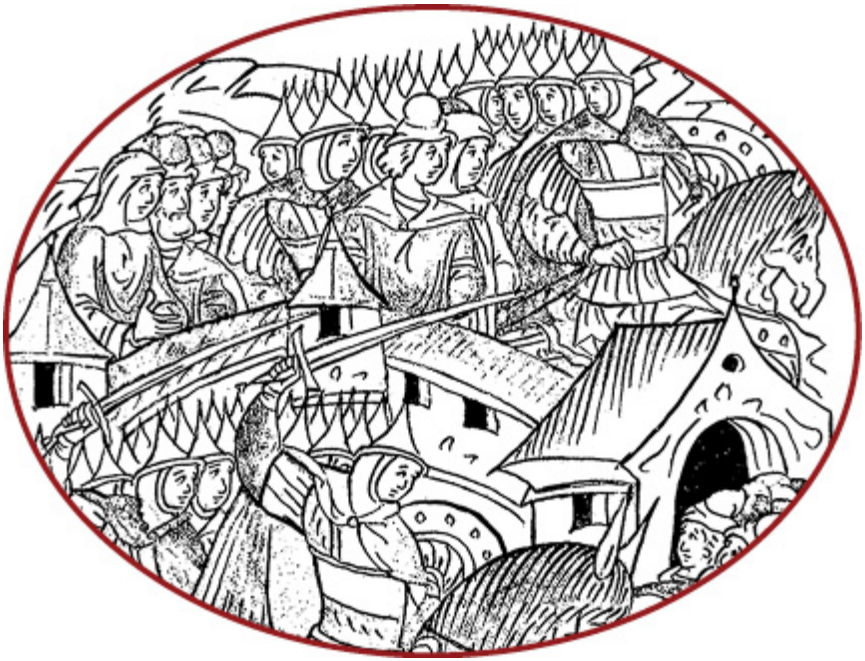
ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах и о ястребах заботился.

Тоже и худаго смерда и убогыѣ вдовицѣ не далъ есмь силным обидѣти, и церковнаго наряда и службы сам есмъ призиралъ.

Также и бедного смерда и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал.

Да не зазрите ми, дѣти мои, ни инъ кто, прочетъ, не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю Бога и прославьляю милость Его, иже мя, грѣшнаго и худаго, селико лѣт сблюд от тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣнива мя былъ створилъ, худаго, на вся дѣла человѣчьская потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потъснѣтеся на вся дѣла добрая, славяще Бога с святыми Его. Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни от звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы Богъ подасть. Оже бо язъ от рати, и от звѣри, и от воды[186], от коня спадаяся, то никтоже вас не можеть вредитися и убити, понеже не будет от Бога повелѣно. А иже от Бога будет смерть, то ни отець, ни мати, ни братья не могуть отъяти, но аче добро есть блюсти, Божие блюденье лѣплѣѣ есть человѣчьскаго.

Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтет: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю Бога и прославляю милость Его за то, что Он меня, грешного и худого, столько лет оберегал от тех смертных опасностей, и не ленивым меня, дурного, создал, на всякие дела человеческие годным. Прочитав эту грамотку, постарайтесь на всякие добрые дела, славя Бога со святыми Его. Смерти ведь, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам Бог пошлет. Ибо, если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от Бога повелено. А если случится от Бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело – остерегаться самому, то Божие сбережение лучше человеческого.



Письмо Владимира Мономаха к Олегу Святославичу

ПИСЬМО ВЛАДИМИРА МОНОМАХА К ОЛЕГУ СВЯТОСЛАВИЧУ

О, многострастный и печалны азъ![187] Много борешися сердцемь, и одолѣвши, душе, сердцю моему, зане, тлѣньнѣ сущи, помышляю, како стати пред страшным судьею, каянья и смѣренья не приимшим межю собою.

О, я, многострадальный и печальный! Много борешься, душа, с сердцем и одолеваешь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным судьею, не покаявшись и не помирившись между собою.

Молвить бо иже: «Бога люблю, а брата своего не люблю», – ложь есть[188]. И пакы: «Аще не отпустите прегрѣшений брату, ни вам отпустить Отець ваш Небесный»[189]. Пророкъ глаголеть: «Не ревнуй лукавнующим, ни завиди творящим безаконье»[190]. «Что есть добро и красно, но еже жити братья вкупѣ!»[191] Но все дьяволе наученье! то бо были рати при умных дѣдѣх наших, при добрых и при блаженых отцихъ наших[192]. Дьяволъ бо не хочет добра роду человѣчскому, сваживает ны. Да се ти написах, зане принуди мя сынъ мой, его же еси хрстилъ[193], иже то сѣдить близь тобе[194], прислалъ ко мнѣ мужь свой и грамоту, река: «Ладимъся и смѣримся, а братцю моему судъ пришелъ. А вѣ ему не будевѣ местника[195], но възложивѣ на Бога, а станутъ си пред Богомь; а Русьскы земли не погубим»[196]. И азъ видѣх смѣренье сына своего, сжалихси, и Бога устрашихся, рекох: онъ въ уности своей[197] и в безумьи сице смѣряеться – на Бога укладаеть; азъ человѣкъ грѣшенъ есмь паче всѣх человѣкъ.

Ибо кто молвит: «Бога люблю, а брата своего не люблю», – ложь это. И еще: «Если не простите прегрешений брату, то и вам не простит Отец ваш Небесный». Пророк говорит: «Не соревнуйся лукавствующим, не завидуй творящим беззаконие». «Что лучше и прекраснее, чем жить братьям вместе». Но все наущение дьявола! Были ведь войны при умных дедах наших, при добрых и при блаженных отцах наших. Дьявол ведь ссорит нас, ибо не хочет добра роду человеческому. Это я тебе написал, потому что понудил меня сын мой, крещенный тобою, что сидит близко от тебя; прислал он ко мне мужа своего и грамоту, говоря в ней так: «Договоримся и помиримся, а братцу моему Божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на Бога, когда предстанут перед Богом; а Русскую землю не погубим». И я видел смирение сына моего, сжалился и, Бога устрашившись, сказал: «Он по молодости своей и неразумению так смиряется, на Бога

возлагает; я же – человек, грешнее всех людей».

Княжеская одежда XI в.
по византийским источникам.
Литография А. В. Прохорова из книги
С. С. Стрекалова «Русские исторические одежды
от X до XIII в.». 1877 г.

Послушах сына своего, написах ти грамоту: аще ю приимеши с добромь, ли с поруганьемь, свое же узрю на твоем писаньи.

Сими бо словесы варих тя переди, егоже почаяхъ от тебе, смѣреньем и покаяньем, хотя от Бога ветхыхъ своихъ грѣховъ оставления. Господь бо наш не человѣкъ есть, но Богъ всей вселенѣи, иже хощеть, в мгновеньи ока вся створити хощеть, то Сам претерпѣ хуленье, и оплеванье, и ударенье, и на смерть вдася, животом владѣя и смертью. А мы что есмы, человѣци грѣшни и лиси? – днесь живи, а утро мертви, днесь в славѣ и въ чти, а заутра в гробѣ и бес памяти, ини собранье наше раздѣлять.

Послушал я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли ты ее по-доброму или с поруганием, то и другое увижу из твоей грамоты. Этими ведь словами я предупредил тебя, чего я ждал от тебя, смирением и покаянием желая от Бога отпущения прошлых своих грехов. Господь наш не человек, но Бог всей вселенной, – что захочет, во мгновение ока все сотворит, – и все же Сам претерпел хулу, и оплевание, и удары и на смерть отдал себя, владея жизнью и смертью. А мы что такое, люди грешные и худые? – сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и чести, а завтра в гробу и забыты, – другие собранное нами разделят.

Зри, брате, отца наю: что взяста или чим има порты? но токмо оже еста створила души своей. Но да сими словесы, пославше бяше переди, брат, ко мнѣ варити мене. Егда же убиша дѣтя мое и твое[198] пред тобою, и бяше тебѣ, узрѣвше кровь его и тѣло увянувшю, яко цвѣту нову процветшю, якоже агньцю заколену, и рещи бяше, стояще над ним, вникнущи въ помыслы души своей: «Увы мнѣ! что створихъ? И пождавъ его безумья, свѣта сего мечетнаго кривости ради налѣзох грѣх собѣ, отцю и матери слезы»[199].

Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды? Только и есть у них, что сделали душе своей. С этими словами тебе первому, брат, надлежало послать ко мне и предупредить меня. Когда же убили дитя, мое и твое, перед тобою, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его, увянувшее подобно цветку, впервые распустившемуся, подобно агнцу заколотому, сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: «Увы мне, что я сделал! И, воспользовавшись его неразумием, ради неправды света сего суетного нажил я грех себе, а отцу и матери его принес слезы!»

Ф. Г. Солнцев. Княжеская одежда XI в.
по изображениям на фресках Софийского собора
в Киеве. *XIX в.*

И рещи бяше Давыдскы: «Азъ знаю, грѣх мой предо мною есть воину»[200]. Не крове дѣля пролиться, – помазаникъ Божий Давыдъ, прелюбодѣянье створивъ, посыпа главу свою и плакася горко; во тъ час отда ему согрѣшенья его Богъ. А к Богу бяше покаятися, а ко мнѣ бяше грамоту утѣшеную, а сноху мою послати ко мнѣ[201], зане нѣсть в ней ни зла, ни добра, да бых,

обуимъ, оплакалъ мужа ея и оны сватбы ею, въ пѣсний мѣсто: не видѣхъ бо ею первѣе радости, ни вѣнчанья ею[202], за грѣхы своя! А Бога дѣля пусти ю ко мнѣ вборзѣ с первым сломь, да с нею кончавъ слезы, посажю на мѣстѣ, и сядет акы горлица на сусѣ древѣ желѣючи, а язъ утѣшюся о Бозѣ[203].

Надо было бы сказать тебе словами Давида: «Знаю, грех мой всегда передо мной». Не из-за пролития крови, а свершив прелюбодеяние, помазанник Божий Давид посыпал главу свою и плакал горько, – в тот час отпустил ему согрешенья его Бог. Богу бы тебе покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне, – ибо нет в ней ни зла, ни добра, – чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и ту свадьбу их, вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их, за грехи мои. Ради Бога, пусти ее ко мне поскорее с первым послом, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица на сухом дереве, горюя, а сам бы я утешился в Боге.

Тѣм бо путем шли дѣди и отци наши: судъ от Бога ему пришелъ, а не от тебе. Аще бы тогда свою волю створилъ, и Муромъ налѣзлъ, а Ростова бы не заималъ[204], а послалъ ко мнѣ, отсюда ся быхом уладили[205]. Но сам разумѣй, мнѣ ли бы послати к тебѣ достойно, ци ли тобѣ ко мнѣ? Даже еси велѣлъ дѣтяти: «Слися къ отцю», десятью я есмь послалъ.

Тем ведь путем шли деды и отцы наши: суд от Бога пришел ему, а не от тебя. Если бы тогда ты свою волю сотворил и Муром добыл, а Ростова бы не занимал и послал бы ко мне, то мы бы отсюда и уладились. Но сам рассуди, мне ли было достойно послать к тебе или тебе ко мне? Если бы ты велел сыну моему: «Сошлись с отцом», десять раз я бы послал.

Дивно ли, оже мужь умерлъ в полку ти?[206] Лѣпше суть измерли и роди наши. Да не выискывати было чюжего, – ни мене в соромъ, ни в печаль ввести. Научиша бо и паропци, да быша собѣ налѣзли, но оному налѣзоша зло. Да еже начнеши каятися Богу, и мнѣ добро сердце створиши, пославъ солъ свой. или пископа, и грамоту напиши с правдою, то и волость възмешь с добромъ, и наю сердце[207] обратиши к собѣ, и лѣпше будемъ яко и преже; нѣсмъ ти ворожбитъ, ни местьникъ. Не хотѣхъ бо крови твоея видѣти у Стародуба[208]: но не дай ми Богъ крови от руку твоею видѣти, ни от повелѣнья твоего, ни котораго же брата. Аще ли лжю, а Богъ мя вѣдаеть и крестъ честный. Оли то буду грѣх створилъ, оже на тя шедъ к Чернигову, поганых дѣля, а того ся каю; да то языком братьи пожаловахъ, и пакы е повѣдах, зане человѣкъ есмь.

Дивно ли, если муж пал на войне? Умирали так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать чужого и меня в позор и

в печаль вводить. Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла. И если начнешь каяться Богу и ко мне будешь добр сердцем, послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдою, тогда и волость получишь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба; но не дай мне Бог видеть кровь ни от руки твоей, ни от повеления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если же я лгу, то Бог мне судья и крест честной! Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за язычников, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, потому что я человек.

Шапка Мономаха

Считается, что эта регалия русских великих князей и царей была изготовлена в конце XIII — начале XIV в. Но само наименование «Шапка Мономаха» появляется в русских источниках только в начале XVI ст.

Аще ти добро, да с тѣмь… али ти лихо е, да то ти сѣдить сынъ твой хрестьный с малым братомъ своимь[209], хлѣбъ Ѣдучи дѣдень[210], а ты сѣдиши в своемъ[211] – а о се ся ряди; али хочеши тою убити, а то ти еста, понеже не хочю я лиха, но добра хочю братьи и Русьскѣй земли. А егоже то и хощеши насильем,

тако вѣ даяла и у Стародуба и милосердуюча по тебѣ, очину твою. Али Богъ послух тому, с братом твоимъ рядилися есвѣ, а не поможеть рядитися бес тебе. И не створила есвѣ лиха ничтоже, ни рекла есвѣ: сли к брату, дондеже уладимся. Оже ли кто вас не хочеть добра, ни мира хрестьяном, а не буди ему от Бога мира узрѣти на оном свѣтѣ души его!

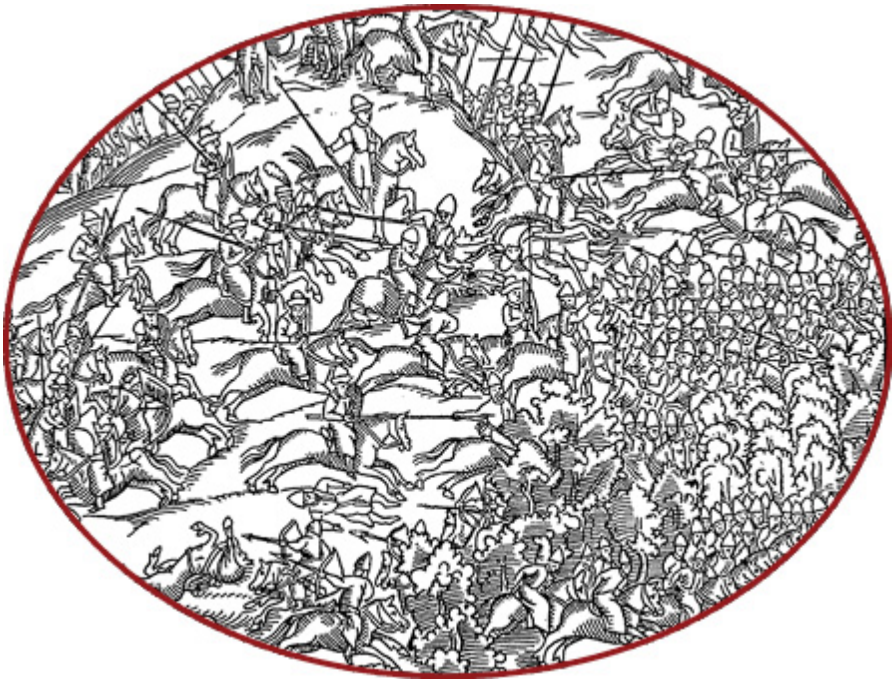
Если тебе хорошо, то… если тебе плохо, то вот сидит подле тебя сын твой крестный с малым братом своим и хлеб едят дедовский, а ты сидишь на своем хлебе, об этом и рядись; если же хочешь их убить, то вот они у тебя оба. Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле. А что ты хочешь добыть насильем, то мы, заботясь о тебе, давали тебе и в Стародубе отчину твою. Бог свидетель, что мы с братом твоим рядились, если он не сможет рядиться без тебя. И мы не сделали ничего дурного, не сказали: пересылайся с братом до тех пор, пока не уладимся. Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, пусть тому от Бога мира не видать душе своей на том свете!

Не по нужи ти молвлю, ни бѣда ми которая по Бозѣ, сам услышишь; но душа ми своя лутши всего свѣта сего.

Не от нужды говорю я это, ни от беды какой-нибудь, посланной Богом, сам поймешь, но душа своя мне дороже всего света сего.

На Страшнѣй при бе-суперник обличаюся. И прочее[212].

На Страшном суде без обвинителей сам себя обличаю. И прочее.



Устав Владимира Мономаха

УСТАВ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

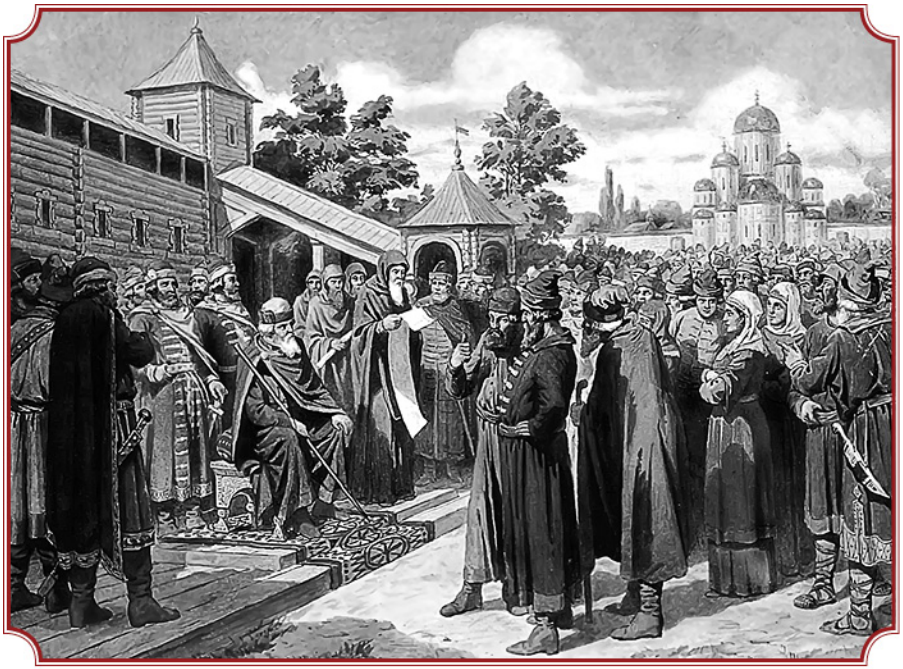
Введение

Устав Владимира Мономаха (Устав о резах[213]) является составной частью сборника древнерусских правовых норм – так называемой «Русской Правды (Пространной редакции)»[214].

Первая ее часть, Древнейшая Правда, или Правда Ярослава, была основана на устном законе и правовых обычаях. Она содержала всего 18 статей, в которых предусматривались наказания за убийство, побои, езду на чужом коне, порчу имущества и проч., подтверждалось право родственников на кровную месть за убийство (она могла быть заменена денежным штрафом*)*. Правда Ярослава была прежде всего судебником новгородским и киевским: Ярослав Мудрый писал ее «для себя». Ее создание относят к 1016–1036 годам.

Однако жизнь меняется стремительно – это справедливо не только для XXI, но и для XI века. Прошло всего несколько десятилетий – и ряд юридических норм вышел из употребления или устарел. Кроме того, правовое поле далеко не охватывало всего многообразия экономических, торгово-финансовых, социальных, криминальных и прочих отношений, которые пронизывали все общество сверху донизу, непрерывно видоизменяясь и усложняясь. Общественная жизнь развивалась – и старая «Правда» уже не отвечала изменившейся общественной ситуации. В 1068–1072 годах сыновья Ярослава Мудрого – участники «триумвирата Ярославичей» – Изяслав, Святослав и отец Владимира Мономаха Всеволод – разработали новое законодательство, которое вошло в историю под названием «Правды Ярославичей». Она упорядочивала наказания за покушения на имущество и личность подданных князя, право кровной мести в ней уже не упоминалось (ее заменили штрафы), и в целом новая «Правда» более соответствовала требованиям времени.

А через тридцать лет занявший великокняжеский престол Владимир Мономах внес свой вклад в этот монументальный труд, сформулировав целый ряд новых статей, что явилось ответом на изменившиеся к тому времени правовые, экономические, финансовые, уголовные и имущественные реалии повседневной общественной жизни.



А. Д. Кившенко. **Чтение народу Русской Правды в присутствии великого князя Ярослава.** *1880 г.*

Различая понятия причины и повода, мы можем констатировать, что причиной создания Устава Владимира Мономаха явилась острая потребность исправить те перекосы в финансовой и социальной политике, которые накопились во время княжения его отца Всеволода Ярославича и особенно усилились в период правления его двоюродного брата и предшественника на киевском престоле – великого князя Святополка (Михаила) Изяславича. Непосредственным же поводом к исправлению законодательства стало последовавшее за смертью Святополка Киевское восстание 1113 года.

В Уставе Владимира Мономаха была предпринята попытка регламентации (собственно говоря – смягчения) имущественно-собственнических конфликтов. Главным предметом рассмотрения и урегулирования сделались вопросы долговых обязательств и кабальных отношений. Поэтому Устав посвящен прежде всего порядку возвращения денежных ссуд (например, если ссуда давалась в рост под 50 % годовых, то максимум, на который мог рассчитывать кредитор, не мог превышать 200 %,– сумма хотя и весьма значительная, но далеко не безграничная). В Уставе также рассматривалось положение закупов и холопов (были сформулированы их права и обязанности и несколько ограничен

произвол их владельцев). Запрещалось продавать в рабство купца, лишившегося ссуды в результате войны, пожара и т. д.

Оформившийся таким образом свод законов стал важной составной частью юридической практики на целое столетие – вплоть до прихода на Русь монголов; простиралось его влияние и далее: «отголоски» многих положений Русской Правды *(*и ее составляющей – Устава Владимира Мономаха*)* можно проследить в правовых документах отдаленных от времени ее составления веков.

* * *

При подготовке настоящего издания мы столкнулись с дилеммой: публиковать интересующие нас фрагменты летописи (то есть подлинные тексты самого Владимира Мономаха) в оригинальном виде – или ограничиться их переводами на современный русский язык? Конечно, чтение аутентичного текста, пусть даже модернизированного в орфографическом отношении, для неспециалиста представляет немалые сложности. С другой стороны, нам хотелось предложить вниманию читателей не просто изложение того, что написал 900 лет назад Владимир Всеволодович Мономах, а сами его писания. Вот почему было принято единственно возможное решение: печатая «Поучение», автобиографический рассказ и письмо к князю Олегу Черниговскому, мы древнерусский комментированный текст сопроводили переводом. Тем самым достоверность и ценность первоисточника сохранялись, а его трудности практически устранялись.

Так же мы поступаем и при публикации Устава Мономахова («Устава о резах», как его еще называют). Более того: для максимального облегчения восприятия текста мы даем перевод не после всего Устава, а после каждой его статьи. В результате читатель получает возможность ознакомиться с первоначальным текстом, с необходимыми к нему пояснениями и с переводом на современный русский язык в наиболее компактном и удобном виде, что несомненно облегчит чтение и понимание этого важного юридического памятника Древней Руси. Тексты статей Устава даются по изд.: Правда Русская. Т. 1–2 (М.; Л., 1947); оттуда же взяты переводы И. В. Платонова и В. Н. Сторожева[215] и комментарии. Печатается с сокращениями; примечания редакции, а также исправления, дополнения и сокращения примечаний издания 1947 г., за отдельными исключениями, не оговариваются.

Устав Володимира Всеволодича

53.

Володимерь Всеволодичь по Святополце созва дружину свою на Берестовемь[216]: Ратибора Киевьского тысячьского, Прокопью Белогородьского тысячьского[217], Станислава Переяславльского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича Олгова мужа, и уставили до третьего реза, оже емлеть в треть куны; аже кто возметь два реза, то то ему взяти исто[218], паки ли возметь три резы, то иста ему не взяти. Аже кто емлеть по 10 кун от лета[219] на гривну, то того не отметати.

Перевод И. В. Платонова

По смерти Святополка-Михаила, Владимир Всеволодович собрал в Берестовском дворце дружину свою: тысяцких: Ратибора [220] *киевского, Прокопия белогородского и Станислава переяславского; Нажира, Мирослава и боярина Олегова, Иоанна Чудиновича, и, посоветовавшись с ними, определил брать третный* [221] *рост только до третьего платежа, т. е., кто возьмет с своего должника третный рост, тому более никакого роста не требовать, а взять только свой капитал; если ж заимодавец возьмет три раза третные росты, то он лишается своего капитала. Если кто берет по 10 кун с гривны на год, то таковых ростов взимать не воспрещается.*

Перевод В. Н. Сторожева

По смерти Святополка Владимир Всеволодович созвал в селе Берестове свою дружину – тысяцких Ратибора киевского, Прокопья белгородского, Станислава переяславского, Нажира, Мирослава, Иванка Чудиновича, боярина Олегова (князя черниговского Олега Святославича), – и на съезде постановили: кто занял деньги с условием платить рост на два третий, с того брать такой рост только два года, и после того искать лишь капитала; а кто брал такой рост три года, тому не искать и самого капитала. Кто берет по 10 кун роста с гривны в год (т. е. 40 %) [222]*, то при таком росте иск самого капитала ни в коем случае не отменяется.*

Комментарии

А. И. Кранихфельд полагал, что Владимиром Мономахом узаконено было: брать третного росту с должника не более двух раз. Заимодавец, взявший рез в третий раз, не мог требовать истого, или капитала, своего с должника. Терпимая законом мера роста была пятьдесят со ста в год [46; с. 224].

По мнению *К. А. Неволина*, Владимир Мономах постановил, что «заимодавец, который возьмет три раза третной рост, уже не может требовать своего капитала». Рост по десяти кун с гривны на год Неволин, принимая здесь гривну вслед за Карамзиным равною 25 кунам, считал ростом 40 % в год и полагал, что Русская Правда его «признает ростом терпимым». Неволин также заметил, что Русская Правда прямо не запрещает высшего роста и что в частных случаях предоставлялось усмотрению судьи признать или отвергнуть рост, превышающий 40 % в год. «Еще менее Русская Правда или другой какой-либо известный закон определяли количество месячных или третных ростов. Может быть, они определялись обычаем. Но столько же могло здесь зависеть от условия сторон» [63; с. 123].

А. И. Загоровский, «не желая гадать», отказывался от определения «величины третного роста по Правде», но «лишение капитала, назначенное по статье тому, кто взял три третных реза», и затем достаточно высокий годичный рост заставляют думать, что «третные проценты были высоты немалой» [37; с. 43].

Некоторые историки склонны толковать понятие «Устав Владимира Мономаха» расширительно, включая в него все статьи, следующие в Пространной редакции Русской Правды за первыми двумя ее частями — Правдой Ярослава и Правдой Ярославичей (то есть ст. ст. 53—121). Однако, по мнению большинства ученых, к «Уставу Володимерь Всеволодича», как он озаглавлен в некоторых из дошедших до нас списков Правды, следует относить только статьи 53—66, толкующие порядок возвращения денежных ссуд и положение закупов и холопов. Мы будем следовать этому устоявшемуся мнению.

М. Ф. Владимирский-Буданов, считая (по Прозоровскому) гривну равною здесь уже 50 кунам, исчислял проценты этой статьи в 20 % и, вопреки Неволину, полагал, что «выше 10 кун с гривны брать не позволялось». «Одну из причин огромной высоты роста находят в общественном состоянии тогдашней России, при котором не всякий рискнул бы отдать свои деньги в долг, предвидя полную вероятность не получить их совсем». «Непомерная высота роста принудила общественную власть позаботиться о сокращении ее законодательным путем. Быть может, еще до Владимира Мономаха был ограничен месячный рост; а именно постановлено брать месячные росты только при займах на короткие сроки (“за мало дни”); если же заем продолжается до года, то месячные резы заменяются третными. Затем Владимир Мономах… постановил ограничение и третных процентов, а именно: заимодавец, два раза получивший третной процент, может требовать возвращения капитала (“истое”); если же возьмет в третий раз, то лишается права требовать капитал; очевидно, что третные проценты превышали цену самого капитала» [22; с. 623].

Златник Владимира I. *X в.*

Первая русская золотая монета. Чеканка монет на Руси началась в правление Владимира I, но продолжалась не более 30 лет. После чего в денежном обращении русских княжеств наступил так называемый «безмонетный период»: в обращении появилась гривна, представлявшая собой слитки серебра разных форм, а монеты, преимущественно иностранной чеканки, измерялись на вес.

В. О. Ключевский по этому поводу писал: «Капитал чрезвычайно дорог: при краткосрочном займе размер месячного роста не ограничивался законом; годовой процент определен одной статьей Правды “в треть”, на два третий, т. е. в 50 %. Только Владимир Мономах, став великим князем, ограничил продолжительность взимания годового роста в половину капитала: такой рост можно было брать только два года и после того кредитор мог искать на должнике только капитала, т. е. долг становился далее беспроцентным; кто брал такой рост на третий год, терял право искать и самого капитала. Впрочем, при долголетнем займе и Мономах допустил годовой рост в 40 %. Но едва ли эти ограничительные постановления исполнялись» [44; с. 302].

А. Е. Пресняков находил, что законодательство Мономаха «имело целью ввести в определенные рамки обострявшуюся социальную борьбу и, поскольку оно ограничивает эксплуатацию

меньшей братии, должно быть названо актом самозащиты социальных верхов перед напором раздражения черного люда» [72; с. 248].

М. В. Довнар-Запольский считал эту статью не заменою статьи 51, а законом, «дополнительным к предшествующему», на «непосредственную связь» с которым указывает уже «весьма любопытное надписание: “а се уставил”. Мономах в совещании с мужами “уставили до третьего раза, оже емлеть в треть куны”, т. е. они издали закон, предвидевший такой случай, когда должник не мог в срок уплатить долга и заимодавец воспользуется своим правом взимать в качестве штрафа третной рез более одного раза».

Для Довнар-Запольского это – «непосредственное продолжение закона о месячном резе, развитие этого закона и ограничение заимодавца, не приступившего своевременно ко взысканию капитала и %% с имущества или лица должника в целях получения третного реза». Довнар-Запольский считал, что, согласно постановлению Мономаха, «заимодавец, давший капитал, на условиях месячного реза, мог только два раза воспользоваться оплошностью неоплатного должника, т. е. дважды, на основании предшествующей статьи, получить третные резы. Если же заимодавец возьмет трижды третной рез, то он лишается права взыскивать капитал (“паки ли возьмет три резы, то иста ему не взяти”); лишение права взыскивать капитал было той пеней, которую нес заимодавец» [30; с. 201].

Л. К. Гётц находил постановление о процентах темным и не считал возможным выяснить его без привлечения новых источников. Все же он высказал догадку: не были ли постановления статей 51 и 53 искажены ошибкой писца? И предложил вместо «в треть» читать «в лето». При таком допущении Гётц так читал статью 51: «зайдут ли ся куны до того же года, то дадят ему куны в лето, а месячный рез погренути». И дал перевод статьи 53: «Они установили третные проценты для тех, кто берет деньги на год» [2; т. III, с. 251].

54.

Аже который купець истопиться. Аже который купець, кде любо шед с чюжими кунами, истопиться любо рать возметь ли огнь, то не насилити ему, ни продати его; но како начнеть от лета платити, тако же платить, зане же пагуба от бога есть, а не

виноват есть; аже ли пропиеться или пробиеться, а в безумьи чюжь товар испортить, то како любо тем, чии то товар, ждуть ли ему, а своя им воля, продадять ли, а своя им воля.

Перевод И. В. Платонова

Если какой-нибудь купец, взяв чужие товары или деньги, потерпит кораблекрушение, или подвергнется пожару, или будет ограблен неприятелем, то веритель не вправе сделать ему какое-нибудь насилие или продать его в рабство, но должен позволить ему рассрочку платежа погодно; ибо он невиновен в несчастной утрате товара: власть Божия. Но если купец вверенный ему товар или пропьет, или промотает, или испортит от небрежения, то он отдается в полную волю верителей; хотят ждут, хотят продадут в рабство, их воля.

Перевод В. Н. Сторожева

Если купец, взяв товары или деньги в кредит, потерпит кораблекрушение, или подвергнется пожару, или будет ограблен неприятелем, то нельзя сделать ему какое-либо насилие или продать его в рабство, но необходимо позволить ему рассрочку платежа на несколько лет, потому что это несчастье от Бога, а он не виноват в нем. Если же купец вверенный ему товар или пропьет, или проиграет, или испортит по глупости, то доверители поступают с ним, как им угодно; хотят – ждут, хотят – продадут в рабство, на то их воля.

Комментарии

И. Н. Болтин: «Не насилить – не делать насилия во взыскании, не бить на правеже, как обыкновенно при взыскании долгов с должниками было поступано». «Разделение платежа», по мнению Болтина, «оставлялось на рассуждение судей, кои, по мере долговых денег, и способов, кои должник к заплате имеет, располагали сроки платежа и предписывали количество денег, кои он, в назначенные сроки, уплачивать был должен, дабы не отяготить жребия, по несчастному случаю, в долги впадшего». «Пробиется» Болтин понимал, как «расточит, проиграет свое

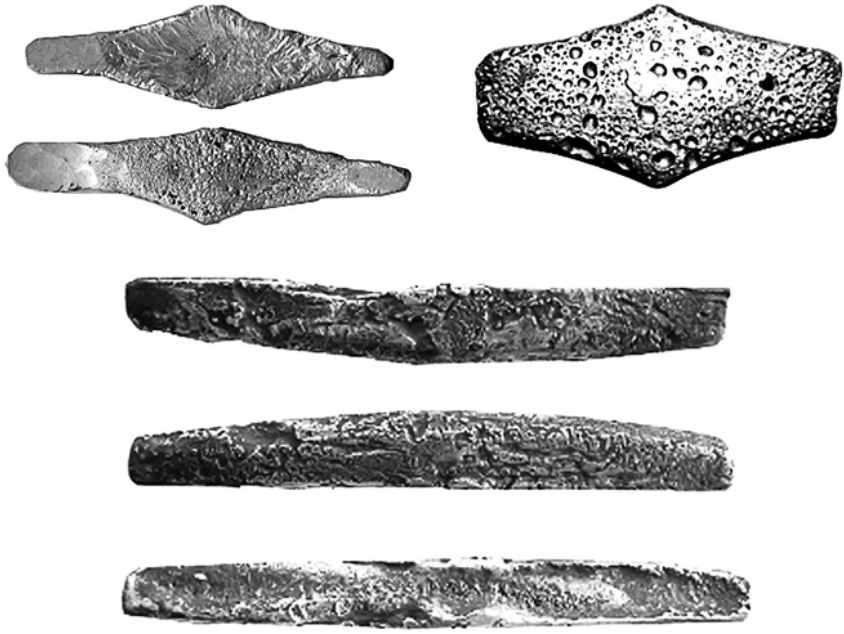
имение, бьючись об заклад» [20; с. 55–56].

Н. М. Карамзин толковал эту статью так: «Ежели чужие товары или деньги у купца потонут, или сгорят, или будут отняты неприятелем, то купец не ответствует ни головою, ни вольностию и может разложить платеж в сроки, ибо власть Божия и несчастия не суть вина человека. Но если купец в пьянстве утратит вверенный ему товар, или промотает его, или испортит от небрежения, то заимодавцы поступят с ним, как им угодно: отсрочат ли платеж или продадут должника в неволю» [41; с. 33].

Д. Н. Дубенский перечислял виды насильственных действий, от которых избавлялся несчастный банкрот: 1) не продавать его; 2) не водить на правеж; 3) не выдавать истцу головою до искупа (Судебник, статья 89). Правеж, уничтоженный Петром I, состоял в том, что пристав водил должника босого к дверям судной избы и в часы заседания сек его прутом по голой ноге до тех пор, пока судьи начинали разъезжаться [33; с. 83–84].

А. Г. Станиславский, отметив два вида несостоятельности, предусмотренные статьей 54, указывал, что в этих правилах не упоминается вовсе о ложной несостоятельности или о злостном банкротстве: по его мнению, «это преступление не было известно бесхитростным людям того времени» [87; с. 213].

С. М. Соловьев пояснял слово «пробьется»: «вероятно, если истеряет имущество на виры или платежи за побои» [85; с. 55].



Гривны XII—XIII вв.

В это время гривна серебра (весовая) и гривна кун (счетная, соответствовала определенному количеству монет) становятся на Руси платежно-денежными понятиями.

В обращении были гривны разной формы. Шестиугольные — киевские, весом около 140—160 г; палочкообразные — новгородские; удлиненные, расплющенные посередине — черниговские. Часть гривны, отрубленная от целого куска, появившаяся в обращении позднее, получила название *рубль*.

Н. И. Ланге полагал, что только тот подлежал ответственности за растрату товара, «кто в безумии чюж товар испроторит»; таким же безумием сочтена страсть к пьянству. «Но вся ответственность такого человека состояла только в вознаграждении обиженных, продаже же он не подвергался, вероятно, потому, что Правда не видела здесь еще собственно преступления, т. е. злонамеренного умысла на растрату чужого товара. Если же кто, объявив о растрате чьего-либо имущества, скрывал его у себя или продавал в свою пользу, тот, без

сомнения, при обнаружении его преступления, наказывался как тать».

Относительно наличия в Правде двух рядом стоящих слов – «пропиеться или пробиеться», Ланге замечал: «В некоторых списках стоит только первое слово, а последнего нет, и мы думаем, что это правильнее, потому что оно, по отношению к рассматриваемой нами статье, едва ли имеет какой-либо смысл. Помещение в ней слова «пробиеться» можно объяснить следующим образом: первоначальный переписчик текста Правды, по ошибке, часто случающейся, мог написать слово *пропиеться* два раза сряду; последующие переписчики, не догадываясь об ошибке, могли даже усиливаться прочесть последнее слово иначе, нежели первое, и, вследствие того, а может быть, и просто по неясности рукописи, образовалось слово *пробиеться*, которого, вероятно, не было в подлиннике Правды» [47; с. 188].

По мнению *Загоровского*, Правда проводит «строгое различие» между разными видами несостоятельности, «полагая то более, то менее строгий способ ответственности за долг, смотря по тому, где сколько видно злонамеренности». К злостным банкротам «применялась самая крайняя мера – продажа в рабство». «Затем следуют впавшие в неоплатность, хотя и по своей вине (расточители), но без употребления обмана или подлога, т. е. простые банкроты; их тоже Правда дозволяет продавать, но… допускает для них снисхождение: возможность отсрочки, по соглашению кредиторов… Наконец, полное покровительство закона оказывалось несчастным банкротам, несостоятельность которых есть не их вина, а пагуба от Бога. Против них запрещалось абсолютно всякое насилие, а самый долг разрешено было платить “от лета”». А. И. Загоровский не считал возможным определить, «какая была эта рассрочка, делалась ли она на неопределенное время и по неопределенной сумме, или же существовала для таких случаев определенная норма». Загоровский полагал, что статья 54 не ограничена случаями торговой несостоятельности – под эту статью, по его мнению, подходят любые должники [37; с. 61–63].

В. И. Сергеевич утверждал, что случай, предусмотренный статьей 54 Русской Правды, есть не что иное, как гражданская несостоятельность по стечению несчастных обстоятельств. В этом случае заимодавец может обратить должника в рабство, а должник удовольствоваться уплатою долга с рассрочкой [79; с. 358]. «Неоплатным должником может оказаться всякое лицо, на которое падает взыскание в силу причиненных его действиями (обидами) убытков», и Сергеевич думал, что, лица, виновные в убытках, не пользовались льготами, предоставленными

несчастным несостоятельным: они подлежали во всяком случае продаже в рабство [80; с. 142].

Владимирский-Буданов различал в Русской Правде «три рода несостоятельности: 1) несостоятельность, происшедшая не по вине должника, из случайных причин (пожара, кораблекрушения, истребления имущества неприятелями); в таком случае наступает обязательная рассрочка долга; 2) несостоятельность, возникшая по вине должника (пьянства, расточительности), при этом предоставляется выбору кредитора – или отсрочить уплату долга, или же продать должника в рабство, и 3) несостоятельность мнимая (злостное банкротство), когда должник преследуется и наказывается как вор – уголовным порядком». «При конкурсе нескольких кредиторов несостоятельный, по Русской Правде, может быть продан с публичного торга (ст. А[223], 55: “вести его на торг и продать”). То же можно разуметь и при отсутствии конкурса (ст. А, 54 говорит о несостоятельном вообще: “ждут ли ему, продадут ли его – своя им воля”). Впрочем, нужно думать, что продажа в холопство при одном кредиторе наступала лишь тогда, когда несостоятельность была безнадежна вполне; если же долг мог быть отработан, то несостоятельный был выдаваем кредитору для отработки долга» [22; с. 407].

В. А. Удинцев утверждал, что «законного долгового рабства не знает ни один из древнейших сводов», не известна идея долгового рабства и Русской Правде – для Краткой редакции это безусловно, Пространная Правда может возбудить сомнения своими статьями 54 и 55 и статьями о закупах. Удинцев рассматривал статьи, в которых находят признаки долгового рабства, и приходил прежде всего к выводу, что если в этих статьях говорится о рабстве, то возникает оно не из заемного обязательства, а обусловлено «наличностью особых обстоятельств – конкурса, злостного или неосторожного поведения должника, свойства купца, участия иноземца». Далее, в статьях 54 и 55 «мы имеем не заем, как обычно полагают, а покупку в кредит», сходную со средневековою commenda. Наконец, Удинцев полагал, что термин «продажа» (собственно – «продадять»), при сопоставлении со статьей 14 договора 945 г. с греками («продан будеть, яко да и порты, в них же ходить, да и то с него сняти») и со статьей 5 Двинской уставной грамоты, обозначает продажу имущества должника, «понудительное денежное взыскание» [89; с. 133–142].

Двинская уставная грамота — старейший после Русской Правды памятник русского права. Была дарована Двинской земле великим князем московским Василием I Дмитриевичем в 1397 г. после присоединения двинян к Москве. Определяла судебные и административные полномочия московского князя в Двинской земле.

Гётц в статье 54 видел комиссионную сделку между торговыми людьми, причем комиссионер – крупный купец, ведущий иногороднюю и даже заморскую торговлю. Льгота, получаемая комиссионером, есть результат разрешения судом нескольких случаев, когда комиссионер не мог выполнить своих обязательств, а не частное соглашение между комитентом и комиссионером. Общее правило, на которое опираются частные случаи, предусматриваемые статьей 54, по мнению Гётца, приближается к постановлению § 384 Германского торгового свода законов (Deutschen Handelsgesetzbuch) – комиссионер обязан при выполнении комиссионной операции проявить ту заботливость, которая обычна для собственных торговых операций [2; т. III, с. 352–356].

55.

О долзе. Аже кто многим должен будеть, а пришед гость из иного города или чюжеземець, а не ведая запустить за нь товар, а опять начнеть не дати гости кун, а первии далжебити начнуть ему запинати, не дадуче ему кун, то вести и на торг, продати же и отдати же первое гостины куны, а домашним, что ся останеть кун, тем же ся поделять; паки ли будуть княжи куны, то княжи куны первое взяти, а прок в дел; аже кто много реза имал, не имати тому.

Перевод И. В. Платонова

Если кто многим должен, а купец, приехавший из другого города или из другой земли, не зная про то, поверит ему товар

свой, и он окажется после не в состоянии заплатить сему верителю за товар, по причине требований со стороны первых заимодавцев; в таком случае вести должника на торг и продать и удовлетворить наперед требованиям гостя, а остальное разделить между прочими заимодавцами. Также, если он должен будет в казну, то очистить наперед казенные требования, а потом уже и требования других верителей: но если кто из них взял уже много ростов, тот лишается своих денег.

Перевод В. Н. Сторожева

Если кто будет многим должен, а купец, приехавший из другого города или из другой земли, не зная про то, поверит ему товар, – а тот будет не в состоянии и с ним расплатиться за товар, да и первые заимодавцы также станут требовать уплаты долгов, не давая взаймы для уплаты гостю, в таком случае вести должника на торг и продать, причем наперед выплатить долг пришельца, а остаток поделить между своими местными заимодавцами. Также, если будут за ним в долгу княжие деньги, то взыскать наперед их, а остальное в раздел. Но если кто взял уже много роста, тому лишиться своего капитала.

Комментарии

Карамзин дал такое изложение статьи 55: «Если кто многим должен, а купец иностранный, не зная ничего, поверит ему товар: в таком случае продать должника со всем его имением, и первыми вырученными деньгами удовольствовать иностранца или казну; остальное же разделить между прочими заимодавцами; но кто из них взял уже много ростов, тот лишается своих денег» [41; с. 33].

М. Т. Каченовский, приведя ряд случаев, свидетельствующих, по его мнению, «о неуважении к гостям в Древней Руси», продолжал о Русской Правде: «По смыслу статьи 55, несостоятельный должник продается, и ценою его удовлетворяется сперва гость, а потом уже домашние заимодавцы, по скольку кому достанется; сумма, принадлежащая князю, тоже взыскивается прежде». Этот противоречащий его рассуждениям о гостях смысл статьи 55 является для него еще одним доводом против достоверности Русской Правды [43; с.

366].

Станиславский в привилегиях, предоставляемых гостям, видел проявление «чувства похвальной гордости в соединении с правилами гостеприимства и желание показать чужеземцам, что они ни в коем случае не должны бояться за целость своего имущества». Несостоятельные должники, по мнению Станиславского, продаются на торгу в рабство [87; с. 213].

Б. Н. Чичерин отмечал, что «то же самое правило постановлено и в договоре Новгорода с готландцами11 в начале XIII в.: несостоятельный должник отдается в рабство иностранцу со всем семейством; гость может увести его с собою из Новгорода, если никто не согласится выкупить его на торгу, заплатив за него долг. Это самая жестокая форма уплаты; должник рассматривается как вещь, которой цена должна удовлетворить заимодавца» [92; с. 147].

Загоровский указывал, что Правде уже известны привилегированные требования: при конкурсе куны князя, иногороднего гостя и «чужеземца» взыскиваются прежде кун домашних кредиторов. За покрытием привилегированных долгов, остаток распределяется между кредиторами, не пользовавшимися специальными правами. «Каково было это распределение – только *pro rata* [224], или же наблюдалось сверх того и старшинство по времени, – положительно неизвестно». Загоровский думал, что имел силу первый порядок. Устраняются от дележа только те, которые уже много имали реза. Загоровский полагал, что по Русской Правде за долг заемщика прежде всего отвечает «лице его». Эти личные меры взысканий состояли в том, что несостоятельный должник поступал в распоряжение кредитора, который мог употреблять против должника разного рода физические насилия и даже продать его. Несмотря на отсутствие прямых указаний в Правде, Загоровский считал насилие необходимым элементом воздействия. Он даже предполагал существование в Древней Руси долговых тюрем. При жизни должника, по мнению Загоровского, семья не несла ответственности за долги ее члена, после смерти должника наследники должны были удовлетворить кредитора. Уплатой долга обязательство прекращалось [37; с. 48–49].

Владимирский-Буданов отметил, что «гость из иного города сравнен здесь с чужеземцем: очевидно, что город с его округом (в котором могли быть и другие города – пригороды) считается пределом действия как уголовного права (ст. 35), так и гражданского. Следовательно, город и его округ составляют государство в юридическом смысле». Конкурс начинается в том случае, «если прежние кредиторы – своеземцы, сограждане

должника, начнут препятствовать чужеземцу взыскивать свой долг», – тогда полагается «вести должника на торг и продать его; из вырученных денег уплатить прежде долг гостя, а потом остатки поделить между домашними (той же земли) кредиторами. Но долг князю взыскивается прежде всего; кредитор, бравший большие проценты, не пользуется долею имущества, вырученного от продажи несостоятельного должника» [23; примеч. 96].

Ключевский: «…При конкурсе предпочтение отдается гостям, кредиторам иногородным и иноземным или казне, если за несостоятельным купцом окажутся “княжи куны”: они получают деньги из конкурсной массы полным рублем, и остаток делится между “домашними” кредиторами» [44; с. 301].

Пресняков видел в статьях 10 Краткой Правды и 48 и 55 Пространной Правды проявление уставной деятельности князей, создающей «определение прав лиц, не входящих в состав обычно-правовых народных союзов, иноземцев и иностранных, приезжих купцов и т. п., беря их под особую княжую защиту либо создавая особые условия, облегчающие применение к ним общих норм права» [72; с. 219, примеч. 1].

Удинцев находил, что древнее русское право не знало продажи в рабство за долги. Всегда, когда говорится о продаже, разумеется продажа имущества [89; с. 133–142].

По *Гётцу*, несостоятельность должника приводит к установлению конкурса, на котором в первую очередь удовлетворяется претензия гостя. По мнению Гётца, неплатежеспособный должник выводится кредиторами на рынок и продается, вырученная сумма поступает в конкурсную массу. В подтверждение того, что неплатежеспособный должник продается, Гётц ссылался на известия Масуди и других мусульманских авторов, которые говорят, что в случае банкротства купца, ведущего торговые операции с иностранцем, для удовлетворения претензии последнего продается жена должника, его дети, домашние (за детьми) и он сам [2; т. II, с. 343 и т. III; с. 256–263].

Абу-ль-Хасан Али ибн аль-Хусейн аль-Масуди (ок. 896 — 956) — историк, географ и путешественник, «арабский Геродот». До нас дошли две его книги: сокращ. излож. 30-томн. «Ахбар-аз-заман» («Известия времени», устар. назв. перевода — «Золотые луга и алмазные россыпи») и «Китаб ат-танбих ва-л-ишраф» («Книга указания и наблюдения»).

П. Н. Мрочек-Дроздовский под «гостем» статьи 55 понимал иногороднего или чужеземного купца, а также местного купца, занимающегося отъезжим торгом [61; с. 37].

Ф. Г. Солнцев. Княжеские одежды
по «Изборнику» князя Святослава. *XIX в.*

«Закупы». К «Уставу о закупах» (ст. 56–64) в целом

Болтин: «Закупный человек есть то, что после разумели под названием кабального холопа, сиречь по кабале или записи служащего… [закупные люди] тем только разнствовали от полных и докладных (как по Судебнику и Уложению они называются), сиречь крепостных холопей, что таковых ни продать, ни в приданые отдать, ниже по духовной в наследие детям своим

оставить было не можно, понеже они или по протечении урочного времени, которое они служить обязались, или по смерти господина, возвращали свою прежнюю свободу… Называть мы будем закупня… наймитом, как… в статье 5 [А, 61] сие слово вместо закупень поставлено, следственно, то и другое имело тогда одинакое значение» [20; с. 59–60].

Карамзин: «Слуга шел в неволю временную: он ими [деньгами] как бы сковывал себя» [41; примеч. 92].

А. М. Ф. фон Рейц: «Служба по условию была вроде неволи, хотя неполной. Нанятый работник (“закуп”, купленный) [der Gemietete Knecht] обязывался нести известную службу по условию… Законы ничего не говорят о прекращении обязанности служить по найму… Не заключалось ли таковое условие на всю жизнь? Позднее мы видим нечто подобное, службу кабальную». «Правда XIII столетия… упоминает о людях, купленных для обрабатывания земли (ролейный[225] закуп)» [74; с. 194, 196, 145].

В. А. Мацейовский, исходя из статьи 13 («в сельском тивуне в княжи или в ратайнем») и терминов «закуп», «наймит» статьи 61, различал ратаев, сидевших на княжеской земле, и закупов – на частной, понимая под последними – сговоренных на время, купленных наемников [4; II, § 106, с. 133].

Н. В. Калачов: «К договору найма (locatio, conductio) относятся статьи о закупе. Под именем закупа, или наймита, разумеется свободный человек, поступивший за определенную плату в услужение или для работы к другому свободному же человеку. Особенность этого договора по Русской Правде заключается в том, что обыкновенно плата выдается закупу его хозяином или господином вперед в виде займа, который наймит выплачивает своей работой или службой. Но для того чтобы хозяин не употреблял во зло своего права на закупа, а с другой стороны, для того чтобы сам не терпел убытка от нерадения или вины со стороны последнего, они связаны как в отношениях между собою, так и к посторонним лицам некоторыми определенными обязанностями [“со стороны хозяина” и “со стороны закупа”]» [40; с. 141].

Соловьев: «Закупнем, или наймитом, назывался работник, нанимавшийся на известный срок и за известную плату, которую, как видно, он получал вперед…». «Наймит получал полную свободу без обязанности выплатить господину взятое вперед», «если бы господин вздумал продать наймита как обель[226]…» [85; с. 229].

Д. И. Мейер: «На основании дошедших до нас памятников можно думать, что древнейший залог – залог самого себя: о нем

упоминается уже в Правде детей Ярославовых, в которой, по моему мнению, под закупом должно понимать заложившегося человека, службою рассчитывающегося с верителем… Но соображение всех мест Правды и других актов, касающихся закупа, заставляет ограничить временное холопство закупа одним источником – залогом. Из статьи 73 Правды [А, 59–62] видно, что закуп – должник господина, которому служит, но нигде не сказано, что бывают и закупы – не должники. Действительно, закуп противополагается обелу, но из этого не следует, что всякий временный холоп есть закуп, а следует только, что закуп не вполне свободный человек.

В статье 73 [А, 61] закуп назван наймитом, но это ничего не доказывает против значения заложника, ибо тут же предполагается, что наймит должен своему хозяину… Закуп может быть назван наймитом потому, что он следующею ему за службу платою очищает лежащий на нем и обеспеченный его лицом долг. В позднейших актах имя закупа заменяется названием: “закладчик”, но еще в челобитной торговых людей, представленной Алексею Михайловичу в 1646 г. по поводу причиненных им иноземцами притеснений, упоминается о “закупнях”, русских людях, которых иноземцам держать не велено, и полагаю, что *закупень* означает здесь закладчика. Закуп относится также к землям с несомненным значением залога[227]…

Самоотчуждение, приписываемое закупу определениями Правды, проявляется и в позднейших свидетельствах источников о закладнях, закладниках, закладчиках… Купцы и смерды, поступавшие в число их [закладников], обеспечивая собою займы, подчинялись власти верителей и подлежали их распоряжениям… Условие о непринимании закладников, помещавшееся в договорах и духовных грамотах князей, сменилось запрещением для тяглых людей вступать в закладники: оно еще яснее показывает, что заклад самого себя есть самоотчуждение… Источники не содержат никаких свидетельств об оставлении звания закладчика вследствие выкупа. Можно даже предположить с некоторою вероятностью, что закладывались по займам безденежным для приобретения… покровительства сильного человека» [58; с. 7–9].

Неволин: «В Правде говорится о найме для постоянных служб и работ… Наемник в Русской Правде называется наймитом, преимущественно же закупом. Уже это название показывает, что существо договора личного найма по Русской Правде состояло в том, что свободный человек запродавал себя другому во временное холопство, что, следовательно, наемная плата, вся или часть ее, выдавалась закупу хозяином вперед в виде займа,

который закуп выплачивал своей работой или службою. Договор заключался, без сомнения, словесно, но, может быть, в присутствии свидетелей. Обязанности закупа… вообще исполнять то, для чего он нанялся… Обязанности господина… исправно платить или зачитать в уплату долга следующую ему плату». «Залог назывался закупом, почему в особенности и человек, взявший в заем деньги у другого под залог своей свободы, назывался в древние времена закупом… имение закупное означало имение, взятое в залог (Литовский Статут, разд. 2, ст. 2)» [63; с. 189; 62; с. 339, примеч. 124].

Статут Великого княжества Литовского (Литовский Статут) — верховный закон этого государства, составлявший его правовую основу. Первый Статут, состоящий из 13 разделов (282 статей), был издан в 1529 г. Статут регламентировал вопросы гражданского, уголовного и процессуального права. Второй Статут был издан в 1566 г. и отражал социально-экономические и политические изменения. Третий Статут был издан в 1588 г. и действовал на территории Великого княжества Литовского до полной его отмены в 1840 г.

В. Н. Лешков: «Ближайший к состоянию рабов класс русского населения составляли закупы, которых два рода насчитывает Русская Правда, упоминающая отдельно: 1) о закупе – наймите, закупном человеке, вероятно, слуге домашнем, и 2) о закупе ролейном[228], предполагается, работавшем в поле. Впрочем, в том и другом положении закуп, по закону, находится к господину только в отношении наемника, не более… Можно сказать, что отношения между господами и их закупами основаны в Русской Правде на начале найма, на договоре взаимном и равном[229]… Чем же отличался закуп от свободного работника и почему составлял он отдельный род и класс населения? Тем, что он – закуп, наперед забрал деньги и заживал их работою; тогда как вольнонаемный получал плату после заслуги и работы» [49; с. 155–156].

Чичерин: «Рядом с рабством является в Русской Правде другое зависимое состояние: это состояние закупа. Закупом назывался человек, который за долг отдавался в работу до уплаты… Он называется также наймитом, и действительно это был род

личного найма, но с присоединением к этому заемного обязательства (купы). Поэтому такое состояние скорее можно назвать личным закладом, на что указывает и слово: закуп, тождественное с закладом. Впоследствии самое это слово исчезает, и вместо него является название закладня, которое в свою очередь превращается, наконец, в название кабального холопа. Впрочем, и договор найма близко подходил к этому, ибо наемный работник часто получал от хозяина ссуду, которую обязан был возвратить, когда отходил от него. В то время ничего не могло быть естественнее, как такой личный заклад… трудно было найти другое обеспечение для заимодавца… Зависимость была только временная, и он должен был сохранить возможность освободиться от нее уплатою долга… Законные ограничения были слишком недостаточны для обеспечения его свободы. Ими не определялось ни время, которое он должен употребить на господскую работу, ни цена трудов его, ни проценты долга… Бегством он [закуп] как бы разрушал заемное обязательство, и через то заклад поступал в полную собственность заимодавца. Переход в рабство был, следственно, чрезвычайно легок, ибо закупничество составляло нечто среднее между свободою и холопством» [92; с. 154–156].

Ланге: «Закупами, иначе наймитами, назывались свободные люди, бывшие во временном рабстве… Закупы были двух разрядов: 1) нанимавшиеся в услуги к князьям, боярам и монастырям для отработки занятых у них денег и вещей; 2) проданные тем же лицам и установлениям на торгу за долги… Нельзя думать, чтобы должник, свободный человек, продавался прямо в холопство, но, без сомнения, в закупы, тем более что в Правде постановления о закупах следуют тотчас за статьею о продаже за долги… Так как закупы были только во временном рабстве, то оно оканчивалось, как скоро они, находясь в услугах, своим трудом пополняли лежавший на них долг. Впрочем, Правда не указывает на основания, по которым производилась оценка труда. Само собой разумеется, она определялась вообще существовавшей в то время платой за работу». Зато в Литовском Статуте (на близость которого к Русской Правде Ланге не раз указывал) «сказано, что закупу, получавшему присевок[230] для прожитка, засчитывалось за год работы 12 грошей, а не получавшему присевка – полкопы[231] грошей (т. е. 30 грошей)» [47; с. 62–63 и 181].

И. Я. Билибин. Суд во времена Русской Правды. *1909 г.*

И. Д. Беляев: «Русская Правда, признавая всех черных людей за один класс общества, без различия – сидели ли они на своих или на общинных землях или на землях частных владельцев, естественно, должна была обратить особенное внимание на последних, чтобы землевладельцы не присвоили их себе и не исключили из членов общества, не лишили их личности… Русская Правда посвятила им под именем закупов шесть статей [А, 56–64]… По Русской Правде закупы ролейные, пахотные, т. е. те, которые впоследствии получили название крестьян, не ясно отличены от закупов неролейных, называвшихся после кабальными холопами. И кажется, в самой жизни русского общества в XII в. еще не было строгого различия между сими двумя разрядами закупов; ибо ролейные и неролейные закупы получали от господ деньги, за которые обязывались работать на господина, и даже назывались просто наймитами и, кажется, отличались от простых наемных работников только тем, что брали деньги наперед, как бы взаймы, тогда как наемные работники получали плату по окончании работы.

Тем не менее, хотя еще не строгое, но уже существовало различие между закупом ролейным и неролейным, иначе не было бы различия и в названиях. Русская Правда представляет только в

зародыше впоследствии далеко разошедшиеся два разряда закупов – крестьян и кабальных холопов, т. е. свободных членов русского общества, по собственной воле шедших в работу к другим членам общества, и тем самым вступавших в разряд полусвободных людей. Главное различие между ролейным и неролейным закупом… кажется, состояло в том, что ролейные закупы садились на чужой земле и обрабатывали ее частью на господина, частью на себя; закупы же неролейные работали при доме господина, находились при личных услугах как должники, получившие наперед деньги под залог личной свободы. В этом, по крайней мере впоследствии, состояло главное различие сих двух разрядов закупства».

Ролейные закупы, или крестьяне, живущие на чужих землях, являлись первоначально чем-то вроде наймитов… но как плата, получавшаяся ими за наем, состояла в пользовании участками господской земли, на которых они, при помощи землевладельца, могли иметь хозяйство, – то мало-помалу, при характере наймитов, ролейные закупы получили свои особые черты, которые резко отличали их от простых наемных работников или батраков… Во время же Русской Правды это отличие было неясно, и ролейные закупы близко подходили к наймитам… даже не было определено сроков, когда ролейные закупы могли оставлять своего владельца и переходить к другим» [16; с. 10, 12, 20].

Н. Л. Дювернуа: «Русская Правда знакомит нас с … правом залога… лишь в специальном виде закупничества… Мы отдаем предпочтение конструкции этого института у Неволина и Чичерина… перед той, которую предлагал… Калачов. Одного понятия locatio conductio мало для того, чтобы определить закупничество. Это не просто наем, а сверх того и заем, обеспеченный свободой должника. Это институт, возникший под непосредственным влиянием народного обычая. В Псковской судной грамоте мы найдем нечто соответствующее закупу ролейному в тамошних изорниках[232]. Там будет видна и особая форма разбирательства между господином и изорником: господин ищет своей покруты[233] в заклич[234], перед людьми, договор совершается публично, мера платы определяется общей мерой заработной платы в известном месте.

Если в вольном Пскове долго держались эти первоначальные формы установления и разбора сделок между господином и изорником, то еще более основания думать, что они были таковыми в рассматриваемую эпоху. Сильный шаг вперед, который делает Псковская пошлина в определении юридических отношений изорника к господину, заключается… в том, что средством обеспечения требований служит не свобода изорника, а

его имущество. Итак, закладное право Русской Правды видно едва в своих первых проблесках». «Ролейный закуп сидел… на земле частного собственника; его отношения к землевладельцу были в настоящем смысле отношениями лица к лицу, основанными на частном праве, не определенными ничем, кроме личного интереса.

Что же это было? Это была полусвобода, с которой один шаг низводил в рабство… Вот что значило сидеть на земле частного землевладельца. Если на западе довольно было подышать один год чужим воздухом, чтобы стать крепостным того землевладельца, который считал своим и воздух (Luft macht eigen), то у нас, хотя и не было такого изобилия юридических миазмов, – однако тоже достаточно сделать лишний шаг за околицу, чтобы оттуда воротиться холопом, достаточно совершить воровство… Закуп оттого только, что он закуп, не может пойти в свидетели всюду, куда пойдет свободный. Такова сила частного права!» [36; с. 113, 128–129].

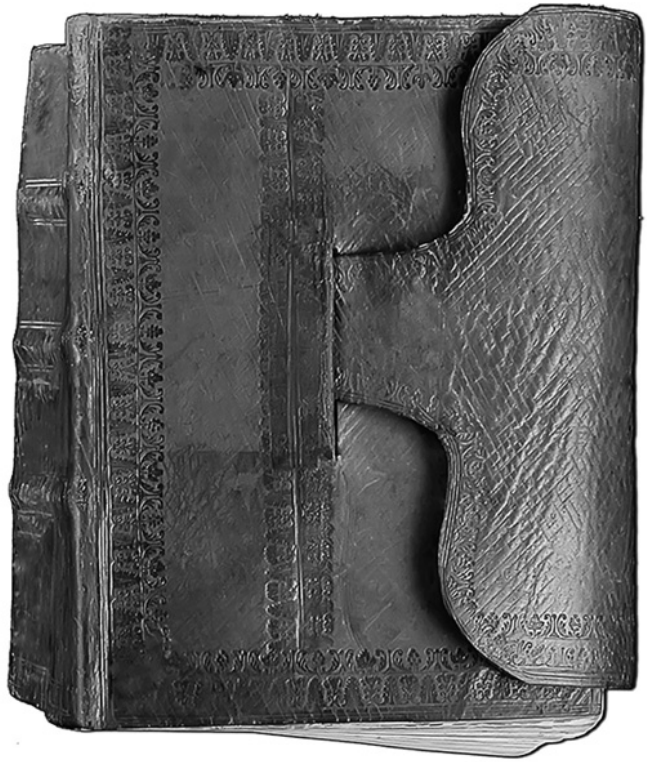
Н. И. Хлебников для объяснения закупничества выдвигал положение, что «XII век был тем веком, когда страсть к заселению пустых пространств и вообще к распространению земледельческой культуры была общей»; проявление этой «страсти» Хлебников иллюстрировал «заботливостью дружины об успехах жатвы» (Лаврентьевская летопись, под 1103 г.), указывающей на то, «как стали ценить земледелие те лица, которые еще недавно думали только о походах и битвах», хотя, «конечно, переход массы народа в колонистов на землю бояр начался ранее времен Владимира [Мономаха]»: «опустошительные набеги половцев, а также бесконечные усобицы собственных князей не могли не повлечь за собою страшного обеднения большинства населения, которое, не будучи в состоянии завести собственное хозяйство, поневоле стремилось на земли богатых людей», а те «стремились превратить их в настоящих рабов».

«В это время Владимир [Мономах], по настоятельному требованию озлобленных киевлян… взял на себя кормило правления», и «самым серьезным делом Владимира было – определить отношения землевладельцев к тем свободным людям, которые, не имея имущества, занимали деньги под обеспечение собственной особы. Само слово “закуп”, употребляемое в отношении к этим людям, указывает, что они были уже полупроданы. Трудность закона заключалась в том, чтобы… обе стороны, т. е. землевладелец и закуп, были по возможности удовлетворены». В результате – «закон… восставал всею своею силою против злоупотребления землевладельцем в отношении

несчастного, но свободного человека»[235], но и «не возвышался до того, чтобы не допускать никаких патриархальных отношений между закупом и хозяином».

Особняком и мимоходом у Хлебникова, однако, была брошена мысль, что лица, «которые через закупничество переходят в крепость, влекут за собою и земли», и он был «склонен думать, что само количество свободных земель, как и свободных людей, в эту эпоху постоянно уменьшалось» [91; с. 239–243 и 281].

С. В. Вёдров: «Положение смерда по Правде хуже, нежели даже положение ролейного закупа… Судя по статьям о закупе… в случае убийства его, вероятно, действовало правило: “якоже в свободнем платеж, тако же и в закупе” (ролейном)… Закуп – это “земледелец, не обладающий собственным участком и нанимающийся работать за известную плату на землях частных землевладельцев. Часть платы при этом выдавалась на руки закупу вперед, и закуп находился вследствие этого в известной зависимости от своего господина и как бы состоял его должником… Закон старается оградить личность закупа даже от личных оскорблений… Это постановление ставит, по крайней мере de jure, закупа выше смерда, которого могли бить по “княжу слову” сколько угодно без всякой ответственности» [21; с. 67–68].



Внешний вид Русской Правды.
XIII в.

Владимирский-Буданов: «Обильным источником холопства служил первоначально договор займа, который, впрочем, вел к нему не прямо, а косвенными путями и особенно своим неисполнением. Заем в древнее время обыкновенно обеспечивался личным закладом (т. е. закладом личности должника кредитору). Таким образом и устанавливалось временное холопство, именуемое в земский период закупничеством, а в Московском государстве – служилою кабалою. Закупничество продолжалось до отработки долга с процентами или до уплаты его, а служилая кабала – до смерти или холопа или его господина…

Права господина на закупа или служилого холопа отличались от прав на полного холопа; они состояли в праве владения и в праве пользования им наравне с полным, но без права распоряжения, имеющего место в полном рабстве» [22; с. 406–407]. «Закуп – человек, взявший в долг деньги и отрабатывающий их личным трудом, или нанявший имущество другого – участок земли, и взявший деньги на обзаведение: следовательно,

закупничество не есть только личный заклад (должника кредитору), а есть результат соединения договора займа с договором личного найма и найма имущества» [23; примеч. 97 к ст. «Правда Роская. Список Академический»]. «Наем движимого имущества, по Русской Правде, не вызвал никаких законодательных определений. Но из условий найма недвижимых вещей возникали сложные отношения закупничества ролейного или крестьянской аренды участка земли, с чем обыкновенно соединялась отдача в пользование крестьянину разных движимых вещей (коня, плуга, бороны). Благодаря последнему обстоятельству ролейное закупничество соединялось с наймом в личное услужение и вело к временному ограничению личной свободы» [22; с. 626].

«Прикрепление [смердов] могло быть или временное, или всегдашнее. Временное прикрепление есть ролейное закупничество… которое образуется из долгового обязательства смерда землевладельцу…» [21; с. 35].

Ключевский: «Церковное землевладельческое хозяйство строилось на двух основаниях, одинаково непривычных для светских землевладельцев: на условной зависимости рабочих от землевладельца по уговору, соединенной с обязательной работой зависимого лица на владельца, но не переходившей в холопство, и на замене наемной платы и дворового содержания работника усадебным и полевым наделом [95; с. 137–139]. Благодаря такому хозяйственному порядку из бывших холопов и других рабочих, переходивших в ведомство Церкви, образовался новый класс в составе сельского земледельческого населения – класс временно или бессрочно обязанных оброчников на частной владельческой земле с земельными наделами… Ни право, ни нравственное учение Церкви не позволяли ее учреждениям становиться к своим чернорабочим слугам в отношение господ к холопам…

Для светских землевладельцев не существовало юридической необходимости, которою были связаны церковные; но они разделяли хозяйственные расчеты, которые побуждали церковных землевладельцев заводить новый порядок эксплуатации своих вотчин. Впрочем, переход к новому хозяйственному порядку в вотчинах светских владельцев, по-видимому, начался не прямо переводом сельского дворового холопа на особый участок, а раздачей участков свободным поселенцам-крестьянам на условиях зависимости, близкой к холопству. Русская Правда, хорошо знавшая таких крестьян, еще ничего не говорит о холопах, наделенных земельными участками… Русская Правда, не зная или игнорируя пахотных холопов, обращает заботливое внимание на владельческих крестьян… под двояким названием – наймитов

и ролейных закупов… Рабовладельческое право оставило на закупе резкие следы попытки превратить его в холопа…

Но Русская Правда заметно становится на сторону закупа и старается защитить его свободу от рабовладельческих посягательств: согласно с византийским законодательством и, может быть, под его влиянием, она запрещала продавать и закладывать закупа и признавала за ним право собственности на свою отарицу[236]… притом закуп всегда мог… уйти от хозяина, расплатившись с ним. В удельное время, и именно в Верхневолжской Руси, закуп сделал новое юридическое приобретение: даже за уход с владельческой земли без уплаты ссуды крестьянин не обращался в холопство. Очевидно, состояние закупа стало возможно только после перемен, введенных духовенством в русское рабовладельческое право и выделивших из полного холопства закладничество как особый вид условной зависимости» [45; с. 372–375][237].

«Можно возбуждать вопрос о точности, с какою Правда воспроизводила юридические отношения… но, держась прямого смысла ее статей, нельзя доказать ни того, что она различала холопство полное и неполное, ни того, что долговая зависимость закупа разрывала его непосредственные отношения к государству. Можно сказать и больше того: сохранившиеся памятники позволяют с некоторой точностью определить, когда завязалось на Руси и как развивалось кабальное холопство. В актах удельного времени… до конца XV в. нет и намека на этот институт… В Судебнике 1497 г. нет и намека на кабальное холопство: он знает только холопство полное… Напротив, с 1526 г. редкая духовная не упоминает рядом с полными людьми и о кабальных [людях]… Потомок старинного московского боярского рода Белеутов в духовной 1472 г. [12; № 410, с. 436]… упоминает о некоем Войдане, который находился в зависимости особого рода от Белеутова: этот Войдан с семьей, пишет завещатель, “отслужат свой урок моей жене и моим детям 10 лет да пойдут прочь, рубль заслужат, а рубль дадут моей жене и моим детям, а не отслужат своего урока, ино дадут оба рубля”.

Сколько можно понять это распоряжение, Войдан занял у Белеутова 2 рубля, уговорившись за 1 рубль служить урочные лета хозяину и, в случае его смерти, его наследникам, а по истечении срока отойти на волю, заплатив другой рубль. Это, очевидно… временная и условная зависимость, основанная на долговом обязательстве; завещание не дает права даже считать ее холопством. По своей юридической физиономии Войдан – закуп Русской Правды. В удельное время такие закупы назывались закладнями или закладниками» [45; «Происхождение крепостного

права», с. 225–228]. «Эта земля моя, потому что мои люди, ее обрабатывающие» [45; «Подушная подать и отмена холопства в России»].

«Холоп-земледелец, “страдник”, как он назывался на хозяйственном языке Древней Руси, служил проводником этой идеи от хозяина на землю… Так возникла древнерусская боярская вотчина… Вследствие того, что в XI и XII вв. раба стали сажать на землю, он поднялся в цене… Рабовладельческие понятия и привычки древнерусских землевладельцев стали потом переноситься и на отношения последних к вольным рабочим, крестьянам [ролейным закупам]… Под влиянием такого взгляда в старинных памятниках юридического характера наймит, вопреки закону, прямо зовется челядином…[238]. Строгость, с какою древнерусский закон преследовал ролейного наймита за побег… свидетельствует… и о нужде землевладельцев в рабочих руках, и о стремлении наемных рабочих, закупов, выйти из своего тяжелого юридического положения…» [44; с. 337–338].

Сергеевич: «Не дожившее до наших дней и не совсем понятное нам слово “закуп” объяснено в Русской Правде совершенно понятным выражением “наймит”… Закуп, следовательно, есть наемный человек, наемный работник. Но почему он называется закупом и что значит это слово? В старину слово *купить* означало и наем. А потому, кто хотел сказать, что он не нанял, а приобрел вещь в собственность, тот не ограничивался выражением “я купил”, а прибавлял “купил в прок”, “в дернь”, “в век” и пр. Крестьяне Лужского уезда и теперь нанятые луга называют купленными, а глагол “покупать, куплять” употребляют в значении найма. Также кубанские казаки говорят: “купил землю на три года”, и “навечно землю купить нельзя”. Под куплей они тоже разумеют – наем, сдачу земли в аренду. Закуп и закупный человек (именно такое выражение встречаем в Карамзинском списке[239]; А, 56) обозначает, следовательно, наемного человека в противоположность собственному, обельному холопу».

Приведенная Неволиным для доказательства, что слово *закуп* означает залог или заклад, цитата: «и та ныне вотчина очищена вся… и ни у кого не в закупе, и в закладе нет» [32; с.136], вызвавшая сомнение еще у Мейера, обращена была Сергеевичем против теории закупничества-закладничества: «Здесь слово “закуп” противопоставлено “закладу” и, конечно, должно означать что-либо другое, а не тот же заклад». «Наемные рабочие и теперь нередко получают заработную плату вперед; то же делалось и в старину… Закупа Русской Правды нет основания приравнивать к кабальному холопу. Кабальный холоп служил за проценты с занятого капитала; закуп же служит за наемную плату

и погашает свой долг, если берет плату вперед, работой… Кто получил плату (цену) вперед, тот не делается рабом, а должен или отходить свое время, или возвратить милость. Условие, в силу которого выданная цена погашается годовой работой, показывает, что здесь речь идет не о займе, так как не всякий же заем может погашаться годовой работой, а о вперед данной плате наймиту, которая соответствует ценности годовой работы, а потому и погашается ею…

[Закупы] это бедные люди, которые ни плуга, ни бороны не имеют. Весь рабочий припас получают они от нанимателя, живут в его дворе, пасут его скот и исполняют всякие его поручения… Такие наемники, если берутся для пашенных работ, носят наименование ролейных закупов… Закуп есть тот же смерд, но бедный, не имеющий возможности жить своим хозяйством, а потому и поступающий в качестве наемника в чужой двор. Он не самостоятельный хозяин, а слуга другого человека. Это уже переходное состояние к обельному холопству. Таких свободных слуг в старину звали добровольными холопами… При этих условиях, конечно, и сложилась известная и нам поговорка: “нанялся – продался”… Слово “закуп” действительно выходит из употребления, но личный наем остается и доживает до наших дней.

О наймитах говорит Псковская Судная грамота и в выражениях, которые дают возможность несколько сблизить их с наймитами Русской Правды. Грамота называет их “дворными”, и во времена Русской Правды они живут во дворе нанимателя; срок найма тоже годовой… Договор личного найма известен и московским памятникам XVII века. Об нем говорит Уложение (Соборное Уложение царя Алексея Мих. 1649 г., гл. XX, 104, 105, 116, 44, 45; см., напр.: [66; с. соотв. 355, 356, 359, 339–340])… Уложение ничего не говорит о праве нанимателя наказывать работника». Сергеевич указывал, однако, что в «своеобразной жилой записи» 1688 г. [8; № 127, XV, 21 декабря 1686, стб. 34–36] нанимающийся предоставляет господину «“смирять себя по его хозяйскому рассмотрению”. Надо полагать, что это право “смирять” было весьма обыкновенным правом нанимателя по отношению к наймиту и стоит в преемственной связи с допускаемым Русской Правдой наказанием закупа “за дело”» [80; с. 189–201].

А. М. Васнецов. Двор удельного князя в XII в. *Начало XX в.*

Н. Н. Дебольский, развивая высказанное Сергеевичем положение о «доживании до наших дней» личного найма эпохи закупничества, писал: «С современной юридической точки зрения, понятно, нет ничего общего между холопством и личным наймом. Но история показывает иное, и отражение былого правовоззрения до сих пор замечается на нашей действительности, входит даже в наши кодексы и гласит устами юристов, вряд ли подозревающих, что они являются глашатаями пережиточного юридического явления – отождествления рабства и личного найма. По недавно упраздненному прусскому Landrecht'y [R. II, tit. 5 II, tit. 5, ст. 185] [240] наниматель имел право подвергать прислугу телесному наказанию. По новому германскому Уложению [Bürg. Ges. Buch, ст. 615–630] нарушение договора личного найма без уважительных причин невозможно, и убытки не оцениваются

денежным эквивалентом, а влекут полицейское исполнение. По действующему русскому праву лица, находящиеся в личном услужении, не могут быть присяжными заседателями [Учр. суд. уст., ст. 86], ограничены в праве быть свидетелями [Уст. гражд. суд., ст. 417, п. 1]…

Но особенно поразителен по своей близости к постановлениям Русской Правды о “закупах” новый закон о найме на фабричные работы, вполне обращающий договор личного найма во временное холопство [Собр. узак. и распор. 1901 г., ст. 1247]. Думаем даже, что основания новых законодательных памятников не иные, чем в Древней Руси… одним из главнейших факторов в деле ограничений правовой личности наемного работника служило экономическое положение… В эпоху Русской Правды, когда еще сильны были союзные связи, можно полагать, что в личное услужение не шли люди, обладающие этими связями… Эти лица были такими же изгоями в правовой жизни, как и те четыре вида, которые перечислялись князем Всеволодом в известной грамоте…

Ввиду сказанного мы не можем удивляться, что древность наша придавала договору личного найма некоторые черты рабства». При определении юридической природы закупничества Дебольский принял выставленную Сергеевичем концепцию личного найма и высказался против раздвоения вопроса, находимого им у Владимирского-Буданова: «1) был ли обыкновенный закуп неполным (позднее добровольным) холопом или нет, и 2) был ли ролейный закуп крестьянином, жившим на владельческой земле… Одно противоречит другому. Или закуп – работник, наймит, неполный (по выражению Владимирского-Буданова) холоп, или он арендатор…

Если бы ролейные закупы действительно были арендаторами, то наши памятники, как летописи, жития святых и т. п., упоминали бы о них, т. к. они неоднократно говорят о земледельцах. Но там мы имеем в этом значении лишь известные наименования: смерд, изорник, позднее крестьянин. Закуп нам известен из одной лишь Русской Правды. Следовательно, это явление… было вряд ли очень распространено, а в земледельческой стране вряд ли бы памятники молчали о земледельцах… Крестьяне, даже в позднее время, после их прикрепления, не знали тех ограничений, какие касались закупов» [29; с. 84 сл.].

Владимирский-Буданов ответил Сергеевичу и Дебольскому указанием на то, что «слово “закуп” дожило до довольно поздних времен в западнорусском языке: в 1539 г. “жид” Городненский жаловался судье на Понарчица и его жену в том, что они

запродали зятя своего и жену его в рубле грошей пану Внучку, который продержал запроданного один год и выпустил ему “выпусту” из занятого рубля 20 грошей; а потом пан перевел того закупа “жиду” за 70 грошей, у “жида” он служил один год и получил “выпусту” 26 грошей; затем ушел прочь и остальных 54 грошей не возвратил. Судья присудил уплатить истцу 54 гр. Это не наемный слуга, ибо здесь не сроком работы определяется сумма денег, а суммою денег – срок работы (перезалог закупа, запрещенный Русской Правдой, здесь допускается)… О ролейном закупничестве Русская Правда говорит как об особом виде закупничества. Ролейный закуп получает от господина ссуду (иначе он не был бы закупом), орудия обработки земли… он должен возвратить (или отслужить) хозяину за ссуду и подмогу. Но он не дворовый слуга: барщина не превращает крестьянина в дворового слугу» [22; с. 35, примеч.].

Выпуст — термин литовско-русского права. В древности долг нередко оплачивался службою должника у кредитора. В Великом княжестве Литовском об этом заключалось письменное обязательство, в котором означалось, сколько лет должен был служить и сколько в год он отслуживал. Этот годовой учет назывался *выпустом,* или *выпуском.* В первом Статуте Литовском постановлено: «На каждый год выпуску мужику дванадцать грошей».

Не принял юридической концепции закупничества Сергеевича и *Н. А. Рожков*. Допуская «даже», что термин «наймит» не переводный с греческого (μίσθωτός), а оригинальный, Рожков самое большее считал возможным сделать из этого только тот вывод, что «в Киевский период русской истории наем сливался иногда с другими гражданскими сделками, плохо от них различался». Второй аргумент Сергеевича (значение слова «купить») Рожков считал «совершенно не выдерживающим критики: в той же Русской Правде слово “купить” употребляется всегда в обычном смысле, в том же, как и теперь, а вовсе не в значении “нанять”… Наконец, в-третьих, купа – вовсе не наемная плата, а заемная сумма, получавшаяся закупом, что подтверждается и словом “прикуп”, означающим, между прочим, то, что человек “срезит”[241], т. е. прибыль от роста, от дачи в долг» [75; с. 58].

Возражения Владимирского-Буданова развил и обставил документально *Ясинский*, руководствуясь «мыслью о бесплодности всякой новой попытки пересмотреть вопрос о закупничестве, опираясь исключительно лишь на соответственные статьи Русской Правды, т. е. на [“крайне скудный”] материал, который сам по себе, как показал опыт, не разрешает, а лишь обусловливает коренные разногласия… и принуждает… прибегать ко всякого рода гипотезам и гадательным толкованиям». Отметив лишь недоумение по поводу того, «почему во всех… статьях Русской Правды, посвященных непосредственно закупам, многократно употребляемое там слово “закуп” заменяется словом “наймит” лишь один только раз [А, 61], точно случайно (заметим кстати, что в 14 списках Русской Правды… такой замены нет, и вместо “наймит” стоит, как и раньше, “закуп”)», Ясинский отводил ссылку Сергеевича на значение «купить – нанять» и собрал преимущественно литовско-русский материал XVI в., разъясняющий не только «слово “закуп”», но и юридическое существо сделки на землю и людей, скрывавшейся за этим понятием.

Но и для восточнорусского словоупотребления Ясинскому принадлежит восстановление полностью цитаты завещания 1518 г. (см. Духовная Ивана Алферьева 1518 г. [12; № 417, с. 447]), приведенной у Мейера в укороченном виде: «земли своей ни продать, ни променить, ни в закупи не поставити, ни в приданые не дать, ни по душе не дати, ни в наймы не дати…». В аналогичных документах, не сохранивших подчеркнутых слов и приведенных Павловым-Сильванским [64], Сергеевич не находил противопоказания, «почему это выражение [“в закуп дати”] не может означать права отдавать в наймы?»: цитата в воспроизведении Ясинского снимала этот вопрос начисто.

Однако «не восточная или московская Русь наиболее сохранила и развила древнерусские правовые нормы», а «западная или литовская», и «западнорусские юридические акты и памятники законодательства свидетельствуют, что в XV–XVI вв. институт закупничества еще сохранился в Литовско-Русском государстве… обнимавшем ту именно территорию, где сложилась и самая Русская Правда», и «уясняют сущность этого института». Акты Литовской Метрики, изд. Ф. И. Леонтовичем [10; №№ 222, 595, 666.] и Акты Виленской археографической комиссии [7; т. XVII, 1890. №№ 35, 90, 113, 294, 987; т. XXII, 1895. № 634] в применении к земле позволили Ясинскому установить, что:

1) «глагол “закупить” вполне тождествен с выражением “взять в заставу”, т. е. в залог»;

2) «существительное “закуп”… вполне соответствует

“заставе”, т. е. залогу, закладу»; и

3) «выражения “быть в пенязех”, “держать в пенязех” означали то же, что и выражения “быть в закупе”, “меть в закупех”, “меть в заставе”, т. е. быть, держать или иметь в залоге».

То же относительно земель и в Литовском Статуте 1529 г. [разд. XI, арт. 6; разд. X, арт. 8, 9, 11; разд. II, 3; разд. V, 6, 11; разд. X, 2, 5]. Та же терминология применялась и к людям. Литовский Статут 1529 г., разд. XI, арт. 6: «теж уставуем, естли бы который жид або татарин которого колве стану хрестьянина купил або закупил [лат. перев. «emerit aut pignori acceperrit», купил или взял в залог]: …приказуем воеводам… абы того ся доведывали и каждого хрестьянина… з неволи вызволяли. А то тым обычаем: естлибы купил на вечность… по семи летех мает на волю пущон быти. А естли бы жид або татарин (кого) закупил в пенезях [лат. перев.: «si vero fuerit impignoratus Christianus», заложившийся человек], тогды уставуем таковым выпуску на каждый год… полкопы грошей (и) до тых часов мает ему (тот) закуп служити, поки с тое сумы выробится…». Там же, разд. XI, арт. 8: «О выпускании пенезей закупным людем. Теж уставуем, естли бы хто закупа [вариант в *закупы*] закупил мужика або жонку, а с ним не вмовил, што мает (ему) присевати або пенезей выпустити, тогды мает также с пенезей отручоно быти (мужику) 15 грошей на лето, а жонце 10 грошей». Или Литовский Статут 1588 г., разд. XII, арт. 11: «а закупным людем тым же обычаем 3 сумы пенежное выпуск быти мает, то есть тым волным, которые бы ся сами в чом запродали». Собранные Ясинским данные из актов XVI в. дают троякого рода примеры закупничества:

1) самопродажи в закупы;

2) запродажи в закупы контрагентом подвластных своих (детей и слуг разного рода);

3) закупничества, в этом смысле неопределимого по документу происхождения,—

причем в основе всех этих разновидностей лежал момент займа. Так:

1) муж жене в 1506 г. завещал «вечно и непорушно» «всю челядь свою невольную купленую», «а што в него заставлены были люди и земли… то ей же отписал тым обычаем: естли кто ближних всхочет тое к своей руце мети, тот мает тые пенязи ей отдати, в чем мужу ее были тые люди и земли… заставлены», – что в королевской жалованной грамоте, подтвердившей завещание, было формулировано следующим образом: «а што ся тычет закупных людей и земель… за то она мает пенязи взяти, естли хто ближних всхотят тые пенязи отложити, а… челядь невольную… мает держати она вечно» [11; № 768, с. 195];

2) на жалобу 1528 г.: «заставил есми ему дочку свою в копе грошей, ино я ему пенязей от 5 год даю, а он пенязей не берет, а дочки моей мне не ворочает», – ответчик заявил: «продал он [истец] мне девку тую за неволную, а так я девку тую в неволю продал обель, ак обель купил» [50; № 6, л. 26];

3) в 1537 г. истец «запродал был… ему [ответчику] дочку свою у 20 грошах», и ответчик признал: «правда есть, иж тая… дочка его была у мене у закупех у 20 грошах» [50; № 9, л. 20 об.];

4) в 1539 г. некая «жонка» Акулина жаловалась на витебского мещанина Васка Куровижа: «есми зостала виновата копою грошей ему и не мела есми чим платити, и я в той копе грошей дала есми ему сынка своего… жебы ему служил за тую копу грошей до 25 лет, або до тых часов, поколя тую копу грошей ему заплатим; ино я тепер тую копу грошей за тое дитя свое ему отдаю, нижли он ее брати, а сына моего отпустити не хочет», – ответчик же признал, что истица «тую детинку малого 5-ти лет… в той копе грошей… заставила до тых часов, поколя бы мне тыи пенези были заплачены и прокорм, а если б тых пенезей мне не заплатила, тогда тая детинка мне служити (до) полтретьядцать год и за тую копу грошей и за прокорм», между тем мальчик пробыл у ответчика 7 лет, и «службы жадное с него не было, только есми кормили яко детину малого, ино она копу грошей мне отдает, а прокорму платити не хочет» (суд присудил заплатить ответчику 20 грошей за прокорм, в противном случае – «тот детина ещо 2 годы… за прокорм мает служити» истцу);

5) в 1539 г. истец «заставил» ответчику «двое челяди своей у полчетверти [3½] копы грошей и вжо есть тому лет о пятнадцать» и не знал, «в которую причину тая челядь моя так долго ему служит, а выробитися у него не может»; ответчик же объяснил, что «тая челядь первей ув Олтуха [третьего лица] была, потом он тую челядь мне обель вечно продал, а не запродал» [7; т. XVII, 1890. № 80. Решение по делу о возврате отданной на время в услужение челяди. С. 32];

6) в 1539 г. истец жаловался на господарского крестьянина: «позычил [занял] он у мене… 70 грошей, а потом у меня… 10 грошей позычил и в тых пенезех почал ми был сам служити, а потом ми сына своего в тых пенезех подал», истец затем послал этого сына «з животиною» и другим товаром «до Немец», а тот по дороге «утек»; ответчик признал свой долг 80 грошей, но заявил, что истец «сына моего не мел до Прус посылати, только мел у него в дому служити и животину паствити» [7; т. XVII, 1890. № 311. Решение по жалобе Романа Кудаевича на неисполнение договорных условий сыном Андрея Семениковича. С. 127];

7) в 1540 г. одна мещанка жаловалась, что «Грин запродался

мне, поспол за мужом моим, в 40 грошах, иж мел ми служити от Вербное недели прошлое сего року аж до того ж року до Вербное недели, а выпусту ему 24 гроши», и «пошол прочь без ведома, року не дослуживши…» [7; т. XVII, 1890. № 376. С. 145];

8) в 1540 г. истец жаловался «на закупа своего Андрейца и на сына его Юрца, штож дей они в мене в закупе у двух копах грошей, и, не заслуживши дей мне тых пенезей, отишли… прочь»; истцу дан был «виж» для находки «того закупня» «из сыном его» [7; т. XVII, 1890. № 564];

9) в 1540 г. истец жаловался на господарскую крестьянку, что «матка ее… заставила была ее [ему] у 80 грошей, ино дей она, не оддавши и не заслуживши мне тех пенезей… втикла», но ответчица объяснила; «иж дей як я в него в заставе не была» (оказалась ошибка относительно личности ответчицы [7; т. XVII, 1890. № 877]).

Из подобного рода документов *Ясинский* заключал, что человек, «отдавший себя самого в заклад своему кредитору или отданный ему с тою же целью другим, имеющим на то соответствующую власть (…родительскую… господина), впредь до погашения долга своего работою (или в некоторых случаях впредь до возвращения его наличными деньгами)» – «и есть закуп или закупень, закупный человек (термин, известный и Русской Правде), заставный человек или… что одно и то же, человек в пенязех». Различие же между «закупами» и «наймитами» устанавливается текстом акта мены имениями, 1524 г. [51; № 12, л. 184–185], где говорится о праве землевладельца вывести из имения «челядь невольную и закупов и наймитов» – «значит, закупы не рабы, но в то же время и не наймиты» («а который человек у пенезех, тот как ся с паном своим умовит», а «хто наймита наймет и задаток даст, тот наймит мает до року стоять» [77; т. XV, I, № 94, Витебская устава 1531 г.]). «Этот обычай [давать задаток]… является… одним из отличительных признаков личного найма от закупничества».

Предвидя «возражение, что весьма рискованно из позднейшего значения того или иного термина объяснять его первоначальную природу», Ясинский указывал, что «самозалог» не может быть продуктом XV–XVI вв., что эта «архаическая форма залога» сохранилась «как пережиток от более древней эпохи», «когда не возникала даже и тень сознания (замечаемого уже в Литовском Статуте) противоестественности такого порядка вещей»: «отпали некоторые суровые черты, свойственные древнерусскому закупничеству (напр., возможность обращения «закупа» в «обеля»), но дальше этого… не пошла эволюция данного института» [96; с. 430–465].

Метрика Великого княжества Литовского (от *лат.* matricula — канцелярская книга) — собрание материалов (тетрадей, книг) канцелярии Вел. кн. Лит. XV—XVIII вв. с копиями документов, изданных от имени великого князя, рады и сеймов. В состав Литовской Метрики входили и другие материалы: списки с московских дипломатических документов, документы делопроизводства и пр.

М. С. Грушевский считал «весьма правдоподобным, что большая часть их [постановлений Русской Правды, ст. 56–62], как и ограничения процентов, изданы были в результате социальной революции 1113 г., ибо в преобладающем большинстве сводов Русской Правды они идут сейчас за законами о проценте», и всю характеристику закупничества строил с той точки зрения, что эти постановления знакомят нас с «злоупотреблениями, какие творились с закупами».

«Это были люди, отрабатывавшие занятые или иным способом должные деньги, либо нанимавшиеся на работу, обычно бравшие плату вперед. Это был заклад человека самим собою или третьим лицом в обеспечение денег, которые он отрабатывал своей работой, и в таком значении заклада термин “закуп” сохранился в позднейшем праве Вел. кн. Литовского; в древнейшее время значение этого термина могло быть шире, означая всякого рода экономическую зависимость. Закуп жил или во дворе своего господина, или на своем собственном хозяйстве [ср. выше, Хлебников]. Он мог себе достать для своего хозяйства землю от своего господина, мог иметь и свою собственную землю».

«Закуп несомненно был свободным человеком»; однако «в отношении к закупу хозяин называется “господином”, как и в отношении к холопу».

«Очевидно, богатые люди имели обычай неоплатных должников, – которые брали у них деньги или хлеб на прожитье и не могли вернуть, – без дальнейшей церемонии просто обращать в холопов [А, 111]. Закон постановил, что в холопы мог быть продан неоплатный должник только по конкурсу, должник же, который отрабатывал свою ссуду работой, не перестает быть свободным человеком (т. е. закупом)».

«Бояре пользовались всяким уходом закупа с работы, всяким

нарушением срока, для того чтобы в наказание за это объявить закупа своим холопом» (ср. ниже, Павлов-Сильванский). «Практиковалось господами штрафование закупа за разные шкоды в хозяйстве… Ясное дело, что при старательном использовании такой практики обязательство, долг закупа имели все шансы не только не уменьшаться со временем, а еще возрастать, и фактически он стал вечным слугою».

«Если хозяева позволяли себе такие серьезные злоупотребления, как продажа закупа в холопство, то еще меньше стеснялись они в менее крупных злоупотреблениях: они, напр., уменьшали закупу плату денежную [т. е. купу] или забирали его имущество или землю [т. е. отарицу]… Правительство, хоть и ограничивает господские права, но делает это очень осторожно. Напр., за такое страшное преступление, как продажа закупа в неволю, господин, если бы это открылось, теряет только те деньги, что ему должен был закуп. А это изумительное [«чудесне»] ограничение, что господин может бить закупа только “про дело”! Какое широкое поле господскому произволу открывает это выражение “про дело” и как неограниченно это право бить закупа: очевидно по малейшему поводу господин мог бить закупа сколько влезет, на основании закона».

«За свои злоупотребления господин рисковал определенной, не очень, очевидно, большой суммой денег, закуп – своей свободой… А при том… каково было проданному в холопство, заложенному или иным способом обиженному закупу добраться из господского села до княжого судьи… такого же господина закупов и холопов, как и ответчик… Мы можем с уверенностью сказать, что так умеренно щедро посвященные доле закупов постановления Русской Правды не очень улучшили эту долю и не спасли их от холопства, куда путем закупничества должна была попадать масса и безземельных свободных и смердов-хозяев вместе с своими землями».

Давая эту яркую социально-политическую характеристику закупничества, собственно, к выступавшей в историографии вопроса на первый план юридической контроверзе[242] Грушевский отнесся безразлично: «Нет причины делать из этого [юридических квалификаций закупничества, как найма и займа, обеспеченного личностью должника] дилеммы: Кар. 65 [«а жонка с дчерью, тем страда на 12 лет и т. д.»] показывает, что практиковалась отработка денежных сумм физической работой; то же самое вытекает и из Кар. 122 [А, 111], где говорится об отработке денег в бóльшие сроки [“оже не доходят год” = “не пробудет в работе всего срока”]. С другой стороны… плата при найме давалась вперед, так что обе формы закупничества

сходились очень близко».

Про позднейшее употребление термина в праве Вел. кн. Литовского (у Владимирского-Буданова и Ясинского) Грушевский высказался категорически: «Разумеется, нельзя, на том основании, что в собранном документальном материале XVI в. термин означал заклад (застав), выводить, что и закупничество XI–XII вв. было только закладом и больше ничем» [27; с. 119. 28; с. 319, 323, 546].

А. С. Лаппо-Данилевский тоже не счел спор о юридической природе закупничества решенным исследованием Ясинского: «Если считать возможным приравнивать “закупа” Русской Правды к “закупу позднейших западнорусских актов, то легко заключить, что в основе древнего закупничества также лежал договор займа… но такого заключения еще нельзя сделать с полной достоверностью». «Вероятным» Лаппо-Данилевский считал, что закуп «в течение известного срока отрабатывал взятые им деньги на земле своего господина». Лаппо-Данилевский первый обратил внимание, что среди 14 списков Русской Правды, где вместо «наймит» стоит «закуп», есть списки и ранние, XV в.; ссылался на русский перевод Григория Богослова, XVI слова с толкованием Никиты Ираклийского по списку XIV в. [26; с. 86]: «Закуп Еорий, преже убо продав свой закон, наймит бысть».

С другой стороны, Лаппо-Данилевский указал: «В позднейших грамотах наймиты иногда упоминаются в качестве работников, взявших плату вперед: в жалованной грамоте вел. кн. Иоанна Даниловича… (1328–1340) мы читаем: “наймиты, кто стражет на готовых конех, а в кунах” [13; т. I, № 3, с. 2]; ср. еще любопытную порядную в сельские наймиты… 1600 г. [по которой] наемная плата выдается им вперед “на завод”». Существенно для Лаппо-Данилевского в положении закупа было то, что оно характеризовало «довольно шаткое» положение смердов, что статьи Русской Правды, охраняющие интересы закупа, едва ли «способны были устранить слагавшуюся практику житейских отношений» и предотвратить «смешение дворовых закупов с ролейными» [48; с. 9—10].

Специально о конструкции и материале Ясинского высказался *Голубовский*. «И Юго-Западная, и Северо-Восточная Русь являются в одинаковой степени наследницами тех правовых норм, которые выработались в земский период их жизни. Дальнейшее развитие юридических отношений… продолжалось… под давлением внешних обстоятельств и с привнесением в жизнь новых, чуждых правовых элементов». По мнению Голубовского, «в литовский период положение закупов значительно изменилось: из свободных людей, связанных с другим лицом лишь временной

личной сделкой, они переходят в разряд полусвободных людей: о штрафе за обиду передачи личности закупа в распоряжение третьего лица нет уже упоминания»: наоборот, в актах, приведенных Ясинским, есть «прямые указания, что… возможна была и передача закупа».

«Дают другому свою “челядь” для отрабатывания долга… Эта impignoratio[243] челядина-раба основывалась на том, что он есть полная собственность, вещь своего господина». Но дают в другие руки и закупов: между тем ст. 60 Русской Правды предусматривает именно тот случай, когда господин «вздумал отдать своего закупа в работу другому лицу» [«Паки ли приимет на нем кун и т. д.»]. «Закон… подтверждает, что закуп есть человек свободный, личностью которого никто распоряжаться не может». «Несомненно, закупничество XVI в. происходит из закупничества древнерусского… но они не тождественны». По существу древнерусского закупничества Голубовский отказывался «считать простой случайностью сопоставление или приравнение закупа к наймиту… в лучших списках, Троицком и Карамзинском… В положении закупа и наймита существовали такие точки соприкосновения, которые почти отождествляли их».

С другой стороны, дефектность некоторых статей о закупах (например, ст. 58, где отсутствует начало) и наслоение вариантов (особенно в ст. 59, где, в частности, «вражда» вовсе не позднейшая вставка, а «очень древний» термин обычного права южных славян) наводят Голубовского на предположение, «что дошедшие до нас в Русской Правде статьи о закупничестве представляют из себя мозаику из обрывков законоположений… о закупах ролейных и наймитах». Голубовский и указал на необходимость и возможность, вопреки Ясинскому, «подвинуть вперед вопрос о закупах» – «привлечением новых материалов, в частности законодательных памятников древних славянских народов» [25; с. 4—48].

Для *М. А. Дьяконова* «существенным признаком социального и юридического положения закупа является то, что у него есть господин»; «нужда вынуждала пристраиваться к чужому хозяйству в качестве работника», но «работает на господина он, конечно, не даром, а за плату (“цену” или “копу”)». А «ученый спор» – о «юридической природе обязательств, в какие вступал закуп к господину», в котором «исследователи, считающие закупа наймитом, прибавляют, что закуп получал наемную плату вперед и своею работой погашал долг» – «имеет важное значение для выяснения древних форм залога, а также для решения вопроса о преемственной связи между древними закупами и московскими кабальными холопами, а не для разъяснения юридического

положения закупов».

Во всяком случае, данные, собранные Ясинским (по мнению Владимирского-Буданова [21; с. 36, примеч.], сделавшие «дальнейший спор о закупах» не имеющим «никакого научного интереса»), по мнению Дьяконова, «вовсе не имеют того решающего значения в споре… как думает автор. Он не доказал, что закупы литовского права совершенно сходны по положению с закупами Русской Правды», «тождество терминов не доказывает еще тождества отношений» [35; с. 108–110].

Удинцев привел ряд соображений, заставивших его «исключить закупничество из отношений по займу» и признать, что оно «не есть договорное долговое рабство». Так как «важнейшим доводом в пользу теории закупничества – самозаклада» считалось «значение термина *закуп* в памятниках и актах Литовского государства», Удинцев поставил вопрос: всегда ли слово «закупил» употребляется в значении «заставил», и привел примеры неустойчивости этой терминологии («у кого будет та моя пожня в закупе или в закладе и в иных каверзах, ино мне, первысше, своими денгами та пожня выкупать»).

Неубедительно и указание Ясинского на перевод в Литовском Статуте «закупить» = impignorare: в пяти местах Статута термин *закупить* переводится obligare, понятие заставы в 3-х случаях передается obligare, но в пяти случаях impignorare, слово *запродал* раз переводится через obligare, раз через impignorare. Таким образом, «термины *закупы* и *закупил* не всегда обозначают одно и то же. Принадлежащее им в актах и памятниках XVI в. значение не тождественно с тем, что мы имеем в Русской Правде, и уж во всяком случае не покрывается понятием самозаклада». Удинцев поэтому сам пересмотрел источники Литовского права, чтобы ответить на вопрос, что «представляют из себя закупные люди XVI в. по сравнению с закупами Русской Правды».

В разделе X Литовского Статута идет речь об именье должном и заставном, а также о людях заставных (т. е. «закладных»). В разделе XI говорится о путных людях и бортниках, крестьянах-слугах, ремесных людях, о тивунах и ключниках, о тяглых людях, о закупах и невольниках. Т. е. в разд. XI «идет перечисление различных видов зависимых людей, в том числе и закупных, но с исключением закладных… и тем более самозакладчиков, о которых Литовский Статут не говорит совсем… Практика XVI–XVII вв. как в Москве, так и на Литве развила отдачу в заклад людей, зависимых от лица, отдающего в заклад». «Лиц, отданных в заклад, Литовский Статут 1529 г. и обозначил в арт. 11 и 12 раздела X под именем людей заставных». «Как объяснить, что практика, а за ней и

исследователи смешали закладных или заставных людей (арт. 11 и 12, раздела X) с закупами или закупными людьми (арт. 6 сл., раздел XI)? Практика не в состоянии была разобраться в многообразных зависимых состояниях… исследователи же… приняли консерватизм слов в актах XVI в. за консерватизм идей, принадлежавших будто бы XIII веку или даже первобытному праву».

«Закуп (арт. 6, разд. X) погашает долг путем ежегодных выпустов и служит, “поки з тое сумы выробится”. А человек заставленный… служит “аж до того часу, покуль бы ему (кредитору) тые пенязи заплатили” – предполагается, заемщики, а не сам заставленный. Между двумя отношениями несомненное сходство заключается в службе, которую несет как закуп, так и заставный человек. Но бесспорно, что во всех случаях, где идет речь о людях заставных (закладных), служба считается за рост. Напротив того, она всегда зачитывается в капитал, если говорится о закупах».

«Но возможно ли, чтобы для отработки заемной суммы, всегда даваемой и по литовским актам на определенный срок, была установлена одна и та же мера годичной отработки – уплаты? Думаю, что нет. И, ввиду отсутствия лишь одного элемента займа – возврата взятого, нельзя видеть в закупничестве договор займа и самозаклад, как обеспечение заемного обязательства». При всем отличии литовского закупничества XVI в. от древнерусского XIII в., заключал Удинцев, «указанный отрицательный момент является для того и другого обязательным».

Так как теория закупничества-самозаклада выросла из теории закупничества-займа, Удинцев останавливался и на калачовской теории найма с выдачей платы вперед в виде займа: «Едва ли возможно приписывать юристам XIII в. такую комбинацию, как личный наем, осложняемый займом наемной платы… Или юристы времен Русской Правды не в состоянии были усвоить идеи – уплаты эквивалента вперед; но такое предположение опровергается ст. 105 Тр. сп. [А, 111]. Или же надо думать, что для них недоступна была мысль о займе как обязательстве возвратить взятое; но противное они доказали ст. 43 Тр. сп. [А, 47]». В статье же 56 и сл. «нет ни одного слова об уплате или взыскании по займу, которое должно было бы выступать в виду отработки долга» [89; с. 150–168].

Пресняков, как и Дьяконов, тоже придавая мало значения разногласиям по вопросу о «содержании договора и характере обязательств» господина и закупа «для определения юридического положения закупов и социальной функции

закупничества», указал все же на то, что наименование закупа наймитом – «единственное основание» «определения закупа как наемного работника» – может быть понято «и без признания его наемным рабочим», «так как в т. н. “Вопросах Кирика” [77; т. VI, стб. 24–25], памятнике XII в., читаем: “а наим деля, рекше лихвы”… и ниже: “поучай простеца: не достоить ти имати наим”, а если не могут удержаться, “то рци им: будите милосерди, возьмете легко, аще по 5 кун дал еси, а 3 куны возми или 4”».

Рассматривая закупничество как показатель развития боярского сельского хозяйства, «переросшего условия ведения его исключительно трудом челяди», и объясняя возникновение закупничества «отсутствием в руках боярства тех средств, какими располагали князь и Церковь для увеличения числа рабочих рук», Пресняков полагал, что статьи о закупах «естественно выделяются в своего рода “Устав о закупах”». «Самый факт его [закупничества] существования и его регулировки в праве» «нельзя не признать показательным… для оценки размеров этого явления в XII в.»: «боярское землевладение, подобно княжескому и церковному, строит внутри древнерусских земель-княжений новый склад экономических и социально-правовых отношений, выходящих за пределы общего уклада народного быта. Вступив в этот круг отношений, закуп Русской Правды не вполне выбывает из области действия общего права. Но, во-первых, сама необходимость поддержать его связь с этим правом особыми статьями уставного характера показывает, какой она стала хрупкой, а во-вторых, те же статьи свидетельствуют о значительном умалении его гражданской полноправности. С другой стороны, закуп попадает под дисциплинарную власть господина… и под его властную опеку, подобно челяди и домочадцам, перед третьими лицами…

Словом, положение закупа – столь знакомое средневековому быту, двойственное и внутренне противоречивое положение людей полусвободных. В строгом смысле, это положение временное, хотя и не срочное… Если ст. 143 [А, 111] отнести к закупу [как то делает Сергеевич], то и она указывает на отработку “милости” и может быть признана свидетельством о разновидности закупничества, действительно близкого к найму: закупничества на срок (не непременно годичный, т. к. слово *год* имело более общее значение), каким, конечно, не всякое закупничество было. Что касается погашения долга закупом, то… процентов по “кунам”, лежащим на закупе, Сергеевич, видимо, не предполагает. Но против такого мнения говорят: 1) указанное значение слова наим = лихва; 2) обращение закупа в обельные холопы за побег от господина… правило (ст. 71) [А, 56], резко

отделяющее статьи о закупе от ст. 143 [А, 111] и понятное только при задолженности закупа; долг же нет основания считать беспроцентным».

В этом пункте, вопреки Дьяконову, Пресняков считал «не лишенными значения» «черты закупничества по памятникам западнорусского права, собранные Ясинским»: «Тут видим закупа… либо отрабатывающим долг, погашая его путем ежегодных “выпустов” определенной суммы, либо работающим без “выпустов” впредь до погашения долга путем уплаты его сполна». Вопрос о том, «какая из этих двух практик существовала в эпоху Русской Правды, не соперничали ли обе, как и позднее», Пресняков гипотетически решал, исходя из мысли, что «отношения закупничества разделяли судьбу вообще долгового права, т. е. развивались по пути постепенного смягчения, а не наоборот».

Таким образом, закупничество, в построении Преснякова, в связи с тенденцией «роботить» в даче, по хлебе, по придатце (ст. 111), «даже при соглашении о сроке» и в связи с «неизбежной слабостью средств для проведения в жизнь мероприятий “Устава о закупах” к защите их прав» – стоит лишь в начале «борьбы несоизмеримых сил, приведшей позднее разными путями к постепенному закабалению сельского населения на боярскую работу», и пока зависимость закупа от боярина-землевладельца еще не «закрыла» его от княжой власти и не разрушила еще его «подсудности общему суду» [72; с. 298–302].

Н. П. Павлов-Сильванский первоначально, в 1890-х годах, работая над закладничеством-патронатом и отрывая закладничество от понятия самозалога должника, приветствовал «блестящий анализ отношений закупничества», данный Сергеевичем в 1890 г. [64; с. 320]. Позднее [65, с. 225–228] Сергеевич назвал закупов «позднейшими серебрениками и кабальными холопами», «бесхозяйными батраками-должниками», считал, что «только долговые отношения закупа допускают возможность перепродажи господами закупа и продажи его в обельные холопы (как неоплатного должника)», дал свое объяснение, почему закуп в ст. 61 назван наймитом: «Должник, служащий в доме господина, конечно, в то время обширной домашней власти господина, приравнивался к холопу» – и в ст. 61 видел «столкновение старого права с новым», «очень редкий в древних памятниках случай замены одного термина другим» ради пояснения и «оправдания» «нового права, охраняющего интересы слабейшего закупа” [“закупу, как наймиту, свобода во всех кунах”; новое право “приравнивает закупа наймиту, тогда как старое право приравнивало его к рабу”; “Правда, говоря о

несвободных, называет их просто холопами, но, говоря о закупах, она систематически противопоставляет их не просто холопам, но обельным холопам"]».

Павлов-Сильванский расходился с Пресняковым в оценке роли закупов «в именьях князей и бояр» («князей» – хотя сам же отметил, что «особое маленькое уложение» о закупах «говорит не специально о княжеских закупах, но вообще о закупах разной господы») и полагал, что «господские земли обрабатывались главным образом [как и княжеские] не закупленными людьми… а так же, как и в позднейшее время, смердами-крестьянами» [65; с. 225–228].

М. Н. Покровский: «Русская Правда знает уже особый разряд крестьян, очень смущавший всегда наших историков-юристов; это т. н. "закупы"». «Модернизируя отношения XIII в., некоторые исследователи желали бы видеть в закупе простого наемного работника. Несомненно, он и был таким в том смысле, что работал в чужом хозяйстве или, по крайней мере, на чужое хозяйство, за известное вознаграждение. Но… это был… наемный работник особого рода – нанимавшийся со своим инвентарем; другими словами, это был крестьянин, вынужденный обстоятельствами работать на барской пашне… "Закуп" потому так и назывался, что брал у барина "купу", т. е. ссуду– частью, м. б., деньгами, но главным образом в форме того же инвентаря: плуга, бороны и т. п.

Другими словами, это был крестьянин задолжавший… у него оставалось и какое-то собственное хозяйство… закуп мог "погубить" ссуженную ему хозяином скотину "орудия своя дея" – на какой-то своей собственной работе. Вероятно, стало быть, что у него в некоторых случаях, по крайней мере, оставался еще и свой земельный участок… Два века спустя в Псковской Судной грамоте мы находим уже детально разработанное законодательство о таких задолжавших крестьянах, которые здесь носят название "изорников"… "исполовников", как в северных черносошных волостях XVII в. У всех этих зависимых людей разного наименования все еще было и свое собственное имущество, с которого в иных случаях хозяин и правил свой долг, свою "покруту". Но они уже настолько были близки к крепостным, что их иск к барину не принимался во внимание, тогда как Русская Правда такие иски еще допускала… Что капитал работал не только в городе, а и широко вокруг него, об этом мы можем судить по развитию среди сельского населения закупничества» [68; с. 44 и 88].

Гётц подчеркнул, что одно уже расположение статей о закупах «непосредственно» за статьями о долговых отношениях

(A, 47–55; ср. выше, Ланге) показывает, что закупничество – не отношение по найму, а отношение по займу. Но это местоположение показывает и то, что закупничество является не «добровольно-договорным» (vertragsmässig-freiwilliges), а «недобровольным» (unfreiwilliges), должник становится закупом «лишь тогда, когда он не в состоянии вернуть ссуду, а кредитор настаивает на удовлетворении своих притязаний». До того, в ст. 55, речь была о продаже несостоятельного должника; ст. 56 сл. имеют дело с «долговым холопством» (Schuldknechtschaft). «Продажа за долги (Schuldverkauf) имела место при собственно купеческих долгах», когда сумма долга была велика; наоборот, «Schuldknechtschaft мы имеем право рассматривать, как ultima ratio[244] кредитора в случаях более мелких долгов, сделанных частными лицами» (не в торговле, а в «частной жизни»).

Статьи 56 сл. являются, таким образом, «логическим продолжением статей о продаже за долги». «Личность должника отдается в заклад не при самом получении ссуды, а лишь когда должник добровольно или по принуждению признает свою неспособность вернуть ссуду. Следовательно, закуп есть Schuldknecht, закупничество – Schuldknechtschaft. Что Schuldknechtschaft вообще вступает в силу и когда оно наступает, не столь точно описано и специально оговорено в Русской Правде, как то было с продажей за долги в ст. 68 [A, 55]. Schuldknechtschaft в ст. 71 [A, 55] молчаливо предполагается уже существующим». Гётц цитировал здесь Lex Baiuvariorum(II, 1): «Si vero non habet, ipse se in servitio deprimat et per singulos menses vel annos, quantum lucrare quieverit, persolvat cui deliquit, donec debitum universum restituat»[245],– и указывал, что в Русской Правде при ст. 56–62 «недостает вводной статьи общего содержания» в этом же роде.

Таким образом, указание Яковкина [94; с. 112, примеч.], что Гётц «повторил тут воззрения Ланге» (ср. выше) есть плод недоразумения: Ланге не ограничивал закупничество одним эвентуальным[246] обращением должника в закупа, а, поскольку приписывал возникновение его и продаже за долги (по ст. 55), не противопоставлял крупных должников-купцов мелким. Гётц потому и не ссылался в этом пункте на Ланге, что пришел к изложенной конструкции лишь в поисках западноевропейских аналогий русских институтов, хотя в данном случае и «не пошел по этому пути дальше констатирования отдельных, мало выясняющих сущность отношений, аналогий» [94; с. 113] в сфере норвежского Schuldknechtschaft'a, оставив в стороне «долговое холопство, возникшее как из невозможности уплатить штраф (für Unvermögen zur Busszahlung), так и из договора (vertragsmässig)»

(в германском праве вообще), и обратившись к «древненорвежским источникам»[247], которые «не высказываются о том, что кредитор мог прибегать просто к задержанию за долг (Schuldhaft) также и при всех других долговых отношениях, когда он другим путем не мог получить платежа, что весьма мыслимо в случаях, предусмотренных Русской Правдой» [2; т. III, с. 266 сл.].

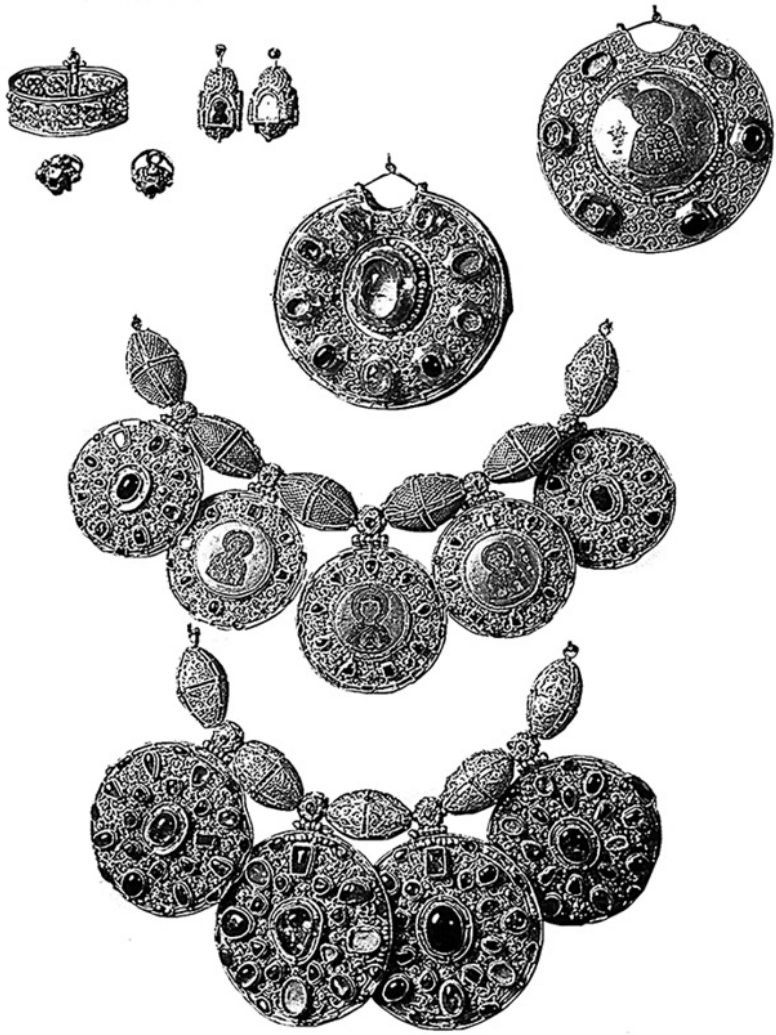
Баварская правда (*лат.* lex Baiuvariorum) — запись обычного права (имущественного, договорного, семейного, уголовного и т. п.), сложившегося в VII—VIII вв. у германского племени баваров, одна из так называемых Варварских правд.

Покровским была принята, в части, касавшейся происхождения закупничества, конструкция И. И. Яковкина. «Норманнов… варягов привлекли и к русским славянам прежде всего меха… Но очень скоро… они открыли здесь товар, гораздо более ценный и прибыльный: рабов… Варяжский челядин [в Краткой Правде] оказывается имуществом, охраняемым особенно тщательно… Обрусевший норманн оставался работорговцем. Интересы невольничьего торга определяли политику создателей “Киевской державы”… Первичной формой добывания челяди был просто захват… ополониться[248] челядью было заветной мыслью всякого князя и его дружины – спор из-за “столов” только прикрывал экспедиции за живым товаром… Но рядом с прямым захватом постепенно выработались более мирные способы порабощения. Из Русской Правды мы узнаем о систематических попытках обращать в рабство наемных слуг, “вдачей”. Еще большее значение имело долговое холопство, закупничество – причем интересно, что самый юридический институт в этом случае пришел к нам из Скандинавии.

“Закуп” Русской Правды – точная копия долгового раба скандинавских Правд. Княжеские усобицы и тут подготовили почву: разоряя земледельческое население, они все чаще и чаще заставляли последнее прибегать к займам у крупных собственников, которыми были те же обрусевшие варяги. Так норманнское нашествие с чрезвычайной быстротой создало на Руси рабовладельческую культуру… систематически подрывавшую основы всякой культуры, уничтожая ее создателя, славянского крестьянина». – «Древнерусское крупное землевладение опиралось на рабовладение…

Конкуренция холопьего труда доканчивала то, что было начато войною и грабежом: разорившийся крестьянин мог себе найти работу, только соглашаясь стать на один уровень с холопом. Хозяин бил его наравне со своими холопами, а иногда и продавал вместе с ними, причем постановления Русской Правды, запрещавшие продавать закупа, едва ли имели больше значения, чем всякие другие бумажные гарантии прав “трудящихся масс”… Князья попросту не отличали смердов от своих холопов: а “холопов наших и смердов выдайте”… Так путем экспроприации крестьянства создавалось в Древней Руси крупное землевладение… Современное земледелие немыслимо было без рабочего скота, а его было мало, и всего меньше его было у крестьянской массы. На этом и держалась экономическая зависимость этой массы от помещиков… Закуп был задолжавшим крестьянином… ссуда, которую получал закуп, состояла в сельскохозяйственном инвентаре, – плуге, бороне и лошади… И это явление провожает нас через всю “Древнюю Русь” до XVII в.» [67; с. 41–42, 45–46].

А. Н. Филиппов, изложив обе теории закупничества (найма и займа), не видел «возможности решить вполне категорически, которая из [них]… может быть признана вполне приемлемой» – по «недостаточной определенности сведений наших первоисточников». «Сравнительное же изучение вопроса об образовании в древних обществах состояния, подобного состоянию наших закупов (т. н. liti, aldiones и т. п.), показывает, как нам кажется, что происхождение их было весьма сложно и едва ли его можно приурочить к одной какой-либо форме договора» [90; с. 219 сл.].



Женские украшения из Рязанского клада.
XII—XIII вв.

М. К. Любавский еще в 1890-х годах, руководствуясь западнорусским материалом, склонявшийся к тому, что «скорее можно согласиться с мнением Сергеевича, считающего закупа наймитом», но и прибавлявший, что «наймитом его считать вполне нельзя, потому что наймит не за долг работал, а за жалованье… и не был так связан с господином, как закуп» [54; с. 393–395], в 1915 г. категорически высказался, что, под влиянием роста частновладельческого «сельского хозяйства», «землевладельцы стали пользоваться для него наемным трудом.

Некоторые наймиты запродавали свой труд, т. е. брали вперед наемную плату, купу, становившуюся таким образом их долгом, который они погашали своею работою» [53; с. 119].

Мрочек-Дроздовский, державшийся теории найма еще в 1885 г. [60; с. 164], не отказался от нее и в 1917 г.: «Закуп – наймит, запродавшийся (закабалившийся) в работу… Такому наймиту плата выдается вперед (милость, см. “в даче”) для отработки в течение договорного срока – года… Закупничество – кабальный личный наем… Закупы – кабальные работники: кабала обеспечивала нанимателя, давая верный заработок наймиту, и – другого вида личного найма Правда не знает. Кабальные пахари, в отличие от других закупов, не-пахарей, называются ролейными: так они называются в Правде, когда речь идет об их особой, ролейной, ответственности перед хозяевами, – в других статьях памятника говорится о закупах вообще, и ролейных, и неролейных.

Неролейные закупы, конечно, суть кабальные дворные батраки, особого наименования дворным батракам в Правде нет. Все закупы – в одинаковой зависимости от хозяев… Разживаясь постепенно, увеличивая по силе свою запашку, наниматель нуждался сначала лишь в пахаре, который мог, если понадобится, нести и дворную службу: первые кабальные батраки, будучи ролейными, были и дворными; особое дворное батрачество – признак сравнительно развитого, более сложного, домоводства; это – явление последующее, и создалось оно, несомненно, по образу старейшего, ролейного закупничества – с необходимою разностью в условиях сделки: на пашню шли безземельные или малоземельные хлеборобы – за хлеб на посев и придаток; на дворную службу шла отгулявшая от земли вольница – за куны…» [61; с. 80–88].

Н. А. Максимейко не примкнул к тому направлению дореволюционной историографии, которое считало имманентное изучение текста «Устава» или «Уложения» о закупах исчерпавшим себя и видело выход в сравнительно-историческом изучении закупничества, – и счел такое мнение «ошибочным»: «спорность и сомнительность отдельных положений» и «разнообразие мнений» о закупах обусловливается, по его мнению, отсутствием «критического отношения к тексту Русской Правды». Максимейко и предпринял попытку «показать», «что при соблюдении этого требования возможно также и дальнейшее движение вперед в смысле новых научных достижений даже в том случае, если мы будем оставаться в рамках Русской Правды, обращаясь к сравнениям лишь для иллюстрации выводов, полученных из этого основного источника».

Считая порядок расположения постановлений о закупах в Правде «не случайным» (сначала об ответственности закупа, затем об ответственности хозяина, затем об ответственности господина и закупа перед третьими лицами за преступления, совершенные закупом: ср. выше, Калачов), Максимейко рассматривал их детально в этом самом порядке (см. ниже, ст. 56–62), критически изучая варианты текста и пытаясь объяснить их возникновение у переписчиков-комментаторов первоначального текста памятника. На пути такого изучения текста Максимейко, за «отсутствием источников», отказался от рассмотрения «социальной стороны» закупничества («какие общественные классы… выделяли из своей среды закупов и под влиянием каких экономических условий; что заставляло нуждающихся людей идти в закупы, когда была возможность поступать в наймы» и т. п.) и сосредоточился на «юридической» и «бытовой» стороне этого «явления».

В пользу того, что «закуп был должником, а не наймитом», говорят два обстоятельства: 1) соседство статей о закупах со статьями о займах; 2) освобождение закупа, проданного в холопы, «не от работы, а от денежного обязательства». «В Русской Правде мы не найдем даже намека на то, что долг закупа погашался его работой. Напротив, имеются… косвенные указания на то, что зависимость закупа прекращалась только уплатой долга»: а именно, ст. 56 о «временной отлучке его для займа денег», «как нормальном и обычном явлении», по ст. 57 и 58 – «для расплаты с хозяином». Что закуп «погашал своей работой не капитал, а проценты», Максимейко ставил в связь с порядком удовлетворения хозяина, когда его требование встречалось с притязанием лица, обворованного закупом (в первую очередь удовлетворялся потерпевший от кражи, и только остаток суммы от продажи закупа, «если что оставалось», шел хозяину), и с «тенденцией и духом конкурсного производства, по ст. 55, при несостоятельности должника» («аже кто много резы имал, не имати тому»).

«Автор Русской Правды» назвал раз закупа «наймитом» потому, что «в бытовом отношении фигура закупа во многом напоминает наймита». «Закупы жили во дворе хозяина на его кормах. Они не имели того, что необходимо для отдельного и самостоятельного хозяйства: ни лошадей, ни скота, ни плуга, ни бороны. Отарица закупа… предоставлялась ему [закупу] лишь в пользование на время состояния его в закупничестве. Она заключала в себе предметы, необходимые для его содержания, или ховы, т. е. одежду, обувь, съестные припасы и т. п. Иногда отарицей могла быть и земля, которой наделялся закуп, чтобы он

сам себе добывал из нее пропитание. Таким образом, у закупа, кроме господских работ, могло быть и “свое дело”. Но это обстоятельство не делало его крестьянином в социально-экономическом значении этого слова. Земельная отарица закупа обрабатывалась хозяйским инвентарем. Она не имела ничего общего ни с крестьянской собственностью, ни с крестьянской арендой, а служила лишь своеобразным способом обеспечить закупу его продовольствие, вместо того чтобы кормить его на господской кухне, выдавать месячину, и т. п.». В Литовско-Русском государстве «нередко таким же способом обеспечивалось продовольствие и наймитов, и холопов» [55; с. 27 сл.].

Соловьев: «Если наймит бежал от господина до срока, то становился за это ему полным (обельным) холопом» [85; с. 229].

Беляев: «Закупы могли отходить от своего господина, выплативши занятые деньги или сделавши с ним расчет в обязательствах, какие были между ними и хозяином» [16; с. 12].

Ключевский: «В Русской Правде можно найти косвенное указание на действие этого общего закона (что «всякий неисправный должник, даже тот, которого “беззаконные наклады”, т. е. лихвенные проценты, лишали возможности расплатиться с заимодавцем, мог быть продан в рабство»; слово Кирилла [Прибавления к творениям Святых Отцов. Ч. 17, с. 45]: «Вижу бо многи бьюща дружину свою из беззаконных накладов, дондеже продадятся поганым»); по крайней мере, можно считать его последствием то постановление, по которому закуп, наемный работник-должник, пытавшийся бежать от своего хозяина-заимодавца, не расквитавшись с ним, обращался в его полного холопа, закон признавал его неоплатным должником» [45; с. 341–342].

Сергеевич: «Из нее [ст. 56] надо заключить, что наниматели пользовались всяким случаем, чтобы обратить наймита в обельного холопа». «Можно думать, однако, что эта практика [что «работник, уходивший до срока, терял свою свободу»] или не была повсеместной, или в XIII в. стала уже выходить из употребления» (ср. ст. 111). Начало ст. 56 и статья 111, по мнению Сергеевича, «могут быть, однако, и совершенно соглашены. Ст. 56 карает холопством тайное бегство… ст. 111 говорит о явном его уходе, причем он обязывается уплатить не отработанные деньги» [80; с. 194, 197].

Дьяконов: «Итак, у закупа право иска на господина, и в этом существенное его отличие от холопа» [35; с. 108].

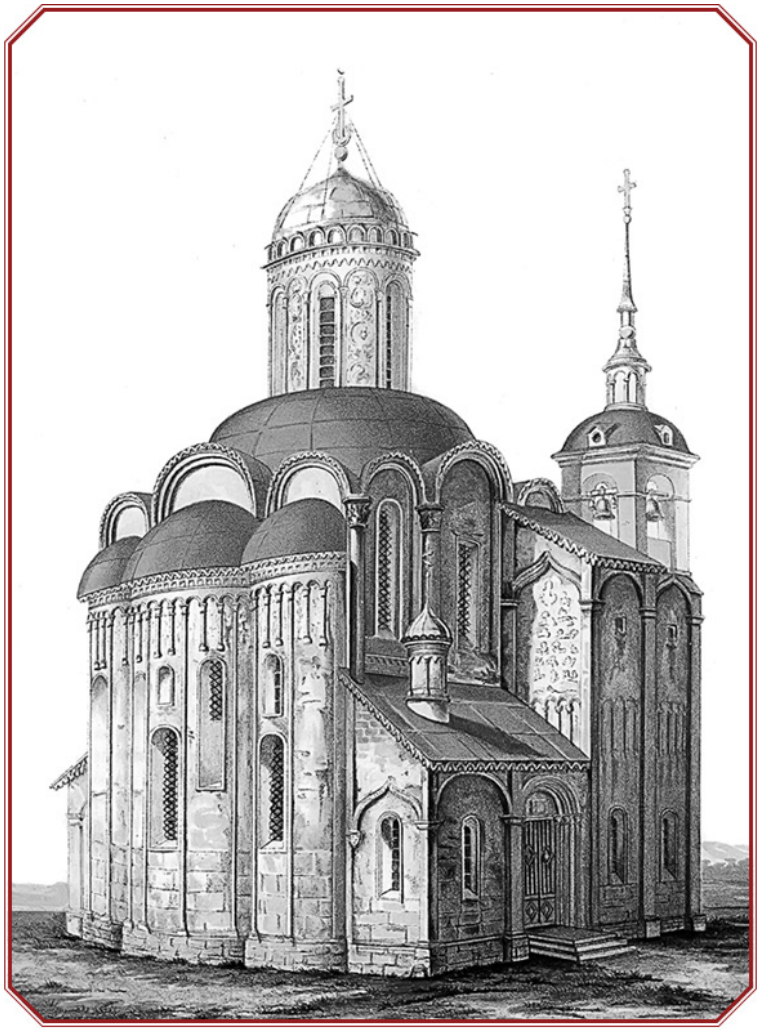
Пресняков: «Обращение закупа в обельные холопы за побег… правило, резко отделяющее статьи о закупе от ст. 111 [о вдаче] и понятное только при задолженности закупа: долг же этот нет

основания считать беспроцентным» [72; с. 302, примеч.].

Павлов-Сильванский: «За бегство закупу грозит обельное холопство, и не только за бегство, но даже за самовольную отлучку из дома, которую так легко было признать за попытку бежать» [65; с. 226].

Гётц: «Точно так же древненорвежское право определяет, что Schuldknecht, тайно оставляющий службу (Dienst) и переступающий границы земли (Volksland), считается беглецом и обращается в раба». Ср. «древненорвежское постановление, что, если Schuldknecht хочет законно покончить с долговым рабством уплатой долга, он может требовать от кредитора ½ месячного отпуска, чтобы достать необходимые средства» [2; т. III, с. 270 и 272].

Мрочек-Дроздовский: «Уйдет ли закуп искать кун явно или тайно (убежит от своего хозяина) – последствия одни и те же. При одинаковых последствиях закупу нет нужды бежать, если никто не мешает ему уйти явно; помешать же может только хозяин, не отпускающий закупа-истца к судьям (к князю или иным местным судьям) и тем причиняющий ему обиду: закон и ставит такой вынужденный побег в связь с обидою от хозяина». «В Синод. сп. настоящая статья стоит особняком и раньше особого свода о закупничестве – в Тр. сп. она присоединена к этому своду… значит, раньше эти статьи были сведены в порядке повременном, в том, в котором велись отдельные записи, вошедшие в общий свод Правды» [61; с. 81].



Храм Димитрия Солунского
во Владимире на Клязьме.
Литография по рисунку Ф. Г. Солнцева.
1834 г.

Этот храм, называемый иначе Димитриевским собором, был построен в 1193—1197 гг. Всеволодом III на его Владимирском великокняжеском дворе. Димитрий Солунский издревле был одним из любимых русским народом святых заступников.

Житие великомученика Димитрия Солунского, называемого еще Мироточивым — от благовонного мира, что источают его нетленные мощи,— повествует, что молодой правитель и воевода Фессалоникийской области по-апостольски ревностно проповедовал христианство, которое обязан был искоренять, за что и был заколот копьями в 306 г.

Но еще до своей мученической кончины Димитрий благословил юношу Нестора на единоборство с могучим гладиатором Лием, легко расправлявшимся на арене ради потехи толпы с приговоренными к смерти христианами. Нестор одолел Лия и был казнен как христианин. Но духовное торжество и победа святых мучеников несомненны. Димитрий Солунский — воин земной, ставший воином Небесным, считался покровителем русских князей, которые имели обычай называть его именем одного из сыновей.

56.

Аже закупь [249] *бежить.* Аже закупь бежить от господы, то обель; идеть ли искать кун, а явлено ходить, или ко князю, или к судиям бежить обиды деля своего господина, то про то не роботять[250] его, но дати ему правду[251].

Перевод И. В. Платонова

Если на время закабаленный человек уйдет от своего господина, то он через то делается полным крепостным холопом. Если же он отлучался для взыскания долга или открыто ходил к князю или судьям для прошения на своего господина в обиде, то не обращать его в рабство, но дать ему расправу.

Перевод В. Н. Сторожева

Если закуп убежит от своего господина, то становится через то полным холопом. Если же он отлучился явно или бежал к князю или к судьям, не стерпя обиды своего господина, то не обращать его в рабство, но дать ему суд.

Комментарии

«Искать кун»

Ланге: «*Аже закуп идет искать кун* означает только, что он мог идти жаловаться на исключение ему господином за работу из долга не такого количества кун, сколько следовало» [47; с. 181].

Лешков: «Если закуп ходит явлено, ища своих кун или платы на господине и управы на него перед князем и судьею, то…» [49; с. 155].

Хлебников переводил: «Но если он [закуп] откровенно пойдет к князю или к судьям жаловаться на обиды своего господина, или искать перед судом своего имущества, тогда… Статья эта прямо объявляет, что смотрит на закупа, как на свободного человека, не подсудного господину, вступившего с ним в договор… только в случае тайного бегства или явного отказа от договора, без уплаты долга, закуп наказывался рабством как несостоятельный должник…» [91; с. 242].

Владимирский-Буданов: «…то делается полным холопом; но если открыто идет к князю с целью предъявить иск в своих деньгах (на своего хозяина) или к судьям жаловаться на обиду от хозяина, то за это не обращается в рабство; жалоба его должна быть рассмотрена. Следовательно, закуп не лишен прав ни на личную свободу, ни на владение имуществом, ни на ведение исков. Личный наем тогда только делается источником полного холопства, если совершен без условия, без договора» [23; примеч. 98].

Максимейко отметил, что списки Карамзинского типа (которые предпочел Владимирский-Буданов) пропустили союз «или» перед словом «князю» и сделали статью «неузнаваемой»: 1) «выпало представление о закупе, как о лице, ищущем на стороне денег для расплаты с хозяином»; 2) неуплата закупу денег выделена от обид господина, точно она – не обида; 3) почему денежная претензия подсудна только князю, а иск об обидах – судьям; 4) к судьям можно было «бежать», а к князю только «явлено ходить» [55; с. 29].

Сергеевич: «Искать кун – занять денег» [80; с. 194].

Дебольский: «Он [закуп] может открыто идти требовать своих денег судом от господина, и тогда суд должен разобрать дело». «Мы не видим здесь никакого намека на заем… [Закуп] может и не брать платы вперед. И тогда хозяин обязан их ему платить, в противном случае закуп имеет право искать их по суду» [29; с. 91].

Гётц: Закуп, «как и свободный, имеет право заключать договоры с другим господином, как и со своим, чтобы расторгнуть свои закупнические отношения» [2; т. III, с. 273].

Мрочек-Дроздовский: «Хозяин не отпускает закупа искать кун: значит, этот иск ему нежелателен; с др. стороны – такой нежелательный хозяину иск закупа возникает, очевидно, из закупнических отношений, вне которых закуп свободен и помимо которых хозяин не мог иметь никакого повода домогаться порабощения истца; следовательно, это – иск закупа на хозяине закупных денег или договорной платы» [61; с. 81–82].

«Явлено ходить»

Сергеевич: «Т. е. не убежал тайком, а явно пошел; это выражение опять показывает, что закуп живет во дворе нанимателя» [80; с. 194].

Ясинский дал справку: в Актах Виленской археографической комиссии (XVII, № 80) издано судебное дело по жалобе истцов на своих «мужиков непохожих», «купленных», что они «тых часов ночным обычаем от нас прочь пошли из статками своими»; ответчики утверждали, что они «люди господарские похожие, а не… жадные их невольницы». Истцы, однако, объяснили, что их отец «закупил матку тых людей и 3-х дочек ее, сестр тых людей у 2 копах грошей… которые у нас уже выробилися; а тых двух [бежавших] [первый господин] продал их отцу нашему за 2 копе грошей не за паробков, але за койминцев[252], иж мели не у дворе у нас мешкати, але у домех своих под нами, якоже и мешкали служачи нам тым обычаем». Суд постановил, чтобы ответчики истцам «служили и под ними у домех своих мешкали сами из статками своими по-старому; а естли бы ся им кривда в чом видела и они ся нехай з ними правом обходят, а украдком от них не отходят» [96; с. 454].

Павлов-Сильванский: «“Идет ли искать кун, а явлено ходить” относится также к специальному улучаю самовольной отлучки с формальным заявлением господину (явлено ходит), что закуп идет искать кун чтобы выкупиться» [65; с. 226, примеч.].

Максимейко видел здесь не просто «открытый образ действий», а «предварительное уведомление хозяина», притом не просто «явочный порядок», а получение от хозяина «отпуска», причем «предполагалось, что хозяин не будет препятствовать временной его отлучке» (для «расплаты» с хозяином же) [56, с. 29].

«Бежить обиды деля»

Сергеевич: «Здесь употреблено выражение *бежит*, т. к. от обид господина, напр. побоев, действительно надо было бежать» [80; с. 199].

«Закупный человек»

Максимейко объяснял появление термина «закупный» и «закупный человек» в Карамзинском списке и остальных пяти списках того же разряда тем, что «в той местности и в ту эпоху, к которым принадлежат назв. списки, слово закуп употреблялось не в смысле запродавшегося бедняка, а в ином значении» (закупень Псковск. Судной гр. – торговец; то же в московских грамотах XVI–XVII вв. = иностранные купцы; закуп = заклад: «земли… ни променити, ни в закупи не поставити»). Переписчики и «сочли нужным пояснить… что под закупом Русской Правды следует разуметь закупленного человека, а не скупщика или закладную сделку» [80; с. 28].

«Госпóда»

А. И. Соболевский: «Это – современное русское господá. Старый русский язык употреблял это слово как собирательное женского рода и склонял его в ед. числе» («на господу вадити», в договоре Новгорода с тверским князем 1270 г.; «кланяемся вам, господе своей, обороните нас», Новгородская I летопись под 1342 и 1398 гг.) [83; 376].

Мрочек-Дроздовский предложил три значения:

1) власть;

2) жилище, домашний семейный очаг господы – домовладыки: домой = в господу;

3) дом – в смысле домового хозяйства. «Для домочадца, слуги, раба обязательно находиться при господском дворе-доме, и

этот дом-двор для него есть господа, в состав которой он входит, для него быть в господе = быть у господина-господаря» [61; с. 35].

Максимейко возразил Соболевскому, что тут же хозяин закупа назван не господою, а господином, и предложил (ср. Мрочек-Дроздовский) придать господе «значение, которое она имеет в украинском яз., т. е. …двора или усадьбы». Замену «господы» «господином» в Карамзинском списке Максимейко объяснял только тем, что переписчики «сошлись с ак. Соболевским», а не «местом и эпохой», к которой относятся эти списки (см. выше: «Закупный человек») [55; с. 28].

Княжеская диадема из Киевского клада.
XI—XIII вв.

57.

О закупе же. Аже у господина ролейный закуп, а погубить войский конь, то не платити ему; но еже дал ему господин плуг и борону, от него же купу емлеть, то то погубивше платити; аже ли господин его отслеть на свое орудье, а погибнеть без него, то того ему не платити.

Перевод И. В. Платонова

Если у господина будет наемный земледелец и потеряет собственную лошадь, то ему не за что ответствовать, а ежели утратит плуг и борону, данные ему господином, от которого он получает плату, то он должен за сию потерю заплатить господину. Если же сии вещи пропали в его отсутствие, когда он послан был за господским делом, то в сем случае наемник не обязан платить.

Перевод В. Н. Сторожева

Если у господина живет земледельческий закуп, а погубит своего военного коня, то ему за то не обязан платить. Но если господин, от которого он получает ссуду, даст ему плуг и борону, то за пропажу их он должен заплатить; но он не платит за хозяйскую вещь, им взятую, если она пропадет без него, когда господин пошлет его на свою работу.

Комментарии

Полевой, назвав ст. 57 «темной», дал ее пересказ совместно со ст. 58, по-видимому, основным и объединяющим предметом всего житейского казуса, считая утрату коня: «Если закуп утратит своего коня в поле, господин ему ничего не платит; но за коня, соху и борону хозяйскую, если потерялись в поле и конь не был введен во двор и конюшню хозяйские, закуп обязан платить, кроме того, если он отлучился от них, будучи послан на другую работу хозяином. Если же конь был введен в хлев и орудия земледельческие положены на место, закуп не отвечает» [69; с. 179].

Ланге: «Это значит: …если господин давал ролейному закупу плуг и борону, т. е. такие вещи, которые по роду его занятий были ему необходимы для очистки купой своего долга (от них же купу емлет), то за растрату их закуп обязывался удовлетворить хозяина, но продаже не подвергался… Закуп не отвечал, когда господин отсылал его на другую свою работу…». «Постановления Правды, налагавшие на закупа обязанность платить господину за растрату его собственности (ст. 53, 54), не должно понимать так, что закупу тотчас нужно было удовлетворить господина наличными деньгами, которых у него, как у несостоятельного должника, не могло быть, но что он обязывался только отработать свой долг» [47; с. 189, 181].

Золотой змеевик Мономаха.
Вторая половина XI в.

Змеевики, или змеевые луны,— металлические и каменные медальоны-амулеты, обычно округлые или восьмиугольные, с изображением христианского святого с лицевой стороны и змей (от 6 до 14) с другой,— появились на Руси в XI—XII вв. и были широко распространены вплоть до XVI в.

Владимирский-Буданов: «Если закуп земледельческий, т. е. получивший участок земли и взявший подмогу (капитал на обзаведение), потеряет свойского (по др. спискам – войского, по Ланге – верхового) коня, то не платит за это; но если истеряет имущество (плуг и борону), данное ему хозяином (на его ответственность), от которого он получает “копу”, то за это закуп платит; впрочем, если имущество пропало без него, когда хозяин послал его за своим делом, то не платит». «Сухов находит в этой

статье постановление о наказании за преступную неосторожность. Но здесь нет речи ни о преступлении, ни о наказании, а только о гражданском взыскании имущества, утерянного без всякого участия злой воли того, кому оно было вверено» [23; примеч. 99].

Мацейовский: «Закуп приходил или со своим инвентарем, или получал его вместе с необходимыми для обработки земли (рольи) орудиями, именно плугом и бороной, от хозяина, и отвечал за него или собственными деньгами (кунами), или купой, копой или отарицей» [4; II, § 107, с. 133–134].

Сергеевич: «Закуп имеет свою собственность и сам отвечает за убытки, причиненные его действиями нанимателю» [80; с. 192].

Пресняков: «Не ясно, всегда ли он – “ролейный” закуп. Пашет он, по крайней мере, иногда на своем коне (ср. смердьего коня II редакции) [А, 28 Краткой Правды], но иногда (“еже”) получает борону и плуг…» [73; с. 196].

Павлов-Сильванский: «[Закупы] работают с господскими конями и за всякое повреждение хозяйского инвентаря подлежат денежным взысканиям» [65; с. 227].

Мрочек-Дроздовский: «При отсылке и отлучке конь, плуг, борона остаются на поле, значит, дело, по которому закуп отослан или сам отлучился, не требует ни рабочего коня, ни земледельческих орудий – это дело не-ролейное, и Пушк. сп. правильно определяет его “ино орудие”» [61; с. 83, примеч. 93].

Максимейко: «Заключительная часть… статьи, начинающаяся словами “оже ли господин отслеть его на свое орудие” и т. д., показывает, что предшествующий текст ее предусматривал тот случай, когда плуг и борона давались закупу не в качестве необходимой принадлежности его работы на господском поле, а в качестве ссуды, необходимой ему для обработки своей собственной нивы; в последующем же тексте говорится о том, что закуп… мог быть оторван от этой работы и послан на хозяйское дело». Имея в виду Пушк. сп.: «ино орудие», вместо «свое», Максимейко объяснял его тем, что переписчик усомнился в существовании у закупа «обособленного хозяйства», и, «выходит, след., что… [в обоих случаях] закуп работал… на хозяина; только работа его имела неодинаковый характер» [55; с. 33].

Чудотворная икона Пресвятой Богородицы «Нерушимая стена». *Мозаика Софийского собора в Киеве. XI в.*

Икона получила свое наименование «Нерушимая Стена» ввиду того, что на протяжении девяти веков оставалась неповрежденной, несмотря на то, что и собор, и город неоднократно подвергались разрушению. Сохранилось старинное описание этой иконы: «Рост Богородицы исполинский, как и все Ее дела на Руси. Она стоит на золотом камне, в незыблемое основание всех притекающих к Ее защите. Небесного цвета Ее хитон, червленый пояс и на нем висит лентион, которым Она отирает столько слез. Лазуревые поручи на воздетых к небу руках. Золотое покрывало опускается с Ее головы и перевешено в виде омофора на левое плечо, на знамение Ее покрова, ширшего облака, по гласу церковных песней. Светлая звезда горит на челе Богоматери и две звезды на раменах: ибо Она Сама, Матерь Незаходимого Света, была для нас зарею Незаходимого Солнца».

По киевскому преданию, стольный град не погибнет, пока простирает над ним руки Божия Матерь «Нерушимая Стена».

Необоримая Заступница земли русской в самые тяжкие времена подавала ей благодатную помощь. На большой дуге полусвода, во всю ее длину и почти во всю ширину, изображена греческая надпись черной мозаикой: «Бог посреди ея и не подвижется: поможет ей Бог утро заутра» (Пс. 45, ст. 6).

«Ролейный закуп»

Чичерин: «[Ролейный закуп] вероятно, сидел на земле своего хозяина» [92; с. 155].

И. Беляев: «Ролейные закупы… кажется, садились на господской земле всегда при господской ссуде… в ролейные закупы поступали только такие бедняки, которые не имели ни своих орудий земледелия, ни рабочего скота, ни хлеба на прокорм и семена и все это получали от господина, на земле которого садились…»; «…жили своим мелким хозяйством и, кроме работ на господина, работали на себя господским же рабочим скотом и орудиями на господской земле» [16; с. 13].

Ланге: Ролейными закупами «назывались те, которые обрабатывали господскую ролью, т. е. землю, и вместе с тем получали и себе участок земли на присевок для прожитка, а не ролейными те, кои, не занимаясь вообще земледелием, а находясь

при господине, не получали такого присевка, т. е. поземельного участка, и первым засчитывалось за год работы в счет должной суммы менее, а последним более» [47; с. 182].

Максимейко: «Аналогией им могут служить т. наз. крестьяне-месячники, известные крепостной России» [55; с. 30].

«Войский свойскы»

Ланге: «Если у кого-либо был закуп-земледелец и от его недосмотра пропадала верховая лошадь, то в таком случае закуп не отвечал, потому что постоянный, тщательный надзор за означенной лошадью не согласовался с родом его занятий…» [47; с. 189].

Чичерин: «У него [закупа] была своя собственная лошадь; он работал и на себя, хотя обязан был также работать на господина» [92; с. 155].

Хлебников: «Сомнительно, что разумелось под словом "войский конь"? Но так как закуп был полусамостоятельный крестьянин своего хозяина, боярина-дружинника, то весьма вероятно, что в числе других предметов ему поручалось стеречь дорогих коней, которых их господин употреблял во время походов; за потерю этих коней земледелец не должен отвечать, т. к. это не входит в круг его прямых обязанностей» [91; с. 243].

Сергеевич: «Допустим, хотя это и трудно, что "войский" значит "воинский" (трудность же такого допущения состоит в малой вероятности, чтобы в XIII в. у нас обособились уже кавалерийские лошади от упряжных); остается непонятным, почему закуп, погубив своим небрежением такого коня, не платил убытков. Объяснение г. Ланге… представляется искусственным. Остается второе предположение… "свойский", т. е. свой конь, принадлежащий закупу (свойский – значит еще домашний, в противоположность дикому, так и теперь в Литве. Но вред, причиненный хозяйскому коню, должен вести к вознаграждению убытка)… Допустим, что… были и такие [закупы], которые подряжались на сельские работы на своих лошадях… Что закуп не платил, погубив свою лошадь… об этом нечего было и упоминать в статье, имеющей предметом убытки нанимателя. Но от пагубы лошади, на которой наймит подрядился работать, мог возникнуть убыток нанимателя… Освобождался ли он от вознаграждения за такой убыток? Это очень трудно допустить. Таким образом, и при этом втором предположении рассматриваемое правило остается не вполне ясным» [80; с. 193].

Ясинский: «В Лит. Метр., кн. Судн. дел, № 1, л. 9 имеется запись о разбирательстве по делу о "заставе" ответчиком (боярином Якубом Самодуровичем) "человека своего" истцу "в 30 золотых без золотого", с тем что до отдачи этих денег Якуб "дал

бы человеку тому во всем впокой, ни в чем бы его не рушал, под виною господарскою под 30 рубли грошей, а што клячу в того человека пограбил бы, ино што тая кляча гинула 6 недель, а службы не было, и мы (казали) навязати на клячу полкопы грошей…”» [96; с. 451].

Пресняков: «Следует, по-видимому, признать, что иногда закуп пашет на своей лошади, т. к. …варианты “войский” и “воинский” не дают понятного смысла» [72; с. 299].

Павлов-Сильванский: «В Русской Правде *свой* всегда означается тем же словом *свой*, а не *свойский*… Но слово *свойский* по Далю значит *домашний*. Этот смысл слова сюда вполне подходит. Статья предусматривает наиболее обычный в житейской практике случай: конь пал, а господин взыскивает с закупа. Более редкого случая, что конь пал по небрежению закупа, Правда не предусматривает» [65; с. 227, примеч.].

Максимейко подчеркивал, что в «свойского» обратили «войского» коня только списки Карамзинского типа, и потому считал это «позднейшим искажением текста». «Переписчик заменил войского коня свойским, м. б., потому, что, подобно современным комментаторам Русской Правды [Сергеевич и др.], сомневался, чтобы в тот период у богатых бояр рядом с рабочими клячами имелись уже военные лошади, а м. б., потому, что не понимал, почему ролейный закуп не должен был отвечать за пропажу воинского коня» [55; с. 31].

«Купа», «копа», «кова»

Болтин: «Копа – денежная плата, жалованье. Сие слово осталось во употреблении в малороссийском наречии… так называется там числительная монета, из 50 копеек состоящая, каковой в сущности нет и не бывало, и, означая вещи цену, говорят обыкновенно *копа*, две копы, полкопы и пр.» [20; с. 61].

Карамзин: «Истинное слово подлинника есть *кова*… от глагола *ковать*… Так могли называться деньги, за которые слуга шел в неволю временную: он ими как бы оковывал себя» [41; примеч. 92].

И. Б. Раковецкий: «В Малой Польше, особенно в современном воеводстве Плоцком, имеются крестьяне, называемые “kopczarzami”, потому что они получают с поля kopczyznę, т. е. определенное оговоренное количество зерна, быть может, слово “копа” означает то же, что kopczyzna» [5; с. 132–133, примеч. 36].

Давая перевод этой статьи, *Рейц* вовсе опускал слова «от него же купу емлет»: «но если у него соха и борона господские, то он

отвечает за их сохранность…» [74; с. 194].

Дубенский сослался на статью Сабинина [78; с. 49], «сравн. скандинавское kaupi, от caupa – emo, mercor» – и в то же время сам считал «возможным пояснить» копу «глаголом *копить, собирать*, потому что в известные сроки (ежегодно) по долям накоплялась со временем полная сумма, за которую закуп кабалил себя, и, выслужа которую, он делался свободным» [33; с. 88] (см. ст. 59).

Мацейовский: «Под купой Вислицкий Статут [Вислицкий статут (Вислицко-Петроковские статуты 1346–1347 гг.) – польский законодательный памятник; составлен при Казимире III на основании польского обычного права на сеймах в Вислице (для Малой Польши) и Петрокове (для Великой Польши)] (ст. 38) понимал определенное количество снопов или вымолоченного из них зерна, которое, видимо, полагалось наемнику за работу на основе договора» [4; II, § 107, с. 134].

Ланге: «Под купой разумелась та сумма, которая всем вообще закупам… засчитывалась за год службы у господина, т. е. купа была не что иное, как ежегодный выкуп долга работой… На самое количество купы, кажется, указывает одно место Правды [ст. 39]: “аже крадет кто гумно или жито в яме… а за лето возьмет по полугривне”… Предполагается, что если поличного не было и вор оказывался несостоятельным к вознаграждению убытков, то обращался в закупа, и в таком случае засчитывалось ему за год работы по полугривне… Выходит, что закупу за год работы засчитывалась в счет долга весьма ничтожная сумма – 25 кун» [47; с. 182–183].

Хлебников: «Купа объясняется… [словами], что земледелец емлет купу от плуга и бороны, а потому купа, конечно, означает жатву» [91; с. 244].

Соболевский: «Странное слово *купа* или *копа* не имеет почти ничего сходного по звукам со словом *ков* и не может быть с ним смешано». «Наиболее вероятен» вариант: «уведеть кову или отарицу», «где значение слова *кова* объясняется сопоставлением его со словом *отарица*» (см. ниже). «Глагол *уведеть* показывает, что *кова* означало что-то подобное отарице… В словацком языке существует слово chova = корм». Соболевский переводил: «сельский закуп, получающий плуг и борону от того господина, от которого получает средства к пропитанию…» [83; с. 380].

Сергеевич: «Но еже дал ему [закупу] господин плуг и борону, от него же купу (*вар*. копоу, денежная плата, груда, куча, копить, купить, купец) емлеть, то то погубивши платити». Это место статьи надо понимать в том смысле, что «наемные рабочие» «получают заработную плату вперед» [80; с. 191].

Дебольский: «Скорее можно подразумевать здесь периодическую плату, в виду формы “емлеть”» [29; с. 92].

Рожков: «Купа вовсе не наемная плата, а заемная сумма, получавшаяся закупом, что подтверждается и словом *прикуп*, означающим, м. пр., то, что человек “срезит”, т. е. прибыль от роста, от дачи в долг» [75; с. 58].

Мрочек-Дроздовский полагал, что «в древнем подлиннике было: копа»; «вражда = ков (злоба, злой умысел)»; «кова вместо копа: можно думать, что эта ошибка (*в* вместо *п*) повела и к другой – кова заменена враждою [Синод. сп.]. Слово *кова*, по-видимому, вовсе не употреблялось в др. – русск. яз. (см.: *Срезневский*, Материалы)». «Если бы в подлиннике было: *купа*, то не могло бы и быть первой ошибки – вместо *купу* нельзя прочесть *кову*. О чтении: копа-купа заметим след.: слово *купа* – не позже XII в., – в Златострую[253] этого времени, по описанию Срезневского, читаем: «свьнувше (свьнувшю) же свещеваем о купе (о купле) и на торг течем», – купа = купля; купля ж = скоп, скопление (от *копити*) – отсюда: купля и копа = скопление, приобретение, как и плата за приобретение, – оба признака купли-продажи, из которых каждый мог употребляться в речи как часть вместо целого – оба чтения (копа и купа) одинаково правильны. При добровольном закабалении копа-купа, несомненно, есть та ценность, за которую вольный человек идет в кабалу» [61; с. 84, примеч. 94].

Максимейко подчеркивал, что в древнейшем Синод. сп. и только в нем вместо «купы-копы» стоит «кова». «“Кова” предшествовала купе и копе»: не только потому, что «она находится в древн. Синод. сп.», но и потому, что «купа и копа более доступны пониманию, чем кова», это «результат толкования… загадочного оригинала». Максимейко не согласился с Соболевским, что «хова» – это только «средства пропитания». «Хова обозначала понятие содержания вообще» («а самых мают ховати до смерти их даючы им одежу и живность пристойную…» [Литовский Статут, 3 ред., разд. V, арт. 22]). «Ховой мог служить и земельный надел»: «теж писара местского мають у себе у месте своем ховати, и тому писару мають они межы себе волоку дати, с чого бы он мял живность собе мети» [9; с. 191]. «В Лит. – Рус. государстве… холопам выдавалась месячина в определенном размере; но если они получали от господина так наз. бонду [см. ниже, Ключевский] и полевые участки в пользование, т. е. имели… свои приробки и присевки, то размер их месячины уменьшался».

«В 1540 г. …рассматривалась жалоба… “штож дей был есьми у него в наймех и робил ему от десяти лет и он дей им по тыи

прошлый лета присевок давал, а теперь дей на сее лето бочки жита присеяти не хочет"; а ответчик объяснил: "на сее дей лето прошлое от сих мест не хочу ему присевку дати, бо дей не хочу его в себе мети и ховати"». «О присевках закупов говорит Литовский Статут (1 ред., XI, 7)… В 1540 г. … Гринець… находился в заставе у Гродненского войта у 4 копах грошей, "а выпусту тому Гринцу… на кождый год по 10 грошей с тых пенязей, а присевку по бочце жита, пана войтово насенье и поле и ку тому по севни гредчины" [7; т. XVII, № 272]». «Таковы разнообразные виды ховы, известные лит. – рус. памятникам». Русская Правда, «упоминая мимоходом… о хове, имела в виду… наделение закупа землей, продукты которой шли на его содержание. Вот почему это упоминание поставлено в связь с тем обстоятельством, что господин давал закупу плуг и борону… Они были необходимы для обработки земли, составлявшей его хову. Только в этих пределах и могло иметь место собственное хозяйство закупа» («свое орудие») [55; с. 31–33].

Ф. Г. Солнцев. Древнерусский воин.
1847 г.

58.

О закупе же. Аже из хлева выведуть, то закупу того не платити; но же погубить на поли и в двор не вженеть и не затворить, кде ему господин велить, или орудья своя дея, а того погубить, то то ему платити.

Перевод И. В. Платонова

Наемник не ответствует за скотину, уведенную из хлева; но когда растеряет ее в поле или не загонит на двор, или не затворит в хлеве, вопреки приказанию своего господина, или утратит ее за своим делом, то наемник подлежит ответственности.

Перевод В. Н. Сторожева

Закупу не платить за скотину, уведенную из хлева; но если он потеряет ее в поле, или не загонит во двор, или не затворит в хлеве, где ему велит господин, или же утратит ее за своим делом, то закупу во всех этих случаях утраты платить.

Комментарии

Ланге: «Но если скот пропадал на поле при пастьбе или не был загнан во двор и заперт там, где было приказано, или если пропажа скота случилась потому, что закуп занимался своей работой, то во всех таких случаях он должен был вознаградить убытки владельца». Под «своей работой» («орудие свое дея») Ланге понимал занятие «ремеслами» «в собственную пользу» [47; с. 189 и 64].

Владимирский-Буданов полагал, что речь здесь идет не только о скоте, как в начале статьи («из хлева»), и конец переводил: «или если потеряется имущество, когда он уйдет по собственным делам, то платит» [23; примеч. 100].

Сергеевич: «Статья 54 [А, 58] упоминает о “деле закупа”… Под делом закупа можно понимать все то, к чему он был обязан, как работник… И конечно платил убытки, если был виноват в небрежности» [80; с. 194].

Голубовский предполагал «существование приблизительно хотя бы такого начала статьи: “Аже дасть господин закупу вол или конь, а из хлева выведут…”». Иначе непонятно: «Что выведут? Плуг и борону?» [25; с. 48].

Дьяконов: «Он [закуп] может заниматься каким-то своим делом, в отличие от хозяйского (“орудия своя дея”, в противоположность тому, когда “господин отошлеть его на свое орудие”)» [35; с. 109].

Павлов-Сильванский: «[Закупы] пасут и загоняют в хлев господский скот» [65; с. 227].

Гётц поддерживал мнение Сергеевича («орудия своя дея» – хозяйская работа) указанием на то, что и по ст. 57 закуп должен платить за мертвый инвентарь, им погубленный [2; т. III, с. 277].

Максимейко, как и в других случаях, опорочивал редакцию статьи в Карамзинском списке, который механически соединяет «из хлева» Тр. Сп. и «из забоя» Пушк. сп.: «оже из хлева из забоя». Поэтому неприемлемо «несомненное искажение оригинала» в замене слов: «на поли и в двор…» – словами: «на поли или в двор…», откуда следовало бы, что закуп отвечал за пропажу скота в поле «во всяком случае», тогда как союз «и» «обозначал не альтернативное сопоставление двух возможностей, а совокупность двух условий, взаимно дополнявших одно другое», и, следовательно, «не всякая пропажа скота в поле влекла за собою ответственность закупа; ответственность его ограничивалась тем случаем, когда скот оставался в поле, между

тем как закуп должен был загнать его во двор… значит, он отвечал за свою небрежность». «Если предшествующая статья давала лишь косвенное указание на то, что у закупа могло быть собственное дело, то здесь дается прямое и определенное засвидетельствование такой возможности: “или орудия своя дея”…» [55; с. 34–35].

Одежда зажиточных людей XII в.

Аже господин переобидитъ закупа, а увидитъ купу его или отарицю, то то ему все воротити, а за обиду платити ему 60 кун.

Перевод И. В. Платонова

Если господин обидит наемного слугу; откроет против него какое-нибудь несправедливое требование и, под предлогом удовлетворения оному, не выдаст ему полного жалованья: то господин должен возвратить ему удержанную цену; да кроме сего заплатить ему за обиду 7 [254] *кун пени.*

Перевод В. Н. Сторожева

Если господин обидит закупа, отнимет у закупа данную ему ссуду или его собственное имущество, то по суду все это он обязан возвратить закупу, а за обиду заплатить 60 кун.

Комментарии

Н. А. Полевой перевел: «Кто обидит закупа в его участке или жалованье, тот должен возвратить ему излишне насчитанное или взятое и за обиду ему дать 7 кун» [69; с. 179].

А. Богдановский: «60 кун платит господин, если в расчете обидел своего закупа в первый раз» [19; с. 35].

Ланге считал ст. 59–60 (объединяя их, как и Калачов, в одну) «едва ли не самой искаженной». «Нельзя не заметить, что оно [постановление] распадается на 2 части [А, 59 и 60], из коих во 2-й говорится о повторении того преступления, за которое назначалось 60 кун продажи в первой части [ст. 59]… «Паки ли», означающее во всех др. статьях Правды «ежели же», в настоящем случае принимается в смысле *снова ли*, так как оно совмещено здесь с выражением «опять воротити»… последнее показывает повторение того же действия, которое и прежде было допущено господином по отношению к закупу… Преступление… состояло в том, что господин засчитывал закупу меньше кун, чем положено было засчитывать ему за год работы, и т. обр. захватывал чужое, т. е. «принимал куны»… Глаголы *увидить, уведеть, введеть,* без сомнения, искажены… преступление выясняется… только глаголом *увередить* в смысле *повредить, изменить*…

Относительно же слова «цена» следует заметить, что оно нигде не употребляется в Правде и, вероятно, в ее текст вставлено было позже, в виде объяснения к слову *купа*… Ст. 55 [А, 59–62]

следует читать по Троицк. списку, только «увидить» должно заменить глаголом *уверединть*…» «Т. обр. ст. 55 [А, 59–60] мы понимаем так: если господин обижал закупа, т. е. изменял во вред ему купу, иначе сказать, засчитывал ему в ежегодный выкуп меньшую, чем следовало, сумму, а также отнимал отарицу, т. е. поземельный участок, не увеличивая с тем вместе купы… то господин должен был все воротить, т. е. засчитать закупу, что неправильно было от него отнято, а сверх того заплатить князю продажи 60 кун; за повторение же того же самого преступления, кроме удовлетворения закупа, господин обязывался заплатить продажу князю в большем уже количестве, именно 3 гривны…» [47; с. 179 и сл.].

Чичерин: «Неправильно удержанные или отнятые у закупа деньги хозяин должен был возвратить, да кроме того заплатить за обиду» [92; с. 155].

Любавский, возражая вообще против «искусственной разбивки» «статей» Русской Правды (но и не поясняя, что надо разуметь под естественной «разбивкой» или под «статьями» – сплошной текст между двумя заголовками или что другое), предложил совершенно оригинальное толкование ст. 59. Ст. 73 калачовской нумерации, разбитую в настоящем издании на 4 статьи (А, 59–62), он толковал, однако, не целиком, оставлял в стороне ст. 62 и связывал текст ст. 59–61 со ст. 57 и 58, как «непосредственное их продолжение» (ср. ниже, Хлебников, с. 509).

Ст. 57 и 58 устанавливают, «что в подлежащих случаях закуп должен заплатить» за «имущественный ущерб» своему господину. «73 статья [на самом деле не А, 59–62, а А, 59–61] говорит о злоупотреблениях, которые могут быть допущены господином при взыскании с закупа стоимости “погубленной” им вещи» (ср. ниже, Дубенский), и Любавский предложил следующий перевод ст. 59–61: «[59] если господин обидит закупа, даст волю враждебному чувству (уведет вражду), вздует (уверединт) цену (погубленной вещи) и введет эту цену в купу (т. е. увеличит ею полученную вперед закупом плату), или же наложит на собственное имущество закупа (отарицу = πεχούλιον [77; т. VI, ст. 208, примеч. 8]), то все ему воротить, а за беззаконие платить ему 60 кун; [ст. 60] а если возьмет за него деньги, то опять вернуть ему деньги, которые за него взял, а за беззаконие платить 3 гривны штрафа; [ст. 61] а если господин (производя такое неправильное взыскание) продаст закупа в рабство (обель), то наймит свободен от платежа всех денег (а следовательно, и лично), а господину платить за беззаконие 12 гривен штрафа».

Преимущество «такого понимания этой статьи» Любавский

видит и в том, что при нем «легко объясняется и градация устанавливаемых в ней уголовных штрафов. Наименьшим злом для закупа при недобросовестных взысканиях хозяина было увеличение «купы», а следовательно, и продление его закупничества и отнятие у него части имущества; бóльшим злом была уже передача его в закупы другому лицу и удлинение таким путем срока закупничества, и, наконец, самым тяжким нарушением прав закупа была продажа его в рабство в силу недобросовестного имущественного взыскания» [52; с. 320–323].

«Уведеть купу» («копу», «вражду», «ковy»)

Дубенский: «Введет копу, т. е. внесет в счет (копу) цену, которой не стоила вещь, у него пропавшая» [33; с. 88].

Беляев: «Ежели господин приобидит закупа, не отдаст столько уродившегося хлеба, сколько следовало по условию, или убавит долю земли, следующую на хозяйство закупа, то все эго должен возвратить…». «Списки Русской Правды XV и XVI ст. прямо переводят древнее выражение “уведет копу” другим выражением “увередит цену” (убавит цену)». «Следовательно… ролейные закупы жили на двух главных условиях: они или получали плату хлебом, т. е. условленную часть урожая, как впоследствии исполовники, или господин давал закупу долю земли для собственного хозяйства закупа с тем, чтобы он другую долю земли обрабатывал на господина» [16; с. 13].

Хлебников переводил ст. 59 и ст. 60 вместе (см. выше, Любавский): «1) если господин, обидев закупа и узнав, что он питает к нему вражду (т. е. стремится отомстить за свою обиду, по идеям века), сам, уменьшив денежное вознаграждение, заменит его увеличенным требованием жатвы или части скота, то обязан возвратить лишнюю часть жатвы и заплатить за обиду 60 кун; 2) если господин возьмет большее (чем по условию) денежное вознаграждение, то обязан возвратить лишнее и заплатить за обиду 3 гривны». «Обе эти статьи, очевидно, предполагают существование обычая, устанавливавшего общую сумму денежного вознаграждения, а также обычную часть жатвы… не более половины, как утверждает Устав Ярослава о земских делех, и не менее четверти, как взималось в Новгороде в эпоху, благоприятную для крестьян… Не нужно забывать, что еще недавно закуп считал себя свободным человеком, который мстил за обиду, что еще не могло сложиться в обществе рабского благоговения к воле господ» [91; с. 244–245].

Владимирский-Буданов переводил: «Если господин будет

обижать закупа по вражде: понизит цену или уменьшит его долю копен (полевых произведений) или скота, то господин должен все воротить и уплатить (уголовного штрафа) 60 кун». «Отсюда видно, что ролейный закуп, или “наймит”, получал в свое пользование или участок земли, или долю произведений, отрабатывая за то на земле господина полевыми работами или во дворе домашнею службою. Понизить цену – значит: уменьшить зачет работы. Впрочем, м. б., здесь рассматриваются вместе и дворовые наймиты, служившие за деньги [А, 111], и ролейные закупы, получавшие известную долю полевых произведений» [23; примеч. 101].

Сергеевич: «Закуп… получает наемную плату. Она называется то “купой, копой” [ст. 57], то “ценой” [ст. 111]. Господин может недоплатить этой купы или цены. Это, надо думать, и разумеет статья, говоря: “увидить (т. е. уведеит) купу его”. Совершенно понятен поэтому вариант: “уведеит цену”» [80; с. 195].

Дебольский переводил: «“Если господин обидит закупа, начнет с ним вражду, уменьшит наемную цену, ложно увеличив сделанный закупом долг или данный ему peculium, то этот убыток должен быть возвращен закупу и кроме того… штраф за обиду в 60 кун”. А “введеть в копу” и может быть понимаемо как введет в сумму, взятую вперед» [29; с. 92–93].

Ключевский мимоходом указал на югославянский термин «вражда» в смысле пени за убийство или вообще судебного взыскания» [44; с. 237].

Голубовский: «Термин “вражда” очень древний, и потому видеть здесь позднейшую вставку переписчика нет никакой возможности. Он сохранился в обычном праве южных славян и обозначает виру за убийство, Переписчики Троицкого и Пушкинского списков уже не понимали этого термина, выбросили его. В том древнейшем оригинале, от которого пошли все списки, выражение “уведеть вражду”, по нашему мнению, существовало и имеет, как нам кажется, raison d’être[255]. Переписчики, выбросившие непонятное для них “вражду”, соединили слова “введеть” (“уведеть, увидить”) и “копу”, и получилось бессмысленное “уведеть копу” вместо ясного “уведеит копу”. Но… термин “цену” Синод. и Карамзинского списка был ли сначала просто глоссой к термину “копу”, а потом введен в текст, или в оригинале рядом существовали “цену” и “копу”? Есть… некоторое основание предположить именно последнее» [25; с. 47].

Мрочек-Дроздовский: «Уведение купы – не отказ и не задержка в уплате, а отнятие, насилием или обманом, выданной купы: последствие уведения – иск не о даче невыданного, а о возврате

отнятого». – «Слово *вередити* в др. – русск. яз. = бесчестить» [61; с. 84, примеч. 94].

Максимейко устанавливал следующую «эволюцию текста»:

1) Синод. сп. «уведить вражду»;

2) 4 списка во главе с Тр. «увидить купу»;

3) 15 списков во главе с Чудовским 2-м «увередит цену»;

4) Пушк. и Погод. «введеть копу»;

5) Кар. тип., объединивший все разночтения, «уведеть вражду и увередить цену, а введеть в купу»,—

и полагал, что «ни один из этих текстов не может быть отнесен к оригиналу». Купа и копа в ст. 57 (см. выше) были уже раз «внесены переписчиками» «взамен непонятной ковы Синод. сп. = ховы», «очевидно, и здесь купа и копа… заменили собой первоначальное слово кову или хову». Тогда «понятно, как могла возникнуть своеобразная редакция Синод. сп. “увередить вражду”»: «очевидно, составитель ее полагал, что кова – это то же самое, что ков или ковы», и «заменил ее [по Далю = «коварное намерение, вредный замысел»] враждой» [но в ст. 57 Синод. сп. не заменил «кову» «враждой»; с другой стороны, ср. выше, Голубовский]. Итак, «в оригинальном тексте… была *хова*», «действие» же «выражалось словом *уведеть*»: «оно обозначало вообще похищение или отнятие… предметов независимо от того, были ли они одушевленными или неодушевленными». В ст. 64 слово «*уведеть*» применяется к похищению коня и товара. «В соединении с ховой термин уведеть обозначал лишение закупа его содержания». «Исчезла хова» – и «уведеть» «подверглось искажению», так как «трудно было сочетать его» с «враждой», «купой» и «копой» [55; с. 39–40].

Ф. Г. Солнцев. Пуговицы и подвески
из археологических раскопок.
Из книги «Рязанские древности». XIX в.

«Отарица»

Болтин: «Месячина, то есть постановленное количество… припасов, которые ежемесячно выдают помещики дворовым людям… Наймиты… жили так же, как и дворовые люди ныне, в

господском доме, следственно, и они также или застольное ели, или месячину получали» [20; с. 63].

Карамзин: «Плата, получаемая наемными земледельцами от хозяина или господина… Крестьяне Минской губ. называют ныне отарицею оброк господский. Сообщено от З. Ходаковского» [41; примеч. 92].

Дубенский: «Слово *отарица* доселе сохранилось… у великоруссов в слове: *торица* – подль, высевки, тощее зерно… достояние людей, питающихся от трапезы богатых» [33; с. 88].

Мацейовский: «Отарица означала, может быть, то самое, что сейчас «отерки» возле Перемышля на Червонной Руси». «Наемник договаривался с хозяином, что тот разрешит вымолачивать снопы не целиком, предоставляя ему “дотереть” их до конца или “вытереть” остаток зерна из колосьев» в свою пользу [4; II, § 107, с. 134].

Хлебников: «Отарицей в Белоруссии называлось пользование плодом с участка, данного хозяином; в Великороссии так называют жатвенный хлеб; в Минской губ. это слово употребляется в значении господского оброка [38; с. 102]. Но слово *отара* имеет и общее значение скота, приплода (Сл. Даля), в каком, я полагаю, оно и употреблено здесь» [91; с. 244].

Ланге: «Отарицей называлась земля, отдававшаяся, вероятно, большей части закупов на присевок» (примеч.: «Под отарицей вообще понимают скот, но предполагать, что закуп владел скотом, было бы несовместно с понятием о закупе, как о несостоятельном должнике… Нельзя ли производить [отарицу] от глагола *орать*?… Оратица, т. е. участок поля для орания») [47; с. 182].

Соболевский: «Отара – стадо мелкого скота, овец… Небольшое стадо овец (отарица). Глагол *уведеть* показывает, что кова означало что-то подобное отарице» [82;. 380].

Ключевский: «Русские рабовладельцы, подобно римским, исстари доверяли часть своего имущества в распоряжение или пользование своим холопам: это отарица Русской Правды, пекулий[256] римского права, бонда польского. Такое доверенное имущество давало холопу возможность вести свое особое хозяйство и вступать в обязательства с посторонними лицами» [45; т. I, с. 363].

Сергеевич: «В одном памятнике [77; т. VI, стб. 208, примеч. 8] peculium переведено словом “отарица”. Увередить отарицу, думаем, значит отобрать у закупа собственное его имущество» [80; с. 195].

Пресняков напоминал «первоначальное значение слова peculium (от pecus), а также его смысл в старших западных

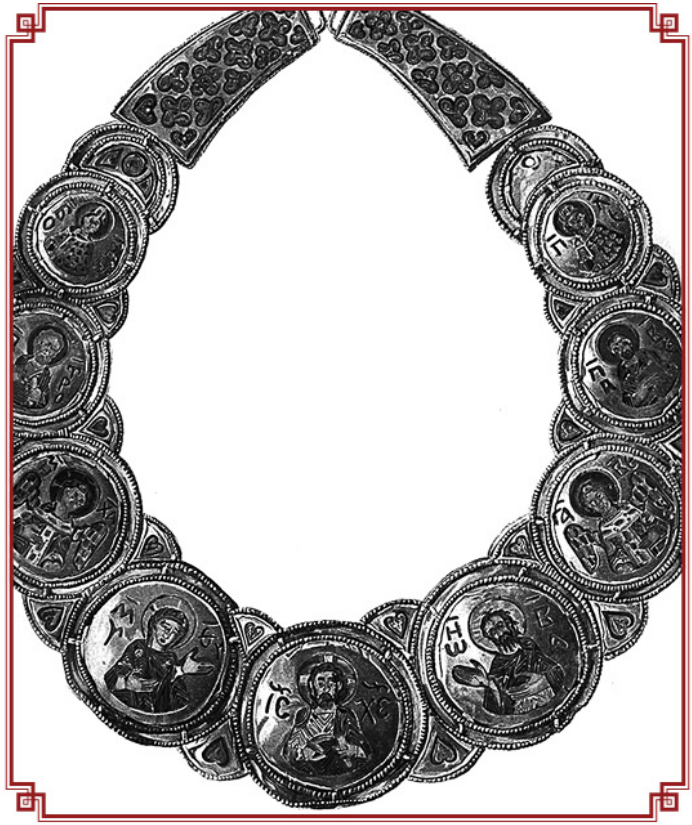
средневековых текстах, где peculium означает только движимое имущество, прежде всего скот; “это то имущество, которое серв или крепостной приобретает для себя и затем сохраняет в своем обладании с определенно выраженного или молчаливого согласия своего господина” [6; с. 45]. Этот peculium-отарицу естественно сопоставить с имуществом, приобретенным на службе господина вестготским дружинником – буцелларием или сагионом» [72; с. 300, примеч. и с. 222].

Мрочек-Дроздовский: «Закуп, как человек свободный, конечно, мог иметь свое добро; без сомнения, главной частью – если не единственным предметом – этого добра-собственности была купа, данная ему хозяином-домовладыкою как домочадцу: вот черта, сближающая нашу отарицу с пекулием, но как кабальная зависимость отличается от холопства, так и отарица отличается от пекулия. Правда отличает отарицу и от купы, и, конечно, отличает не по происхождению: и купа и отарица даются закупу хозяином, иначе у отарицы не было бы и указанной близости к пекулию. Отличие купы от отарицы возможно, следов., лишь по предмету хозяйской дачи… [Ст. 111] указывает на хлеб и придаток, как на предметы хозяйской дачи закупу… Придаток – денежная дача; дача же хлебная, несомненно, соответствует тому, что в крестьянских порядных московского времени называется хлебом семенным и еменным, т. е. хлебом для посева и прокорма до нови. Если же у закупа был свой посев, то был и участок земли, данный ему хозяином для этого посева. В северных говорах употребляется слово *таранить* – вести борозду-межу плугом – простейший способ межевания: не есть ли отарица – ота́ранный-отаренный закупу участок хозяйской земли или – иносказательно – сбор, урожай с этого участка, доход закупа?» [61; с. 85].

Максимейко, принимая отарицу = peculium, в связи со своим толкованием ковы (см. выше), признавал, что «и хова, и отарица обозначали одно и то же понятие, рассматриваемое лишь с разных сторон»: «поскольку то или другое имущество служило целям содержания закупа, оно называлось ховой; поскольку же оно выделялось из общей имущественной массы господина и отдавалось в обособленное пользование закупа, его называли отарицей». «Незначительный размер штрафа (60 кун)… надо объяснять не столько малоценностью предметов, составлявших хову или отарицу, сколько тем обстоятельством, что это имущество не было собственностью закупа, а находилось лишь в его пользовании» [55; с. 40].

Е. Ф. Карский сопоставлял с литовск. «ataras» = борозда и белорусск. «атарица» = «частица земли, засеянная работником или работницей в свою пользу, по условию с хозяином» («атарицу

сваю жнець») [42; с. 131].



Золотая гривна с эмалевыми изображениями из Каменнобродского клада 1903 г. *XI—XIII вв.*

Эту гривну украшают 9 медальонов с изображениями (начиная слева, против часовой стрелки): князя Бориса; апостола Петра; архангела Михаила; Богоматери; Христа; Иоанна Предтечи; архангела Гавриила; апостола Павла; князя Глеба.

60.

Паки ли прииметъ на немь кун, то опять ему воротити куны, что будеть принял, а за обиду платити ему 3 гривны продажи.

Перевод И. В. Платонова

Равным образом, когда господин возьмет и станет удерживать деньги наемника, то взятые деньги возвратить да за обиду заплатить ему 3 гривны пени.

Перевод В. Н. Сторожева

Если господин отдаст своего наймита в заработок другому хозяину за взятую у последнего вперед плату, эту плату он также должен отдать назад, а за обиду заплатить 3 гривны продажи.

Комментарии

Мейер: «В ст. 73 [А, 60] закуп назван наймитом, но это ничего не доказывает против значения заложника, ибо тут же предполагается, что наймит должен своему хозяину, т. к. определяется случай, когда прекращается обязательство заслужить долг» [59; с. 8].

Полевой: «Если закуп отдал наемщику свой долг, а тот его отпускать не станет, то, возвратив по суду, платит продажи 3 гривны» [69; с. 179].

Дубенский: Примет на нем кун = «надбавит сумму, за которую обязался служить наемник» [33; с. 88].

Калачов: «[Господин] не должен делать обиды закупу, напр., отнимать у него отданные ему деньги» [40; с. 141].

Богдановский: «За присвоение платы, следуемой закупу, во 2-й раз, господин должен заплатить ему за обиду, кроме следуемой по найму платы» [19; с. 35].

Хлебников: «Если господин возьмет большее (чем по условию) денежное вознаграждение, то обязан возвратить лишнее и заплатить за обиду 3 гривны» [91; с. 245].

Владимирский-Буданов переводил: «Если хозяин отдаст закупа в заклад за деньги (взятые у другого хозяином), то с господина взыскиваются взятые деньги и 3 гр. уголовной продажи» [23; примеч. 102 и 104]. «Если закуп был перезаложен его господином другому, то сделка считалась недействительной, но закупничество продолжалось» [22; с. 407].

Сергеевич: «Принять на закупе кун – может значить занять денег и в обеспечение долга отдать закупа кредитору» [80; с. 195].

Дебольский: «Слова “примет ли на нем кун” мы не имеем оснований объяснять залогом закупа… Вернее… объяснить это

место как насильственный захват имущества» [29; с. 93].

Мрочек-Дроздовский: «Взять деньги на чем = получить деньги за что – цену вещи. В купчих XV–XVI вв. дать-взять на чем (деньги) означало купить-продать что-либо… Таким образом, взять деньги на закупе (за закупа) значит продать закупа в холопство, и следовательно оба… постановления [А, 60 и 61] говорят об этой продаже, различается лишь два действия самой сделки: получение денег за продаваемого закупа (запродажа с получением цены) и самая продажа, как законченная сделка, т. е. передача проданного закупа покупщику… Здесь различается покушение, уже законченное, от законченного проступка… Обман в том, что продавец выдал своего закупа за своего холопа». «Самая запродажа, как можно думать, держалась втайне от закупа, иначе трудно было бы обмануть добросовестного покупщика. Если же закуп еще ничего не потерпел, то и вознаграждать его было не за что».

По мнению *Максимейко*, ст. 60 «предусматривает тот случай, когда господин при окончательном расчете, пользуясь своей властью, возьмет с закупа больше, чем следует с него, т. е. свыше того, что дано было закупу взаймы или что причитается с него в уплату за причиненные им убытки и т. п.».

1) «“Приимет на нем кун” может означать получение денег… непосредственно с самого закупа» («взыщет кун на друзе» ст. 47, «емлеть на нем свое» и т. п.).

2) Слово *приять* или *принять* «в смысле взятия лишка, добавки»: а) «а што будет прилучено [земли] после небощика пана Евня, а любо што мы придали, а любо што небощик пан Нац принял сам собою, то не даем» [31; с. 17]; б) «штож дей он напил в мене на пиве 3 гроши, а потом дей… он в мене к тым 3 первым грошем 2 гроши принял на бочку ячменю» [7; т. XVII, № 500].

3) «Воротити куны» – «конечно, закупу, а не какому-то мнимому залогопринимателю», потому что ст. 59–62 имеют «в виду лишь внутренние отношения между господином и закупом, вовсе не касаясь третьих лиц», и даже «игнорируют их»: например, ст. 61 «не обнаруживает никакой заботливости об интересах покупателя, совершенно умалчивая о том, возвращались ли ему уплаченные деньги» (по покупке закупа).

4) Дополнением: «что будет приял» – «подчеркивается та мысль, что господин обязан был возвратить не все взятые им деньги, а только… то, что он взял сверх должного» [55; с. 38–39].

Сребреник Владимира Святославича из раскопок Бесединского городища под Курском. *X в.*

61.

Продасть ли господин закупа обель, то наймиту свобода во всех кунах, а господину за обиду платити 12 гривен продаже.

Перевод И. В. Платонова

Ежели господин продает вольного слугу за холопа, то слуга очищает весь свой долг, за который он закабалил себя, а продавец вносит в казну 12 гривен пени.

Перевод В. Н. Сторожева

Если же он совсем продаст его, как своего полного холопа, то наймит свободен от всех долгов, а господин платит за обиду 12 гривен продажи.

Комментарии

В Литовской метрике, в книге судебных дел [50; № 6, л. 26], записано разбирательство дела по жалобе истца: «Заставил есми ему [ответчику] дочку свою в копе грошей, ино я ему пенязей от 5 год даю, а он пенязей не берет, а дочки моее мне не ворочает», – на что ответчик объяснил: «Продал он [истец] мне девку тую за неволную, так я девку тую в неволю продал обель, як обель

купил» [96; с. 451].

«Свобода во всех кунах»

Болтин: «Освобождение от платежа тех денег, за кои холоп себя закабалил в рабство… В Уложении, гл. XX, в ст. 6-й, сходно с сим написано: “А будет кто кому кабального холопа или рабу в приданые даст, или в духовную или рядную или в даную напишет, и таким кабальным холопам и рабам давати воля”» [20; с. 64].

Рейц: «[Наймит] не обязан платить вперед полученного за работу жалованья» [74; с. 195].

Соловьев: «наймит получал полную свободу без обязанности выплатить господину взятое вперед» [85; с. 229].

Ланге: «Что закуп был должником, это видно из ст. 55 [А, 61]: “продаст ли… то ему свобода во всех кунах”, т. е. освобождение от всех лежавших на нем долгов» [47; с. 181].

Чичерин: «[Хозяин]… *лишался отданных закупу денег»* [92; с. 155].

Лешков: «Закуп, проданный господином, через то самое освобождается от всякой от него зависимости» [49; с. 156].

Беляев: «[Господин] терял право на те деньги, по которым закуп вступил к нему в закупы, и, сверх того, должен был заплатить закупу за обиду 12 гривен» [16; с. 11–12].– Ср. позицию Богдановского, который считал, что 12 гривен идут закупу «за обиду» [19; с. 34].

Владимирский-Буданов: «Если же хозяин продаст закупа в полное холопство, то наймит или закуп освобождается (и от холопства и от закупничества), а хозяин платит высшую уголовную продажу – 12 гр.» [23; примеч. 103].

Сергеевич: «Если господин продаст наймита в рабство (выдав его обманом за своего холопа), то проданный получает “свободу во всех кунах”, т. е. освобождается от обязанности уплатить или отработать взятую вперед плату» [80; с. 191].

Дьяконов: «Русская Правда… точно указывает, что закуп-должник своего господина» [35; с. 110].

Гётц подчеркивал, что хотя по норвежскому праву продажа Schuldknecht’a, как раба, тоже запрещена – однако господин мог продать его тогда, когда господин требовал обратно свои деньги, а Schuldknecht не выкупался своими родственниками, и притом за цену, не превышающую долга [2; т. III, с. 282, примеч.].

«Наймит»

Болтин: «Сие слово вместо *закупень* поставлено, –

следственно, то и другое имело тогда одинакое значение» [20; с. 60].

Ключевский: «Довольно трудно решить, имело ли первое название [наймит] какую-либо историческую связь с однозначным византийским термином μισθωτός, означавшим в Средние века вольного крестьянина на владельческой земле. Нет ничего невероятного в том, что “наймит” Русской Правды есть буквальный перевод этого греческого термина: в Правде немало слов подобного происхождения. По крайней мере, русское слово [наймит] неточно выражает юридическое положение русского крестьянина на владельческой земле, как его изображает сама Правда. Это был не простой наемный рабочий, что значил наймит во времена Поликарпа [XIII в.], как и обоих Судебников: за свою работу он получал земельный участок и земледельческие орудия… кроме того, при поселении он брал у владельца ссуду, чтобы обзавестись своим хозяйством. Поэтому второе название, заимствованное прямо из народного языка, шло к нему гораздо более: ролейный закуп – пахатный закладень, съемщик земли со ссудой, уплату которой он обеспечивал личным закладом, обязательной работой на владельца-кредитора. Позднее слово *закуп* означало самый заклад: отдать в “закуп” значило заложить» [45; с. 372–375].

Сергеевич заключал: «Закуп, следовательно, есть наемный человек, наемный работник», и строил на этом термине теорию закупничества-найма [80; с. 189].

Дьяконов: «Русская Правда, называя закупа наймитом, в том же месте точно указывает, что закуп-должник своего господина (“наймиту свобода во всех кунах”)» [35; с. 110].

Пресняков: «Конечно, выражение это [наймит] вполне понятное, и не трудно указать тексты XIII и XIV вв., где его смысл – тот же, что и в нашей речи. Но этим вопрос о его значении не исчерпывается…». «Отождествление найма с лихвой (см. также «Вопр. Кирика» [77; т. IV, с. 24–25]) делает понятным наименование закупа наймитом и без признания его наемным рабочим» [72; с. 299].

Павлов-Сильванский считал замену здесь «закупа» «наймитом» противопоставлением с «пояснительным значением»: «закупу, как наймиту [так же, как и наймиту] свобода в кунах». «Этим оправдывается новое право, охраняющее интересы слабейшего закупа; оно приравнивает закупа к наймиту, тогда как старое право приравнивало его к рабу» [65; с. 226, примеч.].

Гётц, принимая объяснение Преснякова, отметил, что «наймит» не заменен «закупом» ни в Тр., ни в Синод., ни в Карамзинском списках [2; т. III, с. 283].

Максимейко не принял толкования «наймита», данного Пресняковым и Яковкиным, потому, что:

1) «о наймитах неоднократно говорят. . летописи, Псковск. Судн. гр. и др., но в них отсутствуют какие-либо указания на связь личного найма с долговыми отношениями», и

2) из «Вопросов Кирика» «можно лишь заключить, что в древности взимание процентов называлось не только лихвой, но и наймом… *Наимать* означает брать добавку на деньги, отданные взаймы; напрасно искать в этом слове каких-то указаний на самозаклад и работу должника».

Максимейко и ставил вопрос: «Прав ли был автор Русской Правды, назвав закупа наймитом?» «С юридической точки зрения» – «едва ли можно признать удачной терминологию автора». «Даже» сама ст. 61 «не допускает такого переименования закупа в наймита», потому что закуп «освобождался от возвращения взятых им денег, а не от продолжения своей службы. Какой же это наймит? Ведь, из договора личного найма… возникает обязанность заработать полученную плату, и лишь в случае… если наймит самовольно прекращал свою работу, обязательство его из личного превращается в имущественное. Это не теория, а положительная юридическая норма, известная и Русской Правде… [В ст. 111] сказано, что поступивший в услужение… только в случае досрочного оставления работы должен возвратить хозяину “милость”, т. е. взятую у него плату».

Автор Русской Правды смешал закупов с наймитами потому, по мнению Максимейко, что «те и другие одинаково работали на своего хозяина, жили в его дворе, получали от него свое содержание». Пример такого смешения понятий «по признаку только внешнего сходства» Максимейко указывал и в более поздних памятниках Западной Руси и Украины. Литовский Статут, 3 ред., IX, 27: «уставуем, иж в бояр и в людей простых княжеских, панских и земяньских нихто земли закуповати, а ни на лето ку паханью наймовати не мает без воли пана его». «Значит, залог земли ясно и определенно отличался от аренды». А в актах заложенная земля «иногда называлась нанятой»; например, в 1539 г. в Гродненском земском суде истец жаловался: «нанял есми в него в сиж год две нивки попару на жито посеяти за 6 грошей», а ответчик «поведил: правда есть, иж я ему тые две нивки попару в 6 грошох заставил» [7; т. XVII, 1890. № 38–39]. Даже «ученые юристы» в Литовском Статуте выразились: «так же и самого чужого человека, жоны и детей его не маеть нихто закуповати и наймовати, без воли пана его або врядника, под утраченьем найма» [55; с. 36].

Древнерусские нательные кресты. *XI—XIII вв.*

62.

Аже господин бьетъ закупа про дело, то без вины есть; биеть ли не смысля пьян, а без вины, то яко же в свободнемь платеже, тако же и в закупе.

Перевод И. В. Платонова

Если господин бьет слугу за дело, то в сем вины нет; если же бьет его в пьянстве и без всякой вины, то платит ему, как свободному.

Перевод В. Н. Сторожева

Если господин бьет закупа за дело, он за то не отвечает; если же он бьет его пьяный, сам не зная за что, без вины, то должен платить за обиду закупа, как платят за оскорбление свободного.

Комментарии

Сергеевич: «Наниматель имел право наказывать их за дурное исполнение своих обязанностей по собственному усмотрению, без суда» [80; с. 196].

Дебольский: «Телесное наказание свободного наемного человека… допускалось и в XIX в. прусским Landrecht'ом» (II, tit. 5, ст. 185) [29; с. 93].

Дьяконов: «Закуп вознаграждается так же, как и свободный. В последнем случае закуп приравнивается свободному, но из этого приравнивания явствует, что он не свободный человек» [35; с. 108].

Пресняков: «В плате за побои [закуп] равен свободному (стало быть – и в вире)» [72; с. 299].

Гётц: «Что господин может побуждать своего Schuldknecht'а к работе побоями, установлено и в норвежском праве» [2; т. III, с. 284].

Ф. Г. Солнцев. Рисунки с фресок XI—XIII вв. из Софийского собора в Киеве. *XIX в.*

63.

О холопе. Аже холоп обелныи выведеть конь чии любо, то платити за нь 2 гривны.

Перевод И. В. Платонова

Ежели чей крепостной холоп уведет лошадь, то платит за то 2 гривны.

Перевод В. Н. Сторожева

Если полный холоп уведет чью-нибудь лошадь, то (господину) платить за то 2 гривны.

Комментарии

Владимирский-Буданов: «Выше (в ст. 43) [А, 46] было постановлено двойное вознаграждение истцу, здесь обыкновенное (конь всякий, кроме княжеского, стоит 2 гривны по ст. 41 [А, 45] Карамз. сп.). Этою статьею, очевидно, отменяется 43 ст. [А, 46] в пользу рабовладельцев, которым, конечно, было нелегко платить вдвойне за чужую вину» [23; прим. 105].

Сергеевич: «Написать подряд все статьи о закупах, перенеся на другое, более приличное, место статью о холопе, которая попала в середину статей о закупах и нарушила их цельность, это было выше его [переписчика Карамзинского списка] средств» [79; с. 78–79].

Гётц полагал, что эта статья «не на месте» и является «позднейшим дополнением», возникшим по связи с упоминаниями о холопе, нашел в тексте указание на то, что закуп за кражу коня становился холопом. Господин должен платить за украденную лошадь, но сколько, не сказано. Позднейший переписчик Пространной Правды «пометил слова ст. 63 на полях, и следующий переписчик поставил их не на то место» – перед ст. 64, вместо того чтобы поставить их после одного из абзацев 64 ст. Что касается суммы вознаграждения (2 гривны вместо 4), то Гётц сопоставлял это со ст. 120 и 121, где нет речи о двойном вознаграждении [2; т. III, с. 286].

Древнерусские монеты X—XI вв.

64.

Аже закуп выведеть что, то господин в немь; но оже кде и налезуть, то преди заплатить господин его конь или что будеть ино взял, ему холоп обелныи; и паки ли господин не хотети начнеть платити за нь, а продасть и отдасть же переди или за конь, или за вол, или за товар, что будеть чюжего взял, а прок ему самому взяти собе.

Перевод И. В. Платонова

Если наемник украдет что-нибудь, то господин не ответствует; но если он будет пойман, то господину отдается на волю, хочет ли он заплатить известную сумму за учиненную слугою его покражу, напр., лошади или какого-нибудь другого предмета, и в таком случае наемник за него, то должен продать и из вырученных денег заплатить за покраденное им, лошадь ли то будет, или бык, или товар или другое что, им унесенное, а что останется за уплатою, то взять себе.

Перевод В. Н. Сторожева

Если закуп украдет что-нибудь на стороне, то господин отвечает за него. Но он может, когда отыщут вора, заплатить за лошадь или другое что, им украденное, и закупа взять себе в полное холопство, а может и продать его, если не хочет за него платить, и тогда он должен наперед заплатить за то, что взял наймит чужого, будет ли то лошадь, вол или какая-нибудь вещь. А что останется за уплатою, то взять себе.

Калачов: «Если закуп похитит… что-либо чужое, то господин обязан за него заплатить…» [40; с. 141].

Соловьев: «За преступления наймита перед правительством отвечал господин, причем закупень становился ему обельным холопом» [85; с. 229].

Ланге: «За закупов, в случае произведения ими кражи, вознаграждал обиженного господин без платежа продажи князю, и закуп за воровство коня не выдавался по общему закону на поток… Само собою разумеется, то же самое происходило, если закуп становился убийцею, т. е. он не подвергался ни продаже, ни потоку, а господин его обязан был заплатить обиженным одно простое головничество; виновный же закуп, как и при воровстве, становился обельным холопом…». «Право закупа на собственность выражалось только в том, что работа его господину была не даровая… а засчитывалась закупу постепенно за его долг; наличной же собственности, за исключением, м. б., самой ничтожной, закуп не имел. Это доказывается тем, что за него, в случае совершения им преступления, платил его господин (ст. 57) [А, 64]» [47; с. 134 и 181].

Головничество (головщина, головщизна) — денежный выкуп, выплачивавшийся убийцей (головником) родственникам убитого. Головничество было разнообразно, смотря по общественному значению убитого. Так, головничество за убийство княжего мужа равнялось двойной вире, головничество за свободного крестьянина 40 гривнам. За убийство холопа платился штраф в размере 5 гривен.

Мацейовский: «Если (закуп) не имел чем платить, т. е. если всего его имущества не хватало на удовлетворение его долга, хозяин продавал его в неволю и, полученной суммой уплатив долг, остаток ее удерживал себе. Ни в каком другом случае ни продавать его, потому что продажа была бы недействительна, ни обижать его под страхом наказания за это, хозяин не мог. Иначе закуп мог принести на него жалобу в княжеский суд» [4; II, § 107, с. 134].

Беляев: «Господин имел полное право уличенного в воровстве закупа или продать, или обратить в свои полные рабы, и ни

закон, ни общество не вступались в эти дела» [16; с. 20].

Хлебников: «По законам этого времени, свободный человек, совершивший воровство, должен был заплатить огромную пеню в 12 гривен и возвратить вещь. Конечно, закуп-должник тогда не мог иметь такого капитала… На господина закон возлагал косвенным образом обязанность смотреть за закупом, т. к. его собственные потери он ставит на второй план» [91; с. 245].

Владимирский-Буданов считал правильным вариант Пушк. сп.: «в том не платить» – «по требованию смысла: если закуп украдет что-либо (и скроется), то господин не отвечает; но если его где найдут, то хозяин обязан заплатить за коня или за другое что, украденное им, а закуп превращается в его полного холопа. Если же господин не хочет иметь его своим холопом, то может продать его и из вырученных денег прежде всего уплатить за покражу, а остальные взять себе… Разница в возмездии за преступление, совершенное закупом, от возмездия за преступление, совершенное свободным человеком (поток, продажа), определяется особым положением закупа – правами на него его хозяина» [23; примеч. 106].

Сергеевич принимал вариант «то господин в нем» и переводил: «Т. е. господин может поступить с ним, как заблагорассудит» [80; с. 197].

Дебольский полагал, что «статья эта не запрещает и третьего случая, и, вероятно, самого обычного, именно, что хозяин совершенно отступается от закупа и взыскание поступает на личность закупа» [29; с. 97].

В вопросе об ответственности господина за закупа в данном случае Гётц склонялся к толкованию Сергеевича, а не Владимирского-Буданова потому, что слова «но оже и где налезут» говорят за то, что господин отвечает: «потому-то, если бежавшего находят, ему и приписывается право распорядиться закупом, что он до того (vorher) должен был заплатить за похищение лошади, быка или товара». Ординарное, а не двойное вознаграждение выплачивал господин потому, что речь шла о бежавшем рабе, а не о том, который украл и оставался у своего господина, и за воровство которого поэтому должно было выплачиваться двойное вознаграждение [34; с. 288].

Мрочек-Дроздовский: «Настоящая статья распадается на 2 части… В первой части говорится, что за закупа-вора отвечает хозяин»: «быти в чем (в ком) – отвечать за что (за кого)» [86; с. 325]. «Во второй – что после поимки закуп-вор порабощается… Последствие по первой части безусловно и наступает до поимки беглеца, независимо от нее… Эта безусловная ответственность есть не что иное, как казенная пеня (продажа) за проступок

полусвободного домочадца, и до поимки беглеца уплата продажи – чистый убыток господина-домовладыки. Этот убыток возмещается после поимки…» [61; с. 87–88].

Максимейко и здесь держался Синод. сп.: «оже уведеть что, то господин в том…», т. е. «автор Русской Правды только поставил общий вопрос об ответственности за кражу, совершенную закупом, но не дал на него никакого ответа: оборвав фразу, он перешел далее к рассмотрению частного случая» – такого, когда закуп украл, скрылся и был найден, а украденного не оказалось налицо. Сознание «недостаточности и незаконченности своих определений» «побудило его [автора Русской Правды] пополнить замеченные пробелы аналогичными постановлениями» о холопе (ст. 63 и 65), «вырвав их из своей естественной среды» и «поместив рядом со статьей о закупе» (ст. 64). «Такую уклончивость» автора Русской Правды Максимейко считал «вполне естественной», ибо общий «вопрос», поставленный автором вначале, – «сложный».

Вариант Пушк. сп. «в том не платити» «есть произвольная догадка переписчика, т. к. поставленный вопрос не допускает единого универсального и всеобъемлющего решения, а кроме того, он настолько сложен, что ответ на него не может быть исчерпан в одном слове». Между тем «в остальных списках» (кроме Синод., Пушк., Царского) стоит: «то господин в нем». Эти переписчики «надеялись» «придать постановлению… законченный вид». Не соглашаясь с Сергеевичем (см. выше), Максимейко полагал, что «в нем» = «за него», «подобно тому как выражение “в том” значит “за то”»: ср. «вины в том ему нет», «платити в том 12 гривен», «а в сене и в дровех 9 кун», «а в холопе и в робе виры нетуть», «аже в княжи отроци» и т. п. [55; с. 41–42].

Золотой колт (полая подвеска) с парным изображением мифологической птицы Сирин из клада Михайловского Златоверхого монастыря (1887 г.). *Первая половина XII в.*

65.

А се аже холоп ударить. А се аже холоп ударить свободна мужа, а убежить в хором, а господин его не выдасть, то платити за нь господину 12 гривен; а затемь аче и кде налезеть уваренын ть своего истьця, кто его ударил, то Ярослав был уставил убити и, но сынове его, по отци уставиша на куны, любо бити и розвязавше, любо ли взяти гривна кун за сором.

Перевод И. В. Платонова

Если холоп ударит свободного человека и скроется в дому, а господин не выдаст его, то платить за него господину 12 гривен. Но если после сего ударенный наткнется где-нибудь на своего обидчика, который ударил его, то Ярослав определил было убивать его, но дети Ярославовы, отменив сию казнь, дали истцу одно право бить, развязав виновного холопа, или взять за бесчестие гривну кун.

Перевод В. Н. Сторожева

А вот, если холоп ударит свободного человека и скроется в дому, а господин не выдаст его, то платить за него господину 12 гривен. А если после того получивший от холопа удар встретит где-нибудь холопа, который ударил его, то Ярослав определил было убивать его, но сыновья Ярослава, по смерти его, определили на выбор: либо, раздев, высечь виновного холопа, либо взять за бесчестье гривну кун.

Комментарии

Лешков полагал, что «в глазах… Русской Правды… рабы не были вещью» и что «здесь уже хоть частью уравнивается раб с свободным, который также платит за нанесение побоев куны»: Ярославичи постановили, что «раба не убивать, а, связавши, побить или, продавши, ценою, кунами удовлетворить обиженного» [49; с. 154].

Чичерин понимал смягчение Ярославичами закона отца так: «Они предоставили на выбор обиженному: связать холопа, или бить, или продать его за деньги, или взять гривну кун за посрамление». «Личная обида, нанесенная свободному человеку» – «было одно только преступление, которое имело последствия и для самого холопа» [92; с. 150].

Ланге видел в словах: «то Ярослав был уставил убити и, но сынове его по отци уставиша на куны» – «только ссылку на прежние постановления, именно на частный закон Ярослава о холопе, нанесшем удар свободному мужу, и на общий закон Изяслава об отмене кровавой мести»: «За этими постановлениями следует подразумевать слова, стоящие в начале устава [Мономаха]… именно: а потому “Володимер Всеволодович по Святополце созва дружину свою на Берестовем… уставили любо бити и, розвязавше, любо взяти гривна кун за сорома”». «Закон Ярослава о холопе был действующим до самого Берестовского съезда и оставался без согласования с общим законом Изяслава.

Мономах, заметив эту несообразность, признал необходимым такое согласование и основание к нему выразил противопоставлением в ссылке двух разнородных прежних постановлений, а затем составил свой новый закон, применяясь к сделанной Изяславом отмене кровавой мести». При Изяславе «сообразно с отменой им убийства по праву самосуда, и выражение “да бьют его” [в ст. 17 Краткой Правды] следовало принимать уже только в смысле *побить*… Мономах счел необходимым разъяснить, в каком значении следует принимать слово “бьют”» – и «ясно показал, что… слова “бить розвязавше” не дают никому права бить до смерти» [47; с. 16, 165–166].

Ярослав Мудрый.
Реконструкция М. М. Герасимова

Н. Дювернуа обращал внимание на то, что в этой статье отразился взгляд «близкого по времени человека, которому видны только яркие внешние события»: «Мы знаем, что не Ярослав “был уставил” месть и убийство раба за оскорбление свободного, что правомерное свое основание и то, и другое имело в обычае, и

Ярослав не мог ничего другого уставить, не мог судить иначе. Теперь эта месть и это убийство теряет свое правомерное основание. Князья судят иначе, и вот их современник объясняет нам, что Ярослав уставил убивать, дети уставили откупаться» [36; с. 74].

А. А. Сухов ставил вопрос: «Был ли предоставлен на волю обиженного рабом выбор наказания оскорбителю, или этот выбор наказания зависел от хозяина раба?» Из слов: «а господин его не выдасть, то платити» – «ясно видно, что хозяин раба мог не выдать его… или наоборот» [88; с. 43].

Вёдров указывал, что в Салической Правде «за все преступления рабов («de furtis servorum vel infracturis», V, cap. 13; «de servo, qui de furto fuerit interpellatus», V, cap. 42 и т. п.) устанавливается в большинстве случаев, кроме телесного наказания раба, известная ответственность его хозяина, прекращающаяся иногда выдачей самого раба. Эта выдача положительно требуется законом в случае, если раб убивал свободного (V, cap. 37)» [21; с. 73].

Владимирский-Буданов понимал 12 гривен как «уголовный штраф за укрывательство виновного холопа (хозяин делается участником в деянии своего холопа или, правильнее, совершает особое преступление – укрывательство, за которое и подвергается уголовному наказанию). Эта плата не есть ни возмездие обиженному или выкуп раба, ни уголовный штраф за личное оскорбление. Оскорбление, нанесенное холопом, не есть преступление, т. к. виновник его не обладает правоспособностью (см. ст. 46). Возмездие за него предоставляется самому обиженному, а именно во времена Ярослава обиженный мог убить холопа, но сыновья Ярослава, отменившие вообще кровавую месть, запретили бить до смерти и холопа-оскорбителя, а постановили, что оскорбленный может или связать холопа (и держать в заключении), или, выпустивши из заключения, побить его или взять гривну кун за срам» [23; примеч. 107].

Сергеевич видел здесь указание на частный характер Пространной Правды: «Здесь… знающий человек соединил новое и старое право». По существу содержания статьи Сергеевич считал, что «установить месть рабу… Ярослав, любитель книжного просвещения и человек, проникнутый христианскими идеями, не мог; да в этом и надобности не было, ибо месть обидчику существовала и до него… Предписать месть нельзя, ее надо носить в сердце… Ярослав мог узаконить смертную казнь рабу по приговору суда: это будет смягчение права мести обидчику. Сыновья Ярослава пошли дальше и ввели телесное наказание раба, вместо казни, и тоже, конечно, по приговору

суда. Но они едва ли были в этом новаторами» (телесные наказания назначаются в церковном уставе Ярослава) [79; с. 92 и 393].

«Дом господина есть место убежища для раба. Там нельзя его взять даже для представления к суду. Это единственное… указание на неприкосновенность жилища в нашей глубокой древности. То же начало известно германскому праву. Но там оно сохранилось очень долго. Еще от начала XVII в. есть свидетельство, что преступник, скрывшийся в своем доме, не мог быть схвачен и приведен в суд. Суд сам приходил к его дому, и он отвечал на вопросы суда из окна, и то, если хотел [3; с. 63]».

В ст. 65 нет речи об убийстве раба, нет речи и об «укрывательстве»: «Если укрывательство есть преступление, то почему же дом господина считается неприкосновенным и схватить раба можно только вне дома?.. Бесспорно, раб может быть безнаказанно убит за вину, это допускает ст. 89. Также считаем бесспорным, что обиженный не всегда убивал раба и между прочим потому, что раб иногда успевал скрыться в доме господина, а врываться силою в чужое жилище нельзя было. Что приходилось в этом случае делать обиженному? Караулить раба, пока он не попадет к нему в руки. Господин, если не желал потерять раба, входил с обиженным в соглашение и платил вознаграждение. Тем дело и кончалось, конечно.

Этот порядок вещей и выражен в начале статьи, которую надо заключать словами: “12 гривен”. Эти 12 гривен составляют плату за вину раба, это выкуп раба… “платити зань”, т. е. за раба. А затем идет новое правило, Устав Ярослава, предоставляющий обиженному право требовать смертной казни раба в том случае, конечно, когда между ним и господином не последовало мировой сделки… Нововведение Ярослава удержалось в нашей практике недолго, оно было отменено его сыновьями… [Они] установили применять к рабам публичное телесное наказание [см. «розвязавше», ниже], а не частное, не месть». – Итак: «Обиженный ударом раба, если не приходил к соглашению с господином его о способе удовлетворения за удар, мог потом, схватив раба вне дома его господина, представить его в суд и требовать казни» [80; с. 112–115].

Рожков отмечал, что «уже самое право обиженного убить или бить холопа-обидчика и возможность выдачи его господином потерпевшему указывают, что практиковались личные наказания холопов и эта практика санкционировалась законом… Уже заметен зародыш признания личности холопа… самою княжеской властью в холопе признавалась свободная воля, дурные проявления которой подлежали известной уголовной каре; мы

говорим, уголовной, потому что убить или бить холопа – значило применять к нему личную месть, а месть… имела несомненное значение общественного наказания» [79; с. 130].

П. И. Беляев видел здесь указание на ту «уставную грамоту», из которой в Русскую Правду «перешла» «норма об убиении раба» и которая послужила «моделью» позднейших уставных грамот XIV–XVI вв. [18; с. 103].

Грушевский, высказывая предположение, что при Ярославе была «попытка» ввести смертную казнь, ссылался на эту статью (и на ст. 2 Пространной Правды) [28; с. 366].

Ключевский считал эту статью одним из «двух препятствий» к тому, чтобы «принять Краткую Правду за выборку из Пространной»: «статья Краткой Правды [А, 17] считалась выражением устава самого Ярослава» [44; с. 278].

Г. М. Барац, сличая ст. 65 со ст. 17 Краткой Правды, приходил к предположению, что слова: «И вел. кн. Ярослав… уставиша на куны» попали в ст. 65 по бессознательной ошибке писца, взявшего их из «выноски», «относящейся к статье о душегубстве» на поле Краткой Правды «вблизи» ст. 17. Устраняя эту вставку, Барац, в согласии с Сергеевичем, понимал ст. 65 так, что «если [сам потерпевший] поймает где-либо своего оскорбителя», то вправе представить его в суд, «который и подвергает его телесному наказанию (да бьют его, как выражено в ст. 17 Краткой Правды, или “бити его развязавше”, как сказано в ст. 65 Пространной Правды)».

Лишними против ст. 17 остаются слова: «или взяти гривна кун за сором». Это – «окончание совсем отдельной статьи», стоявшей в «первоначальном подлиннике» и озаглавленной («наверно»): «а се оже холопа ударят», и гласившей: «аже кто холопа ударить, то взяти (ему) гривна кун за сором». Обычное толкование «никуда не годится», потому, 1) что это слишком незначительная пеня за оскорбление действием свободного мужа, и потому, 2) что у холопа и «никакого имущества нет». Свою конъектуру Барац поддерживал ссылкой на ст. Смоленской Правды рижской редакции: «Аже кто холопа ударить, гривна кун» (см. Русск. достой., II, с. 250) [15; с. 201 сл.].

Б. А. Чориков. Ярослав издает письменные законы под названием «Русская Правда». 1019—1054. *Литография к книге «Живописный Карамзин, или Русская история в картинках». 1836 г.*

Гётц считал указание ст. 65, что Ярослав первоначально установил для раба смертную казнь, «ошибкой автора Пространной Правды», который смешал ст. 17 Краткой Правды со ст. 2. Он знал из ст. 2 Пространной Правды, что Ярославичи заменили древний обычай кровавой мести денежным выкупом, и это он перенес на «бити» ст. 17 Краткой Правды, которое он ошибочно понял, как «убити», и приписал древнейшее постановление самому Ярославу. Отсюда и неясность текста,

указанная Сергеевичем: сначала утверждение, что Ярославичи ввели денежное вознаграждение, а дальше – что они предоставили выбор между этим последним и телесным наказанием. Оба вознаграждения идут обиженному:

1) 1 гривну Гётц сопоставлял с 1 гривной ст. ст. 68, 28, 78, однако цель ее приходилось ему видеть здесь в том, чтобы, несмотря на уже совершившуюся уплату вознаграждения [12 гр.?], пойманного раба не наказывали еще раз;

2) 12 гривен – с 12 гривнами в ст. ст. 25, 23, 67, и однако же ему приходилось признать, что в ст. 25 имеем альтернативу «выкупа» (Busse) или контрудара, а здесь – и «выкуп» и телесное наказание после поимки. «Гривна кун», по мнению Гётца, не есть 1 гривна, а означает просто деньги вообще. Естественно, у самого же Гётца возникал вопрос, «не следует ли рассматривать 12 гр. ст. 65, как и в ст. 17 Краткой Правды, как частное вознаграждение, а не как штраф?» – вопрос, на который ему приходилось ответить: «вторая часть статьи 65 говорит за частное вознаграждение». Это у Гётца единственный случай, когда Busse Древнейшей Правды не переходит в продажу в Пространную Правду. [2; т. III, с. 293 сл. и т. I, с. 107, 108, 111 и 215]

Максимейко отрицал достоверность показания составителя Пространной Правды о разрешении убийства холопа при Ярославе [57; с. 84].

«Вязати»

Болтин: «В тюрьму вкинуть. От того происходит вязень[257], т. е. колодник, в темнице содержимый» [20; с. 66].

«Розвязавше»

Болтин: «Освободя из заключения, из-под стражи» [20; с. 66].

Дубенский: «Бити розвязавше – бить, привязавши к чему» [33; с. 90].

Сухов: «За обиженным осталось право… поймать раба и, чтобы он не ушел, связать и держать до получения выкупа или же побить его» [88; с. 42].

И. Беляев: «Обиженный имеет право или бить холопа, но несвязанного, или взять гривну кун за бесчестье» [18; с. 253].

Сергеевич: «“Розвязавше” указывает на некоторый определенный порядок наказания»: «а безумного аще и кнутом бьеши, развязав на санех, не отъимеши безумия его» [81].

«Подлежащего телесному наказанию привязывали, следовательно, к саням. Это и значит “бить розвязавше”» [80; с. 114].

Рожков: «Или бить его раздевши, или взять за бесчестье гривну кун» [76; с. 152; также: 56; с. 160].

Максимейко указал, что «розвязати» по Далю значит не только развязать или освободить, а и растянуть, и привел примеры:

1) результат осмотра Луцким судом трупа убитой челядинки в 1583 г. был записан так: «Голова острыжона и на плечах и по бокам раны, знати свечами паленые, и с оных ран скура висит; на ногах и на руках знати што бы повязано: а то раны на плечах и на бокох, што ее кат мучил, свечами пик; а то знаки на руках и на ногах, коли ее кат на дробине розвезавши тягнул» [Арх. Юго-Зап. России, ч. 8, т. III, с. 413];

2) по жалобе кн. Михаила Масальского на кн. Федора Масальского за истязание его крестьянина Лукаша, позовник[258] показал: «Того ж дня, казавшы выйти з светлицы с тым поданым на подворье, и прыготовавшы дубцов и ушаток воды, сам его милость кн. Федор и з волею малжонки своее, казавшы того Лукаша на ловце поврозами розвезать, другим затым поданым своим полываючы водою дубцы бити и мордовати велел перед собою самым» [7; I, с. 258].

В этом значении «растягивания» употреблено было это слово и в Русской Правде. Но переписчики поняли его в смысле «освобождения», это и заставило их изменить текст, на основе представления о холопе, «когда он был связанный»: отсюда вместо «взяти» явилось «вязати» (Крестининский и Чудовский II списки) [58; с. 11].

Золотой колт. *XII в.*

66.

О послушьстве. А послушьства на холопа не складають, но оже не будеть свободнаго, но по нужи сложити на боярьска тивуна, а на инех не складывати; а в мале тяже по нужи възложити на закупа.

Перевод И. В. Платонова

Раба в свидетели не призывать; но если не случится свободного гражданина, то по нужде можно сослаться на боярского тиуна, но ни на кого более. Но в малом иске дозволено сослаться и на закабаленного слугу.

Перевод В. Н. Сторожева

На свидетельство холопа (при судоговорении) ссылаться нельзя; но если не случится свободного (человека), то по нужде можно сослаться на боярского тиуна, но ни на кого более. А в малом иске и по нужде можно сослаться на закупа.

Владимирский-Буданов полагал, что «в мале тяже», «конечно, относится и к свидетельству дворского тиуна» [22; примеч. 108]. Отсюда заключение, что «тиуны вообще не пользовались полною правоспособностью» [22; с. 77].

Максимейко возражал, что ст. 66 «вовсе не доказывает, что все боярские тиуны были холопами. Смысл ее таков: холоп не может быть свидетелем; но в крайности можно допустить к свидетельским показаниям такого холопа, который служит дворским тиуном. Условие крайности не относится к боярским тиунам. Если это были свободные люди, то они могли выступать в качестве свидетелей без всяких ограничений» [56; с. 141].

Ключевский указал на «краткое постановление» в Эклоге и Прохироне: «раб не послушествует» – «мысль Эклоги развита в Правде применительно к составу русского общества, выразилась в чисто русской форме» [44; с. 254].

Эклога (от *греч.* εκλογή — выбор) — краткий свод византийского законодательства (*лат.* Ecloga Basilicorum), сокр. выборка-компиляция из кодификации императора Юстиниана (известной как Corpus juris civilis), а также последующих актов византийских императоров, с целью сделать законодательство более доступным для населения.

Прохирон (от *др.-греч.* πρόχειρος — находящийся под рукой) — сборник норм византийского гражданского, уголовного, судебного и церковного права. Создан в 879 г. по приказу императора Василия I. Прохирон был руководством для судей, а не официальным сводом законов.

Пресняков придавал здесь значение варианту «на боярска тиуна на дворского», разъясняющему 40-гривенную виру за него в ст. 1 [73; с. 225].

Гётц сопоставлял прибавку «также и за бояреск» (ст. 14), которую он относил к ст. 11–14, с тем что в ст. 66 речь идет об одном боярском тиуне и нет речи о княжеском, и объяснял, что это молчаливо подразумевалось. Прибавку о послушестве закупа Гётц предположительно относил за счет переписчика, которого

подтолкнули сделать ее здесь предшествующие статьи о закупах. Потому и оговорку о «малой тяже, по нуже» Гётц не считал текстуально обязательным относить и к тиуну боярскому, как то делал Владимирский-Буданов [2; т. III, с. 297 сл.].

Именной указатель

Барац Герман (Гирш) Маркович (1835–1922) – ист. писатель в обл. права, русских и иудейских древностей; адвокат. Окончил раввинское училище в Житомире (1859), в 1863 г. назначен «ученым евреем» при киевском, подольском и волынском генерал-губернаторе; в 1869 г. окончил Киевский университет. С 1870 г. на службе в МВД. С 1881 г. в отставке, тогда же зачислен в сословие присяжных поверенных. В 1893 г. был избран и утвержден в звании члена вновь созванной раввинской комиссии.

Беляев Иван Дмитриевич (1810–1873) – историк, архивист, профессор Московского ун-та по кафедре русского законодательства; славянофил.

Богдановский Александр Михайлович (1832–1902) – русский криминалист, выпускник Московского ун-та. Профессор Ришельевского лицея, затем – Новороссийского (Одесса) ун-та. В 1870 г. защитил докторскую диссертацию «Молодые преступники» (2-е изд., Одесса, 1870 и СПб., 1871). Под его ред. был издан «Учебник уголовного права», часть Общая (Одесса, 1873).

Болтин Иван Никитич (1735–1792) – генерал-майор, крупный помещик, видный государственный деятель, историк, археограф, член Российской Академии наук (с 1786 г.). Научные интересы его сформировались на основе знакомства с трудами В. Н. Татищева и французских просветителей. Подготовил издание Пространной редакции «Русской Правды» на основе нескольких списков (1792). Гл. соч.: «Примечания на историю древния и нынешния России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтиным». СПб., 1788. Т. 1–2.

Вёдров Сергей Владимирович (1855–1909) – сын историка Вл. Макс. Вёдрова (1824–1892); юрист, профессор полицейского права С.-Петербургского университета, ученик И. Е. Андреевского (1831–1891).

Владимирский-Буданов Михаил Флегонтович (1838–1916) – доктор русской истории, ординарный профессор истории русского права в Киевском университете Св. Владимира. Автор «Хрестоматии по истории русского права» (Вып. 1–3, 4-е изд. К., 1887–1889) и ряда исследований по этой же теме.

Гётц Леопольд Карл (Goetz; 1868–1931) – теолог и славист, профессор Боннского ун-та. В 1910–1913 гг. издал фундаментальный четырехтомный труд «Das Russische Recht», в котором с непревзойденной тщательностью разобран текст Русской Правды. Первая редакция Правды, по Гётцу, была создана

еще в дохристианскую эпоху. Исключительную ценность представляют комментарии Гётца к тексту, основанные на выводах всей предшествующей литературы о Русской Правде.

Голубовский Петр Васильевич (1857–1907) – русский историк, профессор Киевского ун-та Св. Владимира. Принадлежал к школе В. Б. Антоновича. Автор «Истории Северской земли до половины XIV ст.» (1881) и «Истории Смоленской земли до начала XV ст.» (1895). Труды его содержат большой фактический материал.

Грушевский Михаил Сергеевич (1866–1934) – украинский историк, автор свыше 2000 научных трудов. Профессор Львовского ун-та (1894–1914); общественный и политический деятель, один из лидеров украинского национального движения, председатель Украинской Центральной Рады (1917–1918), в 1919–1924 гг. в эмиграции. Академик АН СССР (с 1929 г.). В конце 1930-х гг. все его труды были запрещены, многие родственники, в т. ч. дочь, также известный историк Е. М. Грушевская (1900–1943), были репрессированы и погибли. В наст. время издается Полн. собр. соч. М. Грушевского в 50 тт. (в 2002–2012 вышли тт. 1—16).

Дебольский Николай Николаевич (1869–1903) – юрист, сын философа Ник. Гр. Дебольского (1842–1918). Окончил юрид. ф-т С.-Петербургского ун-та; читал лекции по истории русского права в Петербургском археологическом ин-те; был избран на кафедру истории русского права в Новороссийском ун-те (Одесса), но не успел начать курса.

Довнар-Запольский Митрофан Викторович (1867–1934) – белорусский и украинский историк, этнограф, фольклорист, экономист, основоположник белорусской национальной историографии. Доктор исторических наук (1905), профессор (1902). Будучи приверженцем «экономического материализма», считал, что движущей силой истории являются экономические процессы, отдавал предпочтение роли товарного обмена.

Дубенский Дмитрий Никитич (ум. 1863) – историк, магистр Моск. ун-та. Автор ряда публикаций юрид. документов (в том числе Русской Правды) и статей, печатавшихся во «Временнике» Императорского общества истории и древностей российских (ВОИДР) и Чтениях… (ЧОИДР) в конце 1840-х гг. Чл. ОИДР (с 1840 г.).

Дьяконов Михаил Александрович (1856–1919) – известный историк русского права. Доцент, потом профессор истории русского права в Дерптском (Юрьевском) ун-те. С 1905 г. профессор Петербургского Политехнического ин-та. Адъюнкт АН с 1905 г., экстраординарный академик с 1909 г., ординарный

академик с 1912 г. В 1918–1919 гг. библиотекарь II Отделения библиотеки АН.

Дювернуа Николай Львович (1836–1906) – историк права и юрист, заслуженный ординарный профессор, доктор гражданского права.

Загоровский Александр Иванович (1850– после 1910) – русский юрист, профессор Харьковского и Новороссийского (Одесса) университетов, автор книг: «Исторический очерк займа по русскому праву» (К., 1875), «Незаконнорожденные по саксонскому и французскому кодексам в связи с принципиальным решением вопроса о незаконнорожденных вообще» (К., 1879), «О разводе по русскому праву» (Х., 1884), «Очерки гражданского судопроизводства в новых административно-судебных и судебных учреждениях» (Од., 1892), «Курс семейного права» (Од., 1902).

Калачов Николай Васильевич (1819–1885) – юрист, историк, археограф, архивист, писатель, профессор истории русского права, чл. – корр. С.-Петербургской АН (1858), сенатор, издатель журнала «Юридический вестник (СПб.)» и редактор журнала «Юридический вестник (Москва)».

Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) – выдающийся историк, крупнейший русский писатель эпохи сентиментализма.

Карский Евфимий Федорович (1861–1931) – филолог-славист, палеограф и этнограф, академик Петербургской Академии наук (1916). Исследователь языка, литературы и культуры белорусского народа, древнерусской палеографии и памятников письменности.

Каченовский Михаил Трофимович (1775–1842) – русский историк, переводчик, литературный критик, издатель «Вестника Европы» (1805–1830), профессор Московского ун-та, родоначальник «скептической школы» в русской историографии.

Ключевский Василий Осипович (1841–1911) – крупнейший русский историк, профессор Московского ун-та; академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук по истории и древностям русским, председатель Императорского Общества истории и древностей российских при Московском ун-те, тайный советник.

Кранихфельд Александр Иванович (1812–1881) – русский юрист, специалист по гражданскому праву, профессор; преподавал в Имп. училище правоведения.

Ланге Николай Иванович (1821–1894) – русский ученый-юрист и судебный практик. Окончил Киевский ун-т. Товарищ (зам.) председателя Киевской уголовной палаты (1851–1860), губернский прокурор Волынской и Петербургской губерний (1860–1866). С 1870 г. старший председатель Харьковской

судебной палаты, с 1877 г. – сенатор.

Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919) – российский историк, автор трудов по социально-экономической, политической и культурной истории России XV–XVIII вв., источниковедению, истории науки, один из основоположников методологии исторической науки в России. Академик С.-Петербургской АН (1905), почетный доктор права Кембриджского ун-та (1916).

Лешков Василий Николаевич (1810–1881) – юрист, славянофил, председатель Московского юридического общества, действительный член Московского общества истории и древностей Российских, декан юридич. ф-та Московского ун-та, профессор полицейского права.

Любавский Матвей Кузьмич (1860–1936) – российский историк. Приват-доцент (с 1894 г.), профессор (1901–1930), ректор (1911–1917) Московского ун-та. Чл. – корр. АН (с 1917 г.), академик АН СССР (с 1929 г.). Крупный специалист в обл. ист. Литовско-Русского государства, ист. зап. славян и ист. географии. Один из гл. спасителей части отечеств. архивов после Окт. переворота 1917 г. В 1930 г. арестован, в 1931 г. лишен звания академика и сослан в Уфу; в том же году расстрелян его сын. Реабилитирован в 1967 г., в 1969 г. посмертно восстановлен в звании академика АН СССР.

Максимейко Николай Алексеевич (1860–1941) – украинский и советский ученый, историк права, доктор права (1915), профессор (1914), доктор юридических наук, чл. – корр. Всеукраинской АН (ВУАН) Украинской ССР (1925). Внес значительный вклад в исследование Русской Правды.

Мацейовский Вацлав Александр (Maciejowski; 1792–1883) – польский историк, профессор Варшавского ун-та.

Мейер Дмитрий Иванович (1819–1856) – известный российский юрист-цивилист, общественный деятель. Доктор права, профессор Казанского ун-та.

Мрочек-Дроздовский Петр Николаевич (1848–1919) – русский историк права. Окончил Моск. ун-т. В 1885 г. защитил докторскую диссертацию по истории Русской Правды. Издал Краткую редакцию Правды и Пространную.

Неволин Константин Алексеевич (1806–1855) – известный юрист, чл. – корр. АН; один из первых исследователей документов Водской пятины.

Павлов-Сильванский Николай Павлович (1869–1908) – историк и архивист, государственный и политический деятель. Автор работ по истории России эпохи Петра I, общественных движений XVIII–XIX вв., крестьянства, а также историографии,

основоположник концепции развития «русского феодализма». Осн. соч. вошли в посмертн. изд.: *Павлов-Сильванский Н.* Сочинения. СПб., 1909–1910. Тт. 1–3.

Платонов Иван Васильевич (Холмогоров; 1803 или 1805–1890) – известный правовед, профессор, почетный член Харьковского университета. Выпускник Московской Духовной Академии (1831). По окончании курса стажировался в Берлинском ун-те. Вернувшись в 1834 г. в Россию и выдержав при Петербургском ун-те экзамен на степень доктора законоведения, был определен в Харьковский ун-т. В 1837 г. получил звание экстраординарного профессора, а в 1838 г. – ординарного. В 1865 г. вышел в отставку. Скончался в Харькове 26 августа 1890 г. Соч.: 1) перевод с нем. яз. соч. Эверса «Древнерусское право» (1835–1839); 2) Отчет о состоянии Харьковского ун-та за 1845/46 уч. год (1846) и др.

Покровский Михаил Николаевич (1868–1932) – видный русский историк-марксист, советский политический деятель. Лидер советских историков в 1920-е гг., «глава марксистской исторической школы в СССР». Член РСДРП(б) с 1905 г. Академик Белорусской АН (1928). Академик АН СССР (1929).

Полевой Николай Алексеевич (1796–1846) – русский писатель, драматург, литературный и театральный критик, журналист, издатель, историк и переводчик. Автор 6-томной «Истории русского народа» (1829–1833). Чл. – корр. Имп. Академии наук (с 1831 г.).

Пресняков Александр Евгеньевич (1870–1929) – российский историк, чл. – корр. Российской АН (1920).

Раковецкий Игнаций Бенедикт (Rakowiecki; 1782–1839) – польский историк.

Рожков Николай Александрович (1868–1927) – историк и политический деятель. В мае – июле 1917 г. – товарищ (заместитель) министра Временного правительства, с августа – член ЦК партии меньшевиков. Автор фундаментального труда «Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики)». Пг.-Л.; М., 1918–1926. Тт. 1—12.

Сергеевич Василий Иванович (1832–1910) – крупнейший русский историк права. Выпускник юрид. ф-та Московского ун-та (1857). Ученик И. Д. Беляева. В 1862–1865 гг. стажировался в ун-тах Гейдельберга, Берлина и Вены. Зав. каф. рус. права (1872–1888), декан юрид. ф-та (1888–1897), ректор (1897–1899) Петербургского ун-та. Член Гос. совета (1907). Соч.: *Сергеевич В. И.* Древности русского права. М., 2007. Тт. 1–3.

Соболевский Алексей Иванович (1856–1929) – лингвист, палеограф, историк литературы, славист. Академик Имп. АН,

член Императорского Православного Палестинского Общества. Автор работ в области истории русского и старославянского языков, русской диалектологии, палеографии, этнографии, топонимики, ономастики, лексики, словообразования, этимологии. После Окт. переворота 1917 г. подвергался репрессиям.

Соловьев Сергей Михайлович (1820–1879) – русский историк; профессор (с 1848 г.), ректор Московского ун-та (1871–1877), академик Императорской Санкт-Петербургской Академии наук по Отделению русского языка и словесности, тайный советник.

Станиславский Антон Григорьевич (1817–1883) – правовед, заслуженный профессор Харьковского и Казанского ун-тов, переводчик.

Сторожев Василий Николаевич (1866–1924) – российский археограф, публицист и педагог, один из авторов Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона, публикатор первоисточников по истории средневековой России.

Удинцев Всеволод Аристархович (1865–1930) – русский юрист, ученый-правовед, декан юрид. ф-та С.-Петербургского ун-та (с 1913 г.), товарищ министра народного просвещения (1917).

Филиппов Александр Никитич (1853–1927) – специалист в обл. государственного права и истории права. С 1892 г. – профессор Дерптского ун-та. Ординарный профессор (1903–1918), заслуженный профессор Московского ун-та (1910). Чл. – корр. С.-Петербургской АН (1914).

Фромгольд Александр Магнус (Александр Федорович) фон Рейц (правильно – Ройтц: Reutz; 1799–1862) – историк русского права, педагог, статский советник, профессор Дерптского ун-та. В 1840 г. за труд о политическом быте Далмации в Средние века был удостоен половинной Демидовской премии. В 1851–1854 гг. инспектор классов в Имп. училище правоведения в С.-Петербурге.

Хлебников Николай Иванович (1840–1880) – юрист, историк, профессор. Окончил юридический ф-т Московского ун-та. Занимал кафедру государственного права в Варшавском ун-те, потом был профессором энциклопедии и философии права в Киевском ун-те. См. о нем: Биографич. словарь профессоров Имп. университета Св. Владимира (1834–1884). Киев, 1884.

Чичерин Борис Николаевич (1828–1904) – русский правовед, философ, историк и публицист. Почетный член Петербургской АН (1893). Гегельянец. Дядя будущего наркома иностранных дел РСФСР и СССР Г. В. Чичерина.

Ясинский Михаил Никитич (1862–1935) – историк русского права, выпускник юрид. ф-т Университета Св. Владимира (Киев).

Член Киевской археографической комиссии. С 1901 г. – профессор каф. истории русского права. С 1919 г. в эмиграции (Словения), профессор Люблянского университета.

Список литературы

Bürg. Ges. Buch.

Goetz L. K. Das Russische Recht. Stuttgart, 1912–1913. Tt. I–III.

Frauenstädt. Blutrache und Todtschlagsühne. 1881.

Maciejowski W. A. Historja prawodawstw Słowiańskich. Wyd. 2. Warszawa, 1856–1865. Tt. 1–6.

Rakowiecki I. B. Prawda Ruska, czyli Prawa Wielkiego Xięcia Jarosława Władymi*rowicza,* tudzież traktaty Olega y Ygora. Warszawa, 1822. T. II.

Vormoor. Sociale Gliederung im Frankenreich, c. 45.

Акты Виленской археографической комиссии. Вильна, 1865–1915. Тт. 1—39.

Акты, относящиеся до юридического быта Древней России / Под ред. Н. Калачова. СПб., 1864. Т. 2.

Акты Лит. – Русск. гос., изд. Довнар-Запольским. М., 1897–1899. Т. 1, 2.

Акты Литовской Метрики. Т. 1, вып. 1. 1413–1498. Варшава, 1896.

Акты Литовской Метрики. Т. 1, вып. 2. 1499–1507. Варшава, 1897.

Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. СПб., 1836–1838. Тт. 1–4.

Архивы Юго-Западной России, издаваемые Комиссией для разбора древних актов, состоящей при Киевском, Подольском и Волынском генерал-губернаторе. К., 1859–1911. Чч. 1–8.

Барац Г. Критико-сравнительный анализ договоров Руси с Византией. Киев, 1910.

Беляев И. Крестьяне на Руси. Изд. 4-е. М., 1903.

Беляев И. Лекции по истории русского законодательства. Изд. 2-е. М., 1888.

Беляев И. Источники древнерусских законодательных памятников // Журнал Мин. юстиции, 1899, № 10.

Богдановский А. Развитие понятий о преступлении и наказании в русском праве до Петра Великого. М., 1857.

Болтин И. Правда Русская, или Законы великих князей Ярослава Владимировича и Владимира Всеволодовича Мономаха. СПб., 1792.

Вёдров С. О денежных пенях по Русской Правде сравнительно с законами салических франков // Чтения в Императорском

Обществе истории и древностей российских при Московском ун-те. М., 1846–1848, 1858–1908, 1876, кн. II. Отдельное изд.: М., 1877.

Владимирский-Буданов М. Обзор истории русского права. Изд. 5-е. К., 1907.

Владимирский-Буданов М. Хрестоматия по истории русского права, вып. 1. Изд. 5-е. Киев, 1899.

Вопросы Кирика, Саввы и Ильи, с ответами Нифонта, епископа новгородского… // Русская историческая б-ка. СПб., 1880. Т. VI.

Голубовский П. Критико-библиографический обзор трудов по древнему периоду русской истории // Университетские известия. Киев, 1907, август.

Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1859. Отд. II, ч. 2.

Грушевський М. Історія України-Русі. Львів, 1905. Т. II.

Грушевський М. Історія України-Русі. Львов, 1905. Т. III.

Дебольский Н. Гражданская дееспособность по русскому праву до конца XVII в. СПб., 1903.

Довнар-Запольский М. История русского народного хозяйства: Курс лекций. К., 1911. Т. 1.

Документы Московского архива Министерства юстиции / Сост. М. В. Довнар-Запольский. М., 1897. Т I.

Дополнения к Актам историческим. СПб., 1846. Т. II.

Дубенский Д. Памятники древнего русского права по харатейному списку; с примеч. Дубенского. Русские достопамятности. Ч. 2. М., 1843.

Духовная Ивана Алферьева 1518 г. // Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 417.

Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. Изд. 3-е. СПб., 1910.

Дювернуа Н. Источники права и суд в древней России. М., 1869. С. 113, 128–129.

Загоровский А. Исторический очерк займа по русскому праву до конца XII ст. К., 1875.

Записки Императорской Академии наук. Кн. II. 1876.

Зимин А. Правда Русская. М., 1999.

Калачов Н. Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. Вып. 1. Изд. 2-е. СПб., 1880.

Карамзин Н. История государства Российского. Изд. 5-е. СПб., 1842. Т. 2.

Карский Е. Русская Правда по древнейшему списку. Л., 1930.

Каченовский М. Из рассуждения о Русской Правде // Уч. зап. Моск. ун-та, 1835, сент., отд. III.

Ключевский В. Курс русской истории. Изд. 2-е. М., 1906. Т. 1.

Ключевский В. Опыты и исследования. М., 1912.

Кранихфельд А. Начертание российского гражданского права в историческом его развитии. СПб., 1843.

Ланге Н. Исследование об уголовном праве Русской Правды. СПб., 1860.

Лаппо-Данилевский А. Очерк истории образования главнейших разрядов крестьянского населения в России // Крестьянский строй: Сб. ст. СПб., 1905. Т. I.

Лешков В. Русский народ и государство. М., 1858.

Литовская Метрика. Т. 1. Книги судных дел // Русская историческая библиотека. СПб., 1903. Т. 20.

Литовская Метрика. Отдел 1. Ч. 1: Книги записей. Т. 1 // Русская историческая библиотека. СПб., 1910. Т. 27

Любавский М. К толкованию ст. 73 Русской Правды по Карамзинскому списку: Сб. статей, посв. Л. М. Савелову. М., 1915.

Любавский М. Лекции по древней русской истории до конца XVI в. М., 1913.

Любавский М. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени 1-го Литовского статута. М., 1892.

Максимейко Н. Закупы Русской Правды // Наукові записки науково-дослідчої катедри історії української культури, № 6. Харків, 1927.

Максимейко Н. Мнимые архаизмы уголовного права Русской Правды // Вестник права, 1905, март, апрель.

Максимейко Н. Опыт критического исследования Русской Правды, вып. I. Харьков, 1914.

Максимейко Н. Інтерполяції в тексті поширеної Руської Правди // Праці Комісії для виучування історії західньо-руського та українського права. Вип. VI. Київ, 1929.

Мейер Д. Древнее русское право залога // Юрид. сб., изд. Д. Мейера. Казань, 1855.

Мрочек-Дроздовский П. Исследование о Русской Правде. Вып. II // Уч. зап. Моск. ун-та. Отд. юрид. М., 1885.

Мрочек-Дроздовский П. Материалы для словаря правовых и бытовых древностей по Русской Правде // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском ун-те. 1917, кн. III.

Неволин К. Полн. собр. соч. СПб., 1857. Т. III.

Неволин К. Полн. собр. соч. СПб., 1858. Т. V.

Павлов-Сильванский Н. Люди кабальные и докладные // Журнал Министерства народного просвещения. 1895, январь.

Павлов-Сильванский Н. Феодализм в удельной Руси. СПб.,

1910.

Памятники русского права. Вып. 6. М., 1957.

Покровский М. Очерк истории русской культуры. Ч. 1. Изд. 4-е. М., 1921.

Покровский М. Русская история с древнейших времен. Изд. 6-е. Л., 1924.

Полевой Н. История русского народа. М., 1830. Т. II.

Полное собрание русских летописей. 1841–2004. Тт. 1—43.

Правда Русская / Под общ. ред. акад. Б.Д. Грекова. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. I: Тексты. 1940. Т. II: Комментарии. 1947. Т. III: Факсимильное воспроизведение текстов. 1963.

Пресняков А. Княжое право в Древней Руси: очерки по X–XII векам. СПб., 1909.

Пресняков А. Лекции по русской истори. М., 1938. Т. I. С. 225.

Рейц А. Опыт истории российских государственных и гражданских законов. М., 1836.

Рожков Н. Обзор русской истории с социологической точки зрения, ч. I. Изд. 2-е. М., 1905.

Рожков Н. Очерки юридического быта по Русской Правде. Исторические и социологические очерки: Сб. статей. Ч. II. М., 1906.

Русская историческая библиотека. 1872–1926. Тт. 1—38.

Сабинин С. О происхождении наименований *боярин* и *болярин* // Журнал Министерства народного просвещения. 1837, окт. Т. XVI, ч. 2.

Сергеевич В. Лекции и исследования по древней истории русского права. Изд. 3-е. СПб., 1903.

Сергеевич В. Русские юридические древности. Изд. 2-е. СПб., 1902. Т. I.

Слово Даниила Заточника // Русская беседа, II, 13. 1856.

Соболевский А. Рецензия на книгу Барсова: Очерк русской исторической географии // Журнал Министерства народного просвещения. 1885, апрель.

Соболевский А. Язык Русской Правды. Исследование о Русской Правде П. Мрочек-Дроздовского, вып. II // Журнал Министерства народного просвещения. 1886, апрель.

Сборник узаконений и распоряжений. 1901 г., ст. 1247.

Соловьев С. История России с древнейших времен. М., 1851. Т. I.

Срезневский И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. I.

Станиславский А. Исследование о начале имущественных отношений в древнейших памятниках русского права // Юрид. сб. Мейера. Казань, 1855.

Сухов А. Обычно-народные и княжеские наказания по древнерусскому уголовному праву // Юридич. вестник, 1873, декабрь.

Удинцев В. История займа. Киев, 1908.

Филиппов А. Учебник истории русского права. Изд. 5-е. Юрьев, 1914.

Хлебников Н. Общество и государство в домонгольский период русской истории. СПб., 1871.

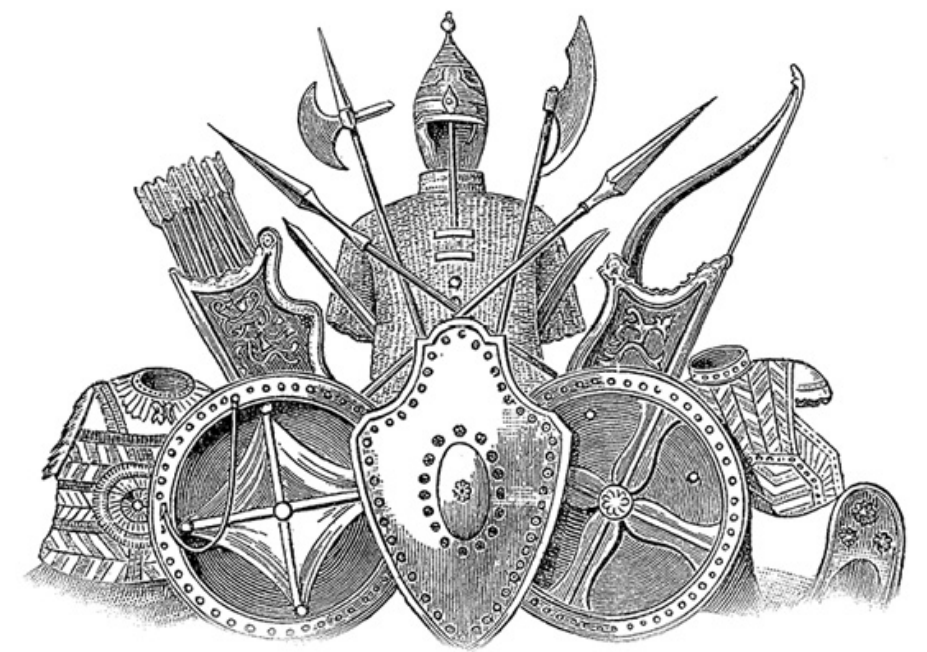
Чичерин Б. Опыты по истории русского права. М., 1858.

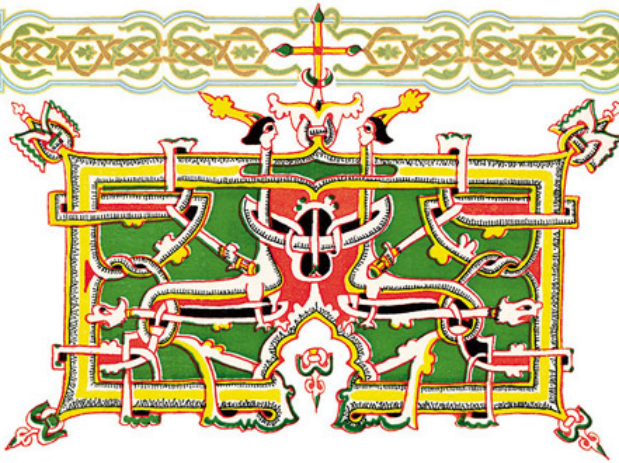
Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском ун-те. М., 1846–1848, 1858–1908.

Яковкин И. О закупах Русской Правды // Журнал Министерства народного просвещения. 1913, май.

Яковлев В. А. Памятники русской литературы XII и XIII вв. СПб., 1872.

Ясинский М. Закупы Русской Правды и памятников западнорусского права // Сб. статей по истории права, посв. М. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904.





Приложение 1

ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Приложение 1. ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Введение

«Поучение» Владимира Мономаха – исторический и литературный памятник национального значения, древнерусское отеческое наставление детям, сохраняющее свое непреходящее значение и сегодня, в девятисотую годовщину восхождения на великокняжеский престол его автора. К счастью, до нас дошло не одно это произведение выдающегося мыслителя и государственного деятеля Киевской Руси. Его автобиографический рассказ о «путях и ловах» представляет нам духовный облик автора – и одновременно погружает в сложный внутренний мир русского человека XI века. Его письмо к политическому и военному сопернику – двоюродному брату Олегу Святославичу – воссоздает сложную внутригосударственную ситуацию, с ее опасностями, непредсказуемостью и множеством обстоятельств, с которыми Мономаху приходилось считаться и которые постоянно проверяли на прочность его человеческие, военные и политические достоинства. Наконец, Устав Владимира Мономаха является значительным вкладом в дальнейшее развитие древнерусской юридической мысли: великий князь ответил на вызовы времени и достойно продолжил дело, начатое его великим дедом Ярославом Мудрым и его преемниками – Ярославичами (отцом и дядьями Мономаха).

Сопровождая публикацию произведений Владимира Мономаха заключительным фрагментом «Повести временных лет» (1054–1117), то есть текстом, содержащим сведения о жизни Владимира Мономаха и о его времени, мы преследовали цель ввести читателя в тот исторический и геополитический контекст, яркой главой которого являются произведения Владимиря Мономаха. Будучи свободными в данном случае от буквального воспроизведения особенностей подлинника, мы для облегчения его восприятия публикуем текст «Повести временных лет» в современном переводе академика Д. С. Лихачева. Публикуется с некоторыми сокращениями.

От рождения Владимира Мономаха до вокняжения отца его, Всеволода Ярославича, на Киевском престоле

В год 6561 (1053). У Всеволода родился сын от дочери царской, гречанки, и нарек имя ему Владимир.

Всеволод Ярославич был женат на принцессе из дома Константина Мономаха. Родившийся у них в 1053 г. сын Владимир был прозван по матери Мономахом. Византийские императоры высоко ставили свое родство и обычно не роднились с западноевропейскими владетельными домами. Между тем с русскими князьями их брачные союзы нередки. Дочь Владимира (Володаря) Ростиславича была замужем за сыном императора Алексея Комнина. Мономаховна Марица (или Мария) была замужем за Львом Лже-Диогеном, сын ее Василько Леонович (Маричич) погиб на Руси в 1136 г. Ирина (или Евпраксия), дочь Мстислава Владимировича (сына Мономаха), вышла замуж в 1122 г. за византийского принца; также — в 1193 г. Евфимия Глебовна, внучка Святослава Всеволодовича Киевского. Из «Повести о разорении Рязани Батыем» известно, что жена незначительного заразского князя Феодора Евпраксия была из византийского императорского дома, и т. д.

(Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, примечания академика Д. С. Лихачева.)

В год 6562 (1054). Преставился великий князь[259] русский Ярослав[260].

Еще при жизни дал он наставление сыновьям своим, сказав им[261]: «Вот я покидаю мир этот, сыновья мои; имейте любовь между собой, потому что все вы братья, от одного отца и от одной матери. И если будете жить в любви между собой, Бог будет в вас и покорит вам врагов. И будете мирно жить. Если же будете в ненависти жить, в распрях и ссорах, то погибнете сами и погубите землю отцов своих и дедов своих, которые добыли ее трудом своим великим; но живите мирно, слушаясь брат брата. Вот я поручаю стол мой в Киеве старшему сыну моему и брату вашему

Изяславу; слушайтесь его, как слушались меня, пусть будет он вам вместо меня[262]; а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль, а Игорю Владимир[263], а Вячеславу Смоленск».

И так разделил между ними города, запретив им переступать пределы других братьев и изгонять их, и сказал Изяславу: «Если кто захочет обидеть брата своего, ты помогай тому, кого обижают». И так наставлял сыновей своих жить в любви. Сам уже он был болен тогда и, приехав в Вышгород, сильно расхворался. Изяслав тогда был[264]… а Святослав во Владимире. Всеволод же был тогда при отце, ибо любил его отец больше всех братьев и держал его всегда при себе. И приспел конец жизни Ярослава, и отдал душу свою Богу в первую субботу поста святого Федора[265]. Всеволод же обрядил тело отца своего, возложив на сани, повез его в Киев[266], а попы пели положенные песнопения. Плакали по нем люди; и, принеся, положили его в гроб мраморный в церкви сСвятой Софии[267]. И плакали по нем Всеволод и весь народ. Жил же он всех лет 76.

Начало княжения Изяслава в Киеве

Придя, сел Изяслав на столе в Киеве[268], Святослав же в Чернигове, Всеволод в Переяславле, Игорь во Владимире, Вячеслав в Смоленске. В тот же год зимою пошел Всеволод на торков к Воиню[269] и победил торков. В том же году приходил Болуш с половцами[270], и заключил мир с ними Всеволод, и возвратились половцы назад, откуда пришли.

В год 6564 (1056).

В год 6565 (1057). Преставился Вячеслав, сын Ярослава, в Смоленске, и посадили Игоря в Смоленске, выведя его из Владимира.

В год 6566 (1058). Победил Изяслав голядь[271].

В год 6567 (1059). Изяслав, Святослав и Всеволод освободили дядю своего Судислава из поруба, где сидел он 24 года, взяв с него крестное целование; и стал он чернецом.

Б. А. Чориков. Наставление Ярослава сыновьям. 1054 г.
Литография к книге «Живописный Карамзин, или Русская история в картинках». 1836 г.

В год 6568 (1060).[272] Преставился Игорь, сын Ярослава. В том же году Изяслав, и Святослав, и Всеволод, и Всеслав собрали воинов бесчисленных и пошли походом на торков, на конях и в ладьях, без числа много. Прослышав об этом, торки испугались, и обратились в бегство, и не вернулись до сих пор, – так и перемерли в бегах. Божиим гневом гонимые, кто от стужи, кто от голода, иные от мора и судом Божиим. Так избавил Бог христиан от поганых.

Упоминание о торках появляется в летописи вновь только под 1080 г., когда они напали на Русь, но были побеждены. Следовательно, летописец, писавший о торках, что они «пробегоша и до сего дне», работал, во всяком случае, до 1080 г. Разбитые в 1060 г. русскими князьями торки в 1064 г. переправились через Дунай, захватили Дунайскую равнину, опустошили Македонию и Фракию, а затем подступили к стенам Константинополя. Здесь, действуя золотом, греки заставили торков повернуть назад. Часть торков умерли от повальных болезней, многих греки истребили и забрали в плен. Остальные частью были поселены в Македонии, частью переправились назад за Дунай и были расселены русскими по своим городам.

В год 6569 (1061).[273] Впервые пришли половцы войною на Русскую землю; Всеволод же вышел против них месяца февраля во 2-й день[274]. И в битве победили Всеволода и, повоевав землю, ушли. То было первое зло от поганых и безбожных врагов. Был же князь их Искал[275].

В год 6570 (1062).

В год 6571 (1063). Судислав преставился, брат Ярослава, и погребли его в церкви Святого Георгия. В тот же год в Новгороде Волхов тек в обратном направлении 5 дней. Знаменье же это было недоброе, ибо на четвертый год пожег Всеслав город.

В год 6572 (1064). Бежал Ростислав, сын Владимиров, внук Ярославов, в Тмутаракань[276], и с ним бежали Порей и Вышата, сын Остромира, воеводы новгородского. И, придя, выгнал Глеба из Тмутаракани, а сам сел на его место.

В год 6573 (1065). Пошел Святослав на Ростислава к Тмутаракани. Ростислав же отступил из города – не потому, что испугался Святослава, но не желая против своего дяди оружия поднять. Святослав же, придя в Тмутаракань, вновь посадил сына своего Глеба и вернулся назад. Ростислав же, придя, снова выгнал Глеба, и пришел Глеб к отцу своему. Ростислав же сел в Тмутаракани. В том же году Всеслав начал войну[277].

Порей — киевский воевода. Еще раз упоминается под 1078 г., когда он и несколько других знатных киевлян были убиты в битве с половцами.

Вышата был воеводой Владимира Ярославича в его походе на Византию 1043 г. В этом походе Вышата попал в плен к грекам и, возможно, ослепленный, вернулся на Русь через три года. Он и его сын Ян делились с летописцами своими воспоминаниями и рассказывали им о своих предках. Предки Яна Вышатича и Вышаты Остромирича выясняются довольно точно: Вышата был сыном новгородского посадника Остромира, посадник Остромир был сыном посадника Константина, Константин — сыном известного Добрыни, дяди Владимира Святославича, Добрыня был сыном Мстиши Свенельдича, Мстиша Свенельдич — сыном Свенельда, воеводы Игоря. Обо всех представителях этого знатного рода летопись донесла до нас сведения, заимствованные из устных рассказов двух последних его представителей. Попытку определить эти сведения, восходящие к рассказам Вышаты и Яна, и их общую тенденцию героизации этого рода см.: *Лихачев Д.* Устные летописи в составе «Повести временных лет» // Исторические записки. М., 1945. Т. 17. С. 201—224.

В те же времена было знаменье на западе, звезда великая, с лучами как бы кровавыми; с вечера всходила она на небо после захода солнца, и так было 7 дней. Знамение это было не к добру, после того были усобицы многие и нашествие поганых на Русскую землю, ибо эта звезда была как бы кровавая, предвещая крови пролитье.

[…]

С именем *Глеба Святославича* связывается происхождение знаменитого Тмутараканского камня с надписью: «Въ лѣто 6576 (1068.— *Д. Л.*), индикта 6, Глѣбъ князь мѣрилъ море по леду от Тьмутараканя до Кърчева (город на противоположной от Тмутаракани стороне Керченского пролива.— *Д. Л.*) — 14 000 сяжен» (камень этот хранится в Государственном Эрмитаже). Следовательно, Глеб был тмутараканским князем еще в 1068 г., но 1069 г. застает его уже в Новгороде.

Индикт — период в 15 лет, использовавшийся в Средние века при датировке документов, как в Западной, так и в Восточной Европе. Индикт года в Византийской эре от Сотворения мира (с началом в 5509 году до н. э.), использовавшейся на Руси до XVIII в., равен остатку деления номера года на 15 (если остаток равен 0 — индикт равен 15).— *Ред.*

Существует несколько видов индиктов в зависимости от того, с какого числа отсчитывается начало года. Наиболее древним является греческий индикт, с началом года 1 сентября. Этот индикт использовался в допетровском летосчислении на Руси. Кроме того, в различные периоды использовался римский, или папский, индикт (с началом 25 декабря или 1 января), императорский индикт (с началом 24 сентября, иногда называется индиктом Беды). Последний получил распространение на территории влияния каролингской династии. В литературе также порой встречаются упоминания о цикле индиктов с началом 8 сентября, называемом indictio Senensis.

Саркофаг Ярослава Мудрого.
Софийский собор в Киеве. XI в.

По результатам генетической экспертизы, проведенной в 2009 г., в гробнице находятся останки двух женщин, причем один скелет времен Киевской Руси, а второй — на тысячу лет древнее. Существует версия, что останки Ярослава Мудрого были вывезены из Софийского собора представителями УГКЦ, отступившими вместе с немецкими оккупантами из Киева осенью 1943 г.

В год 6574 (1066). Когда Ростислав был в Тмутаракани и брал дань с касогов и с других народов, этого так испугались греки, что с обманом подослали к нему котопана[278]. Когда же он пришел к Ростиславу, – он вошел к нему в доверие, и чтил его Ростислав. Однажды, когда Ростислав пировал с дружиною своею, котопан сказал: «Князь, хочу выпить за тебя». Тот же ответил: «Пей». Он же отпил половину, а половину дал выпить князю, опустив палец в чашу; а под ногтем был у него яд смертельный, и

дал князю, обрекая его на смерть не позднее седьмого дня. Тот выпил, котопан же, вернувшись в Корсунь, поведал там, что именно в этот день умрет Ростислав, как и случилось. Котопана этого побили камнями корсунские люди[279]. Был Ростислав муж доблестный, воинственный, прекрасен сложением и красив лицом и милостив к убогим. И умер февраля в 3-й день и положен там в церкви Святой Богородицы.

Касоги (косоги, кашаги) — этноним адыгов, часто встречающийся в русских, грузинских, арабских, византийских и других средневековых исторических и географических источниках. Касоги были ближайшими соседями Тмутараканского княжества, которое имело на них значительное влияние.

Впервые имя касогов встречается в летописи в рассказе о походе князя Святослава на хазар (965). Взяв хазарский город Белую Вежу (Саркел) в нижнем течении Дона, Святослав победил ясов и соседних с ними касогов, живших на Нижней Кубани. В 1022 г. с ними воевал князь Мстислав Тмутараканский; в следующем году они упоминаются вместе с хазарами в его дружине — поэтому предполагают, что в X в. касоги входили в состав Хазарии.— *Ред.*

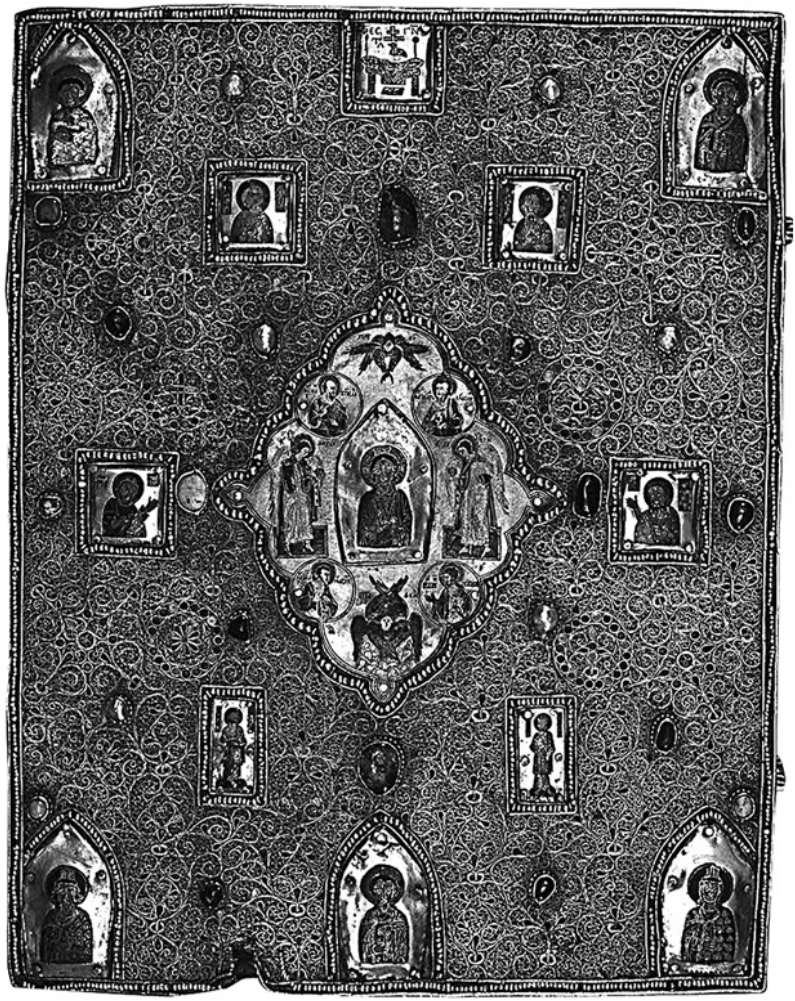
В год 6575 (1067). Поднял рать в Полоцке Всеслав, сын Брячислава, и занял Новгород[280]. Трое же Ярославичей, Изяслав, Святослав, Всеволод, собрав воинов, пошли на Всеслава в сильный мороз. И подошли к Минску, и минчане затворились в городе. Братья же эти взяли Минск и перебили всех мужей, а жен и детей захватили в плен и пошли к Немиге[281], и Всеслав пошел против них. И встретились противники на Немиге месяца марта в 3-й день; и был снег велик, и пошли друг на друга. И была сеча жестокая, и многие пали в ней[282], и одолели Изяслав, Святослав, Всеволод, Всеслав же бежал. Затем месяца июля в 10-й день Изяслав, Святослав и Всеволод, поцеловав крест честной Всеславу, сказали ему: «Приди к нам, не сотворим тебе зла». Он же, надеясь на их крестоцелование, переехал к ним в ладье через Днепр. Когда же Изяслав первым вошел в шатер, схватили тут Всеслава, на Рши у Смоленска, преступив крестоцелование. Изяслав же, приведя Всеслава в Киев, посадил его в темницу с двумя сыновьями.

Рша — по-видимому, селение у Смоленска, но, может быть, и река.

Альта — река на Украине, правый приток Трубежа, левый приток Днепра. Считается местом убийства в 1015 г. князя Бориса своим братом Святополком Окаянным. В 1068 г. в битве на Альте половцами была разбита киевская дружина.

В год 6576 (1068)[283]. Пришли иноплеменники на Русскую землю, половцев множество. Изяслав же, и Святослав, и Всеволод вышли против них на Альту. И ночью пошли друг на друга. Навел на нас Бог поганых за грехи наши, и побежали русские князья, и победили половцы.

[…]



Оклад рукописного Евангелия XII в.
Рисунок Ф. Г. Солнцева из книги «Древности государства Российского». 1848—1853 гг.

Рукописное Мстиславово Евангелие — это так называемое Евангелие-апракос, то есть составленное календарно, согласно с недельными богослужебными чтениями, начиная с Пасхи. Было изготовлено в Новгороде по заказу новгородского князя Мстислава и является одним из древнейших русских списков.

Евангелие состоит из 213 листов, написано уставом, украшено четырьмя миниатюрами с изображением евангелистов, скопированными из Остромирова Евангелия. Согласно приписке в конце текста, писцом был Алекса, сын пресвитера Лазаря, автором миниатюр — золотописец Жаден.

Когда Изяслав со Всеволодом бежали в Киев, а Святослав – в Чернигов, то киевляне прибежали в Киев, и собрали вече на торгу, и послали к князю сказать: «Вот, половцы рассеялись по всей земле, дай, княже, оружие и коней, и мы еще раз сразимся с ними». Изяслав же того не послушал[284]. И стали люди роптать на воеводу Коснячка[285]; пошли на гору с веча, и пришли на двор Коснячков, и, не найдя его, стали у двора Брячислава[286], и сказали: «Пойдем освободим дружину свою из темницы». И разделились надвое: половина их пошла к темнице, а половина их пошла по мосту, эти и пришли на княжеский двор. Изяслав в это время на сенях совет держал с дружиной своей, и заспорили с князем те, кто стоял внизу[287]. Когда же князь смотрел из оконца, а дружина стояла возле него, сказал Тукы, брат Чудина, Изяславу: «Видишь, князь, люди расшумелись; пошли, пусть постерегут Всеслава». И пока он это говорил, другая половина людей пришла от темницы, отворив ее. И сказала дружина князю: «Злое содеялось; пошли ко Всеславу, пусть, подозвав его обманом к оконцу, пронзят мечом». И не послушал того князь. Люди же закричали и пошли к темнице Всеслава. Изяслав же, видя это, побежал со Всеволодом со двора, люди же освободили Всеслава из поруба – в 15-й день сентября – и прославили его среди княжеского двора. Двор же княжий разграбили – бесчисленное множество золота и серебра, в монетах и слитках. Изяслав же бежал в Польшу.

Изяслав Ярославич бежал в Польшу к Болеславу II. В 1069 г. (см. текст) Изяслав отправляется в поход вместе с Болеславом против Всеслава Полоцкого. Союз Изяслава с поляками рассматривался русским населением как измена русскому народу.

В 1069 г. Святослав и Всеволод потребовали от Изяслава покинуть поляков как непременное условие его возвращения в Киев; они послали ему сказать: «Всеславъ ти бѣжалъ, а не води ляховъ Кыеву, противна бо ти нѣту; аще ли хощеши гнѣвъ имѣти и погубити град, то вѣсе, яко нама жаль отня стола». Изяслав «оставил» поляков, взяв их с собою только «мало», и распустил в Киеве на покорм. Результатом этого было народное возмущение: «и избиваху ляхы отай» (см. под 1069 г.). Вслед за Болеславом Изяслав обращался за помощью к императору Генриху IV (в конце 1074 г.) и к Папе Григорию VII.

Впоследствии, когда половцы воевали по земле Русской, а Святослав был в Чернигове, и когда половцы стали воевать около Чернигова, Святослав, собрав небольшую дружину, вышел против них к Сновску[288]. И увидели половцы идущий полк, и приготовились встретить его. И Святослав, увидев, что их множество, сказал дружине своей: «Сразимся, некуда нам уже деться». И стегнули коней, и одолел Святослав с тремя тысячами, а половцев было 12 тысяч; и так их побили, а другие утонули в Снови, а князя их взяли в 1-й день ноября. И возвратился с победою в город свой Святослав.

Всеслав же сел в Киеве. Этим Бог явил силу креста, потому что Изяслав целовал крест Всеславу, а потом схватил его: из-за того и навел Бог поганых, Всеслава же явно избавил крест честной! Ибо в день Воздвижения Всеслав, вздохнув, сказал: «О крест честной! Так как верил я в тебя, ты и избавил меня от этой темницы». Бог же показал силу креста в поученье земле Русской, чтобы не преступали честного креста, целовав его; если же преступит кто, то и здесь, на земле, примет казнь и в будущем веке казнь вечную. Ибо велика сила крестная; крестом бывают побеждаемы силы бесовские, крест князьям в сражениях помогает, крестом охраняемы в битвах, верующие люди побеждают супостатов, крест же быстро избавляет от напастей призывающих его с верою. Ничего не боятся бесы, только креста. Если бывают от бесов видения, то, осенив лицо крестом, их

отгоняют. Всеслав же сидел в Киеве 7 месяцев.

В год 6577 (1069). Пошел Изяслав с Болеславом на Всеслава; Всеслав же выступил навстречу. И пришел к Белгороду[289] Всеслав, и с наступлением ночи тайно от киевлян бежал из Белгорода в Полоцк[290]. Наутро же люди, увидев, что князь бежал, возвратились в Киев, и устроили вече, и обратились к Святославу и Всеволоду, говоря: «Мы уже дурное сделали, князя своего прогнав, а он ведет на нас Польскую землю: идите же в город отца своего; если не хотите, то поневоле придется поджечь город свой и уйти в Греческую землю»[291]. И сказал им Святослав: «Мы пошлем к брату своему; если пойдет с поляками погубить вас, то мы пойдем на него войною, ибо не дадим губить города отца своего; если же хочет идти с миром, то пусть придет с небольшой дружиной». И утешили киевлян, Святослав же и Всеволод послали к Изяславу, говоря: «Всеслав бежал, не веди поляков на Киев, здесь ведь врагов у тебя нет; если хочешь дать волю гневу и погубить город, то знай, что нам жаль отцовского стола». Слышав то, Изяслав оставил поляков и пошел с Болеславом, взяв немного поляков, а вперед себя послал к Киеву сына своего Мстислава. И, придя в Киев, Мстислав перебил киевлян, освободивших Всеслава, числом 70 человек, а других ослепил, а иных без вины умертвил, без следствия[292]. Когда же Изяслав шел к городу, вышли к нему люди с поклоном, и приняли князя своего киевляне; и сел Изяслав на столе своем, месяца мая во 2-й день. И распустил поляков на покорм, и избивали их тайно; и возвратился Болеслав в Польшу, в землю свою. Изяслав же перегнал торг на гору[293] и, выгнав Всеслава из Полоцка, посадил сына своего Мстислава в Полоцке; он же вскоре умер там. И посадил на место его брата его Святополка, Всеслав же бежал.

Город Белгород-Киевский, резиденция великих князей Киевских, был заложен Владимиром Святославовчием в 991 г. и к XII в. вырос в центр небольшого удельного княжества, которым правили ближайшие родственники великого князя либо его союзники. Здесь же находилась кафедра епископов Белгородских. Но в 1240 г. город был разрушен монголами и пришел в упадок. В настоящее время на этом месте расположено село Белогородка Киево-Святошинского района.

В год 6578 (1070). Родился у Всеволода сын, и нарекли имя

ему Ростислав. В тот же год заложена была церковь святого Михаила в монастыре Всеволода[294].

В год 6579 (1071). Воевали половцы у Ростовца и Неятина[295]. В тот же год выгнал Всеслав Святополка из Полоцка. В тот же год победил Ярополк Всеслава у Голотическа[296].

[…]

Сказание о Борисе и Глебе. *Миниатюра из Сильвестровского сборника. XIV в.*

В год 6580 (1072). Перенесли святых страстотерпцев Бориса и

Глеба[297]. Собрались Ярославичи[298] – Изяслав, Святослав, Всеволод, – митрополит же тогда был Георгий, епископ Петр Переяславский, Михаил Юрьевский, Феодосий, игумен Печерский, Софроний, игумен монастыря святого Михаила, Герман, игумен Святого Спаса, Никола, игумен Переяславского монастыря, и все игумены, – и устроили праздник, и праздновали светло, и переложили тела в новую церковь, построенную Изяславом, что стоит и поныне. И сначала Изяслав, Святослав и Всеволод взяли Бориса в деревянном гробу и, возложив гроб на плечи свои, понесли, черноризцы же шли впереди, держа свечи в руках, а за ними дьяконы с кадилами, а затем пресвитеры, за ними епископы с митрополитом; за ними же шли с гробом. И, принеся его в новую церковь, открыли раку, и наполнилась церковь благоуханием, запахом чудным; видевшие же это прославили Бога. И митрополита объял ужас, ибо не твердо верил он в них (Бориса и Глеба); и пал ниц, прося прощения. Поцеловав мощи Борисовы, уложили их в гроб каменный. После того, взяв Глеба в каменном гробу, поставили на сани и, взявшись за веревки, повезли его. Когда были уже в дверях, остановился гроб и не шел дальше. И повелели народу взывать: «Господи, помилуй», и повезли его. И положили их месяца мая во 2-й день. И, отпев литургию, обедали братья сообща, каждый с боярами своими, в любви великой. И управлял тогда Вышгородом Чудин, а церковью Лазарь. Потом же разошлись восвояси.

Ипатьевская летопись дает другую, правильную дату перенесения мощей Бориса и Глеба — 20 мая. В 1072 г. 20 мая (а не 2 мая) падало на воскресенье, когда перенос мощей только и мог быть совершен. Та же дата, 20 мая, и в «Сказании о Борисе и Глебе» Нестора. Поправка на 2 мая сделана позднейшим летописцем, смешавшим перенесение 1072 г. с перенесением 1115 г., которое действительно произошло 2 мая.

В год 6581 (1073). Воздвиг дьявол распрю в братии этой – в Ярославичах. И были в той распре Святослав со Всеволодом заодно против Изяслава. Ушел Изяслав из Киева, Святослав же и Всеволод вошли в Киев месяца марта 22-го и сели на столе в Берестовом, преступив отцовское завещание. Святослав же был виновником изгнания брата, так как стремился к еще большей власти; Всеволода же он прельстил, говоря, что «Изяслав

сговорился со Всеславом, замышляя против нас; и если его не опередим, то нас прогонит». И так восстановил Всеволода против Изяслава. Изяслав же ушел в Польшу со многим богатством, говоря, что «этим найду воинов». Все это поляки отняли у него и выгнали его. А Святослав сел в Киеве, прогнав брата своего, преступив заповедь отца, а больше всего Божию. […]

В этот же год основана была церковь Печерская игуменом Феодосием и епископом Михаилом, а митрополит Георгий был тогда в земле Греческой, Святослав же в Киеве сидел.

В год 6582 (1074). Феодосий, игумен Печерский, преставился. […]

В год 6584 (1076). Ходил Владимир, сын Всеволода, и Олег, сын Святослава, в помощь полякам против чехов[299]. В этом же году преставился Святослав, сын Ярослава, месяца декабря 27-го, от разрезания желвака, и положен в Чернигове, у Святого Спаса. И сел после него на столе Всеволод, месяца января в 1-й день.

Под 6584 годом, в конце годовой статьи, в Ипатьевской летописи добавлено следующее известие, восходящее к третьей редакции «Повести временных лет»: «В се же лѣто родися у Володимера сынъ Мьстиславъ». Третья редакция «Повести» выполнялась для Мстислава Владимировича — сына Мономаха; «Володимеръ», о котором идет речь в этой заметке Ипатьевской летописи,— Владимир Мономах; родившийся у него сын Мстислав — будущий инициатор третьей редакции «Повести временных лет». Начиная с этой заметки Ипатьевская летопись дает много дополнительного летописного материала, касающегося главным образом Мстислава Владимировича и его отца Владимира Мономаха.

В год 6585 (1077)[300]. Пошел Изяслав с поляками, Всеволод вышел против него. Сел Борис в Чернигове месяца мая в 4-й день, и было княжения его восемь дней, и бежал в Тмутаракань к Роману. Всеволод же пошел против брата Изяслава на Волынь[301]; и сотворили мир, и, придя, Изяслав сел в Киеве, месяца июля в 15-й день, Олег же, сын Святослава, был у Всеволода в Чернигове.

Борис и Глеб на конях.
Икона 1340 г.

В год 6586 (1078)[302]. Бежал Олег, сын Святослава, в Тмутаракань от Всеволода, месяца апреля в 10-й день. В этом же году убит был Глеб, сын Святослава, в Заволочье[303]. Был же Глеб милостив к убогим и любил странников, радел о церквах, горячо веровал, был кроток и лицом красив. Тело его было положено в Чернигове за Спасом, месяца июля в 23-й день. Когда сидел вместо него в Новгороде Святополк, сын Изяслава, Ярополк сидел в Вышгороде, а Владимир сидел в Смоленске, – привели Олег и

Борис поганых на Русскую землю и пошли на Всеволода с половцами. Всеволод же вышел против них на Сожицу[304], и победили половцы русь[305], и многие убиты были тут: убит был Иван Жирославич и Тукы, Чудинов брат, и Порей, и иные многие, месяца августа в 25-й день. Олег же и Борис пришли в Чернигов, думая, что победили, а на самом деле земле Русской великое зло причинили, пролив кровь христианскую, за которую взыщет Бог с них, и ответ дадут они за погубленные души христианские. Всеволод же пришел к брату своему Изяславу в Киев; поздоровались и сели. Всеволод же поведал о всем происшедшем.

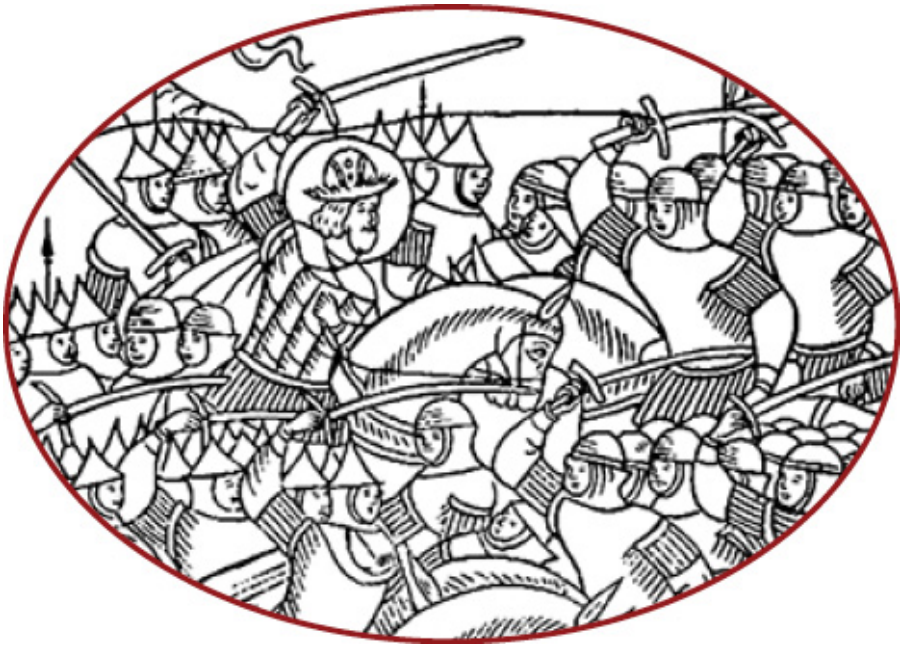
И сказал ему Изяслав: «Брат, не тужи. Видишь ли, сколько всего со мной приключилось: не выгнали ли меня сначала и не разграбили ли мое имущество? А затем, в чем провинился я во второй раз? Не был ли я изгнан вами, братьями моими? Не скитался ли я по чужим землям, лишенный имения, не сделав никакого зла? И ныне, брат, не будем тужить. Если будет нам удел в Русской земле, то обоим; если будем лишены его, то оба. Я сложу голову свою за тебя». И, так сказав, утешил Всеволода, и повелел собирать воинов от мала до велика. И отправились в поход Изяслав с Ярополком, сыном своим, и Всеволод с Владимиром, сыном своим. И подошли к Чернигову, и черниговцы затворились в городе, Олега же и Бориса там не было. И так как черниговцы не отворили ворот, то приступили к городу. Владимир же приступил к восточным воротам от Стрижени[306], и захватил ворота, и взял внешний город, и пожег его, люди же вбежали во внутренний город. Изяслав же и Всеволод услышали, что Олег с Борисом идут против них, и, опередив их, пошли от города против Олега. И сказал Олег Борису: «Не пойдем против них, не можем мы противостоять четырем князьям, но пошлем с смирением к дядьям своим». И сказал ему Борис: «Смотри, я готов и стану против всех».

Похвалился он сильно, не ведая, что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать, чтобы не хвалился сильный силою своею. И пошли навстречу, и, когда были они у села на Нежатиной ниве[307], соступились обе стороны и была сеча жестокая. Первым убили Бориса, сына Вячеслава, похвалившегося сильно. Когда же Изяслав стоял среди пеших воинов, неожиданно кто-то подъехал и ударил его копьем сзади в плечо. Так убит был Изяслав, сын Ярослава. Сеча продолжалась, и побежал Олег с небольшой дружиной, и едва спасся, убежав в Тмутаракань. Убит был князь Изяслав месяца октября в 3-й день. И взяли тело его, привезли его в ладье и поставили против Городца[308], и вышел навстречу ему весь город Киев, и, возложив тело на сани, повезли его; и с песнопениями понесли его попы и черноризцы в город. И

нельзя было слышать пения из-за плача великого и вопля, ибо плакал о нем весь город Киев, Ярополк же шел за ним, плача с дружиною своею: «Отче, отче мой! Сколько пожил ты без печали на свете этом, много напастей приняв от людей и от братьи своей. И вот погиб не от брата, но за брата своего положил главу свою». И, принеся, положили тело его в церкви Святой Богородицы, вложив его в гроб мраморный.

Был же Изяслав муж красив видом и телом велик, незлобив нравом, ложь ненавидел, любя правду. Ибо не было в нем хитрости, но был прост умом, не воздавал злом за зло. Сколько ведь зла сотворили ему киевляне: самого выгнали, а дом его разграбили, – и не воздал им злом за зло. Если же кто скажет вам: «Воинов порубил», то не он это сделал, а сын его. Наконец, братья прогнали его и ходил он по чужой земле, скитаясь. И когда вновь сидел на столе своем, а Всеволод, побежденный, пришел к нему, не сказал ему: «Сколько от вас натерпелся?», не воздал злом на зло, но утешил, сказав: «Так как ты, брат мой, показал мне любовь свою, возвел меня на стол мой и нарек меня старейшим себя, то не припомню тебе прежнего зла: ты мне брат, а я тебе, и положу голову свою за тебя», – как и было. Не сказал ведь ему: «Сколько зла сотворили мне, и вот теперь с тобою случилось то же», не сказал: «Это не мое дело», но взял на себя горе брата, показав любовь великую, следуя словам апостола: «Утешайте печальных». Поистине, если и сотворил он на свете этом какое прегрешение, простится ему, потому что положил голову свою за брата своего, не стремясь ни к большему владению, ни к большему богатству, но за братню обиду.

[…]



Начало княжения Всеволода в Киеве

Всеволод же сел в Киеве, на столе отца своего и брата своего, приняв власть над всей Русской землей. И посадил сына своего Владимира в Чернигове, а Ярополка во Владимире, придав ему еще и Туров[309].

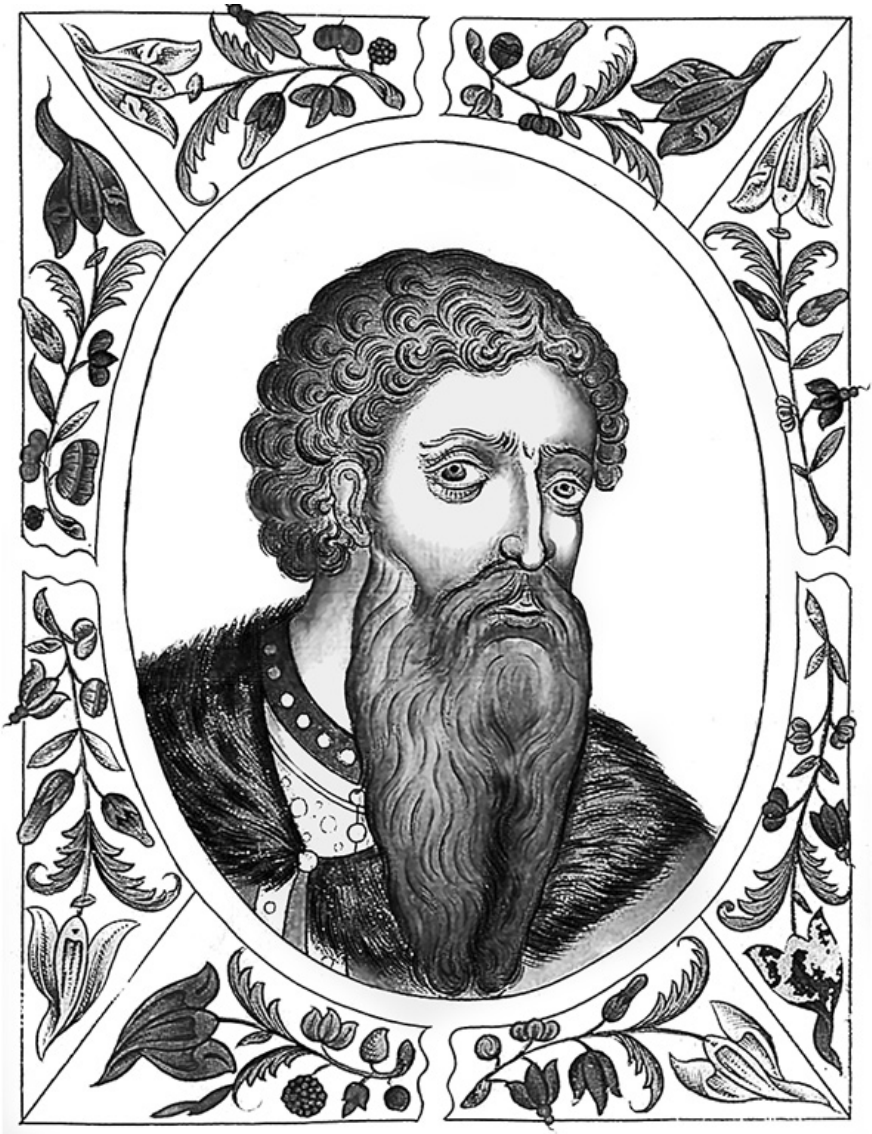
По сведению игумена Даниила, ходившего в Палестину в 1106—1108 гг. (Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII в. СПб., 1864. С. 7), Олег Святославич (Олег «Гориславич» «Слова о полку Игореве») был отправлен из Константинополя в ссылку на остров Родос. Здесь Даниилу показывали места, где Олег жил «два лета и две зимы». Очевидно, греки взяли сторону не только хазар, недовольных соседством Олега в Тмутаракани, но и Всеволода, состоявшего в родстве с византийским императорским домом. Вернулся Олег на Русь в 1083 г. (см. под этим годом «Повесть временных лет» ниже), вывезя из Греции свою вторую жену Феофано Музалониссу. Известна ее печать с греческой надписью: «Господи, помози Своей рабе Феофано, архонтисе Росии, Музалонисе».

(См.: *Репников Н. И.* О древностях Тмутаракани // Труды Секции археологии РАНИОН. М., 1928. Т. 4. С. 438).

В год 6587 (1079). Пришел Роман с половцами к Воиню. Всеволод же стал у Переяславля и сотворил мир с половцами. И возвратился Роман с половцами назад, и убили его половцы, месяца августа во 2-й день. И доселе еще лежат кости его там, сына Святослава, внука Ярослава. А Олега хазары, захватив, отправили за море в Царьград. Всеволод же посадил в Тмутаракани посадником Ратибора[310].

В год 6588 (1080). Поднялись торки переяславские на Русь, Всеволод же послал на них сына своего Владимира. Владимир же, пойдя, победил торков.

В год 6589 (1081). Бежал Давыд Игоревич с Володарем Ростиславичем, месяца мая в 18-й день. И пришли они к Тмутаракани, и схватили Ратибора, и сели в Тмутаракани.



Великий князь Всеволод Ярославич (в крещении Андрей; 1030—1093). ***Изображение из «Царского титулярника» царя Алексея Михайловича («Большой государевой книги, или Корня российских государей»). 1672 г.***

В год 6590 (1082). Умер Осе́нь, половецкий князь.

В год 6591 (1083). Пришел Олег из Греческой земли к Тмутаракани, и схватил Давыда и Володаря Ростиславича, и сел в

Тмутаракани. И иссек хазар, которые советовали убить брата его и его самого, а Давыда и Володаря отпустил.

В год 6592 (1084). Приходил Ярополк к Всеволоду на Пасху. В это же время побежали два Ростиславича от Ярополка и, придя, прогнали Ярополка, и послал Всеволод Владимира, сына своего, и выгнал Ростиславичей, и посадил Ярополка во Владимире. В тот же год Давыд захватил греков в Олешье[311] и отнял у них имущество. Всеволод же, послав за ним, привел его и дал ему Дорогобуж[312].

В Воскресенской летописи, которая… пользовалась весьма древним списком Киевской летописи… вместо «грькы» [греки] сказано «гречникы», т. е. купцы, торговавшие с Грецией. По-видимому, правильно именно это чтение… так как оно делает понятным следующий акт Давыда Игоревича: и отнял у них имущество (товары). Известие это — важный показатель русской торговли на берегах Черного моря в это время.

В год 6593 (1085). Ярополк же хотел идти на Всеволода, послушав злых советников. Узнав это, Всеволод послал против него сына своего Владимира. Ярополк же, оставив мать свою и дружину в Луцке[313], бежал в Польшу. Когда же Владимир пришел к Луцку, сдались лучане. Владимир же посадил Давыда во Владимире на место Ярополка, а мать Ярополка, и жену его, и дружину его привел в Киев и имущество его взял.

В год 6594 (1086)[314]. Пришел Ярополк из Польши и сотворил мир с Владимиром, и пошел Владимир назад к Чернигову. Ярополк же сел во Владимире. И, переждав немного дней, пошел к Звенигороду[315]. И еще не дошел он до города, как пронзен был проклятым Нерадцем[316], наученным дьяволом и злыми людьми. Он лежал на возу, и пронзил его саблею с коня месяца ноября в 22-й день. И тогда поднялся Ярополк, выдернул из себя саблю и возопил громким голосом: «Ох! поймал меня враг тот». Бежал Нерадец треклятый в Перемышль к Рюрику, а Ярополка взяли отроки его, Радко, Вонкина и другие, и везли его перед собой на коне во Владимир, а оттуда в Киев.

И вышел навстречу ему благоверный князь Всеволод со своими сыновьями, Владимиром и Ростиславом, и все бояре, и блаженный митрополит Иоанн с черноризцами и с пресвитерами.

И все киевляне оплакивали его горько, с псалмами и песнопениями проводили его до святого Димитрия[317], убравши тело его, с честью положили его в гроб мраморный месяца декабря в 5-й день, в церкви святого апостола Петра, которую сам когда-то начал воздвигать. Многие беды испытав, безвинно прогнанный[318] братьями своими, обиженный, ограбленный, затем и смерть горькую принял, но вечной жизни и покоя сподобился. Так был блаженный князь этот тих, кроток, смирен и братолюбив, десятину давал Святой Богородице от всего своего достояния ежегодно и всегда молил Бога, говоря: «Господи, Боже мой! Прими молитву мою и дай мне смерть такую же, как и братьям моим Борису и Глебу, от чужой руки, да омою грехи свои все своею кровью и избавлюсь от суетного этого света и мятежного, от сети вражеской». Просимого им не лишил его милостивый Бог: получил он блага те, каких ни око не видело, ни ухо не слышало, ни сердце человека не предугадало, какие уготовал Бог любящим Его.

В Димитровском монастыре, как явствует из дальнейшего текста «Повести временных лет», Ярополк был похоронен в выстроенной им церкви Петра, что привело впоследствии к спорам.

В 1128 г. Димитровский монастырь, очевидно, по мысли дочери Ярополка, был передан в Печерский монастырь, что вызвало негодование у выдубицкого летописца, защищавшего интересы других наследников Изяслава: «В се лѣто (1128) преяша церковь Дмитрия печеряне и нарекоша ю Петра съ грѣхом великим и неправо» (см. Лаврентьевскую летопись).

Переименованием монастыря из Димитровского в монастырь Петра печеряне, очевидно, хотели подчеркнуть, что они взяли долю Ярополка Изяславича и что построение церкви Петра Ярополком превращало Димитровский монастырь из монастыря Изяслава в монастырь Ярополка, с чем не согласен был летописец Выдубицкого монастыря.

В год 6595 (1087).

В год 6596 (1088). Освящена была церковь Святого Михаила в монастыре Всеволодовом митрополитом Иоанном, а игумен того монастыря был тогда Лазарь. В том же году пошел Святополк из Новгорода в Туров жить[319]. В том же году умер Никон, игумен

Печерский. В тот же год взяли (волжские) болгары Муром.

В год 6597 (1089). Освящена была церковь Печерская Святой Богородицы в Феодосиевом монастыре Иоанном-митрополитом и Лукою, белгородским епископом, Исаем, черниговским епископом, при благородном, державном князе Русской земли Всеволоде и детях его, Владимире и Ростиславе, когда воеводство киевской тысячи держал Янь, а игуменство держал Иоанн. В том же году преставился Иоанн-митрополит. Был же Иоанн сведущ в книгах и в учении, милостив к убогим и вдовицам, ласков ко всякому, богатому и убогому, смиренен же и кроток, молчалив, речист же, когда от святых книг утешал печальных; такого не было прежде на Руси, и после него не будет такого.

В тот же год пошла в Греческую землю Янка, дочь Всеволода, о которой говорилось прежде[320]. И привела Янка митрополита Иоанна, скопца, про которого видевшие его люди говорили: «Это мертвец пришел». Пробыв год, умер. Был же этот человек не книжен, но умом прост и прост речью. В тот же год освящена была церковь Святого Михаила в Переяславле Ефремом, митрополитом той церкви, которую он создал великою, ибо прежде была в Переяславле митрополия, и обстроил ее большою пристройкою, украсив ее всяческой красотою, церковными сосудами. Этот Ефрем был скопец, высок ростом. Много он тогда зданий воздвиг; докончил церковь Святого Михаила, заложил церковь на воротах городских во имя святого мученика Феодора, и затем церковь Святого Андрея у ворот, *и строение банное каменное*, чего не было раньше на Руси. И стены заложил каменные[321] от церкви святого мученика Феодора и украсил город Переяславский зданиями церковными и прочими зданиями.

Никоновская летопись (XVI в.) после слов «...и строение банное каменное...» добавляет: «и врачеве и болници, всѣмъ приходящимъ безмѣздно врачевание, тако же и въ Милитинѣ въ своемъ градѣ устрой, и по инымъ своимъ градомъ митрополскимъ, иже суть и со уѣзды, и съ волостьми и съ селы». Источник этого важного в историко-культурном отношении известия Никоновской летописи, как и во многих других за это же время, неизвестен.

Статья «Повести временных лет» 1090 г. читается в Никоновской летописи под 1091 г. Заключается она следующими известиями, источники которых также не раскрыты: «Того же лѣта прииде Феодоръ Грекъ митрополичь отъ Папы изъ Рима и принесе много мощей святыхъ. Того же лѣта умножение бысть плодовъ всяческихъ».

В год 6599 (1091). Игумен и черноризцы, посовещавшись, сказали: «Не годится лежать отцу нашему Феодосию вне монастыря и вне церкви своей, ибо он и церковь основал, и черноризцев собрал». Посовещавшись, повелели устроить место, где положить мощи его. […] И, принеся, положили его в церкви его, в притворе, по правой стороне, месяца августа в 14-й день, в четверг, в час дня, индикта 14-го, года… И праздновали светло день тот. […]

В тот же год знамение было на солнце, как будто бы должно было оно погибнуть и совсем мало его осталось, как месяц стало, в час второй дня, месяца мая в 21-й день[322]. В тот же год, когда Всеволод охотился на зверей за Вышгородом и были уже закинуты тенета и кличане[323] кликнули, упал превеликий змей с неба[324], и ужаснулись все люди. В это же время земля стукнула, так что многие слышали. В тот же год волхв объявился в Ростове и вскоре погиб.

Святой мученик архидиакон Лаврентий.
Мозаика собора Св. Софии в Киеве. XI в.

В год 6600 (1092). Предивное чудо явилось в Полоцке в наваждении: ночью стоял топот, что-то стонало на улице, рыскали бесы, как люди. Если кто выходил из дома, чтобы посмотреть, тотчас невидимо уязвляем бывал бесами язвою и оттого умирал, и никто не осмеливался выходить из дома. Затем начали и днем являться на конях, а не было их видно самих, но видны были коней их копыта; и уязвляли так они людей в Полоцке и в его области. Потому люди и говорили, что это

мертвецы бьют полочан. Началось же это знамение с Друцка[325]. В те же времена было знамение в небе – точно круг посреди неба превеликий.

В тот же год засуха была, так что изгорала земля, и многие леса возгорались сами и болота; и много знамений было по местам; и рать великая была от половцев и отовсюду: взяли три города, Песочен, Переволоку, Прилук[326], и много сел повоевали по обеим сторонам[327]. В тот же год ходили войною половцы на поляков с Васильком Ростиславичем. В тот же год умер Рюрик, сын Ростислава. В те же времена многие люди умирали от различных недугов, так что говорили продающие гробы, что «продали мы гробов от Филиппова дня до мясопуста 7 тысяч». Это случилось за грехи наши, так как умножились грехи наши и неправды. Это навел на нас Бог, веля нам покаяться и воздерживаться от греха, и от зависти, и от прочих злых дел дьявольских.

В год 6601 (1093), индикта в 1-й год, преставился великий князь Всеволод, сын Ярославов, внук Владимиров, месяца апреля в 13-й день, а погребен был в 14-й день; неделя была тогда Страстная и день был четверг, когда он положен был в гробу в великой церкви Святой Софии. Сей благоверный князь Всеволод был с детства боголюбив, любил правду, оделял убогих, воздавал честь епископам и пресвитерам, особенно же любил черноризцев и давал им все, что они просили. Он и сам воздерживался от пьянства и похоти, за то и любим был отцом своим, так что говорил ему отец его: «Сын мой! Благо тебе, что слышу о твоей кротости, и радуюсь, что ты покоишь старость мою. Если Бог даст тебе получить стол мой после братьев своих по праву, а не насильем, то, когда Бог пошлет тебе смерть, ложись, где я лягу, у гроба моего, потому что люблю тебя больше братьев твоих». И сбылось слово отца его, сказанное ему. Получил он после всех своих братьев стол отца своего, по смерти брата своего, и сел княжить в Киеве.

Было у него огорчений больше, чем тогда, когда он сидел в Переяславле. Когда княжил в Киеве, горе было ему от племянников его, так как начали они ему досаждать: один – желая одной волости, а тот – другой; он же, чтобы замирить их, раздавал им волости. В этих огорчениях появились и недуги, а за ними приспела и старость. И стал он любить образ мыслей младших, устраивая совет с ними; они же стали наущать его, чтобы он отверг дружину свою старшую, и люди не могли добиться правды княжой, начали эти молодые грабить и продавать людей, а князь того не знал из-за болезней своих. Когда же он совсем разболелся, послал он за сыном своим

Владимиром в Чернигов. Владимир, приехав к нему и увидев его совсем больного, заплакал.

В присутствии Владимира и Ростислава, сына своего меньшего, когда пришел час, Всеволод преставился тихо и кротко и присоединился к предкам своим, княжив в Киеве 15 лет, а в Переяславле год и в Чернигове год. Владимир же, оплакав его с Ростиславом, братом своим, убрали тело его. И собрались епископы, и игумены, и черноризцы, и попы, и бояре, и простые люди, и, взяв тело его, со всеми полагающимися песнопениями положили его в церкви Святой Софии, как уже сказали мы раньше.

Владимир же стал размышлять, говоря: «Если сяду на столе отца своего, то буду воевать со Святополком, так как стол этот был его отца». И, размыслив, послал по Святополка в Туров, а сам пошел в Чернигов, а Ростислав – в Переяславль.

Княжения Святополка

И после Пасхи, по прошествии праздничной недели, в день Антипасхи[328], месяца апреля в 24-й день пришел Святополк в Киев. И вышли навстречу ему киевляне с поклоном, и приняли его с радостью, и сел на столе отца своего и дяди своего. В это время пришли половцы на Русскую землю; услышав, что умер Всеволод, послали они послов к Святополку договориться о мире. Святополк же, не посоветовавшись со старшею дружиною отцовскою и дяди своего, сотворил совет с пришедшими с ним и, схватив послов, посадил их в избу. Услышав же это, половцы начали воевать. И пришло половцев множество и окружили город Торческ[329]. Святополк же отпустил послов половецких, хотя мира. И не захотели половцы мира, и наступали половцы, воюя. Святополк же стал собирать воинов, собираясь против них. И сказали ему мужи разумные: «Не пытайся идти против них, ибо мало имеешь воинов». Он же сказал: «Имею отроков своих 700, которые могут им противостать».

Стали же другие неразумные говорить: «Пойди, князь». Разумные же говорили: «Если бы выставил их и 8 тысяч, и то было бы худо: наша земля оскудела от войны и от продаж[330]. Но пошли к брату своему Владимиру, чтоб он тебе помог». Святополк же, послушав их, послал к Владимиру, чтобы тот помог ему. Владимир же собрал воинов своих и послал по Ростислава, брата своего, в Переяславль, веля ему помогать Святополку. Когда же Владимир пришел в Киев, встретились они в монастыре святого Михаила[331], затеяли между собой распри и ссоры, договорившись же, целовали друг другу крест, а половцы между тем продолжали разорять землю, – и сказали им мужи разумные: «Зачем у вас распри между собою? А поганые губят землю Русскую. После уладитесь, а сейчас отправляйтесь навстречу поганым – либо с миром, либо с войною». Владимир хотел мира, а Святополк хотел войны. И пошли Святополк, и Владимир, и Ростислав к Треполю, и пришли к Стугне[332]. Святополк же, и Владимир, и Ростислав созвали дружину свою на совет, собираясь перейти через реку, и стали совещаться.

И сказал Владимир: «Пока за рекою стоим, грозной силой, заключим мир с ними». И присоединились к совету этому разумные мужи, Янь и прочие. Киевляне же не захотели принять совета этого, но сказали: «Хотим биться, перейдем на ту сторону реки». И понравился совет этот, и перешли Стугну-реку, она же сильно вздулась тогда водою. А Святополк, и Владимир, и Ростислав, исполчив[333] дружину, выступили. И шел на правой

стороне Святополк, на левой Владимир, посредине же был Ростислав. И, миновав Треполь, прошли вал. И вот половцы пошли навстречу, а стрелки их перед ними. Наши же, став между валами, поставили стяги свои, и двинулись стрелки из-за вала. А половцы, подойдя к валу, поставили свои стяги, и налегли прежде всего на Святополка, и прорвали строй полка его. Святополк же стоял крепко, и побежали люди его, не стерпев натиска половцев, а после побежал и Святополк. Потом налегли на Владимира, и был бой лютый; побежали и Владимир с Ростиславом, и воины его.

И прибежали к реке Стугне, и пошли вброд Владимир с Ростиславом, и стал утопать Ростислав на глазах Владимира. И захотел подхватить брата своего, и едва не утонул сам. И утонул Ростислав, сын Всеволодов. Владимир же перешел реку с небольшой дружиной, – ибо много пало людей из полка его, и бояре его тут пали, – и, перейдя на ту сторону Днепра, плакал по брате своем и по дружине своей, и пошел в Чернигов в печали великой. Святополк же вбежал в Треполь, заперся тут, и был тут до вечера, и в ту же ночь пришел в Киев. Половцы же, видя, что победили, пустились разорять землю, а другие вернулись к Торческу. Случилась эта беда в день Вознесения Господа нашего Иисуса Христа, месяца мая в 26-й день. Ростислава же, поискав, нашли в реке и, взяв, принесли его к Киеву, и плакала по нем мать его, и все люди печалились о нем сильно, юности его ради[334].

И собрались епископы, и попы, и черноризцы, отпев обычные песнопения, положили его в церкви Святой Софии около отца его. Половцы же между тем осаждали Торческ, а торки противились и крепко бились из города, убивая многих врагов. Половцы же стали налегать и отвели воду, и начали изнемогать люди в городе от жажды и голода. И прислали торки к Святополку, говоря: «Если не пришлешь еды, сдадимся». Святополк же послал им, но нельзя было пробраться в город из-за множества воинов неприятельских. И стояли около города 9 недель, и разделились надвое: одни стали у города, борясь с противником, а другие пошли к Киеву и напали между Киевом и Вышгородом. Святополк же вышел на Желань, и пошли друг против друга, и сошлись, и началась битва. И побежали наши от иноплеменников, и падали, раненные, перед врагами нашими, и многие погибли, и было мертвых больше, чем у Треполя. Святополк же пришел в Киев сам-третей, а половцы возвратились к Торческу. Случилась эта беда месяца июля в 23-й день. Наутро же 24-го, в день святых мучеников Бориса и Глеба, был плач великий в городе, а не радость, за грехи наши великие и неправды, за умножение

беззаконий наших.

Сребреник (серебряная монета)
Святополка I Владимировича,
великого князя Киевского.
1015—1019 гг.

[…]

Половцы повоевали много и возвратились к Торческу, и изнемогли люди в городе от голода, и сдались врагам. Половцы же, взяв город, запалили его огнем, и людей поделили, и много христианского народа повели в вежи к семьям своим и сродникам своим; страждущие, печальные, измученные, стужей скованные, в голоде, жажде и беде, с осунувшимися лицами, почерневшими телами, в неведомой стране, с языком воспаленным, раздетые бродя и босые, с ногами, исколотыми тернием, со слезами отвечали они друг другу, говоря: «Я был из этого города», а другой: «А я – из того села»; так вопрошали они друг друга со слезами, род свой называя и вздыхая, взоры возводя на небо к Вышнему, ведающему сокровенное.

[…]

В тот же год скончался Ростислав, сын Мстислава, внук Изяслава, месяца октября в 1-й день; а погребен был 16 ноября, в церкви Святой Богородицы Десятинной.

В год 6602 (1094). Сотворил мир Святополк с половцами и взял себе в жены дочь Тугоркана, князя половецкого. В тот же год пришел Олег с половцами из Тмутаракани и подошел к Чернигову, Владимир же затворился в городе. Олег же, подступив к городу, пожег вокруг города и монастыри пожег. Владимир же сотворил мир с Олегом и пошел из города на стол отцовский в

Переяславль, а Олег вошел в город отца своего. Половцы же стали воевать около Чернигова, а Олег не препятствовал им, ибо сам повелел им воевать. Это уже в третий раз навел он поганых на землю Русскую, его же грех да простит ему Бог, ибо много христиан загублено было, а другие в плен взяты и рассеяны по разным землям. В тот же год пришла саранча на Русскую землю, месяца августа в 26-й день, и поела всякую траву и много жита. И не слыхано было в земле Русской с первых ее дней того, что видели очи наши, за грехи наши. В том же году преставился епископ владимирский Стефан, месяца апреля в 27-й день в шестой час ночи, а прежде был игуменом Печерского монастыря.

В год 6603 (1095)[335]. Ходили половцы на греков с Девгеневичем, воевали по Греческой земле; и цесарь захватил Девгеневича и приказал его ослепить[336]. В тот же год пришли половцы, Итларь и Кытан, к Владимиру мириться. Пришел Итларь в город Переяславль, а Кытан стал между валами с воинами; и дал Владимир Кытану сына своего Святослава в заложники, а Итларь был в городе с лучшей дружиной. В то же время пришел Славята из Киева к Владимиру от Святополка по какому-то делу, и стала думать дружина Ратиборова с князем Владимиром о том, чтобы погубить Итлареву чадь, а Владимир не хотел этого делать, так отвечая им: «Как могу я сделать это, дав им клятву?» И отвечала дружина Владимиру: «Княже! Нет тебе в том греха: они ведь всегда, дав тебе клятву, губят землю Русскую и кровь христианскую проливают непрестанно». И послушал их Владимир, и в ту ночь послал Владимир Славяту с небольшой дружиной и с торками между валов. И, выкрав сперва Святослава, убили потом Кытана и дружину его перебили.

Вечер был тогда субботний, а Итларь в ту ночь спал у Ратибора на дворе[337] с дружиною своею и не знал, что сделали с Кытаном. Наутро же в воскресенье, в час заутрени, изготовил Ратибор отроков с оружием и приказал вытопить избу. И прислал Владимир отрока своего Бяндюка за Итларевой чадью, и сказал Бяндюк Итларю: «Зовет вас князь Владимир, а сказал так: “Обувшись в теплой избе и позавтракав у Ратибора, приходите ко мне”». И сказал Итларь: «Пусть так». И как вошли они в избу, так и заперли их. Забравшись на избу, прокопали крышу, и тогда Ольбер Ратиборич, взяв лук и наложив стрелу, попал Итларю в сердце, и дружину его всю перебили.

И так страшно окончил жизнь свою Итларь, в неделю Сыропустную, в часу первом дня, месяца февраля в 24-й день. Святополк же и Владимир послали к Олегу, веля ему идти на половцев с ними. Олег же, обещав и выйдя, не пошел с ними в общий поход. Святополк же и Владимир пошли на вежи, и взяли

вежи, и захватили скот и коней, верблюдов и челядь, и привели их в землю свою. И стали гнев держать на Олега, что не пошел с ними на поганых. И послали Святополк и Владимир к Олегу, говоря так: «Вот ты не пошел с нами на поганых, которые губили землю Русскую, а держишь у себя Итларевича – либо убей, либо дай его нам. Он враг нам и Русской земле». Олег же не послушал того, и была между ними вражда.

Святополк в бою с Тугорканом.
Миниатюра из Радзивилловской летописи. XV в.

В тот же год пришли половцы к Юрьеву[338] и простояли около него лето все и едва не взяли его. Святополк же замирил их. Половцы же пришли за Рось, юрьевцы же выбежали и пошли к Киеву. Святополк же приказал рубить город на Витичевском холме[339], по своему имени назвал его Святополчим городом и приказал епископу Марину с юрьевцами поселиться там и засаковцам[340], и другим из других городов; а покинутый людьми Юрьев сожгли половцы. В конце того же года пошел Давыд Святославич из Новгорода в Смоленск; новгородцы же пошли в Ростов за Мстиславом Владимировичем. И, взяв, привели его в Новгород, а Давыду сказали: «Не ходи к нам». И воротился Давыд в Смоленск, и сел в Смоленске, а Мстислав в Новгороде сел. В это же время пришел Изяслав, сын Владимиров, из Курска[341] в Муром. И приняли его муромцы, и посадника схватили Олегова. В

то же лето пришла саранча, месяца августа в 28-й день, и покрыла землю, и было видеть страшно, шла она к северным странам, поедая траву и просо.

В перечне русских князей, читающемся в Новгородской Первой летописи младшего извода под 989 г. и содержащем весьма важные исторические сведения, нигде в других летописях не встречающиеся, история вокняжения Мстислава в Новгороде передана следующим образом: «И присла Всеволод внука своего Мстислава, сына Володимеря; и княживъ 5 лѣт, иде къ Ростову, а Давыдъ прииде к Новугороду княжить; и по двою лѣту выгнаша и. И прииде Мстиславъ опять, и сѣдѣ в Новѣгородѣ 20 лѣт». Под 1095 г., в «Повести временных лет», очевидно, говорится о вторичном вокняжении Мстислава в Новгороде, длившемся до 1117 г. (ошибка в один-два года в перечне допустима). Первое вокняжение Мстислава в Новгороде падает на 1088 г. (1095 – 7 = 1088) и, очевидно, должно быть сопоставлено со следующим известием «Повести временных лет» под этим 1088 г.: «Того же лѣта иде Святополкъ из Новагорода к Турову жити». Однако в противоречие с этим в летописях, восходящих к ростовским сводам XV в., читаем после известия об уходе из Новгорода Святополка: «А въ Новѣгородѣ сѣдѣ Давыдъ Святославичь» (см. Тверскую летопись, Львовскую, Ермолинскую и др.). Очевидно, ошибка вкралась в один из ростовских сводов XV в.: летописец вслед за Святополком поместил прямо Давыда, не учтя (а возможно, и не зная) пятилетнего первого княжения Мстислава в Новгороде.

О поставлении Давыда в Новгороде читается в новгородских летописях под тем же 1095 г.: «Иде Святопълкъ и Володимиръ на Давыда Смольньску, и вдаша Давыду Новъгородъ» (Синодальный список Новгородской Первой летописи; ср. также летописи, восходящие к Новгородско-Софийскому своду 30-х гг. XV в.).

В год 6604 (1096). Святополк и Владимир послали к Олегу, говоря так: «Приди в Киев, да заключим договор о Русской земле перед епископами, и перед игуменами, и перед мужами отцов наших, и перед людьми городскими, чтобы оборонили мы Русскую землю от поганых». Олег же, исполнившись дерзких намерений и высокомерных слов, сказал так: «Не пристойно

судить меня епископу, или игуменам, или смердам»[342]. И не захотел идти к братьям своим, послушав злых советников. Святополк же и Владимир сказали ему: «Так как ты не идешь на поганых, ни на совет к нам, то, значит, ты злоумышляешь против нас и поганым хочешь помогать, – так пусть Бог рассудит нас».

Б. А. Чориков. Святополк I Окаянный. 1019. *Литография к книге «Живописный Карамзин, или Русская история в картинках». 1836 г.*

И пошли Святополк и Владимир на Олега к Чернигову. Олег же выбежал из Чернигова месяца мая в 3-й день, в субботу. Святополк же и Владимир гнались за ним. Олег же вбежал в Стародуб[343] и там затворился; Святополк же и Владимир осадили его в городе, и бились крепко осажденные из города, а те

ходили приступом на город, и раненых было много с обеих сторон. И была между ними брань лютая, и стояли около города дней тридцать и три, и изнемогали люди в городе. И вышел Олег из города, прося мира, и дали ему мир, говоря так: «Иди к брату своему Давыду, и приходите в Киев на стол отцов наших и дедов наших, ибо то старейший город в земле во всей, Киев; там достойно нам сойтись на совещание и договор заключить». Олег же обещал это сделать, и на том целовали крест.

В лѣто 6000 и 604 — под этим годом в Никоновской летописи читается следующее дополнительное известие (в начале годовой статьи): «Поставленъ епископъ Никита. Поставленъ бысть епископомъ Новугороду Никита митрополитомъ Ефрѣмомъ Киевскимъ и всея Руси». То же известие читается и в Новгородской Третьей летописи, где имеется также следующее дополнение, любопытное попыткой использовать церковный кондак этому Никите как исторический источник: «При семъ епископѣ Никитѣ, на другое лѣто святительства его, бысть въ Великомъ Новѣградѣ пожаръ велми великъ, и въ кондаки его написано: “Прилежно моление за люди своя принося, овогда же и граду запаление угасилъ еси”». Пожар, о котором идет речь, по-видимому, тот, о котором сообщает Синодальный список Новгородской Первой летописи под 1097 г.: «Томъ же лѣтѣ, на весну погорѣ онъ полъ, а 3-й день Дѣтиньць съгорѣ городъ; и книну (Лукину?) чядь избишя».

В то же время пришел Боняк с половцами к Киеву, в воскресенье вечером, и повоевал около Киева, и пожег на Берестове двор княжеский[344]. В то же время воевал Куря с половцами у Переяславля и Устье[345] сжег, месяца мая в 24-й день. Олег же вышел из Стародуба и пришел в Смоленск, и не приняли его смоленцы, и пошел к Рязани. Святополк же и Владимир пошли восвояси. В тот же месяц пришел Тугоркан, тесть Святополков, к Переяславлю, месяца мая в 30-й день, и стал около города, а переяславцы затворились в городе. Святополк же и Владимир пошли на него по этой стороне Днепра, и пришли к Зарубу[346], и там перешли вброд, и не заметили их половцы. Бог сохранил их, и, исполчившись, пошли к городу; горожане же, увидев, рады были и вышли к ним, а половцы стояли на той стороне Трубежа, тоже исполчившись.

Святополк же и Владимир пошли вброд через рубеж к половцам, Владимир же хотел выстроить полк, они же не послушались, но поскакали на конях на врага. Увидев это, половцы побежали, а наши погнались вслед воинам, рубя врагов. И содеял Господь в тот день спасение великое: месяца июля в 19-й день побеждены были иноплеменники, и князя их убили Тугоркана, и сына его, и иных князей; и многие враги наши тут пали. Наутро же нашли Тугоркана мертвого, и взял его Святополк как тестя своего и врага, и, привезя его к Киеву, похоронили его на Берестовом, между путем, идущим на Берестово, и другим, ведущим к монастырю. И 20-го числа того же месяца в пятницу, в первый час дня, снова пришел к Киеву Боняк[347] безбожный, шелудивый, тайно, как хищник, внезапно, и чуть было в город не ворвались половцы, и зажгли предградье около города, и повернули к монастырю, и выжгли Стефанов монастырь, и деревни, и Германов[348]. И пришли к монастырю Печерскому, когда мы по кельям почивали после заутрени, и кликнули клич около монастыря, и поставили два стяга перед вратами монастырскими, а мы бежали задами монастыря, а другие взбежали на хоры.

Загородные дворы князей часто назывались «красными», т. е. красивыми, не только потому, что были красиво выстроены, но и потому еще, что были красивы по своему местоположению. Ипатьевская летопись, говоря о волнениях в Киеве после смерти Юрия Долгорукого, замечает: «И многа зла створися въ тъ день: разграбиша дворъ его (Юрия.— *Д. Л.*). Красный и другый дворъ его за Днѣпромъ разграбиша, его же звашеть самъ раемъ». «Красный двор» в Переяславле-Южном был также расположен в его окрестностях.

Безбожные же сыны Измаиловы вырубили врата монастырские и пошли по кельям, высекая двери, и выносили, если что находили в келье; затем выжгли дом Святой Владычицы нашей Богородицы, и пришли к церкви, и зажгли двери на южной стороне и вторые – на северной, и, ворвавшись в притвор у гроба Феодосиева, хватая иконы, зажигали двери и оскорбляли Бога нашего и закон наш. Бог же терпел, ибо не пришел еще конец грехам их и беззакониям их, а они говорили: «Где есть Бог их? Пусть поможет им и спасет их!». И иные богохульные слова говорили на святые иконы, насмехаясь, не ведая, что Бог учит

рабов Своих напастями ратными, чтобы делались они как золото, испытанное в горне: христианам ведь через множество скорбей и напастей предстоит войти в Царство Небесное, а эти поганые и оскорбители на этом свете имеют веселие и довольство, а на том свете примут муку, с дьяволом обречены они на огонь вечный. Тогда же зажгли двор Красный, который поставил благоверный князь Всеволод на холме, называемом Выдубицким: все это окаянные половцы запалили огнем.

[…]

[Здесь в Лаврентьевской летописи помещено «Поучение» Владимира Мономаха и другие его произведения]

[…]

Но мы к предыдущему возвратимся, – о чем ранее говорили. Олег обещал пойти к брату своему Давыду в Смоленск, и прийти с братом своим в Киев, и договор заключить, но не хотел того Олег сделать, а, придя в Смоленск и взяв воинов, пошел к Мурому, а в Муроме был тогда Изяслав Владимирович. Пришла же весть к Изяславу, что Олег идет к Мурому, и послал Изяслав за воинами в Суздаль, и в Ростов, и за белозерцами, и собрал воинов много. И послал Олег послов своих к Изяславу, говоря: «Иди в волость отца своего к Ростову, а это волость отца моего. Хочу же я, сев здесь, договор заключить с отцом твоим. То ведь он меня выгнал из города отца моего. А ты ли мне здесь моего же хлеба не хочешь дать?»

И не послушал Изяслав слов тех, надеясь на множество воинов своих. Олег же надеялся на правду свою, ибо прав был в этом, и пошел к городу с воинами. Изяслав же исполчился перед городом в поле. Олег же пошел на него полком, и сошлись обе стороны, и была сеча лютая. И убили Изяслава, сына Владимирова, внука Всеволодова, месяца сентября в 6-й день, прочие же воины его побежали, одни через лес, другие в город. Олег же вошел в город, и приняли его горожане. Изяслава же, взяв, положили в монастыре Святого Спаса, и оттуда перенесли его в Новгород, и положили его в церкви Святой Софии, на левой стороне. Олег же, по взятии города, перехватал ростовцев, и белозерцев, и суздальцев, и заковал их, и устремился на Суздаль.

И когда пришел в Суздаль, сдались ему суздальцы. Олег же, замирив город, одних похватал, а других изгнал и имущество у них отнял. Пошел к Ростову, и ростовцы сдались ему. И захватил всю землю Муромскую и Ростовскую, и посажал посадников по городам, и дань начал собирать. И послал к нему Мстислав посла своего из Новгорода, говоря: «Иди из Суздаля в Муром, а в чужой волости не сиди. И я с дружиною своей пошлю просить к отцу моему и помирю тебя с отцом моим. Хоть и брата моего убил

ты, – неудивительно то: в бою ведь и цари и мужи погибают». Олег же не пожелал его послушать, но замышлял еще и Новгород захватить. И послал Олег Ярослава, брата своего, в сторо́жу[349], а сам стал на поле у Ростова.

Мстислав же посоветовался с новгородцами, и послали Добрыню Рагуиловича вперед себя в сторо́жу; Добрыня же прежде всего перехватал сборщиков дани. Узнал же Ярослав, стоя на Медведице в сторо́же, что сборщики схвачены, и побежал в ту же ночь, и прибежал к Олегу, и поведал ему, что идет Мстислав, а сторо́жи схвачены, и пошел к Ростову. Мстислав же пришел на Волгу, и поведали ему, что Олег повернул назад к Ростову, и пошел за ним Мстислав. Олег же пришел к Суздалю и, услышав, что идет за ним Мстислав, повелел зажечь Суздаль-город, только остался двор монастырский Печерского монастыря и церковь тамошняя Святого Димитрия, которую дал монастырю Ефрем вместе с селами.

Олег же побежал к Мурому, а Мстислав пришел в Суздаль и, сев там, стал посылать к Олегу, прося мира: «Я младше тебя, посылай к отцу моему, а дружину, которую захватил, вороти; а я тебе буду во всем послушен». Олег же послал к нему, притворно прося мира; Мстислав же поверил обману и распустил дружину по селам. И настала Федорова неделя поста[350], и пришла Федорова суббота, и, когда Мстислав сидел за обедом, пришла ему весть, что Олег на Клязьме, подошел, не сказавшись, близко. Мстислав, доверившись ему, не расставил сторожей, – но Бог знает, как избавлять благочестивых своих от обмана! Олег же расположился на Клязьме, думая, что, испугавшись его, Мстислав побежит.

К Мстиславу же собралась дружина в тот день и в другой, новгородцы, и ростовцы, и белозерцы. Мстислав же стал перед городом, исполчив дружину, и не двинулся ни Олег на Мстислава, ни Мстислав на Олега, и стояли друг против друга 4 дня. И пришла к Мстиславу весть, что «послал тебе отец брата Вячеслава с половцами». И пришел Вячеслав в четверг после Федорова воскресенья, в пост. А в пятницу пришел Олег, исполчившись, к городу, и Мстислав пошел против него с новгородцами и ростовцами[351]. И дал Мстислав стяг Владимиров половчанину, именем Куную, и дал ему пехотинцев, и поставил его на правом крыле. И Куную, заведя пехотинцев, развернул стяг Владимиров, и увидал Олег стяг Владимиров, и испугался, и ужас напал на него и на воинов его.

И пошли в бой обе стороны, и пошел Олег против Мстислава, а Ярослав пошел против Вячеслава. Мстислав же перешел через пожарище с новгородцами, и сошли с коней новгородцы[352], и

соступились на реке Колокше, и была сеча крепкая, и стал одолевать Мстислав. И увидел Олег, что двинулся стяг Владимиров, и стал заходить в тыл ему, и, убоявшись, бежал Олег, и одолел Мстислав. Олег же прибежал в Муром и затворил Ярослава в Муроме, а сам пошел в Рязань. Мстислав же пришел к Мурому, и сотворил мир с муромцами, и взял своих людей, ростовцев и суздальцев, и пошел к Рязани за Олегом. Олег же выбежал из Рязани, а Мстислав, придя, заключил мир с рязанцами и взял людей своих, которых заточил Олег. И послал к Олегу, говоря: «Не убегай никуда, но пошли к братии своей с мольбою не лишать тебя Русской земли. И я пошлю к отцу просить за тебя». И обещал Олег сделать так. Мстислав же, возвратившись в Суздаль, пошел оттуда в Новгород, в свой город, по молитвам преподобного епископа Никиты. Это было на исходе 6604 года, индикта 4-го наполовину.

В год 6605 (1097). Пришли Святополк, и Владимир, и Давыд Игоревич, и Василько Ростиславич, и Давыд Святославич, и брат его Олег[353], и собрались на совет в Любече для установления мира[354], и говорили друг другу: «Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами идут войны. Да отныне объединимся единым сердцем и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей: Святополк – Киевом, Изяславовой отчиной, Владимир – Всеволодовой, Давыд и Олег и Ярослав – Святославовой, и те, кому Всеволод роздал города: Давыду – Владимир, Ростиславичам же: Володарю – Перемышль, Василько – Теребовль[355]». И на том целовали крест: «Если отныне кто на кого пойдет, против того будем мы все и крест честной». Сказали все: «Да будет против того крест честной и вся земля Русская». И, попрощавшись, пошли восвояси.

И пришли Святополк с Давыдом в Киев, и рады были люди все, но только дьявол огорчен был их любовью. И влез сатана в сердце некоторым мужам, и стали они наговаривать Давыду Игоревичу, что «Владимир соединился с Васильком на Святополка и на тебя». Давыд же, поверив лживым словам, начал наговаривать ему на Василька: «Кто убил брата твоего Ярополка, а теперь злоумышляет против меня и тебя и соединился с Владимиром? Позаботься же о своей голове». Святополк же сильно смутился и сказал: «Правда это или ложь, не знаю». И сказал Святополк Давыду: «Коли правду говоришь, Бог тебе свидетель; если же от зависти говоришь, Бог тебе судья». Святополк же пожалел брата своего и про себя стал думать: а ну как правда все это? И поверил Давыду, и обманул Давыд Святополка, и начали они думать о Васильке, а Василько этого не

знал, и Владимир тоже.

И стал Давыд говорить: «Если не схватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне во Владимире». И послушался его Святополк. И пришел Василько 4 ноября, и перевезся на Выдобечь, и пошел поклониться к святому Михаилу в монастырь, и ужинал тут, а обоз свой поставил на Рудице; когда же наступил вечер, вернулся в обоз свой. И на другое же утро прислал к нему Святополк, говоря: «Не ходи от имени моих». Василько же отказался, сказав: «Не могу медлить, как бы не случилось дома войны». И прислал к нему Давыд: «Не уходи, брат, не ослушайся брата старшего». И не захотел Василько послушаться. И сказал Давыд Святополку: «Видишь ли – не помнит о тебе, ходя под твоей рукой. Когда же уйдет в свою волость, сам увидишь, что займет все твои города – Туров, Пинск[356] и другие города твои. Тогда помянешь меня. Но призови его теперь, схвати и отдай мне».

И послушался его Святополк, и послал за Васильком, говоря: «Если не хочешь остаться до именин моих[357], то приди сейчас, поприветствуешь меня и посидим все с Давыдом». Василько же обещал прийти, не зная об обмане, который замыслил на него Давыд. Василько же, сев на коня, поехал, и встретил его отрок его, и сказал ему: «Не езди, княже, хотят тебя схватить». И не послушал его, подумав: «Как им меня схватить? Только что целовали крест, говоря: если кто на кого пойдет, то на того будет крест и все мы». И, подумав так, перекрестился и сказал: «Воля Господня да будет».

И приехал с малою дружиной на княжеский двор, и вышел к нему Святополк, и пошли в избу, и пришел Давыд, и сели. И стал говорить Святополк: «Останься на праздник». И сказал Василько: «Не могу остаться, брат: я уже и обозу велел идти вперед». Давыд же сидел как немой. И сказал Святополк: «Позавтракай хоть, брат». И обещал Василько позавтракать. И сказал Святополк: «Посидите вы здесь, а я пойду распоряжусь». И вышел вон, а Давыд с Васильком сидели. И стал Василько говорить с Давыдом, и не было у Давыда ни голоса, ни слуха, ибо был объят ужасом и обман имел в сердце. И, посидев немного, спросил Давыд: «Где брат?» Они же сказали ему: «Стоит на сенях». И, встав, сказал Давыд: «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди». И, встав, вышел вон. И как скоро вышел Давыд, заперли Василька, – 5 ноября, – и оковали его двойными оковами, и приставили к нему стражу на ночь.

На другое же утро Святополк созвал бояр и киевлян и поведал им, что сказал ему Давыд, что «брата твоего убил, а против тебя соединился с Владимиром и хочет тебя убить и

города твои захватить». И сказали бояре и люди: «Тебе, князь, следует заботиться о голове своей; если правду сказал Давыд, пусть понесет Василько наказание; если же неправду сказал Давыд, то пусть сам примет месть от Бога и отвечает перед Богом». И узнали игумены и стали просить за Василька Святополка; и отвечал им Святополк: «Это все Давыд». Узнав же об этом, Давыд начал подговаривать на ослепление: «Если не сделаешь этого, а отпустишь его, то ни тебе не княжить, ни мне». Святополк хотел отпустить его, но Давыд не хотел, остерегаясь его. И в ту же ночь повезли Василька в Белгород – небольшой город около Киева, верстах в десяти; и привезли его в телеге закованным, высадили из телеги и повели в избу малую. И, сидя там, увидел Василько торчина, точившего нож, и понял, что хотя его ослепить, и возопил к Богу с плачем великим и со стенаньями.

И вот вошли посланные Святополком и Давыдом Сновид Изечевич, конюх Святополков, и Дмитр, конюх Давыдов, и начали расстилать ковер, и, разостлав, схватили Василька, и хотели его повалить; и боролись с ним крепко, и не смогли его повалить. И вот влезли другие, и повалили его, и связали его, и, сняв доску с печи, положили на грудь ему. И сели по сторонам доски Сновид Изечевич и Дмитр, и не могли удержать его. И подошли двое других, и сняли другую доску с печи, и сели, и придавили так сильно, что грудь затрещала. И приступил торчин, по имени Берендий, овчарь Святополков, держа нож, и хотел ударить ему в глаз, и, промахнувшись гла́за, перерезал ему лицо, и видна рана та у Василька поныне. И затем ударил его в глаз, и исторг глаз, и потом – в другой глаз, и вынул другой глаз. И был он в то время, как мертвый. И, взяв его на ковре, взвалили его на телегу, как мертвого, повезли во Владимир. И когда везли его, остановились с ним, перейдя Звижденский мост, на торговище, и стащили с него сорочку, всю окровавленную, и дали попадье постирать. Попадья же, постирав, надела на него, когда те обедали; и стала оплакивать его попадья, как мертвого.

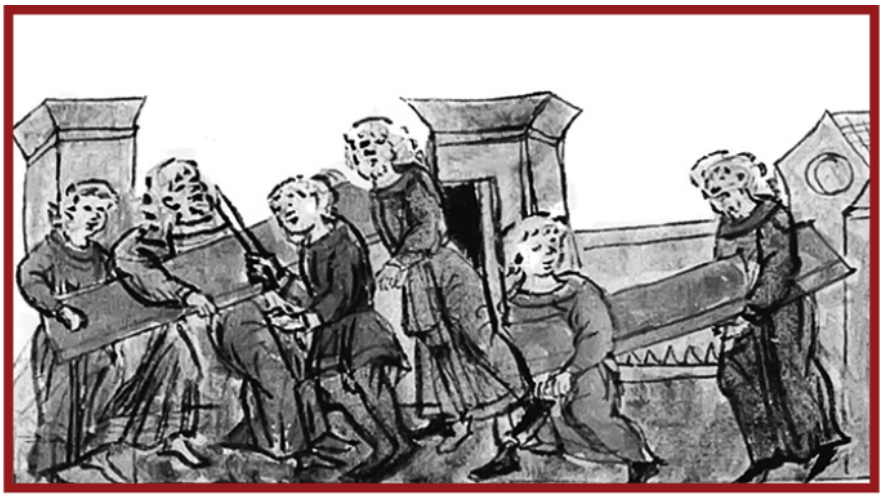
И услышал плач, и сказал: «Где я?» И ответили ему: «В Звиждене-городе». И попросил воды, они же дали ему, и испил воды, и вернулась к нему душа его, и опомнился, и пощупал сорочку, и сказал: «Зачем сняли ее с меня? Лучше бы в той сорочке кровавой смерть принял и предстал бы в ней перед Богом». Те же, пообедав, поехали с ним быстро на телеге по неровному пути, ибо был тогда месяц «неровный» – грудень, то есть ноябрь. И прибыли с ним во Владимир на шестой день. Прибыл же и Давыд с ним, точно некий улов уловив. И посадили его во дворе Вакееве, и приставили стеречь его тридцать человек

и двух отроков княжих, Улана и Колчка.

Расправа с Васильком Требовльским необычна в русской действительности XI—XII вв. Ослепление как мера против бунтовщиков широко применялось, однако, в Византии. По этому поводу И. У. Будовниц пишет: «Академик В. Г. Васильевский полагает, что это он (Василько.— *Д. Л.*) предводительствовал теми 5000 горцами (русскими с Карпат), которые, по известию византийских хронистов, пришли в 1091 г. вместе с половецкими ханами Тугорканом и Боняком спасать империю от печенегов. В том же 1091 г. он участвовал в набеге половцев на венгров (*Васильевский В. Г.* Печенеги и Византия. С. 100—102). Достоверно известно, что в 1092 г. Василько вместе с половцами совершил поход на Польшу. Случившаяся с ним трагедия застает его среди приготовлений к более обширным предприятиям. Находясь в заключении у Давыда Игоревича, Василько в задушевной беседе рассказал об этих планах попу Василию. Оказывается, он ждал прихода наемных дружин берендеев, печенегов и торков, с которыми собирался сперва воевать Польшу и отомстить ей за обиды, причиненные ляхами Русской земле, а потом захватить дунайских болгар и поселить их в своем княжестве. Византийцы могли быть осведомлены о планах русского князя, удаль которого они имели случай наблюдать во время страшной расправы с печенегами под Константинополем. И вот является естественный вопрос: не было ли замешано в ослеплении Василька византийское правительство, которому болгарские планы русского князя должны были внушать опасения и тревогу? Византийские агенты могли заинтересовать Давида Игоревича перспективой получения принадлежавших Ростиславичам Червенских городов, которых он действительно домогался после ослепления Василька, а Святополка, известного своим корыстолюбием,— подкупить богатыми дарами» (*Будовниц И. У.* Владимир Мономах и его военная доктрина // Ист. записки. М., 1947. Т. 22. С. 78). Об ослеплении Василька Теребовльского говорится также в рассказе о Прохоре Лебеднике Киево-Печерского патерика (с. 151).

Владимир же, услышав, что схвачен был Василько и ослеплен, ужаснулся, заплакал и сказал: «Не бывало еще в Русской земле ни при дедах наших, ни при отцах наших такого

зла». И тут тотчас послал к Давыду и Олегу Святославичам, говоря: «Идите в Городец, да поправим зло, случившееся в Русской земле и среди нас, братьев, ибо нож в нас ввержен. И если этого не поправим, то еще большее зло встанет среди нас, и начнет брат брата закалывать, и погибнет земля Русская, и враги наши половцы, придя, возьмут землю Русскую».



Ослепление Василька.
Миниатюра из Радзивилловской летописи. XV в.

Услышав это, Давыд и Олег сильно опечалились и плакали, говоря, что «этого не бывало еще в роде нашем». И тотчас, собрав воинов, пришли к Владимиру. Владимир же с воинами стоял тогда в бору. Владимир же, и Давыд, и Олег послали мужей своих к Святополку, говоря: «Зачем ты зло это учинил в Русской земле и вверг нож в нас? Зачем ослепил брата своего? Если бы было у тебя какое обвинение против него, то обличил бы его перед нами, а, доказав его вину, тогда и поступил бы с ним так. А теперь объяви вину его, за которую ты сотворил с ним такое». И сказал Святополк: «Поведал мне Давыд Игоревич: “Василько брата твоего убил, Ярополка, и тебя хочет убить и захватить волость твою, Туров, и Пинск, и Берестье, и Погорину[358], а целовал крест с Владимиром, что сесть Владимиру в Киеве, а Василько во Владимире”. А мне поневоле нужно свою голову беречь. И не я его ослепил, но Давыд; он и привез его к себе».

И сказали мужи Владимировы, и Давыдовы, и Олеговы: «Не отговаривайся, будто Давыд ослепил его. Не в Давыдовом городе схвачен и ослеплен, но в твоем городе взят и ослеплен». И, сказав

это, разошлись. На следующее утро собрались они перейти через Днепр на Святополка, Святополк же хотел бежать из Киева, и не дали ему киевляне бежать, но послали вдову Всеволодову и митрополита Николу к Владимиру, говоря: «Молим, княже, тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли. Ибо если начнете войну между собою, поганые станут радоваться и возьмут землю нашу, которую собрали отцы ваши и деды ваши трудом великим и храбростью, борясь за Русскую землю и другие земли приискивая, а вы хотите погубить землю Русскую». Всеволодова же вдова и митрополит пришли к Владимиру, и молили его, и поведали мольбу киевлян – заключить мир и блюсти землю Русскую и биться с погаными.

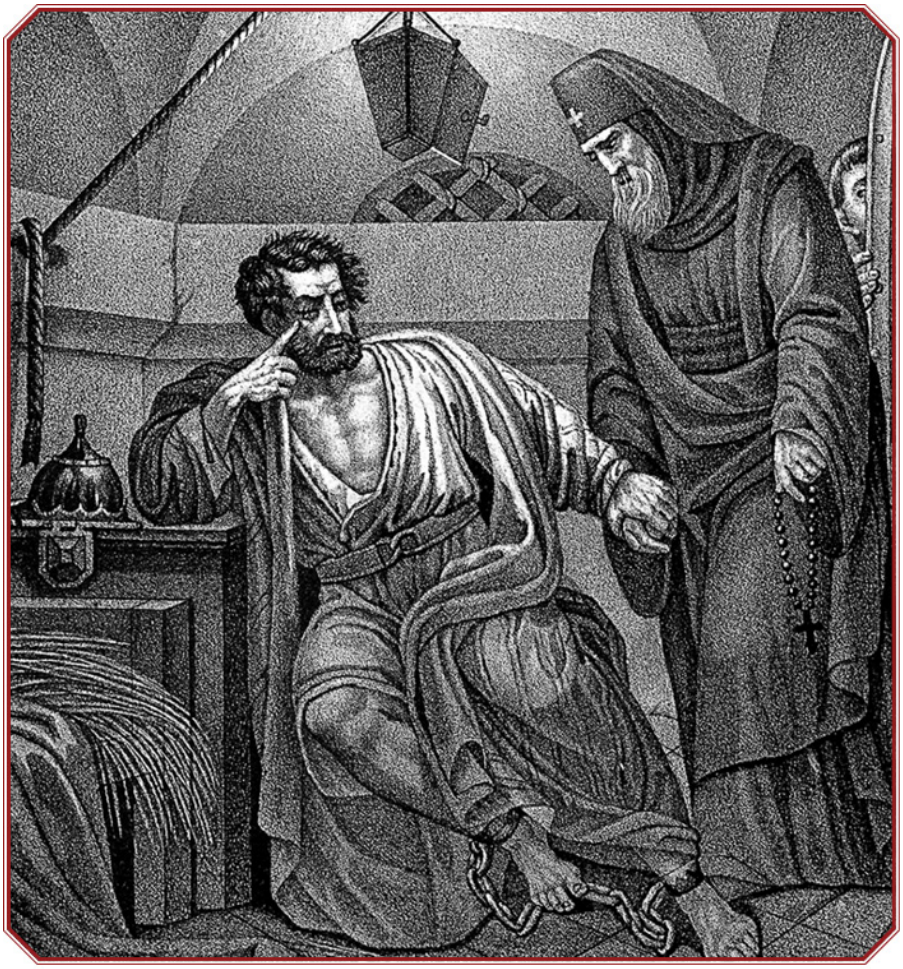
Услышав это, Владимир расплакался и сказал: «Воистину отцы наши и деды наши соблюли землю Русскую, а мы хотим погубить». И уступил Владимир мольбе княгини, которую почитал как мать, памяти ради отца своего[359], ибо сильно любил он отца своего и при жизни и по смерти не ослушивался его ни в чем; потому и слушал он ее как мать свою и митрополита также чтил за сан святительский, не ослушался мольбы его. […] Княгиня же, побывав у Владимира, вернулась в Киев и поведала все сказанное Святополку и киевлянам, что мир будет. И начали слать друг к другу мужей и помирились на том, что сказали Святополку: «Это козни Давыда, так ты иди, Святополк, на Давыда и либо схвати, либо прогони его». Святополк же согласился на это, и целовали крест друг другу, заключив мир.

Когда же Василько был во Владимире, в прежде названном месте[360], и приближался Великий пост, и я был тогда во Владимире, однажды ночью прислал за мной князь Давыд. И пришел к нему; и сидела около него дружина его, и, посадив меня, сказал мне: «Вот молвил Василько сегодня ночью Улану и Колче, сказал так: “Слышу, что идут Владимир и Святополк на Давыда; если бы Давыд меня послушал, то я бы послал мужей своих к Владимиру с просьбой воротиться, ибо я знаю, что сказать ему, – и он не пойдет дальше”. И вот, Василий, посылаю тебя, иди к Васильку, тезке твоему, с этими отроками и молви ему так: “Если хочешь послать мужей своих и если Владимир воротится, дам тебе любой город, который тебе люб, – либо Всеволожу, либо Шеполь, либо Перемышль[361]”».

Я же пошел к Васильку и поведал ему все речи Давыда[362]. Он же сказал: «Того я не говорил, но надеюсь на Бога. Пошлю к Владимиру, чтобы не проливали ради меня крови. Но то мне дивно, что дает мне город свой, но мой Теребовль – мое владение и ныне и в будущем», что и сбылось, ибо вскоре он получил владение свое. Мне же сказал: «Иди к Давыду и скажи ему:

“Пришли мне Кульмея, да пошлю его к Владимиру”». И не послушал его Давыд, и послал меня опять сказать ему: «Нет тут Кульмея». И сказал мне Василько: «Посиди немного». И повелел слуге своему идти вон, и сел со мною, и стал мне говорить: «Вот слышу, что хочет меня выдать полякам Давыд; мало он насытился моей кровью, – хочет еще больше насытиться, отдав меня им. Ибо я много зла сделал полякам и еще хотел сделать и мстить за Русскую землю.

И если он меня выдаст полякам, не боюсь я смерти, но скажу тебе по правде, что Бог на меня послал это за мою гордость: пришла ко мне весть, что идут ко мне берендеи[363], и печенеги, и торки, и сказал я себе: если у меня будут берендеи, и печенеги, и торки, то скажу брату своему Володарю и Давыду: дайте мне дружину свою младшую, а сами пейте и веселитесь. И подумал: на землю Польскую пойду зимою и летом, и завладею землею Польскою, и отомщу за Русскую землю. И потом хотел захватить болгар дунайских, и посадить их у себя. И затем хотел отпроситься у Святополка и у Владимира идти на половцев – да либо славу себе добуду, либо голову свою сложу за Русскую землю. Других помыслов в сердце моем не было ни на Святополка, ни на Давыда. И вот, клянусь Богом и Его пришествием, что не замышлял я зла братии своей ни в чем. Но за мое высокомерие низложил меня Бог и смирил».



Б. А. Чориков. Беседа злосчастного Василько с иноком Василием в темнице. 1098. *Литография к книге «Живописный Карамзин, или Русская история в картинках». 1836 г.*

Потом же, с приходом Пасхи, пошел Давыд, собираясь захватить Василькову волость; и встретил его Володарь, брат Васильков, у Божеска[364]. И не посмел Давыд пойти против Василькова брата Володаря, и затворился в Божеске, и Володарь осадил его в городе. И стал Володарь говорить: «Почему, сотворив зло, не каешься в нем? Вспомни же, сколько зла натворил». Давыд же стал обвинять Святополка, говоря: «Разве я это сделал, разве в моем это было городе? Я сам боялся, чтобы и меня не схватили и не поступили со мной так же. Поневоле пришлось мне пристать к заговору и подчиниться». И сказал Володарь: «Бог свидетель тому,

а нынче отпусти брата моего, и сотворю с тобою мир». И, обрадовавшись, послал Давыд за Васильком, и, приведя его, выдал Володарю, и был заключен мир, и разошлись. И сел Василько в Теребовле, а Давыд пришел во Владимир.

И когда настала весна, пришли Володарь и Василько на Давыда и подошли ко Всеволожу, а Давыд затворился во Владимире. Стали они около Всеволожа, и взяли город приступом, и запалили его огнем, и побежали люди от огня. И повелел Василько иссечь их всех, и сотворил мщение над людьми неповинными, и пролил кровь невинную. Затем же пришли к Владимиру, и затворился Давыд во Владимире, а те обступили город. И послали к владимирцам, говоря: «Мы не пришли на город ваш, ни на вас, но на врагов своих, на Туряка, и на Лазаря, и на Василя, ибо они подговорили Давыда, и их послушал Давыд и сотворил это злодейство. А если хотите за них биться, то мы готовы, либо выдайте врагов наших». Горожане же, услышав это, созвали вече, и сказали Давыду люди: «Выдай мужей этих, не будем биться из-за них, а за тебя биться можем. Иначе отворим ворота города, а ты сам позаботься о себе». И поневоле пришлось выдать их.

И сказал Давыд: «Нет их здесь»; ибо он послал их в Луцк. Когда же они отправились в Луцк, Туряк бежал в Киев, а Лазарь и Василь воротились в Турийск[365]. И услышали люди, что те в Турийске, кликнули люди на Давыда и сказали: «Выдай, кого от тебя хотят! Иначе сдадимся». Давыд же, послав, привел Василя и Лазаря и выдал их. И заключили мир в воскресенье. А на другое утро, на рассвете, повесили Василя и Лазаря, и расстреляли их стрелами Васильковичи, и пошли от города. Это второе отмщение сотворил он, которого не следовало сотворить, чтобы Бог был только мстителем, и надо было возложить на Бога отмщение свое, как сказал пророк: «И воздам месть врагам и ненавидящим Меня воздам, ибо за кровь сынов Своих мстит Бог и воздает отмщение врагам и ненавидящим Его». Когда же те ушли из города, сняли тела их и погребли.

Святополк же, обещав прогнать Давыда[366], пошел к Берестью к полякам. Услышав об этом, Давыд пошел в Польшу к Владиславу, ища помощи. Поляки же обещали ему помогать и взяли у него золота 50 гривен, сказав ему: «Пойди с нами к Берестью, ибо зовет нас Святополк на совет, и там помирим тебя со Святополком». И, послушав их, Давыд пошел к Берестью с Владиславом. И стал Святополк в городе, а поляки на Буге, и стал переговариваться Святополк с поляками, и дал дары великие за Давыда. И сказал Владислав Давыду: «Не послушает меня Святополк, иди назад». И пошел Давыд во Владимир, и

Святополк, посоветовавшись с поляками, пошел к Пинску, послав за воинами. И пришел в Дорогобуж, и дождался там своих воинов, и пошел на Давыда к городу, и Давыд затворился в городе, надеясь на помощь от поляков, ибо сказали ему, что «если придут на тебя русские князья, то мы тебе будем помощниками»; и солгали ему, взяв золото и у Давыда и у Святополка. Святополк же осадил город, и стоял Святополк около города 7 недель; и стал Давыд проситься: «Пусти меня из города». Святополк же обещал ему, и целовали они крест друг другу, и вышел Давыд из города, и пришел в Червен[367]; а Святополк вошел во Владимир в Великую субботу, а Давыд бежал в Польшу.

Б. А. Чориков. Святополк получает благословение преподобного игумена Печерского над гробницей преподобного Феодосия. *Литография к книге «Живописный Карамзин, или Русская история в картинках».*

Святополк же, прогнав Давыда, стал умышлять на Володаря и Василька, говоря, что «это волость отца моего и брата»; и пошел на них. Услышав это, Володарь и Василько пошли против него, взяв крест, который он целовал им на том, что «на Давыда пришел я, а с вами хочу иметь мир и любовь». И преступил Святополк крест, надеясь на множество своих воинов. И

встретились в поле на Рожни[368], исполчились обе стороны, и Василько поднял крест, сказав: «Его ты целовал, вот сперва отнял ты зрение у глаз моих, а теперь хочешь взять душу мою. Да будет между нами крест этот!» И двинулись друг на друга в бой, и сошлись полки, и многие люди благоверные видели крест, высоко поднятый над Васильковыми воинами.

Во время великого сражения, когда многие падали из обоих войск, Святополк, увидев, какой идет лютый бой, побежал и прибежал во Владимир. Володарь же и Василько, победив, остались стоять тут же, говоря: «Надлежит нам на своем рубеже стать», и не пошли никуда. Святополк же прибежал во Владимир, и с ним два его сына, и Ярополчича два, и Святоша, сын Давыда Святославича, и прочая дружина. Святополк же посадил во Владимире сына своего Мстислава, который был у него от наложницы, а Ярослава послал в Венгрию, приглашая венгров на Володаря, а сам пошел к Киеву.

Ярослав же, сын Святополка, пришел с венграми, и король Коломан, и два епископа, и стали около Перемышля по Вагру, а Володарь затворился в городе. Ибо Давыд в то время вернулся из Польши и посадил жену свою у Володаря, а сам пошел в Половецкую землю. И встретил его Боняк, и воротился Давыд, и пошли на венгров. Когда же они шли, остановились на ночлег; и, когда наступила полночь, встал Боняк, отъехал от воинов и стал выть по-волчьи, и волк ответил воем на вой его, и завыло множество волков. Боняк же, вернувшись, поведал Давыду, что «победа у нас будет над венграми завтра». И наутро Боняк исполчил воинов своих, и было у Давыда воинов 100, а у самого 300; и разделил их на 3 полка и пошел на венгров.

И пустил Алтунопу нападать с 50 людьми, а Давыда поставил под стягом, а своих воинов разделил на две части, по 50 человек на каждой стороне. Венгры же построились в несколько рядов, ибо было их 100 тысяч. Алтунопа же, подскакав к первому ряду и пустив стрелы, бежал от венгров, венгры же погнались за ним. На бегу они промчались мимо Боняка, и Боняк погнался за ними, рубя их с тыла, а Алтунопа возвратился обратно, и не пропустили венгров назад и так, во множестве избивая их, сбили их в мяч. Боняк же разделил своих на три полка, и сбили венгров в мяч, как сокол сбивает галок. И побежали венгры, и многие утонули в Вагре, а другие в Сане. И бежали они вдоль Сана на гору, и спихивали друг друга, и гнались за ними два дня, рубя их. Тут же убили и епископа их Купана и из бояр многих, говорили ведь, что погибло их 40 тысяч.

Коломан III (Кальман Книжник; 1074—1116) — король Венгрии с 1095 г. и Хорватии с 1097 г. Из династии Арпадов. Сын Гезы I и графини Софии Луз. В 1112 г. женился вторым браком на Евфимии, дочери Владимира Мономаха. Вел войны с Венецией. Заключил унию Венгрии с Хорватией (1102). Вмешивался в междоусобицы русских князей, завоевал часть Закарпатья. В 1099 г. при вторжении в Галицкую землю был разбит князьями Володарем и Васильком Ростиславичами в битве над Вагром у Перемышля. Создал письменный свод венгерских законов в 1100 и 1115 гг. По его приказу епископ Хартвик составил «Хронику Венгрии» и «Жизнеописание св. Иштвана».— *Ред.*

Ярослав же бежал в Польшу и пришел в Берестье, а Давыд, захватив Сутейск и Червен, пришел внезапно и захватил владимирцев, а Мстислав затворился в городе с засадою из берестьян, пинчан, выгошевцев. И стал Давыд, обступив город, и делал частые приступы. Однажды подступили к городу под башни, те же бились с городских стен, и была стрельба между ними, и летели стрелы, как дождь. Мстислав же, собираясь выстрелить, внезапно был ранен под пазуху стрелой, стоя на забралах стены, в скважину между досок[369], и свели его вниз, и в ту же ночь умер. И скрывали это три дня, а на четвертый день поведали на вече. И сказали люди: «Вот, князь убит; и если сдадимся, Святополк погубит нас всех». И послали к Святополку, говоря: «Вот, сын твой убит, а мы изнемогаем от голода. Если не придешь, люди хотят сдаться, не могут стерпеть голода». Святополк же послал Путяту, воеводу своего. Путята же с воинами пришел в Луцк к Святоше, сыну Давыдову, и там были мужи Давыдовы у Святоши, ибо поклялся Святоша Давыду: «Если пойдет на тебя Святополк, то поведаю тебе».

И не сотворил того Святоша, но похватал мужей Давыдовых, а сам пошел на Давыда. И пришли Святоша и Путята, августа в 5-й день, в полдень, когда Давыдовы воины окружали город, а Давыд спал; и напали на них, и начали рубить. И горожане выскочили из города и тоже стали рубить воинов Давыдовых, и побежали Давыд и Мстислав, племянник его. Святоша же и Путята взяли город и посадили посадника Святополкова Василя. И пришел Святоша в Луцк, а Путята в Киев. Давыд побежал в Половецкую землю, и встретил его Боняк. И пошли Давыд и Боняк на Святошу к Луцку,

и осадили Святошу в городе, и сотворили мир. И вышел Святоша из города, и пришел к отцу своему в Чернигов. А Давыд захватил Луцк и оттуда пришел во Владимир, посадник же Василь выбежал, а Давыд захватил Владимир и сел в нем. А на второй год Святополк, Владимир, Давыд и Олег приманили Давыда Игоревича и не дали ему Владимира, но дали ему Дорогобуж, где он и умер. А Святополк перехватил себе Владимир и посадил в нем сына своего Ярослава.

В год 6606 (1098). Пришли Владимир, и Давыд, и Олег на Святополка, и стали у Городца, и сотворили мир, как я сказал уже под предыдущим годом.

Под 6606 годом в конце годовой статьи в Ипатьевском списке добавлено: «В се же лѣто заложи Володимеръ церковь камяну Святоѣ Богородицѣ Переяславли, на княжѣ дворѣ. Того же лѣта заложи Володимеръ Мономахъ городъ на Въстри». Владимир в этом известии — Владимир Мономах. Все известие восходит к третьей редакции «Повести временных лет». (Речь, по-видимому, идет о Городце-Остёрском (т. е. стоящем на р. Остёр).— *Ред.*)

В год 6607 (1099). Вышел Святополк на Давыда к Владимиру и прогнал Давыда в Польшу. В этот же год побиты были венгры у Перемышля. В тот же год убит Мстислав, сын Святополков, во Владимире, месяца июня в 12-й день.

Под 6607 годом в Ипатьевском списке после слов «в Ляхы» [в Польшу] дополнительно читается следующее известие: «В се же лѣто бысть знаменье надъ Володимеремь мѣсяца априля: два круга, а в нею аки солнце, и по шестаго часа, а ночь аки 3 стязи свѣтлѣ оли до зорь». Город Владимир, здесь упоминаемый,— Владимир-Волынский. Все известие восходит к третьей редакции «Повести временных лет».

В год 6608 (1100). Вышел Мстислав от Давыда на море, месяца июня в 10-й день. В тот же год братья сотворили мир

между собою, Святополк, Владимир, Давыд, Олег в Уветичах, месяца августа в 10-й день. Того же месяца в 30-й день в том же месте собрались на совет все братья – Святополк, Владимир, Давыд, Олег, – и пришел к ним Игоревич Давыд, и сказал им: «Зачем призвали меня? Вот я. У кого на меня обида?» И ответил ему Владимир: «Ты сам прислал к нам: “Хочу, братья, прийти к вам и пожаловаться на свои обиды”. Вот ты и пришел и сидишь с братьями своими на одном ковре – почему же не жалуешься? На кого из нас у тебя жалоба?» И не отвечал Давыд ничего. И стали братья на конях; и стал Святополк со своей дружиной, а Давыд и Олег каждый со своею отдельно.

А Давыд Игоревич сидел в стороне, и не подпустили они его к себе, но особо совещались о Давыде. И, порешив, послали к Давыду мужей своих, Святополк Путяту, Владимир Орогостя и Ратибора, Давыд и Олег Торчина. Посланные же пришли к Давыду и сказали ему: «Так говорят тебе братья: “Не хотим тебе дать стола Владимирского, ибо вверг ты нож в нас, чего не бывало еще в Русской земле. И мы тебя не схватим и никакого зла тебе не сделаем, но вот что даем тебе – отправляйся и садись в Божском остроге, а Дубен и Чарторыйск дает тебе Святополк, а Владимир дает тебе 200 гривен, и Давыд с Олегом 200 гривен”». И тогда послали послов своих к Володарю и Васильку: «Возьми брата своего Василька к себе, и будет вам одна волость, Перемышль. И если то вам любо, то сидите там оба, если же нет, то отпусти Василька сюда, мы его прокормим здесь. А холопов наших выдайте и смердов». И не послушались этого ни Володарь, ни Василько. А Давыд сел в Божске, и затем дал Святополк Давыду Дорогобуж, где он и умер[370], а город Владимир отдал сыну своему Ярославу.

В год 6609 (1101). Преставился Всеслав, полоцкий князь, месяца апреля в 14-й день, в 9 часов дня, в среду. В тот же год поднял войну Ярослав Ярополчич в Берестье, и пошел на него Святополк, и застал его в городе, и схватил его, и заковал, и привел его в Киев. И просили за него митрополит и игумены, и умолили Святополка, и взяли с него клятву у гроба святых Бориса и Глеба, и сняли с него оковы, и пустили его. В том же году собрались на Золотче все братья: Святополк, Владимир, и Давыд, и Олег, Ярослав, брат их. И прислали половцы послов от всех князей ко всем братьям, прося мира. И сказали им русские князья: «Если хотите мира, соберемся у Сакова». И послали за половцами, и собрались на совет у Сакова, и сотворили мир с половцами, и обменялись заложниками, месяца сентября в 15-й день, и разошлись в разные стороны.

Под 6609 годом в конце годовой статьи в Ипатьевской летописи читается следующее известие, восходящее к третьей редакции «Повести временных лет»: «В се же лѣто Володимеръ заложи церковь у Смоленьскѣ Святоѣ Богородицѣ камяну, епискупью». Владимир здесь — Владимир Мономах. В Никоновской летописи уточнение: «мѣсьца мая 2, въ 3 часъ дне».

В год 6610 (1102). Выбежал Ярослав Ярополчич из Киева, месяца октября в 1-й день. Того же месяца на исходе обманул Ярослав Святополчич Ярослава Ярополчича, схватил его на Нуре и привел его к отцу Святополку, и оковали его. В том же году, месяца декабря в 20-й день, пришел Мстислав, сын Владимира, с новгородцами, ибо Святополк с Владимиром имел договор, что Новгороду быть за Святополком и посадить там сына своего, а Владимиру посадить сына своего во Владимире. И пришел Мстислав в Киев, и сели совещаться в избе, и сказали мужи Владимировы: «Вот прислал Владимир сына своего, а вот сидят новгородцы, пусть возьмут сына твоего и идут в Новгород, а Мстислав пусть идет во Владимир». И сказали новгородцы Святополку: «Вот мы, княже, присланы к тебе, и сказали нам так: “Не хотим ни Святополка, ни сына его. Если же две головы имеет сын твой, то пошли его; а этого дал нам Всеволод, сами вскормили себе князя, а ты ушел от нас”». И Святополк много спорил с ними, но они не захотели и, взяв Мстислава, пришли в Новгород.

Под 6610 годом в Ипатьевской летописи после слов «в пришедшее лѣто» дополнительно читается следующее известие: «В то же лѣто родися у Володимера сынъ Андрѣй». Никоновская летопись помещает это известие сразу после сообщения о гибели Ярослава Ярополчича 11 августа и начинает его словами: «того же дни» (следовательно, 11 августа). Дату рождения, 11 августа, имеем мы и в Тверском сборнике с добавлением: «даша ему имя въ 18 августа, Андрей Стратилатъ». В конце той же годовой статьи в Ипатьевской летописи читается: «В се же лѣто преставися Володиславъ, лядский князь». Оба известия восходят к третьей редакции «Повести временных лет».

В тот же год было знаменье в небе, месяца января в 29-й день, и было три дня, стояло точно зарево пожара с востока, и юга, и запада, и севера, и был такой свет всю ночь, как от полной светящейся луны. В тот же год было знаменье в луне, месяца февраля в 5-й день. Того же месяца в 7-й день было знаменье в солнце: огородилось солнце тремя дугами, и были другие дуги, хребтами одна к другой. И, видя эти знамения, благоверные люди с воздыханием молились Богу и со слезами, чтобы Бог обратил эти знамения к добру: знамения ведь бывают одни к злу, другие же к добру. На следующий год вложил Бог мысль добрую русским князьям: задумали дерзнуть на половцев, пойти в землю их, что и сделали, как скажем после, *под следующим годом*. В этот же год преставился Ярослав Ярополчич, месяца августа в 11-й день. В тот же год повели дочь Святополка Сбыславу в Польшу за Болеслава[371], месяца ноября в 16-й день.

В год 6611 (1103). Вложил Бог в сердце князьям русским, Святополку и Владимиру, и собрались на совет в Долобске. И сел Святополк с дружиною своею, а Владимир со своею в одном шатре. И стала совещаться дружина Святополкова и говорить, что «не годится ныне, весной, идти, погубим смердов и пашню их». И сказал Владимир: «Дивно мне, дружина, что лошадей жалеете, которыми пашут; а почему не подумаете о том, что вот начнет пахать смерд и, приехав, половчанин застрелит его стрелою, а лошадь его заберет, а в село его приехав, возьмет жену его, и детей его, и все его имущество? Лошади вам жаль, а самого не жаль ли?» И ничего не смогла ответить дружина Святополка. И сказал Святополк: «Вот я готов уже». И встал Святополк, и сказал ему Владимир: «Это ты, брат, великое добро сотворишь земле

Русской». И послали к Олегу и Давыду, говоря: «Пойдите на половцев, да будем либо живы, либо мертвы». И послушал Давыд, а Олег не захотел того, сказав причину: «Нездоров».

А. Д. Кившенко. **Долобский съезд князей — свидание князя Владимира Мономаха с князем Святополком**

Владимир же, попрощавшись с братом своим, пошел в Переяславль, а Святополк за ним, и Давыд Святославич, и Давыд Всеславич, и Мстислав, Игорев внук, Вячеслав Ярополчич, Ярополк Владимирович. И пошли на конях и в ладьях, и пришли пониже порогов, и стали в порогах у острова Хортицы. И сели на коней, а пехотинцы, выйдя из ладей, шли полем 4 дня и пришли на Сутень. Половцы же, услышав, что идет русь, собрались в бесчисленном множестве и стали совещаться. И сказал Урусоба: «Попросим мира у руси, так как крепко они будут биться с нами, ибо много зла сотворили мы Русской земле». И сказали Урусобе молодые: «Ты боишься руси, но мы не боимся. Перебив этих, пойдем в землю их и завладеем городами их, и кто избавит их от нас?»

Русские же князья и воины все молились Богу и обеты давали Богу и Матери Его, кто кутьею, кто милостынею убогим, другие же пожертвованиями в монастыри. И когда они так молились, пришли половцы и послали перед собою в сторóжах Алтунопу, который славился у них мужеством. Так же и русские князья послали сторóжей своих. И подстерегли русские сторóжа Алтунопу, и, обступив его, убили Алтунопу и тех, кто был с ним, и ни один не спасся, но всех перебили. И пошли полки, как лес, и не окинуть их было взором, и русь пошла против них. И великий Бог вложил ужас великий в половцев, и страх напал на них и трепет перед лицом русских воинов, и оцепенели сами, и у коней их не было быстроты в ногах. Наши же с весельем на конях и пешие пошли к ним. Половцы же, увидев, как устремились на них русские, не дойдя, побежали перед русскими полками. Наши же погнались, рубя их. В день 4 апреля свершил Бог великое спасение, а на врагов наших дал нам победу великую[372]. И убили тут в бою 20 князей: Урусобу, Кчия, Арсланапу, Китанопу, Кумана, Асупа, Куртка, Ченегрепу, Сурьбаря и прочих князей их, а Белдюзя захватили.

После того сели братья совещаться, победив врагов своих, и привели Белдюзя к Святополку, и стал Белдюзь предлагать за себя золото, и серебро, и коней, и скот, Святополк же послал его к Владимиру. И когда он пришел, начал спрашивать его Владимир: «Знай, это [нарушенная] клятва захватила вас! Ибо сколько раз, дав клятву, вы все-таки воевали Русскую землю? Почему не учил ты сыновей своих и род свой не нарушать клятвы, но проливали кровь христианскую? Да будет кровь твоя на голове твоей!» И повелел убить его, и так разрубили его на части.

И затем собрались братья все, и сказал Владимир: «Вот день, который даровал Господь, возрадуемся и возвеселимся в этот день, ибо Бог избавил нас от врагов наших, и покорил врагов наших, и “сокрушил головы змеиные и передал достояние их людям” русским». Ибо взяли тогда скот, и овец, и коней, и верблюдов, и вежи с добычей и с челядью, и захватили печенегов и торков с вежами. И вернулись на Русь с полоном великим, и со славою, и с победою великою. В том же году пришла саранча, августа в 1-й день. Того же месяца в 18-й день пошел Святополк и срубил город Юрьев, который сожгли половцы. В том же году бился Ярослав с мордвою, месяца марта в 4-й день, и побежден был Ярослав.

В год 6612 (1104). Повели дочь Володареву за царевича Алексеевича, в Царьград, месяца июля в 20-й день. В том же году повели Предславу, дочь Святополка, в Венгрию за королевича, августа в 21-й день. В том же году пришел митрополит Никифор

на Русь, месяца декабря в 6-й день. Того же месяца в 13-й день преставился Вячеслав Ярополчич. В том же месяце, в 18-й день, Никифор-митрополит посажен на столе. Расскажем же и это: на исходе того же года послал Святополк Путяту на Минск, а Владимир – сына своего Ярополка, а Олег сам пошел на Глеба, взяв Давыда Всеславича; и, ничего не добившись, возвратились. И родился у Святополка сын, и нарекли имя ему Брячислав. В тот же год было знаменье: стояло солнце в круге, а посредине круга крест, и посредине креста солнце, а вне круга по обе стороны два солнца, а над солнцем вне круга дуга, рогами на север; такое же знаменье было и в луне, такого же вида, месяца февраля в 4-й, 5-й и 6-й день, днем три дня, а ночью, в луне, три ночи.

В год 6613 (1105). Поставил митрополит епископом Амфилохия во Владимир, месяца августа в 27-й день. В том же году поставил Лазаря в Переяславле, ноября в 12-й день. В том же году поставил Мину в Полоцке, декабря в 13-й день.

В Синодальном списке Новгородской Первой летописи под этим годом (1105) помещено дополнительное известие: «Томъ же лѣтѣ идоша (новгородцы.— *Д. Л.*) въ Ладогу на войну; и погорѣша хороми от Ручия (от Федоровского ручья в Новгороде.— *Д. Л.*), мимо Славьно, до святого Илие». В Ипатьевской летописи под этим годом помещены следующие дополнительные известия, восходящие к третьей редакции «Повести временных лет», в начале статьи: «Увалися верхъ святого Андрѣя», в конце статьи: «Томъ же лѣтѣ явися звѣзда с хвостомъ на западѣ и стоя мѣсяць. Того же лѣта пришедъ Бонякъ зимѣ, на Зарубѣ (на поле добавлено: «и побѣди») торкы и береньдѣѣ».

В год 6614 (1106). Воевали половцы около Зареческа, и послал на них Святополк Яня и Ивана Захарьича, козарина[373], и прогнали половцев, и полон отняли.

В тот же год преставился Янь, старец добрый, прожив девяносто лет, в старости маститой; жил по закону Божию, не хуже был первых праведников. От него же и я много рассказов слышал, которые и записал в летописанье этом, от него услышав[374]. Был он муж благ, и кроток, и смирен, избегая всякого зла; гроб его находится в Печерском монастыре, в притворе, там лежит тело его, положенное месяца июня в 24-й день. В тот же год постриглась Евпраксия, Всеволодова дочь,

месяца декабря в 6-й день. В тот же год прибежал Збигнев к Святополку[375]. В тот же год постригся Святослав, сын Давыдов, внук Святославов[376], месяца февраля в 17-й день. В тот же год победила зимигола[377] Всеславичей, всех братьев, и дружины их перебила 9 тысяч.

В год 6615 (1107), индикта, круга луны 4-й год, а солнечного круга 8-й год. В этот же год преставилась жена Владимирова, месяца мая в 7-й день. В том же месяце воевал Боняк и захватил коней у Переяславля. В том же году пришли Боняк, и Шарукан старый, и другие князья многие и стали около Лубна. Святополк же, и Владимир, и Олег, Святослав, Мстислав, Вячеслав, Ярополк пошли на половцев к Лубну, и в шестом часу дня перешли вброд через Сулу, и кликнули на них. Половцы же ужаснулись, со страху не могли и стяга поставить и бежали, похватав коней, а иные бежали пешие. Наши же стали рубить, гоня их, а других руками хватать, и гнали чуть не до Хорола. Убили же Таза, Бонякова брата, а Сугра захватили и брата его, а Шарукан едва убежал.

Под этим годом (1107) в Типографской летописи на основании каких-то древних записей читается следующее известие о нападении болгар на Суздаль: «В се же лѣто чюдо сътвори Богъ и Святаа Богородица в Суждалстѣй землѣ. Приидоша болгаре ратью на Суждаль и обьступиша градъ и много зла сътвориша, воююща села и погосты и убивающе многыхъ отъ крестьянъ. Сущий же людие въ градѣ не могуще противу ихъ стати, не сущю князю у нихъ, на молитву к Богу обратишяся и къ Пречистей Его Матери покааниемъ и слезами и затворишася въ градѣ. И всемилостивый Богъ услышавъ молитву ихъ и покаание: якоже древле ниневитяне помилова, тако и сихъ избави отъ бѣдъ, ослепиша бо вся ратныа болгары, и та изъ града изшедще, всѣхъ избиша».

Покинули половцы и обоз свой, который взяли русские воины месяца августа в 12-й день, и вернулись русские восвояси с победой великой. Святополк же пришел в Печерский монастырь на заутреню на Успенье Святой Богородицы, и братия приветствовала его с радостью великою, говоря, что враги наши побеждены были молитвами Святой Богородицы и святого отца нашего Феодосия. Такое обыкновение имел Святополк: когда шел на войну или куда-нибудь, то, сперва поклонившись гробу

Феодосиеву и молитву взяв у игумена Печерского, только тогда уже отправлялся в путь свой. В тот же год преставилась княгиня, мать Святополка, месяца января в 4-й день. В том же году, в том же месяце, пошел Владимир, и Давыд, и Олег к Аепе, и ко другому Аепе и сотворили мир. И взял Владимир за Юрия Аепину дочь, Осеневу внучку, а Олег взял за сына Аепину дочь, Гиргеневу внучку, месяца января в 12-й день. А февраля 5-го тряслася земля ночью перед рассветом.

Архидиакон Стефан.
Мозаика собора Архангела Михаила Михайловского Златоверхого монастыря. ***1108—1113 гг.***

Святой Стефан — первый христианский мученик (происходивший из диаспоры евреев), который около 33—36 гг. за христианскую проповедь в Иерусалиме был осужден судом Синедриона и побит камнями.

В год 6616 (1108). Заложена была церковь Святого Михаила, Златоверхая, Святополком-князем, 11 июля. И закончили трапезницу Печерского монастыря при Феоктисте-игумене,

который ее и заложил по повелению Глеба на его пожертвования[378]. В тот же год вода была велика в Днепре, и в Десне, и в Припяти. В том же году вложил Бог в сердце Феоктисту, игумену Печерскому, и стал говорить князю Святополку, чтобы вписал Феодосия в синодик[379]. И тот, обрадовавшись, обещал и исполнил, повелел митрополиту вписать его в синодик. И повелел вписывать его по всем епископиям, и все епископы с радостью вписали, и повелел поминать его на всех соборах. В тот же год преставилась Екатерина, дочь Всеволода, месяца июля в 11-й день. В тот же год кончили верх Святой Богородицы на Клове[380], заложенной Стефаном, игуменом Печерским.

Синодальный список Новгородской Первой летописи дополнительно сообщает под этим годом: «Прѣставися архиепископъ Новъгородьскый Никита, мѣсяця генваря въ 30; а на весну почаша пьсати Святую Софию, стяжяниемъ святаго владыкы». В Софийской Первой уточнение места погребения новгородского епископа Никиты: «въ Святѣй Софии въ Акимѣ и Аннѣ» (т. е. в приделе Иоакима и Анны).

В год 6617 (1109). Преставилась Евпраксия, дочь Всеволода, месяца июля в 10-й день, и положена была в Печерском монастыре у дверей, которые к югу. И сделали над ней божницу, там, где лежит тело ее. В тот же год, месяца декабря во 2-й день, Дмитр Иворович захватил вежи половецкие у Дона. [В Ипатьевской летописи добавлено после этих слов: «1000 вѣжь взя, послани Володимеромъ княземъ». Никоновская летопись помещает под этим годом следующий легендарный рассказ: «Явися въ Киевѣ на церкви Святаго архангела Михаила Златоверхаго птица незнаема: величествомъ бѣ со овна, и сиаше всякими цвѣты, и пѣсни беспрестанно, и много сладости имуще, изношашеся отъ неа; и сѣдѣ на церкви той 6 дний и отлетѣ, и никто же нигдѣ же можаше видѣти еа къ тому». Внимание составителя Никоновской летописи здесь и под предшествующим годом к Михаиловскому Златоверхому монастырю примечательно.]

В год 6618 (1110). По весне ходили на половцев Святополк, и Владимир, и Давыд. И, дойдя до Воиня, воротились[381]. В тот же год было знаменье в Печерском монастыре, в 11-й день февраля

месяца: явился столп огненный от земли до неба, а молния осветила всю землю, и в небе прогремело в первый час ночи, и все люди видели это. Этот же столп сперва стал над трапезницей каменной, так что не видно было креста, и, постояв немного, перешел на церковь, и стал над гробом Феодосиевым, и потом перешел на верх церкви, как бы к востоку лицом, а потом стал невидим. Но то был не огненный столп, а явление ангельское: ибо ангел так является – иногда столпом огненным, иногда пламенем.

В Ипатьевской летописи под этим годом (1110) читается следующее добавление, восходящее к третьей редакции «Повести временных лет»: «Того же лѣта пришедше, половци воеваша около Переяславля по селомъ. Того же лѣта взяша половци идучи назад много селъ». В. Н. Татищев читает это место «по Семи» (*Татищев В. Н.* История российская с самых древнейших времен. Кн. 2. С. 206).

В Хлебниковском списке Ипатьевской летописи вместо «идучи назад много селъ» читается: «полон у Чючина». Синодальный список Новгородской Первой летописи под этим годом сообщает: «Приде архипископъ Иоанн въ Новъгородъ мѣсяця декабря въ 20» (то же известие и во многих других новгородских летописях).

[…]

Игумен Сильвестр Святого Михаила[382] написал книгу эту, летописец, надеясь от Бога милость получить, при князе Владимире, когда княжил он в Киеве, а я в то время игуменствовал у Святого Михаила в 6624 (1116) году, индикта в 9-й год. А кто читает книги эти – помолись за меня.

[Продолжение по Ипатьевской летописи]

[…]

В год 6619 (1111)[383]. Вложил Бог Владимиру мысль в сердце понудить брата его Святополка пойти на язычников весною. Святополк же поведал дружине своей речь Владимира. Дружина же сказала: «Не время теперь губить смердов, оторвав их от пашни». И послал Святополк к Владимиру, говоря: «Нам бы следовало съехаться и подумать о том с дружиной». Посланцы же пришли к Владимиру и передали слова Святополка. И пришел Владимир, и собрались на Долобске. И сели думать в одном шатре Святополк с своею дружиною, а Владимир со своею. И после молчания сказал Владимир: «Брат, ты старше меня, говори

первый, как бы нам позаботиться о Русской земле». И сказал Святополк: «Брат, уж ты начни». И сказал Владимир: «Как я могу говорить, а против меня станет говорить твоя дружина и моя, что он хочет погубить смердов и пашню смердов. Но то мне удивительно, брат, что смердов жалеете и их коней, а не подумаете о том, что вот весной начнет смерд этот пахать на лошади той, а половчин, приехав, ударит смерда стрелой и заберет лошадь ту и жену его, и гумно его подожжет. Об этом-то почему не подумаете?»

И сказала вся дружина: «Впрямь, воистину так оно и есть». И сказал Святополк: «Теперь, брат, я готов (идти на половцев) с тобою». И послали к Давыду Святославичу, веля ему выступать с ними. И поднялись со своих мест Владимир и Святополк и попрощались, и пошли на половцев Святополк с сыном своим Ярославом, и Владимир с сыновьями, и Давыд с сыном. И пошли, возложив надежду на Бога и на Пречистую Матерь Его, и на святых ангелов Его. И выступили в поход во второе воскресенье Великого поста, а в пятницу были на Суле. В субботу они достигли Хорола, и тут сани побросали. А в то воскресенье пошли, когда крест целуют. Пришли на Псел, и оттуда перешли и стали на Голте[384]. Тут подождали воинов, и оттуда двинулись на Ворсклу и там на другой день, в среду, крест целовали, и возложили всю надежду свою на крест, проливая обильные слезы. И оттуда прошли через много рек в шестую неделю поста. И прошли к Дону во вторник. И оделись в броню, и построили полки, и пошли к городу Шаруканю[385].

И князь Владимир, едучи перед войском, приказал попам петь тропари, и кондаки Креста Честного, и канон Святой Богородицы. И поехали они к городу вечером, и в воскресенье вышли горожане из города к князьям русским с поклоном, и вынесли рыбы и вино[386]. И переспали там ночь. И на другой день, в среду, пошли к Сугрову[387] и подожгли его, а в четверг пошли на Дон; в пятницу же, на другой день, 24 марта, собрались половцы, построили полки свои и пошли в бой. Князья же наши возложили надежду свою на Бога и сказали: «Здесь нам смерть, да станем твердо». И прощались друг с другом и, обратив очи к небу, призывали Бога Вышнего. И когда сошлись обе стороны и была битва жестокая. Бог Вышний обратил взор Свой на иноплеменников с гневом, и стали они падать перед христианами. И так побеждены были иноплеменники, и пало множество врагов, наших супостатов, перед русскими князьями и воинами на потоке Дегея. И помог Бог русским князьям. И воздали они хвалу Богу в тот день.

И наутро, в субботу, праздновали Лазарево воскресенье,

Благовещенья день, и, воздав хвалу Богу, проводили субботу, и воскресенья дождались. В понедельник же Страстной недели вновь иноплеменники собрали многое множество полков своих и выступили, точно великий лес, тысячами тысяч. И обложили полки русские. И послал Господь Бог ангела в помощь русским князьям. И двинулись половецкие полки и полки русские, и сразились полк с полком, и, точно гром, раздался треск сразившихся рядов. И битва лютая завязалась между ними, и падали люди с обеих сторон. И стали наступать Владимир с полками своими и Давыд, и, видя это, обратились половцы в бегство. И падали половцы перед полком Владимировым, невидимо убиваемые ангелом[388], что видели многие люди, и головы летели на землю, невидимо отрубаемые. И побили их в понедельник Страстной месяца марта 27.

Избито было иноплеменников многое множество на реке Салнице. И спас Бог людей Своих, Святополк же, и Владимир, и Давыд прославили Бога, давшего им победу такую над язычниками, и взяли полона много, и скота, и коней, и овец, и пленников много захватили руками. И спросили пленников, говоря: «Как это вас такая сила и такое множество не могли сопротивляться и так быстро обратились в бегство?» Они же отвечали, говоря: «Как можем мы биться с вами, когда какие-то другие ездили над вами в воздухе с блестящим и страшным оружием и помогали вам?» Это только и могут быть ангелы, посланные от Бога помогать христианам. Это ведь ангел вложил в сердце Владимиру Мономаху мысль поднять братию свою, русских князей, на иноплеменников. Это ведь, как мы сказали выше, видение видели в Печерском монастыре, будто стоял столп огненный над трапезницей, затем перешел на церковь и оттуда к Городцу, а там был Владимир в Радосыни. Вот тогда-то и вложил ангел Владимиру намерение идти в поход, и Владимир начал побуждать князей, как уже говорили.

[…]

Так вот и теперь, с Божией помощью, по молитвам Богородицы и святых ангелов, возвратились русские князья восвояси со славой великою, разнесшейся ко всем людям, так и по всем дальним странам, то есть к грекам, венграм, полякам и чехам, даже и до Рима дошла она, на славу Богу, всегда ныне и вечно и во веки веков, аминь.

В тот же год скончалась вдова Всеволодова, октября в 7-й день, и положена была у Святого Андрея в монастыре. Того же лета скончался Иоанн, епископ Черниговский, ноября 23.

В год 6620 (1112). Индикта 5. Ярослав, сын Святополка, ходил на ятвягов и победил их; и, возвратясь с войны, послал в

Новгород, и взял себе в жены дочь Мстиславову, внучку Владимирову, мая 12, а приведена была июня 29. В том же году повели Евфимию Владимировну в Венгрию за короля[389]. В том же году скончался Давыд Игоревич месяца мая 25-го, и погребено тело его 29-го в церкви святой Богородицы Влахернской на Клове[390]. В том же году скончалась Янка, дочь Всеволода, сестра Владимира, ноября 3-го и погребена была в церкви Святого Андрея, которую создал отец ее[391]; там ведь она и постриглась, в той церкви, в девичестве.

На исходе же этого года поставили Феоктиста епископом в Чернигов, игумена Печерского, месяца января 12, а посажен на стол 19 января. И рады были этому князь Давыд и княгиня, ибо был он ей отец духовный, и бояре, и все люди радовались; ибо перед ним был епископ больной, не мог служить и пролежал в болезни лет 25; потому-то князь и люди ждали епископской службы и теперь радовались, славя Бога. Так же оно было и с братией, оставшейся без игумена: собралась тогда вся братия и назвала себе игуменом Прохора-попа, и возвестила о нем митрополиту и князю Святополку. И повелел князь митрополиту поставить его с радостью игуменом. И поставлен он был на Масленой неделе в четверг, февраля 9. И так вступила в пост братия с игуменом.

В год 6621 (1113)[392]. Явилось знаменье на солнце в 1 час дня. Было видно всем людям: осталось от солнца мало, вроде как месяц вниз рогами, марта в 19-й день, а луны – в 29-й[393]. Это бывают знаменья не к добру; бывают знаменья с солнцем или с луною, или со звездами не по всей земле, но, если в какой стране будет знаменье, та его и видит, а другая не видит. […] Так же бывшее в солнце знаменье предзнаменовало Святополкову смерть. После этого знаменья приспел праздник Пасхи, и праздновали его; а после праздника разболелся князь. А скончался благоверный князь Михаил, которого звали Святополком, месяца апреля в 16-й день за Вышгородом, привезли его в ладье в Киев, и привели в надлежащий вид тело его, и возложили на сани. И плакали по нему бояре и дружина его вся; отпев над ним полагающиеся песни, похоронили в церкви Святого Михаила, которую он сам построил.

Княгиня же (жена) его щедро разделила богатство его по монастырям, и попам, и убогим, так что дивились люди, ибо такой щедрой милостыни никто не может сотворить. После того на десятый день устроили киевляне совет, послали к Владимиру (Мономаху), говоря: «Пойди, князь, на стол отчий и дедов». Услышав это, Владимир много плакал и не пошел (в Киев), горюя по брате. Киевляне же разграбили двор Путяты-тысяцкого, напали

на евреев, разграбили их имущество. И послали вновь киевляне к Владимиру, говоря: «Пойди, князь, в Киев; если же не пойдешь, то знай, что много зла произойдет, это не только Путятин двор или сотских, но и евреев пограбят, а еще нападут на невестку твою, и на бояр, и на монастыри, и будешь ты ответ держать, князь, если разграбят и монастыри». Услышав это, Владимир пошел в Киев.

Начало княжения Владимира, сына Всеволодова

Владимир Мономах сел в Киеве в воскресенье. Встречали же его митрополит Нифонт с епископами и со всеми киевлянами с честью великой. Сел он на столе отца своего и дедов своих, и все люди были рады, и мятеж утих. Когда же услышали половцы о смерти Святополка, собрались они и пришли к Выру[394]. Владимир же, собрав сыновей своих и племянников, пошел к Выру и соединился с Олегом, половцы же бежали.

Речь идет здесь о стеклянных «глазчатых» бусинах, которые вымывались Волховом из древнейшего культурного слоя города Ладоги.

Стеклянные разноцветные украшения (бусы, браслеты и т. п.) — распространеннейшее украшение населения городов Древней Руси. Изготовлялись они в русских мастерских (*Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 152—155). Ладога уже в начале XII в. насчитывала несколько веков своего существования. Как доказано раскопками 1947—1949 гг. В. И. Равдоникаса, Ладога как поселение существовала уже в VIII в. н. э. Перед нами, следовательно, в этом рассказе летописца — древнейшее свидетельство об «археологических находках» на территории Руси.

(Существует гипотеза, что глазчатые бусы, которые изготавливались в Ладоге, являются первыми русскими деньгами.— *Ред.*)

В том же году посадил (Владимир) сына своего Святослава в Переяславле, а Вячеслава в Смоленске. В тот же год скончалась игуменья Лазарева монастыря, святой жизни, сентября 14, прожив шестьдесят лет в чернечестве, а всего от рожденья девяносто два. В этот же год взял Владимир замуж за сына своего Романа дочь Володаря, сентября 11. В этот же год Мстислав заложил церковь каменную Святого Николы на княжом дворе, у Торговища в Новгороде[395]. В том же году посадил (Владимир) сына своего Ярополка в Переяславле. В том же году поставили епископа Даниила в Юрьев, а в Белгороде Никиту.

В год 6622 (1114). Скончался Святослав, сын Владимиров,

марта 16 и погребен был в Переяславле в церкви Святого Михаила; там ведь отец ему дал стол, выведя его из Смоленска. В тот же год Мстислав заложил (город) в Новгороде больше прежнего. В тот же год заложена была Ладога из камня на насыпи Павлом-посадником, при князе Мстиславе. Когда я пришел в Ладогу, поведали мне ладожане, что «здесь, когда бывает туча великая, находят дети наши глазки стеклянные, и маленькие и крупные, проверченные, а другие подле Волхова собирают, которые выплескивает вода». Этих я взял более ста, все различные.

Святослав Ярославич (1027—1076) с семьей.
Миниатюра из «Изборника» Святослава. 1073 г.

[…]

В год 6623 (1115)[396], индикта 8, собрались братья, русские князья, Владимир, называемый Мономахом, сын Всеволодов, и Давыд Святославич и Олег, брат его, и решили перенести мощи Бориса и Глеба, ибо построили им церковь каменную, в похвалу и в честь и для погребения тел их. Сначала они освятили церковь каменную мая 1, в субботу; потом же, во 2-й день, перенесли

святых. И было сошествие великое народа, сшедшегося отовсюду: митрополит Никифор со всеми епископами – с Феоктистом Черниговским, с Лазарем Переяславским, с попом белогородским Никитою и с юрьевским Данилою, – и с игуменами – с Прохором Печерским и Сильвестром Святого Михаила, – и Сава Святого Спаса, и Григорий Святого Андрея, Петр Уловский и прочие игумены. И освятили церковь каменную. И, отпев им обедню, обедали у Олега и пили, и было выставлено угощение великое, и накормили нищих и странников в течение трех дней.

И вот на следующий день митрополит, епископы, игумены, облачившись в святительские ризы и возжегши свечи, с кадилами благовонными, пришли к ракам святых и взяли раку Борисову, и поставили ее на возила, и поволокли их за веревки князья и бояре; впереди шли чернецы со свечами, за ними попы, и игумены, и епископы перед самою ракою, а князья шли с ракою между переносными оградами. И нельзя было везти из-за множества народа: поломали переносную ограду, а иные забрались на городские стены и помосты, так что страшно было смотреть на такое множество народа. И повелел Владимир нарезанные куски паволоки, беличьи шкурки разбрасывать народу, а в других местах бросать серебряные монеты людям, сильно налегавшим; и легко внесли раку в церковь, но с трудом поставили раку посреди церкви, и пошли за Глебом. Таким же способом и его привезли и поставили рядом с братом.

И произошла ссора между Владимиром, с одной стороны, и Давыдом и Олегом, с другой: Владимир хотел раки поставить посреди церкви и терем серебряный поставить над ними, а Давыд и Олег хотели поставить их под сводом, «где отец мой наметил», на правой стороне, где и устроены были им своды. И сказали митрополит и епископы: «Киньте жребий, и, где угодно будет мученикам, там их и поставим», и князья согласились. И положил Владимир свой жребий, а Давыд и Олег свой жребий на святую трапезу; и вынулся жребий Давыда и Олега. И поставили их под свод тот, на правой стороне, где и теперь лежат. Принесены же были святые мученики, 2 мая, из деревянной церкви в каменную в Вышгороде. Слава они князей наших и заступники земли Русской, ибо славу мира этого они попрали, а Христа возлюбили, по стопам его решились идти.

Овцы Христовы добрые, они не противились, когда влекли их на заклание, не уклонились от насильственной смерти! Потому-то и с Христом воцарились в вечной радости и дар исцеления приняли от Спаса нашего Иисуса Христа, обильно подавая это исцеление больным, с верою приходящим во святой храм их, поборников отечества своего. Князья же, и бояре, и все люди

праздновали три дня, и воздали Богу и святым мученикам. И затем разъехались каждый восвояси. Владимир же оковал раки серебром и золотом и украсил гробы их, также и своды оковал серебром и золотом, и поклоняются им люди, прося прощения грехов.

В тот же год было знамение: погибло солнце и стало как месяц, про который невежды говорят – объеденное солнце[397]. В тот же год скончался Олег Святославич, месяца августа в первый день, а во второй был погребен у Святого Спаса, у гроба отца своего Святослава. В том же году (Владимир) построил мост через Днепр.

В год 6624 (1116). Ходил Владимир походом на Глеба (Всеславича), Глеб ведь воевал с дреговичами, Случеск пожег[398], и не каялся в этом и не выражал покорности, но еще больше перечил Владимиру, укоряя его. Владимир же, надеясь на Бога и на правду, пошел к Минску с сыновьями своими, и с Давыдом Святославичем, и Ольговичами. И взял Вячеслав Оршу и Копысу, а Давыд с Ярополком взяли Дрютск на щит, а Владимир сам пошел к Смоленску; и затворился Глеб в городе. Владимир же начал ставить избу в своей стоянке против города. Глеб же, увидев это, пришел в ужас и стал слать к Владимиру послов с мольбами. Владимир же пожалел проливать кровь в дни Великого поста и помирился с ним. Глеб же, выйдя из города с детьми и с дружиною, поклонился Владимиру, и договорились с ним о мире, и обещался Глеб во всем слушаться Владимира.

Владимир же, дав мир Глебу и дав ему наставление обо всем, дал ему Минск, а сам возвратился в Киев. Ярополк же построил деревянный город Желди для дрючан, которых он взял в плен. В этот же год Мстислав Владимирович ходил на Чудь с новгородцами и псковичами, и взял город чудской по имени Медвежья Голова, и погостов бесчисленное множество взяли, и возвратились домой с большой добычей. В этот же год ходил Леон-царевич, зять Владимира, на Алексея-царя, и сдалось ему несколько дунайских городов; и в Дерестре-городе хитростью убили его два сарацина, подосланные царем, месяца августа 15. В тот же год князь великий Владимир послал Ивана Войтишича, и тот посажал посадников по Дунаю[399]. В тот же год послал Владимир сына своего Ярополка, а Давыд сына своего Всеволода на Дон, и взяли они три города: Сугров, Шарукан и Балин.

Тогда же Ярополк взял себе жену очень красивую – пленную дочь ясского князя. В том же году и Предслава, монахиня, дочь Святослава, скончалась. В том же году ходил Вячеслав на Дунай с Фомою Ратиборичем и, придя к Дерестру, не успели ни в чем, вернулись обратно. В тот же год был бой (у Владимира) с

половцами, и с торками, и с печенегами у Дона, и бились два дня и две ночи, и пришли на Русь к Владимиру торки и печенеги[400]. В тот же год скончался Роман Всеславич. В тот же год скончался Мстислав, внук Игорев. В том же году Владимир выдал дочь свою Агафью за Всеволодка.

В год 6625 (1117)[401]. Привел Владимир Мстислава из Новгорода, и дал ему отец Белгород, а в Новгороде сел Мстиславич, сын его, внук Владимиров. В том же году ходил Владимир на Ярослава к городу Владимиру, с Давыдом и Ольговичами, и Володарем, и Васильком, и окружили они его во Владимире, и стояли дней шестьдесят, и заключили мир с Ярославом. Когда Ярослав покорился и ударил челом дяде своему Владимиру, Владимир дал ему наказ обо всем, повелев ему приходить к нему, «когда тебя позову». И так мирно разошлись всяк восвояси.

Тогда приходили половцы к болгарам, и выслал им князь болгарский питье с отравою, и, выпив, Аепа и прочие князья половецкие все умерли. В том же году скончался Лазарь, епископ пПереяславский, сентября 6. В том же году пришли беловежцы на Русь. В тот же год взял Владимир за Андрея внучку Тугорканову. В тот же год тряслась земля, сентября 26. В том же году вывел Глеба из Минска Владимир, и церковь заложил на Льте мученику[402]… Владимир же послал сына Романа во Владимир княжить. В том же году умер царь Алексей, и воцарился сын его Иоанн[403].

Приложение 2

С. М. Соловьев

ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

Приложение 2. С. М. Соловьев. ИСТОРИЯ РОССИИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН

Том 2. Глава 2. События при жизни сыновей Ярослава I (1054–1093)[404]

Линии Рюрикова рода, Изяславичи и Ярославичи. – Распоряжения последних насчет своих волостей. – Движения Ростислава Владимировича и гибель его. – Движения Всеслава Полоцкого и плен его. – Нашествие половцев. – Поражение Ярославичей. – Восстание киевлян и бегство великого князя Изяслава из Киева. – Возвращение его и вторичное изгнание. – Вторичное возвращение Изяслава и смерть его в битве против обделенных племянников. – Характер первых усобиц. – Княжение Всеволода Ярославича в Киеве. – Новые движения обделенных князей. – Усобицы на Волыни. – Борьба с Всеславом Полоцким. – Смерть великого князя Всеволода Ярославича. – Печальное состояние Руси. – Борьба с половцами, торками, финскими и литовскими племенами, болгарами, поляками. – Дружина Ярославичей.

По смерти Ярослава I княжение целым родом надолго утвердилось в Руси; в то время области, занятые первыми варяго-русскими князьями, разделялись между двумя линиями, или *племенами* Рюрикова рода: первую линию составляло потомство Изяслава, старшего сына св. Владимира. Мы видели, что этому Изяславу отец отдал Полоцкое княжество, волость деда его по матери Рогволода. Изяслав умер при жизни отца, не будучи старшим в роде, или великим князем, следовательно, потомство его не могло двигаться к старшинству, менять волость и потому должно было ограничиться одною Полоцкою волостью, которая утверждена за ним при Ярославе[405]. Вторую линию составляло потомство Ярослава Владимировича, которое и начало владеть всеми остальными русскими областями. По смерти Ярослава осталось пять сыновей: старший из них, Изяслав, стал к прочим братьям в отца место; младшие братья были: Святослав, Всеволод, Вячеслав, Игорь; у них был еще племянник Ростислав, сын

старшего Ярославича, Владимира; этот Ростислав также, вследствие преждевременной смерти отца, не мог надеяться получить старшинство; он сам и потомство его должны были ограничиться одною какою-нибудь волостью, которую даст им судьба или старшие родичи.

Ярославичи распорядились так своими родовыми волостями: четверо старших поместились в области Днепровской, трое – на юге: Изяслав – в Киеве, Святослав – в Чернигове, Всеволод – в Переяславле, четвертый, Вячеслав, поставил свой стол в Смоленске, пятый, Игорь, – во Владимире-Волынском. Что касается до отдаленнейших от Днепра областей на севере и востоке, то видим, что окончательно Новгород стал в зависимости от Киева; вся область на восток от Днепра, включительно до Мурома, с одной стороны, и Тмутаракани, с другой, стала в зависимости от князей черниговских; Ростов, Суздаль, Белоозеро и Поволжье – от князей переяславских. Мы сказали «окончательно», потому что Белоозеро, например, принадлежало одно время Святославу; Ростов также не вдруг достался Всеволоду Переяславскому: Ярославичи отдали его сперва племяннику своему, Ростиславу Владимировичу. Так владело русскими областями Ярославово потомство. Но еще был жив один из сыновей св. Владимира, Судислав, 22 года томившийся в темнице, куда был посажен братом Ярославом. Племянники в 1058 году освободили забытого, как видно, бездетного и потому неопасного старика, взявши, однако, с него клятву не затевать ничего для них предосудительного. Судислав воспользовался свободою для того только, чтобы постричься в монахи, после чего скоро и умер, в 1063 году.

Ярослав, завещая сыновьям братскую любовь, должен был хорошо помнить поступки брата своего Святополка и как будто приписывал вражду между Владимировичами тому, что они были от разных матерей; последнее обстоятельство заставило Владимира предпочитать младших сыновей, а это предпочтение и повело к ненависти и братоубийству. Ярославичи были все от одной матери; Ярослав не дал предпочтения любимцу своему, третьему сыну Всеволоду, увещевал его дожидаться своей очереди, когда Бог даст ему получить старший стол после братьев правдою, а не насилием, и точно, у братьев долго не было повода к ссоре.

В 1056 году умер Вячеслав; братья перевели на его место в Смоленск Игоря Ярославича из Владимира-Волынского, а во Владимир-Волынский перевели из Ростова племянника Ростислава Владимировича. Игорь умер в Смоленске в 1060[406] году. Ростислав мог надеяться, что дядья переведут его туда, но

этого не последовало. Ростислав мог оскорбиться. Без надежды получить когда-либо старшинство, Ростислав, быть может, тяготился всегдашнею зависимостью от дядей; он был «добр на рати», говорит летописец; его манила Тмутаракань, то застепное приволье, где толпились остатки разноплеменных народов, из которых храброму вождю можно было набрать себе всегда храбрую дружину, где княжил [некогда] знаменитый Мстислав, откуда с воинственными толпами прикавказских народов приходил он на Русь и заставил старшего брата поделиться половиною отцовского наследства. Заманчива была такая судьба для храброго Ростислава, изгоя, который только оружием мог достать себе хорошую волость, и нигде, кроме Тмутаракани, не мог он добыть нужных для того средств.

Как бы то ни было, в 1064 году он убежал в Тмутаракань, и не один – с ним бежали двое родовитых известных людей – Порей и Вышата, сын Остромира, посадника новгородского: Изяслав, оставляя Новгород, посадил здесь вместо себя этого Остромира. Порей и Вышата были самые известные лица; но, как видно, около Ростислава собралось немалое число искателей счастья или недовольных; он имел возможность, пришедши в Тмутаракань, изгнать оттуда двоюродного брата своего, Глеба Святославича, и сесть на его место.

А. П. Рябушкин. Князь Глеб Святославич убивает волхва на Новгородском вече. *1898 г.*

Отец Глеба, Святослав, пошел на Ростислава; тот не хотел поднять рук на дядю и вышел из города, куда Святослав ввел опять сына своего; но как скоро дядя ушел домой, Ростислав вторично выгнал Глеба и на этот раз утвердился в Тмутаракани. Он стал ходить на соседние народы, касогов и других, и брать с них дань. Греки испугались такого соседа и подослали к нему корсунского начальника (котопана). Ростислав принял котопана без всякого подозрения и честил его, как мужа знатного и посла. Однажды Ростислав пировал с дружиною; котопан был тут и, взявши чашу, сказал Ростиславу: «Князь! хочу пить за твое здоровье», тот отвечал: «Пей». Котопан выпил половину, другую подал князю, но прежде дотронулся до края чаши и выпустил в нее яд, скрытый под ногтем; по его расчету князь должен был умереть от этого яда в осьмой день. После пира котопан отправился назад в Корсунь и объявил, что в такой-то день Ростислав умрет, что и случилось[407]: летописец прибавляет, что

этого котопана корсунцы побили камнями. Ростислав, по свидетельству того же летописца, был добр на рати, высок ростом, красив лицом и милостив к убогим. Место его в Тмутаракани занял опять Глеб Святославич.

Греки и русские князья избавились от храброго изгоя; но когда нечего было бояться с юго-востока, встала рать с северо-запада: там поднялся также потомок изгоя[408], Всеслав, князь полоцкий, немилостивый на кровопролитье, о котором шла молва, что рожден был от волхвованья. Еще при жизни Ростислава, быть может, пользуясь тем, что внимание дядей было обращено на юг, Всеслав начал враждебные действия: в 1065 году осаждал безуспешно Псков; в 1066 году, по примеру отца, подступил под Новгород, полонил жителей, снял колокола и у Св. Софии: «Велика была беда в тот час!» – прибавляет летописец: «и паникадила снял!»

Ярославичи – Изяслав, Святослав и Всеволод – собрали войско и пошли на Всеслава в страшные холода. Они пришли к Минску, жители которого затворились в крепости; братья взяли Минск, мужчин изрубили, жен и детей отдали на щит (в плен) ратникам и пошли к реке Немизе, где встретили Всеслава в начале марта; несмотря на сильный снег, произошла злая сеча, в которой много пало народу; наконец Ярославичи одолели, и Всеслав бежал. Летом, в июле месяце, Изяслав, Святослав и Всеволод послали звать Всеслава к себе на переговоры, поцеловавши крест, что не сделают ему зла; Всеслав поверил, переехал Днепр, вошел в шатер Изяслава и был схвачен; Изяслав привел его в Киев и посадил в заключение вместе с двумя сыновьями.

Казалось, что Ярославичи, избавившись от Ростислава и Всеслава, надолго останутся теперь спокойны; но вышло иначе. На небе явилась кровавая звезда, предвещавшая кровопролитие, солнце стояло как месяц, из реки Сетомли выволокли рыбаки страшного урода: не к добру все это, говорил народ, и вот пришли иноплеменники. В степях к востоку от Днепра произошло в это время обычное явление, господство одной кочевой орды сменилось господством другой; узы, куманы или половцы, народ татарского происхождения и языка, заняли место печенегов, поразивши последних. В первый год по смерти Ярослава половцы с ханом своим Болушем показались в пределах Переяславского княжества; но на первый раз заключили мир со Всеволодом и ушли назад в степи.

Ярославичи, безопасные пока с этой стороны и не занятые еще усобицами, хотели нанести окончательное поражение пограничным варварам, носившим название торков; до смерти

Ярослава I летописец не упоминал о неприязненных столкновениях наших князей с ними; раз только мы видели наемную конницу их в походе Владимира на болгар. Но в 1059 году Всеволод уже ходил на торков и победил их; потом в 1060 году трое Ярославичей вместе с Всеславом Полоцким собрали, по выражению летописца, войско бесчисленное и пошли на конях и в лодьях на торков. Торки, услыхавши об этом, испугались и ушли в степь, князья погнались за беглецами, многих побили, других пленили, привели в Русь и посадили по городам; остальные погибли в степях от сильной стужи, голода и мора. Но степи скоро выслали мстителей за торков. В следующий же год пришли половцы воевать на Русскую землю; Всеволод вышел к ним навстречу, половцы победили его, повоевали землю и ушли. То было первое зло от поганых и безбожных врагов, говорит летописец.

В 1068 году опять множество половцев пришло на Русскую землю; в этот раз все три Ярославича вышли к ним навстречу, на реку Альту, потерпели поражение и побежали: Изяслав и Всеволод – в Киев, Святослав – в Чернигов. Киевляне, возвратившись в свой город, собрали (15 сентября) вече на торгу и послали сказать князю: «Половцы рассеялись по земле: дай нам, князь, оружие и коней, хотим еще биться с ними». Изяслав не послушался; тогда народ стал против тысяцкого Коснячка: воевода городских и сельских полков, он не умел дать им победы; теперь не принимает их стороны, не хочет идти с ними на битву, отговаривает князя дать им оружие и коней.

Толпа отправилась с веча на гору, пришла на двор Коснячков, но не нашла тысяцкого дома; отсюда пошли ко двору Брячиславову, остановились здесь подумать, сказали: «Пойдем, высадим своих из тюрьмы», и пошли, разделившись надвое: половина отправилась к тюрьме, а другая – по мосту ко двору княжескому. Изяслав сидел на сенях с дружиною, когда толпа народу подошла и начала спор с князем; народ стоял внизу, а Изяслав разговаривал с ним из окна. Как видно, слышались уже голоса, что надобно искать себе другого князя, который бы повел народ биться с половцами, потому что один из бояр – Туки, брат Чудинов, сказал Изяславу: «Видишь, князь, люди взвыли: пошлика, чтоб покрепче стерегли Всеслава».

В это время другая половина народа, отворивши тюрьму, пришла также ко двору княжескому; тогда дружина начала говорить: «Худо, князь! пошли к Всеславу, чтоб подозвали его обманом к окошку и закололи». Изяслав на это не согласился, и чего боялась дружина, то исполнилось: народ с криком двинулся к Всеславовой тюрьме. Изяслав, увидав это, побежал с братом

Всеволодом с своего двора; а народ, выведши Всеслава из тюрьмы, поставил его середи двора княжеского, т. е. провозгласил князем, причем имение Изяслава все пограбили, взяли бесчисленное множество золота и серебра. Изяслав бежал в Польшу.

Между тем половцы опустошали Русь, дошли до Чернигова; Святослав собрал несколько войска и выступил на них к Сновску; половцев было очень много, но Святослав не оробел, выстроил полки и сказал им: «Пойдемте в битву! нам некуда больше деться». Черниговцы ударили, и Святослав одолел, хотя у него было только три тысячи, а у половцев 12 000; одни из них были побиты, другие потонули в реке Снове, а князя их русские взяли руками.

Уже семь месяцев сидел Всеслав в Киеве, когда весною 1069 года явился Изяслав вместе с Болеславом, королем польским, в русских пределах. Всеслав пошел к ним навстречу; но из Белгорода ночью, тайком от киевлян, бежал в Полоцк, вероятно, боясь стать между двух огней, потому что остальные Ярославичи не могли ему благоприятствовать в борьбе с Изяславом. Так, этому чародею удалось только дотронуться копьем до золотого стола киевского, и, «обернувшись волком, побежал он ночью из Белгорода, закутанный в синюю мглу». Киевляне, оставшись без князя, возвратились в свой город, собрали вече и послали сказать Святославу и Всеволоду Ярославичам: «Мы дурно сделали, что прогнали своего князя, а вот он теперь ведет на нас Польскую землю; ступайте в город отца вашего! если же не хотите, то нам нечего больше делать: зажжем город и уйдем в Греческую землю».

Святослав отвечал им: «Мы пошлем к брату: если пойдет с ляхами губить вас, то мы пойдем против него ратью, не дадим изгубить отцовского города; если же хочет прийти с миром, то пусть приходит с малою дружиною». Киевляне утешились, а Святослав и Всеволод послали сказать Изяславу: «Всеслав бежал; так не води ляхов к Киеву, противника у тебя нет; если же не перестанешь сердиться и захочешь погубить город, то знай, что нам жаль отцовского стола». Выслушавши речи братьев, Изяслав повел с собою только Болеслава да небольшой отряд поляков, а вперед послал в Киев сына своего Мстислава. Мстислав, вошедши в город, велел избить тех, которые освободили Всеслава, всего семьдесят человек, других ослепить, некоторые при этом погибли невинно. Когда сам Изяслав приблизился к городу, то киевляне встретили его с поклоном, и опять сел он на своем столе (2 мая). Поляки Болеслава II подверглись такой же участи, как и предки их, приходившие в Русь с Болеславом I: их распустили на покорм по волостям, где жители начали тайно убивать их, вследствие

чего Болеслав возвратился в свою землю. С известием о возвращении Изяслава летописец, по-видимому, связывает известие о том, что этот князь перевел торг с Подола на гору.

Казнивши тех киевлян, которые вывели из тюрьмы Всеслава, Изяслав не медлил вооружиться против последнего: выгнал его из Полоцка, посадил там сына своего Мстислава, а когда тот умер, то послал на его место другого сына, Святополка. Всеслав, сказано в летописи, бежал, но не прибавлено, куда; впрочем, это объясняется из следующего известия, что Всеслав в 1069 году явился перед Новгородом с толпами финского племени води, или вожан, среди которых, следовательно, нашел он убежище и помощь. В это время в Новгороде княжил Глеб, сын Святослава Черниговского, которого мы видели в Тмутаракани. Новгородцы поставили против вожан полк, и Бог пособил новгородцам: они задали вожанам страшную сечу, последних пало множество, а самого князя Всеслава новгородцы отпустили ради Бога.

И после этого поражения Всеслав не отказался от борьбы; к храброму князю отовсюду стекались богатыри; он успел набрать дружину, выгнал Святополка из Полоцка и, хотя был побежден другим Изяславичем у Голотичьска, однако, как видно, успел удержаться на отцовском столе. Изяслав завел с ним переговоры – о чем, неизвестно; известно только то, что эти переговоры послужили поводом ко вторичному изгнанию Изяслава, теперь уже родными братьями. Это вторичное изгнание необходимо имеет связь с первым: Изяслав возвратился в Киев под условиями, которые предписали ему братья; в городе не могли любить Изяслава и в то же время не могли не питать расположения к Святославу, который сдержал гнев брата, который с горстью дружины умел поразить толпы половцев, очистить от них Русь.

Сын Изяслава, Мстислав, казнил киевлян, освободивших Всеслава, виновных вместе с невинными, но тем дело еще не кончилось; гонения продолжались, и гонимые находили убежище в Чернигове у Святослава. Так, св. Антоний, основатель Печерского монастыря, подвергнувшийся гневу великого князя как приятель Всеслава, был ночью взят и укрыт в Чернигове Святославом. Если бы даже Святослав делал это единственно из любви и уважения к святому мужу, то Изяслав, с своей стороны, не мог не оскорбиться приязнию брата к человеку, в котором он видел врага своего.

Эти обстоятельства должны были возбуждать в Святославе властолюбивые замыслы, питать надежду на их успех, а в Изяславе возбуждать вражду к брату; и вот между Ярославичами началась вражда: они не ходят уже вместе в походы, как ходили прежде; Изяслав один воюет с Всеславом, один вступает с ним в

переговоры; по самой природе отношений между князьями последний поступок Изяслава должен был возбудить негодование и подозрение в братьях; Святослав начал говорить Всеволоду: «Изяслав сносится с Всеславом, на наше лихо; если не предупредим его, то прогонит он нас», – и успел возбудить Всеволода на Изяслава. Летописец обвиняет во всем Святослава, говорит, что он хотел больше власти, обманул Всеволода; как бы то ни было, младшие братья вооружились против старшего; Изяслав в другой раз принужден был выйти из Киева, где сел Святослав, отдавши Всеволоду Черниговскую волость; что в Киеве все были за Святослава, доказывает удаление Изяслава без борьбы; летописец говорит, что Святослав и Всеволод сели сперва на столе в селе Берестове и потом уже, когда Изяслав выехал из Киева, Святослав перешел в этот город.

Изяслав с сыновьями отправился опять в Польшу; как видно, на этот раз он вышел из Киева не торопясь, успел взять с собою много имения; он говорил: «С золотом найду войско», позабывши слова деда Владимира, что с дружиною добывают золото, а не с золотом дружину. Изяслав роздал польским вельможам богатые подарки; они подарки взяли, но помощи не дали никакой, и даже выслали его из своей страны.

Чтоб объяснить себе это явление, мы должны бросить взгляд на состояние западных славянских государств в это время. Мы видели, что вмешательство Болеслава Храброго в дела Богемии кончилось так же неудачно для него, как и вмешательство в споры между русскими князьями. Поляки были изгнаны из Богемии, родные князья – Яромир и Олдрих стали княжить в стране, но недолго княжили мирно. Олдрих, по словам старой чешской песни, был «воин славный, в которого Бог вложил и мочь и крепость, в буйную голову дал разум светлый». В 1012 году он выгнал Яромира, за что – не знает ни песня, ни летопись. Императору Конраду II не нравилось, однако, единовластие у чехов: не раз вызывал он Олдриха к себе, и когда тот, наконец, явился к нему, то был заточен в Регенсбург.

Яромир начал опять княжить в Богемии сообща с племянником Брячиславом, сыном Олдриховым, а между тем император предложил своему пленнику возвратиться на родину и княжить там вместе с старшим братом; Олдрих присягнул, что уступит брату половину земли, но как скоро возвратился домой, то велел ослепить Яромира. По смерти Олдриха единовластителем земли стал сын его Брячислав I. Мы видели, как этот деятельный князь воспользовался невзгодою Польши по смерти Болеслава Храброго и расширил свои владения на счет Пястов, за что и слывет восстановителем чешской славы. По

смерти Брячислава I в Богемии мы встречаем такие же явления, какие видим и у нас на Руси с того же самого времени, именно с 1054 года, со смерти Ярослава I: мы видим, что и в Богемии начинает владеть целый род княжеский с переходом главного стола к старшему в целом роде.

Корона Конрада II. *XI в.*

По смерти Брячислава I великим князем, т. е. старшим в роде (Dux principalis), становится старший сын его Спитигнев II; остальные Брячиславичи были: Вратислав, Конрад, Яромир и Оттон. Как у нас Ярославичи, так и в Богемии Брячиславичи недолго жили в согласии: второй Брячиславич, Вратислав, должен был сначала искать убежища в Венгрии от преследований старшего брата; однако после, помирившись с последним, возвратился на родину и в 1061 году наследовал в старшинстве Спитигневу. По смерти Вратислава II, по известному обычаю,

мимо сыновей его, наследовал старшинство брат его Конрад I, но княжил только восемь месяцев: это был последний из Брячиславичей, и по смерти его, в 1092 году, выступает второе поколение, внуки Брячислава I. В Польше Казимиру Восстановителю (Restaurator) наследовал в 1058 году сын его Болеслав II Смелый. За два года перед тем умер император Генрих III; смуты, последовавшие во время малолетства сына и преемника его Генриха IV, потом борьба этого государя с немецкими князьями и с Папою надолго освободили Польшу от влияния Империи, и Болеслав Смелый, пользуясь этою свободою, имел возможность с честью и выгодою для Польши установить свои отношения к соседним странам.

Мы видели, что с его помощью Изяслав получил опять Киев; с помощью же Болеслава успел овладеть престолом и венгерский король Бела, сыновья которого удержались в Венгрии также благодаря польскому оружию. С чехами Болеслав вел почти постоянную войну: в то время как наш Изяслав вторично явился к польскому двору (1075), Болеслав воевал с Вратиславом Чешским, который находился в тесном союзе с императором Генрихом IV; очень вероятно, что эти обстоятельства не позволяли Болеславу подать помощь русскому князю, который, будучи принужден оставить Польшу, принял совет деда, маркграфа саксонского, и поехал в Майнц просить заступления у врага Болеславова, императора Генриха IV.

Таким образом, княжеские междоусобия на Руси доставляли случай немецкому императору распространить свое влияние и на эту страну: но, во-первых, благодаря отдаленности Руси это влияние не могло никогда быть очень сильно; во-вторых, обстоятельства, в которых находился теперь император, были такого рода, что помогли даже и Польше высвободиться из-под его влияния. Приняв от Изяслава богатые дары, Генрих IV послал к Святославу с требованием возвратить Киев старшему брату и с угрозою войны в случае сопротивления. Разумеется, что дело должно было и ограничиться одною угрозою.

Летописец говорит, что когда немецкие послы пришли к Святославу, то он, желая похвастать перед ними, показал им свою казну, и будто бы послы, увидав множество золота, серебра и дорогих тканей, повторили старые слова Владимира Святого: «Это ничего не значит, потому что лежит мертво: дружина лучше, с нею можно доискаться и больше этого». Летопись прибавляет, что богатство Святослава, подобно богатству Езекии, царя иудейского, рассыпалось розно по смерти владельца. Из этих слов летописца можно видеть, что современники и ближайшие потомки с неудовольствием смотрели на поведение старших

Ярославичей, которые не следовали примеру деда и копили богатства, полагая на них всю надежду, тогда как добрый князь, по господствовавшему тогда мнению, не должен был ничего скрывать для себя, но все раздавать дружине, при помощи которой он никогда не мог иметь недостатка в богатстве.

Если Изяслав обратился за помощью к императору Генриху IV, врагу Болеслава Смелого, то Святослав по единству выгод должен был спешить заключением союза с польским князем, и точно мы видим, что молодые князья – Олег Святославич и Владимир Всеволодович – ходили на помощь к полякам и воевали чехов, союзников императорских.

Изяслав, не получив успеха при дворе Генриха, обратился к другому владыке Запада, Папе Григорию VII, и отправил в Рим сына своего с просьбою возвратить ему стол властию св. Петра: как в Майнце Изяслав обещал признать зависимость свою от императора, так в Риме сын его обещал подчиниться апостольскому престолу. Следствием этих переговоров было то, что Григорий писал к Болеславу с увещанием отдать сокровища, взятые у Изяслава. Быть может, Папа уговаривал также польского князя подать помощь Изяславу против братьев, которую тот, наконец, и действительно подал.

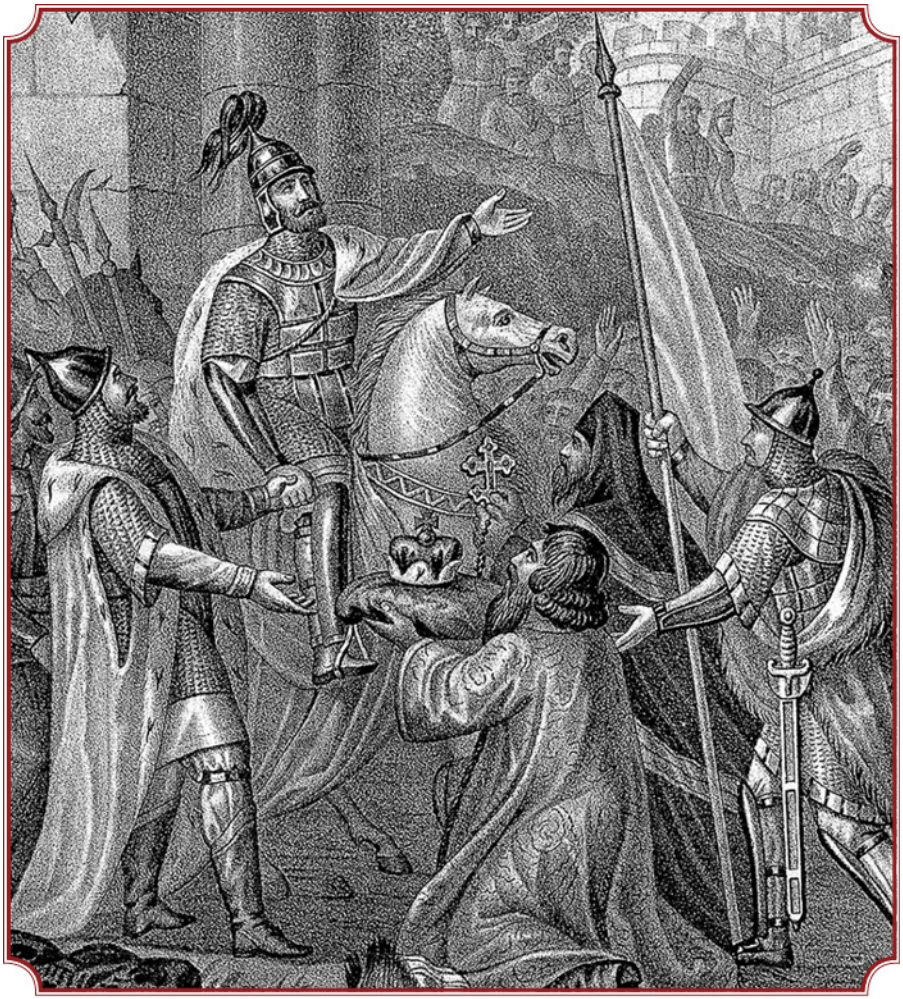
Для объяснения этого поступка мы не нуждаемся, впрочем, в предположении о папских увещаниях: есть известие, которое одно объясняет его совершенно удовлетворительно. По этому известию, чешский князь Вратислав, узнав о союзе Болеслава с младшими Ярославичами, о движении Олега и Владимира к чешским границам, прислал к Болеславу просить мира и получил его за 1000 гривен серебра. Болеслав послал сказать об этом Олегу и Владимиру, но те велели отвечать ему, что не могут без стыда отцам своим и земле возвратиться назад, ничего не сделавши, пошли вперед взять свою честь и ходили в земле Чешской четыре месяца, т. е. опустошали ее: Вратислав Чешский прислал и к ним с предложением о мире; русские князья, взявши свою честь и 1000 гривен серебра, помирились.

Нет сомнения, что этот поступок рассердил Болеслава, который потому и решился помочь в другой раз Изяславу. Между тем умер Святослав, в 1076 году. Всеволод сел на его место в Киеве зимою, а на лето должен был выступить против Изяслава, который шел с польскими полками; на Волыни встретились братья и заключили мир: Всеволод уступил Изяславу старшинство и Киев, а сам остался по-прежнему в Чернигове. Помощь поляков не могла быть бескорыстна, и потому очень вероятны известия, по которым Изяслав поплатился за нее Червенскими городами.

Мир между Ярославичами не принес мира Русской земле:

было много племянников, которые хотели добыть себе волостей. Всеслав Полоцкий не хотел сидеть спокойно на своем столе, начал грозить Новгороду, как видно, пользуясь смертию Святослава и предполагаемою усобицею между Изяславом и Всеволодом. Сын последнего, Владимир, ходил зимою 1076 года к Новгороду на помощь его князю Глебу, без сомнения, против Всеслава. Летом, после примирения и ряда с Изяславом, Всеволод вместе с сыном Владимиром ходил под Полоцк; а на зиму новый поход: ходил Мономах с двоюродным братом своим, Святополком Изяславичем, под Полоцк и обожгли этот город; тогда же Мономах с половцами опустошил Всеславову волость до Одрьска; здесь в первый раз встречаем известие о наемном войске из половцев для междоусобной войны.

На северо-западе нужно было постоянно сторожить чародея Всеслава; а с юго-востока начали грозить новые войны, и не от одних степных варваров, но от обделенных князей, которые приводили последних. Мы видели, что, кроме Владимира Новгородского, умерли еще двое младших Ярославичей, Вячеслав и Игорь, оставя сыновей, которым, по обычаю, отчин не дали и другими волостями не наделили; изгои подросли и стали сами искать себе волостей. В то время как Святослав умер, а Всеволод выступил против Изяслава, Борис, сын Вячеслава Смоленского, воспользовался удалением дяди и сел в Чернигове; но мог держаться там только восемь дней и убежал в Тмутаракань, где княжил один из Святославичей, Роман, После Святослава осталось пять сыновей: Глеб, Олег, Давид, Роман, Ярослав.



Б. А. Чориков. **Великий князь Изяслав. 1054—1077.**
Литография к книге «Живописный Карамзин, или Русская история в картинках». 1836 г.

При жизни отца Глеб сидел в Новгороде, Олег – во Владимире-Волынском, Роман – в Тмутаракани, о Давиде неизвестно, Ярослав был очень молод. Роман Тмутараканский принял Бориса Вячеславича, но за ним должен был дать убежище и родным братьям, потому что Изяслав не хотел дать волостей детям Святославовым. Глеб был изгнан из Новгорода; Олег выведен из Владимира; Глеб погиб далеко на севере, в странах чуди заволоцкой; Олег ушел сначала было в Чернигов, к дяде Всеволоду, от которого мог ждать больше милости, чем от Изяслава; но и Всеволод или не хотел, или не мог наделить

Святославича волостью, и тот отправился к братьям в Тмутаракань, известное убежище для всех изгнанников, для всех недовольных. Выгнавши племянников, Ярославичи распорядились волостями в пользу своих детей: Святополка Изяславича посадили в Новгороде, брата его Ярополка – в Вышгороде, Владимира Всеволодовича Мономаха – в Смоленске.

Но изгнанные князья не могли жить праздно в Тмутаракани: в 1078 году Олег и Борис привели половцев на Русскую землю и пошли на Всеволода; Всеволод вышел против них на реку Сожицу (Оржицу), и половцы победили Русь, которая потеряла много знатных людей: убит был Иван Жирославич, Туки, Чудинов брат, Порей и многие другие. Олег и Борис вошли в Чернигов, думая, что одолели; Русской земле они тут много зла наделали, говорит летописец. Всеволод пришел к брату Изяславу в Киев и рассказал ему свою беду; Изяслав отвечал ему: «Брат! не тужи, вспомни, что со мною самим случилось! во-первых, разве не выгнали меня и именья моего не разграбили? потом в чем я провинился, а был же выгнан вами, братьями своими? не скитался ли я по чужим землям ограбленный, а зла за собою не знал никакого. И теперь, брат, не станем тужить: будет ли нам часть Русской земли, то обоим, лишимся ли ее, то оба же вместе; я сложу свою голову за тебя».

Такими словами он утешил Всеволода и велел собирать войско от мала до велика; другого не оставалось больше ничего делать, потому что Святославичи, конечно, не оставили бы в покое Изяслава, главного врага своего. Изяслав выступил в поход с сыном своим Ярополком, Всеволод – с сыном Владимиром. Последний находился в Смоленске, когда узнал о вторжении изгнанных князей; поспешил на помощь к отцу и оружием проложил себе путь сквозь половецкие полки к Переяславлю, где нашел Всеволода, пришедшего с битвы на Сожице. Ярославичи с сыновьями пошли к Чернигову, жители которого затворились от них, хотя Олега и Бориса не было в городе; есть известие, что они ездили в Тмутаракань собирать новое войско. Чернигов имел двойные стены; князья приступили к внешней ограде (городу); Мономах отбил восточные ворота, и внешний город был сожжен, после чего жители убежали во внутренний.

Но Ярославичи не имели времени приступить к последнему, потому что пришла весть о приближении Олега и Бориса; получивши ее, Изяслав и Всеволод рано утром отошли от Чернигова и отправились навстречу к племянникам, которые советовались, что им делать. Олег говорил Борису: «Нельзя нам стать против четырех князей; пошлем лучше к дядьям с просьбою о мире»; Борис отвечал: «Ты стой – смотри только, я один пойду

на них на всех». Пошли и встретились с Ярославичами у села на Нежатине Ниве; полки сошлись, и была сеча злая: во-первых, убили Бориса, сына Вячеславова; Изяслав стоял с пешими полками, как вдруг наехал один из неприятельских воинов и ударил его в плечо копьем: рана была смертельная. Несмотря на убиение двух князей с обеих сторон, битва продолжалась; наконец, Олег побежал и едва мог уйти в Тмутаракань (3 октября 1078 года).

Тело Изяслава взяли, привезли в лодке и поставили против Городца, куда навстречу вышел весь город Киев; потом положили тело на сани и повезли; священники и монахи провожали его с пением; но нельзя было слышать пения за плачем и воплем великим, потому что плакал по нем весь город Киев; Ярополк шел за телом и причитал с дружиною: «Батюшка, батюшка! не без печали ты пожил на этом свете; много напасти принял от людей и от своей братьи; и вот теперь погиб не от брата, а за брата сложил голову». Принесли и положили тело в церкви Богородицы, в гробе мраморном. По словам летописца, Изяслав был красив лицом, высок и полон, нравом незлобив, кривду ненавидел, правду любил; лести в нем не было, прямой был человек и не мстительный. Сколько зла сделали ему киевляне! самого выгнали, дом разграбили, а он не заплатил им злом за зло; если же кто скажет: он казнил Всеславовых освободителей, то ведь не он это сделал, а сын его.

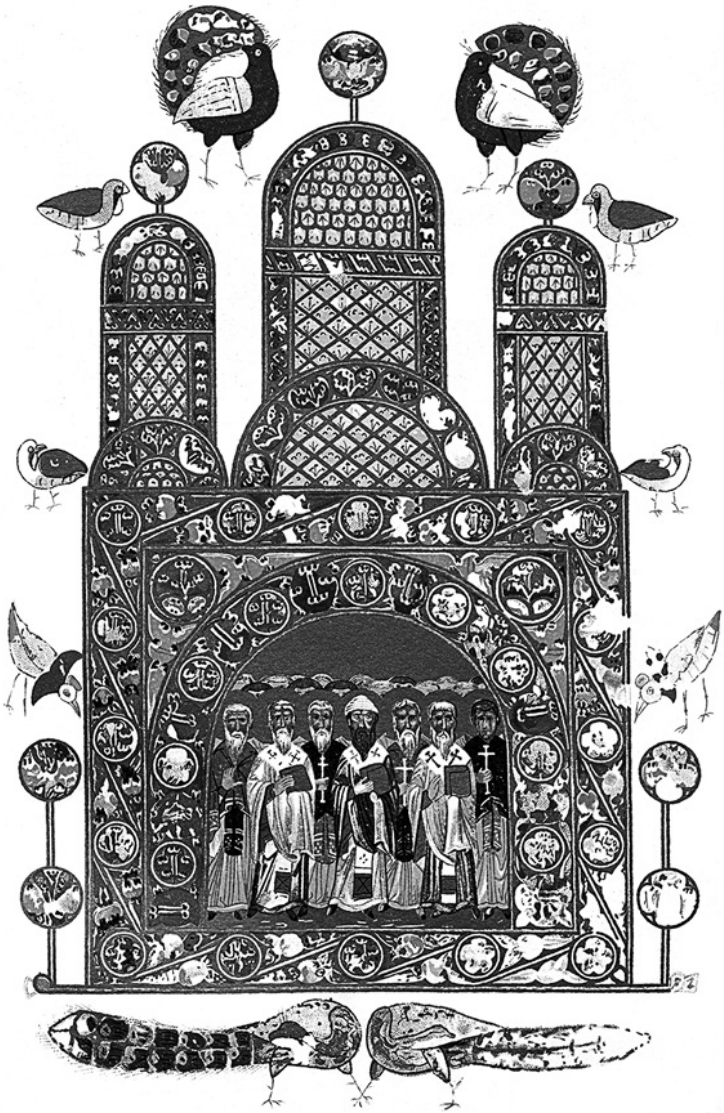
Потом братья прогнали его, и ходил, блуждал он по чужой земле; а когда сел на своем столе и Всеволод прибежал к нему побежденный, то Изяслав не сказал ему: «А вы что мне сделали?» и не заплатил злом за зло, а утешил, сказал: «Ты, брат, показал ко мне любовь, ввел меня на стол мой и назвал старшим: так и я теперь не помяну первой злобы: ты мне брат, а я тебе, и положу голову свою за тебя», что и случилось; не сказал ему: «Сколько вы мне зла сделали, а вот теперь пришла и твоя очередь», не сказал: «Ступай, куда хочешь», но взял на себя братнюю печаль и показал любовь великую. Смерть за брата, прекрасный пример для враждующих братий, заставил летописца и, может быть, всех современников умилиться над участью Изяслава при господстве непосредственных чувств.

Однако и летописец спешит опровергнуть возражение насчет казни виновников Всеславова освобождения и складывает всю вину на сына Изяславова, Мстислава: значит, это возражение существовало в его время; монах Киево-Печерского монастыря должен был знать и о последующих гонениях, например на св. Антония; Всеволоду Изяслав простил, потому что и прежде, как видно, этот Ярославич был мало виноват, да и после загладил

свою вину; наконец, собственная безопасность принуждала Изяслава вооружиться против племянников; но детям Святославовым, конечно, невинным в деле отца, Изяслав не мог простить и отнял у них волости, себе и Русской земле на беду.

Как бы ни было, первый старший, или великий, князь после Ярослава пал в усобице. Все усобицы, которые мы видим при старшинстве Изяслава, происходили оттого, что осиротелые племянники не получали волостей. При отсутствии отчинного права относительно отдельных волостей дядья смотрели на осиротелых племянников как на изгоев, обязанных по своему сиротскому положению жить из милости старших, быть довольными всем, что дадут им последние, и потому или не давали им вовсе волостей, или давали такие, какими те не могли быть довольны. Но если дядья считали для себя выгодным отсутствие отчинного права, то не могли находить для себя это выгодным осиротелые племянники, которые, лишась преждевременною смертию отцов надежды на старшинство в роде, хотели по крайней мере достать то, чем владели отцы, или хотя другую, но более или менее значительную волость, чтобы не быть лишенными Русской земли.

Таким образом, мы видим, что первые усобицы на Руси произошли от отсутствия отчинного права в отдельных волостях, от стремления осиротелых князей-изгоев установить это право и от стремления старших не допускать до его установления. Князьям-изгоям легко было доискиваться волостей: Русь граничила со степью, а в степи скитались разноплеменные варварские орды, среди которых легко было набрать войско обещанием добычи; вот почему застепный Тмутаракань служит постоянным убежищем для изгоев, которые возвращаются оттуда с дружинами отыскивать волостей.



Миниатюра из «Изборника» Святослава. *1073 г.*

Мы видели деятельность изгоя Ростислава, сына Владимирова; у него остались сыновья в том же положении, следовательно, с теми же стремлениями; мы видели судьбу изгоя Бориса Вячеславича; у него, как видно, не было ни братьев, ни сыновей; но были сыновья у Игоря Ярославича – тоже изгои; к числу их Изяслав захотел присоединить еще и детей Святославовых, тогда как последние имели основание не считать себя изгоями: их отец был старшим, умер на главном столе. Если Изяслав мог считать это старшинство незаконным и мстить детям

своего гонителя отнятием у них волостей, то Всеволод не имел на это никакого права: Изяслав был изгнан не одним Святославом, но Святославом и Всеволодом вместе; Всеволод признавал изгнание Изяслава справедливым, признавал старшинство Святослава до самой смерти последнего; на каком же основании он мог считать сыновей Святославовых изгоями, лишить их волостей? Несмотря на то, Всеволод, враждуя с Святославичами за недавнее изгнание и пользуясь правом победы, не думал приглашать их в Русь, и тем готовил для себя и для потомков своих новую усобицу.

Всеволод сел в Киеве, на столе отца своего и брата, взял себе все волости русские, посадил сына своего Владимира в Чернигове, а племянника Ярополка Изяславича – во Владимире-Волынском, придав к нему Туров. Но обделенные князья не могли долго оставить его в покое. В 1079 году явился Роман Святославич с половцами у Воина, Всеволод вышел навстречу, стал у Переяславля и успел заключить мир с половцами, разумеется, давши им верное вместо неверного, обещанного Романом. Половцы не только не сделали для Романа того, за чем пришли, но даже убили его на возвратном пути вследствие ссоры, которую завел Роман с их князьями за обман, как говорит одно очень вероятное известие. Впрочем, из последующих известий летописи видно, что виновниками убийства Романова были собственно не половцы, а козары, знак, что Романово ополчение было сбродное из разных народов и что козары, после разрушения своего царства, существовали еще как особый народ и играли некоторую роль на степных берегах Черного и Азовского морей.

Убив Романа, козары и половцы, разумеется, не могли жить в мире с братом его Олегом, и потому, как сказано в летописи, они заточили его за море, в Царьград, откуда его отправили на остров Родос; нет сомнения, что козары и половцы могли сделать это не иначе, как с согласия императора, для которого, вероятно, русские изгои были также опасными соседями: это ясно видно из судьбы Ростиславовой; очень вероятно, что заточение Олега произошло и не без ведома Всеволода, который воспользовался им и послал в Тмутаракань своего посадника Ратибора.

Но Тмутаракань недолго оставалась без изгоев; через год бежали туда из владимиро-волынских волостей сын Игоря Ярославича, Давыд, и сын известного уже нам Ростислава Владимировича, Володарь; они выгнали Ратибора и селя в Тмутаракани; но сидели недолго: чрез год возвратился туда из изгнания Олег, схватил Давыда и Володаря, сел опять в Тмутаракани, перебил козар, которые были советниками на

убиение Романа и на его собственное изгнание, а Давыда и Володаря отпустил. Лишенные убежища в Тмутаракани, эти князья должны были думать о других средствах – как бы добыть себе волостей. В 1084 году Ростиславичи, по словам летописи, выбежали от Ярополка, следовательно, ясно, что они жили у него во Владимире без волостей; выбежали, не сказано куда, потом возвратились с войском и выгнали Ярополка из Владимира.

С кем возвратились Ростиславичи, откуда взяли дружину, как могли безземельные князья выгнать Ярополка из его волости? На все эти вопросы не дает ответа летопись; но и ее краткие известия могут показать нам, как легко было тогда добыть дружину; ясно также, что Ростиславичи не могли выгнать Ярополка, не приобретя себе многочисленных и сильных приверженцев во Владимире. Всеволод послал против Ростиславичей сына своего Мономаха, который прогнал их из Владимира и посадил здесь опять Ярополка. В летописи об этом сказано так, как будто бы все сделалось вдруг; но из собственных слов Мономаха видно, что борьба с Ростиславичами кончилась нескоро, потому что он ходил к Изяславичам за Микулин, в нынешнюю Галицию, и потом два раза ходил к Ярополку на Броды, весною и зимою.

Счастливее Ростиславичей был Давыд Игоревич: он ушел с своею дружиною в днепровские устья, захватил здесь греческих купцов, отнял у них все товары; но от греческой торговли зависело богатство и значение Киева, следовательно, богатство казны великокняжеской, и вот Всеволод принужден был прекратить грабежи Давыда обещанием дать волость и, точно, назначил ему Дорогобуж на Волыни. Но этим распоряжением Всеволод не прекратил, а еще более усилил княжеские распри: Ярополк Изяславич, князь волынский, в отдаче Дорогобужа Давыду видел обиду себе, намерение Всеволода уменьшить его волость, и потому начал злобиться на Всеволода, собирать войско, по наущению злых советников, прибавляет летописец. Узнав об этом, Всеволод послал против него сына своего Владимира, и Ярополк, оставя мать в Луцке, бежал в Польшу. Луцк сдался Мономаху, который захватил здесь мать, жену Ярополкову, дружину его и все имение, а во Владимире посадил Давыда Игоревича. Вероятно, в это время Червенские города, область последующего Галицкого княжества, были утверждены за Ростиславичами, потому что после мы видим старшего из них – Рюрика – князем в Перемышле; очень вероятно также, что эта область была отнята Ростиславичами у поляков, союзников Ярополковых, не без согласия Всеволода.

Но в следующем году Ярополк пришел из Польши, заключил мир с Мономахом и сел опять во Владимире; вероятно, такому

обороту дел много содействовала прежняя дружба Мономаха к Ярополку, благодарность старого Всеволода к отцу его, Изяславу, и нежелание ссориться с сыновьями последнего, из которых старший должен был получить старшинство по смерти Всеволодовой. Ярополк, однако, недолго пользовался возвращенною волостию: посидев несколько дней во Владимире, он поехал в Звенигород, один из городов галицких; когда князь дорогою лежал на возу, то какой-то Нерадец, как видно, находившийся в дружине и ехавший подле на лошади, ударил его саблею; Ярополк приподнялся, вынул из себя саблю и громко закричал: «Ох, этот враг меня покончил!» Нерадец бежал в Перемышль к Рюрику Ростиславичу, а Ярополк умер от раны; отроки взяли его тело и повезли сперва во Владимир, а потом в Киев, где и погребли его в церкви Св. Петра, которую сам начал строить.

В Киеве сильно плакали на похоронах Ярополка; летописец также жалеет об этом князе, говорит, что он много принял бед, без вины был изгнан братьями, обижен, разграблен и, наконец, принял горькую смерть; был он, по словам летописца, тих, кроток, смирен, братолюбив, давал каждый год десятину в Богородичную киевскую церковь от всего своего имения и просил у Бога такой же смерти, какая постигла Бориса и Глеба; Бог услышал его молитву, заключает летописец. О причине убийства летописец говорит глухо: Нерадец, по его словам, убил Ярополка, будучи научен от дьявола и от злых людей; вспомним сказанное нами прежде, что Ростиславичи могли овладеть Владимиром только с помощью приверженцев своих, следовательно, людей, неприязненных Ярополку; люди, желавшие прежде его изгнания, теперь не могли охотно видеть его восстановление. Но убийца бежал к Ростиславичу в Перемышль: это одно обстоятельство могло заставить современников сильно заподозрить Ростиславичей, если они и не были совершенно убеждены в действительном участии последних в деле Нерадца; после Давыд Игоревич прямо говорил, что Ярополк был убит Ростиславичами.

С первого разу кажется, что Ростиславичи или один из них, Рюрик, не имели достаточного основания решиться на подобное дело; скорее, казалось бы, можно было заподозрить Давыда Игоревича, и по характеру последнего, да и потому, что он больше всех терял с восстановлением Ярополка на владимирском столе. Но об участии Давыда нет ни малейшего намека в летописи, сам Давыд после, говоря Святополку об убиении брата его, не мог выдумать об участии Ростиславичей и объявить об этом Святополку за новость; если бы современники подозревали Давыда, то и летописец сам, и Святополк Изяславич, и киевляне

на вече, и князья на съезде не преминули бы упомянуть об этом по случаю злодейства Давыдова над Васильком. Если летописец не указывает прямо на Ростиславичей, то это доказывает, что у современников не было достаточных улик против них; но не без намерения летописец выставляет бегство Нерадца к Рюрику в Перемышль.

Что касается до побуждений, то мы не знаем подробностей: знаем только то, что Ростиславичи жили у Ярополка, приобрели средства выгнать его из Владимира, но потом сами были выгнаны в его пользу; здесь очень легко могло быть положено начало смертельной вражды; Ростиславичи могли думать, что никогда не будут безопасны в своей волости, пока враг их будет сидеть во Владимире; обратим внимание еще на одно обстоятельство: посидевши мало времени во Владимире, Ярополк отправился к Звенигороду; мы не знаем, зачем предпринял он это путешествие; мы не знаем еще, кому принадлежал в это время Звенигород; очень вероятно, что Ростиславичам; очень вероятно, что выражение летописца: «Иде Звенигороду», означает поход воинский. Наконец, что касается до характера Рюрика Ростиславича, то мы знаем о нем только то, что он выгнал Ярополка из Владимира и потом принял к себе его убийцу: эти два поступка нисколько не ручаются нам за его нравственность.

Христос коронует Ярополка и Гертруду.
Миниатюра из «Кодекса Гертруды, или Трирской псалтири». XI в.

В том же 1046 году Всеволод сам предпринимал поход к Перемышлю на Ростиславичей, и поход этот не мог быть без связи с предшествовавшими событиями. Но с Ростиславичами, как видно из последующих событий, трудно было воевать: поход кончился ничем, потому что Ростиславичи остались по-прежнему в своей волости. Так кончились пока смуты на Волыни; но, кроме этих смут и борьбы на востоке с Святославичами, шла еще борьба со Всеславом Полоцким. По принятии Всеволодом старшинства

Всеслав обжег Смоленск, т. е. пожег посады около крепости или города; Мономах из Чернигова погнался за ним наспех о двух конях (т. е. дружина взяла с собою по паре коней для перемены); но чародея Всеслава трудно было настигнуть: Мономах не застал его под Смоленском и пошел по его следам в Полоцкую волость, повоевал и пожег землю.

Потом в другой раз пошел Мономах с черниговцами и половцами к Минску, нечаянно напал на город и не оставил у него ни челядина, ни скотины, по его собственному выражению. В 1093 году умер последний из Ярославичей, Всеволод, 64 лет. Летописец говорит, что этот князь был измлада боголюбив, любил правду, был милостив к нищим, чтил епископов и священников, но особенно любил монахов, давал им все потребное; был также воздержан и за то любим отцом своим. Летописец прибавляет, что в Киеве Всеволоду было гораздо больше хлопот, чем в Переяславле; хлопотал он все с племянниками, которые просили волостей: один просил той, другой – этой, он все их мирил и раздавал волости.

К этим заботам присоединились болезни, старость, и стал он любить молодых, советоваться с ними, а молодые старались отдалять его от прежней, старой дружины; до людей перестала доходить княжая правда, тиуны начали грабить, брать несправедливо пени при суде; а Всеволод ничего этого не знал в своих болезнях. Нам нет нужды разуметь здесь под молодыми именно молодых летами; трудно предположить, что Всеволод на старости лет покинул своих ровесников и окружил себя юношами; если обратить внимание на последующие явления, то можем легче объяснить смысл слов летописца: под молодыми людьми разумеются у него люди новые; новая дружина, приведенная из Переяславля и Чернигова, противополагается дружине первой: князья, перемещаясь из одной волости в другую, с младшего стола на старший, приводили с собою свою дружину, которую, разумеется, предпочитали дружине, найденной в новом княжестве, оставшейся после прежнего князя; отсюда проистекала невыгода, во-первых, для народа, потому что пришельцы не соблюдали выгод чуждой для них области и старались наживаться на счет граждан; во-вторых, для старых бояр, которых пришельцы отстраняли от важных должностей, от княжеского расположения, заезжали их, по местническому позднейшему выражению.

Каково было грабительство тиунов княжеских при Всеволоде, свидетельствуют слова лучших киевлян, что земля их оскудела от рати и от продаж. Так сошло с поприща первое поколение Ярославичей; при первом уже из них начались усобицы

вследствие изгнания осиротелых племянников; при первом уже из них был нарушен порядок преемства, и это нарушение увеличило число изгоев и, следовательно, усилило усобицы, жертвою которых пало три князя; переходы князей из волости в волость, вследствие родовых счетов, показали уже народу всю невыгоду такого порядка вещей, особенно в княжение Всеволода, когда новые дружинники разорили Киевскую землю, земля разорялась также ратью, набеги степных варваров не прекращались, и в челе половцев народ видел русских князей, приходивших искать волостей в Русской земле, которую безнаказанно пустошили их союзники; начались те времена, когда по земле сеялись и росли усобицы, и в княжих крамолах сокращался век людской, когда в Русской земле редко слышались крики земледельцев, но часто каркали вороны, деля себе трупы, часто говорили свою речь галки, собираясь лететь на добычу.

Из внешних отношений на первом плане, как прежде, так и теперь, была борьба с степными варварами, из которых главное место занимали половцы. Мы упоминали о войнах с ними по поводу княжеских усобиц. Но, кроме того, они часто набегали и без всякого повода. В удачных битвах с этими варварами за Русскую землю начал славиться и приобретать народную любовь сын Всеволода, знаменитый Мономах: 12 удачных битв выдержал он с половцами в одно княжение отца своего; если половцы помогали русским князьям в их усобицах, зато и Мономах иногда ходил на варваров, ведя с собою варваров же из других племен. Мы видели, что Ярославичи, свободные еще от усобиц, нанесли сильное поражение торкам, заставили часть их поселиться в пределах Руси и признать свою зависимость от нее; но в 1080 году торки, поселенные около Переяславля и потому названные в летописи переяславскими, вздумали возвратить себе независимость и заратились; Всеволод послал на них сына своего Мономаха, и тот победил торков.

На севере шла борьба с финскими и литовскими племенами. К первым годам княжения Изяславова относится победа его над голядами; следовательно, народонаселение нынешнего Можайского и Гжатского уездов не было еще подчинено до этого времени, и неудивительно: оно оставалось в стороне от главных путей, по которым распространялись русские владения. В 1055 году посадник Остромир ходил с новгородцами на чудь и овладел там городом Осек-Декипив, т. е. Солнечная Рука; в 1060 году сам Изяслав ходил на сосолов и заставил их платить дань; но скоро они выгнали русских сборщиков дани, пожгли город Юрьев и окольные селения до самого Пскова: псковичи и новгородцы вышли к ним навстречу, сразились и потеряли 1000 человек, а

сосолов пало бесчисленное множество. На северо-востоке было враждебное столкновение с болгарами, которые в 1088 году взяли Муром.

На западе Ростиславичи боролись с поляками: особенно в этой борьбе стал знаменит третий брат – Василько. Мы видели, что Болеслав II Смелый, пользуясь смутами в империи, умел восстановить прежнее значение Польши, которое потеряла она по смерти Болеслава I Храброго; но, будучи счастлив в борьбе со внешними врагами, Болеслав Смелый не мог осилить внутренних: принятие королевского титула, стремление усилить свою власть на счет панов, строгие поступки с ними, умерщвление краковского епископа Станислава возбудили ненависть панов и духовенства, следствием чего было изгнание Болеслава Смелого и возведение на престол брата его, слабого Владислава – Германа. Владислав вверился во всем палатину Сецеху, который корыстолюбием и насильственными поступками возбудил всеобщее негодование. Недовольные встали под предводительством побочного сына Владиславова, Збигнева; в эту усобицу вмешались чехи, а, с другой стороны, Владислав должен был вести упорную борьбу с поморскими славянами. Легко понять, что при таких обстоятельствах Польша не только не могла обнаружить своего влияния на дела Руси, но даже не могла с успехом бороться против Василька Ростиславича, который с половцами пустошил ее области.

Мы рассмотрели внутреннее и внешнее отношения на Руси при первом поколении Ярославичей, видели деятельность князей; в заключение обратим внимание на других деятелей, на мужей из дружины княжеской, имена которых кое-где попадаются в летописи. Прежде всего мы встречаем имя Остромира, посадника новгородского; сын его Вышата убежал с Ростиславом Владимировичем в Тмутаракань; о нем больше нет известий. Но вместе с Вышатою спутником Ростислава назван также какой-то Порей; Порей был убит на Сожице против половцев в 1078 году; если это тот самый Порей, то значит, что по смерти Ростислава он перешел в дружину Всеволода. Мы видели, что в 1067 году в Киеве при Изяславе был тысяцким Коснячко, вероятно, бежавший вместе с Изяславом; этот же Коснячко был с Изяславом при установлении Правды; со стороны Святослава из Чернигова был при этом деле Перенег, со стороны Всеволода из Переяславля – Никифор; если Коснячко был тысяцким в Киеве, то можем заключить, что Перенег имел в то время такую же должность в Чернигове, Никифор – в Переяславле; если так, то любопытно, что для установления Правды собираются тысяцкие, имевшие близкое отношение к городскому народонаселению.

Миниатюра из Остромирова Евангелия. *XI в.*

Остромирово Евангелие — рукопись середины XI в., памятник русского извода старославянского языка. До 2000 г., когда был обнаружен «Новгородский кодекс», считалась древнейшей книгой, созданной на Руси. Написана дьяконом Григорием в 1056—1057 гг. для новгородского посадника Остромира, который в надписи книги назван «близоком» (родственником) князя Изяслава Ярославича.

Не знаем, кто был тысяцким в Киеве после первого возвращения Изяслава, при Святославе, и после второго возвращения Изяслава; но при Всеволоде (в 1089 г.) эту должность занимали Ян, сын Вышаты, знаменитого тысяцкого во времена Ярослава: как видно, этот же самый Ян ходил при Святославе за данью на север. Потом мы встречаем в летописи имена двух братьев, Чудина и Тукы: имена указывают на финское

происхождение; Чудин, после первого возвращения Изяславова, держал Вышгород (1072); Тукы является действующим во время первого изгнания Изяславова; он советовал Изяславу стеречь крепче Всеслава; из этого видно, как будто он принадлежал к дружине киевского князя; но потом, после второго возвращения Изяславова, мы видим его в дружине Всеволода: он выходит вместе с этим князем против половцев и погибает в битве при Сожице, значит, он перешел из дружины Изяслава в дружину Всеволода; впрочем, могло быть, что он явился действующим лицом в означенном киевском событии, принадлежа к дружине Всеволода, который прибежал в Киев с поля битвы вместе с Изяславом; в таком случае любопытно, что один брат служил Изяславу, а другой – Всеволоду.

В битве при Сожице был убит еще Иван Жирославич, также муж из дружины Всеволода. При последнем, во время княжения его в Киеве, видим Ратибора, которого он назначил посадником в Тмутаракань. К чьей дружине принадлежал Берн, упоминаемый при перенесении мощей свв. Бориса и Глеба, трудно решить: вероятно, к дружине Святослава Черниговского.

Глава 3. События при внуках Ярослава I (1093–1125)

Прежние причины усобиц. – Характер Владимира Мономаха. – Он уступает старшинство Святополку Изяславичу. – Характер последнего. – Нашествие половцев. – Олег Святославич в Чернигове. – Борьба с ним Святополка и Владимира. – Неудача Олега на севере. – Послание Мономаха к Олегу. – Съезд князей в Любече и прекращение борьбы на востоке. – Новая усобица на западе вследствие ослепления Василька Ростиславича. – Прекращение ее на Витичевском съезде. – Распоряжение насчет Новгорода Великого. – Судьба Ярослава Ярополковича, племянника великого князя. – События в Полоцком княжестве. – Войны с половцами. – Борьба с другими соседними варварами. – Связь с Венгриею. – Смерть великого князя Святополка. – Киевляне избирают Мономаха в князья себе. – Война с минским князем Глебом и с волынским Ярославом. – Отношение к грекам и половцам. – Смерть Мономаха. – Дружина при внуках Ярослава I.

Не прошло полвека по смерти Ярослава Старого, как уже первое поколение в потомстве его сменилось вторым, сыновья – внуками. Мы видели начало усобиц при первом поколении, видели их причины в стремлении осиротелых князей добыть себе часть в Русской земле, которой не давали им дядья; усобицы усилились, когда Изяслав был изгнан братьями, когда, возвратившись по смерти Святослава, он отнял прежние волости у сыновей последнего, которые должны были искать убежища в отдаленной Тмутаракани и, если верить некоторым известиям, в Муроме. С выступлением на поприще внуков Ярославовых причины усобиц оставались прежние, и потому должно было ожидать тех же самых явлений, какими ознаменовано и правление сыновей Ярославовых.

Владимир Мономах с братом Ростиславом были в Киеве во время смерти и погребения отца своего; летописец говорит, что Мономах начал размышлять: «Если сяду на столе отца своего, то будет у меня война с Святополком, потому что этот стол был прежде отца его», и, размыслив, послал за Святополком в Туров, сам пошел в Чернигов, а брат его Ростислав – в Переяславль. Если Мономах единственным препятствием к занятию киевского стола считал старшинство, права Святополка Изяславича, то ясно, что

он не видал никаких других препятствий, именно не предполагал препятствия со стороны граждан киевских, был уверен в их желании иметь его своим князем. Нет сомнения, что уже и тогда Мономах успел приобресть народную любовь, которою он так славен в нашей древней истории. Мономах вовсе не принадлежит к тем историческим деятелям, которые смотрят вперед, разрушают старое, удовлетворяют новым потребностям общества: это было лицо с характером чисто охранительным.

Мономах не возвышался над понятиями своего века, не шел наперекор им, не хотел изменить существующий порядок вещей, но личными доблестями, строгим исполнением обязанностей прикрывал недостатки существующего порядка, делал его не только сносным для народа, но даже способным удовлетворять его общественным потребностям. Общество, взволнованное княжескими усобицами, столько потерпевшее от них, требовало прежде всего от князя, чтобы он свято исполнял свои родственные обязанности, не которовался (не спорил) с братьею, мирил враждебных родичей, вносил умными советами наряд в семью; и вот Мономах во время злой вражды между братьями умел заслужить название братолюбца. Для людей благочестивых Мономах был образцом благочестия: по свидетельству современников, все дивились, как он исполнял обязанности, требуемые Церковью.

Для сдержания главного зла – усобиц – нужно было, чтобы князья соблюдали клятву, данную друг другу: Мономах ни под каким предлогом не соглашался переступать крестного целования. Народ испытал уже при других князьях бедствие от того, что людям не доходила княжая правда, тиуны и отроки грабили без ведома князя: Мономах не давал сильным обижать ни худого смерда, ни убогой вдовицы, сам оправливал (давал правду, суд) людей. При грубости тогдашних нравов люди сильные не любили сдерживать своего гнева, причем подвергнувшийся ему платил жизнью; Мономах наказывал детям своим, чтобы они не убивали ни правого, ни виноватого, не губили душ христианских. Другие князья позволяли себе невоздержание: Мономах отличался целомудрием.

Обществу сильно не нравилось в князе корыстолюбие; с неудовольствием видели, что внуки и правнуки св. Владимира отступают от правил этого князя, копят богатство, сбирая его с тягостию для народа; Мономах и в этом отношении был образцом добрых князей: с ранней молодости рука его простиралась ко всем, по свидетельству современников; никогда не прятал он сокровищ, никогда не считал он денег, но раздавал их обеими руками; а между тем казна его была всегда полна, потому что при

щедрости он был образцом доброго хозяина, не смотрел на служителей, сам держал весь наряд в доме. Больше всех современных князей Мономах напоминал прадеда своего, ласкового князя Владимира: «Если поедете куда по своим землям (наказывает Мономах детям), не давайте отрокам обижать народ ни в селах, ни на поле, чтоб вас потом не кляли.

Куда пойдете, где станете, напойте, накормите бедняка; больше всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, добрый или простой человек или посол; не можете одарить его, угостите хорошенько, напойте, накормите: гость по всем землям прославляет человека либо добрым, либо злым». Что детям наказывал, то и сам делал: позвавши гостей, сам служил им, и, когда они ели и пили досыта, он только смотрел на них. Кроме усобиц княжеских, земля терпела от беспрестанных нападений половцев; Мономах с ранней молодости стоял на стороже Русской земли, бился за нее с погаными, приобрел имя доброго страдальца (труженика) за Русскую землю по преимуществу. В тот век народной юности богатырские подвиги Мономаха, его изумительная деятельность не могли не возбудить сильного сочувствия, особенно когда эти подвиги совершались на пользу земле.

Большую часть жизни провел он вне дома, большую часть ночей проспал на сырой земле; одних дальних путешествий совершил он 83; дома и в дороге, на войне и на охоте делал все сам, не давал себе покою ни ночью, ни днем, ни в холод, ни в жар; до света поднимался он с постели, ходил к обедне, потом думал с дружиною, оправливал (судил) людей, ездил на охоту или так куда-нибудь, в полдень ложился спать и потом снова начинал ту же деятельность.

Дитя своего века, Мономах, сколько любил пробовать свою богатырскую силу на половцах, столько же любил пробовать ее и на диких зверях, был страстный охотник: диких коней в пущах вязал живых своими руками; тур не раз метал его на рога, олень бодал, лось топтал ногами, вепрь на боку меч оторвал, медведь кусал, волк сваливал вместе с лошадью. «Не бегал я для сохранения живота своего, не щадил головы своей, – говорит он сам. – Дети! не бойтесь ни рати, ни зверя, делайте мужеское дело; ничто не может вам вредить, если Бог не повелит; а от Бога будет смерть, так ни отец, ни мать, ни братья не отнимут; Божье блюдение лучше человеческого!» Но с этою отвагою, удалью, ненасытною жаждою деятельности в Мономахе соединялся здравый смысл, сметливость, уменье смотреть на следствие дела, извлекать пользу; из всего можно заметить, что он был сын доброго Всеволода и вместе сын царевны греческой.

Из родичей Мономаха были и другие не менее храбрые князья, не менее деятельные, как например, чародей Всеслав Полоцкий, Роман и Олег Святославичи; но храбрость, деятельность Мономаха всегда совпадала с пользою для Русской земли; народ привык к этому явлению, привык верить в доблести, благоразумие, благонамеренность Мономаха, привык считать себя спокойным за его щитом и потому питал к нему сильную привязанность, которую перенес и на все его потомство. Наконец, после личных доблестей, не без влияния на уважение к Мономаху, было и то, что он происходил по матери от царской крови; особенно, как видно, это было важно для митрополитов-греков и вообще для духовенства.

Киевляне должны были желать, чтоб Мономах занял отцовское место; они могли желать этого тем более, что Мономах был им хорошо известен и известен с самой лучшей стороны, тогда как Святополк Изяславич жил постоянно на отдаленном севере и только недавно, по смерти брата своего Ярополка, перешел из Новгорода в Туров, без сомнения для того, чтобы быть поближе к Киеву на случай скорой смерти Всеволода. Но мы видели причины, которые заставляли Мономаха отказаться от старшего стола: он опасался, что Святополк не откажется от своих прав и будет доискиваться их оружием; Мономах должен был хорошо знать, к чему ведут подобные нарушения прав; должен был также опасаться, что если Святополк будет грозить ему с запада, то с востока Святославичи также не оставят его в покое. Киевляне не могли не уважать основание, на котором Владимир отрекся от их стола, не могли не сочувствовать уважению к старшинству и притом не имели права отвергать Святополка, потому что еще не знали его характера; и когда он явился из Турова в Киев по приглашению Мономаха, то граждане вышли к нему с поклоном и приняли его с радостию.

Но радость их не могла быть продолжительна: характер сына Изяславова представлял разительную противоположность с характером сына Всеволодова: Святополк был жесток, корыстолюбив и властолюбив без ума и твердости; сыновья его были похожи на отца. Киевляне немедленно испытали неспособность своего нового князя. В это время пошли половцы на Русскую землю; услыхавши, что Всеволод умер, они отправили послов к Святополку с предложением мира, т. е. с предложением купить у них мир: Мономах говорит детям, что он в свою жизнь заключил с половцами девятнадцать миров, причем передавал им много своего скота и платья. Святополк, по словам летописца, посоветовался при этом случае не с большою дружиною отца и дяди своего, т. е. не с боярами киевскими, но с теми, которые

пришли с ним, – с дружиною, которую он привел из Турова или, вероятнее, из Новгорода; мы видим здесь, следовательно, опять ясную жалобу на заезд старых бояр пришлою дружиною нового князя, – явление, необходимое при отсутствии отчинности, наследственности волостей; по совету своей дружины Святополк велел посадить половецких послов в тюрьму: или жалели скота и платья на покупку мира, или стыдились начать новое княжение этою покупкою.

Половцы, услыхавши о заключении послов своих, стали воевать, пришло их много, и обступили торческий город, т. е. город, заселенный торками. Святополк испугался, захотел мира, отпустил половецких послов; но уже теперь сами половцы не хотели мира и продолжали воевать. Тогда Святополк начал собирать войско; умные люди говорили ему: «Не выходи к ним, мало у тебя войска»; он отвечал: «У меня 800 своих отроков могут против них стать»; несмысленные подстрекали его: «Ступай, князь!», а смышленые говорили: «Хотя бы ты пристроил и восемь тысяч, так и то было бы только впору; наша земля оскудела от рати и от продаж: пошли-ка лучше к брату своему Владимиру, чтоб помог тебе». Святополк послушался и послал к Владимиру; тот собрал войско свое, послал и к брату Ростиславу в Переяславль, веля ему помогать Святополку, а сам пошел в Киев.

Здесь, в Михаиловском монастыре, свиделся он с Святополком и начались у них друг с другом распри да которы; смышленые мужи говорили им: «Что вы тут спорите, а поганые губят Русскую землю; после уладитесь, а теперь ступайте против поганых либо с миром, либо с войною». Владимир хотел мира, а Святополк хотел рати; наконец, уладились, поцеловали крест и пошли втроем – Святополк, Владимир и Ростислав – к Треполю. Когда они пришли к реке Стугне, то, прежде чем переходить ее, созвали дружину на совет и начали думать. Владимир говорил: «Враг грозен; остановимся здесь и будем с ним мириться».

К совету этому пристали смышленые мужи – Ян и другие; но киевляне говорили: «Хотим биться, пойдем на ту сторону реки». Они осилили и рать перешла реку, которая тогда сильно наводнилась. Святополк, Владимир и Ростислав, исполчивши дружину, пошли: на правой стороне шел Святополк, на левой – Владимир, посередине – Ростислав; минули Треполь, прошли и вал, и вот показались половцы с стрельцами впереди. Наши стали между двумя валами, поставили стяги (знамена) и пустили стрельцов своих вперед из валов; а половцы подошли к валу, поставили также стяги свои, налегли прежде всего на Святополка и сломили отряд его.

Святополк стоял крепко; но когда побежали люди, то побежал

и он. Потом половцы наступили на Владимира; была у них брань лютая; наконец, побежал и Владимир с Ростиславом; прибежав к реке Стугне, стали переправляться вброд, и при этой переправе Ростислав утонул перед глазами брата, который хотел было подхватить его, но едва сам не утонул; потерявши брата и почти всю дружину, печальный Владимир пришел в Чернигов, а Святополк сперва вбежал в Треполь, затворился, пробыл тут до вечера и ночью пришел в Киев.

Половцы, видя, что одолели, пустились воевать по всей земле, а другие возвратились к торческому городу. Торки противились, боролись крепко из города, убили много половцев; но те не переставали налегать, отнимали воду, и начали изнемогать люди в городе от голода и жажды; тогда торки послали сказать Святополку: «Если не пришлешь хлеба, то сдадимся»; Святополк послал; но обозу нельзя было прокрасться в город от половцев. Девять недель стояли они под Торческом, наконец, разделились: одни остались продолжать осаду, а другие пошли к Киеву; Святополк вышел против них на реку Желань; полки сошлись, и опять русские побежали; здесь погибло их еще больше, чем у Треполя; Святополк пришел в Киев сам-третей только, а половцы возвратились к Торческу.

Лукавые сыны Измайловы, говорит летописец, жгли села и гумна и много церквей запалили огнем; жителей били, оставшихся в живых мучили, уводили в плен; города и села опустели; на полях, где прежде паслись стада коней, овец и волов, теперь все стало пусто, нивы поросли: на них живут звери. Когда половцы с победою возвратились к Торческу, то жители, изнемогши от голода, сдались им. Половцы, взявши город, запалили его, а жителей, разделивши, повели в вежи к сердоболям и сродникам своим, по выражению летописца. Печальные, изнуренные голодом и жаждою, с осунувшимися лицами, почерневшим телом, нагие, босые, исколотые терновником, шли русские пленники в степи, со слезами рассказывая друг другу, откуда кто родом – из какого города или из какой веси.

Сабля Владимира Мономаха.
Рисунок Ф. Г. Солнцева из книги «Древности государства Российского». 1846—1853 гг.

Вислые свинцовые печати:
1 — «От Ратибора» (Тмутаракань);
2 — Вячеслава Ярославича (Смоленск);
3 — Феофано Музалон (жены черниговского князя Олега Святославича); *4* — «Печать Новгородская»;
5 — новгородского наместника Дмитрия Донского

Святополк, видя, что нельзя ничего взять силою, помирился с половцами, разумеется, заплативши им сколько хотели, и женился на дочери хана их Тугоркана. Но в том же 1094 году половцы явились опять, и на этот раз ими предводительствовал Олег Святославич из Тмутаракани: жестокое поражение, потерпенное двоюродными братьями в прошлом году от половцев, дало Олегу надежду получить не только часть в Русской земле, но и все отцовские волости, на которые он с братьями имел полное право: внуки Ярослава находились теперь друг к другу по роду и, следовательно, по волостям точно в таком же отношении, в каком находились прежде сыновья, а считать себя изгоем Олег не хотел.

Он пришел к Чернигову, где осадил Мономаха в остроге; окрестности города, монастыри были выжжены; восемь дней

билась с половцами дружина Мономахова и не пустила их в острог; наконец, Мономах пожалел христианской крови, горящих сел, монастырей, сказал: «Не хвалиться поганым», и отдал Олегу Чернигов, стол отца его, а сам пошел на стол своего отца, в Переяславль. Так описывает сам Мономах свои побуждения; нам трудно решить, насколько присоединялся к ним еще расчет на невозможность долгого сопротивления с маленькою дружиною, в которой по выезде его из Чернигова не было и ста человек, считая вместе с женами и детьми; мы видели, что большую часть дружины потерял он в битве при Стугне, где пали все его бояре; попавшихся в плен он после выкупил, но их было, как видно, очень мало.

С этою-то небольшою дружиною ехал Мономах из Чернигова в Переяславль через полки половецкие; варвары облизывались на них, как волки, говорит сам Мономах, но напасть не смели. Олег сел в Чернигове, а половцы пустошили окрестную страну: князь не противился, он сам велел им воевать, ибо другим нечем ему было заплатить союзникам, доставившим ему отцовскую волость. «Это уже в третий раз, – говорит летописец, – навел он поганых на Русскую землю; прости, Господи, ему этот грех, потому что много христиан было погублено, а другие взяты в плен и расточены по разным землям». На Руси Олегу этого не простили, и, сколько любили Мономаха как доброго страдальца за Русскую землю, защищавшего ее от поганых, столько же не любили Олега, опустошавшего ее с половцами; видели гибельные следствия войн Олеговых, забыли обиду, ему нанесенную, забыли, что он принужден был сам добывать себе отцовское место, на которое не пускали его двоюродные братья.

Незавидно было житье Мономаха в Переяславле: «Три лета и три зимы, – говорит он, – прожил я в Переяславле с дружиною, и много бед натерпелись мы от рати и от голода». Половцы не переставали нападать на Переяславскую волость, и без того уже разоренную; Мономаху удалось раз побить их и взять пленников. В 1095 году пришли к нему два половецких хана, Итларь и Китан, на мир, т. е. торговаться, много ли переяславский князь даст за этот мир? Итларь с лучшими людьми вошел в город, а Китан стал с войском между валами, и Владимир отдал ему сына своего Святослава в заложники за безопасность Итларя, который стоял в доме боярина Ратибора. В это время пришел к Владимиру из Киева от Святополка боярин Славата за каким-то делом; Славата подучил Ратибора и его родню пойти к Мономаху и убедить его согласиться на убийство Итларя.

Владимир отвечал им: «Как могу я это сделать, давши им клятву?» Те сказали ему на это: «Князь, не будет на тебе греха:

половцы всегда дают тебе клятву, и все губят Русскую землю, льют кровь христианскую». Владимир послушался и ночью послал отряд дружины и торков к валам: они выкрали сперва Святослава, а потом перебили Китана и всю дружину его. Это было в субботу вечером; Итларь ночевал на дворе Ратиборовом и не знал, что сделалось с Китаном. На другой день, в воскресенье, рано утром Ратибор приготовил вооруженных отроков и велел им вытопить избу, а Владимир прислал отрока своего сказать Итларю и дружине его: «Обувшись и позавтракавши в теплой избе у Ратибора, приезжайте ко мне».

Итларь отвечал: «Хорошо!» Половцы вошли в избу и были там заперты; а между тем ратиборовцы влезли на крышку, проломали ее, и Ольбег Ратиборович, натянув лук, ударил Итларя стрелою прямо в сердце; перестреляли и всю дружину его. Тогда Святополк и Владимир послали в Чернигов к Олегу звать его с собою вместе на половцев; Олег обещался идти с ними и пошел, но не вместе: ясно было, что он не доверял им; быть может, поступок с Итларем был одною из причин этого недоверия. Святополк и Владимир пошли к половцам на вежи, взяли их, попленили скот, лошадей, верблюдов, рабов и привели их в свою землю.

Недоверие Олега сильно рассердило двоюродных братьев; после похода они послали сказать ему: «Ты не шел с нами на поганых, которые сгубили Русскую землю, а вот теперь у тебя сын Итларев; убей его либо отдай нам: он враг Русской земле». Олег не послушался, и встала между ними ненависть. Вероятно, в связи с этими событиями, было движение на севере брата Олегова, Давыда, о котором до сих пор дошедшие до нас списки летописи ничего не говорили; только в своде летописей Татищева читаем, что остальные Святославичи при Всеволоде имели волость в Муроме – известие очень вероятное; по смерти же Всеволода, как видно, Мономах принужден был отречься не от одного Чернигова в пользу Олега, но должен был уступить также и Смоленск Давыду.

В конце 1095 года, когда загорелась снова вражда между Олегом и братьями его, Святополком и Владимиром, последние отправились к Смоленску, вывели оттуда Давыда и дали ему Новгород, откуда сын Мономаха, Мстислав, посаженный дедом Всеволодом еще по удалении Святополка, был переведен в Ростов: вероятно, они не хотели, чтобы волости Святославичей соприкасались друг с другом, причем братья могли легко действовать соединенными силами; в Смоленской волости, которая должна была разделять волости Святославичей, Святополк и Владимир должны были посадить кого-нибудь из

своих, и вот есть известие, что Владимир посадил здесь сына своего Изяслава.

Но Давыд, может быть, по соглашению с братом, недолго жил в Новгороде и отправился опять в Смоленск, впрочем, как видно, с тем чтобы оставить и Новгород за собою же, потому что когда новгородцы в его отсутствие послали в Ростов за Мстиславом Владимировичем и посадили его у себя, то Давыд немедленно выступил опять из Смоленска к Новгороду; но на этот раз новгородцы послали сказать ему: «Не ходи к нам», и он принужден был возвратиться с дороги опять в Смоленск. Изгнанный им отсюда Изяслав бросился на волости Святославичей, сперва на Курск, а потом на Муром, где схватил посадника Олегова и утвердился с согласия граждан.

В следующем, 1096-м, году Святополк и Владимир послали сказать Олегу: «Приезжай в Киев, урядимся о Русской земле пред епископами, игуменами, мужами отцов наших и людьми городскими, чтобы после нам можно было сообща оборонять Русскую землю от поганых». Олег велел отвечать: «Не пойду на суд к епископам, игуменам да смердам». Если прежде он боялся идти в поход вместе с братьями, то мог ли он решиться ехать в Киев, где знал, что духовенство, дружина и граждане дурно расположены к нему? Мог ли он отдать свое дело на их решение? Притом князь, который привык полагаться во всем на один свой меч, им доставать себе управу, считал унизительным идти на суд пред духовенство и простых людей. Как бы то ни было, гордый ответ Олега возбудил к нему еще сильнейшее нерасположение в Киеве: летописец сильно укоряет черниговского князя за смысл буйный. за слова величавые, укоряет и злых советников Олега. Святополк и Владимир послали после этого объявить ему войну.

«Ты нейдешь с нами на поганых, – велели они сказать ему, – нейдешь к нам на совет – значит, мыслишь на нас недоброе и поганым помогать хочешь; пусть же Бог рассудит нас!» Князья выступили против Олега к Чернигову; Святославич выбежал пред ними и заперся в Стародубе, вероятно, для того чтобы быть ближе к братним волостям и получить оттуда скорее помощь. Святополк и Владимир осадили Стародуб и стояли под ним 33 дня; приступы были сильные, но из города крепко отбивались; наконец, осажденные изнемогли: Олег вышел из города, запросил мира и получил его от братьев, которые сказали ему: «Ступай к брату своему Давыду, и приезжайте оба вместе в Киев, к столу отцов и дедов наших: то старший город во всей земле, в нем следует собираться нам и улаживаться». Олег обещался приехать, целовал крест и отправился из Стародуба в Смоленск; но смольняне не захотели принять его, и он принужден был ехать в

Рязань.

Видя, что Святославичи не думают приезжать в Киев на уряжение, Святополк с Владимиром пошли было к Смоленску на Давыда, но помирились с ним; а между тем Олег с Давыдовыми полками пошел из Рязани к Мурому на Изяслава, сына Мономахова. Изяслав, узнавши, что Олег идет на него, послал за суздальцами, ростовцами, белозерцами и собрал много войска. Олег послал сказать ему: «Ступай в волость отца своего, в Ростов, а это волость моего отца, хочу здесь сесть и урядиться с твоим отцом: он выгнал меня из отцовского города, а ты неужели и здесь не хочешь дать мне моего же хлеба?» Изяслав не послушался его, надеясь на множество войска; Олег же, прибавляет летописец, надеялся на свою правду, потому что был он теперь прав. Это замечание летописца очень любопытно: Олег лишился Чернигова и Мурома вследствие войны, которую начали против него двоюродные братья, следовательно, по понятиям современников, самая война была несправедлива: в противном случае летописец не оправил бы Олега, потому что тогда отнятие волости было бы только достойным наказанием за его неправду.

Перед стенами Мурома произошла битва между Олегом и Изяславом; в лютой сечи Изяслав был убит, войско его разбежалось – кто в лес, кто в город. Олег вошел в Муром, был принят гражданами, перехватал ростовцев, белозерцев, суздальцев, поковал их и устремился на Суздаль; суздальцы сдались; Олег усмирил город: одних жителей взял в плен, других рассеял по разным местам, имение у них отнял. Из Суздаля пошел к Ростову, и ростовцы сдались; таким образом он захватил всю землю Муромскую и Ростовскую, посажал посадников по городам и начал брать дани. В это время пришел к нему посол от Мстислава Владимировича из Новгорода: «Ступай из Суздаля в Муром, велел сказать ему Мстислав, в чужой волости не сиди; а я с дружиною пошлем к отцу моему и помирю тебя с ним; хотя ты и брата моего убил – что же делать! В битвах и цари и бояре погибают». Олег не захотел мириться, он думал взять и Новгород и послал брата своего Ярослава в сторожах на реку Медведицу, а сам стал на поле у Ростова.

Мстислав, посоветовавшись с новгородцами, послал от себя в сторожах Добрыню Рагуйловича, который прежде всего перехватил Олеговых данников (сборщиков дани). Когда Ярослав узнал, что данники перехвачены, то в ту же ночь бросился бежать к Олегу с известием, что Мстислав идет. Олег отступил к Ростову, Мстислав за ним; Олег двинулся к Суздали, Мстислав пошел за ним и туда; Олег зажег Суздаль и побежал к Мурому; Мстислав пришел в Суздаль и, остановившись здесь, послал опять с миром

к Олегу, велел сказать ему: «Я моложе тебя; пересылайся с отцом моим, да выпусти дружину, а я во всем тебя послушаю». Причина такой скромности со стороны Мстислава заключалась в том, что он был крестный сын Олегу.

Последний видел, что ему трудно одолеть Мстислава силою, и потому решился действовать хитростью: послал к Мстиславу с мирным ответом, и когда тот, понадеявшись на мир, распустил дружину по селам, Олег неожиданно явился на Клязьме; Мстислав обедал в то время, когда ему дали знать о приближении Олега, который думал, что племянник, застигнутый врасплох, побежит; однако Мстислав не побежал: к нему в два дня собралась дружина – новгородцы, ростовцы и белозерцы; он выстроил ее перед городом, и когда явился Олег, то ни тот, ни другой не хотели начать нападение и стояли друг перед другом четыре дня; а между тем Мономах прислал на помощь к Мстиславу другого сына своего, Вячеслава, с половцами.

На пятый день Олег выстроил дружину и двинулся к городу; Мстислав пошел к нему навстречу и, отдав стяг (знамя) Мономахов половчину Куную, отдал ему также пеший полк и поставил его на правом крыле. Сошлись биться: полк Олегов против полка Мстиславова, полк Ярославов против полка Вячеславова. Мстислав с новгородцами перешел пожар, схватился с врагами на реке Колакче и начал одолевать, а между тем Куной с пешими зашел в тыл Олегу и поднял стяг Владимиров: ужас напал тогда на Олега и на все его войско, которое бросилось бежать. Олег прибежал в Муром, затворил здесь брата Ярослава, а сам пошел в Рязань. Мстислав по его следам пришел к Мурому, заключил мир с жителями, взял своих людей, ростовцев и суздальцев, захваченных прежде Олегом, и пошел на последнего к Рязани; Олег выбежал и отсюда, а Мстислав договорился и с рязанцами, которые выдали ему также пленников. Из Рязани послал он в третий раз к Олегу с мирными предложениями: «Не бегай, но шли к братьи с просьбою о мире: не лишат тебя Русской земли; а я пошлю к отцу своему просить за тебя». Олег обещал послушаться его; Мстислав возвратился к Суздалю, оттуда в Новгород и точно послал к Мономаху просить за своего крестного отца.

Мономах, получив письмо от сына, написал к Олегу: «Пишу к тебе, потому что принудил меня к тому сын твой крестный: прислал ко мне мужа своего и грамоту, пишет: уладимся и помиримся, а братцу моему суд пришел; не будем за него местники, но положимся во всем на Бога: они станут на суд перед Богом, а мы Русской земли не погубим. Увидав такое смирение сына своего, я умилился и устрашился Бога, подумал: сын мой в

юности своей и в безумии так смиряется, на Бога все возлагает, а я что делаю? Грешный я человек, грешнее всех людей! Послушался я сына своего, написал к тебе грамоту: примешь ли ее добром или с поруганьем – увижу по твоей грамоте. Я первый написал к тебе, ожидая от тебя смиренья и покаянья.

Господь наш не человек, а Бог всей вселенной, что хочет – все творит в мгновенье ока; а претерпел же хуленье, и плеванье, и ударенье, и на смерть отдался, владея животом и смертью; а мы что, люди грешные? Ныне живы, а завтра мертвы; ныне в славе и в чести, а завтра в гробе и без памяти: другие разделят по себе собранное нами. Посмотри, брат, на отцов наших: много ли взяли с собою, кроме того, что сделали для своей души? Тебе бы следовало, брат, прежде всего прислать ко мне с такими словами. Когда убили дитя мое и твое пред тобою, когда ты увидал кровь его и тело увянувшее, как цветок, только что распустившийся, как агнца заколенного, подумать бы тебе, стоя над ним: “Увы, что я сделал! Для неправды света сего суетного взял грех на душу, отцу и матери причинил слезы!” Сказать бы тебе было тогда по-давыдовски: аз знаю грех мой, предо мною есть выну! Богу бы тебе тогда покаяться, а ко мне написать грамоту утешную да сноху прислать, потому что она ни в чем не виновата, ни в добре, ни в зле: обнял бы я ее и оплакал мужа ее и свадьбу их вместо песен брачных; не видал я их первой радости, ни венчанья, за грех мой; ради Бога пусти ее ко мне скорее: пусть сидит у меня, как горлица, на сухом дереве жалуючись, а меня Бог утешит. Таким уж, видно, путем пошли дети отцов наших: суд ему от Бога пришел.

Если бы ты тогда сделал по своей воле, Муром взял бы, а Ростова не занимал и послал ко мне, то мы уладились бы; но рассуди сам: мне ли было первому к тебе посылать или тебе ко мне; а что ты говорил сыну моему: “Шли к отцу”, так я десять раз посылал. Удивительно ли, что муж умер на рати, умирали так и прежде наши прадеды; не искать было ему чужого и меня в стыд и в печаль не вводить это научили его отроки для своей корысти, а ему на гибель. Захочешь покаяться пред Богом и со мною помириться, то напиши грамоту с правдою и пришли с нею посла или попа: так и волость возьмешь добром, и наше сердце обратишь к себе, и лучше будем жить, чем прежде; я тебе ни враг, ни местник.

Не хотел я видеть твоей крови у Стародуба; но не дай мне Бог видеть крови и от твоей руки, и ни от которого брата по своему попущению; если я лгу, то Бог меня ведает и Крест Честной. Если тот мой грех, что ходил на тебя к Чернигову за дружбу твою с погаными, то каюсь. Теперь подле тебя сидит сын твой крестный с

малым братом своим, едят хлеб дедовский, а ты сидишь в своей волости: так рядись, если хочешь, а если хочешь их убить, они в твоей воле; а я не хочу лиха, добра хочу братьи и Русской земле. Что ты хочешь теперь взять насильем, то мы, смиловавшись, давали тебе и у Стародуба, отчину твою; Бог свидетель, что мы рядились с братом твоим, да он не может рядиться без тебя; мы не сделали ничего дурного, но сказали ему: посылай к брату, пока не уладимся; если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, то пусть душа его на том свете не увидит мира от Бога. Я к тебе пишу не по нужде: нет мне никакой беды; пишу тебе для Бога, потому что мне своя душа дороже целого света».

Из этого письма видно, что Мономах первый писал к Олегу. Крайность, до которой был доведен последний оружием Мстислава, и смысл письма Мономахова должны были, наконец, показать Олегу необходимость искренне сблизиться с двоюродными братьями, и вот в 1097 г. князья – Святополк, Владимир, Давыд Игоревич, Василько Ростиславич, Давыд Святославич и брат его Олег – съехались на устроенье мира в городе Любече, следовательно, в Черниговской волости, по ту сторону Днепра: быть может, это была новая уступка подозрительности Олеговой. Князья говорили: «Зачем губим Русскую землю, поднимая сами на себя вражду? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами идут усобицы; теперь же с этих пор станем жить в одно сердце и блюсти Русскую землю».

Кроме Василька Ростиславича, сидели все двоюродные братья, внуки Ярославовы; урядиться им было легко: стоило только разделить между собою волости точно так же, как они были разделены между их отцами, которых места они теперь занимали; вся вражда пошла оттого, что Святославичам не дали тех волостей, какими они имели полное право владеть по своему положению в роде, как сыновья второго Ярославича. И вот князья объявили, что пусть каждое племя (линия) держит отчину свою: Святополк – Киев вместе с тою волостию, которая изначала и до сих пор принадлежала его племени, с Туровым; Владимир получил все волости Всеволодовы, т. е. Переяславль, Смоленск, Ростовскую область, Новгород также остался за сыном его Мстиславом; Святославичи – Олег, Давыд и Ярослав – Черниговскую волость; теперь остались изгои – Давыд Игоревич и Ростиславичи; относительно их положено было держаться распоряжений великого князя Всеволода: за Давыдом оставить Владимир-Волынский, за Володарем Ростиславичем – Перемышль, за Васильком – Теребовль.

Уладившись, князья целовали крест: «Если теперь кто-нибудь

из нас поднимется на другого, – говорили они, – то мы все встанем на зачинщика и Крест Честной будет на него же». Все повторяли: «Крест Честной на него и вся земля Русская». После этого князья поцеловались и разъехались по домам.

Глеб Владимирович, князь Муромский.
Деталь иконы. XIV в.

Мы видели, что отсутствие отчинности, непосредственной наследственности волостей было главною причиною усобиц, возникших при первом поколении Ярославичей и продолжавшихся при втором: на Любецком съезде князья

отстранили эту главную причину, стараясь ввести каждого родича во владение теми волостями, которые при первом поколении принадлежали отцу его. И точно, борьба на востоке с Святославичами за волость Черниговскую прекратилась Любецким съездом; но не кончилась борьба на западе, на Волыни: там сидели вместе изгои – Ростиславичи и Давыд Игоревич. Младший из Ростиславичей, Василько, князь теребовльский отличался необыкновенно предприимчивым духом; он уже был известен своими войнами с Польшею, на опустошение которой водил половцев; теперь он затевал новые походы: на его зов шли к нему толпы берендеев, печенегов, торков; он хотел идти с ними на Польшу, завоевать ее и отмстить ей за Русскую землю, за походы обоих Болеславов; потом хотел идти на болгар дунайских и заставить их переселиться на Русь; наконец, хотел идти на половцев, и либо найти себе славу, либо голову свою сложить за Русскую землю.

Понятно, что соседство такого князя не могло нравиться Давыду, особенно если последний не знал настоящих намерений Василька, слышал только о его военных приготовлениях, слышал о приближении варварских полков и мог думать, что воинственный Василько прежде всего устремит их на его волости: известна была вражда Ростиславичей к прежнему волынскому князю, Ярополку, известно было подозрение, которое лежало на них в смерти последнего. Нашлись люди, которые возможность переменили в действительность; странным могло казаться, что двое доблестнейших князей, Мономах и Василько, не воспользуются своею доблестию, своею славою для возвышения, усиления себя на счет князей менее достойных, и вот трое мужей из дружины Давыдовой – Туряк, Лазарь и Василь – начали говорить своему князю, что Мономах сговорился с Васильком на него и на Святополка, что Мономах хочет сесть в Киеве, а Василько – на Волыни. Давыд испугался: дело шло о потери волости, об изгнании, которое он уже испытал; вероятность была в словах мужей его; притом же мы не знаем, какие еще доказательства приводили они, не знаем, в какой степени поведение Мономаха и Василька в самом Любече могло подать повод к толкам: в то время, когда князья мирились и рядились, дружинники их наблюдали и толковали и, бог весть, до чего могли дотолковаться.

Как бы то ни было, летописец и, как видно, вообще современники складывали главную вину на мужей Давыдовых, а его обвиняли только за то, что, поддавшись страху, поспешил поверить лживым словам. Он приехал из Любеча в Киев вместе с Святополком и рассказал ему за верное, что слышал от мужей

своих: «Кто убил брата твоего Ярополка? – говорил он ему, – а теперь мыслит и на тебя и на меня, сговорился с Владимиром, промышляй о своей голове!» Святополк смутился, не знал, верить или нет; он отвечал Давыду: «Если правду говоришь, то Бог тебе будет свидетель, если же из зависти, то Бог тебе судья». Потом жалость взяла Святополка по брате, да и о себе стал думать: «Ну как это правда?» Давыд постарался уверить его, что правда, и стали вместе думать о Васильке; тогда как Василько с Владимиром не имели ни о чем понятия. Давыд начал говорить Святополку: «Если не схватим Василька, то ни тебе не княжить в Киеве, ни мне – во Владимире». Святополк согласился. В это время приехал Василько в Киев и пошел помолиться в Михаиловский монастырь, где и поужинал, а вечером возвратился в свой обоз.

На другой день утром прислал к нему Святополк с просьбою, чтоб не ходил от его именин; Василько велел отвечать, что не может дожидаться, боится, не было бы рати дома, Давыд прислал к нему с тем же приглашением: «Не ходи, не ослушайся старшего брата». Но Василько и тут не согласился. Тогда Давыд сказал Святополку: «Видишь, не хочет тебя знать, находясь в твоей волости; что же будет, когда придет в свою землю? Увидишь, что займет города твои Туров, Пинск и другие, тогда помянешь меня; созови киевлян, схвати его и отдай мне». Святополк послушался и послал сказать Васильку: «Если не хочешь остаться до именин, то зайди хотя нынче, повидаемся и посидим вместе с Давыдом».

Василько обещался прийти, и уже сел на лошадь и поехал, как встретился ему один из слуг его и сказал: «Не езди, князь: хотят тебя схватить». Василько не поверил, думал: «Как меня схватить? а крест-то мне целовали, обещались, что если кто на кого первый поднимется, то все будут на зачинщика и крест честной». Подумав таким образом, он перекрестился, сказав: «Воля Господня да будет!» и продолжал путь. С малою дружиною приехал он на княжий двор; Святополк вышел к нему навстречу, ввел в избу: пришел Давыд, и сели. Святополк стал опять упрашивать Василька: «Останься на праздник». Василько отвечал: «Никак не могу, брат; я уже и обоз отправил вперед». А Давыд во все время сидел, как немой.

Потом Святополк начал упрашивать Василька хотя позавтракать у него; позавтракать Василько согласился, и Святополк вышел, сказавши: «Посидите вы здесь, а я пойду, распоряжусь». Василько стал разговаривать с Давыдом, но у того не было ни языка, ни ушей – так испугался! И, посидевши немного, спросил слуг: «Где брат Святополк?» Ему отвечали: «Стоит в сенях». Тогда он сказал Васильку: «Я пойду за ним; а ты,

брат, посиди». Но только что Давыд вышел, как Василька заперли, заковали в двойные оковы и приставили сторожей на ночь.

На другой день утром Святополк созвал бояр и киевлян и рассказал им все, что слышал от Давыда, что вот Василько брата его убил, а теперь сговорился с Владимиром, хотят его убить, а города его побрать себе. Бояре и простые люди отвечали: «Тебе, князь, надобно беречь свою голову: если Давыд сказал правду, то Василька должно наказать; если же сказал неправду, то пусть отвечает перед Богом». Узнали об этом игумены и начали просить Святополка за Василька; Святополк отвечал им: «Ведь это все Давыд»; а Давыд, видя, что за Василька просят и Святополк колеблется, начал поучать на ослепление. «Если ты этого не сделаешь, – говорил он Святополку, – отпустишь его, то ни тебе не княжить, ни мне».

Святополк, по свидетельству летописца, хотел отпустить Василька, но Давыд никак не хотел, потому что сильно опасался теребовльского князя. Кончилось тем, однако, что Святополк выдал Давыду Василька. В ночь перевезли его из Киева в Белгород на телеге, в оковах, ссадили с телеги, ввели в маленькую избу и посадили; оглядевшись, Василько увидал, что овчарь Святополков, родом торчин, именем Беренди, точит нож; князь догадался, что хотят ослепить его, и «возопил к Богу с плачем великим и стоном». И вот вошли посланные от Святополка и Давыда – Сновид Изечевич, конюх Святополков, да Димитрий, конюх Давыдов, – и начали расстилать ковер, потом схватили Василька и хотели повалить; но тот боролся с ними крепко, так что вдвоем не могли с ним сладить, и позвали других, тем удалось повалить его и связать.

Тогда сняли доску с печи и положили ему на грудь, а по концам ее сели Сновид и Димитрий, и все не могли удержаться, подошло двое других, взяли еще доску с печи и сели: кости затрещали в груди Василька; тогда подошел торчин с ножом, хотел ударить в глаз и не попал, перерезал лицо; наконец, вырезал оба глаза один за другим, и Василько обеспамятел. Его подняли вместе с ковром, положили на телегу, как мертвого, и повезли во Владимир; переехавши Вздвиженский мост, Сновид с товарищами остановились, сняли с Василька кровавую сорочку и отдали попадье вымыть, а сами сели обедать; попадья, вымывши сорочку, надела ее опять на Василька и стала плакаться над ним, как над мертвым. Василько очнулся и спросил: «Где я?» Попадья отвечала: «В городе Вздвиженске». Тогда он спросил воды и, напившись, опамятовался совершенно; пощупал сорочку и сказал: «Зачем сняли ее с меня; пусть бы я в той кровавой сорочке смерть принял и стал перед Богом».

Ослепление князя Василька Ростиславича. 1097 г.
Гравюра по рисунку В. С. Шпака. Из собрания иллюстраций журнала «Нива»

Между тем Сновид с товарищами пообедали и повезли Василька скоро во Владимир, куда приехали на шестой день. Приехал с ними туда и Давыд, как будто поймал какую-то добычу, по выражению летописца; к Васильку приставили стеречь 30 человек с двумя отроками княжескими.

Мономах, узнав, что Василька схватили и ослепили, ужаснулся, заплакал и сказал: «Такого зла никогда не бывало в Русской земле ни при дедах, ни при отцах наших». И тотчас послал сказать Давыду и Олегу Святославичам: «Приходите к Городцу, исправим зло, какое случилось теперь в Русской земле и в нашей братьи: бросили между нас нож; если это оставим так, то большее зло встанет, начнет убивать брат брата и погибнет земля Русская: враги наши половцы придут и возьмут ее». Давыд и Олег также сильно огорчились, плакали и, собравши немедленно войско, пришли к Владимиру.

Тогда от всех троих послали они сказать Святополку: «Зачем это ты сделал такое зло в Русской земле, бросил нож между нами? Зачем ослепил брата своего? Если бы он был в чем виноват, то ты обличил бы его перед нами и тогда по вине

наказал его; а теперь скажи, в чем он виноват, что ты ему это сделал?» Святополк отвечал: «Мне сказал Давыд Игоревич, что Василько брата моего убил, Ярополка, хотел и меня убить, волость мою занять, сговорился с Владимиром, чтоб сесть Владимиру в Киеве, а Васильку – на Волыни; мне поневоле было свою голову беречь, да и не я ослепил его, а Давыд: он повез его к себе, да и ослепил на дороге». Послы Мономаха и Святославичей возражали: «Нечего тебе оправдываться тем, что Давыд его ослепил: не в Давыдове городе его взяли и ослепили, а в твоем», и, поговорив таким образом, ушли.

На другой день князья хотели уже переходить Днепр и идти на Святополка, и тот уже думал бежать из Киева; но киевляне не пустили его, а послали к Владимиру мачеху его, жену покойного великого князя Всеволода, да митрополита Николая; те от имени граждан стали умолять князей не воевать с Святополком: «Если станете воевать друг с другом, – говорили они, – то поганые обрадуются, возьмут землю Русскую, которую приобрели деды и отцы ваши; они с великим трудом и храбростью поборали по Русской земле, да и другие земли приискивали, а вы хотите погубить и свою землю». Владимир расплакался и сказал: «В самом деле, отцы и деды наши соблюли Землю русскую, а мы хотим погубить ее», и склонился на просьбу. Княгиня и митрополит возвратились назад и объявили в Киеве, что мир будет и точно, князья начали пересылаться и удалились; Владимир и Святославичи сказали Святополку: «Так как это все Давыд наделал, то ступай ты, Святополк, на Давыда, либо схвати его, либо выгони». Святополк взялся исполнить их волю.

Между тем Василька все держали под стражею во Владимире; там же находился в это время и летописец, именем Василий, оставивший нам известия об этих событиях. «В одну ночь, – говорит он, – прислал за мной князь Давыд; я пришел и застал около него дружину; князь велел мне сесть и начал говорить: “Этой ночью промолвил Василько сторожам своим: “Слышу, что идет Владимир и Святополк на Давыда; если бы меня Давыд послушал, то я бы послал боярина своего к Владимиру, и тот бы возвратился”; так сходи-ка ты, Василий, к тезке своему Васильку и скажи ему, что если он пошлет своего мужа и Владимир воротится, то я дам ему город, какой ему люб: либо Всеволож, либо Шеполь, либо Перемышль”. Я пошел к Васильку и рассказал ему все речи Давыдовы; он отвечал мне: “Я этого не говорил, но надеюсь на Бога, пошлю, чтоб не проливали ради меня крови; одно мне удивительно: дает мне свой город, а мой город – Теребовль, вот моя волость”. Потом сказал мне: “Иди к Давыду и скажи ему, чтоб прислал ко мне Кульмея, я его хочу послать ко

Владимиру”.

Но, как видно, Давыд побоялся поручить переговоры человеку, которого выбрал Василько, и послал того же Василия сказать ему, что Кульмея нет. В это свидание Василько выслал слугу и начал говорить Василию: “Слышу, что Давыд хочет отдать меня ляхам; видно, мало еще насытился моей крови, хочет больше, потому что я ляхам много зла наделал и хотел еще больше наделать, отомстить им за Русскую землю; если он выдаст меня ляхам, то смерти не боюсь; но вот что скажу тебе: вправду Бог навел на меня эту беду за мое высокоумье: пришла ко мне весть, что идут ко мне берендеи, печенеги и торки; вот я и начал думать: как придут они ко мне, то скажу братьям, Володарю и Давыду: дайте мне дружину свою младшую, а сами пейте и веселитесь; думал я пойти зимою на Польскую землю, а летом взять ее и отомстить за Русскую землю; потом хотел перенять болгар дунайских и посадить их у себя, а потом хотел проситься у Святополка и у Владимира на половцев и либо славу себе найти, либо голову свою сложить за Русскую землю; а другого помышления в сердце моем не было ни на Святополка, ни на Давыда; клянусь Богом и Его пришествием, что не мыслил зла братии ни в чем, но за мое высокоумье низложил меня Бог и смирил”».

Весною, перед Светлым днем, Давыд выступил в поход, чтобы взять Василькову волость; но у Бужска на границе был встречен Володарем, братом Васильковым; Давыд не посмел встать против него и заперся в Бужске; Володарь осадил его здесь и послал сказать ему: «Зачем сделал зло и не каешься, опомнись, сколько зла ты наделал!» Давыд начал складывать вину на Святополка: «Да разве я это сделал, разве в моем городе? Я и сам боялся, чтоб и меня не схватили и не сделали со мною того же; я поневоле должен был пристать, потому что был в его руках». Володарь отвечал: «Про то ведает Бог, кто из вас виноват, а теперь отпусти мне брата, и я помирюсь с тобою». Давыд обрадовался, выдал Василька Володарю, помирились и разошлись. Но мир не был продолжителен: Давыд, по некоторым известиям, не хотел возвратить Ростиславичам городов, захваченных в их волости тотчас по ослеплении Василька, вследствие чего тою же весною они пришли на Давыда к Всеволожу, а Давыд заперся во Владимире; Всеволож был взят копьем (приступом) и зажжен, и когда жители побежали от огня, то Василько велел их всех перебить; так он отомстил свою обиду на людях неповинных, замечает летописец.

Потом Ростиславичи двинулись ко Владимиру, осадили здесь Давыда и послали сказать гражданам: «Мы пришли не на город

ваш и не на вас, но на врагов своих – Туряка, Лазаря и Василя, которые наустили Давыда: послушавшись их, он сделал такое зло; выдайте их, а если хотите за них биться, то мы готовы». Граждане собрали вече и сказали Давыду: «Выдай этих людей, не бьемся за них, а за тебя станем биться; если же не хочешь, то отворим городские ворота, и тогда промышляй о себе». Давыд отвечал: «Нет их здесь», – он послал их в Луцк; владимирцы послали за ними туда; Туряк бежал в Киев, а Лазарь и Василь возвратились в Турийск. Владимирцы, узнавши, что они в Турийске, закричали Давыду: «Выдай их Ростиславичам, а не то сейчас же сдадимся!» Давыд послал за Василем и Лазарем и выдал их; Ростиславичи заключили мир и на другое утро велели повесить и расстрелять выданных, после чего отошли от города. Летописец замечает при этом: «Это уже во второй раз отомстил Василько, чего не следовало делать: пусть бы Бог был мстителем».

Осенью 1097 года обещался Святополк братьям идти на Давыда и прогнать его и только через год (1099) отправился в Брест на границу для совещания с поляками: имеем право принять известие, что прежде он боялся напасть на Давыда, и решился на это тогда только, когда увидал, что владимирский князь побежден Ростиславичами; но и тут прежде хотел заключить союз с поляками; заключил договор и с Ростиславичами, поцеловал к ним крест на мир и любовь. Давыд, узнав о прибытии Святополка в Брест, отправился и сам к польскому князю Владиславу-Герману за помощью; таким образом поляки сделались посредниками в борьбе. Они обещались помогать и Давыду, взявши с него за это обещание 50 гривен золота, причем Владислав сказал ему: «Ступай с нами в Брест, зовет меня Святополк на сейм; там и помирим тебя с ним».

Давыд послушался и пошел с ним; но союз с Святополком показался Владиславу выгоднее: киевский князь дал также ему богатые дары, договорился выдать дочь свою за его сына; поэтому Владислав объявил Давыду, что он никак не мог склонить Святополка к миру, и советовал ему идти в свою волость, обещаясь, впрочем, прислать к нему на помощь войско, если он подвергнется нападению от двоюродных братьев. Давыд сел во Владимире, а Святополк, уладившись с поляками, пришел сперва в Пинск, откуда послал собирать войска; потом в Дорогобуж, где дождался полков своих, с ними вместе двинулся на Давыда ко Владимиру и стоял под городом семь недель; Давыд все не сдавался, ожидая помощи от поляков; наконец, видя, что ждать нечего, стал проситься у Святополка, чтоб тот выпустил его из города. Святополк согласился, и они поцеловали друг другу крест, после чего Давыд выехал в Червень, а Святополк въехал во

Владимир.

Из этого рассказа видно, что Давыд при договоре уступил Владимир Святополку, а сам удовольствовался Червенем. Выгнавши Давыда из Владимира, Святополк начал думать на Володаря и на Василька; говорил: «Они сидят в волости отца моего и брата», и пошел на них. Ход этой войны очень хорошо обнаруживает перед нами характер Святополка: сначала он долго боялся напасть на Давыда; пошел, когда тот потерпел неудачу в войне с Ростиславичами, но прежде обезопасил себя со стороны поляков; доставши, наконец, Владимир, вспомнил, что все Волынское княжество принадлежало к Киевскому при отце его Изяславе и что после здесь сидел брат его Ярополк, а на Любецком съезде положено всем владеть отчинами; и вот Святополк идет на Ростиславичей, забывши недавний договор с ними и клятву.

Но Ростиславичей трудно было вытеснить из их волости: они выступили против Святополка, взявши с собою крест, который он целовал к ним, и встретили его на границах своих владений, на Рожни поле; перед началом битвы Василько поднял крест и закричал Святополку: «Вот что ты целовал! сперва ты отнял у меня глаза, а теперь хочешь взять и душу; так пусть будет между нами этот крест», и после ходила молва, что многие благочестивые люди видели, как над Васильком возвышался крест.

Битва была сильная, много пало с обеих сторон, и Святополк, увидавши, наконец, что брань люта, побежал во Владимир; а Володарь и Василько, победивши, остановились и сказали: «Довольно с нас, если стоим на своей меже», и не пошли дальше. Святополк между тем прибежал во Владимир с двумя сыновьями – Мстиславом и Ярославом, с двумя племянниками, сыновьями Ярополка, и Святославом, или Святошею, сыном Давыда Святославича; он посадил во Владимире сына своего, Мстислава, другого сына, Ярослава, послал в Венгрию, уговаривать короля идти на Ростиславичей, а сам поехал в Киев. Ярославу удалось склонить венгров к нападению на волость Володаря: король Коломан пришел с двумя епископами и стал около Перемышля по реке Вагру, а Володарь заперся в городе.

В это время возвратился Давыд из Польши, куда бежал из Червена перед началом неприятельских действий Святополка с Ростиславичами; как видно, он не нашел помощи в Польше; общая опасность соединила его теперь с Ростиславичами, и потому, оставивши жену свою у Володаря, он отправился нанимать половцев; на дороге встретился с знаменитым ханом их Боняком и вместе с ним пошел на венгров. В полночь, когда все

войско спало, Боняк встал, отъехал от стана и начал выть по-волчьи, и вот откликнулся ему один волк, за ним много других; Боняк приехал и сказал Давыду: «Завтра будет нам победа над венграми».

В. Васнецов.
Преподобный Николай Святоша.
Конец XIX в.

Сын черниговского князя Давида Святославича и правнук Ярослава Мудрого, Святослав Давидыч (1080—1143) был князем Луцка, принимал участие в междоусобице, возникшей по причине ослепления князя Василька и был лишен своего удела русско-половецким войском.

В 1107 г. принял постриг в Киево-Печерской Лавре под именем Николай, став первым из русских князей, принявших монашество.

Утром на другой день Боняк выстроил свое войско: у него было 300 человек, а у Давыда 100; он разделил всех на три полка и пустил вперед Алтунопу на венгров с отрядом из 50 человек,

Давыда поставил под стягом, а свой полк разделил на две половины, по 50 человек в каждой. Венгры расположились заступами, или заставами, т. е. отрядами, стоявшими один за другим; отряд Алтунопы пригнал к первому заступу, пустил стрелы и побежал; венгры погнались за ним, и, когда бежали мимо Боняка, тот ударил им в тыл; Алтунопа в это время также вернулся; таким образом, венгры очутились между двумя неприятельскими отрядами и не могли возвратиться к своим; Боняк сбил их в мяч точно так, как сокол сбивает галок, по выражению летописца.

Венгры побежали, много их потонуло в реках Вагре и Сане, потому что бежали горою подле Сана и спихивали друг друга в реку; половцы гнались за ними и секли их два дня, убили епископа и многих бояр. Ярослав, сын Святополка, убежал в Польшу, а Давыд, пользуясь победою, занял города: Сутейск, Червен, пришел внезапно на Владимир и занял посады; но Мстислав Святополчич заперся в крепости с засадою, или заставою (гарнизоном), состоявшею из берестьян, пенян, выгошевцев.

Давыд осадил крепость и часто приступал к ней; однажды, когда осажденные перестреливались с осаждающими и летели стрелы, как дождь, князь Мстислав хотел также выстрелить, но в это время стрела, пройдя в скважину стенного дощатого забрала, ударила ему под пазуху, от чего он в ту же ночь умер. Три дня таили его смерть, в четвертый объявили на вече; народ сказал: «Вот князя убили; если теперь сдадимся, то Святополк погубит всех нас», и послали сказать ему: «Сын твой убит, а мы изнемогаем от голода; если не придешь, то народ хочет передаться». Святополк послал к ним воеводу своего Путяту; когда тот пришел с войском в Луцк, где стоял Святоша Давыдович, то застал у него посланцев Давыда Игоревича; Святоша поклялся последнему, что даст знать, когда пойдет на него Святополк; но теперь, испугавшись Путяты, схватил послов Давыдовых и сам пошел на него с киевским воеводою.

В полдень пришли Святоша и Путята ко Владимиру, напали на сонного Давыда, начали рубить его дружину, а владимирцы сделали вылазку из крепости с другой стороны; Давыд побежал с племянником своим Мстиславом, а Святоша и Путята взяли город, посадили в нем посадника Святополкова Василя и разошлись: Святоша – в Луцк, а Путята – в Киев. Между тем Давыд побежал к половцам, опять встретился на дороге с Боняком и вместе с ним пришел осаждать Святошу в Луцке; Святоша заключил с ними мир и ушел к отцу в Чернигов; а Давыд взял себе Луцк, откуда пошел ко Владимиру, выгнал из него

Святополкова посадника Василя и сел опять на прежнем столе своем, отпустивши племянника Мстислава на море перенимать купцов.

Под 1100 годом сообщает летописец это известие об отправлении Мстислава на море и тотчас же говорит о новом съезде всех князей в Уветичах, или Витичеве; собрались Святополк, Владимир, Олег и Давыд Святославичи; пришел к ним и Давыд Игоревич и сказал: «Зачем меня призвали? Вот я! Кому на меня жалоба?» Владимир отвечал ему: «Ты сам присылал к нам: хочу, говорил, братья, прийти к вам и пожаловаться на свою обиду; теперь ты пришел и сидишь с братьею на одном ковре, что же не жалуешься? На кого тебе из нас жалоба?»

Давыд не отвечал на это ничего. Тогда все братья встали, сели на коней и разъехались; каждый стал особо с своею дружиною, а Давыд сидел один: никто не допустил его к себе, особо думали о нем. Подумавши, послали к нему мужей своих: Святополк – Путяту, Владимир – Орогаста и Ратибора, Давыд и Олег – Торчина; посланцы сказали Давыду от имени всех князей: «Не хотим тебе дать стола владимирского, потому что ты бросил нож между нами, чего прежде не бывало в Русской земле; мы тебя не заключим, не сделаем тебе никакого другого зла, ступай садись в Бужске и в Остроге, Святополк дает тебе еще Дубно и Чарторыйск, Владимир двести гривен, Давыд и Олег также двести гривен».

После этого решения князья послали сказать Володарю Ростиславичу: «Возьми брата своего Василька к себе, и пусть будет вам одна волость – Перемышль; если же не хочешь, то отпусти Василька к нам, мы его будем кормить; а холопов наших и смердов выдайте». Но Ростиславичи не послушались, и каждый из них остался при своем. Князья хотели было идти на них и силою принудить согласиться на общее решение; но Мономах отрекся идти с ними, не захотел нарушить клятвы, данной прежде Ростиславичам на Любецком съезде.

Здесь должно дополнить опущенную летописцем связь событий: мы видели, что Давыд остался победителем над Святополком, удержал за собою Владимир; Святополк, не имея возможности одолеть его, должен был обратиться к остальным двоюродным братьям, поручившим ему наказать Давыда, который, со своей стороны, вероятно, прежде при неблагоприятных для себя обстоятельствах присылал также к ним с просьбою о защите от Святополка. В Витичеве 10 августа, как сказано в летописи, братья заключили мир между собою, т. е., как видно, посредством мужей своих решили собраться всем в том же месте, и действительно собрались 30 августа.

К Давыду было послано приглашение явиться; он не смел ослушаться, потому что не мог надеяться восторжествовать над соединенными силами всех князей, как прежде восторжествовал над Святополком; притом же, по некоторым известиям, князья посылали к нему с любовью, обещаясь утвердить за ним Владимир; и точно, над ним произнесли мягкий приговор: схватить князя, добровольно явившегося на братское совещание, было бы вероломством, которое навсегда могло уничтожить возможность подобных съездов; отпустить его без волости значило продолжать войну: Давыд доказал, что он умел изворачиваться при самых трудных обстоятельствах, и потому решили дать ему достаточную волость, наказавши только отнятием владимирского стола, который был отдан Святополку как отчина на основании Любецкого решения, причем Святополк дал еще Давыду Дорогобуж, где тот и умер.

Так кончилась посредством двух княжеских съездов борьба, начавшаяся при первом преемнике Ярослава и продолжавшаяся почти полвека; изгои и потомки изгоев нигде не могли утвердиться на цельных отчинах; из них только одни Ростиславичи успели укрепить за собою отдельную волость и впоследствии дать ей важное историческое значение; но потомство Вячеслава Ярославича сошло со сцены при первом поколении; потомство Игоря – при втором; после оно является в виде князьков незначительных волостей без самостоятельной деятельности; полноправными родичами явились только потомки трех старших Ярославичей после тщетной попытки включить в число изгоев потомство второго из них Святослава; его дети, после долгой борьбы, получили отцовское значение, отцовскую волость.

Не легко было усмотреть неравенство в распределении волостей между тремя линиями, преимущество, которое получил сын Всеволода и вследствие личных достоинств, и вследствие благоприятных обстоятельств: Мономах держал в своей семье Переяславскую, Смоленскую, Ростовскую и Новгородскую волости. Святополк только после Витичевского съезда получил Владимир-Волынский; но Великий Новгород, который был всегда так тесно связан с Киевом, Новгород принадлежал не ему; всех меньше была волость Святославичей: они ничего не получили в прибавок к первоначальной отцовской волости, притом же их было три брата, Святополку, как видно, очень не нравилось, что Новгород не находится в его семье; но отнять его у Мономаха без вознаграждения было нельзя; вот почему он решился пожертвовать Волынью для приобретения Новгорода и уговорился с Мономахом, что сын последнего, Мстислав,

перейдет во Владимир-Волынский, а на его месте, в Новгороде, сядет Ярослав, сын Святополков, княживший до сих пор во Владимире.

Но тут новгородцы в первый раз воспротивились воле князей: зависимость Новгорода от Киева была тем невыгодна для жителей первого, что все перемены и усобицы, происходившие на Руси, должны были отражаться и в их стенах: мы видели, что изгнание Изяслава из Киева необходимо повлекло перемену и в Новгороде: здесь является князем сын Святослава Глеб, но последний, в свою очередь, должен был оставить Новгород вследствие вторичного торжества Изяслава, который послал туда сына своего Святополка. Святополк в конце княжения Всеволода покинул Новгород для Турова, чтобы быть ближе к Киеву, и Всеволод послал в Новгород внука своего Мстислава. Потом Святополк и Мономах выводят Мстислава и посылают на его место Давыда Святославича; Давыд также оставил Новгород, и на его место приехал туда опять Мстислав.

Таким образом, в продолжение 47 лет, от 1054 до 1101 г., в Новгороде шесть раз сменялись князья: двое из них ушли сами, остальные выводились вследствие смены великих князей или ряду их с другими. Теперь, в 1102 году, князья опять требуют у новгородцев, чтобы они отпустили от себя Мстислава Владимировича и приняли на его место сына Святополкова; новгородцы решительно отказываются; при этом, вероятно, они знали, что, не исполняя волю Святополкову, они тем самым исполняют волю Мономахову, в противном случае они не могли против воли последнего удержать у себя его сына, не могли поссориться с двумя сильнейшими князьями Руси и сидеть в это время без князя.

В Киеве, на княжом дворе, в присутствии Святополка произошло любопытное явление: Мстислав Владимирович пришел туда в сопровождении новгородских посланцев; посланцы Мономаха объявили Святополку: «Вот Владимир прислал сына своего, а вот сидят новгородцы; пусть они возьмут сына твоего и едут в Новгород, а Мстислав пусть идет во Владимир». Тогда новгородцы сказали Святополку: «Мы, князь, присланы сюда, и вот что нам велено сказать: не хотим Святополка, ни сына его; если у твоего сына две головы, то пошли его; этого (т. е. Мстислава) дал нам Всеволод, мы его вскормили себе в князья, а ты ушел от нас». Святополк много спорил с ними; но они поставили на своем, взяли Мстислава и повели его назад в Новгород. Указание на распоряжение Всеволода, вероятно, имело тот смысл в устах новгородцев, что сами князья на Любецком съезде решили сообразоваться с последними распоряжениями

его; слова, что они вскормили себе Мстислава, показывают желание иметь постоянного князя, у них выросшего, до чего именно не допускали их родовые счеты и усобицы князей; наконец, выражение: «А ты ушел от нас» – показывает неудовольствие новгородцев на Святополка за предпочтение Турова их городу и указание, что, оставив добровольно Новгород, он тем самым лишился на него всякого права.

Евангелист Иоанн и Прохор.
Миниатюра из Мстиславова Евангелия.
Начало XII в.

После Витичевского съезда прекратились старые усобицы вследствие изгойства; но немедленно же начались новые, потому что и второе поколение Ярославичей имело уже своих изгоев: у

Святополка был племянник – Ярослав, сын брата его Ярополка. В 1101 году он затворился в Бресте от дяди Святополка – ясный знак, что дядя не хотел давать ему волостей, и Ярослав насильно хотел удержать за собою хотя Брест. Святополк пошел на него, заставил сдаться и в оковах привел в Киев. Митрополит и игумены умолили Святополка оставить племянника ходить на свободе, взявши с него клятву при гробе Бориса и Глеба, вероятно, в том, что он не будет больше посягать на дядины волости и станет жить спокойно в Киеве. Но в следующем году Ярослав ушел от дяди; за ним погнался двоюродный брат его, Ярослав Святополчич, обманом схватил его также за Брестом, на польских границах, и в оковах привел к отцу; на этот раз Ярополковича уже не выпускали на свободу, и он умер в заточении в том же году.

Знаменитый чародей Всеслав Полоцкий на старости уже не беспокоил Ярославичей и дал им возможность управиться со своими делами; он умер в 1101 г. С его смертию кончилась сила Полоцкого княжества: между сыновьями его (их было человек семь) тотчас же, как видно, начались несогласия, в которые вмешались Ярославичи; так, в 1104 году встречаем известие, что Святополк посылал на Минск, на Глеба, воеводу своего Путяту, Владимир – сына своего Ярополка, а Олег сам ходил вместе с Давыдом Всеславичем – знак, что поход был предпринят для выгоды последнего, которого и прежде видим в связи с Ярославичами; поход, впрочем, кончился ничем.

Таковы были междукняжеские отношения при первом старшем князе из второго поколения Ярославичей. Теперь взглянем на отношения внешние. Мы видели, как народ на Руси боялся княжеских усобиц более всего потому, что ими могут воспользоваться поганые, половцы; видели, что и для самих князей этот страх служил также главным побуждением к миру. Южная Русь, как европейская Украйна, должна была, подобно греческим припонтийским колониям древности, стоять всегда настороже вооруженною. Мы видели, как несчастно в этом отношении началось княжение Святополка, который первый подал пример брачных союзов с ханами половецкими.

После убиения Итларя и удачного похода русских князей в степи, половцы в том же 1095 г. явились при реке Роси, границе собственной Руси с степью, и осадили Юрьев, один из городов, основанных здесь Ярославом Первым, и названный по его имени; варвары целое лето стояли под городом и едва не взяли; Святополк омирил их, сказано в летописи, т. е. заплатил им за мир; несмотря на то, они все оставались в пределах Руси, не уходили за Рось в степи. Юрьевцы, видя это и наскучив жить в

беспрестанном страхе, выбежали из своего города и пришли в Киев, а половцы сожгли пустой Юрьев – явление замечательное, показывающее тогдашнее состояние Украйны, или Южной Руси. Святополк велел строить новый город на Витичевском холму в 56 верстах от Киева, при Днепре, назвал его Святополчем и велел сесть в нем юрьевцам с своим епископом; нашлись и другие охотники селиться здесь из разных близких к степи мест, которых также гнал страх половецкий.

В следующем, 1096-м году, пользуясь отсутствием Святополка и Мономаха, воевавших на севере, с Святославичами, половцы уже не ограничились опустошением пограничных городков, но хан их Боняк, приобретший черную знаменитость в наших летописях, явился под Киевом, опустошил окрестности, сжег княжеский загородный дом на Берестове; а на восточной стороне Днепра другой хан – Куря – пустошил окрестности Переяславля. Успех Боняка и Кури прельстил и тестя Святополкова, Тугоркана: он также пришел к Переяславлю и осадил его; но в это время князья уже возвратились из похода; они выступили против половцев к Переяславлю и поразили их, причем Тугоркан с сыном и другими князьями был убит: Святополк велел поднять тело Тугорканово и погребсти в селе Берестове.

Но, в то время как русские князья были заняты на восточной стороне Днепра, шелудивый хищник Боняк явился опять нечаянно перед Киевом; половцы едва не въехали в самый город, сожгли ближние деревни, монастыри, в том числе и монастырь Печерский: «Пришли, – говорит летописец-очевидец, – к нам в монастырь, а мы все спали по кельям после заутрени; вдруг подняли крик около монастыря и поставили два стяга перед воротами; мы бросились бежать задом монастыря, другие взобрались на полати; а безбожные дети Измайловы высекли ворота и пошли по кельям, выламывая двери, вынося из келий все, что ни попадалось; потом выжгли Богородичную церковь, вошли в притвор у Федосиева гроба, взяли иконы; зажгли двери, ругаясь Богу и закону нашему». Тогда же зажгли двор красный, что поставил великий князь Всеволод на холму Выдубецком.

После Витичевского съезда, покончившего усобицы, князья получили возможность действовать наступательно против половцев: в 1101 году Святополк, Мономах и трое Святославичей собрались на реке Золотче, на правом берегу Днепра, чтоб идти на половцев; но те прислали послов ото всех ханов своих ко всей братьи просить мира; русские князья сказали им: «Если хотите мира, то сойдемся у Сакова»; половцы явились в назначенное место и заключили мир, причем взяты были с обеих сторон

заложники. Но, заключивши мир, русские князья не переставали думать о походе на варваров; мысль о походе на поганых летописец называет обыкновенно мыслию доброю, внушением Божиим.

В 1103 году Владимир стал уговаривать Святополка идти весною на поганых; Святополк сказал об этом дружине, дружина отвечала: «Не время теперь отнимать поселян от поля», после чего Святополк послал сказать Владимиру: «Надобно нам где-нибудь собраться и подумать с дружиною»; согласились съехаться в Долобске (при озере того же имени), выше Киева, на левой стороне Днепра; съехались и сели в одном шатре – Святополк со своею дружиною, а Владимир со своею; долго сидели молча, наконец, Владимир начал: «Брат! Ты старший, начни же говорить, как бы нам промыслить о Русской земле?»

Святополк отвечал: «Лучше ты, братец, говори первый!» Владимир сказал на это: «Как мне говорить? Против меня будет и твоя и моя дружина, скажут: хочет погубить поселян и пашни; но дивлюсь я одному: как вы поселян жалеете и лошадей их, а того не подумаете, что станет поселянин весною пахать на лошади, и приедет половчин, ударит его самого стрелою, возьмет и лошадь, и жену, и детей, да и гумно зажжет; об этом вы не подумаете!» Дружина отвечала: «В самом деле так»; Святополк прибавил: «Я готов», и встал, а Владимир сказал ему: «Великое, брат, добро сделаешь ты Русской земле». Они послали также и к Святославичам звать их в поход: «Пойдем на половцев, либо живы будем, либо мертвы»; Давыд послушался их, но Олег велел сказать, что нездоров.

Кроме этих старых князей, пошли еще четверо молодых: Давыд Всеславич Полоцкий, Мстислав, племянник Давыда Игоревича Волынского (изгой), Вячеслав Ярополчич, племянник Святополка (также изгой), и Ярополк Владимирович, сын Мономаха. Князья пошли с пехотою и конницею: пешие ехали в лодках по Днепру, конница шла берегом.

Прошедши пороги, у Хортицкого острова пешие высадились на берег, конные сели на лошадей и шли степью четыре дня. Половцы, услыхав, что идет Русь, собрались во множестве и начали думать; один из ханов, Урусоба, сказал: «Пошлем просить мира у Руси; они станут с нами биться крепко, потому что мы много зла наделали их земле». Молодые отвечали ему: «Если ты боишься Руси, то мы не боимся; избивши этих, пойдем в их землю, возьмем их города, и кто тогда защитит их от нас?» А русские князья и все ратники в это время молились Богу, давали обеты, кто кутью поставить, кто милостыню раздать нищим, кто в монастырь послать нужное для братии. Половцы послали впереди

в сторожах Алтунопу, который славился у них мужеством; русские выслали также передовой отряд проведать неприятеля; он встретился с отрядом Алтунопы и истребил его до одного человека; потом сошлись главные полки, и русские победили, перебили 20 ханов, одного, Белдюза, взяли живьем и привели к Святополку; Белдюз начал давать за себя окуп – золото и серебро, коней и скот; Святополк послал его ко Владимиру, и тот спросил пленника: «Сколько раз вы клялись не воевать, и потом все воевали Русскую землю? Зачем же ты не учил сыновей своих и родичей соблюдать клятву, а все проливал кровь христианскую? Так будь же кровь твоя на голове твоей», и велел убить его; Белдюза рассекли на части.

Потом собрались все братья, и Владимир сказал: «Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь; Господь избавил нас от врагов, покорил их нам, сокрушил главы змиевы и дал их брашно людям русским». Взяли тогда наши много скота, овец, лошадей, верблюдов, вежи со всякою рухлядью и рабами, захватили печенегов и торков, находившихся под властию половцев, и пришли в Русь с полоном великим, славою и победою. Святополк думал, что надолго избавились от половцев, и велел возобновить город Юрьев, сожженный ими перед тем.

Но жив был страшный Боняк; через год он подал о себе весть, пришел к Зарубу, находившемуся на западной стороне Днепра, против Трубежского устья, победил торков и берендеев. В следующем, 1106-м году Святополк должен был выслать троих воевод своих против половцев, опустошавших окрестности Заречьска; воеводы отняли у них полон. В 1107 году Боняк захватил конские табуны у Переяславля; потом пришел со многими другими ханами и стал около Лубен, на реке Суле. Святополк, Владимир, Олег с четырьмя другими князьями ударили на них внезапно с криком; половцы испугались, от страха не могли и стяга поставить и побежали: кто успел схватить лошадь – на лошади, а кто пешком; наши гнали их до реки Хорола и взяли стан неприятельский; Святополк пришел в Печерский монастырь к заутрене на Успеньев день и с радостию здоровался с братиею после победы.

Несмотря, однако, на эти успехи, Мономах и Святославичи – Олег и Давыд – в том же году имели съезд с двумя ханами и взяли у них дочерей замуж за сыновей своих. Поход троих князей – Святополка, Владимира и Давыда в 1110 году кончился ничем: они возвратились из города Воина по причине стужи и конского падежа; но в следующем году, думою и похотением Мономаха, князья вздумали навестить половцев на Дону, куда еще прежде, в 1109 году, Мономах посылал воеводу своего Дмитра Иворовича,

который и захватил там половецкие вежи. Пошли Святополк, Владимир и Давыд с сыновьями, пошли они во второе воскресенье Великого поста, в пятницу дошли до Сулы, в субботу были на Хороле, где бросили сани; в Крестопоклонное воскресенье пошли от Хороля и достигли Псела; оттуда пошли и стали на реке Голте, где дождались остальных воинов, и пошли к Ворскле; здесь в середу целовали крест со многими слезами и двинулись далее, перешли много рек и во вторник на шестой неделе достигли Дона.

Отсюда, надевши брони и выстроивши полки, пошли к половецкому городу Шаруканю, причем Владимир велел священникам своим ехать перед полками и петь молитвы; жители Шаруканя вышли навстречу князьям, поднесли им рыбу и вино; русские переночевали тут и на другой день, в среду, пошли к другому городу, Сугрову, и зажгли его; в четверг пошли с Дона, а в пятницу, 24 марта, собрались половцы, изрядили полки свои и двинулись против русских. Князья наши возложили всю надежду на Юога, говорит летописец, и сказали друг другу: «Помереть нам здесь; станем крепко!», перецеловались и, возведши глаза на небо, призывали Бога Вышнего. И Бог помог русским князьям: после жестокой битвы половцы были побеждены, и пало их много.

Весело на другой день праздновали русские Лазарево воскресение и Благовещение, а в воскресенье пошли дальше. В Страстной понедельник собралось опять множество половцев, и обступили полки русские на реке Салнице. Когда полки русские столкнулись с полками половецкими, то раздался точно гром, брань была лютая, и много падало с обеих сторон; наконец, выступили Владимир и Давыд с своими полками; увидавши их, половцы бросились бежать и падали пред полком Владимировым, невидимо поражаемые Ангелом; многие люди видели, как головы их летели, ссекаемые невидимою рукою.

Святополк, Владимир и Давыд прославили Бога, давшего им такую победу на поганых; русские взяли полона много – скота, лошадей, овец и колодников много побрали руками. Победители спрашивали пленных: «Как это вас была такая сила, и вы не могли бороться с нами, а тотчас побежали?» Те отвечали: «Как нам с вами биться? Другие ездят над вами в бронях светлых и страшных и помогают вам». Это ангелы, прибавляет летописец, от Бога посланные помогать христианам; Ангел вложил в сердце Владимиру Мономаху возбудить братьев своих на иноплеменников. Так, с Божиею помощью, пришли русские князья домой, к своим людям со славою великою, и разнеслась слава их по всем странам дальним, дошла до греков, венгров, ляхов, чехов, дошла даже до Рима.

Мы привели известие летописца о Донском походе князей на половцев со всеми подробностями, чтоб показать, какое великое значение имел этот поход для современников. Времена Святослава Старого вышли из памяти, а после никто из князей не ходил так далеко на восток, и на кого же? На тех страшных врагов, которые Киев и Переяславль не раз видели под своими стенами, от которых бегали целые города; половцы побеждены не в волостях русских, не на границах, но в глубине степей своих; отсюда понятно религиозное одушевление, с каким рассказано событие в летописи: только Ангел мог внушить Мономаху мысль о таком важном предприятии, Ангел помог русским князьям победить многочисленные полчища врагов: слава похода разнеслась по дальним странам; понятно, как она разнеслась на Руси и какую славу заслужил главный герой предприятия, тот князь, которому Ангел вложил мысль возбудить братьев к этому походу; Мономах явился под особенным покровительством Неба; пред его полком, сказано, падали половцы, невидимо поражаемые Ангелом. И надолго остался Мономах в памяти народной как главный и единственный герой Донского похода, долго ходило предание о том, как пил он Дон золотым шеломом, как загнал окаянных агарян за Железные ворота.

Так славно воспользовались князья, т. е. преимущественно Мономах, прекращением усобиц. Мы видели, что для Руси борьба с половцами и отношения княжеские составляли главный интерес; но из отдаленных концов, с севера, запада и востока доходил слух о борьбе русских людей с другими варварами, окружавшими их со всех сторон. Новгородцы с князем своим Мстиславом ходили на чудь, к западу от Чудского озера. Полоцкие и волынские князья боролись с ятвягами и латышами: иногда поражали их, иногда терпели поражение, наконец, на востоке младший Святославич, Ярослав, бился несчастно с мордвою; как видно, он княжил в Муроме.

При Святополке начинается связь нашей истории с историею Венгрии. Мы видели, какое значение для западных славянских народов имело вторжение венгров и утверждение их в Паннонии на развалинах Моравского государства. Любопытно читать у императора Льва Мудрого описание, каким образом венгры вели войну, потому что здесь находим мы объяснение наших летописных известий о венграх, равно как и о половцах: «Венгры, – говорит Лев, – с младенчества привыкают к верховой езде и не любят ходить пешком; на плечах носят они длинные копья, в руках – луки, и очень искусны в употреблении этого оружия. Привыкши стреляться с неприятелем, они не любят рукопашного боя; больше нравится им сражаться издали.

Лев VI перед Христом.
Изображения на мозаике в соборе Св. Софии в Константинополе. XII в.

Лев VI Мудрый, или Философ, (866—912) — византийский император (886—912) из Македонской династии. Прославился сочинением трактатов, стихов и речей. В его правление было завершено составление начатого его отцом свода законов — «Базилик».

В битве разделяют они свое войско на малые отряды, которые становят в небольшом расстоянии друг от друга». Мы видели, что именно так, заступами, расположили они свое войско в битве с Давыдом Игоревичем и Боняком половецким. В конце X века прекращает эта кочевая орда свои опустошительные набеги на соседей и начинает привыкать к оседлости, гражданственности, которая проникла к венграм вместе с христианством: в 994 году князь Гейза вместе с сыном своим принял крещение; этот сын его, св. Стефан, хотел дать новой религии окончательное торжество, для чего повестил, чтоб всякий венгерец немедленно крестился;

но следствием такого приказа было сильное восстание язычников, которое кончилось только после поражения, претерпенного ими в кровопролитной битве против войска княжеского. По смерти бездетного Стефана, первого короля Венгрии, начинаются усобицы между разными князьями из Арпадовой династии; этими усобицами пользуются императоры немецкие, чтоб сделать венгерских королей своими вассалами; пользуются вельможи, чтоб усилить свою власть на счет королевской, наконец, пользуется язычество, чтоб восстать еще несколько раз против христианства.

Только в конце XI века, при королях Владиславе Святом и Коломане, Венгрия начинает отдыхать от внутренних смут и вместе усиливаться на счет соседей, вмешиваться в их дела; вот почему мы видели Коломана в союзе с Святополком, против Давыда и Ростиславичей. Союз Коломана с Святополком был даже скреплен браком одного из королевичей венгерских на Предславе, дочери князя киевского. Сам Коломан незадолго перед смертью женился на дочери Мономаховой, Евфимии; но через год молодая королева была обвинена в неверности и отослана к отцу в Русь, где родила сына Бориса, так долго беспокоившего Венгрию своими притязаниями. Коломан умер в начале 1114 года, оставив престол сыну своему, Стефану II.

В начале 1113 года видели в Киеве солнечное затмение: небесное знамение предвещало смерть Святополкову, по словам летописца: князь умер 16 апреля, недолго переживши Давыда Игоревича, умершего в мае 1112 года. По Святополке плакали бояре и дружина его вся, говорит летописец, но о плаче народном не упоминает ни слова; княгиня его раздала много богатства по монастырям, попам, нищим, так что все дивились: никогда не бывало такой милостыни; Святополк был благочестив: когда шел на войну или куда-нибудь, то заходил прежде в Печерский монастырь поклониться гробу св. Феодосия и взять молитву у игумена; несмотря на то, летописец не прибавил ни слова в похвалу его, хотя любил сказать что-нибудь доброе о каждом умершем князе.

Солнечное затмение 1113 г.
Миниатюра из Радзивилловской летописи. XV в.

В житиях святых печерских находим дополнительные известия. которые объясняют нам причину молчания летописца: однажды вздорожала соль в Киеве; иноки Печерского монастыря помогали народу в такой нужде; Святополк, узнав об этом, пограбил соль у монахов, чтоб продать ее самому дорогою ценою; игумен Иоанн обличал ревностно его корыстолюбие и жестокость: князь заточил обличителя, но потом возвратил из опасения вооружить против себя Мономаха. Сын Святополка, Мстислав, был похож на отца: однажды разнеслась весть, что двое монахов нашли клад в пещере; Мстислав мучил без пощады этих монахов, выпытывая у них, где клад. Этот Мстислав был рожден от наложницы, которая, по некоторым известиям, имела сильное влияние на бесхарактерного Святополка. При нем, говорит автор житий, много было насилия от князя людям; домы вельмож без вины искоренил, имение у многих отнял; великое было тогда нестроение и грабеж беззаконный.

Таково было княжение Святополка для киевлян. Легко понять, что племя Изяславово потеряло окончательно народную любовь на Руси; дети Святослава никогда не пользовались ею: мы видели, какую славу имел Олег Гориславич в народе; в последнее время он не мог поправить ее, не участвуя в самых знаменитых походах других князей. Старший брат его, Давыд, был лицо незначительное; если он сделал менее зла Русской земле, чем брат его, то, как видно, потому, что был менее его деятелен; но если бы даже Давыд и имел большое значение, то оно исчезало пред значением Мономаха, который во все княжение Святополка

стоял на первом плане; от него одного только народ привык ждать всякого добра; мы видели, что в летописи он является любимцем неба, действующим по его внушению, и главным зачинателем добрых предприятий; он был старшим на деле; любопытно, что летописец при исчислении князей постоянно дает ему второе место после Святополка, впереди Святославичей: могли ли они после того надеяться получить старшинство по смерти Святополковой? При тогдашних неопределенных отношениях, когда княжил целый род, странно было бы ожидать, чтоб Святополково место занято было кем-нибудь другим, кроме Мономаха.

Мы видели, как поступили новгородцы, когда князья хотели вывести из города любимого ими Мстислава; так же поступают киевляне по смерти Святополка, желая видеть его преемником Мономаха. Они собрали вече, решили, что быть князем Владимиру, и послали к нему объявить об этом: «Ступай, князь, на стол отцовский и дедовский», – говорили ему послы. Мономах, узнав о смерти Святополка, много плакал и не пошел в Киев: если по смерти Всеволода он не пошел туда, уважая старшинство Святополка, то ясно, что и теперь он поступал по тем же побуждениям, уважая старшинство Святославичей.

Но у киевлян были свои расчеты: они разграбили двор Путяты-тысяцкого за то, как говорит одно известие, что Путята держал сторону Святославичей, потом разграбили дворы сотских и жидов; эти слова летописи подтверждают то известие, что Святополк из корыстолюбия дал большие льготы жидам, которыми они пользовались в ущерб народу и тем возбудили против себя всеобщее негодование. После грабежа киевляне послали опять к Владимиру с такими словами: «Приходи, князь, в Киев; если же не придешь, то знай, что много зла сделается: ограбят уже не один Путятин двор или сотских и жидов, но пойдут на княгиню Святополкову, на бояр, на монастыри, и тогда ты, князь, дашь Богу ответ, если монастыри разграбят». Владимир, услыхавши об этом, пошел в Киев; навстречу к нему вышел митрополит с епископами и со всеми киевлянами, принял его с честью великою, все люди были рады, и мятеж утих.

Так после первого же старшего князя во втором поколении нарушен уже был порядок первенства вследствие личных достоинств сына Всеволодова; племя Святославово потеряло старшинство, должно было ограничиться одною Черниговскою волостию, которая таким образом превращалась в отдельную от остальных русских владений отчину, подобно Полоцкой отчине Изяславичей. На первый раз усобицы не было: Святославичам нельзя было спорить с Мономахом; но они затаили обиду свою

только на время.

В непосредственной связи с приведенными обстоятельствами избрания Мономахова находится известие, что Владимир, тотчас по вступлении на старший стол, собрал мужей своих, Олег Святославич прислал также своего мужа, и порешили ограничить росты; очень вероятно, что жиды, с позволения Святополкова, пользовались неумеренными ростами, за что и встал на них народ.

Святославичи не предъявляли своих прав, с ними не было войны; несмотря на то, и княжение Мономаха не обошлось без усобиц. Мы видели еще при Святополке поход князей на Глеба Всеславича Минского; этот князь, как видно, наследовал дух отца своего и деда и вражду их с Ярославичами: он не побоялся подняться на сильного Мономаха, опустошил часть земли дреговичей, принадлежавшую Киевскому княжеству, сжег Слуцк, и когда Владимир посылал к нему с требованием, чтоб унялся от насилий, то он не думал раскаиваться и покоряться, но отвечал укоризнами.

Тогда Владимир в 1116 году, надеясь на бога и на правду, по выражению летописца, пошел к Минску с сыновьями своими, Давыдом Святославичем и сыновьями Олеговыми. Сын Мономаха, Вячеслав, княживший в Смоленске, взял Оршу и Копыс; Давыд с другим сыном Мономаховым, Ярополком, княжившим в Переяславле, на отцовском месте, взяли Друцк приступом, а сам Владимир пошел к Минску и осадил в нем Глеба. Мономах решился взять Минск, сколько бы ни стоять под ним, и для того велел у стана строить прочное жилье (избу); Глеб, увидав приготовление к долгой осаде, испугался и начал слать послов с просьбами: Владимир, не желая, чтоб христианская кровь проливалась Великим постом, дал ему мир; Глеб вышел из города с детьми и дружиною, поклонился Владимиру и обещался во всем его слушаться; тот, давши ему наставление, как вперед вести себя, возвратил ему Минск и пошел назад в Киев; но сын его, Ярополк Переяславский, не думал возвращать свой плен, жителей Друцка; тяготясь более других князей малонаселенностью своей степной волости, так часто опустошаемой половцами, он вывел их в Переяславское княжество и срубил для них там город Желни. Минский князь, как видно, недолго исполнял наказ Владимиров: в 1120 году у Глеба отняли Минск и самого привели в Киев, где он в том же году и умер.

Другая усобица происходила на Волыни. Мы видели, что Владимир жил дружно с Святополком; последний хотел еще более скрепить эту дружбу, которая могла быть очень выгодна для сына его, Ярослава, и женил последнего на внучке

Мономаховой, дочери Мстислава Новгородского. Но самый этот брак, если не был единственною, то по крайней мере одною из главных причин вражды между Ярославом и Мономахом. Под 1118 годом встречаем известие, что Мономах ходил войною на Ярослава к Владимиру-Волынскому вместе с Давидом Святославичем, Володарем и Васильком Ростиславичами. После двухмесячной осады Ярослав покорился, ударил челом перед дядею; тот дал ему наставление, велел приходить к себе по первому зову и пошел назад с миром в Киев.

В некоторых списках летописи прибавлено, что причиною похода Мономахова на Ярослава было дурное обращение последнего с женою своею, известие очень вероятное, если у Ярослава были наследственные от отца наклонности. Но есть еще другое известие, также очень вероятное, что Ярослав был подучаем поляками ко вражде с Мономахом и особенно с Ростиславичами. Мы видели прежде вражду последних с поляками, которые не могли простить Васильку его опустошительных нападений и завоеваний; Ярослав, подобно отцу, не мог забыть, что волость Ростиславичей составляла некогда часть Волынской волости: интересы, следовательно, были одинакие и у польского и у волынского князя; но, кроме того, их соединяла еще родственная связь. Мы видели, что еще на Брестском съезде между Владиславом-Германом и Святополком было положено заключить брачный союз: дочь Святополкову Сбыславу выдали за сына Владиславова, Болеслава Кривоустого; но брак был отложен по малолетству жениха и невесты.

В 1102 году умер Владислав-Герман, еще при жизни своей разделивши волости между двумя сыновьями – законным Болеславом и незаконным Збигневом. Когда вельможи спрашивали у него, кому же из двоих сыновей он дает старшинство, то Владислав отвечал: «Мое дело разделить волости, потому что я стар и слаб; но возвысить одного сына перед другим или дать им правду и мудрость может только один Бог. Мое желание – чтоб вы повиновались тому из них, который окажется справедливее другого и доблестнее при защите родной земли».

Эти слова, приводимые польским летописцем, очень замечательны: они показывают всю неопределенность в понятиях о порядке наследства, какая господствовала тогда в славянских государствах. Лучшим между братьями оказался Болеслав, который вовсе не был похож на отца, отличался мужеством, деятельностию. Болеслав остался верен отцовскому договору с Святополком, женился на дочери последнего – Сбыславе, и, вследствие этого родственного союза, Ярослав Волынский

постоянно помогал Болеславу в усобице его с братом Збигневом; нет ничего странного, следовательно, что князья польский и волынский решились действовать вместе против Ростиславичей.

Но мог ли Мономах спокойно смотреть на это, тем более что он находился с Ростиславичами в родственной связи: сын его Роман был женат на дочери Володаря: ясно, что он должен был вступиться за последнего и за брата его; сначала, говорит то же известие, он посылал уговаривать Ярослава, потом звал его на суд пред князей, наконец, когда Ярослав не послушался, пошел на него войною, исход которой мы изложили по дошедшим до нас летописям. В них встречаем еще одно важное известие, что перед походом на Ярослава Мономах перезвал из Новгорода старшего сына своего Мстислава и посадил его подле себя, в Белгороде: это могло заставить Ярослава думать, что Мономах хочет, по смерти своей, передать старшинство сыну своему, тогда как Мономах мог это сделать именно вследствие неприязненного поведения Ярослава.

Принужденная покорность последнего не была продолжительна: скоро он прогнал свою жену, за что Мономах выступил вторично против него; разумеется, Ярослав мог решиться на явный разрыв, только собравши значительные силы и в надежде на помощь польскую и венгерскую, потому что и с королем венгерским он был также в родстве; но собственные бояре отступили от волынского князя, и он принужден был бежать сперва в Венгрию, потом в Польшу. Мономах посадил во Владимире сперва сына своего Романа, а потом, по смерти его, другого сына – Андрея. Что эти события были в связи с польскою войною, доказательством служит поход нового владимирского князя Андрея с половцами в Польшу в 1120 году.

В следующем году Ярослав с поляками подступил было к Червеню; Мономах принял меры для безопасности пограничных городов: в Червени сидел знаменитый муж Фома Ратиборович, который и заставил Ярослава возвратиться ни с чем. Для поляков, как видно, самым опасным врагом был Володарь Ростиславич, который не только водил на Польшу половцев, но был в союзе с другими опасными ее врагами, поморянами и пруссаками. Не будучи в состоянии одолеть его силою, поляки решились схватить его хитростию. В то время при дворе Болеслава находился знаменитый своими похождениями Петр Власт, родом, как говорят, из Дании. В совете, который держал Болеслав по случаю вторжений Володаря, Власт объявил себя против открытой войны с этим князем, указывал на связь его с половцами, поморянами, пруссаками, которые все в одно время могли напасть на Польшу, и советовал схватить Ростиславича хитростию, причем предложил

свои услуги. Болеслав принял предложение, и Власт отправился к Володарю в сопровождении тридцати человек, выставил себя изгнанником, заклятым врагом польского князя и успел приобресть полную доверенность Ростиславича.

Однажды оба они выехали на охоту; князь, погнавшись за зверем, удалился от города, дружина его рассеялась по лесу, подле него остался только Власт с своими; они воспользовались благоприятною минутою, бросились на Володаря, схватили и умчали к польским границам. Болеслав достиг своей цели: Василько Ростиславич отдал всю свою и братнюю казну, чтоб освободить из плена Володаря; но, что было всего важнее, Ростиславичи обязались действовать заодно с поляками против всех врагов их: иначе мы не можем объяснить присутствие обоих братьев в польском войске во время похода его на Русь в 1123 году.

В этот год Ярослав пришел под Владимир с венграми, поляками, чехами, обоими Ростиславичами – Володарем и Васильком; было у него множество войска, говорит летописец. Во Владимире сидел тогда сын Мономахов Андрей, сам Мономах собирал войска в Киевской волости, отправив наперед себя ко Владимиру старшего сына Мстислава с небольшим отрядом; но и тот не успел прийти, как осада была уже снята. В воскресенье рано утром подъехал Ярослав сам-третей к городским стенам и начал кричать Андрею и гражданам: «Это мой город; если не отворитесь, не выйдете с поклоном, то увидите: завтра приступлю к городу и возьму его».

Но в то время, когда он еще ездил под городом, из последнего вышли тихонько два поляка, без сомнения, находившиеся в службе у Андрея, что тогда было дело обыкновенное, и спрятались при дороге; когда Ярослав возвращался от города мимо их, то они вдруг выскочили на дорогу и ударили его копьем; чуть-чуть живого успели примчать его в стан, и в ночь он умер. Король венгерский Стефан II решился было продолжать осаду города, но вожди отдельных отрядов его войска воспротивились этому, объявили, что не хотят без цели проливать кровь своих воинов, вследствие чего все союзники Ярославовы разошлись по домам, отправив послов ко Владимиру с просьбою о мире и с дарами.

Летописец распространяется об этом событии: «Так умер Ярослав, – говорит он, – одинок при такой силе; погиб за великую гордость, потому что не имел надежды на Бога, а надеялся на множество войска; смотри теперь, что взяла гордость? Разумейте, дружина и братья, по ком Бог: по гордом или по смиренном? Владимир, собирая войско в Киеве, плакался пред Богом о

насилье и гордости Ярославовой; и была великая помощь Божия благоверному князю Владимиру за честное его житие и за смирение; а тот молодой гордился против деда своего, и потом опять против тестя своего Мстислава».

Эти слова замечательны, во-первых, потому, что в них высказывается современный взгляд на междукняжеские отношения: Ярослав в глазах летописца виноват тем, что, будучи молод, гордился перед дядею и тестем, – чисто родовые отношения, за исключением всяких других. Во-вторых, очень замечательны слова об отношениях Ярослава к Мстиславу: Ярослав выставляется молодым, пред Мстиславом, порицается за гордость пред ним: не заключают ли эти слова намека на столкновение прав тестя и зятя на старшинство? не заключалась ли гордость Ярослава преимущественно в том, что он, будучи молод и зять Мстиславу, вздумал выставлять права свои перед ним, как сын старшего из внуков Ярославовых? Нам кажется это очень вероятным.

Как бы то ни было, однако и самая старшая линия в Ярославовом потомстве потеряла право на старшинство смертию Ярослава; если и последний, по мнению летописца, был молод пред Мстиславом, то могли ли соперничать с ним младшие братья Ярославовы, Изяслав и Брячислав: оба они умерли в 1127 году; потомство Святополково вместе с Волынью лишилось и Турова, который также отошел к роду Мономахову; за Святополковичами остался здесь, как увидим после, один Клецк. Наконец, заметим, что Мономаху и племени его везде благоприятствовало народное расположение: Ярослав не мог противиться Мономаху во Владимире; бояре отступили от него, и когда он пришел с огромным войском под Владимир, то граждане не думали отступать от сына Мономахова.

Так кончились при Владимире междукняжеские отношения и соединенные с ними отношения польские. Касательно других европейских государств при Мономахе останавливают нас летописные известия об отношениях греческих. Дочь Мономаха Мария была в замужестве за Леоном, сыном императора греческого Диогена; известны обычные в Византии перевороты, которые возвели на престол дом Комнинов в ущерб дома Диогенова. Леон, без сомнения, не без совета и помощи тестя своего, русского князя, вздумал в 1116 году вооружиться на Алексея Комнина и добыть себе какую-нибудь область; несколько дунайских городов уже сдались ему; но Алексей подослал к нему двух арабов, которые коварным образом умертвили его в Доростоле. Владимир хотел по крайней мере удержать для внука своего Василия приобретения Леоновы и послал воеводу Ивана

Войтишича, который посажал посадников по городам дунайским; но Доростол захвачен был уже греками: для его взятия ходил сын Мономаха Вячеслав с воеводою Фомою Ратиборовичем на Дунай, но принужден был возвратиться без всякого успеха.

Император Алексей I Комнин перед Христом.
Миниатюра XIII—XIV вв.

По другим известиям, русское войско имело успех во Фракии, опустошило ее, и Алексей Комнин, чтобы избавиться от этой войны, прислал с мирными предложениями к Мономаху Неофита, митрополита Эфесского, и других знатных людей, которые

поднесли киевскому князю богатые дары – крест из Животворящего древа, венец царский, чашу сердоликовую, принадлежавшую императору Августу, золотые цепи и проч., причем Неофит возложил этот венец на Владимира и назвал его царем. Мы видели, что царственное происхождение Мономаха по матери давало ему большое значение, особенно в глазах духовенства; в памятниках письменности XII века его называют царем, какую связь имело это название с вышеприведенным известием – было ли его причиною или следствием, решить трудно; заметим одно, что известие это не заключает в себе ничего невероятного; очень вероятно также, что в Киеве воспользовались этим случаем, чтоб дать любимому князю и детям его еще более прав на то значение, которое они приобрели в ущерб старшим линиям. Как бы то ни было, мы не видим после возобновления военных действий с греками и под 1122 годом встречаем известие о новом брачном союзе внучки Мономаховой, дочери Мстислава, с одним из князей династии Комнинов.

Печать великого князя Киевского (1125—1132) Мстислава Владимировича

Мы вправе ожидать, что половцам и другим степным ордам стало не легче, когда Мономах сел на старшем столе русском. Узнавши о смерти Святополка, половцы явились было на восточных границах; но Мономах, соединившись с Олегом, сыновьями своими и племянниками, пошел на них и принудил к бегству. В 1116 году видим опять наступательное движение русских: Мономах послал сына своего Ярополка, а Давыд – сына своего Всеволода на Дон, и князья эти взяли у половцев три города. Ряд удачных походов русских князей, как видно, ослабил силы половцев и дал подчиненным торкам и печенегам надежду освободиться от их зависимости; они встали против половцев, и

страшная резня происходила на берегах Дона: варвары секлись два дня и две ночи, после чего торки и печенеги были побеждены, прибежали в Русь и были поселены на границах. Но движения в степях не прекращались: в следующем году пришли в Русь беловежцы, также жители донских берегов; так русские границы населялись варварскими народами разных названий, которые будут играть важную роль в нашем дальнейшем рассказе; но сначала, как видно, эти гости были очень беспокойны, не умели отвыкнуть от своих степных привычек и уживаться в ладу с оседлым народонаселением: в 1120 году Мономах принужден был выгнать берендеев из Руси, а торки и печенеги бежали сами.

Ярополк после того ходил на половцев за Дон, но не нашел их там: недаром предание говорит, что Мономах загнал их на Кавказ. Новгородцы и псковичи продолжали воевать с чудью на запад от Чудского озера: в 1116 году Мстислав взял город Оденпе, или Медвежью Голову, погостов побрал бесчисленное множество и возвратился домой с большим полоном; сын его Всеволод в 1122 году ходил на финское племя ямь и победил его; но дорога была трудна по дороговизне хлеба. На северо-востоке борьба с иноплеменниками шла также удачно: прежде мы встречали известия о поражениях, которые претерпевали муромские волости от болгар и мордвы, но теперь под 1120 годом читаем, что сын Мономахов, Юрий, посаженный отцом в Ростовской области, ходил по Волге на болгар, победил их полки, взял большой полон и пришел назад с честью и славою.

Так во всех концах русских волостей оправдались надежды народа на благословенное княжение Мономаха. После двенадцатилетнего правления в Киеве, в 1125 году, умер Мономах, просветивший Русскую землю, как солнце, по выражению летописца; слава его прошла по всем странам, особенно же был он страшен поганым; был он братолюбец и нищелюбец и добрый страдалец (труженик) за Русскую землю. Духовенство плакало по нем как по святом и добром князе, потому что много почитал он монашеский и священнический чин, давал им все потребное, церкви строил и украшал; когда входил в церковь и слышал пение, то не мог удержаться от слез, потому-то Бог и исполнял все его прошения и жил он в благополучии; весь народ плакал по нем, как плачут дети по отце или по матери. Рассмотревши деятельность второго поколения Ярославичей, взглянем и на деятельность дружинников княжеских. Мы видели, что с приходом Святополка из Турова в Киев в последнем городе явились две дружины: старая, бывшая при Изяславе и Всеволоде, и новая, приведенная Святополком.

Мы заметили, что летописец явно отдает предпочтение

старой пред новою: члены первой являются у него людьми разумными, опытными, члены второй называются несмысленными. Любопытно заметить также при этом, что члены старой дружины, люди разумные, держатся постоянно Мономаха и его думы. Из них на первом месте у летописца является Ян Вышатич, которого деятельность видели мы при первом поколении; в последний раз является Ян под 1106 годом, когда он вместе с братом своим Путятою и Иваном Захарьичем прогнал половцев и отнял у них полон. Вслед за этим встречаем известие о смерти Яна, старца доброго, жившего лет 90: «Жил он по закону Божию, – говорит летописец, – не хуже первых праведников, от него и я слышал много рассказов, которые и внес в летопись».

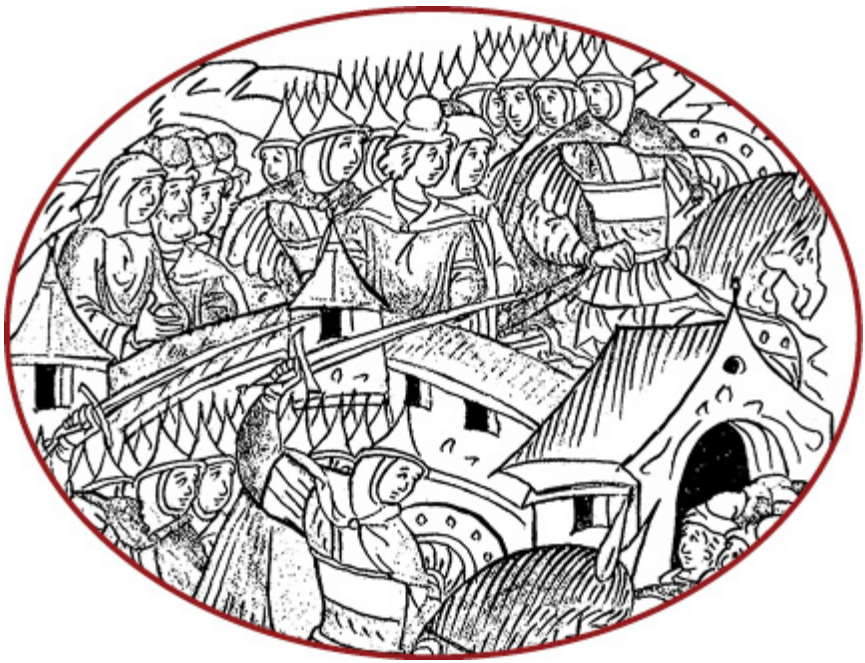
Трудно решить, разумел ли здесь летописец нашего Вышатича или другого какого-нибудь Яна; кажется, в первом случае он прибавил бы что-нибудь и о его гражданских подвигах. Гораздо чаще упоминается имя брата Янова, Путяты, который был тысяцким при Святополке в Киеве; вы видели, что при Всеволоде был киевским тысяцким Ян; каким образом эта должность перешла к младшему брату от старшего при жизни последнего, мы не знаем; любопытно одно, что это звание сохраняется в семье Вышаты, тысяцкого Ярославова.

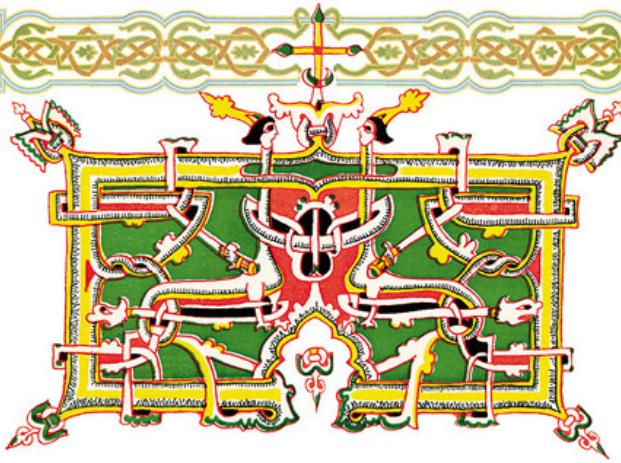
Деятельность Путяты мы видели в войне Святополка с Давыдом Волынским, на Витичевском съезде, в походе на половцев в 1106 году; наконец, по смерти Святополка, видим, что народ грабит дом Путяты за приверженность его к Святославичам; можно думать, что не столько личная привязанность к этому роду могла руководить поведением Путяты, сколько привязанность к обычному порядку старшинства, нарушение которого неминуемо влекло за собою смуту и усобицы. Кроме братьев Вышатичей – Яна и Путяты, из мужей Святополковых, бояр киевских, упоминаются: Василь, Славата, Иванко Захарьич, Козарин.

После Всеволода муж его Ратибор, которого мы видели посадником в Тмутаракани, не остался в Киеве, но перешел к Мономаху, у которого в Переяславле пользовался большим значением, что видно из рассказа об убийстве половецких ханов; потом мы видим его на Витичевском съезде; наконец, когда Мономах занял старший стол, Ратибор сделался тысяцким в Киеве, на место Путяты: в этом звании он участвует в перемене устава о ростах вместе с Прокопием, белогородским тысяцким, Станиславом (Тукиевичем) переяславским, и еще двумя мужами – Нажиром и Мирославом; здесь в другой раз замечаем, что перемена в земском уставе делается в совете тысяцких разных городов, встречаем имена двоих сыновей Ратиборовых – Ольбега

и Фомы; кроме них, еще имена двоих воевод Мономаховых – Дмитра Иворовича и Ивана Войтишича, первого в походе на половцев за Дон, второго на греков к Дунаю, наконец, Орогоста, действовавшего вместе с Ратибором на Витичевском съезде.

Из черниговских бояр у Святославичей встречаем имена: Торчина, при рассказе о Витичевском съезде и Иванка Чудиновича, бывшего при перемене устава о ростах; если этот Иванко сын Чудина, боярина Изяславова, то любопытно, что сын очутился в дружине Святославичей. Из волынских бояр встречаем имена Туряка, Лазаря и Василя, выставленных главными виновниками ослепления Василька. Что касается до происхождения членов княжеской дружины, то имена Торчина, боярина Святославичей Черниговских, и Козарина, боярина Святополкова, ясно на него указывают; имена прислуги княжеской – Торчина, овчаря Святополкова, Бяндука, отрока Мономахова, Кульмея, Улана и Колчка, отроков Давыда Волынского, могут указывать также на варварское происхождение.





Приложение 3

Н. И. Костомаров

КНЯЗЬ ВЛАДИМИР МОНОМАХ

Приложение 3. Н. И. Костомаров. КНЯЗЬ ВЛАДИМИР МОНОМАХ

Николай Иванович Костомаров (1817—1885) — общественный деятель, публицист и поэт, выдающийся историк, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук, один из руководителей Кирилло-Мефодиевского общества. Автор многотомного издания «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей».

Между древними князьями дотатарского периода после Ярослава никто не оставил по себе такой громкой и доброй памяти, как Владимир Мономах, князь деятельный, сильный волей, выделявшийся здравым умом посреди своей братии князей русских. Около его имени вращаются почти все важные события русской истории во второй половине XI и в первой четверти XII века. Этот человек может по справедливости назваться представителем своего времени. Славянорусские народы, с незапамятных времен жившие отдельно, мало-помалу подчинились власти киевских князей, и, таким образом, задачей их совокупной истории стало постепенное и медленное образование государственной цельности. В каких формах и в какой степени могла проявиться эта цельность и достигнуть полного своего осуществления – это зависело уже от последующих условий и обстоятельств.

Общественное устройство у этих народов имело те общие для всех признаки, что они составляли земли, которые тянули к городам, пунктам своего средоточия, и, в свою очередь, дробились на части, хотя сохраняли до известной степени связь как между частями дробления, так и между более крупными единицами, и отсюда происходило, что города были двух родов: старейшие и меньшие; последние зависели от первых, но с признаками внутренней самобытности. Члены земли собирались в городах совещаться о своих делах, а творить расправу, защищать землю и управлять ею должен был князь. Сперва политическая власть киевских князей выражалась только тем, что они собирали дань с подчиненных, а потом шагом к более

прочному единству и связи между землями было размещение сыновей киевского князя в разных землях, а следствием этого было разветвление княжеского рода на линии, более или менее соответствовавшие расположению и разветвлению земель.

Это размещение княжеских сыновей началось еще в язычестве, но грубые варварские нравы не допускали развиться какому-нибудь новому порядку; сильнейшие братья истребляли слабейших. Так, из сыновей Святослава остался только один Владимир; у Владимира было много сыновей, и всех их он разместил по землям; но Святополк, по образцу языческих предков, начал истреблять братьев, и дело кончилось тем, что, за исключением особо выделенной полоцкой земли, которая досталась старшему сыну Владимира Изяславу как удел его матери, вся остальная Русь была под властью одного киевского князя Ярослава.

Это не было единодержавие в нашем смысле слова и вовсе не вело к прочному сцеплению земель между собой, а, напротив, чем более земель могло скопиться под властью единого князя, тем менее было возможности этой единой власти наблюдать над ними и иметь влияние на течение событий в этих подвластных землях. Напротив, когда, после принятия христианства вместе с одною верою входил в Русь и единый письменный язык и одинаковые нравственные, политические и юридические понятия, если в различных землях и пребывали свои князья, то эти князья – происходя из единого княжеского рода, сохраняя более или менее одинаковые понятия, привычки, предания, воззрения, руководимые при этом единой Церковью, – своим управлением способствовали распространению таких свойств и признаков, которые были одинаковы во всех землях и, следовательно, вели их к единению между собою.

После Ярослава начинается уже непрерывно тот период, который обыкновенно называют удельным. Особые князья явились в земле северян или черниговцев, в земле смоленских кривичей[409], в земле волынской, в земле хорватской или галицкой. В земле новгородской сначала соблюдалось как бы правило, что там князем должен быть старший сын киевского князя, но это правило очень скоро уступило силе народного выбора. Земля полоцкая уже прежде имела особых князей. В земле русской или киевской выделилось княжение переяславское, и к этому княжению по разделу Ярослава присоединена отдаленная Ростовская область. Собственно, не было ни правил для размещения князей, ни порядка их преемственности, ни даже прав каждого лица из княжеского рода на княжение где бы то ни было, а потому, естественно, должен был возникать ряд

недоразумений, которые приводили неизбежно к междоусобиям.

Само собой разумеется, что это задерживало ход развития тех начал образованности, которые Русь получила вместе с христианской верой. Но еще более препятствовало этому развитию соседство с кочевыми народами и непрестанные столкновения с ними. Русь как будто приговором судьбы осуждена была видеть у себя приходивших с востока гостей, сменявших друг друга: в X веке и в первой половине XI в. она терпела от печенегов, а с половины XI ст. их сменили половцы. При внутренней безладице и княжеских усобицах, Русь никак не могла оградить себя и избавиться от такого соседства, тем более, когда князья сами приглашали иноплеменников в своих междоусобиях друг против друга.

При таком положении дел важнейшею задачею тогдашней политической деятельности было, с одной стороны, установление порядка и согласия между князьями, а с другой – дружное обращение всех сил Русской земли на свою защиту против половцев. В истории дотатарского периода мы не видим ни одной такой личности, которой бы удалось совершить прочно и плодотворно такой великий подвиг; но из всех князей никто не стремился к этой цели с такой ясностью взгляда и с таким, хотя временным, успехом, как Мономах, и потому имя его долго пользовалось уважением. Кроме того, о его жизни сложилось понятие, как об образцовом князе.

Владимир родился в 1053 году, за год до смерти деда своего Ярослава. Он был сыном Всеволода, любимейшего из сыновей Ярослава; тогда как прочих сыновей Ярослав разместил по землям, назначив им уделы, Всеволода отец постоянно держал возле себя, хотя дал ему в удел близкий от Киева Переяславль и отдаленный Ростов. Старик Ярослав умер на руках у Всеволода. Мать Владимира, последняя супруга Всеволода, была дочь греческого императора Константина Мономаха; Владимир по деду со стороны матери получил имя Мономаха. Таким образом, у него было три имени: одно княжеское – Владимир, другое крестное – Василий, третье дедовское по матери – Мономах.

Будучи тринадцати лет от роду, он принялся за занятия, которые, по тогдашним понятиям, были приличны княжескому званию – войною и охотою. Владимир в этом случае не был исключением, так как в те времена князья вообще очень рано делали то, что, по нашим понятиям, прилично только возмужалым; их даже женили в отроческих летах. Отец послал Владимира в Ростов, и путь его лежал через землю вятичей, которые еще тогда не хотели спокойно подчиняться княжеской власти Рюрикова дома. Владимир недолго был в Ростове и скоро

появился в Смоленске.

На Руси тем временем начинались одна за другой две беды, терзавшие страну целые века. Сначала поднялись княжеские междоусобия. Начало им было положено тем, что сын умершего Ярославова сына, Владимира, Ростислав бежал в Тмутаракань, город, находившийся на Таманском полуострове и принадлежавший тогда черниговскому князю, поместившему там своего сына Глеба. Ростислав выгнал этого Глеба, но и сам не удержался после него. Это событие, само по себе одно из множества подобных в последующие времена, кажется замечательным именно потому, что оно было тогда первым в этом роде. Затем прорвалась вражда между полоцкими князьями и Ярославичами. В 1067 году полоцкий князь Всеслав напал на Новгород и ограбил его; за это Ярославичи пошли на него войной, разбили и взяли в плен.

В следующем, 1068-м, году настала беда другого рода. Нахлынули с востока половцы, кочевой народ тюркского племени; они стали нападать на русские земли. Первое столкновение с ними было неудачно для русских. Киевский князь Изяслав был разбит и вслед за тем прогнан самими киевлянами, с которыми он и прежде не ладил. Изяслав возвратился в Киев с помощью чужеземцев-поляков, а его сын варварски казнил и мучил киевлян, изгнавших его отца; потому-то киевляне при первой же возможности опять избавились от своего князя. Изяслав снова бежал, а вместо него сел на киевский стол его брат Святослав, княживший прежде в Чернигове; тогда черниговской землей стал управлять Всеволод, а сына его Владимира Мономаха посадили на княжение в Смоленске.

Во все продолжение княжения Святослава Владимир служил ему, как старейшему князю, так как отец Владимира, Всеволод, находился в согласии со Святославом. Таким образом, Владимир по поручению Святослава ходил на помощь полякам против чехов, а также в интересах всего Ярославова племени воевал против полоцких князей. В 1073 году Святослав умер, и на киевский стол опять сел Изяслав, на этот раз, как кажется, поладивший с киевлянами и со своим братом Всеволодом. Этот князь вывел прочь из Владимира-Волынского сына Святославова Олега, с тем чтобы там посадить своего собственного сына. Олег, оставшись без удела, прибыл в Чернигов к Всеволоду: Владимир находился тогда в дружелюбных отношениях с этим князем и, приехав из Смоленска в Чернигов, угощал его вместе с отцом своим. Но Олегу досадно было, что земля, где княжил его отец и где протекло его детство, находится не у него во власти.

В 1073 году он убежал из Чернигова в Тмутаракань, где после

Ростислава жил уже подобный ему князь, беглец Борис, сын умершего Вячеслава Ярославича. Не должно думать, чтобы такого рода князья действительно имели какие-нибудь права на то, чего добивались. Тогда еще не было установлено и не вошло в обычай, чтобы все лица княжеского рода непременно имели удел, как равным образом не утвердилось правило, чтобы во всякой земле были князьями лица, принадлежавшие к одной княжеской ветви в силу своего происхождения.

В самом распоряжении Ярослава не видно, чтобы, размещая своих сыновей по землям, он имел заранее в виду распространить право посаженных сыновей на их потомство. Сыновья Ярослава также не установили такого права, как это видно в Смоленске и на Волыни[410]. Только ветвь полоцкая держалась упорно и последовательно в своей кривской земле, хотя Ярославичи хотели ее оттуда вытеснить. При совершенной неопределенности отношений, при отсутствии общепринятых и освященных временем прав князей на княжение, понятно, что всякий князь, как только обстоятельства давали ему силу, старался устроить своих ближних, – главное, сыновей, если у него они были, – и в таком случае не стеснялся столкнуть с места иного князя, который был ему менее близок: от таких поступков не могла останавливать князей мысль о нарушении чужого права, потому что такого права еще не существовало.

Со своей стороны, очень естественно было князю искать княжения так же, как княжили его родитель и родные, и преимущественно там, где был князем его отец, где, быть может, он сам родился и где с детства привыкал к мысли заступить место отца. Такой князь легче всего мог найти себе помощь у воинственных иноплеменников. И вот бежавшие в Тмутаракань Олег и Борис обратились к половцам. Не они первые вмешали этих врагов Руси в ее внутренние междоусобия. Сколько нам известно, первый, показавший им дорогу к такому вмешательству, был Владимир Мономах, так как, по собственному его известию, помещенному в его «Поучении», он еще прежде них, при жизни своего дяди Святослава Ярославича, водил половцев на полоцкую землю.

Корона Константина IX Мономаха

Отец матери Владимира Мономаха, византийский император Константин IX Мономах (1042—1050), подарил эту корону венгерскому королю Андрашу I ко дню коронации его и его супруги Анастасии, дочери Ярослава Мудрого.

Олег и Борис с половцами бросились на северскую землю. Всеволод вышел против них из Чернигова и был разбит. Олег легко овладел Черниговом; черниговцы приняли его сами, так как знали его издавна: вероятно, он и родился в Чернигове. Когда после того Всеволод вместе с киевским князем Изяславом хотел отнять Чернигов у Олега, черниговцы показали себя преданными Олегу, и, после того как Всеволод и Изяслав успели овладеть стенами окольного города и сожгли строения, находившиеся в черте, образуемой этим окольным городом, жители не сдавались, ушли во внутренний город, так называемый «большой», и

защищались в нем до последних сил.

Олега с ними в городе не было: упорство, с которым тогда стояли за него черниговцы, не поддерживалось его присутствием или стараниями и, вероятно, происходило от искренней привязанности к нему черниговцев. Владимир был тогда с отцом. Услышавши, что Олег с Борисом идет против них на выручку Чернигова и ведет с собой половцев, князья оставили осаду и пошли навстречу врагам. Битва произошла на Нежатиной Ниве близ села этого имени. Борис был убит, Олег бежал. Но их победители дорого заплатили за свою победу. Киевский князь Изяслав был убит в этой сече.

Смерть Изяслава доставила Киев Всеволоду. Чернигов, потеряв надежду на Олега, сдался, и в этом городе посадили Владимира Мономаха. Олег и брат его Роман Святославич в 1079 году попытались выгнать Владимира из Чернигова, но безуспешно. Владимир предупредил их, вышел с войском к Переяславлю и без битвы избавился от соперников; он заключил мир с половцами, помогавшими Святославичам. Половцы и находившиеся с ними хазары предательски поступили со своими союзниками: Олега отправили в Царьград, а Романа убили. Уменье рассорить своих противников показывает большую сметливость Владимира.

Оставшись на княжении в Чернигове, Владимир со всех сторон должен был расправляться с противниками. Тмутаракань опять ускользнула из-под его власти: там утвердились два другие безудельные князья, сыновья Ростислава Владимировича. Половцы беспрестанно беспокоили черниговскую землю. Союз с ними, устроенный Владимиром под Переяславлем, не мог быть прочен: во-первых, половцы – народ хищнический, не слишком свято держали всякие договоры; во-вторых, половцы разбивались на орды, находившиеся под предводительством разных князьков или ханов и называемых в наших летописях «чадью»; тогда как одни мирились с русским князем, другие нападали на его область. Владимир расправлялся с ними, сколько это было возможно. Таким образом, когда двое половецких князьков опустошили окрестности северского пригорода Стародуба, Владимир, пригласив на помощь другую орду, разбил их, а потом под Новым Городом (Новгородом-Северским) рассеял орду другого половецкого князя и освободил пленников, которых половцы уводили в свои становища, называемые в летописях «вежами».

На севере у Владимира были постоянные враги – полоцкие князья. Князь Всеслав напал на Смоленск, который оставался во власти Владимира и после того, как отец посадил его в

Чернигове. В отмщение за это Владимир нанял половцев и водил их опустошать землю полоцкую: тогда досталось Минску; там, по собственному свидетельству Владимира, не оставлено было ни челядина (слуги), ни скотины. С другой стороны Владимир воевал с вятичами: этот славянский народ все еще упорно не поддавался власти Рюрикова дома, и Владимир два раза ходил войной на Ходоту и сына его – предводителей этого народа. По приказанию отца Владимир занимался делами и на Волыни: сыновья Ростислава овладели было этой страной; Владимир выгнал их и посадил Ярополка, Изяславова сына, а когда этот князь не поладил с киевским, то Владимир, по велению отца, прогнал его и посадил на Волыни князя Давида Игоревича, и в следующем году за тем (1086) опять посадил Ярополка. Тогда власть киевского князя в этом крае была еще сильна, и князья ставились и сменялись по его верховной воле.

Б. А. Чориков. Справедливость великого князя Изяслава и признательность Вячеслава. 1154. *Литография к книге «Живописный Карамзин, или Русская история в картинках». 1836 г.*

В 1093 году умер Всеволод. Владимир не захотел воспользоваться своим положением и овладеть киевским столом, так как предвидел, что от этого произойдет междоусобие; он сам послал звать на киевское княжение сына Изяславова Святополка (княжившего в Турове), который был старше Владимира летами и за которого, по-видимому, была значительная партия в киевской

земле. Во все продолжение княжения Святополка Владимир оставался его верным союзником, действовал с ним заодно и не показал ни малейшего покушения лишить его власти, хотя киевляне уже не любили Святополка, а любили Владимира.

Владимир сделался, так сказать, душой всей Русской земли; около него вращались все ее политические события.

Едва только уселся Святополк в Киеве, как половцы прислали к нему послов с предложением заключить мир, Святополк привел с собой из Турова дружину, людей ему близких. С ними он во всем совещался, и они посоветовали ему засадить половецких послов в погреб; когда после того половцы начали воевать и осадили один из пригородов киевской земли – Торцкий, Святополк выпустил задержанных послов и сам предлагал мир, но половцы уже не хотели мира. Тогда Святополк начал совещаться с киевлянами; советники его разделились во мнениях: одни, более отважные, порывались на бой, хотя у Святополка было наготове с оружием только восемьсот человек; другие советовали быть осторожнее, наконец, порешили на том, чтобы просить Владимира помогать в обороне киевской земли от половцев.

Владимир отправился со своею дружиною, пригласил также своего брата Ростислава, бывшего на княжении в Переяславле. Ополчение трех князей сошлось на берегу реки Стугны, и там собрался совет.

Владимир был того мнения, что лучше, как бы ни было, устроить мир, потому что половцы были тогда соединены силами; то же доказывал боярин по имени Ян и еще кое-кто из дружины, но киевляне горячились и хотели непременно биться. Им уступили.

Ополчение перешло реку Стугну, пошло тремя отрядами, сообразно трем предводительствовавшим князьям, прошло Триполье и стало между валами. Это было 20 мая 1093 года.

Здесь половцы наступили на русских, гордо выставив в их глазах свои знамена. Сначала пошли они на Святополка, смяли его, потом ударили на Владимира и Ростислава. У русских князей силы было мало в сравнении с неприятелем; они не выдержали и бежали. Ростислав утонул при переправе через Стугну; Владимир сам чуть не пошел ко дну, бросившись спасать утопавшего брата. Тело утонувшего привезли в Киев и погребли у Св. Софии. Смерть Ростислава была приписана к Божию наказанию за жестокий поступок с печерским иноком старцем Григорием. Встретив этого старца, о котором тогда говорили, что он имеет дар предвидения, Ростислав спросил его: от чего приключится ему смерть. Старец Григорий отвечал: от воды. Ростиславу это не полюбилось, и он

приказал бросить Григория в Днепр; и за это злодеяние, как говорили, Ростислава постигла смерть от воды.

Дело этим не окончилось. Половцы дошли до Киева и между Киевом и Вышгородом, на урочище Желани, в другой раз жестоко разбили русских того же года 23 июля.

После этой победы половцы рассеялись по русским селам и пленили много людей. Современник в резких чертах описал состояние бедных русских, которых толпами гнали враги в свои вежи: «Печальные, измученные, истомленные голодом и жаждою, нагие и босые, черные от пыли, с окровавленными ногами, с унылыми лицами шли они в неволю и говорили друг другу: я из такого-то города, я из такой-то деревни, рассказывали о родных своих и со слезами возводили очи на небо к Всевышнему, ведущему все тайное».

В следующем,1094-м, году Святополк думал приостановить бедствия русского народа, заключил с половцами мир и женился на дочери половецкого хана Тугоркана. Но и этот год был не менее тяжел для Русской земли: саранча истребила хлеб и траву на полях, а родство киевского князя с половецким не спасло Руси и от половцев. Когда одни половцы мирились и роднились с русскими, другие вели на Владимира его неумолимого соперника Олега. Олег, засланный византийцами в Родос, недолго там оставался. В 1093 году он уже был в Тмутаракани, выгнал оттуда двух князей, таких же безместных, как и он (Давида Игоревича и Володаря Ростиславича), и сидел некоторое время спокойно в этом городе, но в 1094 году, пригласивши половцев, пустился добывать ту землю, где княжил его отец. Владимир не дрался с ним, уступил ему добровольно Чернигов, вероятно, и потому, что в Чернигове, как и прежде, были сторонники Олега. Сам Владимир уехал в Переяславль.

Тогда уже, как видно, выработался вполне характер Владимира, и в нем созрела мысль действовать не для личных своих выгод, а для пользы всей Русской земли, насколько он мог понимать ее пользу; главное же – энергически соединенными силами избавить Русскую землю от половцев. До сих пор мы видели, что Владимир, насколько было возможно, старался устроить мир между русскими и половцами, но с этих пор он становится постоянным и непримиримым врагом половцев, воюет против них, подвигает на них всех русских князей и с ними все силы русских земель. Вражду эту он открыл поступком с двумя половецкими князьями: Китаном и Итларем. Князья эти прибыли к Переяславлю договариваться о мире, разумеется, с намерением нарушить этот мир, как делалось прежде. Китан стал между валами за городом, а Итларь с знатнейшими лицами приехал в

город: с русской стороны отправился к половцам заложником сын Владимира Святослав.

Тогда же прибыл от Святополка киевлянин Славята и стал советовать убить Итларя, приехавшего к русским. Владимир сначала не решался на такое вероломство, но к Славяте пристали дружинники Владимира и говорили: «Нет греха в том, что мы нарушим клятву, потому что сами они дают клятву, а потом губят Русскую землю и проливают христианскую кровь».

Славята с русскими молодцами взялся проникнуть в половецкий стан за городом и вывести оттуда Мономахова сына Святослава, посланного к половцам заложником. С ним вместе взялись за это дело торки (народ того же племени, к которому принадлежали и половцы, но, будучи поселены на киевской земле, они верно служили Руси). В ночь 24 февраля они не только счастливо освободили Святослава, но умертвили Китана и перебили его людей.

Итларь находился тогда во дворе у боярина Ратибора; поутру 24 февраля Итларя с его дружиною пригласили завтракать к Владимиру; но только что половцы вошли в избу, куда их позвали, как за ними затворили двери, и сын Ратиборов Ольбег перестрелял их сверху через отверстие, сделанное в потолке избы. После такого вероломного поступка, который русские оправдывали тем, что их враги были так же вероломны, Владимир начал созывать князей против половцев, и в том числе Олега, от которого потребовал выдачи сына убитого Итларя. Олег не выдал его и не шел к князьям.

Киевский князь Святополк и Владимир звали Олега в Киев на совет об обороне Русской земли. «Иди в Киев, – говорили ему князья, – здесь мы положим поряд о русской земле пред епископами, игуменами, перед мужами отцов наших и перед городскими людьми, как нам оборонять Русскую землю». Но Олег высокомерно ответил: «Не пристало судить меня епископам, игуменам и смердам» (т. е. мужичью, переводя на наш способ выражения).

Тогда князья, пригласившие Олега, послали ему от себя такое слово: «Если ты не идешь на неверных и не приходишь на совет к нам, то, значит, ты мыслишь на нас худое и хочешь помогать поганым. Пусть Бог нас рассудит».

Это было объявление войны. Итак, вместо того чтобы идти соединенными силами на половцев, Владимиру приходилось идти войною на своих. Владимир со Святополком выгнали Олега из Чернигова, осадили его в Стародубе и держали в осаде до тех пор, пока Олег не попросил мира. Ему даровали мир, но с условием, чтоб он непременно прибыл в Киев на совет. «Киев, –

говорили князья, – старейший город на Русской земле; там надлежит нам сойтись и положить поряд». Обе стороны целовали крест. Это было в мае 1096 года.

Между тем раздраженные половцы делали на Русь набеги. Хан половецкий Боняк со своею ордою жег окрестности Киева, а тесть Святополка Тугоркан, несмотря на родство с киевским князем, осадил Переяславль. Владимир со Святополком разбили его 19 мая; сам Тугоркан пал в битве, и его зять Святополк привез тело тестя в Киев: его похоронили между двумя дорогами: одною, ведущею в Берестово, и другою – в Печерский монастырь. В июле Боняк повторил свое нападение и 20-го числа утром ворвался в Печерский монастырь. Монахи, отстояв заутреню, почивали в кельях; половцы выломали ворота, ходили по кельям, брали, что попадалось под руки, сожгли церковные южные и северные двери, вошли в церковь, таскали из нее иконы и произносили оскорбительные слова над христианским Богом и законом. Тогда половцы сожгли загородный княжеский двор, называемый красным, построенный Всеволодом на Выдубичском холме, где впоследствии выстроен был Выдубицкий монастырь.

Олег не думал исполнять договора и являться в Киев на княжеский съезд. Вместо того он явился в Смоленск (где тогда неизвестно каким путем сел брат его Давид), набрал там войска и, вышедши оттуда, пошел вниз по Оке, ударил на Муром, который достался в управление сыну Мономаха Изяславу, посаженному на княжение в соседней ростовской земле. (Отец Олега Святослав, сидя в Чернигове, был в то же время на княжении и в Муроме, и потому Олег считал Муром своею отчиною.) 6 сентября 1096 года Изяслав был убит в сече. Олег взял Муром и оковал всех найденных там ростовцев, белозерцев и суздальцев: видно, что князь Изяслав управлял муромцами при помощи людей своей земли. В Муроме и его волости в то время еще господствовало язычество; край был населен народом финского племени, муромою, и держался за князьями только посредством дружины, составлявшей здесь, вероятно, еще единственное славянское население в те времена. В Ростове, Суздале и Белозерске, напротив, славянорусская стихия уже прежде пустила свои корни, и эти края имели свое местное русское население.

Олег, отвоевавши Муром, взял Суздаль и поступил сурово с его жителями: одних взял в плен, других разослал по своим городам и отнял их имущество. Ростов сдался Олегу сам. Возгордившись успехами, Олег затевал подчинить своей власти и Новгород, где на княжении был другой сын Мономаха, Мстислав, молодой князь, очень любимый новгородцами. Новгородцы

предупредили покушение Олега и, прежде чем он мог встать с войском на новгородской земле, сами отправились на него на ростовско-суздальскую землю. Олег убежал из Суздаля, приказав в досаде сжечь за собою город, и остановился в Муроме. Мстислав удовлетворился тем, что выгнал Олега из ростовско-суздальской земли, которая никогда не была уделом ни Олега, ни его отца; предложил Олегу мир и предоставлял ему снестись со своим отцом. Мстислава располагало к уступчивости то, что Олег был его крестным отцом.

Олег притворно согласился, а сам думал внезапно напасть на своего крестника; но новгородцы узнали об его намерении заблаговременно и вместе с ростовцами и белозерцами приготовились к бою. Враги встретились друг с другом на реке Колакше в 1096 году. Олег увидел у противников распущенное знамя Владимира Мономаха, подумал, что сам Владимир Мономах пришел с большою силою на помощь сыну, и убежал. Мстислав с новгородцами и ростовцами пошел по его следам, взял Муром и Рязань, мирно обошелся с муромцами и рязанцами, освободил людей ростовско-суздальской области, которых Олег держал в городах Муроме и Рязани пленниками; после того Мстислав послал к своему сопернику такое слово: «Не бегай более, пошли с мольбой к своей братьи; они тебя не лишат Русской земли». Олег обещал сделать так, как предлагал ему победитель.

Половецкие вежи (кибитки кочевников).
Миниатюры из Радзивилловской летописи. XV в.

Мономах дружелюбно обошелся со своим соперником, и памятником тогдашних отношений его к Олегу осталось современное письмо его к Олегу, очень любопытное не только потому, что оно во многом объясняет личность князя Владимира Мономаха, но и потому, что вообще оно составляет один из немногих образчиков тогдашнего способа выражения: «Меня, – пишет он, – принудил написать к тебе сын мой, которого ты крестил и который теперь недалеко от тебя: он прислал ко мне мужа своего и грамоту и говорит так: сладимся и примиримся, а

братцу моему суд пришел; не будем ему мстителями; возложим все на Бога; пусть они станут пред Богом, мы же Русской земли не погубим. Я послушался и написал; примешь ли ты мое писание с добром или с поруганием, – покажет ответ твой.

Отчего, когда убили мое и твое дитя перед тобою, увидавши кровь его и тело его, увянувшее подобно едва распустившемуся цветку, отчего, стоя над ним, не вник ты в помыслы души своей и не сказал: зачем это я сделал? Зачем ради кривды этого мечтательного света причинил себе грех, а отцу и матери слезы? Тебе было бы тогда покаяться Богу, а ко мне написать утешительное письмо и прислать сноху мою ко мне… она тебе не сделала ни добра, ни зла; я бы с нею оплакал мужа ее и свадьбу их вместо свадебных песен. Я не видел прежде их радости, ни их венчания; отпусти ее как можно скорее, я поплачу с нею заодно и посажу на месте, как грустную горлицу на сухом дереве, а сам утешусь о Боге. Так было и при отцах наших. Суд пришел ему от Бога, а не от тебя! Если бы ты, взявши Муром, не трогал Ростова, а прислал бы ко мне, мы бы уладились; рассуди сам, тебе ли следовало послать ко мне или мне к тебе? Если пришлешь ко мне посла или попа и грамоту свою напишешь с правдою, то и волость свою возьмешь, и сердце наше обратится к тебе, и будем жить лучше, чем прежде; я тебе не враг, не мститель».

Тогда, наконец, состоялось то, что долго замышлялось и никак не могло прийти к исполнению. В городе Любече съехались князья Святославичи – Олег, Давид и Ярослав, киевский Святополк, Владимир Мономах, волынский князь Давид Игоревич и червонорусские князья Ростиславичи: Володарь и Василько. С ними были их дружинники и люди их земель. Цель их совещания была – устроить и принять меры к охране русских земель от половцев. Всем делом заправлял Мономах.

«Зачем губим мы Русскую землю, – говорили тогда князья, – зачем враждуем между собою? Половцы разоряют землю; они радуются тому, что мы друг с другом воюем. Пусть же с этих пор будет у всех нас единое сердце; соблюдем свою отчину».

На этом съезде князья решили, чтобы все они владели своими волостями: Святополк Киевом, Владимир уделом отца своего Всеволода: Переяславлем, Суздалем и Ростовом; Олег, Давид и Ярослав – уделом Святослава, отца их: северскою землею и рязанскою; Давид Игоревич – Волынью, а Василько и Володарь городами: Теребовлем и Перемышлем с их землями, составлявшими тот край, который впоследствии назовется Галичиною. Все целовали крест на том, что если кто-нибудь из князей нападет на другого, то все должны будут ополчиться на зачинщика междоусобия. «Да будет на того крест честный и вся

земля русская». Такой приговор произнесли они в то время.

Архангел Гавриил. ***Мозаика центрального купола собора Святой Софии в Киеве. XI в.***

Архангел держит в правой руке сферу, а в левой — знамя-лабарум. Сфера украшена символом мученической смерти Христа, а на лабаруме начертаны начальные слова гимна в честь Иисуса.

До сих пор Владимир находился в самых приятельских отношениях к Святополку Киевскому. Последний был человек ограниченного ума и слабого характера и подчинялся Владимиру, как вообще люди его свойств подчиняются лицам, более их сильным волей и более их умным. Но известно, что такие люди склонны подозревать тех, которым они невольно повинуются. Они

им покорны, но в душе ненавидят их. Давид Игоревич был заклятый враг теребовльского князя Василька и хотел присвоить себе его землю. Возвращаясь на Волынь из Любеча через Киев, он уверил Святополка, что у Василька с Владимиром составился злой умысел лишить Святополка киевской земли. Сам Василько был человек предприимчивого характера; он уже водил половцев на Польшу; затем, как он сам потом признавался, думал идти на половцев, но, если верить ему, не думал делать ничего дурного русским князьям.

Натравленный Давидом, Святополк звал к себе Василька на именины в то время, когда последний, возвращаясь из Любеча домой, проезжал мимо Киева и, не заезжая в город, остановился в Выдубицком монастыре, отославши свой обоз вперед. Один из слуг Василька, или подозревая коварство, или, быть может, даже предостерегаемый кем-то, не советовал своему князю ехать в Киев: «Тебя хотят схватить», – говорил он. Но Василько понадеялся на крестное целование, немного подумал, перекрестился и поехал.

Было утро 5 ноября. Василько вошел в дом к Святополку и застал у него Давида. После первых приветствий они сели. Давид молчал. «Оставайся у меня на праздник», – сказал Святополк. «Не могу, брат, – отвечал Василько, – я уже отослал свой обоз вперед». – «Ну так позавтракай с нами», – сказал Святополк. Василько согласился. Тогда Святополк сказал: «Посидите здесь, а я пойду велю кое-что приготовить». Василько остался с Давидом и стал было вести разговор с ним, но Давид молчал и как будто ничего не слышал. Наконец Давид спросил слуг: «Где брат?» – «Стоит на сенях», – отвечали ему. «Я пойду за ним, а ты, брат, посиди», – сказал он Васильку и вышел. Тотчас слуги наложили на Василька оковы и приставили к нему стражу. Так прошла ночь.

На другой день Святополк созвал вече из бояр и людей киевской земли и сказал: «Давид говорит, что Василько убил моего брата Ярополка и теперь совещается с Владимиром; хотят убить меня и отнять мои города». Бояре и люди киевские сказали: «Ты, князь, должен охранять свою голову. Если Давид говорит правду, пусть Василько будет казнен, а если неправду, то пусть Давид примет месть от Бога и отвечает перед Богом».

Ответ был двусмысленный и увертливый. Игумены были смелее и стали просить за Василька. Святополк ссылался на Давида. Сам Святополк готов был отпустить Василька на свободу, но Давид советовал ослепить его и говорил: «Если ты его отпустишь, то не будет княжения ни у меня, ни у тебя». Святополк колебался, но потом совершенно поддался Давиду и согласился на гнусное злодеяние.

В следующую ночь Василька повезли в оковах в Белгород, ввели в небольшую избу. Василько увидел, что ехавший с ним торчин стал точить нож, догадался, в чем дело, начал кричать и взывать к Богу с плачем. Вошли двое конюхов: один Святополков, по имени Сновид Изечевич, другой Давидов – Дмитрий; они постлали ковер и взялись за Василька, чтобы положить его на ковер. Василько стал с ними бороться; он был силен; двое не могли с ним справиться; подоспели на помощь другие, связали его, повалили и, сняв с печи доску, положили на грудь; конюхи сели на эту доску, но Василько сбросил их с себя. Тогда подошли еще двое людей, сняли с печи другую доску, навалили ее на князя, сами сели на доску и придавили так, что у Василька затрещали кости на груди. Вслед за тем торчин Беренда, овчар Святополка, приступил к операции: намереваясь ударить ножом в глаз, он сначала промахнулся и порезал Васильку лицо, но потом уже удачно вынул у него оба глаза один за другим. Василько лишился чувств. Его взяли вместе с ковром, на котором он лежал, положили на воз и повезли дальше по дороге во Владимир.

Проезжая через город Звиждень, привезли его к какой-то попадье и отдали ей мыть окровавленную сорочку князя. Попадья вымыла, надела на Василька и горько плакала, тронутая этим зрелищем. В это время Василько очнулся и закричал: «Где я?» Ему отвечали: «В Звиждене-городе». – «Дайте воды!» – сказал Василько. Ему подали воды, он выпил – и мало-помалу совсем пришел в себя, вспомнил, что с ним происходило и, ощупав на себе сорочку, спросил: «Зачем сняли? Я бы в этой окровавленной сорочке принял смерть и стал перед Богом».

Пообедавши, злодеи повезли его во Владимир, куда прибыли на шестой день. Давид поместил Василька на дворе какого-то владимирского жителя Вакея и приставил к нему тридцать сторожей под начальством двух своих княжеских отроков, Улана и Колчка.

Услышал об этом прежде других князей Владимир Мономах и ужаснулся. «Этого не бывало ни при дедах, ни при прадедах наших», – говорил он. Немедленно позвал к себе черниговских князей Олега и Давида на совещание в Городец. «Надобно поправить зло, – говорил он, – а иначе еще большее зло будет, начнет брат брата умерщвлять, и погибнет земля русская, и половцы возьмут землю русскую». Давид и Олег Святославичи также пришли в ужас и говорили: «Подобного не бывало еще в роде нашем». Действительно не бывало: в княжеском роде прежде случались варварские братоубийства, но ослеплений еще не бывало. Этот род злодеяния принесла в варварскую Русь греческая образованность.

Все три князя отправили к Святополку своих мужей с таким словом: «Зачем наделал ты зла в Русской земле, зачем вверг нож в братью? Зачем ослепил брата? Если бы он был виноват перед тобою, ты бы должен был обличить его перед нами и доказать вину его: он был бы наказан, а теперь скажи: в чем его вина?» Святополк отвечал: «Мне сказал Давид Игоревич, что Василько убил брата моего Ярополка и меня хочет убить, чтобы захватить волость мою: Туров, Пинск, Берестье и Погорынье, говорил, что у него положена клятва с Владимиром: чтобы Владимиру сесть в Киеве, а Васильку в городе Владимире. Я поневоле оберегал свою голову. Не я его ослепил, а Давид; он его и увез к себе».

«Этим не отговаривайся, – отвечали князья, – Давид его ослепил, но не в Давидовом городе, а в твоем».

Владимир с князьями и дружинами хотел переходить через Днепр против Святополка; Святополк в страхе собирался бежать, но киевляне не пустили его и послали к Владимиру его мачеху и митрополита Николая с таким словом:

«Молим тебя, князь Владимир, и вместе с тобою братию твою князей, не губите Русской земли; если вы начнете воевать между собою, поганые возрадуются и возьмут землю нашу, которую приобрели отцы ваши и деды ваши трудом и храбростью; они боролись за Русскую землю и чужие земли приобретали, а вы хотите погубить Русскую землю».

Владимир очень уважал свою мачеху и склонился на ее мольбы. «Правда, – сказал он, – отцы и деды наши соблюдали Русскую землю, а мы хотим ее погубить».

Княгиня, возвратившись в Киев, принесла радостную весть киевлянам, что Владимир склоняется на мир.

Князья стояли на левой стороне Днепра, в бору, и пересылались со Святополком. Наконец последнее их слово было таково: «Если это преступление Давидово, то пусть Святополк идет на Давида, пусть либо возьмет его, либо сгонит с княжения».

Святополк целовал крест поступать по требованию Владимира и его товарищей.

Князья собрались идти на Давида, а Давид, узнав об этом, стал пытаться поладить с Васильком и заставить его самого отклонить от Давида опасность, которой подвергался Давид за Василька.

Призвал ночью Давид какого-то Василия, которого рассказ включен в летопись целиком. Давид сказал ему:

«Василько в эту ночь говорил Улану и Колчке, что ему хочется послать от себя мужа своего к князю Владимиру. Посылаю тебя, Василий, идти к одноименнику своему и скажи ему от меня: если ты пошлешь своего мужа к Владимиру и

Владимир воротится, я дам тебе какой хочешь город: либо Всеволожь, либо Шепель, либо Перемиль». Василий отправился к Васильку и передал ему речь Давида. «Я ничего такого не говорил, – сказал Василько, – но готов послать мужа, чтобы не проливали из-за меня крови; дивно только, что Давид дает мне города свои, а мой Теребовль у него. Ступай к Давиду и скажи, пусть пришлет ко мне Кульмея. Я пошлю его к князю Владимиру». Василий сходил к Давиду и, воротившись, сказал, что Кульмея нет.

Василько сказал: «Посиди со мной немного». Он велел слуге выйти вон и говорил Василию:

«Слышу, что Давид хочет меня отдать ляхам, не насытился он еще моей кровью; еще больше хочет упиться ею. Я много зла наделал ляхам и хотел еще наделать и мстить им за Русскую землю. Пусть выдает меня ляхам, смерти я не боюсь. Скажу только тебе по правде. Наказал меня Бог за мое высокомерие; ко мне пришла весть, что идут ко мне берендичи, печенеги, торки, и я сказал себе в уме: как будут у меня берендичи, печенеги, торки, скажу я брату своему Володарю и Давиду: дайте мне свою меньшую дружину, а сами пейте себе и веселитесь; я же зимою пойду на ляхскую землю, а на лето завоюю ляхскую землю и отомщу за Русскую землю. Потом я хотел овладеть дунайскими болгарами и поселить их у себя, а потом хотел проситься у Святополка и Владимира идти на половцев: либо славу себе найду, либо голову сложу за Русскую землю; иного помышления у меня в сердце не было ни на Святополка, ни на Давида. Клянусь Богом и Его пришествием, не мыслил я никакого зла братьи; но за мое возношение низложил меня Бог и смирил!»

Неизвестно, чем кончились эти сношения Давида с Васильком, но, вероятно, Василько остановил Владимира, потому что в этом году не было от него нападения на Давида. Наступала Пасха. Давид не выпустил Василька и, напротив, хотел захватить волость ослепленного; он пошел туда с войском, но у Божска встретил его Володарь. Давид был такой же трус, как и злодей. Он не осмелился вступить в бой и заперся в Божске. Володарь осадил его и послал к нему такое слово: «Зачем наделал зла и еще не каешься? Опомнись!» – «Разве я это сделал, – отвечал Давид, – разве в моем городе это сделалось? Виною всему Святополк: я боялся, чтобы и меня не взяли и не сделали со мною того же; поневоле пришлось мне пристать к нему в совет, был у него в руках».

Володарь не перечил ему, стараясь только о том, как бы выручить брата из неволи. «Бог свидетель всему этому, – послал он сказать Давиду, – а ты выпусти моего брата, и я с тобой

примирюсь».

Давид обрадовался, приказал привести слепого и отдал его Володарю. Они заключили мир и разошлись.

Но на другую весну (1098) Володарь и Василько с войском шли на Давида. Они подошли к городу Всеволожу, взяли его приступом и зажгли; жители бежали, Василько приказал всех их истребить и мстил за себя невинным людям, замечает летописец; Василько показал, что хотя он и был несчастен, но вовсе не любил Русской земли в той мере, как говорил. Братья подошли к Владимиру. Трусливый Давид заперся в нем. Братья-князья послали к владимирцам такое слово:

«Мы пришли не на ваш город и не на вас, а пришли мы на врагов своих: на Туряка, Лазаря и Василия, – они подговорили Давида; он их послушал и сделал зло. Если хотите биться за них, – и мы готовы; а не хотите, – так выдайте врагов наших».

Владимирские граждане собрались на вече и так сказали Давиду:

«Выдай этих мужей, мы за них не бьемся; за тебя же биться можем; если не выдашь, – мы отворим город, а ты сам о себе промышляй как знаешь».

Давид отвечал: «Их нет здесь, я послал их в Луцк; Туряк бежал в Киев, Василий и Лазарь в Турийске».

«Выдай тех, кого они хотят, – крикнули горожане, – а не то – мы сдадимся!»

Давиду нечего было делать. Он послал за своими любимцами: Василием и Лазарем, и выдал их.

Братья Ростиславичи по заре повесили Василия и Лазаря перед городом, а сыновья Василька расстреляли их стрелами. Совершивши казнь, они отступили от города.

После этой расправы на Давида пошел Святополк, который до сих пор медлил исполнением княжеского приговора наказать Давида за его злодеяние. Давид искал помощи у польского князя Владислава-Германа, но последний взял с него деньги за помощь и не помог. После семинедельной осады во Владимире Давид сдался и уехал в Польшу.

В Великую субботу 1098 года Святополк вошел во Владимир. Овладев Волынью, киевский князь думал, что не худо таким же способом овладеть и волостями Ростиславичей, за которые он начал войну с Давидом. Володарь, предупреждая нападение, вышел против киевского князя и взял с собою слепого брата. Враги встретились на урочище, называемом Рожново поле. Когда рати готовы были ударить друг против друга, вдруг явился слепой Василько с крестом в руке и кричал, обращая речь свою к Святополку:

«Вот крест, который ты целовал перед тем, как отнял у меня зрение! Теперь ты хочешь отнять у меня душу. Этот честный крест рассудит нас!»

Произошла жестокая битва. Ростиславичи победили. Святополк бежал во Владимир. Победители не погнались за ним. «С нас довольно стать на своей меже», – говорили они.

Тогда у Ростиславичей и у их врага Давида явилось общее дело: защищать себя от Святополка, тем более что киевский князь не думал оставлять их в покое и, посадив одного из своих сыновей, Мстислава, во Владимире-Волынском, другого, Ярослава, послал к уграм (венграм) подвигать их на Володаря, а сам ушел в Киев, вероятно, замышляя посадить этого самого Ярослава в уделе Ростиславичей, выгнавши последних, подобно тому, как он уже выгнал Давида. Святополк хотел воспользоваться вспыхнувшею враждою между Давидом и Ростиславичами, для того чтобы доставить на их счет владения своим сыновьям. Давид прибыл из Польши и сошелся с Володарем. Заклятые враги помирились, и Давид оставил свою жену у Володаря, а сам отправился нанимать половецкую орду, которою управлял воинственный и свирепый хан Боняк. Вероятно, Давид успел уверить Володаря, что в самом деле виной злодеяния, совершенного над Васильком, был не он, а Святополк.

Володарь сидел в Перемышле. Пришли венгры со своим королем Коломаном, приглашенные Ярославом Святополковичем, и осадили Перемышль. На счастье Володаря, Давиду не пришлось далеко ездить за половцами: он встретил Боняка где-то недалеко и привел его в Перемышль.

Накануне ожидаемой битвы с венграми Боняк в полночь отъехал от войска в поле и стал выть по-волчьи. Ему вторили голоса множества волков. Таково было половецкое гаданье. «Завтра, – сказал Боняк, – мы победим угров». Дикое предсказание половецкого хана сбылось. «Боняк, – говорит современный летописец, – сбил угров в мяч так, как сокол сбивает галок». Венгры бежали. Много их потонуло и в Вагре и в Сане. Давид двинулся к Владимиру и овладел Владимирскою волостью. В самом городе сидел Мстислав Святополкович с засадой (гарнизоном), состоявшей из жителей владимирских пригородов: берестьян, пинян и выгошевцев. Давид начал делать приступы: дождем сыпались с обеих сторон стрелы: осаждающие закрывались подвижными вежами (башнями); осажденные стояли на стенах за досками; таков был тогдашний способ войны.

В одну из таких перестрелок, 12 июня 1099 года, стрела сквозь скважину доски поразила насмерть князя Мстислава. Осажденные после его смерти терпели тягостную осаду до

августа, наконец Святополк прислал к ним на выручку войско. 5 августа Давид не устоял в битве с присланным войском и бежал к половцам. Победители ненадолго овладели Владимиром и Луцком. Давид, пришедши с Боняком, отнял у них и тот и другой город.

Намерение Мономаха соединить князей на единое дело против половцев не только не привело к желанной цели, а, напротив, повело к многолетней войне между князьями; для Русской земли от этого умножилось горе. Однако на следующий (1100) год Мономаху таки удалось опять устроить между князьями совещание и убедить Давида Игоревича отдаться на княжеский суд. Давид сам прислал к князьям послов по этому делу. К сожалению, мы не знаем подробностей подготовки к этому делу. 10 августа князья: Владимир Мономах, Святополк, Олег с братом Давидом сошлись в Витичеве, а через двадцать дней, 30 августа, они снова сошлись на том же месте, и уже тогда был с ними Давид Игоревич.

Венчание на царство Владимира Мономаха *(слева)* и его деда, Константина Мономаха *(справа)*. *Роспись Грановитой палаты Московского Кремля*

«Кому есть на меня жалоба?» – спросил Давид Игоревич. «Ты присылал к нам, – сказал Владимир, – объявил, что хочешь жаловаться перед нами за свою обиду. Вот теперь ты сидишь с братьею на одном ковре. На кого у тебя жалоба?» Давид ничего не

отвечал.

Тогда князья сели на лошадей и стали врознь каждый со своею дружиною. Давид Игоревич сидел особо. Князья рассуждали о Давиде: сначала каждый князь со своею дружиною, а потом совещались между собою и послали Давиду от каждого князя мужей. Эти мужи сказали Давиду такую речь:

«Вот что говорят тебе братья: не хотим тебе дать стола Владимирского за то, что ты вверг нож между нас, сделал то, чего еще не бывало в Русской земле: но мы тебя не берем в неволю, не делаем тебе ничего худого, сиди себе в Бужске и в Остроге; Святополк придает тебе Дубен и Чарторийск, а Владимир дает тебе 200 гривен да еще Олег и Давид дают тебе 200 гривен». Потом князья послали к Володарю такое слово: «Возьми к себе брата своего Василька; будет вам обоим Перемышль. Хотите, живите вместе, а не хотите – отпусти Василька к нам; мы будем его кормить!»

Володарь с гневом принял такое предложение; Святополк и Святославичи хотели выгнать Ростиславичей из их волости и послали приглашать к участию в этом предприятии Владимира, который после съезда в Витичеве поехал в северные свои области и был на Волге, когда пришел к нему вызов от Святополка идти на Ростиславичей: «Если ты не пойдешь с нами, то мы будем сами по себе, а ты сам по себе». Видно, что и на Витичевском съезде Владимир не ладил с князьями и не совсем одобрял их постановления: «Я не могу идти на Ростиславичей, – отвечал он им, – и преступать крестное целование. Если вам не нравится последнее, принимайте прежнее» (т. е. постановленное в Любече). Владимир был тогда огорчен, как показывают и слова в его духовной, касающиеся описываемого события.

По этому поводу он счел уместным привести выражение из Псалтыря: «Не ревнуй лукавствующим, не завиди творящим беззаконие!» В самом деле, то, чем покончили князья свои междоусобия, мало представляло справедливости. Владимир не противоречил им во многом, потому что желал как бы то ни было прекратить междоусобия, чтобы собрать силы русских земель против общих врагов – половцев.

Святополку, как киевскому князю, хотелось, подобно своим предшественникам, власти над Новгородом, и для этого желал он посадить в Новгороде своего сына, между тем там уже был князем сын Мономаха Мстислав. Владимир уступил Святополку, а вместо новгородского княжения Святополк обещал Мстиславу Владимирское.

Мономах призвал Мстислава из Новгорода в Киев, но вслед за Мстиславом приехали новгородские послы и повели такую

речь Святополку:

«Приславшие нас велели сказать: не хотим Святополка и сына его; если у него две головы, то посылай его. Нам дал Мстислава Всеволод, мы его вскормили, а ты, Святополк, уходил от нас».

Святополк не мог их переспорить и не в состоянии был принудить новгородцев исполнить его волю. Мстислав опять вернулся в Новгород. Новгород, по своему местоположению за неприступными болотами и дремучими лесами, чувствовал свою безопасность. Туда нельзя было навести ни половцев, ни ляхов; нельзя было с иноземною помощью овладеть Новгородом.

С тех пор Владимир непрерывно обращал свою деятельность на ограждение Русской земли от половцев. В 1101 году Владимир поднял князей против них, но половцы, услышав о сборах русских князей, одновременно от разных орд прислали просьбу о мире. Русские согласились на мир, готовые наказать половцев за первое вероломство. В 1103 году этот мир был нарушен половцами, и Мономах побудил русских князей предпринять первый наступательный поход на половецкую землю соединенными силами. В летописи этот поход описан с большим сочувствием, и видно, что он сделал впечатление на современников. Киевский князь со своею дружиною и Владимир со своею сошлись на Долобске (на левой стороне Днепра близ Киева). Князья совещались в шатре. Святополкова дружина была против похода. Тогда раздавались такие голоса: «Теперь весна, как можно отрывать смерда от пашни; ему надобно пахать».

Но Владимир на это возразил: «Удивительно, что вы не жалеете смерда, а жалеете лошадь, на которой он пашет. Начнет смерд пахать, прибежит половчин и отымет у него лошадь, и его самого ударит стрелою, и ворвется в село, и жену и детей его возьмет в полон».

Дружина Святополкова ничего на это не могла возразить, и Святополк сказал: «Я готов».

«Ты много добра сделаешь», – сказал ему на это Мономах. После Долобского совещания князья стали приглашать черниговских князей принять участие в походе, а за ними и других князей. Давид послушался, а Олег отговорился нездоровьем. Он неохотно ссорился с половцами, которые помогли ему взять Чернигов, и, быть может, рассчитывал, что дружба с ними пригодится ему и его детям. Прибыл со своей дружиной полоцкий князь Давид Всеславич, прибыли и некоторые другие князья. Русские шли конные и пешие: последние на ладьях по Днепру до Хортицы. После четырехдневного пути степью от Хортицы на урочище, называемом Сутень, русские 4 апреля встретили половцев и

разбили их наголову. Половцы потеряли до двадцати князей. Один из их князей, Белдюзь, попался в плен и предлагал за себя большой выкуп золотом, серебром, лошадьми и скотом, но Владимир сказал ему: «Много раз поставляли вы с нами договор, а потом ходили воевать Русскую землю; зачем ты не учил сынов своих и род свой не преступать договора и не проливать христианской крови?» Он приказал затем убить Белдюзя и рассечь по членам его тело. Русские набрали тогда много овец, скота, верблюдов и невольников.

В 1107 году воинственный Боняк и старый половецкий князь Шарукан задумали отомстить русским за прежнее поражение, но были разбиты наголову под Лубнами. В 1109 году Владимир посылал воеводу Димитрия Иворовича к Дону: русские нанесли большое разорение половецким вежам. За это на другой год половцы опустошили окрестности Переяславля, а на следующий Владимир опять с князьями предпринял поход, который более всех других облекся славою в глазах современников. Предание связало с ним чудодейственные предзнаменования.

Рассказывают, что 11 февраля ночью над Печерским монастырем появился огненный столб: сначала он стал над каменною трапезною, перешел оттуда на церковь, потом стал над гробом Феодосия, наконец, поднялся по направлению к востоку и исчез. Явление это сопровождалось молнией и громом. Грамотеи растолковали, что это был ангел, возвещавший русским победу над неверными. Весной Владимир с сыновьями, киевский князь Святополк со своим сыном, Ярослав и Давид с сыном на второй неделе поста отправились к Суле, перешли через Псел, Ворсклу и 23 марта пришли к Дону, а 27-го в Страстной понедельник разбили наголову половцев на реке Сальнице и воротились обратно со множеством добычи и пленников. Тогда, говорит летопись, слава о подвигах русских прошла ко всем народам: грекам, ляхам, чехам и дошла даже до Рима. С тех пор надолго половцы перестали тревожить Русскую землю.

В 1113 году умер Святополк, и киевляне, собравшись на вече, избрали Владимира Мономаха своим князем; но Владимир медлил; между тем киевляне, недовольные поборами своего покойного князя, напали на дом его любимца Путяты и разграбили жидов, которым потакал Святополк во время своего княжения и поверял собрание доходов. В другой раз послали киевляне к Владимиру послов с такой речью: «Иди, князь, в Киев, а не пойдешь, так разграбят и княгиню Святополкову, и бояр, и монастыри; и будешь ты отвечать, если монастыри ограбят». Владимир прибыл в Киев и сел на столе по избранию киевской земли.

Время его княжения до смерти, последовавшей в 1125 году, было периодом самым цветущим в древней истории Киевской Руси. Уже ни половцы и никакие другие иноплеменники не беспокоили русского народа. Напротив, сам Владимир посылал своего сына Ярополка на Дон, где он завоевал у половцев три города и привел себе жену, дочь ясского князя, необыкновенную красавицу. Другой сын Владимира, Мстислав, с новгородцами нанес поражение чуди на Балтийском побережье, третий сын, Юрий, победил на Волге болгар. Удельные князья не смели заводить междоусобиц, повиновались Мономаху и, в случае строптивости, чувствовали его сильную руку. Владимир прощал первые попытки нарушить порядок и строго наказывал вторичные.

Так, когда Глеб Мстиславич, один из кривских князей, напал на Слуцк и сжег его, Владимир пошел на Глеба войною, но Глеб поклонился Владимиру, просил мира, и Владимир оставил его княжить в Минске; но несколько лет спустя, вероятно, за такой же проступок, Владимир вывел Глеба из Минска, где он и умер. Точно так же в 1118 году Владимир, собрав князей, пошел на волынского князя Ярослава Святополковича, и, когда Ярослав покорился ему и ударил челом, он оставил его во Владимире, сказав ему: «Всегда иди, когда я тебя позову». Но потом Ярослав напал на Ростиславичей и навел на них ляхов; кроме того, он дурно обращался со своею женою; Владимир сердился на него и за это. Владимир выгнал Ярослава, отдавши Владимир-Волынский своему сыну Андрею. Ярослав покушался возвратить себе Владимир с помощью ляхов, венгров и чехов, но не успел и был изменнически убит ляхами.

Не так удачны были дела Мономаха с Грецией. Он отдал свою дочь за Леона, сына византийского императора Диогена, но вслед за тем в Византии произошел переворот. Диоген был низвергнут Алексеем Комнином. Леон с помощью тестя хотел приобрести себе независимую область в греческих владениях на Дунае, но был умерщвлен убийцами, подосланными Комнином. Леон оставил сына, для которого Мономах хотел приобрести то же самое владение в Греции, которого добивался Леон, и сначала воевода Владимиров Войтишич посадил было Владимировых посадников в греческих дунайских городах, но греки прогнали их, а в 1122 году Владимир помирился с преемником Алексея, Иоанном Комнином, и отдал за него свою внучку, дочь Мстислава.

Алексей Комнин. *Изображение на мозаике в соборе Св. Софии в Константинополе. XII в.*

Владимир Мономах является в русской истории законодателем. Еще ранее его, при детях Ярослава, в Русскую Правду вошли важные изменения и дополнения. Важнейшее из изменений было то, что месть за убийство была устранена, а вместо того введено наказание платежом вир. Это повлекло к усложнению законодательства и к установлению многих статей, касающихся разных случаев обид и преступлений, которые влекли за собой платеж вир в различном размере. Таким образом,

различные размеры вирных платежей назначались за разного рода оскорбления и побои, наносимые одними лицами другим, как равно и за покражу разных предметов.

Независимо от платежа виры за некоторые преступления, как например, за разбойничество и зажигательство, виновный подвергался потоку и разграблению – древнему народному способу наказания преступника. Убийство вора не считалось убийством, если было совершено при самом воровстве, когда вор еще не был схвачен. При Мономахе, на совете, призванном им и составленном из тысяцких: киевского, белогородского, переяславского и людей своей дружины, постановлено было несколько важных статей, клонившихся к ограждению благосостояния жителей. Ограничено произвольное взимание рез (процентов), которое при Святополке доходило до больших злоупотреблений и вызвало, по смерти этого князя, преследование жидов, бывших ростовщиками. При Владимире установлено, что ростовщик может брать только три раза проценты, и если возьмет три раза, то уже теряет самый капитал. Кроме того, постановлен был дозволенный процент: 10 кун за гривну, что составляло около трети или несколько более, если принимать упоминаемую гривну гривною куна[411].

Частые войны и нашествия половцев разоряли капиталы, являлись неоплатные должники, а под видом их были и плуты. Торговые предприятия подвергали купца опасностям; от этого и те, которые давали ему деньги, также находились в опасности потерять свой капитал. Отсюда и высокие проценты. Некоторые торговцы брали у других купцов товары, не платя за них деньги вперед, а выплачивали по выручке с процентами; по этому поводу возникали обманы.

При Владимире положено было различие между тем неоплатным купцом, который потерпит нечаянно от огня, от воды или от неприятеля, и тем, который испортит чужой товар, или пропьет его, или «пробьется», т. е. заведет драку, а потом должен будет заплатить виру или «продажу» (низший вид виры). При несостоятельности купца следовало принимать во внимание, от какой причины он стал несостоятелен. В первых случаях, т. е. при нечаянном разорении, купец не подвергался насилию, хотя не освобождался от платежа долга. Некоторые брали капитал от разных лиц, а также и у князей. В случае несостоятельности такого торговца его вели на торг и продавали его имущество. При этом гость, т. е. человек из иного города или чужеземец, имел первенство перед другими заимодавцами, а за ним князь, потом уже прочие заимодавцы получали остальное.

Набеги половцев, процентщина, корыстолюбие князей и их

чиновников – все способствовало тому, что в массе народа умножались бедняки, которые, не будучи в состоянии прокормить себя, шли в наемники к богатым. Эти люди назывались тогда «закупами». С одной стороны, эти закупы, взяв от хозяина деньги, убегали от него, а с другой – хозяева взводили на них разные траты по хозяйству и на этом основании притесняли и даже обращали в рабство. Закон Мономаха дозволял закупу жаловаться на хозяина князю или судьям, налагал определенную пеню за сделанные ему обиды и притеснения, охранял его от притязания господина в случае пропажи или порчи какой-нибудь вещи, когда на самом деле закуп был не виноват; но зато, с другой стороны – угрожал закупу полным рабством в случае, если он убежит, не выполнив условия.

Кроме закупов, служащих во дворах хозяев, были закупы «ролейные» (поселенные на землях и обязанные работою владельцу). Они получали плуги и бороны от владельца, что показывает обеднение народа; хозяева нередко придирались к таким закупам под предлогом, что они испортили данные им земледельческие орудия, и обращали в рабство свободных людей. Отсюда возникла необходимость определить: кто именно должен считаться холопом.

Законодательство Владимира Мономаха определило только три случая обращения в холопство: первый случай, когда человек сам добровольно продавал себя в холопы или когда господин продавал его на основании прежних прав над ним. Но такая покупка должна была непременно совершаться при свидетелях. Второй случай обращения в рабство – принятие в супружество женщины рабского происхождения (вероятно, случалось, что женщины искали освобождения от рабства посредством замужества).

Третий случай, когда свободный человек без всякого договора сделается должностным лицом у частного человека (тиунство без ряду, или привяжет ключ к себе без ряду). Вероятно, это было постановлено потому, что некоторые люди, приняв должность, позволяли себе разные беспорядки и обманы, и, за неимением условий, хозяева не могли искать на них управы. Только исчисленные здесь люди могли быть обращаемы в холопы. За долги нельзя было обращать в холопство, и всякий, кто не имел возможности заплатить, мог отработать свой долг и отойти. Военнопленные, по-видимому, также не делались холопами, потому что об этом нет речи в Русской Правде при перечислении случаев рабства. Холоп был тесно связан с господином: господин платил его долги, а также выплачивал цену украденного его холопом.

Прежде, при Ярославе, за побои, нанесенные холопом свободному человеку, следовало убить холопа, но теперь постановили, что в таком случае господин платил за раба пеню. Холоп вообще не мог быть свидетелем, но, когда не было свободного человека, тогда принималось и свидетельство холопа, если он был должностным лицом у своего господина. За холопа и рабу вира не полагалась, но убийство холопа или рабы без вины наказывалось платежом князю «продажи». По некоторым данным, ко временам Мономаха следует отнести постановления о наследстве.

Вообще, по тогдашнему русскому обычному праву, все сыновья наследовали поровну, а дочерям обязывались выдавать приданое при замужестве; меньшому сыну доставался отцовский двор. Каждому, однако, предоставлялось распорядиться своим имуществом по завещанию. В правах наследства бояр и дружинников и в правах смердов существовала та разница, что наследство бояр и дружинников ни в каком случае не переходило к князю, а наследство смерда (простого земледельца) доставалось князю, если смерд умирал бездетным. Женино имение оставалось неприкосновенным для мужа. Если вдова не выходила замуж, то оставалась полной хозяйкой в доме покойного мужа, и дети не могли удалить ее. Замужняя женщина пользовалась одинаковыми юридическими правами с мужчиной. За убийство или оскорбления, нанесенные ей, платилась одинаковая вира, как за убийство или оскорбления, нанесенные мужчине.

Местом суда в древности были: княжеский двор и торг, и это означает, что был суд и княжеский, но был суд и народный – вечевой, и, вероятно, постановления Русской Правды, имеющие главным образом в виду соблюдение княжеских интересов, не обнимали всего вечевого суда, который придерживался давних обычаев и соображений, внушенных данными случаями. Доказательствами на суде служили: показания свидетелей, присяга и, наконец, испытание водою и железом; но когда было введено последнее – мы не знаем.

Сабля великого князя Владимира Мономаха и фрагменты ее украшения.
Литография XIX в.

Эпоха Владимира Мономаха была временем расцвета состояния художественной и литературной деятельности на Руси. В Киеве и в других городах воздвигались новые каменные церкви, украшенные живописью: так, при Святополке построен был в Киеве Михаиловский Золотоверхий монастырь, стены которого существуют до сих пор, а близ Киева – Выдубицкий монастырь на месте, где был загородный двор Всеволода; кроме того, Владимир перед смертью построил прекрасную церковь на Альте, на том

месте, где был убит Борис. К этому времени относится составление нашей первоначальной летописи. Игумен Сильвестр (около 1115 года) соединил в один свод прежде существовавшие уже отрывки и, вероятно, сам прибавил к ним сказания о событиях, которых был свидетелем.

В числе вошедших в его свод сочинений были и писания летописца Печерского монастыря Нестора, отчего весь Сильвестров летописный свод носил потом в ученом мире название Несторовой летописи, хотя и неправильно, потому что далеко не все в ней писано Нестором, и притом не все могло быть писано одним только человеком. Мысль описывать события и расставлять их последовательно по годам явилась вследствие возникшего знакомства с византийцами-летописцами, из которых некоторые, как например, Амартол и Малала, были тогда известны в славянском переводе. Сильвестр положил начало русскому летописанию и указал путь другим после себя. Его свод был продолжаем другими летописцами по годам и разветвился на многие отрасли, сообразно различным землям русского мира, имевшим свою отдельную историю. Непосредственным и ближайшим по местности продолжением Сильвестрова летописного свода была летопись, занимающаяся преимущественно киевскими событиями и написанная в Киеве разными лицами, сменившими одно другое. Летопись эта называется «Киевскою»; она захватывает время Мономаха, идет через все XII столетие и прерывается на событиях начальных годов XIII столетия.

Во времена Мономаха, вероятно, было переведено многое из Византийской литературы, как показывают случайно уцелевшие рукописи, которые относят именно к концу XI и началу XII века. Из нашей первоначальной летописи видно, что русские грамотные люди могли читать на своем языке Ветхий Завет и жития разных святых. Тогда же, по образцу византийских жизнеописателей, стали составлять жития русских людей, которых уважали за святость жизни и смерти. Так, в это время уже написано было житие первых основателей Печерской обители: Антония и Феодосия и положено было преподобным Нестором, печерским летописцем, начало Патерика, или Сборника житий печерских святых, сочинения, которое, расширяясь в объеме от новых добавлений, составляло впоследствии один из любимых предметов чтения благочестивых людей. В этот же период написаны были жития св. Ольги и св. Владимира монахом Иаковом, а также два отличных одно от другого повествования о смерти князей Бориса и Глеба, из которых одно приписывается тому же монаху Иакову.

От современника Мономахова, киевского митрополита Никифора, родом грека, осталось одно Слово и три Послания: из них два обращены к Владимиру Мономаху, из которых одно обличительное против латин. Тогда уже окончательно образовалось разделение Церквей; вражда господствовала между писателями той и другой Церкви, и греки старались привить к русским свою ненависть и злобу к Западной Церкви. Другой современник Мономаха, игумен Даниил, совершил путешествие в Иерусалим и оставил по себе описание этого путешествия. Несомненно, кроме оригинальных и переводных произведений собственно религиозной литературы, тогда на Руси была еще поэтическая самобытная литература, носившая на себе более или менее отпечаток старинного язычества.

В случайно уцелевшем поэтическом памятнике конца XII века – «Слово о полку Игореве» упоминается о певце Бояне, который прославлял события старины и между прочим события XI века; по некоторым признакам можно предположить, что Боян воспевал также подвиги Мономаха против половцев. Этот Боян был так уважаем, что потомство прозвало его Соловьем старого времени. Сам Мономах написал «Поучение своим детям», или так называемую Духовную. В ней Мономах излагает подробно события своей жизни, свои походы, свою охоту на диких коней (зубров?), вепрей, туров, лосей, медведей, свой образ жизни, занятия, в которых видна его неутомимая деятельность. Мономах дает детям своим советы, как вести себя. Эти советы, кроме общих христианских нравоучений, подкрепляемые множеством выписок из Священного Писания, свидетельствующих о начитанности автора, содержат в себе несколько черт, любопытных как для личности характера Мономаха, так и для его века. Он вовсе не велит князьям казнить смертью кого бы то ни было. «Если бы даже преступник и был достоин смерти, – говорит Мономах, – то и тогда не следует губить души».

Видно, что князья в то время не были окружены царственным величием и были доступны для всех, кому была до них нужда: «Да не посмеются приходящие к вам ни дому вашему, ни обеду вашему». Мономах поучает детей все делать самим, во все вникать, не полагаться на тиунов и отроков. Он завещает им самим судить и защищать вдов, сирот и убогих, не давать сильным губить слабых, приказывает кормить и поить всех приходящих к ним. Гостеприимство считается у него первою добродетелью: «Более всего чтите гостя, откуда бы он к вам ни пришел: посол ли, знатный ли человек или простой, всех угощайте брашном и питием, а если можно, дарами. Этим прославится человек по всем землям», завещает им посещать

больных, отдавать последний долг мертвым, помня, что все смертны, всякого встречного обласкать добрым словом, любить своих жен, но не давать им над собою власти, почитать старших себя как отцов, а младших как братьев, обращаться к духовным за благословением, отнюдь не гордиться своим званием, помня, что все поручено им Богом на малое время, и не хоронить в земле богатств, считая это великим грехом.

Относительно войны Мономах советует детям не полагаться на воевод, самим наряжать стражу, не предаваться пирам и сну в походе, и во время сна в походе не снимать с себя оружие, а проходя с войском по русским землям, ни в каком случае не дозволять делать вред жителям в селах или портить хлеб на полях. Наконец, он велит им учиться и читать и приводит пример отца своего Всеволода, который, сидя дома, выучился пяти языкам.

Мономах скончался близ Переяславля у любимой церкви, построенной на Альте, 19 мая 1125 года, семидесяти двух лет от роду. Тело его было привезено в Киев. Сыновья и бояре понесли его к Св. Софии, где он и был погребен. Мономах оставил по себе память лучшего из князей. «Все злые умыслы врагов, – говорит летописец, – Бог дал под руки его; украшенный добрым нравом, славный победами, он не возносился, не величался, по заповеди Божией добро творил врагам своим и паче меры был милостив к нищим и убогим, не щадя имения своего, но все раздавая нуждающимся». Монахи прославляли его за благочестие и за щедрость монастырям. Это-то благодушие, соединенное в нем с энергическою деятельностью и умом, вознесло его так высоко и в глазах современников, и в памяти потомства.

Михайловский Златоверхий монастырь в Киеве.
Фотография 1912 г.

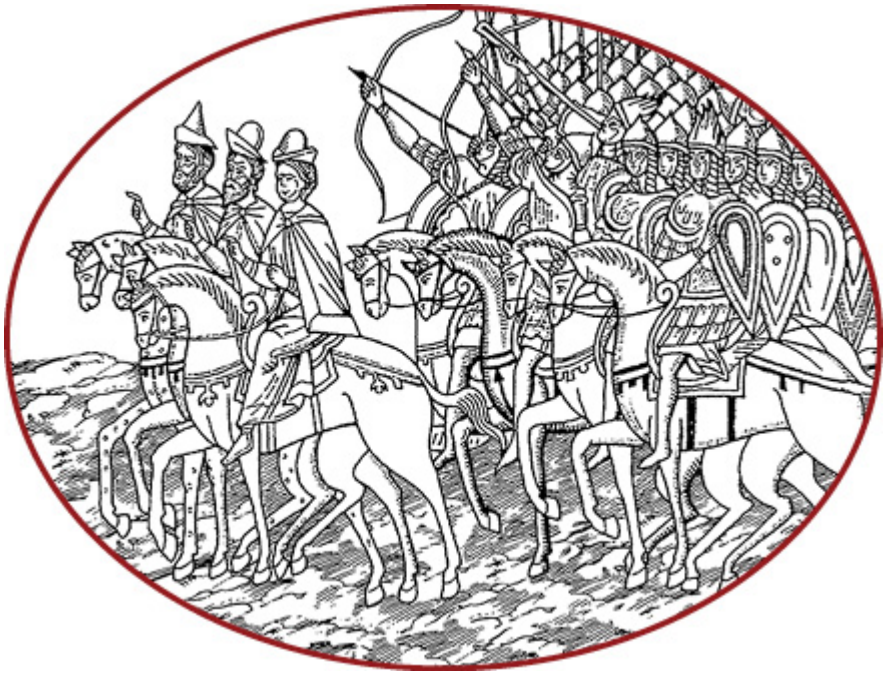
Михайловский Златоверхий собор был сооружен в XII в. князем Святополком (Михаилом) Изяславичем в честь своего святого и небесного защитника Киева Архангела Михаила. В 1240 г. собор был разрушен татаро-монголами.

Позднее собор несколько раз перестраивался; почти полностью уничтожен при советской власти в 1934—1937 гг.; отстроен заново в 1998—1999 гг. В 2001—2004 гг. собору были возвращены фрески, хранившиеся в Эрмитаже.

Вероятно, народные эпические песни о временах киевского князя Владимира Красное Солнышко, так называемые былины Владимирова цикла, относятся не к одному Владимиру Святому, но и ко Владимиру Мономаху, так что в поэтической памяти народа эти два лица слились в одно. Наше предположение может подтверждаться следующим: в Новгородской летописи под 1118 годом Владимир с сыном своим Мстиславом, княжившим в Новгороде, за беспорядки и грабежи призвал из Новгорода и

посадил в тюрьму сотского Ставра с несколькими соумышленниками его, новгородскими боярами. Между былинами Владимирова цикла есть одна былина о Ставре-боярине, которого киевский князь Владимир засадил в погреб (тюрьмами в то время служили погреба), но Ставра освободила жена его, переодевшись в мужское платье. Имя Владимира Мономаха было до того уважаемо потомками, что впоследствии составилась сказка о том, будто византийский император прислал ему знаки царского достоинства, венец и бармы, и, через несколько столетий после него спустя, московские государи венчались венцом, который назвали «шапкою Мономаха».

Рассуждая беспристрастно, нельзя не заметить, что Мономах в своих наставлениях и в отрывках о нем летописцев является более безупречным и благодушным, чем в своих поступках, в которых проглядывают пороки времени, воспитания и среды, в которой он жил. Таков, например, поступок с двумя половецкими князьями, убитыми с нарушением данного слова и прав гостеприимства; завещая сыновьям умеренность в войне и человеколюбие, сам Мономах, однако, мимоходом сознается, что при взятии Минска, в котором он участвовал, не оставлено было в живых ни челядина, ни скотины. Наконец, он хотя и радел о Русской земле, но и себя не забывал и, наказывая князей, действительно виноватых, отбирал их уделы и отдавал своим сыновьям. Но за ним в истории останется то великое значение, что, живя в обществе, едва выходившем из самого варварского состояния, вращаясь в такой среде, где всякий гонялся за узкими своекорыстными целями, еще почти не понимая святости права и договора, один Мономах держал знамя общей для всех правды и собирал под него силы Русской земли.



Приложение 4. ТРУДЫ И ДНИ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Ниже приводится краткая сводка фактов жизненного пути Владимира Мономаха, а также событий, происходивших в его время и имевших непосредственное отношение к нему самому или к общественно-политической жизни Русского государства второй половины XI – первой четверти XII столетия. Она даст читателю максимально сжатое и в то же время зримое представление о биографии Мономаха, а также о той обстановке, в которой рос, мужал и действовал один из величайших деятелей отечественной истории. В отличие от помещенного выше фрагмента «Повести временных лет», который (не считая ряда сокращений) никакого вмешательства не допускал, здесь мы предлагаем вашему вниманию своеобразный дайджест, в котором избирательно представлены и, где надо, прокомментированы наиболее значимые события 1053–1125 годов.

* * *

В **1053** году у четвертого сына Ярослава Мудрого, князя Всеволода Ярославича, родился сын Владимир Мономах.

В следующем году (**1054**) умер его дед Ярослав Мудрый. Перед кончиной он разделил Русь на пять уделов. Изяслав получил Киев и Новгород, Святослав – Чернигов и Северскую землю, Всеволод – Переяславль[412] и Ростово-Суздальскую землю, Вячеслав – Смоленск, Игорь – Владимир-Волынский.

Этот же год ознаменован «Великой схизмой» – разделением христианской Церкви на Западную – римско-католическую – и Восточную – греко-католическую (Православную). *16 июля* папский легат кардинал Гумберт положил на главный алтарь храма Святой Софии декрет, содержащий анафему византийцам. Патриарх в ответ на это на соборе отлучил Папу от Церкви.

В **1055** году своим наместником в Новгороде Изяслав посадил своего сына Мстислава. На новом месте Мстиславу пришлось непросто: во-первых, Новгород давно уже дрейфовал прочь от Киева, во-вторых, в городской верхушке жива была благодарная память о 18-летнем правлении Владимира Ярославича, чей сын Ростислав, родившийся и выросший в Новгороде, стал, по причине безвременной смерти отца, изгоем.

Игорь занял место перешедшего отсюда в Чернигов старшего брата — в соответствии с декларированным и вначале довольно строго исполняемым «рядом Ярославля», или лествичным правом,— обычаем княжеского престолонаследия на Руси. Все Рюриковичи считались братьями и совладельцами державы. Поэтому старший в роду сидел в Киеве, младшие (по старшинству) — в следующих по важности городах — Чернигове, Переяславле, Смоленске, Владимире-Волынском.

Княжили в таком порядке: 1) старший брат, после его смерти — младшие братья по порядку; 2) после смерти всех братьев — сыновья старшего брата по старшинству; 3) после смерти всех сыновей старшего брата — сыновья следующих братьев в таком же порядке; 4) внуки, правнуки в той же последовательности и т. д. При этом осуществлялась постоянная ротация власти: по ходу смены великого князя все прочие переезжали по старшинству из города в город. Очевидно, что строгое соблюдение этого принципа оказалось практически невозможным — в силу множества причин (старшие племянники часто ссорились с младшими дядьями, что вело к междоусобицам, и пр.). Следует упомянуть, что «ряд Ярославля» не включал Полоцкое княжество, еще с 989 г. закрепившееся за потомками Изяслава Владимировича — старшего брата Ярослава Мудрого.

В том же году Всеволод совершил победоносный поход на торков; в свою очередь, половецкий хан Болуш вступил в пределы Переяславского княжества, но ограничился демонстрацией силы, заключил со Всеволодом мир и ушел назад в степи (первое появление половцев на Руси).

В том же году в Киеве умер митрополит Киевский и всея Руси[413] Иларион (Русин)[414], автор «Слова о Законе и Благодати». На его место был назначен грек Ефрем, в том же году вызвавший из Новгорода и судивший епископа Луку Жидяту[415], безвинно оклеветанного слугой (обман вскроется через три года). Можно предположить, что Жидята оказался жертвой заговора со стороны нового князя Мстислава Изяславича – как один из авторитетнейших новгородских деятелей и верный сподвижник покойного Владимира Ярославича.

Св. Иоанн Златоуст,
Архиепископ Константинопольский.
Мозаика собора Св. Софии в Киеве. XI в.

21 (27) октября **1056** года началось создание древнейшей дошедшей до нас русской рукописной книги – «Остромирова Евангелия». Написанная для новгородского посадника Остромира, названного в приписке родственником великого князя Изяслава Ярославича, рукопись окончена 12 (18) мая 1057 г.

В **1057** году в Смоленске умер прокняживший всего четыре года Вячеслав Ярославич. На его место из Владимира-Волынского был выведен его брат Игорь, а во Владимире-Волынском посажен на княжение старший внук Ярослава Мудрого – Ростислав Владимирович[416]. Что было для него большой удачей: после смерти отца – новгородского князя Владимира Ярославича[417] –

он был исключен из числа претендентов на великое княжение (став изгоем). Отныне Ростислав мог надеяться только на милость родственников и на случай. И то, и другое проявилось в полной мере: Волынское княжество было хотя и последним по значимости, но тем не менее одним из пяти главных уделов Руси. Конечно, будь жив его отец, именно он княжил бы сейчас в Киеве, но, впрочем, тогда Ростислав не имел бы Владимира-Волынского. Мы столь подробно останавливаемся на этом сюжете потому, что он будет иметь длительное и пагубное для все еще единого государства продолжение.

Один из древнейших памятников древнерусской литературы — торжественная речь митрополита Илариона — написана между 1037 и 1050 гг. «Тема “Слова” — тема равноправности народов (резко противостоящая средневековым теориям богоизбранничества лишь одного народа), теория вселенской империи, или Вселенской Церкви.

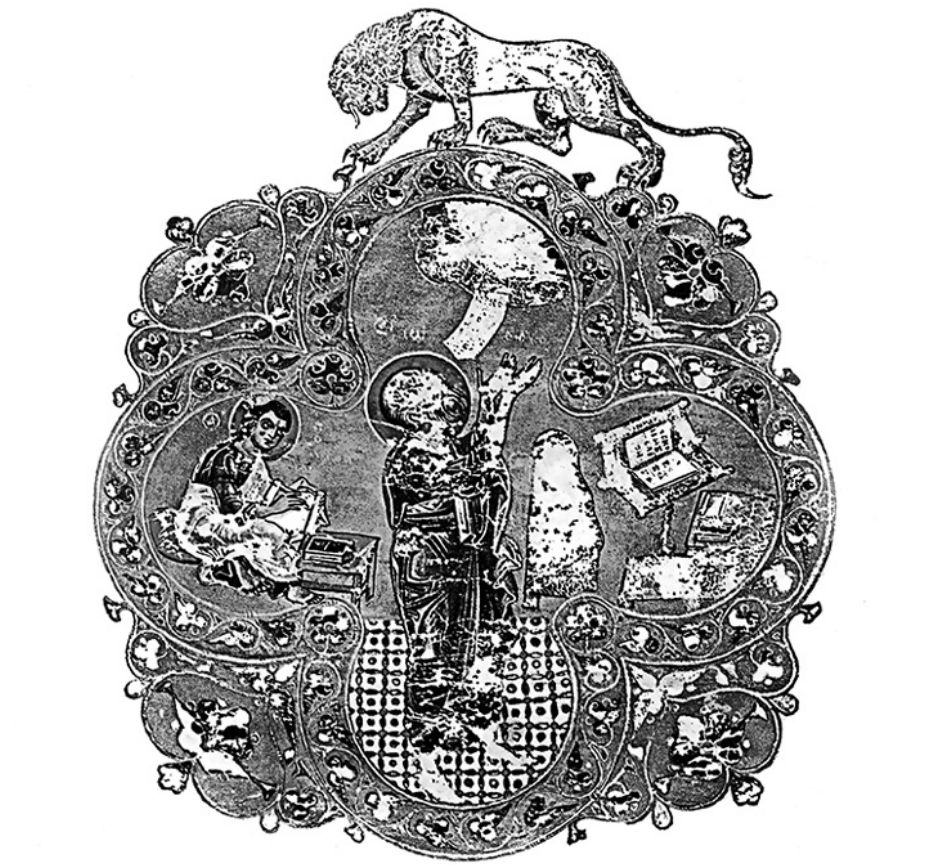
Иларион указывает, что Евангелием и Крещением Бог “все народы спас”, прославляет русский народ среди народов всего мира и резко полемизирует с учением об исключительном праве на “богоизбранничество” только одного народа» (*Лихачев Д. С.* Великое наследие. Л., 1987). Многие историки видят в этом жесте желание Руси продемонстрировать автономию от Константинополя.

В **1059** году Ярославичи выпустили из заключения своего дядю Судислава[418], потребовав от него отказа от права на киевский престол, – что фактически было нарушением «ряда Ярославля» (такие отступления от закона в ближайшие годы будут множиться и приведут к целому ряду конфликтов и в конце концов – к распаду Руси). Судислав постригся в монахи киевского Георгиевского монастыря (там он и умрет через 4 года, в 1063 году).

15 октября того же[419] года по пути из Киева в Новгород умер новгородский епископ Лука Жидята, оправданный, после того как вскрылись обстоятельства возведенного на него навета.

В **1060** году в Смоленске, в возрасте 24 лет, умер Игорь Ярославич – младший брат мономахова отца Всеволода. Сидевший во Владимире-Волынском Ростислав Владимирович вознадеялся получить этот удел, то есть шагнуть на следующую ступеньку в иерархии, – но не преуспел в своем желании:

готовность Ярославичей потакать честолюбию племянника была не беспредельной. Фактически они оказались перед дилеммой: отдать Смоленск старшему племяннику (что формально было законно, но, учитывая его аппетиты, опасно) – или вступить с ним в прямой конфликт, посадив в Смоленск следующего за ним по старшинству, то есть – Ярополка Изяславича. Но это было бы не только формально незаконно, но еще и означало бы опасное для Святослава и Всеволода усиление Изяслава, на что они пойти не собирались (а Изяслав в меньшинстве не мог). В результате Ярославичи приняли соломоново решение: они упразднили Смоленское княжество, разделив его между собой на три части. Ростислав Владимирович вынужден был принять это решение, но, как покажет время, не смирился с ним.



Иоанн Богослов.
Миниатюра из Остромирова Евангелия. XI в.

В том же году триумвират Ярославичей[420] вместе с князем

полоцким Всеславом Брячиславичем[421] совершил истребительный поход на торков.

В феврале **1061** г. Всеволод Ярославич потерпел поражение от хана Искала (Сокала): разорив Переяславскую землю, половцы вернулись в Степь. «Сначала половцы заключили союз с Всеволодом Ярославичем, так как у них был общий враг – торки (1055). Но после победы над торками союзники поссорились, и в 1061 г. половецкий князь Искал разбил Всеволода. Надо полагать, что обе стороны рассматривали конфликт как пограничную стычку, но тем не менее степные дороги стали небезопасны, сообщение Тмутаракани с Русью затруднилось, и это повлекло за собой ряд важных событий»[422].

В **1064** году бежал в Тмутаракань Ростислав Владимирович. Обстоятельства этого события не ясны, неизвестно даже, откуда именно он бежал: из Владимира-Волынского, из Червенских городов[423] или из Новгорода[424]. В любом случае причина для этого бегства должна была быть очень серьезной. Можно предположить, что не одно честолюбие, но и опасения за собственную жизнь гнали его подальше от дядей-Ярославичей. Согласно «Повести временных лет», с ним бежали киевский воевода Порей и сын новгородского воеводы Вышата. Если учесть, что отец Вышаты, посадник Остромир, как уже упоминалось выше, назван в приписке к Остромирову Евангелию родственником великого князя Изяслава, странно, что его сын вдруг решился на побег из Новгорода в далекую Тмутаракань. Непонятно также, что заставило бежать из Киева воеводу Порея и почему он сделал это в сговоре с Ростиславом? Несомненно, был какой-то фактор, объединивший этих трех людей и заставивший их проделать полный опасностей путь. Как бы то ни было, они сумели добраться до Тмутаракани, захватить ее и изгнать оттуда двоюродного брата Ростислава – Глеба Святославича. С этого момента началась уже настоящая война общегосударственного значения: три года Ярославичи с переменным успехом будут пытаться водворить на свое законное место Глеба и прогнать (или убить) Ростислава.

В **1065** году начался также конфликт Ярославичей с недавним союзником в войне с половцами – полоцким князем Всеславом Брячиславичем: Всеслав разорил окрестности Киева, безуспешно осаждал Псков. А в **1066** году[425], разгромив на р. Черёхе дружину новгородского князя Мстислава Изяславича и заставив его бежать в Киев, Всеслав взял и разграбил Новгород.

3 февраля **1067** года в Тмутаракани был отравлен Ростислав Владимирович: Ярославичи избавились наконец от племянника-изгоя. А через месяц, 3 марта, разбили Всеслава Полоцкого на р.

Немиге. Еще 4 месяца спустя, 10 июля, Ярославичи позвали его на переговоры возле Орши, целовали крест и обещали безопасность, однако нарушили обещание – схватили вместе с двумя сыновьями, отвезли в Киев и посадили в поруб. Таким образом триумвират Ярославичей сконцентрировал в своих руках управление всей Русью.

В том же 1067 году умерла мать Владимира – Мономахиня.

В **1068** году состоялось новое вторжение половцев. Все три Ярославича вышли к ним навстречу. В сентябре, потерпев поражение в битве на р. Альте от хана Шарукана[426], Ярославичи бежали: Изяслав и Всеволод – в Киев, Святослав – в Чернигов.

Одним из следствий этого поражения стало Киевское восстание – выступление против Изяслава после его отказа выдать оружие из своих арсеналов и коней для вторичного сражения с половцами. Изяславу пришлось бежать в Польшу, а «отец Мономаха, Всеволод Ярославич, по изгнании Изяслава, искал убежища в волостях Святославовых, именно в Курске, опасаясь жить в Переяславле, а сына послал на север в Ростов, куда ему пришлось ехать прямиком “сквозЬ вятичЬ”… Это был “первый путь”, первый поход 16-летнего (15-летнего? – *Ред.*) Владимира»[427].

Престол временно занял освобожденный восставшими из заточения Всеслав Брячиславич. «…Вознесенный восставшими киевлянами *15 сентября* 1068 г. на киевский стол, Всеслав Полоцкий сумел продержаться на нем в течение семи месяцев благодаря политическим компромиссам. Он уступил по меньшей мере два крупных владения своего предшественника Изяслава – Новгород и Волынь – двум оставшимся на Руси Ярославичам и был признан ими киевским князем»[428].

Тем временем война с половцами продолжалась. В ноябре 1068 г. Святослав Ярославич, имея 3 тысячи ратников, разбил 12 тысяч половцев в битве на р. Снове, причем Новгородская Первая летопись сообщает о взятии Шарукана в плен. В результате на четверть века установилось зыбкое перемирие между Русью и Степью (не считая небольших стычек, а также, разумеется, активного участия половцев в междоусобных войнах на Руси).

Святополк (в крещении Михаил) *Изяславич* (8 ноября 1050 — 16 апреля 1113) — князь полоцкий (1069—1071), новгородский (1078—1088), туровский (1088—1093), великий князь киевский (1093—1113). Сын великого князя киевского Изяслава Ярославича, двоюродный брат Владимира Мономаха.

Весна **1069** года: Изяслав с польским королем Болеславом II[429] двинулись на Киев – Всеслав бежал в родной Полоцк. Святослав и Всеволод заступились за киевлян: высланный вперед отцом Мстислав Изяславич по вступлении в город казнил «только» несколько десятков подвернувшихся под горячую руку жителей, «числом 70 человек, а других ослепил, а иных без вины умертвил, без следствия». В качестве награды за эту акцию Мстислав получил Полоцк, откуда они с отцом не преминули – на волне преследования – выгнать Всеслава. А когда Мстислав в том же году умер, то Изяслав послал в Полоцк другого сына – Святополка. По некоторым сведениям, во Владимир-Волынский Изяслав посадил Ярополка.

Всеслав же Полоцкий бежал к вожанам, с которыми в том же году напал на Новгород. Это нападение пришлось отражать только что перешедшему сюда на княжение Глебу Святославичу (тому самому, который дважды изгонялся из Тмутаракани в середине 1060-х гг. князем-изгоем Ростиславом Владимировичем; см. выше). 23 октября 1069 года под самым Новгородом на р. Гзени состоялось сражение – Глеб город отстоял. Всеслав попал в плен, но был отпущен.

В 1069 и **1070** годах Вл. Мономах «дважды ходил на Смоленск… где, вероятно, и был посажен Изяславом»[430].

Это предположение вызывает некоторые сомнения: во-первых, как мы помним, Смоленское княжество если не де-юре, то де-факто прекратило (на время) свое существование еще в 1060 г., во-вторых, если к 1069 году оно и было восстановлено, то сделать это мог, вероятнее всего, великий князь киевский Изяслав Ярославич. Но если (бы) он это и сделал, то вряд ли в интересах 17-летнего племянника: согласно «лествичному праву» наследования уделов, еще вполне дееспособному в указанные годы, на Смоленский престол были куда более вероятные кандидаты, не говоря уж об интересах сыновей самого Изяслава,— тот же Ярополк, кстати говоря, был старше Мономаха и по возрасту, и по старшинству.

В 1070 году у Всеволода родился сын Ростислав – младший (единокровный) брат Владимира Мономаха.

Год 1071: очередное вторжение половцев («воевали половцы у Ростовца и Неятина»). В том же году Всеслав Брячиславич сумел выгнать из Полоцка Святополка Изяславича[431]. И хотя его брат Ярополк Изяславич победил вскоре Всеслава у Голотическа, но Всеслав удержал за собой Полоцк и окончательно (до самой своей смерти в 1101 году) вернул себе контроль над княжеством. Святополк же, по-видимому, вернулся к отцу в Киев.

20 мая **1072** года в Вышгороде состоялось торжественное перенесение мощей «святых страстотерпцев Бориса и Глеба»[432]. Возможно, мероприятие было приурочено к утверждению на «совещании в верхах» «Правды Ярославичей» – второй части Русской Правды. Этот же год ознаменовался значительными народными восстаниями в Новгородской и Ростово-Суздальской землях.

Весной 1073 года распался триумвират Ярославичей: Святослав и Всеволод восстали против старшего брата – Изяслава, который в марте месяце с женой Гертрудой и сыном Ярополком вновь, как и четыре с половиной года назад, бежал в Польшу, затем (в конце 1074 или начале 1075 г.) – в Германию. На три с половиной года (22 марта 1073 – 27 декабря 1076) на киевском престоле утвердился Святослав Ярославич. Владимиро-Волынское княжество он отдал своему сыну Олегу. А с братом Всеволодом совершил своеобразный обмен: Всеволод Ярославич из Переяславля перешел в Чернигов (второй по значению после Киева город Руси), а «родной» Переяславль уступил сыну

Святослава Давыду. Владимир Мономах при этом получил смоленское княжение[433]. Таким образом, Святослав контролировал Киев, Переяславль и Волынь, Всеволод – Чернигов и Смоленск.

Давыд Святославич (1050—1123) — князь переяславский (1073—1076), муромский (1076—1093), смоленский (1093—1095 и 1096—1097 гг., в промежутке — новгородский), черниговский (1097—1123). Старший брат Олега Святославича.

Гертруда (Елена) *Польская* (1025—1108) — польская принцесса, дочь короля Польши Мешко II и Рыксы Лотарингской, тетка Болеслава III Смелого. В 1041 г. стала женой будущего (1054—1068, 1069—1073, 1077—1078) великого князя киевского Изяслава Ярославича. После гибели мужа в 1078 г. жила при дворе своего единственного сына, Ярополка Изяславича.

Ярополк Изяславич (между 1043 и 1047— 1086) — сын Изяслава Ярославича и Гертруды Польской, внук Ярослава Мудрого; князь волынский (1069—1073, 1078—1086) и туровский (1078—1086). Дважды вынужден был бежать за границу (в 1073—1076 гг. вместе с отцом — низложенным великим князем киевским, второй раз — в 1085—1086 гг. после ссоры с дядей — великим князем киевским Всеволодом). После возвращения на родину погиб от руки убийцы, подосланного Ростиславичами. Канонизирован Русской Православной Церковью.

Дмитрий Солунский. *Мозаика Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве. Ок. 1113 г.*

В том же 1073 году была создана одна из древнейших дошедших до нас русских рукописных книг – «Изборник Святослава». В книге излагаются основы христианских представлений о бытии и дается обширный свод сведений из различных областей знания – астрономии, географии, права, политэкономии, истории и пр. Древние авторы «Изборника»

призывают читателя к чистоте помыслов, совестливости, сочувствию, кротости, милости, а также непричастности греху.

В том же или в следующем году Владимир Мономах из Смоленска ходил во Владимир-Волынский. Точная цель и характер этого «хождения» не вполне ясны: возможно, Мономах выполнял какое-то поручение великого князя киевского[434]. Как бы то ни было, Мономах постоянно находился в движении: после Владимира-Волынского он побывал в Берестье[435], «из Владимира же ходил он к отцу на Пасху в Переяславль[436] и во Владимир же оттуда вернулся; по-видимому, и *творить с ляхами мир* (в 1074 г.) на Сутейске поручено ему было как *ближайшему к ляхам* (курсив наш. – *Ред.*) князю»[437].

Здесь как будто содержится намек на княжение Мономаха во Владимире-Волынском («ближайшему к ляхам»), но на самом деле можно говорить лишь о временном, вызванном военно-политическими причинами, пребывании Мономаха на Волыни (речь, скорее всего, идет о русско-польских конфликтах). Вообще же в 1073—1076 гг. во Владимире-Волынском княжил Олег (в крещении Михаил) Святославич (ок. 1053—1115) — сын великого князя киевского.

Осложнение отношений с Польшей было связано, по-видимому, с бегством к Болеславу низложенного Изяслава Ярославича. Однако остается неясным, Изяслав ли инспирировал враждебные действия польского короля либо, напротив, они были вызваны трениями между русскими беглецами и оказавшими им прохладное гостеприимство поляками[438]. Как бы то ни было, но в 1074 году Владимир Мономах заключил в пограничном Сутейске с поляками мир.

3 (9) мая **1074** года умер Феодосий Печерский. В том же году двадцатиоднолетний Владимир Мономах женился на Гите Уэссекской.

Феодосий Печерский (ок. 1008— 1074) — православный монах, святой Русской Церкви, почитаемый в лике преподобного, один из основателей и игумен (1057—1074) Киево-Печерской Лавры, ученик Антония Печерского. Сохранились 2 послания Феодосия к великому князю Изяславу, 6 или 8 поучений и 1 молитва.

В январе **1075** года ушедший из Польши Изяслав «представлялся в Майнце германскому императору Генриху IV, находившемуся далеко не в дружественных отношениях с польским королем Болеславом Смелым»[439]. Не найдя поддержки у императора, Изяслав обратился за помощью к его заклятому противнику – Папе Григорию VII, послав к нему Ярополка[440].

Генрих IV (1050—1106) — германский король, император Священной Римской империи. Первым из императоров вступил с папством в борьбу за инвеституру и, несмотря на унижение в Каноссе, не смог одержать в ней победу. С огромным трудом справившись с многочисленными мятежами, Генрих IV был отстранен от власти своим собственным сыном.

Григорий VII (до избрания Папой — Гильдебранд; ок. 1020—1085) — папа Римский (1073—1085). Окончательно утвердил в Католической Церкви целибат. Боролся за политическое главенство в Западной Европе с германскими императорами: дважды предавал анафеме Генриха IV, принудил его явиться к себе с покаянием в тосканскую крепость Каносса. Но в конце жизни был изгнан из Рима и умер в изгнании.

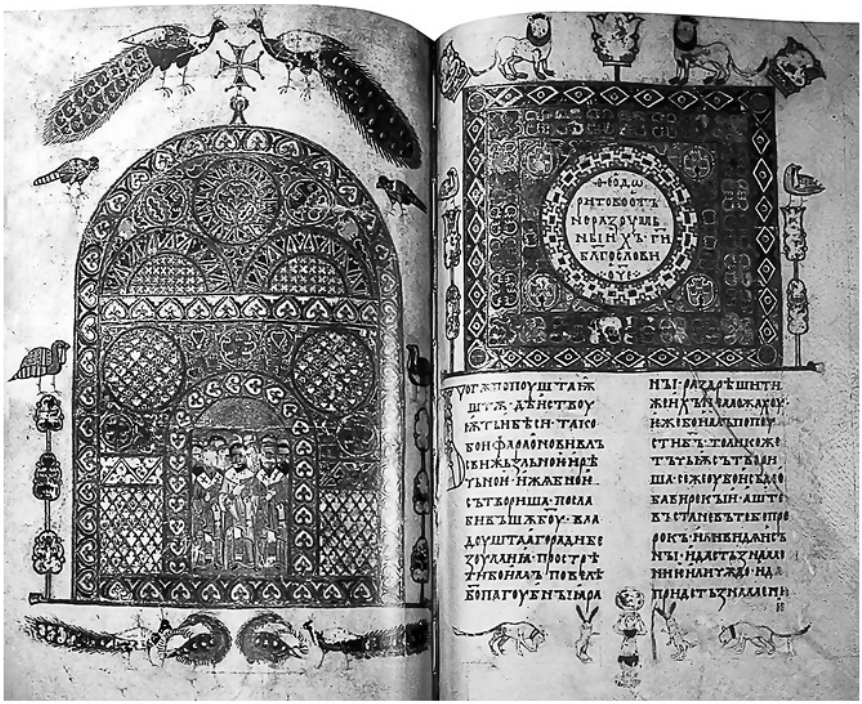
«17 апреля Папа направил Изяславу буллу… в которой сообщал, что Ярополк получил “Русское королевство” из папских рук как дар св. Петра… после того как он принес присягу верности св. Петру, Главе Апостолов… Таким образом, Григорий VII “передал” Ярополку Изяславичу власть над Русской землей, опираясь на согласие его отца (вероятно, имея в виду совместное владение Русью Изяславом и Ярополком). В булле от 20 апреля

1075 г., направленной королю Болеславу II Смелому, Папа *потребовал возвращения отнятого у Изяслава имущества* (курсив наш. – *Ред.*)»[441].

Конец 1075 – начало **1076** года: вместе с двоюродным братом Олегом Святославичем Мономах участвует в походе польского короля Болеслава Смелого против чешского князя Вратислава II. Трудно сказать, почему сыновья Ярославичей были направлены в помощь Болеславу, – может быть, в благодарность за то, что он не оказал действенной помощи Изяславу. Однако уже одно их появление на границах Чехии вынудило Вратислава немедленно заключить мир с Болеславом.

Олег Святославич (в крещении Михаил; ок. 1053—1115) — 4-й сын Святослава Ярославича, князь Волынский (1073—1076), Тмутараканский (1083—1094), Черниговский (1078, 1094, 1097), Новгород-Северский (1097—1115). В «Слове о полку Игореве» назван Гориславичем за свой мятежный нрав и междоусобия, в которые он, в силу характера и по причине наносимых ему родственниками обид, не мог не втягиваться.

Напрасно король Польши пытался втолковать союзникам, что их помощь уже не нужна. Русские князья не собирались возвращаться домой с пустыми руками: 4 месяца они опустошали чешскую землю, прежде чем уйти с богатой добычей и выкупом. Вообще, разобраться в хитросплетениях тогдашней геополитики бывает непросто – не только из-за скудости или ненадежности источников, но и ввиду переплетенности (чтобы не сказать – запутанности) причин и поводов, побудительных мотивов и родственных отношений. Все приходились родственниками всем. В Польше здравствовала еще недавно оказывавшая значительное влияние на политику Болеслава его мать Добронега – тетка Ярославичей, сестра Ярослава Мудрого. А женой Вратислава Чешского уже 14 лет была ее дочь (родная сестра Болеслава) Светослава-Сватава. Получается, что двоюродные племянники Болеслава (Олег и Владимир), под предлогом помощи ему, грабили земли его сестры – своей двоюродной тетки.



«Изборник» Святослава. 1073 г.

В состав «Изборника», переписанного для великого князя Черниговского Святослава Ярославича, сына Ярослава Мудрого, вошли извлечения из сочинений отцов Церкви, а также статья византийского писателя, посвященная вопросам стилистики.

В 1076 году Мономах дважды вместе с отцом и Святополком Изяславичем ходил на Полоцк; Всеслав Брячиславич успешно отразил оба нашествия. Во время второго похода произошло первое использование наемного половецкого войска в междоусобной войне русских князей[442].

1 июня у Владимира Мономаха родился первенец Мстислав; крестным отцом его стал Олег Святославич.

27 декабря 1076 года умер великий князь киевский Святослав Ярославич. После этого Изяслав Ярославич с сыном Ярополком получили возможность наконец вернуться из изгнания в Киев.

1 января **1077** года киевский престол занял Всеволод

Ярославич – на полгода, до возвращения из изгнания брата Изяслава. В это время, по-видимому, Владимир Мономах получил также Смоленск (вторично?). Весной он ходил в Новгород – на помощь Глебу против Всеслава. Летом вдвоем с отцом они предприняли очередной поход на Полоцк – по-видимому, малоуспешный: Всеслав чувствовал себя дома очень уверенно.

15 июля Изяслав в третий раз занял киевский стол. Не свидетельствует ли его примирение со Всеволодом и безболезненная передача власти о том, что инициатором переворота 1073 года был Святослав (или что таковым его сумел выставить Всеволод)? Как бы то ни было, Всеволод сохранил за собой Чернигов и «вернул» Переяславль[443]. По-видимому, в этом же или в следующем году формально своим наместником в Переяславле он назначил младшего сына – 7—8-летнего Ростислава (как и старший брат, Ростислав вырастет в этом княжестве).

В конце 1077 года Глеб Святославич, изгнанный новгородцами, обратился за помощью к Владимиру Мономаху, но безрезультатно.

30 мая **1078** года Глеб был убит в Заволочье чудью[444]; похоронен 23 июля в Чернигове. На его место в Новгороде Изяслав поставил своего сына Святополка.

Возможно, неоказание в этот раз Мономахом помощи Глебу было связано с изменившейся политической обстановкой: после возвращения на великокняжеский престол Изяслава сыновья его брата-соперника, изгнавшего его в 1073 г. из Киева, – Святославичи сделались своего рода «персонами нон грата». Хорошо демонстрирует это следующий пример. Двоюродный брат и недавний союзник Мономаха по разорительному походу на чехов, Олег Святославич был в конце 1077-го или, скорее, в начале 1078 года выведен из Владимира-Волынского и некоторое время жил при дворе Всеволода Ярославича в Чернигове, где его хорошо принимали: известно, что Пасху (8 апреля) он праздновал с приехавшим Владимиром Мономахом (который привез отцу из Смоленска 300 золотых гривен собранной там дани). Тем не менее буквально через несколько дней Олег бежал в Тмутаракань. Здесь он вместе с родным братом князем тмутараканским Романом и двоюродным братом Борисом Вячеславичем заключил союз с половцами и повел их на Русь.

Борис Вячеславич (ок. 1054—1078) — сын смоленского князя Вячеслава Ярославича. В союзе с двоюродным братом Олегом боролся против своего дяди Изяслава Ярославича. В 1077 г. неожиданно появился в Чернигове, но вскоре бежал в Тмутаракань к князю Роману Святославичу. Вскоре к ним присоединился брат Романа, князь Олег Святославич.

После его прибытия правители Тмутаракани наняли половецкие войска, с помощью которых и одержали победу на р. Сожице, вновь заняв Чернигов.

Роман Святославич Красный (ум. 1079) — 2-й сын великого князя киевского Святослава Ярославича, князь Тмутараканский (1069—1079) после перехода старшего брата Глеба на княжение в Новгород. Вместе с младшими братьями участвовал в сражении на Нежатиной Ниве. После поражения вернулся в Тмутаракань, откуда на следующий год выступил вместе с половцами на Переяславль. Но Всеволод Ярославич от половцев откупился,— можно даже предположить, что подкупил их: они от нападения отказались, а Романа убили.

25 августа 1078 года половцы, приведенные Олегом Святославичем и Борисом Вячеславичем, разгромили Всеволода Ярославича на р. Сожице (Оржице). Получив известие о поражении отца, Владимир Мономах поспешил к нему на помощь в Переяславль и едва пробился с дружиной сквозь половцев. Откликнулся на просьбу Всеволода о помощи и его брат – великий князь киевский Изяслав.

3 октября 1078 года состоялась битва на Нежатиной Ниве между Изяславом и Всеволодом Ярославичами и Владимиром Мономахом – и их племянниками (двоюродными братьями Владимира) Олегом и Романом Святославичами и Борисом Вячеславичем. В ожесточенном сражении погибли великий князь Изяслав с одной стороны и князь Борис Вячеславич – с другой. Олег едва сумел бежать в Тмутаракань.

Великокняжеский престол в Киеве занял Всеволод Ярославич – и тут же отдал сыну Чернигов (Мономах оставил за собой и Смоленск); черниговское княжение Мономаха продлится 16 лет (1078–1094).

В том же 1078 году произошел «переворот» в Киево-Печерском монастыре: поставленный за 4 года до этого (вопреки

воле умирающего Феодосия Печерского) игуменом, Стефан вступил в конфликт с братией, был низложен и изгнан из монастыря. Его место занял Никон[445]. К сожалению, нет данных, проливающих достаточный свет на причины этого бунта и на то, не было ли это событие связано с утверждением на киевском престоле нового великого князя – Всеволода Ярославича.

В конце 1078 или в начале **1079** года Всеслав Брячиславич Полоцкий разорил принадлежавший Мономаху Смоленск; Мономах из Чернигова погнался за ним, но не застал под Смоленском, пошел по его следам и «повоевал» Полоцкую волость, потом пошел к Минску, внезапно напал на город и вырезал всех жителей. Тем временем Роман Тмутараканский заключил союз с половцами и пошел с ними на Переяславль. Великий князь киевский Всеволод Ярославич сумел договориться с половцами: союз распался, а сам Роман 2 августа был убит союзниками. «А Олега хазары, захватив, отправили за море в Царьград»[446]. Всеволод же посадил в Тмутаракани своего верного приближенного – посадника Ратибора.

В **1080** году Владимир по поручению отца усмирял переяславских (то есть поселенных в Переяславском княжестве около города Баруча[447]) торков – остатков некогда опасных соседей-кочевников.

В мае **1081** года Давыд Игоревич с Володарем Ростиславичем бежали в Тмутаракань, где свергли всеволодова посадника Ратибора.

Давыд Игоревич (ок. 1058 —1112) — сын Игоря Ярославича и Кунигунды Орламюндской, внук великого киевского князя Ярослава Мудрого; князь тмутараканский (1081—1083), дорогобужский (1084—1085, 1100—1112), владимиро-волынский (1084, 1086—1099). Ему в разные годы принадлежал также ряд мелких городков на Волыни: Червень, Сутейск, Бужск, Острог, Дубно и Чарторыйск. Активный участник княжеских междоусобиц. После 1100 г. сделал своей столицей Бужск.

Володарь Ростиславич (?—1124) — князь звенигородский (1085—1092), перемышльский (1092—1124), сын волынского и тмутараканского князя Ростислава Владимировича (ок. 1038—1067) и дочери венгерского короля Белы I — Ланки. Один из выдающихся полководцев своего времени: попеременно воевал и вступал в союзы с другими русскими князьями, а также с половцами, Византией, Польшей, Чехией и Венгрией. Его дочь Ирина с 1104 г. была замужем за Исааком — сыном византийского императора Алексея Комнина. На другой дочери был женат (с 1114 г.) сын Владимира Мономаха Роман. Одно это (учитывая, какое значение в то время придавалось династическим бракам) много говорит об авторитете Володаря Перемышльского.

Под **1082** годом в «Повести временных лет» отмечено единственное событие: «Умер Осень, половецкий князь». Несомненно, это может значить только одно: одной серьезной угрозой, одним сильным противником для Руси стало меньше. К сожалению, почти ничего об Осене[448], кроме того, что у него было несколько братьев (среди них Сакзь и Багубарс), неизвестно. Незадолго до смерти Осеня Мономах воевал с ним.

Год **1083**-й: в Тмутаракань на княжение вернулся Олег Святославич. Первым делом он изгнал Давыда и Володаря и вырезал городских хазар[449]. Тмутараканским князем Олег пробудет до 1094 года, когда начнется 2-й этап междоусобной борьбы.

Год **1084**-й: нашедшие приют у своего двоюродного дяди Ярополка Изяславича во Владимире-Волынском братья Ростиславичи (Рюрик, Володарь и Василько) воспользовались его отъездом в Киев к великому князю Всеволоду Ярославичу: они собрали в Червенских городах войско и захватили Владимир. За Ярополка вступился Всеволод, пославший на узурпаторов своего

сына Владимира Мономаха с войском. После изгнания Ростиславичей Всеволод дал им Перемышль, Теребовль и Звенигород, а Владимир-Волынский вернул Ярополку Изяславичу. Однако когда Всеволод отдал Давыду Игоревичу Дорогобуж[450], Ярополк рассорился с великим князем и стал собирать против него войско.

В **1085** году Всеволод вновь послал на Волынь Мономаха – на этот раз с целью усмирения бунтовщика. Ярополк бежал в Польшу, бросив в Луцке семью и имущество. Очевидно, что Мономах действовал здесь отнюдь не как самостоятельный политик, а как послушный сын (он дружил с Ярополком). Можно предположить, что он не гордился этим походом, поскольку умолчал о нем в своем «Поучении детям».

В **1086** году Ярополк вернулся из Польши, помирился с Всеволодом (возможно, не без посредничества Владимира Мономаха) и получил Волынь обратно. Почти сразу он отправился завоевывать Звенигород, но во время одного из привалов на спящего князя напал подкупленный недругами (очевидно, Ростиславичами) дружинник по имени Нерадец и заколол его саблей.

23 марта **1088** года умер Никон – летописец и игумен Киево-Печерского монастыря с 1078 года. В том же году произошла очередная княжеская ротация: Святополк Изяславич был переведен из Новгорода в Туров[451], а на его место посажен внук Всеволода (сын Владимира Мономаха) – 12-летний Мстислав. Это перемещение весьма красноречиво: великий князь киевский Всеволод продолжал консолидировать власть. Он правил в Киеве и де-факто в Переяславле[452], его сын Владимир Мономах – в Чернигове и Смоленске. Теперь к ним прибавился Новгород. Пожалуй, со смерти Ярослава Мудрого держава впервые вновь собралась почти воедино[453].

Нужно отметить, что укрепление ядра государства сопровождалось ослаблением контроля на периферии: в том же 1088 году «възяша болгаре Муром». «Так как здесь в то время князья… только княжили, а не управляли, то понятно, почему Муром был взят болгарами… По-видимому, существует связь между восстаниями покоренных племен Поволжья, происходившими в это время, и выступлением болгар. Этими восстаниями болгары воспользовались как очень удобным поводом для захвата Мурома»[454].

14 августа **1089** года в Кёльне император Священной Римской империи Генрих IV женился на вдове нижнесаксонского графа Генриха Длинного Штадского – Евпраксии Всеволодовне (в католичестве – Адельгейда), младшей дочери киевского князя

Всеволода Ярославича (сестре Владимира Мономаха).

Отметим одно событие **1091** года, хотя и происходившее за пределами Руси, но примечательное своими участниками. 29 апреля объединенное греко-половецкое войско под предводительством императора Алексея Комнина разгромило войско печенегов. «…В сам день битвы… от печенежской орды отделился пятитысячный отряд русских воинов под командованием князя Василька Ростиславича и перешел на сторону византийского царя. По-видимому, это и решило исход сражения… Пленных оказалось так много, что… опасаясь, что ночью… печенеги сумеют освободиться, византийский военачальник Синесий приказал их всех умертвить… испуганные половцы снялись с лагеря, полного трупов, и поспешили в родные степи… Комнину пришлось даже высылать за ними погоню, чтобы передать ханам дары и половину добычи – как он обещал им накануне сражения»[455].

Алексей I Комнин (1056/57—1118) — византийский император (1081—1118). Племянник императора Исаака I Комнина. Сумел устранить внешнюю угрозу, осуществил масштабные реформы, благодаря которым началось возрождение Византийской империи.

Василько Ростиславич (ок. 1066—1124) — князь теребовльский (1085—1124). Младший, 3-й сын князя волынского (1057—1064) и тмутараканского (1064—1067) Ростислава Владимировича. По смерти отца в 1067 г. вместе со старшими братьями Рюриком и Володарем был изгнан из Тмутаракани Олегом Святославичем.

В 1084 г. братья захватили Владимир-Волынский, но великий князь Всеволод Ярославич выгнал их, дав взамен Перемышль, Теребовль и Звенигород.

В 1097 г. Василько принимал участие в Любечском съезде князей. После его окончания был по приказу великого князя Святополка Изяславича и по наговору владимир-волынского князя Давыда Игоревича захвачен и ослеплен. Эти события послужили причиной очередной княжеской усобицы.

Год **1092**-й: масштабное половецкое вторжение на Русь во время болезни Мономахова отца – великого князя Всеволода Ярославича.

13 (19) апреля **1093** года отец Владимира Мономаха, великий

князь киевский Всеволод Ярославич, умер. Мономах, «несмотря на свое явное политическое и военное превосходство, отказался занять киевский стол, уступив его двоюродному брату – во всех отношениях менее значительному туровскому князю Святополку Изяславичу… Именно тогда легитимизм впервые отчетливо проявился как одна из характерных черт политического кредо Мономаха: Святополк был генеалогически старейшим (его отец, киевский князь. Изяслав Ярославич… был старшим братом Всеволода), что и обусловило его преимущественное право на Киев согласно древнерусским династическим понятиям»[456]. 24 (30) апреля 1093 года на киевском престоле на 20 лет утвердился Святополк Изяславич.

Узнав о смерти Всеволода, половцы прислали к Святополку послов с предложением о мире (фактически – с требованием «подарков» за ненападение), но недальновидный, малоопытный и самонадеянный новоиспеченный великий князь пленил послов. Половцы в ответ осадили город Торческ. Святополк был вынужден прибегнуть к помощи Мономаха, который, впрочем, весьма благоразумно стремился решить дело миром. Тем не менее Святополк настоял на своем: и на самой битве, и на авантюрном плане сражения.

26 мая соединенные силы киевлян (Святополк), черниговцев (Владимир) и переяславцев (младший брат Мономаха Ростислав) под стенами г. Треполя на р. Стугне были разбиты и сброшены в реку. Пытаясь спасти брата Ростислава, Вл. Мономах едва не утонул сам во время переправы через Стугну. Святополк бежал к Треполю и в ту же ночь ускакал в Киев, Мономах вернулся в Чернигов. Жители Торческа, продолжавшие защищать город, вторично обратились к Святополку с просьбой о помощи, и киевское войско вновь вышло на битву с половцами, но 23 июля потерпело жестокое поражение вблизи Киева на р. Желани.

На фоне, а вернее – вследствие этих поражений, в **1094** году Святополк заключил мир с половецким ханом Тугорканом, женившись на его дочери (условий этого мира мы не знаем, но вряд ли они были выгодны Киеву). Но это не принесло ему желанного мира: усобица Рюриковичей продолжилась. В том же году, 16 лет спустя после битвы на Нежатиной Ниве, Олег Святославич, «отдав» Тмутаракань Византии, решился вернуть себе Чернигов – и это ему удалось (хотя и ненадолго). После непродолжительной осады Владимир Мономах был пропущен сквозь половецкий строй и вернулся в Переяславское княжество, в котором княжил его отец в 1054–1073 годах[457]. Первое, что предпринял Владимир, вернувшись в Переяславль, был поход на половцев – явно с целью отпугнуть от Переяславля и, возможно,

отчасти отомстить за черниговское унижение. Предпринял он и еще ряд экспедиций. Но этого ему оказалось мало.

В феврале **1095** года к Мономаху, впечатленные его военной активностью, пришли с предложением мира половецкие ханы Итларь и Китан. «Присланный из Киева от Святополка к Владимиру боярин Славата натравил Ратибора… на половцев, отдыхавших в его доме. С тем же предложением Славата обратился и к Мономаху. Владимир согласился на убийство Итларя… Владимир, конечно, знал, что половцы не преминут отомстить за павших, и решил предпринять поход в степи на половцев, напасть самому, чтобы не быть обороняющимся»[458].

Не сумев заручиться поддержкой Олега Черниговского (что неудивительно, учитывая его традиционные союзнические отношения с половцами и недавний конфликт с Мономахом), Владимир и Святополк предприняли упреждающий поход на половцев – тем более сокрушительный, что многие половцы, по-видимому, думали, что Итларь с Китаном заключили с Мономахом мир. Вернувшись из похода, князья киевский и переяславский упрекали Олега в уклонении от «оборонительного» похода на «поганых» и потребовали умертвить находившегося в Чернигове сына Итларя, воспитанника Олега. «Олегъ же сего не послуша, и бысть межи ими ненависть». Святополк и Владимир начали подготовку к вторжению на Черниговщину.

«Желая разделить Святославичей и не будучи уверенными в том, что Давыд не выступит на помощь брату, державшемуся половецкой ориентации и не собиравшемуся беспрекословно подчиняться своим двоюродным братьям, Святополк и Мономах перебрасывают Давыда на княжение в Новгород, а новгородского князя Мстислава Владимировича, сына Мономаха, сажают в Ростов. В Смоленске вокняжается Изяслав Владимирович, другой сын Мономаха. Все эти мероприятия по переброске князей… были вызваны стремлением Святополка Изяславича и Владимира Всеволодовича ослабить Олега… Вокруг Олега Святославича стягивалось кольцо, замыкалось враждебное окружение»[459].

Весной **1096** года Святополк и Мономах выступили против Олега под Чернигов (и оставили без защиты Киев и Переяславль). 3 мая Олег ушел из Чернигова в Стародуб (который, очевидно, лучше подходил для обороны), и окружившее городок киево-переяславское войско начало осаду. Олег Святославич, по-видимому, сумел обратиться за помощью к половцам – и уже в мае половецкий хан Боняк[460] атаковал окрестности Киева, а Куря 24-го числа сжег город Устье в Переяславском княжестве. 30 или 31 мая тесть Святополка Тугоркан осадил Переяславль. Святополку и Мономаху пришлось договариваться с Олегом: 8

мая он вышел из Стародуба и был отпущен под обещание приехать с братом Давыдом в Киев на заключение мира. Мономах же со Святополком двинулись на выручку осажденному Переяславлю. К счастью, городу удалось продержаться больше полутора месяцев – этого времени князьям хватило для подготовки к решающему сражению. 19 июля в битве на р. Трубеже под стенами Переяславля войско князей Святополка Изяславича и Владимира Мономаха разгромило неприятеля[461]. В этой битве погибли Тугоркан и его сын[462]. На следующий день, 20 июля, хан Боняк, вторично подступивший к Киеву, разгромил Печерский монастырь, но, узнав о поражении Тугоркана, спешно ушел в Степь.

Тем временем Олег Святославич, отпущенный из Стародуба, не рискнул приехать в Киев на мирные переговоры, ушел в Смоленск к брату Давыду, собрал войско и через Рязань пришел в Муром – выгнать из города посаженного в него годом ранее Мономахова сына Изяслава: 6 сентября Изяслав при обороне Мурома погиб.

Осенью Олег захватил Ростов, затем на него пришел Мстислав Владимирович с новгородцами и разбил его под Суздалем на Колокше, затем изгнал его из Мурома и из Рязани.

В этом же году Вл. Мономах написал публикуемое здесь письмо Олегу Черниговскому. Это примирительное послание следует рассматривать в контексте стратегической линии Мономаха: поневоле участвуя в почти беспрерывных княжеских распрях, главной своей целью он видел не столько победы в усобицах, сколько их прекращение. Он не был «главным» князем (т. е. великим князем киевским), но именно по его инициативе[463] 19 октября **1097** года состоялся Любечский съезд, на котором было узаконено разделение Руси на удельные княжества.

По постановлению съезда каждому князю были отданы те земли, которые принадлежали его отцу («каждый держит отчину свою»): Святополку Изяславичу, как старшему, был оставлен Киев с Туровом и Пинском и титул великого князя; Владимиру Мономаху – Переяславское княжество, Смоленск, Суздальско-Ростовская земля (причем в Новгороде оставался Мстислав) и Белоозеро; Олегу и Давыду Святославичам – Чернигов[464] и Северская земля, Рязань, Муром и Тмутаракань; Давыду Игоревичу – Владимир-Волынский с Луцком; Василько и Володарю Ростиславичам – Теребовль, Червень, Перемышль. Этим фактически упразднялся «ряд Ярославля». Можно спорить, чем считать новое образование – федерацией или конфедерацией, – но фактическое разделение единой Руси на наследственные

уделы стало тем компромиссом, который помог еще на несколько десятилетий сохранить если не единое государство (таким оно уже не было), то по крайней мере затормозить и обуздать центробежные тенденции.

Однако договор удовлетворил не всех. Уже в ноябре по приказу великого князя киевского Святополка (по наговору, согласно летописи, Давыда Игоревича Владимир-Волынского) был схвачен и ослеплен князь теребовльский Василько Ростиславич (этот сюжет подробно описан в «Повести временных лет»).

В ответ на это уже, по-видимому, в начале весны **1098** года состоялся съезд в Городце. На него Владимир Мономах сумел привлечь Святославичей с дружинами. Направив киевскому князю обвинение в невиданном прежде на Руси коварном злодействе, Святославичи и Мономах, не приняв полученных от Святополка оправданий, приняли решение начать боевые действия; Святополк собрался бежать из Киева, но «не дали ему киевляне бежать, но послали вдову Всеволодову[465] и митрополита Николу к Владимиру, говоря: “Молим, княже, тебя и братьев твоих, не погубите Русской земли”». Святополк обязался перед братьями изгнать Давыда. В результате тот вынужден был бежать в Польшу, но от борьбы за владимирский стол не отказался[466].

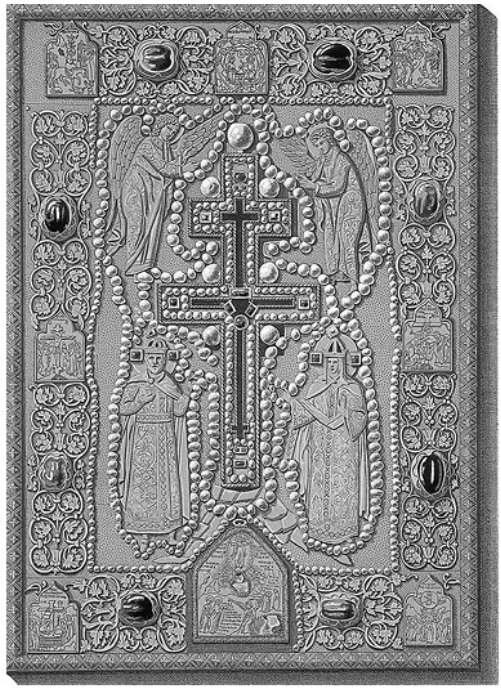
Святополк же тем временем, под предлогом изгнания Давыда, решил присоединить к Киевскому уделу и все юго-западные земли[467]. Заняв опустевший Владимир-Волынский, он вознамерился отнять у Ростиславичей (Василько к тому времени был уже на свободе и соединился с Володарем) их города. Однако в ходе битвы на Рожном поле был разбит и ушел в Киев. Он замыслил прибегнуть к содействию венгров, чтобы с их помощью одолеть Ростиславичей, но в **1099** году вернувшийся из Польши Давыд Игоревич призвал на подмогу половецкого хана Боняка и при его поддержке, наголову разбив в битве на Вагре приведенных сыном Святополка Ярославом венгров, получил Владимир и Луцк.

Однако на Уветичском (Витичевском) съезде в августе **1100** года он был их лишен. Взамен Давыд получил от Святополка ряд небольших городков (позднее Святополк вернул ему Дорогобуж), а от остальных братьев – виру в 400 гривен (200 от Мономаха и 200 от Святославичей). В отношении Ростиславичей было принято странное решение: лишить Василька его стола в Теребовле. Неудивительно, что Ростиславичи это решение проигнорировали и Василько оставался князем теребовльским до самой смерти в 1124 году. Можно сказать, что от этого съезда больше всего выиграл Святополк: он таки прибрал к рукам

Волынь. Мономах же и Святославичи раскошелились за то, чтобы на выгодных для Святополка условиях прекратить начатую им с ослепления Василька многоходовую распрю.

14 апреля **1101** года умер непокорный и непокоренный Всеслав Брячиславич, княживший в Полоцке (с перерывом в 1068–1071 гг.) с 1044 года – 57 лет! Еще при жизни он разделил княжество между сыновьями на шесть (или семь) уделов, которые продолжили дробиться дальше. Так грозный противник Киева, не уступивший военной силе, сошел со сцены сам собою.

В том же году на р. Золотче под Киевом состоялся очередной княжеский съезд, на котором присутствовали Святополк Изяславич, Давыд, Олег и Ярослав Святославичи, Владимир Мономах, Давыд Игоревич и, по-видимому, Ярослав Святополчич (всего семь князей). На съезд прибыли половецкие послы с просьбой о мире. Князья передали им предложение встретиться в городе Сакове, где русско-половецкий съезд и состоялся 15 сентября. Стороны обменялись заложниками и заключили мир (через два года русские князья его нарушат).



Наперсный крест Мономахов.
Рисунок Ф. Г. Солнцева из книги «Древности Российского государства». 1848—1853 гг.

Одна из регалий, являющаяся частью легендарного «Мономахова дара».

Наперсный крест Мономахов представляет собой прямоугольный серебряный реликварий, в середину которого вставлен золотой крест — мощевик, содержавший когда-то частицу Гроба Господня. До времен Петра I церемония венчания на трон русских монархов начиналась с возложения именно этого креста.

Под **1102** годом «Повесть временных лет» сообщает о «ряде» между Святополком Изяславичем и Владимиром Мономахом, касавшемся перераспределения владений между ними. Планировался обмен: Мстислав Владимирович должен был из Новгорода перейти во Владимир-Волынский, а Ярослав Святополчич передвигался из Владимира-Волынского в Новгород. Но этому воспротивились новгородцы («Если же две головы имеет сын твой, то пошли его») – к сильному неудовольствию великого князя («Святополк много спорил с ними, но они не захотели»). О

реакции Мономаха летопись умалчивает.

Весной (не позднее первой половины марта) **1103** года Владимир Мономах встретился на Долобском озере со Святополком – и уговорил киевского князя нарушить договор с половцами и совершить на них поход. Присоединились к ним и некоторые другие князья; даже князь полоцкий Давыд Всеславич, сын недавно умершего Всеслава Брячиславича, привел свой отряд. 4 (11) апреля в районе города Сутень (к востоку от Днепровских порогов) произошло сражение объединенного русского войска под командованием Святополка и Владимира Мономаха с половецким войском, возглавляемым ханом Урусобой. По свидетельству летописца, никогда еще русские не одерживали столь блестящей победы над половцами. Во время преследования было убито множество половцев, в том числе 20 ханов (Урусоба, Кчий, Арсланапа, Китанопа, Куман, Асуп, Курток, Ченегреп, Сурьбарь и другие). Белдюзь был захвачен Святополком, передан Владимиру и, несмотря на предложенный им выкуп, был убит за «несоблюдение мирного договора».

Однако половцы, даже потерпев такое тяжелое поражение, сохранили значительные ресурсы – и человеческие, и собственно военные. На опустевшее место с востока подтянулись новые отряды и новые князья: Русь продолжала оставаться лакомой добычей. Зимой **1105** года хан Боняк напал на Заруб, в котором поселились ставшие подданными киевского князя торки и печенеги, и «с полоном» ушел в Степь.

За всеми этими войнами друг с другом и с половцами не забывали князья и о старой вражде с Полоцким княжеством. Теперь, после смерти Всеслава, оно превратилось в конгломерат братских уделов (как за полвека до этого Русь). В конце 1104 или в начале 1105 года был предпринят коллективный поход на Минск, где княжил Глеб Всеславич. Поход возглавили воевода Путята Вышатич (от Святополка), Олег Святославич и 22-летний сын Вл. Мономаха Ярополк Владимирович, уже успевший проявить себя в прошлогоднем походе против половцев. Поход окончился неудачей: Глеб прогнал нападавших, среди которых был даже его старший брат Давыд, перед этим ходивший с Мономахом на половцев…

Предположительно, около этого времени Мономах написал свое знаменитое «Поучение»[468].

7 мая **1107** года умерла вторая жена Владимира Мономаха, мать Юрия Долгорукого. Вскоре Боняк угнал табуны из-под Переяславля. Летом Шарукан, Боняк «и другие князья многие» пришли и расположились возле Лубен на Суле. В августе объединенные силы русских князей Святополка Изяславича,

Владимира Мономаха и Олега Святославича[469] неожиданно напали на лагерь половцев. Половцы обратились в бегство. Был убит брат Боняка – Таз, а Шарукан едва избежал плена.

С целью замирения в январе **1108** года Владимир Мономах женил своего сына Юрия (будущего основателя Москвы) на дочери хана Аепы, внучке знаменитого Осеня[470]. 11 июля умерла Мономахова сестра Екатерина[471]. Через год, почти день в день, 10 июля **1109** года умерла другая сестра Мономаха – Евпраксия.

В **1110** году Святополк, Владимир и Давыд (Святославич) совершили очередной поход на половцев – до Воиня и обратно. Судя по лапидарности летописной записи, можно предположить, что никаких серьезных столкновений во время похода не произошло, что само по себе симптоматично: половцы начали уклоняться от сражений.

Весной **1111** года Владимир Мономах стал инициатором очередного похода против половцев. Как и 8 лет назад на Долобском съезде, ему пришлось уговаривать Святополка. И, как и тогда, удалось уговорить. 19 марта объединенное русское войско (Святополк Изяславич, Владимир Мономах и Давыд Игоревич[472] – все с сыновьями) двинулось к городу Шаруканю. 27 марта в битве у реки Сальницы (близ современного города Изюм, Украина) половцы потерпели сокрушительный разгром. В том же году, 7 октября, умерла вдова (2-я жена) Всеволода Ярославича – мачеха Владимира Мономаха, сыгравшая миротворческую роль весной 1097 года, когда судьба Киева и Святополка после ослепления Василька Ростиславича висела на волоске.

В мае **1112** года сын Святополка Ярослав, после успешного похода на ятвягов, женился на внучке Мономаха Рогнеде Мстиславовне; тем самым дополнительно скреплялось партнерство двоюродных братьев – князей киевского и переяславского.

25 мая у себя в Дорогобуже умер Давыд Игоревич. В том же году дочь Мономаха Евфимию выдали замуж за венгерского короля Коломана III. А 3 ноября умерла родная сестра Мономаха – Янка.

16 (23) апреля **1113** года умер великий князь киевский – двоюродный брат Мономаха Святополк (Михаил) Изяславич. В Киеве немедленно началось вечевое выступление против княжеской администрации и ростовщиков. Основной причиной восстания была финансовая политика администрации Святополка, в частности, введенный им соляной налог. Были разграблены дворы тысяцкого Путяты Вышатича и дворы сотских.

Опасаясь за судьбу семьи покойного Святополка, а также разграбления своих дворов и монастырей, собравшиеся в Софийском соборе бояре призвали на княжение популярного своими победами над половцами переяславского князя Владимира Мономаха, сына третьего Ярославича, Всеволода, в нарушение прав сыновей второго Ярославича, Святослава: Давыда Черниговского, Олега Новгород-Северского и Ярослава Муромского. Глас народа – глас Божий: наступила эпоха Владимира Мономаха.

Едва ли не первое, что сделал новый великий князь, – это внес множество исправлений и дополнений к Русской Правде. Теперь эта часть древнерусского законодательства известна как «Устав Владимира Мономаха», или «Устав о резах».

Традиционные противники, половцы, прослышав про смерть Святополка, предприняли поход на Киев, но сумели войти только в пределы Переяславской земли и были отогнаны (без сражения) объединенными силами Владимира Мономаха и Олега Святославича.

В 1113–1115 годах – в самом начале правления Мономаха – состоялось знаменитое путешествие игумена Даниила в Святую землю. Рассказ о нем – выдающийся литературный памятник XII века «Житие и хождение игумена Даниила из Русской земли».

Занятие Мономахом великокняжеского престола неизбежно повлекло за собой ряд персональных перемещений среди его сыновей. Уйдя в Киев, Владимир на свое место в Переяславль передвинул из Смоленска Святослава, а его место в Смоленске занял Вячеслав.

16 марта **1114** года, не пробыв в Переяславле и года, умер третий сын Мономаха – 35-летний Святослав. Мономаху пришлось переводить в Переяславль Ярополка, уже давно зарекомендовавшего себя храбрым и умелым воином[473]. А 11 сентября Мономах женил своего сына Романа на дочери Володаря Ростиславича Перемышльского. Поскольку все такого рода браки носили политический характер, то правильно будет предположить, что новый великий князь намеревался укрепить отношения с юго-западными землями Руси.

В 1114 году умер автор «Повести временных лет» Нестор Летописец (1056–1114).

2 мая **1115** года Владимир Мономах, Давыд и Олег Святославичи перенесли мощи князей Бориса и Глеба в новый, специально для этого построенный Вышгородский храм. При этом не обошлось без ожесточенного спора Владимира со Святославичами (см. соотв. место в «Повести временных лет» и примеч. к нему). Это было уже третье перенесение мощей первых

русских святых[474]. А 1 августа умер в молодые годы соратник, а затем на протяжении десятилетий виднейший соперник Владимира Мономаха, его двоюродный брат Олег Святославич – князь волынский (1073–1078), тмутараканский (1078–1079, 1083–1094), черниговский (1094–1096), новгород-северский (1097–1115). Соразмерной Мономаху по масштабу фигуры на Руси не осталось.

В **1116** году произошел очередной киевско-полоцкий конфликт. Глеб Всеславич сжег Слуцк (входивший в состав Туровской земли). В ответ на это Мономах с сыновьями, а также с Давыдом Святославичем и сыновьями Олега Святославича захватили Оршу и Друцк и осадили Минск. Глеб начал переговоры, и Владимир Мономах «пожалел проливать кровь в дни Великого поста» и помирился с ним.

Мономах был озабочен не только непосредственным окружением, но и дальними окраинами: «В этот же год ходил Леон царевич, зять Владимира[475], на Алексея-царя, и сдалось ему несколько дунайских городов», но 15 августа он был убит подосланными убийцами («в Дерестре[476] городе хитростью убили его два сарацина, подосланные царем»). В том же году отправил Мономах на Дунай еще одного эмиссара – «Ивана Войтишича, и тот посажал посадников по Дунаю». Была в том же 1116 году и третья попытка киевского князя овладеть Нижним Подунавьем (где были русские города): он послал своего сына Вячеслава и Фому Ратиборовича, но те дошли только до Дерестра и вернулись ни с чем. Из летописного сообщения об этих миссиях нельзя понять, были это согласованные походы, одна комплексная экспедиция или разновременные предприятия. Трудно, однако, предположить, чтобы Мономах, сильный тактик и умелый организатор, решился осуществлять столь дальние походы разрозненно и малыми силами, тем более дважды в течение одного года в одно и то же место (Дерестр). Скорее всего, это была многоходовая и многофигурная комбинация, которая не вполне удалась именно из-за гибели Лжедиогена.

Держава Мономахова. *Рисунок Ф. Г. Солнцева из книги «Древности государства Российского». 1848—1853 гг.*

В том же году сыновья Владимира Ярополк и Давыда Всеволод ходили на Дон на половцев, торков и печенегов «и бились два дня и две ночи, и пришли на Русь к Владимиру торки и печенеги[477]». Молодые князья же «взяли три города: Сугров, Шарукан и Балин. Тогда же Ярополк взял себе жену очень красивую – пленную дочь ясского князя»[478], а Всеволодко Давыдович женился на дочери Мономаха Агафье. К сожалению, «Всеволод Давыдович», ходивший с Ярополком Владимировичем на Дон, и «Всеволодко Давыдович», князь гродненский,

женившийся на Агафье Владимировне, не поддаются несомненной идентификации.

Здесь не место излагать все (или даже немногие) аргументы исследователей (а их накопилось немало), – скажем только, что это может быть одно и то же лицо, что не слишком вероятно, но если это два разных князя, то версий – кто есть кто – можно насчитать не менее трех или четырех – хотя бы потому, что отцом (отцами) Всеволода-Всеволодка могли быть Давыд Святославич, на тот момент князь черниговский, или Давыд Игоревич – умерший в 1112 году князь волынский (дорогобужский) – тот самый, который в 1097 году ослепил Василька Теребовльского. Однако муж Агафьи Всеволодко Гродненский, по мнению ряда историков, не мог быть Давыдовичем. Как бы то ни было, этот брак несомненно имел целью вывести Гродно из орбиты полоцких князей.

И в том же году племянница Агафьи, дочь Мстислава Владимировича (внучка Владимира Мономаха) Мария была выдана за сына умершего в прошлом году Олега Святославича – Всеволода Ольговича. Он унаследовал от отца Новгород-Северское княжество – и, породнившись с Мономахом и его сыном, нейтрализовался как возможный оппонент[479].

В **1117** году Мономах перевел Мстислава из Новгорода в Белгород-Киевский[480] (в Новгороде остался сын Мстислава Всеволод, внук Мономаха). Новгородцы вновь были недовольны – как и за 15 лет до этого, когда Мстислава пытался заменить своим сыном Ярославом тогдашний великий князь Святополк. Но Мономах – не Святополк: на следующий год новгородские бояре были вызваны в Киев, где их привели к присяге: вопрос был закрыт. Недоволен был этим переводом и зять Мстислава – тот самый Ярослав Святополчич. Он понимал, что это значит: Мономах посадил Мстислава у себя под боком с явным намерением передать (завещать) впоследствии киевское княжение – в нарушение «ряда Ярославля» сыну, а не «старшему» племяннику. Мономах уже де-факто отменил лествичное право, когда сел в Киеве[481]; это нарушение он собирался превратить в правило.

Впрочем, «добиваться справедливости» Ярославу было трудно: решения Любечского съезда уже 20 лет назад закрепили наследственный характер княжения. Другое дело, что под Ярославом зашатался волынский трон. Возмущение Святополчича было столь велико, что он отослал к Мстиславу свою жену (его дочь) Рогнеду и стал готовиться к противостоянию. Но что он мог поделать против такого политического и военного «тяжеловеса», как великий князь киевский Владимир Мономах? Тот без труда

привлек на свою сторону соседей Ярослава – Володаря и Василька Ростиславичей, а также послушного Давыда Ольговича Черниговского – и участь волынского князя была решена. Союзники осадили Владимир-Волынский и заставили Ярослава сдаться[482]. Ему милостиво позволили убраться в Венгрию. Во Владимир-Волынский на княжение был посажен сын Мономаха Роман.

Не забывал Мономах и о политике династических браков: в 1117 году он женил своего младшего (и совсем юного – 15-летнего) сына Андрея на внучке половецкого хана Тугоркана[483].

9 июня (или июля) **1118** года в Новгороде умер посадник и заместитель князя Дмитр Завидич. Место это он занял в декабре 1117 года, после смерти своего предшественника – посадника Добрыни. Нет сомнений в том, что Дмитр принимал самое важное участие в утверждении на престоле нового новгородского князя[484] – мстиславова сына Всеволода[485]. Более чем вероятно, что когда в 1118 году новгородцев вызвали в Киев для утверждения этого решения, Дмитр поддержал Мономаха. Косвенно это подтверждается тем, что спустя 4 года после его смерти Мстислав Владимирович, овдовев, женится на дочери Дмитра – Любаве[486] Дмитревне.

В том же, 1118 году была создана окончательная редакция «Повести временных лет».

6 января **1119** года умер 4-й сын Мономаха – Роман. Эта смерть наверняка не только огорчила отца, но и расстроила его планы. Всего за год до этого Мономах посадил Романа на княжение во Владимир-Волынский вместо изгнанного оттуда Ярослава Святополчича. Учитывая, что еще с 1114 года Роман был женат на дочери Володаря Ростиславича Перемышльского[487], это обещало Мономаху существенное повышение безопасности с запада. Теперь же пришлось срочно искать Роману замену – Мономах сажает на его место самого младшего сына – 17-летнего Андрея Владимировича Доброго. Бежавший в Польшу Ярослав Святополчич воспримет это как добрый знак и вскоре вернется с венграми и поляками для отвоевания Владимира-Волынского.

А Глеб Всеславич Минский тем временем развязал новый конфликт. Но сын Мономаха Мстислав захватил Глеба и привел его в Киев, где тот 13 сентября скончался (или был убит).

В **1120** году «приехал из Константинополя в Россию митрополит Никита и заступил место умершего Никифора, мужа знаменитого сведениями и красноречием»[488].

А Владимир Мономах продолжал укреплять свое влияние. Когда в Новгороде умер очередной посадник, Константин

Моисеевич, Мономах предпринял беспрецедентный шаг: назначил посадником киевского чиновника – Бориса. Это была первая попытка нарушить традицию назначения посадником представителя местного боярства. Авторитет Мономаха был столь велик, что, хотя это назначение, вне всяких сомнений, новгородцам не понравилось, перечить великому князю всея Руси (так титуловались киевские князья со времен Мономахова отца Всеволода) они не стали. Бориса новгородцы сместят только после смерти Мономаха.

В этом году никто серьезно Руси не угрожал – Русь сама (в «профилактических» целях) угрожала соседям: сидевший в Ростове сын Мономаха Юрий (будущий Долгорукий) ходил на Волгу к болгарам, откуда вернулся с большой добычей; другой сын, Андрей, ходил вместе с половцами из Владимира-Волынского в Польшу. Однако его поход, по-видимому, не слишком впечатлил поляков, тем более что князь-изгнанник Ярослав Святополчич всячески подбивал их на ответный поход на Волынь. Как бы то ни было, русско-польское противостояние продолжилось.

В **1121** году «Ярослав с поляками подступил было к Червеню; Мономах принял меры для безопасности пограничных городов: в Червени сидел знаменитый муж Фома Ратиборович, который и заставил Ярослава возвратиться ни с чем»[489]. Разобравшись с западной границей, Мономах обратился к восточной: в том же году «прогна Володимер береньдичи из Руси, а торци и печенези сами бежаша». Поход, по-видимому, был настолько успешен, что когда «Ярополк после того[490] ходил на половцев за Дон, но не нашел их там»[491].

В **1122** году Володарь Ростиславич ходил войной на поляков, нанес им ряд чувствительных поражений, но из-за предательства своего подосланного поляками «изгнанника» – воеводы Петра Власта – попал в плен. Василько пришлось собрать огромный выкуп – 2000 гривен серебра, чтобы вызволить брата. Возможно, одним из условий освобождения Володаря было участие Ростиславичей на стороне Ярополка в его борьбе за Волынь. Иначе трудно объяснить, почему в **1123** году Володарь и Василько Ростиславичи с венграми, поляками и чехами выступили на стороне Ярослава Святополчича (против которого вместе с Владимиром Мономахом ходили за шесть лет до этого) [492]. Теперь же они помогали Ярославу в борьбе с сыном Мономаха – молодым волынским князем Андреем Добрым. Союзные войска осадили Владимир-Волынский, однако Ярослав под стенами города вскоре погиб – и Ростиславичи сняли осаду.

28 февраля **1124** года умер Василько Теребовльский, а 19

марта – его брат, воинственный Володарь Перемышльский. Сошли со сцены славные Ростиславичи.

Наступил **1125** год – год, в который по знаменательному совпадению умерло сразу несколько виднейших правителей, определявших судьбы многих стран от запада Европы до Кавказа. 24 января умер царь Грузии (1089–1125) Давид IV Строитель – тот самый, которому, сам того не желая, оказал услугу Мономах: после ряда тяжелых поражений, которые он нанес половцам, значительная часть их, ведомая ханом Атраком, ушла к Давиду. В Грузии половцев ждала привычная работа – война: они сильно помогли Давиду в его битвах с сельджуками. 12 апреля умер князь Чехии (1109–1117, 1120–1125) Владислав I. Как ближайший сосед западных русских княжеств, он не мог не принимать участия в «пограничных делах» – вспомним хотя бы участие чехов в конфликте Ярослава Святополчича с Андреем Владимировичем на Волыни в 1123 году.

Святой благоверный царь Давид.
Фреска из Гелатского монастыря. Грузия

Наконец, 19 мая 1125 года пришел черед нашего героя: в Киеве умер Владимир Мономах. Завершилась одна из самых ярких глав в истории Киевской Руси.

Подводя краткий итог Мономахову правлению, зададимся вопросом: был ли во всей его жизни – от отрочества до смерти – хотя бы один спокойный год, один бестревожный месяц, одна беззаботная неделя? Вопрос этот вполне риторический: очевидно, что если и случались в его жизни безмятежные моменты, то измерялись они часами и (вряд ли) днями. С 13 и до 72-х – 59 лет непрерывной борьбы за существование, за выживание – политическое, военное, просто физическое, – вот что такое была Мономахова, да и вообще любая жизнь в ту давнюю эпоху – эпоху жестокую, опасную, героическую, непредсказуемую, славную. Эпоху, определившую дальнейшее развитие Руси Киевской, Литовской и Московской. Эпоху, символом и главным действующим лицом которой стал гений стратегии и тактики, выдающийся государственный муж, блестящий полководец, социальный реформатор и просто рачительный хозяин земли Русской – Владимир Мономах.

Приложение 5

РОДОСЛОВИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Приложение 5. РОДОСЛОВИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

Предки, потомки и ближайшие родственники Владимира Мономаха

Дед по отцу

Ярослав Владимирович (978 – 20 февраля 1054) – сын св. Владимира, крестившего Русь, и полоцкой княжны Рогнеды Рогволодовны. Князь ростовский (987—1010), новгородский (1010–1034), киевский (1019–1054). Княжа в Новгороде, Ярослав вознамерился стать независимым правителем Новгородской земли: в 1014 г. отказался платить отцу традиционную ежегодную дань в 2000 гривен. Владимир собирался было пойти против Ярослава и начал готовиться к походу, но заболел и умер. На киевский престол сел старший его сын Святополк, который убил трех братьев – Бориса, Глеба и Святослава[493].

Ярослав тем временем очень некстати восстановил против себя новгородцев: мало того, что он с женой Ингигердой потворствовал варяжским наемникам издеваться над новгородцами, но однажды коварно казнил многих из тех, кто восстал против этих притеснений. Однако, ввиду возможного (в случае победы Святополка) усиления зависимости Новгорода от Киева, новгородцы примирились с Ярославом. Собрав войско из новгородцев и варягов, нанятых еще для войны с отцом, Ярослав в 1016 г. двинулся против Святополка, призвавшего себе на помощь печенегов, победил его под г. Любечем и занял великокняжеский стол. Святополк в 1017 г. возвратился с войском своего тестя, польского короля Болеслава Храброго; вместе с поляками пришли еще дружины немцев, венгров и печенегов.

Ярослав был разбит на берегах Буга и «позорно бежал в Новгород, бросив в Киеве мать и восемь своих сестер. Среди них – Предслава, к которой в 1014 г. неудачно сватался Болеслав. Остается только посочувствовать несчастной – участь ее была ужасна. Впрочем, ее судьба, видимо, мало занимала брата. Он попытался бежать из Новгорода в Швецию, к тестю. Но решительно настроенные новгородцы, возглавляемые посадником, двоюродным дядькой Ярослава Константином

(Коснятином) Добрыничем, разбили княжеские ладьи и заставили Ярослава возглавить поход против Святополка»[494]. С ними вместе Ярослав во второй раз пошел на Святополка в 1019 г. и разбил его и его союзников-печенегов. Теперь уже Святополк бежал в Польшу (или Чехию – или, рассорившись с Болеславом, к печенегам: свидетельства о его последнем бегстве противоречивы и туманны) – и где-то по дороге («между ляхы и чахы») умер.

Анна Русская на троне.
Миниатюра из французского манускрипта XI в.

В 1021 г. племянник Ярослава, князь Брячислав Изяславич Полоцкий, объявил притязания на часть Новгородских областей; получив отказ, он напал на Новгород, взял и разграбил его. Услышав о приближении Ярослава, Брячислав ушел из Новгорода со множеством пленников и заложников. Ярослав нагнал его в Псковской земле на р. Судоме, разбил и освободил пленных новгородцев. Впрочем, это летописное свидетельство

интерпретировать нелегко – потому что в результате этой «победы» Ярослав заключил с Брячиславом мир, по условиям которого уступил ему Витебскую волость. Скорее всего, летописец, работавший в Киеве более чем через полвека при потомках Ярослава, лукавит: после выигранных войн территорий не отдают (а Витебская земля прочно вошла в состав Полоцкого княжества).

Едва окончив эту войну, Ярослав должен был начать трудную борьбу со своим младшим братом Мстиславом Тмутараканским, который добивался раздела русских земель поровну и в 1024 г. подошел с войском к Киеву. Ярослав в то время был в Новгороде; он собрал против Мстислава большое ополчение, призвал наемных варягов и у местечка Листвена (близ Чернигова) был наголову разбит, после чего в очередной раз бежал в Новгород. Мстислав не стал занимать Киев: он хотел только честного раздела. Поэтому послал в Новгород сказать Ярославу, что признает его старшинство и не добивается киевского престола. Ярослав, будучи коварным не менее, чем Святополк, и не веря в чужое благородство, вернулся, только когда собрал новое сильное войско, – и в 1025 г. у Городца (близ Киева) заключил с братом мир. Русь была разделена на две части по Днепру: Левобережье отошло Мстиславу, Правобережье – Ярославу. В 1036 г. Мстислав погиб на охоте, – очень удачно для Ярослава, который в том же году схватил и посадил в поруб последнего живого брата – князя псковского Судислава. Так он стал почти единовластным правителем Руси, – если не считать независимого и непокоренного племянника – Брячислава Полоцкого.

Почти все княжение Ярослава было, помимо взаимного истребления братьев, наполнено также войнами с внешними врагами, – причем если печенеги сами приходили на Русь, но на Чудь, Ямь, Литву, Польшу, Византию и на Урал совершал нашествия сам Ярослав или его сыновья. Не всегда эти походы были грабительскими или захватническими: несколько раз Ярослав ходил в Польшу на помощь зятю, королю Казимиру, для усмирения восставшей Мазовии.

Вообще родство играло значительную (иногда определяющую) роль в тогдашней внешней политике. В 1046 г., после войны с греками[495], Ярослав женил любимого сына Всеволода (будущего отца Владира Мономаха) на греческой царевне. Он вообще уделял много внимания династическим бракам: сам женатый на шведской принцессе Ингигерде, выдал своих дочерей за европейских властителей: Анастасию – в 1038 или 1039 году за будущего (1046–1060) короля Венгрии Андраша I (который в это время нашел приют в Киеве как политический

беженец); Елизавету – в 1044 году за норвежского принца (в 1046–1066 гг. конунга Норвегии) Харальда III Сигурдссона; Анну – в 1051 году за Генриха I Французского.

Сестра Ярослава Мария была замужем за Казимиром Польским. Его сыновья также были женаты на иностранных принцессах: Изяслав – на дочери польского короля Мешко II Гертруде; Святослав, вторым браком, – на Оде «Штаденской»[496]; женой Игоря Ярославича была Кунигунда, графиня Орламюнде.

Концентрация власти, к которой всю жизнь упорно стремился Ярослав, была немыслима без церковной независимости: когда в конце его княжения надо было поставить нового митрополита, Ярослав приказал собору русских епископов поставить митрополитом Илариона, местного уроженца. Подобно отцу, он заселял степные окраины, строил новые города, огородил острогами южную границу Руси со Степью и в 1032 г. начал ставить здесь города, поселяя в них пленных поляков.

Наиболее известен потомству остался Ярослав как законодатель: ему приписывается древнейший русский памятник права – «Суд Ярославль», или Русская Правда. Перед смертью Ярослав разделил Русь между сыновьями. По отзыву летописи, «он был хромоног, но ум у него был добрый и на рати был храбр».

Бабка по отцу

Ингигерда (*шведск.* Ingegerd; 1001–1050) – дочь короля Швеции Олафа (Улофа) Шётконунга (980)—1022). Должна была выйти замуж за короля Норвегии Олафа II в целях гарантии мира между Швецией и Норвегией в соответствии с решением тинга[497] в Упсале в 1017 году. Но когда осенью 1018 года Олаф II прибыл на границу со Швецией для свидания с невестой и ее отцом, их там не оказалось: еще летом к Олафу Шётконунгу прибыли послы от правившего тогда в Новгороде сына киевского князя Владимира и будущего правителя Киевской Руси «Конунга Ярицлейва[498]» – и шведский король выдал Ингигерду за Ярослава. В Новгород Ингигерда прибыла летом 1019 года. Здесь она перешла в восточный (православный) обряд под именем Ирина.

Считается, что Ингигерда с детства знала славянский язык, так как ее мать, королева Астрид, была дочерью ободритского[499] князя. Вероятно, Ингигерда играла заметную роль в государственных делах и особенно – в борьбе Ярослава за власть

над Русью. «Сага об Эймунде» сообщает, что Ярослав доверил ей возглавить войско, посланное им против Брячислава. В саге также приводятся слова Эймунда: «Она умнее Конунга (Ярислейфа)». Большое влияние Ингигерда оказала на отношения Руси со странами Северной Европы. После завоевания Англии датчанами в 1016 году сыновья английского короля Эдмунда Железнобокого и племянники короля Эдуарда Исповедника – английские принцы Эдуард и Эдвин бежали сначала в Ладогу, потом в Новгород, затем в Киев к Ярославу и Ингигерде, а затем в Венгрию. В Новгороде долго гостил ее бывший жених, изгнанный норвежский король Олаф II (Ингигерда «имела с ним тайную любовную связь», – сообщает сага).

Дед по матери

Константин IX Мономах (ок. 1000 – 11 января 1055) – византийский император (1042–1055) из Македонской династии. Взошел на императорский престол благодаря браку (1042) с Зоей Порфирородной (978—1050), дочерью императора Константина VIII. Константин был примерно на 20 лет моложе жены, а к моменту брака ей было уже за шестьдесят. Для обоих это супружество было уже третьим. До 1050 г. царствовал совместно с Зоей и ее сестрой Феодорой, а после смерти Зои – совместно с Феодорой, которая стала единоличной правительницей после кончины Константина. При Константине IX, за несколько месяцев до его смерти, христианская Церковь раскололась на Католическую и Православную. В 1043 году состоялся последний (единственный после крещения) поход Киевской Руси на Константинополь. Им командовал сын Ярослава Мудрого Владимир Ярославич. Вероятно, в знак заключения мира с Русью, Константин выдал свою дочь от первого брака (или, как предполагают некоторые авторы, иную близкую родственницу) замуж за другого сына Ярослава, Всеволода. Родившийся в 1053 году от этого брака сын Владимир получил от родителей прозвище по деду – Владимир Мономах.

Император Константин Мономах
и императрица Зоя перед Христом.
Мозаика собора Св. Софии в Константинополе.
Середина XI в.

Отец

Всеволод Ярославич (в крещении Андрей; 1030 – 13 апреля 1093, Вышгород под Киевом) – 4-й сын Ярослава Мудрого и Ингигерды Шведской, князь переяславский (1054–1073), черниговский (1073–1076), великий князь киевский (1077, 1078–1093); первый правитель Киева, использовавший титул «князь всея Руси» (отразившийся на его печатях). При жизни отца Всеволод жил в Киеве, а после смерти Ярослава до начала 1070-х годов был членом «триумвирата Ярославичей» (вместе со старшими братьями Изяславом Киевским и Святославом Черниговским), вместе с ними участвовал в политической, военной, экономической и финансовой жизни державы – в составлении новой редакции Русской Правды (т. н. «Правды Ярославичей»), в походах на кочевников, в борьбе с традиционным противником – полоцким князем Всеславом Полоцким. Переяславская епархия (как и Черниговская) была

повышена в этот период до митрополии.

В 1073 году триумвират распался: Святослав и Всеволод изгнали Изяслава. В 1076 году правивший в Киеве три года Святослав внезапно скончался. Сменивший его Всеволод через полгода вернул престол явившемуся из польского изгнания Изяславу, но сохранил за собой Чернигов (занятый им при переходе Святослава в Киев) и вернул Переяславль. А в 1078 году, после смерти Святослава, Всеволод занял киевский престол.

В течение своего 15-летнего великого княжения Всеволод при активном содействии старшего сына Владимира, осуществил множество военных походов; много делал он и для укрепления внешнеполитических контактов и связей Руси, в частности – с помощью морганатических браков: дочь Евпраксию выдал замуж за саксонского маркграфа Генриха Штадена Длинного, а после его смерти дал согласие на ее брак с императором Священной Римской империи Генрихом IV[500].

Всеволод Ярославич – один из самых образованных людей своего времени. Его сын, Владимир Мономах, в «Поучении» пишет, что его отец владел пятью языками. По-видимому, среди этих языков были шведский (язык матери Всеволода), греческий (язык его жены), а также, возможно, английский (язык его невестки, жены Владимира, Гиты Саксонской) и половецкий.

Всеволод был женат дважды: первый раз – на «Мономахине», дочери византийского императора Константина IX Мономаха Марии, умершей в 1067 году. Второй раз – на неизвестной (возможно, половецкой княжне), умершей в 1111 году.

Мать

Мономахиня[501] (1030 или 1035–1067) – мать Владимира Мономаха. Представительница византийской императорской династии Мономахов, жена (с 1046 г.) князя Всеволода Ярославича (1030–1093), за которого была выдана по условиям договора, подписанного после последней русско-византийской войны 1043 года. Хотя этот поход окончился для русских поражением, но «неудача не имела для русских неблагоприятных последствий, как полагают, вследствие серьезных внешнеполитических и внутренних затруднений Византии. Решающим фактором явилось, по мнению ряда исследователей, нашествие печенегов, вторгшихся в пределы империи и в 1046–1047 гг. подступивших к стенам Константинополя; в этих

условиях Византия, нуждаясь в военной помощи русских, поспешила пойти на значительные уступки»[502]. Биография Мономахини нам практически неизвестна, но есть серьезные сомнения относительно того, была ли она дочерью – или по крайней мере законной дочерью – Константина IX Мономаха. Поскольку он сам, его жена, императрица Зоя, и ее сестра, императрица Феодора, были бездетными, то на них Македонская династия пресеклась. Будь Мономахиня законной дочерью, это позволило бы Константину выдать ее замуж за подходящего местного кандидата, однако этого не произошло, что подтверждает предположения либо о незаконнорожденности Мономахини, либо о ее дальнем родстве с Константином.

Братья и сестры

Анна-Янка Всеволодовна (не позже начала 1060-х – 3 ноября 1112 или 1113) – родная сестра Владимира Мономаха. В 1074 году была обручена с византийским царевичем Константином Дукой, впоследствии номинальным соправителем Алексея Комнина. Он погиб в битве с норманнами при Диррахии в 1081 г. – и брак не состоялся; Янка вернулась из Византии монахиней. В 1086 году Всеволод заложил в Киеве церковь Св. ап. Андрея и основал при ней женский монастырь (Андреевский «Янчин»), в котором Анна стала первой игуменьей. Она открыла при монастыре первую в Европе школу для девочек, в которой «собравше дѣвиць, обучала их писанію, такожъ ремесламъ, пѣнію и швенію». Анна-Янка участвовала в церковно-политической деятельности отца: в 1089 году, после смерти митрополита Иоанна II, возглавила посольство в Византию, откуда привезла нового владыку – Иоанна III, который, впрочем, вскоре умер. «После смерти Всеволода в 1093 г. Анна-Янка осталась жить в своем монастыре. Ее помощницей стала младшая сестра Екатерина, правда, в летописях указан только год ее смерти – 1108, а даты пострига нет. В Киеве осталась и вдова Всеволода Анна, которая в конце жизни также стала монахиней Яниева монастыря»[503].

Ростислав Всеволодович (1070 – 26 мая 1093) – единокровный брат Владимира Мономаха, сын Всеволода Ярославича от второй жены – полоцкой княжны Анны. Князь Переяславский (1078–1093). Погиб при переправе через р. Стугну после проигранного сражения с половцами. Владимир пытался спасти младшего

брата, но едва не утонул сам. Был похоронен в Софийском соборе рядом с отцом. Летописцы усматривали в смерти Ростислава кару за убийство монаха Григория. В 1961 г. в Софийском соборе, в усыпальнице князей среди других останков был найден череп с застрявшим в нем наконечником стрелы. Очевидно, он и принадлежал князю Ростиславу.

Евпраксия (*нем.* Adelheid, *лат.* Praxedis; 1071 – 9 июля 1109) – единокровная сестра Владимира Мономаха; маркграфиня Штаденская, королева Священной Римской империи. В 1083 г. из Германии в Киев прибыло свадебное посольство от саксонского дома Штаденов – и 12-летнюю девочку с невероятно богатым приданым отправили в жены маркграфу саксонской Северной марки Генриху III фон Штадену «Длинному» (1055–1087). В Саксонии ее на 3 года поместили на воспитание и обучение немецкому и латыни в Кведлинбургский женский монастырь. В 15 лет она приняла католичество под именем Адельгейды (в честь своей аббатисы, сестры императора Генриха IV). Вскоре состоялось ее обручение с Генрихом Штаденом, но 28 июня 1087 года 32-летний Генрих при невыясненных обстоятельствах умер. Бездетная юная вдова вернулась в Кведлинбургский монастырь. А через полгода, 27 декабря, скончалась (при еще более невыясненных обстоятельствах) 26-летняя супруга императора Беата Савойская. Сразу же после этого Евпраксию объявили невестой императора: Генрих IV планировал с помощью брака с дочерью могущественного великого князя всея Руси приобрести союзника в своей непримиримой вражде с Римскими Папами.

Однако этим планам не суждено было сбыться. После смерти Всеволода «последовало резкое ухудшение отношений между Генрихом IV и Евпраксией, которое привело к ее заключению в Вероне… Не исключено, что напряженность нарастала постепенно и может объясняться политикой Всеволода, имевшего после 1089 г. какие-то контакты с Папой Римским Урбаном II[504]… Это, как и сближение Урбана II и византийского императора Алексея I Комнина, означало крушение планов германского императора на изоляцию папства. В начале 1094 г. при помощи… тосканской герцогини Матильды… Евпраксии удалось бежать. На Соборах в Констанце (1094) и Пьяченце (1095) она выступила с разоблачениями безнравственности и развратности своего мужа. Поступок Евпраксии дал Урбану II удобный повод для нового отлучения Генриха IV от Церкви… Вскоре через Венгрию… [Евпраксия] возвратилась на Русь… следствием этих событий стало политическое сближение Владимира Мономаха, брата Евпраксии, тогда князя переяславского, с главным противником императора в Германии – баварским герцогом Вельфом IV. После

смерти Генриха IV (1106) Евпраксия… приняла монашеский постриг…»[505].

М. П. Клодт. Терем царевен. *1878 г.*

Жены Владимира Мономаха

Гита Уэссекская (Gytha of Wessex; ум. 10 марта 1098 г.) – первая жена Владимира Мономаха. Английская принцесса, дочь последнего англосаксонского короля Гарольда II (1022–1066). После гибели отца в битве при Гастингсе бежала во Фландрию, затем вместе с несколькими братьями и сестрами поселилась у своего дяди, короля Дании Свена Эстридсена. В 1074 году вышла замуж за Владимира Мономаха. Предполагается, что Гита поддерживала связи с Пантелеимоновской обителью в Кёльне и участвовала в 1-м Крестовом походе, умерла и погребена в Палестине, скорее всего, в 1098 году, так как год спустя Владимир Мономах женился на другой женщине[506].

О *второй жене* Владимира Мономаха, на которой он был женат с 1099 года, сведений не сохранилось. Известно только, что она была гречанка (по другим сведениям – шведская королевна Христина Инговна) и умерла 7 мая 1107 года.

В третий раз Мономах женился на *половецкой княжне*. Он прожил с ней до самой своей смерти в 1125 году; супруга

пережила его на два года и умерла 11 июля 1127 года. Были ли у них дети – неизвестно.

Дети от 1-й жены

Изяслав Владимирович (погиб 6 сентября 1096 г.) – князь курский (до 1095), ростовский и муромский (1095–1096). После начала войны за уделы и захвата Олегом Святославичем Чернигова (1094), а Давыдом Святославичем Смоленска (1095) Изяслав по поручению отца оставил Курск и занял принадлежавший Олегу Муром. После изгнания в 1196 году Олега из Чернигова Святополк и Владимир вынуждены были отражать масштабное нашествие подоспевших на выручку Олегу половцев. Олег же тем временем, собрав войско в Смоленске, двинулся на Муром и потребовал от Изяслава убираться из его вотчины. Но Изяслав отказался – и в битве под стенами Мурома погиб.

Именно по поводу смерти Изяслава Мономах написал Олегу публикуемое в этой книге письмо.

Святослав Владимирович (умер 6 марта 1114 г.) впервые упоминается в летописи под 1095 годом, когда жил при родителях в Переяславле. Именно тогда случился кровавый эпизод, едва не стоивший шестнадцатилетнему князю жизни, – мы имеем в виду известное убийство Владимиром Мономахом половецких послов. «В 1095 г. с предложением мира к Владимиру в Переяславль приходят два половецких хана, Итларь и Китан. Итларь с “лепшей дружиной” вошел для переговоров в город, где и остановился у боярина Ратибора. Китан же стал с войском между валами, причем заложником за безопасность Итларя к Китану был послан сын Мономаха Святослав. Присланный из Киева от Святополка к Владимиру боярин Славата натравил Ратибора… на половцев, отдыхавших в его доме.

С тем же предложением Славата обратился и к Мономаху. Владимир согласился на убийство Итларя. Ночью 23 февраля он послал дружинников и торков выкрасть у Китана Святослава, что те и сделали, а затем, ночью же, врасплох напал на Китана и его воинов и перебил их…»[507]. Трудно сказать, решился ли бы Мономах на убийство послов, если бы не удалось выкрасть Святослава… Во всяком случае, Святослав доказал свою преданность отцу (трудно предположить, что он пошел в заложники против своей воли и без согласия матери).

Б. А. Чориков. Мстислав Владимирович. 1125—1132. *Литография к книге «Живописный Карамзин, или Русская история в картинках». 1836 г.*

Считается, что, пока Владимир Мономах княжил в Переяславле (1094–1113), Святослав был его наместником в Смоленске. Однако когда точно он был посажен в Смоленск, сказать трудно. Предположительно в 1097–1113 годах он занимал смоленский престол либо совместно, либо поочередно с братом Ярополком Владимировичем. В 1107 году вместе с отцом и братьями Святослав участвовал в совместном походе русских князей[508] на хана Боняка. В 1111 г. вместе с отцом и Святополком Изяславичем участвовал в другом походе, закончившемся разгромом половцев на реке Сальнице. Когда в

1113 году Святополк Изяславич умер и Мономах стал великим князем киевским, Святослав перешел в Переяславль, а его место в Смоленске занял его младший брат Вячеслав. Через год 35-летний Святослав умер. Сведений о его семье и потомках не сохранилось.

Роман Владимирович (ум. 6 января 1119 г.) – князь волынский (1117 или 1118–1119). Еще 11 сентября 1114 года Владимир Мономах женил его на дочери перемышльского князя Володаря Ростиславича[509], что оказалось весьма кстати, когда ему удалось изгнать из Владимира-Волынского Ярослава Святополчича (см. выше: «Повесть временных лет»; раздел «Труды и дни»).

Мстислав [510] *Великий* (1 июня 1076 – 15 апреля 1132) – князь новгородский (1088–1094), ростовский (1094–1095), белгородский (1117–1125), великий князь киевский (1125–1132). Преемник отца на киевском престоле. В 1095 году женился на своей четвероюродной сестре (дочери шведского короля Инге Стенкильссона), принцессе Христине (ум. 1122), которая родила ему десять детей, среди них – двух будущих великих князей киевских – Изяслава (1097–1154) и Ростислава (1108–1167). После ее смерти в 1122 г. Мстислав женился на дочери новгородского посадника Дмитрия Завидича Любаве (ум. после 1168 г.). Сын от этого брака Владимир (1132–1171) тоже станет великим князем киевским, но очень ненадолго: он умрет, не прокняжив и трех месяцев.

Сам Мстислав занял киевский престол после смерти отца в 1125 году. Это не могло не вызвать недовольства со стороны Ярослава Святославича, перешедшего за два года до этого, после смерти брата Давыда, из Мурома в Чернигов (Олег умер в Новгород-Северском еще в 1115 году)[511]. Тем не менее это не помешало Мстиславу укрепить власть. В этом ему помог зять – унаследовавший от Олега Новгород-Северское княжество Всеволод Ольгович: Мстислав еще в 1116 году весьма предусмотрительно выдал за него замуж дочь Марию. В 1127 году Всеволод Ольгович выгнал из Чернигова своего дядю Ярослава Святославича и призвал на помощь половцев.

Мстислав сделал вид, что он здесь ни при чем: связанный «крестным целованием», он вместе с братом Ярополком имитировал выступление на стороне потерявшего Чернигов Ярослава, но восстановить его на престоле «не сумел». В результате Курск с Посемьем отошел Мстиславу (там он посадил сына Изяслава), и только Муром с Рязанью, обособившись от Чернигова, остались под властью Ярослава и его потомков. После этого Мстислав начал планомерную кампанию по захвату и присоединению к Киеву Полоцкого княжества. Три года усилий

принесли успех: в 1130 году уцелевшие в сражениях Давыд, Святослав и Ростислав Всеславичи с семьями были высланы в Константинополь.

Окрыленный успехами, Мстислав попытался вторгнуться в Прибалтику, но с переменным успехом. В 1132 году он умер, пребывая, несомненно, в уверенности, что не только расширил, но и укрепил отцовские владения: он лично и остальные Владимировичи контролировали почти всю Русь. Исключение составляли немногие княжества, и среди них практически не было первостепенных: только в Перемышле и Теребовле удержались потомки Владимира Ярославича (собственно – его единственного сына Ростислава Владимировича), а в Чернигове и Муроме – потомки Святослава Ярославича, потеряв лишь Курск (1127).

Ярополк Владимирович (1082 – 18 февраля 1139) – князь переяславский (1114–1132), великий князь киевский (1132–1139) – преемник брата, великого князя Мстислава, на великокняжеском престоле. Военные способности Ярополка проявились рано: уже в 1103 он принял участие в походе против половцев. В 1114 году Мономах, после смерти сына Святослава, сделал Ярополка переяславским князем. В 1116 году вместе с войсками отца Ярополк ходил против минского князя Глеба. В том же году Мономах женил его на дочери ясского (аланского) князя Елене, чем был закреплен союз Руси и Алании. Это обстоятельство могло способствовать уходу 45 тыс. половцев к грузинскому царю Давиду (см. выше) после нанесенного половцам в том же году поражения: аланы пропустили половцев через свои земли без боя.

Ярополк стал великим князем киевским в 1132 году после смерти старшего брата – Мстислава. В момент вокняжения ему было уже 49 лет – и оказалось, что военный опыт мало чем может помочь ему на новом поприще. Смелый воин и способный полководец, Ярополк оказался слабым, неискусным политиком. Яблоком раздора стала родовая вотчина Мономаховичей – Переяславское княжество. Согласно все еще уважаемому (особенно старшими в роду и слабыми по наличным военным, людским и финансовым ресурсам князьями) лествичному праву, оно, после перехода Ярополка из Переяславля в Киев, должно было достаться старшему после него среди потомков Мономаха – его младшему брату Вячеславу. Однако по уговору с Мстиславом Ярополк перевел на свое место его сына – Всеволода Мстиславича. Младшие его братья, Юрий и Андрей усмотрели в этом намерение Ярополка сделать Мстиславичей своими наследниками – и Юрий выгнал Всеволода из Переяславля.

Ярополк попытался погасить конфликт и перевел в Переяславль из Полоцка другого сына Мстислава – Изяслава. Это было ошибкой: в Полоцке вспыхнул мятеж, к власти вернулись высланные еще Мстиславом в Константинополь потомки Всеслава Брячиславича – и княжество вернуло себе самостоятельность.

Изяслав тоже не удержался в Переяславле, который в конце концов по «праву» перешел к «законному» наследнику – Вячеславу Владимировичу. Изяслав же Мстиславич переместился в Туров. Однако Вячеславу не нравился Переяславль, стоявший на краю Степи, то есть на пути всех кочевников, – и в 1134 году он вернулся в Туров, изгнав оттуда Изяслава. Тогда Ярополк предложил Переяславль Юрию, но с условием, что тот отдаст Изяславу Ростов. Однако Юрий удержал за собой большую часть Ростовского княжества. Оскорбленный Изяслав ушел в Новгород к брату Всеволоду и заключил союз с черниговскими князьями, которые, после отказа Олега и Давыда Святославичей от претензий на киевский престол, искали любую возможность отказаться от этого обязательства. Началась война. В конце 1134 года Ярополку удалось договориться с Изяславом, отдав ему Волынское княжество; князя волынского Андрея Владимировича Доброго он посадил править Переяславлем. Однако война с черниговцами и их союзниками-половцами не прекращалась, они вторгались за Днепр и опустошали Киевскую область. В следующем году Ярополк был разбит на р. Супой войсками Всеволода Ольговича и согласился уступить ему Курск и Посемье, которыми за 8 лет до этого Всеволод расплатился с Мстиславом Великим за невмешательство того в спор за черниговское княжение между Всеволодом и его дядей Ярославом Святославичем.

А. М. Васнецов. Основание Кремля.
Постройка новых стен Московского Кремля
Юрием Долгоруким в 1156 г. *1917 г.*

Ослаблением авторитета киевского князя воспользовались новгородцы: в 1136 году они выгнали племянника Ярополка, Всеволода Мстиславича, отложились от Киева и провозгласили «вольность во князьех». Последний раз потомки Мономаха объединились в 1138 году, когда Всеволод Ольгович вновь начал войну с Ярополком. На сей раз под знамена киевского князя собрались войска Киева, Переяславля, Ростова, Полоцка, Смоленска, полки из Галича и 30-тысячное венгерское войско, которое прислал ему король Венгрии Бела II Слепец. Осада Чернигова заставила Всеволода заключить мир (1139). Незадолго до смерти Ярополк, в свою очередь, оказал Беле II помощь против его внутренних врагов. 18 февраля 1139 года 57-летний Ярополк умер, передав трон брату Вячеславу. К этому моменту вне его контроля уже находились Полоцк, Новгород и Чернигов. Номинальную лояльность Киеву сохраняло Ростово-Суздальское княжество, с 1054 года принадлежавшее Всеволоду, а затем Мономаху.

Вячеслав Владимирович (ок. 1083 – декабрь 1154) – князь смоленский (1113–1127), туровский (1127–1132, 1134–1142, 1143–1146), переяславский (1132–1134, 1142–1143), пересопницкий (1147–1149), вышгородский (1150–1151) и великий князь киевский (22 февраля 1139 – 4 марта 1139, апрель 1151—декабрь 1154). В 1113 году Владимир Мономах, заняв

киевский престол, передал Переяславль Святославу, который перешел туда из Смоленска. В Смоленск же был посажен Вячеслав[512]. В 1127 году он уже был в Турове, а сын его старшего брата Мстислава Ростислав – в Смоленске[513].

В 1132 году, как сказано выше, Ярополк, после неудачной попытки посадить в Переяславле Мстиславичей, передал его Вячеславу, а Туров вместе с Минском – Изяславу Мстиславичу. Но в Переяславле Вячеслава, по всей вероятности, тяготило соседство с половцами, и в 1134 г. он самовольно вернулся в Туров, выгнав оттуда Изяслава. В феврале 1139 г. Ярополк умер – и Вячеслав в первый раз унаследовал киевский престол, но уже в марте был свергнут черниговским князем Всеволодом Ольговичем и вернулся в Туров. В 1142 г., после смерти Андрея Владимировича[514], Всеволод Ольгович вернул Вячеславу Переяславское княжество, что совершенно не устраивало Давыдовичей и младших Ольговичей, которые дважды подступали к Переяславлю, но были отбиты с помощью Изяслава Мстиславича и киевлян. Однако уже в январе 1143 г. Вячеслав опять вернулся в Туров.

В 1146 году, после смерти Всеволода Ольговича, Вячеслав опять попытался активно вмешаться в политику: поставил во Владимире-Волынском своего племянника Владимира Андреевича. Однако новый великий князь киевский Изяслав Мстиславич тут же забрал себе и Волынь, и Туров, отдав Вячеславу незначительный городок Пересопницу на Волыни. В 1149 году Юрий Долгорукий разбил Изяслава и выгнал его из Киева; теперь Изяслав решил возвести на киевский престол Вячеслава, чтобы править от его имени, но Вячеслав предпочел объединиться с младшим братом Юрием – и они одержали победу над племянником. Юрий хотел было уступить Киев Вячеславу, но бояре отговорили его. «Брату твоему не удержать Киева, – говорили они, – не достанется он ни тебе, ни ему». Тогда Юрий сам стал великим князем, а Вячеслава посадил в маленьком, но стратегически важном Вышгороде под самым Киевом.

Когда в 1150 г. Изяслав, придя с Волыни, изгнал Юрия, Вячеслав въехал в Киев, но, после переговоров с племянником, вновь покинул город. В преддверии нового похода Юрия на Киев Изяслав присягнул Вячеславу как отцу, то есть старшему соправителю, – с апреля 1051 года они правили вместе до самой смерти Изяслава (13 ноября 1154 г.), а через месяц скончался и сам Вячеслав.

Сведения о **дочерях** Владимира Мономаха крайне скудны. Об одной из них летописи сохранили нам только имя – *Евдокия* (или Евдоксия). Другая, *Евфимия*, была женой короля Венгрии

Коломана I Книжника (1070–1116): в 1112 году, «накануне занятия престола, Владимир Мономах выдал “в Угры за короля” Коломана (Кальмана) свою дочь Евфимию, но через год этот династический брак распался. Венгерский двор демонстративно отослал Евфимию Владимировну на Русь… Королева пала жертвой осложнившихся политических отношений между Венгрией и Киевской Русью, поскольку Мономах в то время не скрывал враждебности к союзной Венгрии Византии»[515]. Формальный предлог был вызывающе надуманным и оскорбительным: Кальман обвинил жену в супружеской измене. Беременная Евфимия уже в Киеве родила сына Бориса Коломановича, который не был признан Кальманом.

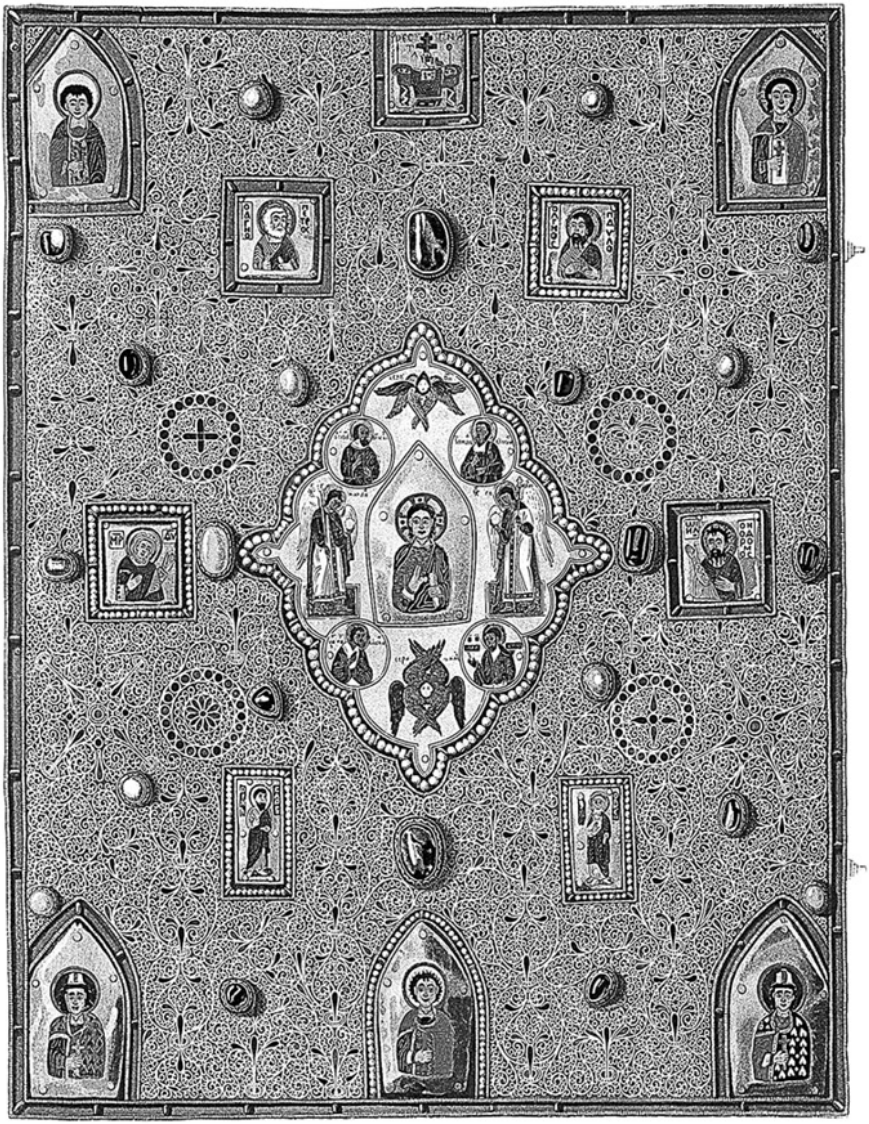
Впоследствии он неоднократно – и всякий раз безуспешно – претендовал на венгерский престол. При этом никакой помощи от своих дядьев – великих князей киевских – он не получил: Мстислав Великий заканчивал усмирять и покорять Русь, и ему было не до Венгрии, а когда на киевский престол взошел Ярополк, ситуация сделалась еще менее подходящей для заграничных прожектов: Русь вступила в период феодального раздробления и борьбы всех со всеми – в 1130-х годах начиналась затяжная гражданская война. По-видимому, вырастив сына, Евфимия около 1030 года удалилась в монастырь вблизи Киева, где и провела остаток жизни. 4 апреля 1139 года, через полтора месяца после смерти брата, великого князя киевского Ярополка, она умерла.

О *Марии Владимировне* известно лишь то, что она была замужем за так называемым Лжедиогеном. Настоящий Лев Диоген, сын императора Романа IV, погиб в 1087 году в битве с печенегами. Объявившегося два года спустя самозванца сослали в Херсонес, но он сумел бежать, пробрался к половцам и с помощью Тугоркана в 1092 году двинулся на Византию. При осаде Адрианополя грекам удалось его схватить, после чего его сначала ослепили (в Византии, в отличие от Руси, ослепление практиковалось широко), а позже (по-видимому, в 1095 году) казнили. Однако спустя почти 20 лет, уже во время великого княжения Владимира Мономаха, в Киеве появился некий «Лев Диоген» («цесаревич Девгенич» русских летописей) – возможно, Лжедиоген 2-й. Его и признал законным наследником византийского престола, за него и выдал свою дочь великий князь киевский.

В 1116 году Владимир Мономах, под предлогом возвращения престола «законному» цесаревичу, предпринял поход в Подунавье: Лжедиогену II удалось овладеть многими дунайскими городами, в число которых входил Доростол, очевидно, ставший

временной резиденцией самозванца. Однако утвердиться на Дунае «царевичу» не удалось: 15 августа того же 1116 года он был убит в Доростоле двумя наемными убийцами, подосланными к нему императором Алексеем I. После чего императору удалось выдавить русские отряды с Дуная и отвоевать Доростол. По свидетельству летописи, «Леон Дивгеньевич, зять Володимера, идее на цесаря Алексия, и вдашася ему городов дунайских нъколько. И в Дерестере, городе дунайстем, лестью убиста и два сорочинина, посланна цесарем месяца августа в 15 день». Мария пережила мужа на 30 лет и умерла уже в другую историческую эпоху – в 1166 году.

Младшая дочь Владимира Мономаха и Гиты Уэссекской, *Агафия Владимировна*, тоже известна лишь в связи со своим замужеством: в 1116 году она была выдана отцом замуж за князя Всеволодка Городенского. Этот сюжет рассмотрен выше (см. Труды и дни под 1116 г.). Когда она умерла, неизвестно, однако в летописи под 1144 годом упоминается о замужестве двух ее дочерей. Поскольку их отец, князь Всеволодко, к тому времени уже умер (1142), то это дает нам некоторое право предположить, что Агафья была еще жива и, по-видимому, обладала некоторым влиянием, то есть – устроила браки дочерей: вряд ли замужество сирот (даже внучек самого Мономаха) удостоилось бы упоминания в летописи. Впрочем, есть и другая вероятность: замужеством сестер мог заниматься кто-то из братьев; сыновей у Агафьи было трое – Борис (1117–1169), Глеб и Мстислав Всеволодовичи.



Оклад рукописного Евангелия XII в.
Рисунок Ф. Г. Солнцева из книги «Древности государства Российского». 1848—1853 гг.

Дети от 2-й жены

Из сыновей от второй жены Владимира Мономаха самый известный, без сомнения, основатель Москвы *Юрий Владимирович Долгорукий* (1090-е[516] – 15 мая 1157) – князь суздальский (1108–

1135, 1136–1149, 1151–1155), переяславский (1134–1135), великий князь киевский (1149–1151, 1155–1157). 12 января 1108 года Мономах женил Юрия на дочери половецкого хана Аепы. В 1120 году Юрий возглавлял поход русских войск против волжских булгар. В 1125 году перенес столицу своих владений из Ростова в Суздаль (а его наследник и сын Андрей Боголюбский – в 1157 году во Владимир). Вообще Долгорукого гораздо больше интересовал и привлекал «необжитый» северо-восток, нежели сто раз поделенный и переделенный юго-запад.

Когда в 1132 году, перешедший по смерти Мстислава Великого, в Киев Ярополк Владимирович отдал Переяславское княжество Всеволоду Мстиславичу, Юрий выгнал его оттуда[517]. Затем в Переяславле не удержался Изяслав Мстиславич, а Вячеславу Владимировичу, севшему там по «праву» и при поддержке Юрия, Переяславль не понравился – и он вернулся в Туров. Выгнанный и оттуда, Изяслав ушел в Новгород к другому Мстиславичу – Всеволоду, откуда братья в 1134 году организовали поход на принадлежавшее Юрию Ростово-Суздальское княжество. В битве при Жданой горе обе стороны понесли значительные потери, но не добились решающего успеха. В 1135 году Переяславль был отдан Ярополком Юрию в обмен на центральную часть его княжества с Ростовом и Суздалем. Однако выступление коалиции Мстиславичей и Ольговичей против Ярополка привело к тому, что Юрий вернулся в Ростов.

После смерти в 1139 году Ярополка и изгнания Всеволодом Ольговичем Вячеслава из Киева Юрий безуспешно пытался поднять новгородцев в поход на юг. Во время своего первого киевского княжения (1149–1151) Юрий оставил в Суздале сына Василька, во время второго (1155–1157) сохранил Ростово-Суздальскую землю за собой лично, планируя оставить ее после своей смерти своим младшим сыновьям, Михаилу и Всеволоду, а старших утвердить на юге. Но когда в 1157 году Юрий Долгорукий был отравлен на пиру у киевского осменика[518] Петрилы, его старший сын и один из самых авторитетных и сильных на тот момент русских князей Андрей Боголюбский не пожелал занимать киевский престол и столицей своего – самого сильного – княжества сделал Владимир-на-Клязьме. На двести лет центр Руси переместился во Владимир (в конце 1240-х годов Владимир станет столицей Руси официально).

Андрей Владимирович Добрый (11 июля 1102 – 22 января 1141) – самый младший сын Владимира Мономаха – в большую политику был вовлечен уже в 15-летнем возрасте, в 1117 году, когда отец женил его на внучке знаменитого половецкого хана Тугоркана. В 1119 году Владимир посадил Андрея (после смерти

его брата Романа) во Владимире-Волынском. Из-за Волыни Андрею пришлось выдержать борьбу с князем Ярославом Святополчичем, сыном бывшего великого князя Святополка Изяславича, княжившим во Владимире до разрыва с Мономахом. Ярослав призывал на помощь поляков, венгров и чехов, но был убит в 1123 году при осаде Владимира-Волынского. В 1128 году Андрей вместе с другими князьями был послан своим братом, великим князем Мстиславом, изгнать полоцких князей. В 1135 году Андрей из Владимира-Волынского перешел в родовую вотчину – Переяславль. В 1139 году великим князем киевским стал Всеволод Ольгович. Он дал брату Святославу в княжение Курск и пообещал Переяславль. Святослав пошел из Курска воевать с Андреем Владимировичем, но был разбит: Андрей продолжал княжить в Переяславле до самой своей смерти.

* * *

Краткие жизнеописания потомков Владимира Мономаха – это своеобразный постскриптум к его жизни: к его достижениям, завоеваниям, успехам и неудачам, победам и просчетам. Если время Мстислава (1125–1139) можно считать последним подъемом и последней попыткой объединить Русь, а время Ярополка (1125–1139) – годами ее заката и распада, то сороковые годы XII века были уже годами лавинообразного развала некогда мощного государства: грызня наследников за все меньшие куски когда-то обширного державного пирога, аморальное и недальновидное попрание тех норм, правил и договоренностей, которые прежде в основном соблюдались, – все это подтачивало Русь изнутри. Нужно было только время, чтобы она обессилела окончательно, и нужен был новый мощный враг, который смахнул бы крошки этого пирога в свою алчную горсть. Ждать этого врага оставалось недолго: меньше ста лет.

Но означает ли это, что усилия Ярослава Мудрого, Владимира Мономаха, Мстислава Владимировича были напрасны? Конечно же нет! Тот внешне– и внутриполитический, военный, культурный, идеологический, торгово-экономический и финансовый подъем, который испытала (точнее будет сказать – воплотила, сотворила) Русь на протяжении XI – первой трети XII века, стал (если прибегнуть к терминологии эволюционистов) той «полезной мутацией», которая навечно закрепилась в генах последующих поколений. Ничто – ни феодальная раздробленность, ни нашествие монголов – не смогли погасить (воспользуемся дефиницией Л. Н. Гумилева) тот пассионарный

толчок, который вывел Киевскую Русь на международную арену и сделал ее, а впоследствии и ее преемников крупнейшей, неотъемлемой составляющей общемирового процесса, который – что бы кто ни вкладывал в это слово – именуется прогрессом!

Владимир Мономах
(1053—1125)

Приложение 4

ТРУДЫ И ДНИ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

notes

Примечания

1

Татищев В. Н. История Российская с самых древних времен. Кн. 3. М., 1774. С. 103.

2

Печатается по изд.: *Лихачев Д. С.* Избранные работы в трех томах. Л., 1987. Т. 2.

З

Изяслав Владимирович (ум. 6 сентября 1096 г.) – князь курский (до 1095 г.), муромский (1095–1096). Второй сын Владимира Мономаха и Гиты Уэссекской.

ТОДРЛ. 1935. Т. II.

5

Здесь и дальше цитирую сочинения Мономаха по изданию: Повесть временных лет. Т. 1 и 2 (под 1096 г.).

6

Ипатьевская летопись, 1254 г.

7

Очерки истории СССР. Период феодализма (IX–XV вв.). Ч. 1. М., 1953. С. 190–191.

8

См. подробнее в моей статье: Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI–XIII вв. // ТОДРЛ. 1954. Т. X.

9

Лаврентьевская летопись, 1139 г.

10

Ипатьевская летопись, 1146 г.

11

Тиун (тивун) – в Киевской Руси – название княжеского или боярского управляющего, управителя. В Великом княжестве Литовском и в Московском государстве до XVII в. – название некоторых должностей. Должность была заимствована из Скандинавии и попала на Русь вместе с варягами.

12

См. об идее патроната в моей уже упомянутой статье «Некоторые вопросы идеологии феодалов в литературе XI–XIII вв.».

13

В средневековых сочинениях поведение животных и взаимоотношение между животными постоянно рассматриваются в качестве морального образца для людей, для оправдания неравенства между людьми. Ср. в «Молении Даниила Заточника»: «Орел птица царь надо всеми птицами, а осетр над рыбами, а лев над зверми, а ты, княже, над переславцы… Яко же бо рап (рябчик), збирая птенцы, не токмо своя, но и от чюжих гнезд приносит яйица… тако и ты, княже, многи слуги совокупи…» (*Зарубин Н. Н.* Слово Даниила Заточника. Л., 1932. С. 66). Ср. былину «Птицы», отдельные статьи «Физиолога» и мн. др.

14

История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 292.

15

Василий Леонидович Комарович (1(13).01.1894—17.02.1942, Ленинград) – известный литературовед и фольклорист. Окончил историко-филологический ф-т Петроградского ун-та (1917) и был оставлен при кафедре русской лит-ры. В 1920–1924 гг. читал лекции сначала в Нижегородском ун-те, затем в Ин-те нар. обр. В 1924–1928 гг. вел курс по Ф. М. Достоевскому в ЛГУ и в Ин-те истории искусств. В 1928 г. перешел на научно-исслед. работу в Ин-т языка и мышления АН СССР. В 1928 г. был арестован, проходил по делу членов «Братства имени преподобного Серафима Саровского». После освобождения с 1934 г. сотрудничал с Отделом древнерусской лит-ры Ин-та русской лит-ры АН СССР (Пушкинский Дом). Умер во время блокады Ленинграда. Лит.: *Крюкова Т. А.* Хронологический список трудов Василия Леонидовича Комаровича // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. XVI. С. 583–588; *Лихачев Д. С.* Избранное. Воспоминания. Изд. 2-е. СПб., 1997. С. 491–493.

16

Здесь и ниже цитирую «Шестоднев» по изданию: Шестоднев, составленный Иоанном Екзархом Болгарским. М., 1879.

17

В. В. Данилов в статье «“Октавий” Минуция Феликса и “Поучение” Владимира Мономаха» указал, что мысль Владимира Мономаха о разнообразии человеческих лиц как о проявлении божественного искусства была весьма популярна в Средневековье и, вероятнее всего, имеет своим источником «Октавий» Минуция Феликса. Но и В. В. Данилов отмечает не текстовые совпадения и заимствования, а лишь общее сходство мысли: отрывок из «Поучения» кажется ему конспектом «Октавия»; Мономах как бы по памяти передает содержание мыслей Минуция Феликса относительно разнообразия человеческих лиц (ТОДРЛ. 1947. Т. V. С. 97—107).

18

Ипатьевская летопись, 1185 г.

19

Аввакум пишет: «В коих правилах писано царю Церковью владеть, и догматы изменять, и святая кадить? Только ему подобает смотреть и оберегать от волк, губящих ея, а не учить, как вера держать и как персты слагать. Се бо не царево дело, но православных архиереев и истинных пастырей, иже души своя полагают за стадо Христово». А далее Аввакум утверждает, что это и не дело тех пастырей, что «готовы на одном часу перевернутца», и не тех, которые «яко земские ярышки, – что им велят, то и творят. Только у них и вытвержено: а-се, государь, во-се, государь, добро, государь!» (Из толкований на Псалтырь // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960. С. 155).

20

Комментарий Д. С. Лихачева к «Поучению» Вл. Мономаха печатается по изд.: Повесть временных лет. Серия «Литературные памятники». Изд. 2-е. Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. СПб., 1996. С. 512–516. По этому же изданию печатаются и сами произведения Вл. Мономаха: «Поучение», автобиографический рассказ о «путях и ловах» и письмо к двоюродному брату князю Олегу Святославичу.

21

А. А. Шахматов предполагает, что им был Владимирский полихрон начала XIV в. (так у Д. Л. – *Ред.*) – свод, гипотетически им предполагаемый, представлявший третью редакцию «Повести временных лет». (Полихрон Владимирский (от *греч.* polus – долгий и *xronos* – время) – утраченный летописный памятник XV в. Состав его неизвестен. А. А. Шахматов использовал название «Полихрон Владимирский» для обозначения летописного свода, который он реконструировал на основании Софийской и Новгородской IV летописей, восходящих к новгородско-софийскому своду 1430-х гг. – *Ред.*)

Шахматов А. А. Обозрение русских летописных сводов. Л., 1938. С. 23–24.

Учен. зап. Ленингр. педагогического ин-та им. А. И. Герцена. Л., 1939. Т. 19.

История русской литературы. М.; Л., 1945. Т. 2, ч. 1. С. 90–96.

Погодин М. П. О Поучении Мономаховом // ИОРЯС АН. 1861–1863. Т. 10. С. 235 и сл.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Стб. 760.

27

Протопопов С. Поучение Владимира Мономаха как памятник религиозно-правовых воззрений и жизни на Руси в дотатарскую эпоху // ЖМНП. 1874. № 2. С. 232, 235–237.

Порфирьев И. История русской словесности. Ч. 1.

29

Пыпин А. История русской литературы. 5-е изд. СПб., 1907. Т. 3. С. 118.

30

См.: Отчеты о заседаниях Общества любителей древней письменности в 1896–1897 гг. // Памятники древней письменности. 1897. Вып. 124. С. 23.

31

Иван Михайлович Ивакин (1855–1910) – сын купца 3-й гильдии. В 1876 г. окончил 6-ю московскую классическую гимназию, в 1880-м – ист. – филол. ф-т Московского ун-та «при очень хорошем поведении и отличных успехах» (в мае 1881 г. получил кандидатский диплом). В сентябре 1880 г. поступил домашним учителем к старшим сыновьям Л. Н. Толстого. Осенью 1881 г. семья Толстых переехала из Ясной Поляны в Москву; Ивакин также вернулся в Москву и начал преподавать русский язык в 3-й Московской классической гимназии. – *Ред.*

32

…наречный въ крещении Василий, русьскымъ именем Володимиръ… – Два имени: одно христианское, крестное, и другое «русское», «мирское», или «княжеское», – обычны в среде русских князей XI–XIII вв., а отчасти и позднее. Так, прадед Мономаха имел два имени – Василий (христианское) и Владимир («русское»). В честь его (Владимира Святославича) и был назван Мономах своим дедом Ярославом. Сам Ярослав также носил два имени – Георгий (христианское) и Ярослав (русское). Два имени были распространены не только в княжеской среде. Так, новгородский посадник Остромир имел второе (христианское) имя Иосиф (об этом говорится в послесловии к Остромирову Евангелию). Иногда, если мать ребенка была иностранкой, то ему давалось и третье имя – того народа, к которому принадлежала мать. Так, например, сын Мономаха и его первой жены Гиты, дочери англосаксонского короля Харальда, носил три имени: Мстислав (русское), Георгий (христианское) и Харальд (англосаксонское, материнское). Сын половчанки Андрей Боголюбский имел половецкое имя Китай. В. Н. Татищев, неизвестно на каком основании, утверждает, что крестное имя Мономаха было Феодор. Поэтому первый издатель «Поучения» А. И. Мусин-Пушкин вместо имени Василий поместил точки и в примечании заявил, что имени Мономаха «не можно было разобрать», а в свой перевод поставил имя Федор. Между тем имя Василий ясно читается в Лаврентьевском списке. Христианское имя Мономаха Василий называет также игумен Даниил в своем «Хождении».

33

Мьномахы… – Владимир, очевидно, был назван Мономахом в честь византийского императора Константина IX Мономаха. Мать Владимира была гречанкой из императорского рода. «Мономах», конечно, не имя, а прозвище: «прироком» (прозвищем) называет его и Ипатьевская летопись под 1124 г. Вслед за словом «Мьномахы» в Лаврентьевской летописи следует пробел в четыре с половиной строки. Пробел этот, очевидно, был вызван ветхостью и неразборчивостью того оригинала, с которого переписывал Лаврентий. Лаврентий сделал этот пробел в расчете, что кто-нибудь из его читателей сможет его заполнить. Он сам пишет: «И нынѣ, господа, отци и братья, оже ся гдѣ буду описалъ или переписалъ или недописалъ, чтите исправливая Бога дѣля, а не клените, занеже книгы ветшаны, а умъ молодъ, не дошелъ». В данном месте «Поучения» Лаврентий явно «недописал», но его воззвание к читателям – «чтите исправливая» – осталось безрезультатным: списки «Поучения» были, очевидно, редкостью и в его время.

34

…и по отни молитвѢ…– Полуязыческая молитва предка (отца или деда) неоднократно упоминается в летописях XII–XIII вв. Так, под 1171 г. в Лаврентьевской летописи говорится о том, что переяславскому князю Михаилу Юрьевичу и Всеволоду Юрьевичу в битве помогают Бог и молитва «дедня и отня». Позднее в XIV и XV вв. молитвенное обращение к неканонизированному предку выходит из обычаев, так же как и всякие упоминания о загробных молитвах предков об их живых потомках. Упоминание «отней молитвы» Мономахом особенно интересно: оно доказывает его связь с русским бытом в сфере религии, хотя некоторые исследователи (А. А. Шахматов, М. Д. Приселков) стремились изобразить Мономаха сторонником греческой Церкви на Руси.

35

Сѣдя на санех, помыслих в души своей… – Ср. несколько ниже в «Поучении»: «…на далечи пути, да на санех сѣдя безлѣпицу си молвилъ». Буквально понимать эти слова Мономаха нельзя: в них Мономах говорит о своем «Поучении», которое, конечно, писать зимой, сидя в санях, было невозможно. Следовательно, выражение «сѣдя на санех» надо понимать только как выражение образное. Как выражение же образное, оно может иметь два значения: либо «во время зимнего пути» вообще, либо «в преклонных годах», «на краю смерти». Первое понимание этого выражения мало что дает для уяснения всего начала «Поучения»: не ясно, зачем Мономаху надо было упоминать в данном контексте о том, что свое «Поучение» он писал в дороге; не ясно также, почему писание «Поучения» в дороге может оправдать какую бы то ни было «безлепицу». Между тем второе понимание этого выражения бросает определенный свет на весь замысел «Поучения». Свое «Поучение» Мономах рассматривает как своеобразное «завещание». Он подводит в нем итог не только своим «путям» (походам) и «ловам» (охотам), но и всему своему житейскому государственному опыту. Он подчеркивает в этом выражении свою беспристрастность уходящего из жизни человека и просит не судить его строго за какую бы то ни было старческую «безлепицу». Значение слов «сѣдя на санех» – «в преклонных годах», «на краю смерти» – основывается на обрядовой стороне древнерусских похорон. Перевозка тела умершего на санях была существенною частью древнерусского погребального обычая. На санях в 1015 г. хоронили Владимира Святославича, в 1078 г. – Изяслава Ярославича, в 1113 г. – Святополка Изяславича и т. д. Вместе с тем на сани клали не только умершего, но и умирающего. На это последнее обстоятельство не было обращено должного внимания при объяснении выражения Мономаха «сѣдя на санех». Именно оно, между тем, лучше всего разъясняет этот образ. Вот как рассказывает летописец о смерти Феодосия Печерского: почувствовав приближение смерти, Феодосий «повелѣ изнести ся на дворъ; братья же, вземше ѝ на сани, поставиша ѝ прямо церкви». Затем Феодосий приказал собрать к себе монастырскую братью и здесь на санях сказал им свою последнюю волю.

36

…и похвалих Бога, иже мя сихъ дневъ грѣшнаго допровади… – Здесь, конечно, следует видеть указание на преклонный возраст писавшего эти слова Мономаха. Ни молодой человек, ни человек среднего возраста не могли бы обратиться с благодарностью к Богу, «допровадившему» их до их возраста («сихъ дневъ»). Аналогичное указание на преклонный возраст Мономаха читается и в конце «Поучения»: «…хвалю Бога и прославьляю милость Его, иже мя, грешнаго и худаго, селико лѣт сблюд от тѣхъ часъ смертныхъ». Мономах писал свое «Поучение» в пожилом возрасте, подводя итоги своему жизненному государственному опыту.

37

Да дѣти мои или инъ кто, слышавъ сю грамотицю… – Из этих слов видно, что Мономах предназначал свое «Поучение» не только для своих детей. Он придавал ему более широкое общественное значение. По характеру наставлений «Поучение» предназначено в первую очередь для людей, которым предстояло обладать княжеской властью, но вместе с тем в нем есть и наставления, общеобязательные для каждого феодала.

38

Усрѣтоша бо мя слы… – И. М. Ивакин обращает внимание на то, что абзац, начинающийся этими словами, не вяжется с предшествующим текстом. Слово «бо» как будто бы говорит о том, что здесь приводится иллюстрация какой-то общей мысли, но мысль эта перед тем не выражена. И. М. Ивакин предполагает, что в этом месте не хватало целого листа, и переписчик переписал текст сплошь, не заметив пропуска (*Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1: Поучение детям; Письмо к Олегу и отрывки. М., 1901. С. 77–78).

39

…от братья моея… – Здесь разумеются двоюродный брат Мономаха Святополк Изяславич и двоюродный племянник (сын двоюродного брата Давыда Святославича) Святослав Давыдович («Святоша»).

40

… «*да выженемъ Ростиславича и волость их отъимем*…» – «Ростиславича» – родительный падеж двойственного числа. У Ростислава Владимировича было трое сыновей: Рюрик, Володарь Перемышльский и Василько Теребовльский. Рюрик умер в 1092 г. Речь идет, следовательно, только о Володаре и Васильке. Святополк, по-видимому, прислал послов к Мономаху с предложением изгнать Ростиславичей из их волостей в 1099 г. Во всяком случае, в «Повести временных лет» под 1097 г. в повести Василия об ослеплении Василька Теребовльского говорится о событиях 1099 г.: «Святополкъ же, прогнавъ Давыда, нача думати на Володаря и на Василка, глаголя, яко “Се есть волость отца моего и брата”; и поиде на ня».

41

… *«мы собѣ будем, а ты собѣ».* – В данном случае это выражение – обычная формула отказа от союза (ср. в Синодальном списке Новгородской Первой летописи под 1232 г.: «Они же сташа за ними крѣпко, нъ рекоша: “Пришлите к нимъ жены ихъ и товаръ, тоже мы Вячеслава пустимъ; или вы собѣ, а мы собѣ”»; или там же, под 1228 г.: «а къ князю послаша къ Ярославу на томъ: “Поеди к намъ, забожницье отложи, судье по волости не слати; на всѣй воли нашей и на вьсехъ грамотахъ Ярославлихъ ты нашъ князь; или ты собѣ, а мы собѣ”», и т. д.).

42

…вземъ Псалтырю, в печали разгнухъ я, и то ми ся выня… – Здесь Мономах говорит о значении в жизненных трудностях Псалтири. Псалтирью часто пользовались в Древней Руси для гаданий. Существовали даже особые гадальные псалтири, под основным текстом которых помещались замечания, поясняющие «пророческое» значение псалтирского текста. Гадающий раскрывал наугад Псалтирь и читал открывшееся место и замечания к нему, если они были.

43

«Вскую … смущаеши мя?» – Ср.: Пс. 41, 6, 12; 42, 5.

44

И потомь собрах словца си любая, и складохъ по ряду, и написах… – Мономах начинает свои наставления с выписок «словес Божественных». Все выписки Мономаха в известной мере объединены единством темы и, во всяком случае, единством настроения. Все они характеризуют его душевное состояние после его отказа выступить против Ростиславичей. Сначала идут выписки из псалмов, читаемых обычно в церкви либо накануне Великого поста, либо в первые его недели. За выписками этих покаянных псалмов следуют выдержки из «Поучения» Василия Великого, известного в Древней Руси еще по переводу, включенному в Изборник Святослава 1076 г. Затем следуют выписки из одного «Поучения», включаемого в русские Прологи XII–XIII вв., из пророчеств Исаии и из молитвословий, читающихся в так называемых «Триодях». Не ясно, что имеет в виду Мономах, когда говорит, что расположил свои выписки «по ряду»: возможно, Мономах имеет в виду то, что он расположил свои выписки в том порядке, в каком он их делал из отдельных произведений.

45

Аще вы послѣдняя не люба, а передняя пришмайте… – Под «передним» Мономах, вероятно, имеет в виду свои выписки «божественных словес», а под «последним» – собственные наставления, которые следуют за этими выписками.

46

«Вскую печална еси, душе…яко исповѣмся Ему». – Пс. 41, 6, 12; 42, 5.

47

«Не ревнуй лукавнующимъ… ти обладають землею». – Пс. 36, 1, 9.

48

… *«И не будеть грѣшника… и живи в вѣкы вѣка».* – Пс. 36, 10–17. 19. 21–27.

49

… *«Внегда стати человѣкомъ… вода бы ны потопила».* – Пс. 123, 2, 3.

50

«Помилуй мя, Боже… борющиися со мною свыше». – Пс. 55, 2–3.

51

«Возвеселится праведник… Бог судяй земли». – Пс. 57, 11–12.

52

«Измий мя от врагъ… се уловиша душю мою». – Пс. 58, 2–4.

53

«И яко гнѣвъ… а заутра радость». – Пс. 29, 6.

«Яко лучьши милость Твоя… въздѣю руцѣ мои». – Пс. 62, 4–5.

55

«Покры мя от соньма… дѣлающих неправду». – Пс. 63, 3.

56

«Възвеселитеся вси… воину хвала Его»… – Пс. 31, 11; 33, 2.

57

Якоже бо Василий учаше… – Василий Великий (Кесарийский; ок. 330–379). «Поучения» Василия Великого были известны на Руси по переводу, включенному в Изборник Святослава 1076 г.

58

«Избавите обидима… яко снѣгъ обѣлю я»… – Пс. 1, 17–18.

«Что есть человѣк, яко помниши ѝ?» – Пс. 8, 5.

60

«Велий еси, Господи… не можеть исповѣдати чюдес Твоихъ»… – Ср.: Пс. 47, 2.

61

«Велий еси, Господи… по всей земли». – Ср.: Пс. 94, 3; 95, 4.

62

…како птица небесныя изъ ирья идуть… – По некоторым славянским преданиям, птицы на зиму улетают в рай (ирий, вырий) – в сказочную страну, где не бывает зимы и куда скрывается зимою вся живая природа. Ср. белорусскую песню:

Чом ти, жавороньку, рано з вирья вилітав? Ище по гороньках сніженьки лежали.

(*Чубинский П. П.* Труды этнографическо-статистической экспедиции в западно-русский край Русского геогр. общества. Юго-западный отдел. СПб., 1872. Т. 3. Народный дневник. С. 110).

Примеч. ред.: язык веснянки «Чом ти, жавороньку» украинский, а не белорусский. Д. С. Лихачев, по-видимому, ориентировался на место ее записи Чубинским – Полоско, Бельск. у. [Гродненской губ]. Надо полагать, он исходил из того, что ныне больше половины бывш. Гродненской губ. входит в состав Белоруссии. Но, согласно переписи 1897 г., почти 90 % населения Бельского у. составляли: украинцы (39,1 %), поляки (34,9 %) и евреи (14,9 %). Кроме того, П. Чубинский, автор гимна «Ще не вмерла Україна», известен исследованиями украинского, а не белорусского фольклора. Наконец, Юго-Западный отдел Русского географического общества, в руководство которого П. Чубинский входил в 1873–1876 гг., занимался именно украинскими (малороссийскими) штудиями.

63

…и первѣе въ наши руцѣ…– Некоторые исследователи предлагали изменить «первое» в «преданы» без достаточных оснований. Вернее всего думать, что «первѣе въ наши руцѣ» сказано здесь вот почему: рай, по средневековым представлениям, расположен на востоке; из христианских государств Русь – самая восточная; следовательно, выйдя из рая весною, птицы прежде всего летят «в руки» русских, а затем не остаются здесь, на Руси, «на одиной земли», «но и силныя и худыя идуть по всѣмъ землямъ».

«А благословенъ еси, Господи, и хваленъ зѣло!»… – Пс. 118, 12.

65

«Да иже не хвалить Тебе, Господи… да будеть проклятъ». – Ср.: 1 Кор. 16, 22.

66

Не грѣшите ни одину же ночь… – Слово «грешить» употреблено здесь Мономахом, несомненно, в его русском значении: пропускать (ср. «грешиться» – промахнуться). Мономах хочет сказать: не пропускайте ни одной ночи без молитвы (см. последующий текст).

67

…и придайте сиротЬ, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте силным погубити человЂка… – Ср. в Лаврентьевской летописи под 1212 г. характеристику князя Всеволода Юрьевича (Большое Гнездо): он суд судил «истиненъ и нелицемЂренъ не обинуяся лица силных своихъ бояръ, обидящих менших и роботящих сироты и насилье творящих»; ср. также ниже в «Поучении» Мономаха: «…худаго смерда и убогиЂ вдовицЂ не далъ есмь силным обидЂти» и «на посадники не зря ни на биричи, сам творилъ, что было надобЂ». О личном суде князя говорила и статья 33 Правды Ярославичей (в том числе Всеволода, Мономахова отца): «Или смердъ умучать, а безъ княжа слова, за обиду три гривны».

68

…не зрите на тивуна… – Тивун (тиун) – управляющий хозяйством, дворецкий, правитель, слуга.

69

…ходяще путемъ по своимъ землямъ… – Помимо общего значения, выражение «ходить путем» имеет и более специальное: «собирать дань». Ср., например, в «Повести временных лет» под 945 г. Игорь говорит своей дружине: «Идѣте съ данью домови, а я возъвращюся, похожю и еще», или в Ипатьевской летописи под 1238 г.: «Данилъ же и Василко въдаста ему (Михаилу Черниговскому. – *Д. Л.*) ходити по землѣ своей, и даста ему пшеницѣ много, и меду, и говядъ, и овѣць доволѣ». В данном месте «Поучения» Мономах говорит, конечно, о сборе дани.

…не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣх, ни в житѣх, да не кляти вас начнуть… – С этим местом «Поучения» Мономаха следует сопоставить его заботу о хозяйстве смердов, выраженную им в его речах на съезде в Долобске в 1103 г. и на съезде 1111 г.: «И рече Володимеръ: “Дивно ми, дружино, оже лошадий жалуете, ею же кто ореть; а сего чему не промыслите, оже то начнеть орати смердъ, и приѣхавъ половчинъ ударить ѝ стрелою, а лошадь его поиметь, а в село его ѣхавъ иметь жену его и дѣти его, и все его имѣнье? То лошади жаль, а самого не жаль ли?”» (1103). «И рече Володимеръ: “Како я хочу молвити, а на мя хотять молвити твоя дружина и моя, рекуще: “Хощеть погубити смерды и ролью смердомъ”. Но се дивно ми, брате, оже смердовъ жалуете и ихъ коний, а сего не помышляюще, оже на весну начнеть смердъ тотъ орати лошадью тою, и приѣхавъ половчинъ ударить смерда стрѣлою и поиметь лошадь ту и жону его, и дѣти его, и гумно его зажжеть. То о сѣмь чему не мыслите?”» (1111). Защита интересов хозяйства смердов была важной особенностью политики Мономаха.

71

…накормите унеина… – Кто такой этот «унеин»? Что это за слово? Вопрос этот возбудил целую литературу и до сих пор остается неразрешенным. Н. М. Карамзин производил это слово от кабардинского (!) «унна», что значит «дом» (*Карамзин Н. М.* История государства Российского Т. 2. Примеч. 232). Так же толковали это слово А. И. Мусин-Пушкин и С. П. Шевырев. Ф. И. Буслаев предлагал читать раздельно: «уне ина» и переводил «лучше иного» (Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков / Сост. … Ф. Буслаевым. М., 1861. Стб. 476). В другом месте он же производил это слово от «унить» – просить и переводил «просящего» (Русская хрестоматия. М., 1894. Стб. 74). С. М. Соловьев в своей «Истории России» (Кн. 1, стб. 316) переводил это место по общему смыслу, «куда пойдете, где станете, напойте, накормите бедняка». В. А. Воскресенский предлагает видеть в слове «унеин» испорченную форму от «унеиша» – юный, малый, слабый (*Воскресенский В. А.* Поучение детям Владимира Мономаха. СПб., 1893. Стб. 15). И. М. Ивакин по поводу «унеина» пишет: «Нельзя ли объяснить это *унеина* как чисто палеографическое недоразумение? Ведь далее идут слова *ти бо мимоходячи*, относящиеся, без всякого сомнения, и к ясному *гость* и к неясному *унеина*. Если мимоходячи одинаково относится к тому и другому слову, это значит, что оба они должны иметь нечто однородное. Не вышло ли унеина по неразборчивости из двух слов: *убога* и *нища* или *убога* и *странна*?» (*Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. М., 1901. С. 134).

72

…якоже бо отець мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ… – По поводу этого места «Поучения» первый его издатель А. И. Мусин-Пушкин справедливо писал: «Из сей Духовной (так Мусин-Пушкин называл «Поучение». – *Д. Л.*) видно, что праотцы наши хотя не ездили толпами в чужие краи для мнимого просвещения, однако не можно заключать, чтобы они языков иностранных не знали, а тем паче чтобы на природном своем худо изъяснялися. «Отец мой, – пишет Владимир, – дома сидя, умел говорить на 5 языках»;– довод сильный против тех, кои праотцев наших почитают невеждами». Какие же именно языки знал Всеволод Ярославич? Здесь мнения расходятся, но все исследователи единогласно прежде всего указывают на язык греческий (Всеволод был женат на гречанке). Из других языков, которые мог знать Всеволод, исследователи указывают на латинский, немецкий, венгерский, половецкий, язык волжских болгар, литовский, торческий, касожский, обезский, «скандинавский» и др. Как бы то ни было, знание пяти иностранных языков было в XI в. для Западной Европы явлением незаурядным. Европейские писатели ставили в особую заслугу немецкому императору Карлу IV знание пяти иностранных языков.

73

«Просвѣти очи мои…» – Пс. 12, 4.

74

…или люди оправливати… – Здесь разумеется суд. «Оправливати» – означает восстанавливать в праве, давать удовлетворение обиженному (ср. в договоре Игоря 945 г.: «да аще кто от Руси или от грекъ створить криво, да оправляеть то»).

75

…пути дѣя и ловы с 13 лѣт… – В Лаврентьевской летописи читается «пути дѣя и ловы 13 лѣт» – без предлога «с». Однако первый поход Мономаха отмечен в летописи уже под 1076 г. Поэтому, к какому бы году мы ни относили написание «Поучения» (к 1099 или к 1105 или к 1117), чтение «пути дѣя и ловы 13 лѣт» явно не может быть принято. И. М. Ивакин предполагает, что переписчик принял за цифру 13 (іг) полуистершуюся цифру 53 (нг). Однако и при этом исправлении фраза получается неловкой. Форма «лет» в ней явно неуместна. Поэтому предполагаем (вслед за М. П. Погодиным), что в этой фразе просто пропущено «с» и читать следует «с 13 лет». Действительно, обряд посажения молодого князя на коня («посаг»), после которого князь считался совершеннолетним, совершался обычно приблизительно в этом возрасте (12–14 лет).

76

Первое к Ростову идохъ… – Ростов, согласно перечню русских князей, помещенному в Новгородской Первой летописи под 989 г., был отдан Ярославом отцу Мономаха – Всеволоду («И раздѣлиша землю, и взя болший Изяславъ Кыевъ и Новъгород и иныи городы многы киевьскыя во предѣлех; а Святославъ Черниговъ и всю страну въсточную и до Мурома; а Всеволод Переяславль, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро, Поволжье»). Перечень этот, как уже отмечалось выше, имеет большую историческую ценность, и его указания следует принимать в расчет, несмотря на то что, согласно «Повести временных лет», Всеволод получил один только Переяславль. Если так, т. е. если Всеволод действительно получил в удел Ростов, то отправление Мономаха в Ростов не следует понимать как поход: Мономах пошел в Ростов на свое княжение. С чем согласуется и последующее: «посла мя отець, а самъ иде Курьску» (на княжение).

77

…*сквозѣ вятичѣ*…– Вятичи жили в бассейне Оки. Водный путь в Ростов лежал по Днепру, Оке и Верхней Волге. Очевидно, Мономах шел прямым путем через вятические леса, представлявшие в XI в. немалую опасность.

78

…а самъ иде Курьску… – Отец Мономаха Всеволод пошел к Курску не походом, а на свое княжение. Курск в XI в. входил в состав Переяславского княжества, доставшегося в удел Всеволоду. Можно догадываться, что Всеволод пошел к Курску, а сына отослал в Ростов в 1068 г. Именно в этом году Изяслав и Всеволод были изгнаны восставшими киевлянами из Киева. Изяслав искал убежища в Польше. Куда отправился Всеволод – из летописи неизвестно, во всяком случае не в Польшу. Возможно, что он и укрылся в своем Курске, отправив сына в свой Ростов. Ехать Днепром Владимир не мог, так как Днепровский водный путь был в руках киевлян, и ему пришлось ехать «сквозе вятичи», несмотря на опасность.

79

…и пакы 2-е к Смолиньску… – Владимир Мономах направился на княжение в Смоленск, по-видимому, в том же 1068 г. Сопровождавший его Ставко ушел к Берестию с Изяславом, проехавшим через Берестие в Польшу (через Берестие 50 лет назад направлялся в Польшу и другой политический беглец – Святополк Владимирович). Так понимает исторические обстоятельства этого смоленского похода С. М. Соловьев. И. М. Ивакин относит поход к несколько более позднему времени – к 1069–1070 гг., когда Изяслав уже вернулся из Польши и начал борьбу со Всеславом (*Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. М., 1901. С. 149).

80

…со Ставкомь с Гордятичемъ… – В Лаврентьевской летописи «со Ставкомъ Скордятичемъ». Имя Скордята сомнительно, так же как и Кордята. Поэтому предлагаем здесь чтение «с Гордятичемъ». Имя Гордята встречается в «Повести временных лет» под 945 г. («…идеже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ»). Нигде в других случаях этот «Ставко» более в летописях не упоминается, но в свое время это был человек, очевидно, известный, иначе Мономах разъяснил бы, кто он такой.

81

Берестье – город на Западном Буге; ныне Брест.

82

Изяслав Ярославич (в крещении Димитрий, 1024, Новгород – 3 октября 1078, Нежатина Нива, близ Чернигова) – князь туровский (до 1054), новгородский князь (1052–1054), великий князь киевский (1054–1068, 1069–1073, 1077–1078). Дядя Вл. Мономаха (старший брат отца). – *Ред*.

83

Володимерю – во Владимир-Волынский. Об этом «пути» Мономаха И. М. Ивакин делает следующее предположение: «На Волыни Мономах является несомненно тогда, когда на Руси было не три, а только два Ярославича, т. е. после 22 марта 1073 г., когда Изяслав вынужден был уйти в Польшу и когда Святослав сменил его в Киеве. Став сам великим князем, Святослав, естественно, и сыновьям старался дать лучшие уделы. Старший его сын, Глеб, впрочем, еще при Изяславе сидел в Новгороде, перейдя туда из Тмутаракани весной либо летом 1069 г. Второй его сын, Роман, видимо, заместил Глеба в Тмутаракани. Давыду, третьему сыну, надо предположить, Святослав дал по степени старшинства Смоленск. Но перевел ли он Мономаха во Владимир (Волынский. – *Д. Л.*)? Кое-что как будто говорит в пользу этого. По-видимому, из Владимира в ту же зиму Мономаха “посласта Берестию брата”, т. е. Святослав и Всеволод; по-видимому, из Владимира же ходил он к отцу на Пасху в Переяславль и во Владимир же оттуда вернулся; по-видимому, и творить с ляхами мир на Сутейске поручено ему было как ближайшему к ляхам князю. В таком случае, где же сидел Святославов сын Олег? Можно ли допустить, чтобы отец не постарался дать и ему лучшего после Давыда удела? Едва ли. Из Поучения видно, что Олег в 1077 г. сидел во Владимире; стало быть, сидел он там наверное и раньше (т. е. с 1073 г.). Где же в таком случае был удел Мономаха? О Смоленске в княжение Святослава он упоминать перестает. Повторяю – потерян ключ, и где является Мономах при Святославе удельным князем, остается для нас неизвестным. Не в Турове ли? Несомненно одно – на Волыни Мономах действовал в то время, когда, по удалении Изяслава из Киева в Польшу Болеслав Смелый, его свойственник, наверное принял угрожающее положение» (*Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. М., 1901. С. 150).

84

…послата Берестию брата… – Здесь двойственное число: имеются в виду братья Святослав и Всеволод Ярославичи (дядя и отец Мономаха).

85

…иде бяху ляхове пожгли… – Почему и когда поляки могли пожечь Берестие? В 1073 г. Изяслав бежал в Польшу, но уже в январе 1075 г. он представлялся в Майнце германскому императору Генриху IV, находившемуся далеко не в дружественных отношениях с польским королем Болеславом Смелым. Не указывает ли это на какую-то размолвку Изяслава с поляками, следствием чего мог явиться поджог последними русского города Берестия? (*Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. М., 1901. С. 151).

86

…той ту блюдъ городъ тихъ. – Некоторые интерпретаторы «Поучения» (Миклошич, Ивакин и др.) предлагают читать вместо «городъ тихъ» – «городъ тѣхъ», имея в виду города, расположенные близ Берестья. Сохраняем здесь текст Лаврентьевской летописи.

87

…идохъ Переяславлю отцю… – К отцу в Переяславль-Южный (княжение Всеволода).

88

…*на Сутейску*… – Урочищ со сходными названиями (Сутейск) имеется несколько.

Володимерю – Владимиру-Волынскому.

90

…посла мя Святославъ в Ляхы… – об этом походе Мономаха в помощь полякам против чехов см. в «Повести временных лет» под 1076 г.

91

…за Глоговы до Чешьскаго лѣса… – Чешский лес расположен на юг от Эгера, между Богемией и Моравией, в районе водораздела Дуная и Влтавы. Возможно, однако, что под Чешским лесом имеется в виду лес Силезско-Моравских гор. *Глогова* – Глогув на р. Одере.

92

…и дѣтя ся роди старѣйшее новгородьское. – Старший сын Владимира Мономаха Мстислав родился в 1076 г. Княжил в Новгороде с 1088 по 1093 г. и с 1095 по 1117 г.

93

…таже Туровy. – Возможно, что в 1076–1077 гг. Туров был городом Владимира; ныне небольшое местечко в Белоруссии.

94

И Святославъ умре. – Святослав Ярославич умер 27 декабря 1076 г. По-видимому, после смерти Святослава произошло новое распределение волостей, по которому Владимир Мономах получил Смоленск.

95

Глеб Святославич (ум. 30 мая 1078) – старший сын вел. кн. киевского Святослава Ярославича, князь тмутараканский (1064, 1066–1068), новгородский (1069–1073, 1077–1078). – *Ред.*

96

…*Глѣбови в помочь.* – т. е. помощь Глебу Святославичу Новгородскому, очевидно, против Всеслава Брячиславича Полоцкого весной 1077 г. Всеслав был постоянным врагом Глеба.

97

…онъ иде Новугороду… – Святополк Изяславич сел в Новгороде по смерти новгородского князя Глеба, убитого в Заволочье 30 мая 1078 г.

98

…на Одрьскъ… – Где этот город Одреск, не ясно. Н. М. Карамзин считал Одрьск опискою вместо Дрьютеск (*Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. 2. Примеч. 134). Оснований к этому не много.

99

И Олегъ приде, из Володимеря выведенъ, и возвах ѝ къ собѢ на обѢдъ со отцемь в Черниговѣ, на Краснѣмь дворѢ…– угощение Олега Святославича Мономахом могло произойти только до 10 апреля 1078 г., так как 10 апреля Олег бежал в Тмутаракань (см. «Повесть временных лет» под 1078 г.). Отец, о котором здесь идет речь, – отец Мономахов Всеволод. Обед, по-видимому, был устроен Мономахом на Пасху, приходившуюся в 1078 г. на 8 апреля (*Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. М., 1901. С. 159). Под 1078 г. записано, что Олег бежал в Тмутаракань 10 апреля «от Всеволода». Следовательно, на обеде у Мономаха произошла ссора между Олегом и Всеволодом, результатом которой и явилось бегство Олега в Тмутаракань на третий день Пасхи.

100

…на Краснѣмь дворЪ…– Красные княжеские дворы неоднократно упоминаются в летописи. Все они были загородными дворами: под Киевом, под Перемышлем, под Переяславлем Южным. Черниговский Красный двор был также, очевидно, загородным.

101

…проидох сквозѣ половечьскыи вои, бьяся, до Переяславля… – Половцы вторглись на Русскую землю после поражения Всеволода на Сожице 25 августа 1078 г. Мономах пробился к Переяславлю-Южному, где и застал своего отца Всеволода, вернувшегося после поражения («и отца налѣзохъ, с полку пришедше»).

102

То и пакы ходихомъ, том же лѣтѣ, со отцемь и со Изяславомь битъся Чернигову с Борисомь, и побѣдихомъ Бориса и Олга. – Имеется в виду битва на Нежатиной Ниве близ Чернигова, происшедшая 8 октября 1078 г. Мономах, его отец Всеволод Ярославич и Изяслав Ярославич победили в этой битве Бориса Вячеславича и Олега Святославича («Гориславича»). Изяслав и Борис были убиты в битве. В Киеве сел Всеволод, а Мономах в Чернигове, сохранив, по-видимому, за собой Смоленск. Вот почему Мономах, теперь уже черниговский князь, гонится за Всеславом «с черниговци».

103

…и стахом во Обровѣ.– Обров – урочище в Переяславском княжестве, но не ясно, где. Возможно, что «Обров» означает вал, находящийся близ Переяславля-Южного.

104

И Всеславъ Смолнескъ ожьже, и азъ всѣдъ с черниговци о двою коню… – Здесь более подробный рассказ о том же походе Владимира Мономаха против Всеслава Брячиславича Полоцкого на Смоленск зимою 1078 г., о котором он уже сказал выше: «И Святославъ умре, и язъ пакы Смолиньску» (подробные соображения об этом см.: *Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. М., 1901. С. 159).

105

…до Лукамля и до Лагожьска… – *Лукомль* и *Логожск* – города в Полоцком княжестве, принадлежавшие Всеславу Полоцкому.

106

А на ту зиму… – т. е. на зиму 1078 г.

107

…князи Асадука и Саука… – Как предполагает И. М. Ивакин (Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. М., 1901. С. 168), Асадук – это, по-видимому, тесть Олега Святославича, женатого на половчанке. Утверждать это с достоверностью нет, однако, прочных оснований. Половецкий князь Саук более нигде не упоминается.

…*за Новымъ Городом*… – за Новгородом-Северским.

109

…силны вои Белкатгина…– Белкатгин нигде более не упоминается.

110

…а семечи и полонъ весь отяхом. – Что такое «семечи»? Некоторые комментаторы разделяют «се мечи» и переводят: «а мечи их и полон весь отняли» (А. И. Мусин-Пушкин, А. Клеванов, И. Лашнюков и др.). И. М. Ивакин предлагает вместо «се мечи» – «вьсѣ вежи» (*Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. М., 1901. С. 42, 169). Н. В. Шляков предполагает, что «семечи» – это поселенцы по реке Семи. Правильнее было бы «семеци», но в списке «Поучения» произошло смешение «ц» и «ч» (*Шляков Н. В.* О Поучении Владимира Мономаха // ЖМНП. 1900. № 5. С. 121; № 7. С. 20–21). Возможно, что слово «семечи» (или «семеци») нужно связать с упоминаемым ниже «семцем» (см.).

111

…на Ходоту… – *Ходота* – князь славянского племени вятичей. Вятичи были политически обособлены и не подчинялись князьям из рода Рюриковичей. (См.: *Арциховский А. В.* Курганы вятичей. М., 1930.). – *Ред*.

112

…ко Корьдну… – Город Корьдно упоминается только в «Поучении». Местоположение его не ясно. В «Повести временных лет» под 1080 г. упоминается поход Мономаха на торков («Заратишася торци переяславьстии на Русь, Всеволодъ же посла на ня сына своего Володимера. Володимеръ же шедъ побѣди търкы»). Не есть ли поход «на Корьдну» этот поход на торков? Нигде более в «Поучении» поход на торков не упоминается. Вряд ли Мономах забыл бы упомянуть об этом своем победоносном походе.

113

И пакы по Изяславичихъ… – По-видимому, речь идет не о Изяславичах (Ярополке и Святополке, сыновьях Изяслава Ярославича), а о Ростиславичах (Володаре Ростиславиче Перемышльском и Василько Ростиславиче Теребовльском). Ср. в «Повести временных лет» под 1084 г.: «В се же время выбѣгоста Ростиславича 2 от Ярополка, и пришедша прогнаста Ярополка, и посла Всеволодъ Володимера, сына своего, и выгна Ростиславича, и посади Ярополка Володимери».

114

…*за Микулинъ*… – *Мукулин* – город в Галицкой области на р. Серете.

115

И на ту весну къ Ярополку совкуплятъся на Броды. – *Броды* – город на границе Руси с Польшей в Волынской земле. Свидание Мономаха с Ярополком Изяславичем происходило, по-видимому, весной 1084 г.

116

…гонихом по половьцихъ за Хоролъ, иже Горошинъ взяша. – *Хорол* – приток Псела. *Горошин* – город в Переяславском княжестве на реках Суле и Боричке, на юго-запад от Хорола.

117

На ту зиму идохом къ Ярополку совокуплятися на Броды и любовь велику створихом. – О свидании с Ярополком на Бродах уже было сказано выше. Было ли этих свиданий два или одно? И. М. Ивакин подробно обосновывает свое мнение, что было только одно (*Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. М., 1901. С. 171–173). Против этого говорит та разница, которая отмечена Мономахом во времени этих свиданий, о первом из них Мономах говорит: «и на ту весну…», о втором же – «на ту зиму…». Остается предположить только, что последовательность всех «путей» Мономаха нам не ясна. Сам Мономах, давая список своих «путей», ставил себе не столько историческую цель, сколько поучительную. Он перечислил не все из своих походов; не отметил даже и тех, о которых записала летопись. В частности, в связи с отношениями Мономаха к Ярополку следует заметить, что поход Мономаха 1085 г. к Луцку, в котором Ярополк оставил свою мать и дружину, бежав от Мономаха в Польшу, в «Поучении» не записан. Мономаху важно было подчеркнуть свои добрые отношения с Ярополком.

118

И на весну посади мя отець в Переяславли передъ братьею… – С. М. Соловьев считает это место испорченным на том основании, что Мономах уже сидел в Чернигове и что Чернигов был старше Переяславля. И. М. Ивакин предложил читать это место так: «И на весну посла мя отець к Переяславлю» (*Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. М., 1901. С. 175). Думаю, что нет оснований к такого рода исправлению: Переяславль в XII в. обычно занимал тот князь, который должен был сесть после смерти киевского князя в Киеве. Переяславль – это своеобразное «преддверие Киева» (*Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940. С. 157). Нет, следовательно, ничего удивительного в том, что сюда, поближе к Киеву, перевел своего старшего сына Мономаха Всеволод Ярославич. Удивляло И. М. Ивакина и выражение «перед братьею». Он ссылался при этом на то, что у Мономаха был один только брат Ростислав. Под «братьею» Мономах разумеет, очевидно, всех русских князей. Вероятно, он хочет подчеркнуть, что был посажен отцом в Переяславле, чтобы облегчить ему занятие киевского стола после смерти Всеволода, и выделен тем из всех русских князей, поставлен впереди всех русских князей.

119

…и ходихом за Супой… – *Супой* – левый приток Днепра; впадает в Днепр ниже Переяславля-Южного. Следующий за Супоем крупный левый приток Днепра – Сула. Супой и Сула – пограничные с половецкой степью реки.

120

И ѣдучи к Прилуку городу… – Прилук – город в Переяславском княжестве. В некоторых списках «Повести временных лет» Прилуком называется город Переволочна. Весьма возможно, что это один и тот же город. В пользу этого говорит и то обстоятельство, что «прилука» значит «пристанище», «постоялый двор»; последние были совершенно необходимы в районах «волоков», «переволоков» (отсюда «Переволочна»).

121

…но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ… – Исследователь русского оружия А. В. Арциховский пишет: «Воины в походе не обременяли себя доспехами. Это видно из того, что поход в бронях особо отмечается: “Слышавъ же Святославъ, оже болгары собравшися ждутъ его на Исадахъ, повелѣ же воемъ своимъ оболочитися во броня и стяги наволочити, и наряди полкы въ насадѣхъ и лодияхъ, и поиде полкъ по полцѣ, бьюще въ бубны и во трубы и въ сопели, а сам князь по нихъ поиде” (ПСРЛ. Т. 7. С. 127)» (*Арциховский А. В.* Русское оружие X–XIII вв. // Докл. и сообщения исторического ф-та Московского гос. ун-та. М., 1946. Вып. 4. С. 16). Шлемы, кольчуги («брони») надевали только перед битвой («крутились в броню»).

122

…толко семцю яша одиного живого… – Что означает слово «семцю»? Некоторые исследователи, а также издатели Лаврентьевской летописи считают «семцю» собственным именем. Это скорее отказ от ответа на вопрос, чем его решение. Правильное решение вопроса принадлежит, по-видимому, А. И. Соболевскому, который считает «семца» родственным со словом «сѣмья», возводя это слово «семца» к предполагаемой им форме «сѣмьця» со значением «младший член семьи, слуга» (*Соболевский А. И.* Семца, сябр, шабер // Учен. зап. Высшей школы г. Одессы. Отд-ние гуманитарно-общественных наук. Одесса, 1922. С. 61–62). Не это ли слово кроется и под загадочным «семечи» (см. выше)?

123

…на Госпожинъ день… – «Госпожиным днем» назывался праздник Успенья (15 августа) или Рождества Богородицы (8 сентября).

124

…к Бѣлѣ Вежи… – Здесь имеется в виду Белая Вежа Остерская на реке Остре, а не Донская Белая Вежа – Саркел. Об Остерской Белой Веже см.: *Мавродин В. В.* Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940. С. 199–200.

125

…на Святославль гонихом… – Местонахождение Святославля не ясно. (Возможно, это слобода или волость на юге Ростовского княжества, граничившая с запада с Переславским уездом, а с юга– с Юрьевским. – *Ред.*).

126

…на Торческый городъ…– Торческий город, или Торческ (Торцкь, Торцьскъ) – город в Поросье (междуречье Стугны и Роси). Построен в районе поселения торков, который в XI в. выделили им киевские князья для кочевий. В Торческе был утвержден княжеский стол и размещался русский гарнизон, он был укреплен и играл роль важного форпоста в системе обороны Руси от половцев. Первое упоминание о нем относится к 1093 г. в связи с половецким вторжении на Русь: его жители послали за помощью в Киев и в ожидании подмоги упорное сопротивлялись половцам. Но Киев не помог – и защитникам Торческа пришлось сдаться. Победители сожгли город, а жителей угнали в плен. Окончательно Торческ был уничтожен во время монгольского нашествия на Русь. Ныне его остатки – это огромное (ок. 90 га) городище в 38 км на восток от Белой Церкви (Киевская обл., Украина). – *Ред.*

127

…*на Гюргевъ*… – к городу Юрьеву на реке Рось.

128

…*у Красна*… – город Красн на реке Красне, впадающей в Днепр близ Триполья.

129

…*с Ростиславомъ же*… – с Ростиславом Всеволодовичем, братом Мономаха.

130

…*у Варина*… – Где находился Варин, не ясно. (Город Варин (Воронин, Вороницы) находился на берегу р. Сула в Переяславском княжестве, к западу от Римова. Разрушен в 1239 г. Не его месте сечас расположен пгт Варва (Черниговская обл., Украина). – *Ред.*)

131

…*Володимерю*… – к Владимиру-Волынскому.

132

…и Ярополкъ умре. – Ярополк Изяславич был убит 22 ноября 1086 г. (см. подробнее описание его смерти в «Повести временных лет» под этим годом; в Ипатьевской летописи – под 1087 г.). На княжении во Владимире-Волынском он пробыл «мало дний». Следовательно, посадил его Владимир на Волыни в том же 1086 г.

133

…по отни смерти… – Всеволод Ярославич умер 13 апреля 1093 г.

134

…и при СвятополцѢ…– В Лаврентьевской летописи ошибочно «и по СвятополцѢ». Указанные здесь события произошли при Святополке.

135

…на Стугнѣ бившеся съ половци до вечера, бихом – у Халѣпа… – В Лаврентьевской летописи вместо «на Стугнѣ» написано «на Сулѣ». Поправка эта принадлежит И. М. Ивакину и следующим образом им мотивирована: «Если упоминаемое здесь событие случилось “по отни смерти”, это значит, что оно случилось после 13 апреля 1093 г., потому что в это именно время умер Мономахов отец Всеволод Ярославич. Но оно не могло случиться и позднее 1095 г., потому что дальше в Поучении упомянуто о нашествии Олега на Чернигов, которое было в июле 1095 г. Обращаясь к летописи, видим, что половцы, услышав о смерти Всеволода, прислали к занявшему киевский стол Святополку договориться о мире. Неразумным поступком Святополк раздражил их (Святополк захватил послов. – *Д. Л.*), и соединенные силы его, Владимира и Ростислава были разбиты на Стугне в день Вознесения 24 мая 1093 г. После сражения, во время бегства, на глазах Владимира утонул в Стугне брат его, князь Ростислав. В Поучении идет речь, очевидно, об этом сражении или – точнее – поражении на Стугне. Упомянут даже Халеп, т. е. Халепье, находящееся и поныне недалеко от Стугны, не более как в версте от Триполья» (*Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. М., 1901. С. 183–184).

136

…и потомь миръ створихом с Тугорканомъ… – В «Повести временных лет» под 1094 г. об этом говорится так: «Сотвори миръ Святополкъ с половци, и поя собѢ жену, дщерь Тугорканю, князя половецкаго». (*Тугоркан* (Тогортак; 1028–1096) – половецкий хан, ближайший соратник Боняка, вместе с которым объединил под своей властью несколько западных половецких орд. Впервые упоминается в сочинениях византийской царевны Анны Комнины. Известно, что Боняк и Тугоркан в 1092 г. заключили союз с императором Алексеем Комнином и соединенными силами разгромили угрожавших Византии печенегов. После чего бежали (подробнее см. Труды и дни под 1091 годом) к Дунаю, где были разбиты венграми и ушли в приднепровские степи. В 1093 г. они нанесли сокрушительное поражение Святополку Изяславичу, который в 1094 г. вынужден был заключить с ними мир. В 1095 г. Тугоркан и Боняк предприняли кончившийся провалом завоевательный поход в Византию: более половины воинов погибла, а захваченная добыча была потеряна. 31 мая 1096 г. Тугоркан осадил Переяславль, однако был разбит подоспевшими 19 июля дружинами Святополка и Владимира Мономаха. Это была его последняя битва: Тугоркан вместе с сыном погиб. Масштабы бедствий, связанных с именем Тугоркана, были таковы, что он вошел в русский фольклор: в былинах Тугоркан часто встречается под именем Тугарина или Тугарина Змеевича. – *Ред*.)

Чадь – челядь, дружина, ополченье, воины. – *Даль*.

138

…и у Глѣбовы чади пояхом дружину свою всю… – Здесь интересно то, что какой-то знатный половец носит русское имя Глеб. Русские имена у половцев встречаются неоднократно (Лавр —1185 г., Глеб Тириевич —1185 г. и др.), вероятно, свидетельствуя тем самым о влиянии русской культуры на половцев. В «Повести временных лет» в описании сражения на Стугне сказано: «Володимеръ же пребредъ рѣку с малою дружиною, – мнози бо падоша от полка его». Очевидно, однако, из этого места «Поучения», что потери в дружине Владимира объяснялись не только большим числом «павших», но и тем, что часть ее была взята в плен.

139

И потомъ Олегъ на мя приде с Половечьскою землею к Чернигову… – Олег Святославич явился с половцами к Чернигову в 1094 г., о чем имеется подробный рассказ в «Повести временных лет», совпадающий в деталях с рассказом «Поучения».

140

…и манастырь… – В окрестностях Чернигова было два монастыря: Троице-Ильинский на Болдиных горах, по-видимому, основанный в 1069 г. Антонием Печерским, и Елецкий, основанный, вероятно, в это же время.

141

…на святаго Бориса день… – память Бориса Владимировича праздновалась 24 июля. Праздник этот в Древней Руси считался очень крупным (ср. в «Повести временных лет» под 1093 г.: «…еже есть праздникъ новый Русьскыя земля»). Значение этого праздника было потому таким большим, что это был первый праздник, посвященный русскому святому.

142

И облизахутся на нас акы волци стояще, и от перевоза и з горъ… – Под горами здесь разумеются, очевидно, Болдины горы под Черниговом. Перевоз же был через Десну, на правом берегу которой стоит Чернигов. Мономаху с дружиной, отправлявшемуся в Переяславль-Южный, надо было воспользоваться этим перевозом. Следует обратить внимание на живую образность языка Мономаха, сравнившего здесь половцев с волчьей стаей, облизывающейся на уходящую добычу.

143

И сѣдѣхъ в Переяславли 3 лѣта и 3 зимы… и многы бѣды прияхом от рати и от голода. – Мономах княжил в Переяславле-Южном не три года, а восемнадцать лет (1095–1113). Очевидно, речь идет только о трех первых особенно тяжких для Мономаха годах переяславльского княжения.

…*на вои ихъ*… – очевидно, на половцев.

145

…*за Римовъ*… – *Римов* – город на пограничной со степью реке Суле (левый приток Днепра). К какому времени относится поход за Римов, не ясно. Избиение Итларевой чади произошло 24 февраля 1095 г. Поход за Римов был, очевидно, раньше.

146

И пакы Итлареву чадь избиша… – Об избиении Итларевой чади см. подробно в «Повести временных лет» под 1095 г.

147

…за Голтавомь… – *Голтав* – город в Переяславльском княжестве при впадении реки Голтвы в Псел. Поход за Голтав описан в «Повести временных лет» под 1095 г. Он был совершен Владимиром совместно с киевским князем Святополком.

148

…И Стародубу идохом на Олга… – *Стародуб* – город в Черниговском княжестве. Поход Мономаха и Святополка на Олега Святославича рассказан в «Повести временных лет» под 1095 г. Он был вызван отказом Олега участвовать в предшествующем походе Мономаха и Святополка на половцев «за Голтав». Олег бежал из Чернигова и затворился в Стародубе, осада которого длилась 33 дня.

149

…*И на Богъ идохом*… – Имеется ли здесь в виду река Буг или город Богуславль (на реке Рось) – не ясно. Вернее первое.

150

…на Боняка за Рось. – Боняк приходил к Киеву 20 июня 1096 г. и быстро удалился. Очевидно, к этому времени и относится погоня за ним Мономаха. *Рось* – правый приток Днепра. Затем в «Поучении» упоминаются еще две погони за Боняком. Все три погони И. М. Ивакин относит к 1096 г. (*Ивакин И. М.* Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. М., 1901. С. 195–196).

151

…*с Воронищѣ*…– Местоположение Вороницы не ясно. (См. примеч. 56.– *Ред.*)

152

Торки – тюркское племя, кочевавшее в Причерноморье в X–XIII вв. В 985 г. торки-наемники участвовали в походе кн. Владимира Святославича на болгар и хазар. В начале XI в., теснимые половцами с востока, прикочевали к Днепру: в 1055 году кн. Всеволод Ярославич ходил на них, чтобы обезопасить Переяславскую княжество; в 1060 г. против них ходили походом все трое Ярославичей и Всеслав Полоцкий. Часть торков еще в XI в. осела по р. Роси и подчинилась местным князьям. Центром этих полуоседлых торков был г. Торческ. Другая группа торков, признавших власть Всеволода, поселилась в Переяславском княжестве (возле г. Баруча, севернее Переяславля). – *Ред.*

153

И потомь паки идохом к Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихом Смолиньску. – По-видимому, «путь» к Ростову относится к 1099 г. «Пути» к Смоленску в таком случае относятся к 1100, 1101 и 1102 гг. В 1101 г., согласно Ипатьевской летописи, Мономах заложил в Смоленске церковь «СвятоѢ БогородицѢ камяну».

154

И-Смолиньска идох Ростову. – В Лаврентьевской летописи написано «и се нынѣ иду Ростову». Ввиду сомнительности употребления формы настоящего времени среди описания «путей», последовательно рассказанных в прошедшем времени, исправляю, вслед за другими исследователями, на «и-Смолиньска идох Ростову». М. П. Погодин и некоторые другие предполагали, что форма настоящего времени «и се нынѣ иду Ростову» вызвана тем, что именно на этом пути в Ростов Мономах написал свое «Поучение», а все перечисление последующих «путей» Мономаха относили к позднейшим вставкам переписчиков. Однако вряд ли это возможно. Скорее всего, испорчена только эта одна фраза. Ведь оригинал «Поучения», переписывавшийся Лаврентием, был ветхий.

155

…но ли оли… убиша… – место это крайне испорчено.

156

…*по Велицѣ дни*… – Пасха в 1107 г. была 14 апреля.

157

…и Гюргева мати умре. – «Гюргева мати» – жена Мономаха. Она названа так по имени последнего, младшего, сына Мономаха – Юрия. Эта жена Мономаха была дочерью последнего англосаксонского короля Харальда, разбитого Вильгельмом Завоевателем в 1066 г. в битве с норманнами при Гастингсе. Дочь Харальда Гита воспитывалась в Дании и была выдана за Мономаха, по-видимому, в 1074 или 1075 г. Сведения о Гите собраны М. П. Алексеевым (*Алексеев М. П.* Англосаксонская параллель к Поучению Владимира Мономаха // ТОДРЛ. 1935. Т. 2. С. 49 и сл.). Умерла Гита 7 мая 1107 г. Юрий родился, вероятно, в 1090–1095 гг.

158

…*собрах братью*… – Поход Мономаха против Боняка описан в «Повести временных лет» под 1107 г. Его участниками были: Владимир Мономах, Святополк Изяславич, Олег Святославич, кроме того, сыновья Мономаха – Святослав, Вячеслав, Ярополк и внук Игоря Ярославича – Мстислав (отчество его неизвестно).

159

Кснятин – город на правом берегу Сулы.

160

…и по Рожествѣ створихом миръ съ Аепою, и поимъ у него дчерь… – О заключении мира с Аепой и о браке Аепиной дочери с сыном Мономаха Юрием Владимировичем подробнее говорится в «Повести временных лет» под 1107 г. Хронологическое указание Мономаха («по Рожествѣ») совпадает с летописным: брак Юрия и дочери Аепы был совершен 12 января.

161

…паки идох на половци на Урусобу с Святополком… – Сведений о походе Мономаха на Урубу или Урусобу в 1107–1109 гг. в летописи нет. В «Повести временных лет» отмечен только поход на Урусобу в 1103 г. Летописное «Урусоба» правильнее, чем «Уруба» в «Поучении».

на Боняка к Лубъну – Об этом походе на Боняка сведений в летописи нет. Поход Владимира и других князей на Боняка 1107 г. уже был отмечен в «Поучении» выше.

163

И потом ходихом к Воиню с Святополком… – В Лаврентьевской летописи написано «въ воину», но это очевидная ошибка. Город Воинь находился при впадении Сулы в Днепр. Здесь имеется в виду поход Владимира Мономаха, Святополка Изяславича и Давыда Святославича, отмеченный в «Повести временных лет» под 1110 г.

164

…и потом пакы на Донъ идохом с Святополком и с Давыдомъ… – Об этом походе подробно говорится в третьей редакции «Повести временных лет» под 1111 г.

165

…*к Выреви*… – О приходе половцев к Выре (селение на реке Выре) в третьей редакции «Повести временных лет» говорится под 1113 г.: «Слышавше же половцѣ смерть Святополчю, и съвокупившеся, и придоша къ Выры; Володимеръ же, совокупивъ сыны свои и сыновцѣ, иде къ Выру и совокупися съ Олгомъ, половцѣ же бѣжаша».

…*ко Ромну*… – город Ромен на реке Суле.

167

И потом к Мѣньску ходихом на Глѣба… – Об этом походе Мономаха к Минску на Глеба Всеславича рассказывается в Лаврентьевской летописи под 1115 г. и более подробно в Ипатьевской летописи под 1116 г.

168

И потом ходихом къ Володимерю на Ярославця… – В Лаврентьевской летописи об этом походе Мономаха на Ярославца Святополчича во Владимир-Волынский говорится под 1118 г.; в Ипатьевской – под 1117 г. Этот Ярославец был сыном Святополка Изяславича от наложницы, чем и объясняется, очевидно, уничижительный суффикс «-ец» в его имени (ср. Феодорец, Нерадец и др.).

169

…до вечерни… – Имеется в виду церковная служба – «вечерня». Определение времени дня по церковной службе обычно в древней Руси. Вечерня служилась в древней Руси около трех часов пополудни или несколько позднее, но до захода солнца.

170

А всѣх путий 80 и 3 великих… – В своем «Поучении» Мономах перечислил не все из этих «великих» походов, а только 69. О том, сколько было меньших «путей» (походов), отчасти дает представление упоминание Мономаха о 100 своих поездках из Чернигова в Киев; следовательно, меньшие «пути» исчислялись сотнями. Победы Владимира Мономаха над половцами были высоко оценены потомками. В некрологической статье о нем в Лаврентьевской летописи под 1125 г. сказано: «Преставися благовѣрный и великый князь русскый Володимеръ, сынъ благовѣрна отца Всеволода, украшеный добрыми нравы, прослувый в побѣдах, его же имене трепетаху вся страны, и по всѣм землям изиде слух его». В Ипатьевской летописи под тем же годом о нем сказано: «…его же слухъ (т. е. слух о нем. – *Д. Л.*) произиде по всимъ странамъ, наипаче же бѣ страшенъ поганымъ» (половцам). Описывая заслуги его сына Мстислава перед родиной, Ипатьевская летопись под 1140 г. пишет: «Се бо Мьстиславъ великый наслѣди отца своего потъ, Володимера Мономаха великаго. Володимеръ самъ собою постоя на Дону и много пота утеръ за землю Рускую…». В той же Ипатьевской летописи под 1201 г. в характеристике князя Романа звучит воспоминание о победах Мономаха: Роман «ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганыя измаилтяны, рекомыя половци, изгнавшю Отрока (половецкого хана. – *Д. Л.*) во обезы, за Желѣзная врата. Сърчанови же (брат Отрока. – *Д. Л.*) оставшю у Дону, рыбою оживъшю, тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотомъ шеломомъ Донъ, приемшю землю ихъ всю и загнавшю оканьныя агаряны». В «Слове о погибели Русской земли» говорится, что именем Мономаха «половци дѣти своя полошаху в колыбѣли, а Литва из болота на светъ не выникываху, а угры твердяху каменые городы желѣзными вороты, абы на них великый Володимеръ тамо не въѣхалъ. А нѣмци радовахуся, далече будуче за синимъ моремъ; буртаси, черемиси, вяда и моръдва бортьничаху на князя великого Володимера; и жюръ Мануилъ Цесарегородский опасъ имѣя, поне и великыя дары посылаша к нему, абы под нимъ великый князь Володимеръ Цесарягорода не взял».

171

…а дая скота много и многы порты своЂ…– Интересно, что обычай русских князей и царей одаривать правителей степных народов одеждами сохранялся до XVII в. включительно.

172

Шаруканя 2 брата… – Летопись говорит о том, что Шарукан был разбит Мономахом в 1107 г. О мести за поражение Шарукана говорится в «Слове о полку Игореве»: «Се бо готьскыя красныя дѣвы въспѣша на березѣ синему морю: звоня рускымъ златомъ, поютъ время Бусово, лелѣютъ месть Шароканю». Кто были два брата Шарукана, неизвестно.

173

Багубарсовы 3…– Выше в «Поучении» говорилось о том, что в походе к Белой Веже были взяты два половецких князя, Багубарсовы братья – Асинь и Сакзь. Кто был третий Багубарсов брат, неизвестно.

174

Осеня братьЂ 4…– В Лаврентьевской летописи: «Овчины братьЂ 4». По-видимому, здесь ошибка. Чтение «Осеня» вместо «Овчины» предложено И. М. Ивакиным (Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. М., 1901. С. 271).

175

…а всѣх лѣпших князий инѣхъ 100… инѣхъ кметий молодых 15…– Крупные цифры врагов, захваченных, отпущенных или иссеченных Мономахом, свидетельствуют о том, что «Поучение» написано после побед Мономаха в 1103, 1107 и 1111 гг.

176

Таревьскый князь Азгулуй… – Что такое «таревьскый», неизвестно.

177

…инѣхъ кметий молодых 15…– По поводу значения слова «кметь» Б. Д. Греков пишет: «Это славянское слово обозначало свободного человека, далее в некоторых славянских языках “кмет” начинает обозначать людей, стоящих выше народной массы (“и паде о сте къметьства” – Новгородская первая летопись по Синодальному списку, что в другом списке, Академическом, записано иначе: вместо “къметьство” стоит “доброименитых”)» (Крестьяне на Руси. М.; Л., 1946. С. 18). В данном месте «Поучения» значение слова «кметь» то же, что и в «Слове о полку Игореве» – храбрый воин, витязь («А мои ти куряни свѣдоми къмети, подъ трубами повити, подъ шеломы възлѣлѣяни, конець копия въскръмлени…»). Ср. также в «Повести временных лет» под 1076 г., где это слово означает «мужи», «дружинники».

178

…в ту рѣчку въ Салню. – В Лаврентьевской летописи написано «въ Славлий», но это, по-видимому, описка. О речке «Славлий» неизвестно. Речь же у Мономаха, очевидно, идет о походе 1111 г. и о победе на реке Сальнице.

179

Тура мя 2 метала на розѢх… – По поводу древнерусского «тура» Н. В. Шарлемань пишет: «Под этим названием в древних источниках, по-видимому, фигурируют два вида диких быков: первобытный бык, настоящий тур (Bos primogenius Bojan.), от которого произошел домашний бык (ближайшим потомком тура считают серого украинского быка), и зубр (Bison bonasus L.). На Украине еще недавно крупных быков называли местами турами (“погнав турів”, “напувати турів” – вблизи Умани). Это название для домашнего быка сохранилось и в западных областях Украины – на Галичине. Название “зубр” в наших источниках, по-видимому, не встречается, и зубра от тура как будто не отличали. Об этом свидетельствует следующий факт. Когда византийский наследник престола Андроник Комнин приехал в 1154 г. к галицкому князю Ярославу Осмомыслу, то Ярослав вместе с великим князем киевским и другими князьями устроили для своего гостя охоту “на туров”, как читаем в летописи. В то же время византийский историк по этому поводу писал, что Андроник убивал на Руси “зумпров” – зверей многочисленных в названной стране и размерами бóльших, чем медведь и леопард. Настоящие туры в Киевской Руси исчезли рано, а их название было перенесено на зубров, которые вывелись, по-видимому, лишь в начале XVII в.» (*Шарлемань Н. В.* Из реального комментария к «Слову о полку Игореве». С. 116–117).

180

…лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедры и конь со мною поверже. – Кто такой этот «лютый зверь», не ясно. Предположение некоторых исследователей, что это волк – невероятно: волк не может вскочить так высоко, к тому же волк слишком труслив. По-видимому, это зверь из породы кошачьих. «Лютый зверь» упоминается также в «Слове о полку Игореве»; о Всеславе Полоцком говорится: «…скочи отъ нихъ (от киевлян. – *Д. Л.*) лютымъ звѣремъ въ плъночи изъ Бѣлограда, обѣсися синѣ мьглѣ».

181

…*отроку моему*… – «Отроки» – особый разряд княжеских слуг, его «дворовых воинов», телохранителей, младшие члены дружины.

182

…*на зною и на зим*Ь…– Зима здесь означает просто «холод», «стужу». Ср. в «Повести временных лет» под 1093 г. о пленниках, взятых в мае месяце: «зимою оцЂпляеми»; ср. также в Ипатьевской летописи под 1187 г.: «и на ту осень бысть зима зла велми».

183

Еже было творити отроку моему, то сам есмь створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зною и на зимѣ, не дая собѣ упокоя. – Этот литературный автопортрет Мономаха не прикрашен. Вот какую, например, характеристику дает Мономаху в своем послании к нему киевский митрополит из греков Никифор (1104–1121), неоднократно общавшийся с Мономахом: «Что говорить такому князю, который больше на сырой земле спит, дому бегает, платье светлое отвергает, по лесам ходя, сиротинскую (нищенскую) носит одежду, и только по нужде, входя в город, облекаешься в одежду властелинскую!.. Мы знаем, что для других ты любишь готовить обеды обильные, чтобы на них пригласить всех, и достойных и случайных людей, ради княжеского величия; а сам служишь и работаешь своими руками, и доходит подаяние твое даже и до полатей («даже до комаров»), что ты исполняешь ради княжения и власти: другие насыщаются и упиваются, а сам ты сидишь и смотришь только, как другие едят и пьют, довольствуясь малою пищею и водою. Так ты угождаешь своим подданным, терпеливо сидишь и смотришь, как рабы твои упиваются, и этим поистине угождаешь им и покоряешь. Так ты относишься к вкушению, что я сам знаю… Я знаю, что, с тех пор как ты родился и в тебе утвердился ум, от того возраста, когда можно было благотворить, то руки твои, по благодати Божией, ко всем простираются; никогда не прятал ты сокровищ, никогда не считал ты золота или серебра, но все раздавал, черпая обеими руками…» (перевод А. С. Орлова; Владимир Мономах. М.; Л., 1946. С. 51–52); послание Никифора встречается в списках XVI в. и помещено в Макариевских Великих Четьих Минеях под 20 июня (Русские достопамятности. М., 1815. Ч. I. С. 3.).

Бирич – глашатай, вызывавший к суду ответчиков, а также сборщик податей и штрафов, блюститель порядка.

185

И в ловчих ловчий нарядъ сам есмь держалъ, и в конюсѣх, и о соколѣхъ и о ястрябѣх. – Ястребиная и соколиная охота на Руси была любимой потехой феодальной верхушки. Еще Русская Правда за кражу сокола и ястреба в чьем-либо перевесе назначает штраф в три гривны (Краткая Правда, ст. 37, Пространная Правда, ст. 81). Образы соколиной охоты проникли в летопись (ср. в «Повести временных лет» под 1097 г.: «и сбиша угры акы в мячь, яко се соколъ сбиваеть галицѣ»), в «Слово о полку Игореве». Восторженный гимн охоте с ловчими птицами представляет собой «Урядник сокольничья пути» времени Алексея Михайловича. Ее описание см. у С. Т. Аксакова в «Записках ружейного охотника».

186

…и от воды… – Возможно, Мономах вспоминает тот случай, когда в 1093 г. на его глазах утонул в Стугне его брат Ростислав и сам он, очевидно, подвергся смертельной опасности.

187

О, многострастный и печалны азъ! – Этими словами открывается письмо Владимира Мономаха своему двоюродному брату Олегу Святославичу (Олегу «Гориславичу» «Слова о полку Игореве»), написанное, как доказывает наиболее авторитетный исследователь сочинений Мономаха И. М. Ивакин, в 1096 г. Этой датой, как мною предположено выше, и объясняется включение всех сочинений Мономаха в «Повесть временных лет» именно под этот 1096 г. Обстоятельства, при которых написано это письмо, следующим образом рассказаны В. Л. Комаровичем: «В Поучение, как сказано, вставлено письмо Мономаха к Олегу Черниговскому – тому самому, которого “Слово о полку Игореве”, за “сеявшиеся” им усобицы, вместо Святославича величает с горькой иронией “Гориславичем”. Письмо к нему начинается внутри Поучения, вероятно, со слов: “О, многострастный и печалны азъ!” – и написано значительно раньше, чем само Поучение, а именно в том самом 1096 г., на который падают породившие это письмо события. Борьба из-за вотчины Олега, Чернигова, в свое время отданного несправедливо Владимиру, но уступленного им обратно Олегу, как рассказано в Поучении, в 1094 г., возобновилась, лишь только Мономаху со Святополком удалось одержать верх над помогавшими Олегу половцами. Выгнанный из Чернигова, Олег затворился в Стародубе и после осады вынужден был принять условия победителей. Но усобица, как пожар, успела уже перекинуться и на более отдаленные области. В муромо-рязанские владения Олега вторгся сидевший перед тем в Курске младший Мономахович Изяслав, овладел было Муромом, но в битве с подоспевшим туда Олегом, 6 сентября 1096 г., был убит. Это-то событие и послужило поводом к переписке Мономаха с Олегом. Впрочем, к ней причастен еще старший Мономахович, сидевший в Новгороде, Мстислав, двинувшийся оттуда оборонять ростовские владения своего рода, лишь только их захватил, вслед за победой над Изяславом, Олег. Принудив Олега уйти из Ростова и Суздаля, Мстислав, говорит летопись, “приде Суждалю и, седя ту, посылаше к Ольгови, мира прося, глаголя: Азъ есмь мнии тебе, слися к отцю моему”. То же писал он ему и раньше, перед выступлением из Новгорода: “Азъ пошлю молится съ дружиною своею къ отцю своему, и смирю тя со отцемь моим. Аще и брата моего убилъ еси, то есть недивьно, в ратех бо и цари и мужи погыбають”. Вот такое письмо к отцу, посланное Мстиславом, очевидно, уже из Суздаля, и понудило Мономаха написать, со своей стороны, Олегу. В письме к нему он прямо ссылается на

почин в этой переписке своего старшего сына: “Да се ти написах, зане принуди мя сынъ мой… прислалъ ко мнѣ мужъ свой и грамоту, река: “Ладимъся и смеримся, а братцю моему Судъ пришелъ. А вѣ ему не будевѣ местника, но възложивѣ на Бога, а стануть си пред Богомь; а Русьскы земли не погубим””. Вняв совету своего старшего сына, Мономах и шлет Олегу слова примирения: “Послушах сына своего, написах ти грамоту”. Перед нами, таким образом, отрывок довольно оживленной переписки трех лиц, непосредственных участников породившего эту переписку события» (История русской литературы. Т. 1. С. 295–296).

188

Молвить бо иже… ложь есть. – Ср.: 1 Иоан. 4, 20.

189

… *«Аще не отпустите… ни вам отпустить Отець ваш Небесный».* – Ср.: Мф. 6, 15.

190

… *«Не ревнуй лукавнующим… творящим безаконье»*. – Пс. 36, 1.

191

«Что есть добро… жити братья вкупѣ!» – Ср.: Пс. 132, 1.

192

…то бо были рати при умных дѣдѣх наших, при добрых и при блаженых отцихъ наших. – Обращения к патриотическому примеру предков князей постоянны в летописи, где они вкладываются в уста князей и горожан. Например, в 1097 г. Мономах, узнав об ослеплении Василька Теребовльского, говорит: «Сего не бывало есть в Русьскѣй земьли ни при дѣдѣх наших, ни при отцихъ наших, сякого зла». В том же году киевляне обращались к Владимиру: «Молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити Русьскыѣ земли. Аще бо възмете рать межю собою, погани имуть радоватися, и возмуть землю нашю, иже бѣша стяжали отци ваши и дѣди ваши трудом великим и храбрьствомь, поборающе по Русьскѣй земли, ины земли приискываху, а вы хочете погубити землю Русьскую». Услышав об этом, Мономах «расплакавъся и рече: “Поистинѣ отци наши и дѣди наши сблюли землю Русьскую, а мы хочем погубити”».

193

…сынъ мой, его же еси хрстилъ… – Мономах говорит здесь про своего старшего сына Мстислава, которого крестил Олег Святославич.

194

…иже то сѣдить близь тобе… – После того как 6 сентября 1096 г. Олег Святославич победил Изяслава (в битве Изяслав был убит) и «перея всю землю Муромску и Ростовьску», Мстислав Владимирович двинулся на него из Новгорода, выгнал его в Муромо-Рязанскую землю из Суздаля «и сѣдя ту, посылаше к Олгови, мира прося». Очевидно, Мстислав сидел в Суздале между Рождеством и Великим постом.

195

«А вѣ ему не будевѣ местника»… – *Местник* – одна из сторон в судебном процессе (слово это связано с корнем «месть»), но не «местный житель», как пытались переводить некоторые исследователи.

196

«…а Русьскы земли не погубим»… – Забота о русской земле в целом, выраженная Мстиславом как здесь, так и в других случаях, сближает его с его отцом Мономахом. Призыв «не погубить земли Русской» не раз раздавался в устах Мономаха (ср., напр., под 1097 г.).

197

«…онъ въ уности своей»… – Мстислав родился в 1076 г., следовательно, во второй половине 1096 г. ему исполнился 21 год.

198

Егда же убиша дѣтя мое и твое… – По-видимому, сын Мономаха Изяслав, убитый в битве с Олегом в 1096 г., был, так же как и Мстислав, крестным сыном Олега. Отсюда слова: «дѣтя мое и твое».

199

.отцю и матери слезы… – Под отцом Мономах разумеет себя, под матерью же – свою первую жену Гиту Харальдовну – мать Изяслава.

… *«Азъ знаю, грѣх мой… воину»*. – Ср.: Пс. 50, 5.

201

…а сноху мою послати ко мнѣ…– Кто была сноха Мономаха – вдова его сына Изяслава, – неизвестно.

202

…да бых обушмъ оплакалъ мужа ея и оны сватбы ею, въ пѣсний мѣсто: не видѣхъ бо ею первѣе радости, ни венчанья ею… – Отсюда следует, что свадьба Изяслава была незадолго до его гибели. Мономах не смог на ней присутствовать, так как, очевидно, был со Святополком в это время в походе на Олега Святославича.

203

…да с нею кончавъ слезы, посажю на мѣстѣ, и сядет акы горлица на сусѣ древѣ желѣючи, а язъ утѣшюся о Бозѣ.– Здесь Мономах, несомненно, пользуется образом народной поэзии. Ср. в Плаче:

Коковать буду, горюша, под околенкой,
Как несчастная кокошка во сыром бору,
На подсушной сижу да деревиночке,
Я на горькой сижу да на осиночке.

204

…а Ростова бы не заималъ… – Ростов был волостью Мономаха. Он отдал его Изяславу. Следовательно, Олег не имел права требовать Ростов себе.

205

…отсюда ся быхом уладили. – «Отсюда», т. е. из Переяславля-Южного.

206

Дивно ли, оже мужь умерлъ в полку ти? – Ср. выше в письме Мстислава Владимировича к Олегу под 1096 г.: «Аще и брата моего убилъ еси, то есть недивьно, в ратех бо и цари и мужи погыбають». Ту же воинскую мудрость высказывает Даниил Галицкий, ободряя упавших духом поляков: «Почто ужасываетеся? Не вѣсте ли, яко безъ падшихъ мертвых не бываеть? Не вѣсте ли, яко на мужи на ратныѣ нашли есте, а не на жены? Аще мужь убьенъ есть на рати, то кое чюдо есть? Инии же и дома умирають без славы, си же со славою умроша; укрѣпите сердца ваша и подвигните оружье свое на ратнѣѣ» (Ипатьевская летопись под 1254 г.). В словах Мономаха сказывается, следовательно, излюбленная мысль всех древнерусских воинов, их презрение к смерти.

207

…и наю сердце… – «Наю» – двойственное число, иными словами – сердце отца и матери Изяслава: Мономаха и его жены.

208

…Не хотѣхъ бо крови твоея видѣти у Стародуба… – В 1096 г., когда Святополк и Владимир осаждали Олега Святославича в Стародубе. После тридцатитрехдневной осады Святополк и Владимир отпустили Олега.

209

…сынъ твой хрестьный с малым братомъ своимь… – Мстислав Владимирович со своим младшим братом Юрием Владимировичем (Долгоруким).

210

…*хлѣбъ Ѣдучи дѣдень*… – феодальный термин, означающий: «сидеть в своем родовом уделе»; в данном случае – Ростово-Суздальская область, родовой удел Мстислава.

211

…*а ты сѣдиши в своемъ*… – в уделе Муромо-Рязанском.

212

…*обличаюся. И прочее.* – Далее в Лаврентьевской летописи следует молитвенный текст, который до недавнего времени ошибочно приписывался Мономаху.

213

Слово *рез* того же корня, что и *резана* (монета в 1/50 гривны). Резами в Древней Руси называли проценты от денег, дававшихся в рост (росты). Высота резов была велика, и алчность резоимцев-ростовщиков нередко приводила к восстаниям. «В Киеве в начале XII в. при корыстолюбивом Святополке, который продавал по высокой цене от себя хлеб и соль, не соображались с древними постановлениями о процентах. Вследствие этого первым делом Владимира Мономаха по вступлении на киевский престол было – ограничить произвольные росты» (*Аристов Н.* Промышленность Древней Руси. СПб., 1866).

214

Все дошедшие до нас тексты Русской Правды находятся в составе каких-либо сборников или летописей XIII–XVIII вв. и подразделяются на три основных памятника: 1) Краткую; 2) Пространную и 3) Сокращенную Правду. Списков Пространной Правды (включающей Устав Владимира Мономаха) сохранилось более 100. Она в 4–5 раз длиннее Краткой Правды и содержит намного больше статей.

215

Биографические справки обо всех исследователях, упомянутых в разделе «Устав Владимира Мономаха» настоящего издания, собраны в Именном указателе.

216

Берестово – княжеское село под Киевом (известно с X в.), летняя резиденция и усыпальница киевских князей [70; т. 1, с. 80, 130, 155, 182, 231–232].

217

Тысячьский (тысяцкий) – должностное лицо княжеской администрации в городах Киевской Руси. Первое упоминание в летописях о тысяцких относится к 1089 году, когда в «кыевскыя тысяща» воеводство держал Ян Вышатич. Первоначально Тысяцкий – военный начальник городского ополчения («тысячи»), которому подчинялись десять сотских. В дальнейшем вместе с военным командованием в руках тысяцких концентрируется руководство отдельными отраслями городского управления – городской суд, административный контроль над торговлей. Должность тысяцкого зачастую десятилетиями оставалась в руках наиболее влиятельного боярского рода и передавалась по наследству.

Исто – основная сумма долга ростовщику.

219

Лето – год.

Ратибор – переяславский посадник; ближний боярин Всеволода Ярославича. Когда последний сделался великим князем киевским (1078), Ратибор был тысяцким в Киеве. После неудачного похода Романа Святославича против Всеволода Ярославича и заточения брата Романова, Олега, Всеволод Ярославич послал Ратибора посадником в Тмутаракань (1079), но через год Ратибор был изгнан оттуда. После смерти Всеволода Ратибор переехал к сыну его, Владимиру Мономаху, в Переяславль, и сделался влиятельным его советником. Принимал участие в убийстве половецких послов – ханов Итлара и Китана (1095). Деятельное участие принимал Ратибор в Витичевском съезде князей (1100): он был в числе мужей, передавших Давиду Игоревичу решения съезда. Когда Владимир Мономах занял великокняжеский стол (1113), Ратибор сделался снова тысяцким в Киеве и принимал участие в принятии Устава о резах.

Т. е. составляющих треть общей суммы чего-либо.

Если считать по 25 кун в гривне; если же по 50 кун, то 20 %.

223

Здесь и далее через «А, №» обозначается соотв. статья Краткой редакции Русской Правды, содержащейся в т. н. Академическом списке «Новгородской Первой летописи младшего извода» (создан ок. 1445–1447 гг.). Академический список. Рукопись в четверть листа, сохранился 241 лист, 55 листов из разных мест утеряно к 1783 г. (включая 8 листов в начале летописи). По водяным знакам датируется 1445–1447 гг. Сохранившийся текст обрывается на 1441 г., но изложение, по указанию Татищева, завершалось на 1444 г. (см., напр. [71])

Соответствующее (*лат.*).

Ср.: «рало» (соха, плуг), «орати» (пахать).

226

Обель (обѣль) – др. – рус.: полностью, целиком [закрепощенный].

227

«Ми тех земель не осваивати, ни продати, ни менити, ни в закуп не дати» [12; № 13, 1508 г., с. 25]; «земли своей ни продать, ни променить, ни в закупи не поставити, ни в приданные не дати, ни по душе не дать» [12; № 417, духовная 1518 г., с. 447]; впрочем, в примечании 23, с. 52, Мейер цитирует Дополнения к Актам историческим, т. II, № 56 [32], где, по его мнению, «закуп отличается от залога; там сказано: “и та ныне вотчина… и ни у кого в закупе и в закладе нет”».

Т. е. пахотном (ср. *укр.*: рілля – пашня). *(Примеч. ред.)*

229

То же значение имели закупы по Литовскому Статуту, см. разд. XI, ст. 7, 8. *(Примеч. Лешкова)*

230

Присевком называли полосу [пахотн. земли] дворового на барской земле (*Даль*).

231

Копа (от *чеш.* kopa – куча) – ед. счета = 60. «Полкопы» означало 30 единиц (штук) чего-либо (жита, ячменю, грошей и т. п.).

Изорники – в Древней Руси мелкие арендаторы земли, уплачивавшие часть урожая в виде оброка землевладельцу.

233

Покрута, покрут – в Псковско-Новгородских землях XIV–XV вв. ссуда на обзаведение хозяйством; она состояла из денег, скота, орудий, зерна. Должник рассчитывался частью урожая (до ½) или работой, которые тоже начинали именоваться покрутой (покрутом). Таким образом, в более общем (отвлеченном) виде покрута означает возмещение, уплату, отдачу, отработку [взятого] – разумеется, с излишком. *(Примеч. ред.)*

234

Заклич – начальный этап судебного процесса в Древней Руси, при котором в людном месте, «на торгу», во всеуслышание объявлялось о совершившемся преступлении (пропаже вещи).

Т. е. против продажи в рабство.

Отарица – имущество, собственность (участок земли).

237

Ср. с. 393: закон 1624 г. «наглядно обозначает юридическое расстояние, на какое задворный холоп обогнал своих юридических и экономических предков, холопов и закупов времен Русской Правды».

Имеется в виду, по-видимому, «Правосудие Митрополичье».

239

Новый этап в изучении Русской Правды связан с разысканиями Н. М. Карамзина. В Софийской I летописи он обнаружил особый список Пространной Правды, получивший позднее название Карамзинского. Он нашел древнейший (Синодальный) список конца XIII в. и ввел в научный оборот т. н. «Мусин-Пушкинский список».

240

Равно как по действующим Остзейским законам, III, ст. 4200, 4203 и 4025. (*Здесь и далее до конца абзаца прим. Дебольского.*)

От слова «рез» (рост, процент; см. выше).

242

Контроверза – разногласие, расхождение во мнении, суждении; полемика, дискуссия по спорному вопросу.

243

Закладная (*лат.*).

244

Ultima ratio (от *лат.* ultimus – «последний», «крайний», и ratio – «разум», «метод») традиционно переводится на русский язык как «последний довод». Обозначает последний способ решения проблемы, последнее средство при конфликте интересов, когда все использованные не подействовали.

245

Если (должник) не имеет (чем заплатить), сам ввергает себя в рабство и выплачивает, кому повинен, помесячно или погодно, сколько сможет заработать, пока не выплатит весь долг (*лат.*).

Эвентуальный (от *англ.* evéntual – возможный) – возможный (допустимый) при определенных обстоятельствах.

247

В передаче из вторых рук: *Maurer K.* Die Schuldknechtschaft nach altnordischen Recht. Sitzungsberichte der philosopisch-philologischen und historischen Klasse der K. b. Akademie der Wissenschaften zu München, IV, 1 Jahrg., 1874; *Amira K.* Nordgermanisches Obligationrecht, т. I. Altschwedisches Obligationenrecht. Лейпциг, 1882. С. 125 сл.; и т. II. Westnordisches Obligationenrecht. Лейпциг, 1895. 1, с. 154 сл.

Т. е. захватить пленных.

Закуп – смерд, находящийся в феодальной зависимости от господина за ссуду. *Обель* – полный холоп.

Роботят – превращают в холопа.

Дати правду – дать суд.

Койминец – безземельный вольный крестьянин, сосед магната, проживающий на его землях на определенных условиях (*Топоров В.* Прусский язык: Словарь. М., 1975. Т. 3. С. 149–151); крестьянин, живший не при дворе вотчинника, а отдельным домом (*Лаучюте Ю.* Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982. С. 94).

253

Златоструй – древнейшая «книга» древней Болгарии, содержащая в себе (в наиболее полной редакции) 136 статей, выбранных из творений Иоанна Златоуста. Составлена при царе Симеоне I в IX в.

В разных списках Русской Правде значится разная сумма. *(Примеч. ред.)*

255

Смысл; смысл существования; разумное основание существования (*фр.*).

256

Пекулий (*лат.* peculium – собственность, имущество, от pecus – скот) – в Древнем Риме часть имущества господина (участок земли, сумма денег, корабль, торговое заведение), которая предоставлялась рабу для ведения хозяйства; юридически считалась собственностью домохозяина.

Ср. в укр. языке: в’язень – заключенный, узник.

Позовник – судебный пристав, ездивший с позовницей, т. е. судебной повесткой о явке в суд; он же посылался вместе с истцом для ареста ответчика. В Новгородской судной грамоте 1471 г. под позовником подразумевается истец, которого ответчик задерживает у себя силой, чтобы лишить его возможности вести иск.

259

Не является ли титулование Ярослава «великим князем» дополнением позднейшего переписчика? Ипатьевская летопись опускает эпитет «великий». Зато Ипатьевская летопись называет Владимира Мономаха «великим князем всея Руси». Этот титул «всея Руси» – уже явная вставка переписчика. Так стали титуловаться великие князья только в XIV в.

Про́логи (*греч.* πρόλογος, славяно-русский церковно-учительный сборник, свод сокращенных житий святых, поучений и пр., расположенных по дням года. – *Ред.*) относят кончину Ярослава к 20 февраля. Действительно, весь последующий текст завещания приводится в настолько общих выражениях, что нет оснований предполагать в руках у летописца какие-либо письменные материалы, например копию с завещания. Летописец передал лишь самое общее содержание «ряда» Ярослава. Исследователи давно обратили внимание на связь статьи 1054 г. с летописной статьей 1073 г., где рассказывается о распре между сыновьями Ярослава. Летописец дважды ссылается в описании вражды Ярославичей на нарушение заповеди Ярослава. Возможно, заповедь Ярослава помещена под 1054 г. в назидательных целях, чем, впрочем, не подвергается сомнению правдивость передачи летописцем наставлений Ярослава.

261

В оригинале: «И еще бо живущю ему (Ярославу), наряди сыны своя, рекъ имъ». Из слов «рекъ имъ» явствует, что Ярослав дал свой ряд (наставление. – *Ред.*) сыновьям не в письменном виде, а в устном.

В этих словах Ярослава – попытка сохранить начало старейшинства при наличии раздела владений между членами княжеской семьи. Эта попытка опиралась не только на начала семейного согласия и семейного послушания, но подкреплялась и тем, что в руки старшего сына отдавался киевский стол, признанный центр Русской земли.

263

А. А. Шахматов считает, что пропуск слов «а Игорю Володимеръ» в основных списках «Повести временных лет» не случаен: «Скорее всего, он сделан в угоду политике Святополка, удержавшего Владимир для себя, посадившего в нем сына Ярослава и опасавшегося притязаний на Владимир со стороны Давыда Игоревича; последние основывались, конечно, на завещании Ярослава». Напомним, что со Святополком Изяславичем связывается А. А. Шахматовым составление первой редакции «Повести временных лет».

Такое чтение [т. е. пропуск] – в Лаврентьевской, Радзивиловской и в Новгородской Первой летописях. Однако в Ипатьевской летописи и Хлебниковском списке пропуск места, где сидел Изяслав, восполнен: «Изяславу, тогда в ТуровЬ князящю». Иное чтение находим в поздних новгородских летописях: «Изяславу, сущю тогда въ НовЬгородЬ».

265

Первая неделя Великого поста называлась Федоровой. Ипатьевская летопись и Комиссионный список Новгородской Первой летописи уточняют дату смерти Ярослава: Ипатьевская – 20 февраля, Комиссионный – месяца февраля.

266

Перевезение покойного на санях – часть древнерусского погребального обычая. На санях хоронили Владимира Святославича (1015), Бориса и Глеба (1015), Святополка-Михаила (1113) и многих других князей.

267

Мраморный саркофаг, в котором похоронили Ярослава, до сих пор стоит в Софии Киевской.

В летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х гг. XV в., к этому известию добавлено: «и посади Остромира в НовѢгородѢ. И иде Остромиръ с новгородци на чюдь. И убиша и чюдь, и много паде с нимъ новогородцевъ. И пакы Изяславъ иде на чюдь и взя Осекъ Кедипивъ, сирѢчь Слънца Рука». Однако из записи в Остромировом Евангелии 1057 г. видно, что посадник Остромир был еще жив в 6564–6565 [1056–1057] гг. Из этого следует, что известие летописи первоначально не было точно определено хронологически. Отнесение его к 1054 (6563) г. – позднейшее и ошибочное. 3 Также, возможно, хронологически неточны и другие известия, восходящие к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в. Упоминаемый в этом известии город «Слънца Рука» находился в области эстонской чуди. В той же группе летописей читается под тем же годом и следующее известие: «Того же лѢта клевета бысть на архиепископа Луку отъ своего холопа Дудики. И изыде из Новагорода, и иде къ Киеву, и осуди ѝ митрополитъ Ефремъ, и пребысть тамо 3 лѢта» (Софийская Первая летопись). Известие это продолжено под 1058 г.: «Того же лѢта архиепископъ Лука прия престолъ свой въ НовѢгородѢ и свою власть. Дудици же холопу устнь и носъ срѢзаша и обѢ руцѢ усѣкоша». (Там же; в Новгородской Четвертой летописи затем следует текст поучения Луки Жидяты «к братии»). Любопытная прибавка к имени противника епископа Луки Дудики читается в Никоновской летописи под 6563 и 6565 гг.: «И осуди его (Луку Жидяту. – *Д. Л.*) митрополитъ ЕфрѢмъ по Дудикинымъ рѣчемъ и злыхъ его друговъ Демьяна и Козмы клеветамъ» и ниже: «Холопу же ДудѢкѢ оскомины быша: урѢзаша ему носа и обѢ руцѢ отсѣкоша, и побѢжа въ нѢмцы; сице же и его лукавымъ совѢтникомъ, КозмѢ и Дамиану, достойное воздаша по злодѣанию ихъ». Известие Никоновской летописи восходит к новгородским летописям и, возможно, древнее. Козьма и Дамиана – святые, покровители ремесленников. Не шла ли здесь первоначально речь о людях прихода Козьмы и Демьяна? В таком случае добавление Никоновской летописи свидетельствует о каком-то факте социального движения ремесленников против епископа. Оно было использовано митрополитом-греком, поскольку было направлено против русского епископа. Под тем же 1054 г., после известия о похоронах Святослава (Ярослава? – *Ред.*), в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., читается дополнительно: «И по семъ разделиша Смоленскъ на три части» (Софийская Первая летопись и др.). В

Тверской летописи и некоторых других это известие читается под 1060 г.

269

Воинь – пограничный со Степью город южнее Переяславля-Русского. (Этот южный аванпост Переяславщины находился на правом берегу р. Сулы близ ее впадения в Днепр. В настоящее время место, где стоял город, а позже находилось село Воинская Гребля, затоплено водами Кременчугского водохранилища. Современное название Переяславля-Русского – Переяслав-Хмельницкий. – *Ред.*)

Половцы – народ тюркского происхождения. Известны также под именем «половцев» и «команов» в Византии, «кунов» – в Венгрии, «кипчаков» – в Грузии. Появившись в южнорусских степях, они очень быстро покорили себе печенегов и остатки торков (см. ниже) и сделались полными хозяевами всей степи от Яика и до Дуная. Уже в XI в. мусульманские писатели называют весь этот район «Дешт-и-кипчак», т. е. Кипчакской (половецкой) степью.

271

Голядь – неизвестный народ, обитавший около Смоленска. Ср. в Ипатьевской летописи под 1147 г.: «…а ко Святославу присла Юрьи, повелѣ ему Смоленскую волость воевати; и шедъ Святославъ и взя люди голядь, верхъ Поротве». (В настоящее время, общепризнано, что *голядь*, или *восточные галинды*, – балтоязычное племя, впервые упомянутое Птолемеем в 150 г. н. э. среди других прибалтийских племен. Вследствие миграций и ассимиляции это племя «растворилось» на обширной территории вплоть до Пиренейского полуострова. К XII в. остатки голяди обитали в верховьях реки Протвы на территории современной Московской, Смоленской и Калужской областей, между землями вятичей и кривичей. К концу этого столетия были ассимилированы вятичами. – *Ред.*)

В летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х гг. XV в., здесь читается дополнительно следующее известие: «Преставися архиепископъ Лука (Жидята. – *Д. Л.*), идя ис Киева, на Копысѣ, мѣсяца октября 15. Того же мѣсяца преданъ бысть гробу своимъ крилосомъ, бывшу ему епископомъ лѣтъ 23» (см. Софийскую Первую летопись и др.). По поводу этого последнего замечания: «бывшу ему епископомъ лѣтъ 23» составитель Тверского сборника пишет: «Се же считаетъ выкладъ лѣта, которые Лука на столѣ былъ, а тѣхъ не считаетъ, что былъ Лука три лѣта въ Киевѣ, оклеветанъ; а всѣхъ лѣтъ его, отъ поставления до смерти 27; то есть Жирята (вернее – Жидята, Жидислав; по своему русскому, нехристианскому имени. – *Д. Л.*). А отъ Акыма (первого новгородского епископа, предшественника Луки Жидяты. – *Д. Л.*) 3 лѣта владыки не было въ НовѢгородѣ». В Софийской Первой и Новгородской Первой летописях младшего извода под тем же годом сообщается о походе Изяслава на Сосол: «Того же лѣта ходи Изяславъ на Ссолы и дань даяти заповѣда 2000 гривенъ. Они же поручьшися и изгнаша данникы. На весну же пришедше, повоеваша села въ Юрьевѣ и градъ и хоромы пожьгоша и много зла створиша и до Пьскова доидоша, воююще. И идоша псковичи противу имъ и новгородци на сѢчю. И паде Руси 1000, а Ссолъ бес числа» (Софийская Первая летопись). *Сосолы* – народ, живший на запад от Чудского озера, южнее Юрьева. В перечне русских князей, читающемся в Новгородской Первой летописи младшего извода под 989 г., сказано, между прочим: «Изяславъ посади сына своего Мьстислава (в Новгороде)». Очевидно, что это событие, сведений о котором в других местах летописей нет, произошло после этого 1060 г., когда Изяслав был в Новгороде.

273

В летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х гг. XV в., под этим годом приводится следующее сведение: «Того же лѣта поставленъ бысть Новугороду архиепископъ Стефанъ» (Софийская Первая летопись и др.).

Это первая точная дата для светского события в «Повести временных лет». До 1061 г. в ней точно датированы только те события, которые имели отношение к церковной службе. С 1061 г. цепь точно датированных светских событий идет непрерывно, ясно указывая тем на современность летописного записывания событий. Весьма важно при этом отметить, что после первой точной даты 1061 г. следующие точные даты падают на события в Тмутаракани, а с 1067 г. возвращаются на Русь. По-видимому, обстоятельство это следует поставить в связь с деятельностью печерского монаха Никона, в 1062 г. отправившегося из Киева в Тмутаракань и в 1067 г. вернувшегося на Русь: в Никоне есть все основания видеть летописца.

275

Ипатьевская летопись дает несколько иную форму имени половецкого князя: «Сокал».

276

Тмутаракань – главный город русского Тмутараканского княжества, охватывавшего в X–XII вв. территорию Восточного Крыма и Таманского полуострова. Никоновская летопись и Тверской сборник уточняют это известие добавлением: «изъ Новагорода». С. М. Соловьев, следуя В. Н. Татищеву, считает, что Ростислав бежал с Волыни. М. С. Грушевский полагает, что Ростислав бежал из Червенских городов, где впоследствии получили надел его сыновья.

277

В Новгородской Четвертой летописи под этим годом читается дополнительно следующее известие, очевидно, псковского происхождения: «Князь Всеславъ Полоцкый былъ у Пскова ратью и перси билъ порокы».

Котопан – от среднегреческого слова ὁ κατεπάνω – глава, руководитель, вероятно, стратиг. Почему котопан отравляет Ростислава? В. В. Мавродин, исходя из точного смысла летописного текста, предполагает, что греки были обеспокоены экспансией Ростислава в сторону Кавказа и Тавриды. См.: Мавродин В. Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X–XIV вв. // Учен. зап. Ленингр. педагогического ин-та им. А. И. Герцена. 1938. Т. 11. С. 251. Ср. также: *Насонов А.* Тмуторокань в истории Восточной Европы в X в. // Ист. записки. 1940. № 6. С. 96–97.

Большинство исследователей считают, что убийство котопана было совершено корсунянами в отместку за отравление Ростислава и при этом тотчас же по возвращении котопана в Корсунь. В. В. Мавродин в своей работе «Славяно-русское население Нижнего Дона и Северного Кавказа в X–XIV вв.» (с. 252) предполагает, что котопан был убит корсунскими «купцами, заинтересованными в торговле с Тмутараканью». Иначе смотрит на это убийство А. Л. Якобсон, правильно указавший, что в летописном тексте нельзя видеть никаких признаков того, что котопан был убит немедленно по возвращении в Корсунь и именно за то, что отравил русского князя. Вся статья об убийстве Ростислава составлена Никоном, работавшим в пределах до 1073 г. Поэтому очевидно, что убийство котопана должно было произойти раньше

280

В Синодальном списке Новгородской Первой летописи читаем под 6574 [1066] г.: «Приде Всѣславъ и възя Новъгородъ, съ женами и съ дѣтми; и колоколы съима у святыя Софие, – о, велика бяше бѣда въ час тый! и понекадила съима». В летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в. […] дана, впрочем, и новая деталь о том, что Новгород был взят только до Неревского конца: «Въ лѣто 6575 (поправка по «Повести временных лет». – *Д. Л.*) заратися (пошел ратью. – *Ред.*) Всеславъ, сынъ Брячиславль, Полотескый и зая Новъгородъ до Неревьскаго конца и пожже и пойма все у святѣй Софии: и паникадила, и колоколы и отиде» (Софийская Первая летопись). По-видимому, именно о поражении новгородцев говорит перечень русских князей, читающийся в Новгородской Первой летописи младшего извода под 989 г. вслед за статьей о крещении Новгорода: «Изяславъ посади сына своего Мстислава (в Новгороде. – *Д. Л.*), и побѣдиша и на Черехи (река около Пскова. – *Д. Л.*); бѣжа къ Кыеву и, по взятьи города, преста рать». Перечень этот содержит и другие древние исторические сведения, нигде в летописях более не встречающиеся. Через два года Мстислав был уже в Киеве.

281

Немига – название реки; древний Минск был расположен на небольшой возвышенности на правом берегу реки Свислочи, ниже впадения в нее реки Немиги.

282

«Слово о полку Игореве» так описывает битву на Немиге: «На Немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ чепи харалужными, на тоцѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла. Немизѣ кровави брезѣ не бологомъ бяхуть посѣяни, посѣяни костьми рускихъ сыновъ». Бессмысленность междоусобной битвы подчеркнута здесь противопоставлением ее мирному труду.

283

В летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х гг. XV в., под этим годом дополнительно читается следующее известие: «И иде владыка Стефанъ въ Киевъ и тамо свои холопи удавиша его» (см. Софийскую Первую летопись и др.). Речь идет о новгородском епископе Стефане – преемнике Луки Жидяты.

Очевидно, что Изяслав отказался вооружить киевлян, опасаясь, что оружие будет обращено против него самого.

285

Не ясно, почему киевляне были недовольны воеводой Коснячком. Коснячко упомянут в заголовке «Правды Ярославичей» как один из ее установителей.

Брячислава Изяславича Полоцкого.

287

Сени княжеского двора представляли собой крытую галерею второго этажа, опиравшуюся на столбы. Сени были достаточно просторны, на них часто происходили пиры и совещания.

Сновск (ныне Седнев) – город в Черниговском княжестве при впадении реки Снов в Десну. Старейший центр Северской земли.

289

Имеется в виду Белгород-Киевский – резиденция великих князей Киевских, находившаяся примерно в десяти верстах западнее Киева на р. Ирпень. – *Ред.*

290

В Синодальном списке Новгородской Первой летописи под этим годом после известия о бегстве Всеслава к Полоцку читается следующее сообщение, отсутствующее в «Повести временных лет»: «Въ то же лѣто, осень, мѣсяца октября въ 23, на святого Якова, брата Господня, въ пятничи, въ чяс 6 дни, опять приде Все… (окончание слова на нижнем углу листа оторвано. – *Д. Л.*) къ Новугороду; новгородци же поставиша пълъкъ противу ихъ, у Звѣринця, на Къземли; и пособи Богъ Глѣбу князю съ новгородци. О, велика бяше сѣця вожяномъ (т. е. племени водь. – *Ред.*)! И паде ихъ бещисльное число; а самого князя отпустишя Бога дѣля; а на заутрие обрѣтеся крѣст честный Володимирь у святѣй Софие Новѣгородѣ, при епископѣ Федоре». […] Заметим, что 23 октября в 1069 (мартовском) году действительно падало на пятницу.

291

По поводу этой угрозы В. В. Мавродин пишет: «Кто же собирался выселиться в Греческую землю? Смерды, ремесленники, холопы? Конечно, нет. Такая угроза могла исходить только от тех, кто с Греческой землей был связан, и связан крепко, материально, кто боялся потерять эту связь из-за неумелой политики Изяслава и неудачной его борьбы с отрезающими торговые пути в Византию половцами, а таковыми были купцы-гречники (так назывались купцы, торговавшие с Грецией. – *Д. Л.*)». (*Мавродин В.* Очерки истории Левобережной Украины. Л., 1940. С. 170–171.)

Эти резкие укоризненные слова печерского летописца должны быть сопоставлены с его сочувствием (под 1068 г.) освобождению Всеслава восставшими. Очевидно, что печерский летописец был в данном случае на стороне «кыян», расправу с которыми он так строго осудил. Вот почему вслед за возвращением Изяслава из Польши последовала его расправа и с Антонием Печерским: «В си же времена приключися прити Изяславу из ляхов, и нача гнѣватися Изяславъ на Антонья изъ Всеслава. И прославъ, в ночь поя Антонья Чернигову» (под 1074 г.; самые события относятся, однако, к более раннему времени). Новые серьезные разногласия Печерского монастыря с киевским князем произошли в 1073 г. при Святославе.

По-видимому, Изяслав, боясь народных возмущений, начинавшихся обычно на торгу, перевел последний на гору – в город, где можно было легче контролировать его.

294

Речь идет о Выдубицком монастыре. Церковь Михаила Архангела освящена была в 1088 г.

295

Ростовец и *Неятин* – города к юго-западу от Киева. (Вероятнее всего, ныне – остатки двух городищ возле с. Ягнятин на р. Раставице в Житомирской обл.; см. Брокгауз – Ефрон.)

Голотическ – город в Полоцком княжестве. («Возм., ныне это литовск. городок Охита на р. Неман». Славянская энциклопедия. Киевская Русь-Московия. В 2 т. М., 2001. Т. 1: А – М. С. 299.– *Ред.*)

297

Откуда были перенесены останки Бориса и Глеба? Ответ на это дает Синодальный список Новгородской Первой летописи: «Пѣренесена быста Бориса и Глѣба съ Льта Вышегороду». Впрочем, позднее были убеждены, что переносили тела Бориса и Глеба из одной церкви в другую в самом Вышгороде. Так понимает дело Никоновская летопись, замечающая: «и принесоша мощи святыхъ мученикъ изъ Вышегорода».

М. Н. Тихомиров считает, что «церковное торжество могло быть связано с разрешением чисто политических вопросов» и что на этом совещании в Вышгороде была установлена Правда Ярославичей (*Тихомиров М.* Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941. С. 64–65).

299

Об этом походе, предпринятом Мономахом несомненно с целью отвлечь поляков от союза с Изяславом, так говорит сам Мономах в своем «Поучении»: «Та посла мя Святославъ в Ляхы: ходивъ за Глоговы до Чешскаго лѣса, ходивъ в земли ихъ 4 мѣсяци» (см. выше). О походе Владимира Мономаха и Олега Святославича В. Н. Татищев на основании неясных источников сообщает дополнительные сведения: князь чешский Вратислав согласился на мир с Болеславом Смелым, выдав ему 1000 гривен серебра. Болеслав Смелый предложил Мономаху и Олегу вернуться, однако русские князья оставались в Чехии до тех пор, пока Вратислав не выдал и им по 1000 гривен серебра и богатые дары (Татищев В. История российская с самых древнейших времен. СПб., 1773. Кн. 2. С. 130).

300

В Синодальном списке Новгородской Первой летописи и в летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х гг. XV в., под этим годом читается следующее известие: «Прѣставися Феодоръ, архиепископъ Новгородскый» (Синодальный список, Софийская Первая летопись и др.). В Тверском сборнике добавлено: «уядень отъ своего пса, бывъ на архиепископии 9 лѣть».

301

Город Волынь находился при впадении р. Гучвы в Западный Буг. (В настоящее время на этом месте находится село Грудек-над-Бугем Хрубешувской гмины Хрубешувского повята Люблинского воеводства Польши. – *Ред.*)

302

В летописях, восходящих к Новгородско-Софийскому своду 30-х годов XV в., под этим годом дополнительно читается следующее известие: «Поставленъ бысть архиепископомъ Новугороду Германъ» (см. Софийская Первая летопись и др.).

303

В новгородских летописях известие это читается в более подробной форме под 1079 г.: «Того же лѣта убиенъ бысть Глѣбъ Святославичъ в Заволочии, майя 30» (Софийская Первая летопись, Новгородская Первая). Та же дата смерти Глеба – в Киево-Печерском патерике (с. 126). Весьма важные сведения о гибели Глеба сообщает перечень русских князей, читающийся в Новгородской Первой летописи младшего извода под 989 г.: «…и выгнаша из города (Глеба. – *Д. Л.*), и бѣжа за Волокъ, и убиша чюдь».

Сожица – приток Сулы, по-видимому, современная речка Оржица в Полтавской обл. Украины.

То есть русских воинов, а не Русь.

306

Река у Чернигова.

307

Синодальный список Новгородской Первой летописи говорит, что битва была «у Чьрнигова». Следовательно, село на Нежатиной Ниве – у Чернигова.

Городец – город к северо-западу от Переяславля-Русского. (К северо-западу от Переяславля-Русского, при впадении реки Остёр в Десну, находился в соответствующее вермя Городец-Остёрский. Однако, по данным летописи, он был заложен Владимиром Мономахом в 1098 г. Возможно, имеется в виду крепость Городец-Песочный, которая находилась на левом берегу Днепра в пределах современного Киева и охраняла перевоз через Днепр на пути в Чернигов и Суздаль. Разрушена во время нашествия Батыя. – *Ред.*)

Туров – город на Припяти, ниже впадения в нее реки Горыни.

310

Известны находки вислых свинцовых печатей Ратибора на Днепре, на Крымском побережье и в районе Тмутаракани, указывающие на его энергичную административную деятельность (*Толстой И. И.* Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского // Русские древности в памятниках искусства. Вып. 4: Христианские древности Крыма, Кавказа и Киева. СПб., 1891. С. 172; *Репников Н. И.* О древностях Тмутаракани. С. 437). Однако в 1081 г. Ратибор схвачен в Тмутаракани Давыдом Игоревичем и Володарем Ростиславичем. Его позднейшая деятельность находит отражение в «Повести временных лет» под 1095 г. (он громит половцев) и под 1100 г. (он выполняет дипломатические поручения). В 1113 г. он участвует в составлении «Устава» Мономаха. Известен и его сын Ольбег Ратиборич (см. «Повесть временных лет» под 1095 г.).

311

Олешье – крайний перевалочный торговый пункт в устье Днепра перед выходом в Черное море.

312

Дорогобуж – город в Волынском княжестве в верховьях реки Горыни (правый приток Припяти).

313

Луцк – город (ныне в Волынской обл. Украины) на р. Стыри. О Луцке см.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 114.

314

Под 6594 (1086) годом в начале годовой статьи в Ипатьевской летописи помещено следующее известие: «Всеволодъ заложи церковь Святого Андрѣя, при Иванѣ преподобномъ митрополитѣ; створи у церкви тоя манастырь, в нем же постриженся дщи его дѣвою, именемъ Янъка. Сия же Янъка, совокупивши черноризици многи, пребываше с ними по манастырьскому чину». На это известие в Лаврентьевской летописи под 1089 г. делается ссылка: «Янъка… реченая преже». Где находился в Киеве этот монастырь, выстроенный Всеволодом для своей дочери Анны, неизвестно. В конце годовой статьи в Ипатьевской летописи читается следующее дополнительное известие, восходящее к третьей редакции «Повести временных лет»: «В се же лѣто ходи Всеволод къ Перемышлю». Под Всеволодом здесь разумеется отец Владимира Мономаха Всеволод Ярославич.

315

Звенигородов было несколько: два в Галицкой области, у Киева, в Ростово-Суздальской земле. Здесь, очевидно, – Звенигород Червенский, южный, между устьями Серета и Збруча. Об этом см.: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 122.

Кем был подослан убийца, не совсем ясно – вероятно, Ростиславичами.

317

По-видимому, до Димитровского монастыря в Киеве, построенного отцом Ярополка Изяславом.

318

Пышная некрологическая статья о Ярополке Изяславиче и необыкновенное сочувствие ему печерского летописца отчасти объясняются тем, что Ярополк, его жена и дочь (умершая в 1158 г.) были крупными жертвователями в Печерский монастырь. О дочери его, пожертвовавшей в Печерский монастырь все «до повоя» (т. е. до головного платка), в Ипатьевской летописи под 1158 г. сказано, что она поступала так, «ревнующи (т. е. соревнуясь. – *Д. Л.*) отцю своему Ярополку: сий бо Ярополкъ вда (в Печерский монастырь. – *Д. Л.*) всю жизнь свою (т. е. все свое имение. – *Д. Л.*), Небльскую волость, и Деревьскую, и Лучьскую, и около Киева».

319

В летописях, восходящих к ростовским сводам XV в., после этого известия читаем: «Въ НовѢгородѢ сѣде Давыдъ Святославич» (см. Тверскую летопись, Львовскую, Ермолинскую и др.). Однако это последнее известие находится в противоречии с более достоверными данными перечня русских князей, читаемого в Новгородской Первой летописи младшего извода под 989 г. Согласно этому перечню, в Новгороде в 1088 г. сел Мстислав Владимирович, княживший здесь пять лет и вновь вернувшийся на новгородское княжение в 1095 г.

320

В Лаврентьевской летописи Янка (Анна Всеволодовна) упоминается впервые, но в Ипатьевской летописи о ней говорилось под 1086 г. (см. выше). Слова «реченая преже» указывают на то, что Лаврентьевская летопись сократила текст статьи 1086 г., касавшийся Янки, читавшийся первоначально в «Повести временных лет».

321

Тверской сборник вносит в это известие поправку, приписывая закладку каменного города (т. е. крепостных стен) в Переяславле-Южном Всеволоду (в той же статье 6598 г., но несколько выше).

322

Запись эта совершенно точна. По данным астрономов, в 1091 г. было кольцеобразное затмение солнца 21 мая утром (2 дня час падал на раннее утро).

Кличане – загонщики, участники облавы, криком и шумом пугающие и выгоняющие зверей на охотников.

324

Здесь отмечено падение метеорита. Метеориты в Древней Руси обычно воспринимались как огненные змеи.

325

Друцк, или *Дрютеск* – город в верховьях реки Друти недалеко от Минска (*Тихомиров М. И.* Древнерусские города. С. 89).

326

Три города на границе с половецкой степью в княжестве Переяславском. Прилук упомянут в Ипатьевской летописи (в Лаврентьевской не упоминается). В. Н. Татищев называет вместо Прилука Устье (в том же районе) (см.: *Татищев В. Н.* История российская с самых древнейших времен. С. 144).

То есть по обеим сторонам Днепра.

328

Антипасхой называлось воскресенье, следующее за Пасхой.

329

О Торческе см. выше – примеч. к автобиогр. рассказу Вл. Мономаха «О путях и ловах». – *Ред.*

330

Продажа – денежный штраф за все преступления, кроме убийства, – впервые упоминаются в «Правде Ярославичей» ок. 1072 г. В Пространной Правде (возможно, уже при Мономахе) было введено 20-процентное ограничение со сбора продаж в пользу сборщика. Вот почему слово «попродать» встречается иногда в значении «разорить».

331

У Михаиловского Выдубицкого монастыря под Киевом.

332

Треполь – город в устье р. Стугны (притока Днепра), входивший в систему укрепленных городов по этой реке и оборонявший Киев с юга (*Андріяшев О.* Нарис історії колонізації Київської землі до кінця XV в. // Київ та його околиця в історії і пам'ятках. Київ, 1926. С. 45; *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 107).

333

Здесь – собрав и вооружив, мобилизовав. Ср.: *ополчить* – вооружить для войны (собрав полки). – *Ред.*

334

Утонувшего в реке Стугне Ростислава Всеволодовича поэтически вспоминает и автор «Слова о полку Игореве»: «Не тако ти, рече, рѣка Стугна; худу струю имѣя, пожръши чужи ручьи и стругы, рострена къ устью, уношу князю Ростиславу затвори. Днѣпръ темнѣ березѣ плачется мати Ростиславля по уноши князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою и древо с тугою къ земли прѣклонилось». Легенду о смерти Ростислава как Божией мести за убийство киево-печерского монаха Григория рассказывает Киево-Печерский патерик (с. 134–138). Ср. выше комментарий к словам: «ни права, ни крива не убивайте» в «Поучении» Мономаха.

335

Под этим годом в Никоновской летописи дополнительно читается следующее известие (в середине годовой статьи): «Епископъ Германъ умре. Того же лѣта иде владыка Германъ изъ Новагорода въ Киевъ и тамо преставися при Ефрѣмѣ митрополитѣ Киевскомъ и всеа Руси».

336

О Леоне (Льве) Диогене пишет Анна Комнина, дочь императора Алексея Комнина. По ее словам, Леон Диоген, сын императора Романа Диогена, был убит еще в 1073 г. Впоследствии явился самозванец, выдавший себя за Леона и предъявивший права на престол. Лжедиоген был заключен в Херсонесе, но бежал и вместе с половцами в 1095 г. напал на Византию. Когда Леон осаждал Адрианополь, его обманом схватили и ослепили. Этот рассказ Анны Комниной был давно подвергнут сомнению русскими историками. Дело в том, что Леон приходился зятем Владимиру Мономаху (см. под 1116 г.: «В се же лѣто иде Леонъ царевич, зять Володимеръ, на куръ Олексия-царя, и вдася городовъ ему Дунайскых неколко»). Вряд ли Мономах мог выдать свою дочь за самозванца (по другим предположениям, за Леоном была замужем сестра Мономаха; см.: *Васильевский В. Г.* Два письма императора Михаила VII Дуки // Труды. Вып. 1. СПб., 1909. Т. 2. С. 38–48). Сын Леона Диогена «Василько Маричич» упоминается в Ипатьевской летописи под 1136 г. См. краткую сводку данных о Леоне Диогеновиче: *Будовниц И. У.* Владимир Мономах и его военная доктрина // Ист. записки. М., 1947. Т. 22. С. 96–98.

В Ипатьевской летописи точнее: «на синици» (в Хлебниковском и Погодинском списках – «на сѣнници у Ратибора», т. е. на сеновале).

Юрьев – на реке Роси, основанный Ярославом. (В настоящее время – город Белая Церковь в Киевской области Украины. Свое первое имя получил по православному имени Ярослава Мудрого – Юрий. – *Ред.*)

Витичев холм – на реке Стугне (приток Днепра).

Засаковцы – жители местностей за г. Саковом на левом берегу Днепра. Как видно из текста летописи, засаковцы, вследствие нападений половцев, были переведены Святополком на правый берег Днепра. Однако еще в 1101 г. в Сакове проходили переговоры с половцами, т. е. город не был заброшен. Позднее на этом месте было с. Сальков (ныне в черте с. Процев Бориспольского р-на Киевской обл.). – *Ред.*

341

О Курске в верховьях Сейма см.: *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 96.

342

В Никоновской летописи сделано к этому месту характерное для правительственной идеологии XVI в. добавление: «или смердомъ нашимъ бояромъ». При крайней скудости текстов с упоминанием смердов и этот текст привлекался в нашей литературе для их характеристики, причем послужил опорой теории о двояком смысле этого социального термина – широком и узком. Якобы наряду с узким: смерд – это земледелец – существовало и широкое значение: смерды – это все люди, кроме духовенства и князей. Это последнее значение извлекалось из нашего текста посредством прямолинейного сопоставления междукняжеского диалога: приглашающая сторона звала Олега на переговоры перед лицом «епископов, игуменов, мужей отец наших и людей градских», а тот в своем ответе, упомянув церковников отдельно, остальных обозначил именем смердов. Это толкование упускало из виду, что в самом летописном рассказе этот ответ Олега был оценен как данный в припадке заносчивости («въепримъ смыслъ буй и словеса величава»): Олег попросту обозвал отцовских дружинников и киевских горожан унизительным для тех и других словом «смерды».

343

Стародуб – город около Чернигова. (В исторической литературе также Стародуб Се́верский. В настоящее время – город в Брянской области России, в приблиз. 150 км к северо-востоку от Чернигова. – *Ред.*)

Берестово – киевское подгородное село, принадлежавшее киевскому князю. (В настоящее время это территория Киево-Печерской Лавры. – *Ред.*)

345

Устье – урочище в Переяславском княжестве; вероятно, в устье р. Трубежа.

346

Заруб – город в Переяславской области на Днепре против устья р. Трубежа.

347

Половецкий князь Боняк упоминается в русских летописях с 1091 по 1167 г. – *Ред.* Некоторые подробности о судьбе захваченных в этом набеге русских полоняников читаются в Киево-Печерском патерике в Житии Евстратия Постника. Евстратий был пленен половцами именно в этот набег Боняка со многими другими и продан в Корсунь. «Не по мнозѣх же дьнех изомроша от глада и истаавшаа жаждею: овии по трех дьнехъ, инии же по четырех дьнех, инии же по седми дьнех, крѣпции же по 10 дьнех, скончашася вси гладом и жажею. БѢ же их числом 50: от манастырьскых работникь 30, от Киева 20». Речь здесь идет только о пленниках, проданных одному работорговцу в Корсунь (Киево-Печерский патерик. С. 106–107).

348

В Ипатьевской летописи это место читается так: «…и пожгоша манастырь Стефанечь, деревнѢ (т. е. деревянный), и Германечь». Что следует понимать под «Германечь», или «Германы», – деревню или монастырь, не ясно. Е. Е. Голубинский предполагает, что «Германечь» – это Спасо-Берестовский монастырь, названный так по имени своего игумена, упомянутого выше под 1072 г., Германа (*Голубинский Е. Е.* История Русской Церкви. Т. 1. 2-я пол. тома. С. 585–586). Возможно, что «манастырь Стефанечь» также назван по имени своего игумена: это монастырь на Клове (неподалеку от Печерского и Спасо-Берестовского), в котором игуменом был Стефан (бывший перед тем игуменом печерским). Отметим, кроме того, что слово «деревня» в южных памятниках встречается очень редко. Вряд ли оно означает «село» – скорее всего, «лес», «деревья», «деревянный дом» или др.

349

Сторо́жа – конный разведывательный авангард, высылавшийся во время похода для перехвата конных разъездов и пеших неприятельских разведчиков. – *Ред.*

350

Первая неделя Великого поста.

351

В Радзивиловской и Ипатьевской летописях нет «и с ростовци». Возможно, что в текст «Повести временных лет» Лаврентьевского списка это добавление было сделано в Ростове: прежде чем быть переписанным Лаврентием в 1377 г., текст «Повести временных лет» Лаврентьевской летописи неоднократно переписывался в XIII ст. в Ростове. Этого ростовского этапа своей истории не имела ни Ипатьевская летопись, ни Радзивиловская. Впрочем, добавление «и с ростовци» не противоречит истине, так как выше сказано: «Къ Мстиславу же собрашася дружина въ тъ день и в другый, новгородци, и ростовци, и бѣлозерци».

Спустя более ста лет, в битве на Липице 1216 г. новгородцы вспомнили о том, что они сражались в битве на Кулаческе пешими: «И рекоша новгородци: “Къняже! не хочемъ измерети на конихъ, нъ яко отчи наши билися на КулачьскѣЙ пѣши”». Перед нами важный показатель интенсивности исторического сознания народа, наличия устных исторических преданий.

Этими словами начинается обширное и связное историческое повествование, в центре которого – злополучная судьба Василька Ростиславича. Оно кончается с завершением летописной статьи 1097 г. По-видимому, оно представляло собой отдельное сказание и лишь вставлено летописцем в свой труд. Это видно из того, что оно искусственно приурочено к 1097 г., а на самом деле охватывает события нескольких лет (от осени 1097 г. до 30 августа 1100 г.). Автор этого сказания знал, что Давыд Игоревич умер в Дорогобуже, и считал, что Владимир-Волынский находится в руках Ярослава Святополковича (см. окончание статьи 1097 г.). Отсюда ясно, что сказание писано после 25 мая 1112 г. (время смерти Давыда Игоревича) и до 1118 г., когда Ярослав Святополкович бежал из Владимира-Волынского в Венгрию. Возможно, впрочем, что окончание сказания было отредактировано летописцем. В таком случае вышеприведенные датирующие указания должны относиться ко времени включения этого сказания в летопись. Последнее тем более вероятно, что все сказание носит печать злободневности. Автор сказания говорит о себе в первом лице. Это некто Василий, выполнявший дипломатические поручения и составивший свое сказание отчасти со слов самого Василька Ростиславича. Во всяком случае, никто, кроме самого Василька, не мог указать Василию с такой точностью обстоятельства ослепления и эпизод в пути с окровавленной сорочкой Василька. Василия обычно считают «попом». Прямых указаний на это мы в самой его повести не встретим. Дипломатические поручения могли выполняться не только священниками (ср., например, под 1151 г. в Ипатьевской летописи боярина Петра Бориславича, выполнявшего посольские обязанности). Нельзя не отметить также той независимой позиции, которую Василий занимал по отношению к Васильку: он дважды осудил его за жестокость («створи мщение на людех неповинных, и пролья кровь неповинну», а в другом случае: «се же второе мщенье створи, его же не бяша лѣпо створити»). Несмотря на это осуждение Василька, в целом Василий сочувствует Васильку и активно борется за его интересы. Цель повести – подчеркнуть правоту Василька Теребовльского и виновность его врагов. Это одна из первых «повестей о княжеских преступлениях», задача которых состояла в обличении той или иной из враждующих сторон в междукняжеских феодальных распрях XI–XIII вв. (ср.: *Лихачев Д. С.* Русские летописи и их культурно-историческое значение).

На Любечском съезде была сделана попытка восстановить единодушие в княжеской среде для борьбы с половцами: «Да нонѣ отселѣ имемся въ едино сердце, и блюдем Рускыѣ земли». На этом съезде вместе с тем, как пишет Б. Д. Греков, «уже совершенно четко было констатировано наличие нового политического строя. Было официально произнесено и признано съездом: “Кождо да держить отчину свою”. Съезд признал этот факт основой дальнейших политических междукняжеских отношений» (*Греков Б. Д.* Киевская Русь. С. 494). В отличие от завещания Ярослава (1054), в постановлениях Любечского съезда не упоминается о старейшинстве. Права обижаемого защищает не старший князь, а все князья вместе. Однако ни «завещанию» Ярослава, ни Любечскому съезду не удалось приостановить раздела Руси и восстановить ее единство. Лишь только разъехались князья, произошли кровавые события, описанные в дальнейшей части летописной статьи 1097 г. Дальнейшие съезды князей – в Городце в том же 1097 г., в Уветичах (Витичеве) в 1100 г., на Золотъчи под Киевом в 1101 г., на Долобском озере в 1103 г. «Княжеские съезды, – пишет Б. Д. Греков, – оказались неспособными примирить противоречивые интересы феодальных владетелей. Среди них продолжало господствовать право сильного. Сильный феодал имел возможность игнорировать и постановления съездов. Феодальная раздробленность сделалась фактом очевидным. Неизбежным ее следствием явились хронические феодальные войны. Закончился Киевский период истории Руси» (Там же. С. 495). По интересному предположению Л. В. Черепнина, Начальный свод, предшествовавший «Повести временных лет», возник в связи с этим Любечским съездом и заканчивался его описанием (см. выше, с. 508–509). По мнению М. С. Грушевского, в статье 1097 г. речь идет не о городе Любече близ Чернигова, а о поселке около Киева на левом берегу Днепра у озера Подлюбского («Підлюбське») (*Грушевський М. С.* Історія України-Русі. Львів, 1899. Т. 2. С. 66, 329).

355

Город на Гнезде, левом притоке Серета.

356

Пинск – город к западу от Турова, на реке Пина, у ее впадения в Припять (*Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 109–110).

357

Христианское имя Святополка Изяславича было Михаил. Празднование Михаила Архангела (день именин Святополка-Михаила) приходилось на 8 ноября.

Берестие – ныне Брест на Западном Буге. *Погорина* – побережье реки Горыни (объяснение Ермолаевского списка Ипатьевской летописи).

Речь, следовательно, в этом месте идет о мачехе Владимира Мономаха. Других указаний на то, что Всеволод Ярославич был женат два раза, нет.

Этими словами летописец возвращает нас к тому моменту рассказа, когда Василько был привезен во Владимир-Волынский, где его посадили «въ дворЂ ВакЂевЂ, и приставиша 30 мужь стеречи и 2 отрока княжа, Уланъ и Колчко». М. Д. Приселков предполагает, что весь этот отрывок, заключенный между фразой «и приставиша 30 мужь стеречи и 2 отрока княжа, Уланъ и Колчко» и следующей фразой после слов «на прежереченЂмь мЂстЂ», – вставка летописца в рассказ Василия (*Приселков М. Д.* Летописание Западной Украины и Белоруссии // Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. Л., 1941. Вып. 7. С. 6). Как бы то ни было, не может не быть признана вставкой заключенная в этом отрывке похвала Владимиру от слов «Володимеръ бо такъ бяше любезнивъ» до слов «Но мы на свое възвратимся».

Всеволож – в то время город на берегу Западного Буга, приблизительно в 60 км к югу от Владимира Волынского. *Шеполь* – в то время город в 20 км западнее Луческа (современного Луцка). *Перемышль* – современный город Пшемысль в Польше. – *Ред.*

362

Как ясно из этого места «Повести временных лет» и из многих других в летописях XII–XIII вв., переговоры велись в Древней Руси через послов устно. Послы изустно передавали порученные им «речи» в более или менее точной форме. Уже после выполнения поручения послы представляли письменные отчеты о своих переговорах (см. подробнее: *Лихачев Д. С.* Русский посольский обычай XI–XIII вв. // Ист. записки. 1945. № 18).

363

Кочевой народ тюркского происхождения; летописью упоминаются здесь впервые. Иногда берендеев летопись называет торками (например: «приступи торчинъ, именем Беренди»).

Божеск – небольшой пограничный городок на Волыни в верховьях Западного Буга. О Божеске см.: *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 114. (В настоящее время, по-видимому, город Буск Львовской обл. Украины. – *Ред.*)

365

Турийск – город в Волынской области Украины на р. Турье.

366

По-видимому, этими словами начинается вторая вставка летописца в рассказ Василия об ослеплении Василька Теребовльского. Заканчивалась эта вставка на словах «а Давыдъ бѣжа в Ляхы». Вставка эта является непосредственным продолжением первой вставки: там изложение заканчивалось предложением союзных князей Святополку или захватить, или изгнать Давыда. С непосредственно примыкающей же частью рассказа Василия эта вставка не связана (*Приселков М. Д.* Летописание Западной Украины и Белоруссии. С. 6–7). Часть поздних летописей отсюда начинает год 6607 (1099).

367

Червен – город в Галицком княжестве. Один из группы Червенских городов.

Рожне поле – урочище в верховьях Западного Буга, недалеко от Звенигорода Галицкого.

Забрала – помост на верху стены, на котором находятся обороняющиеся, огражденный с внешней стороны бруствером – рубленым или тесовым. В данном случае бруствер был из теса – досок и имел щели.

370

Давыд Игоревич умер в Дорогобуже 25 мая 1112 г. Следовательно, летописец писал после этого времени. Фраза эта почти буквально повторяет заключительные слова рассказа Василия об ослеплении Василька Теребовльского, помещенного под 1097 г.: «…но даша ему Дорогобуж, в нем же и умре». Очевидно, летописец, писавший после 25 мая 1112 г., уже имел на руках «Повесть» Василия, доведенную именно до этого события, либо Василий знал текст «Повести временных лет».

Болеслав III Кривоустый (1086–1138) – князь Польши (с 1102 г.), представитель династии Пястов. – *Ред.*

Победоносный поход русских князей на половцев 1103 г. был первым из степных походов, организованных Владимиром Мономахом. За ним следовали походы 1109, 1111 и 1116 гг. Четырьмя этими походами половецкие кочевья были отброшены далеко от границ Русской земли. Не случайно летописец, давая посмертную характеристику Мономаху, записал о нем под 1125 г.: «Его имене трепетаху вся страны, и по всем землям изиде слух его» (Лаврентьевская летопись). По-видимому, часть половцев была отброшена походами Мономаха на Сев. Кавказ. Ипатьевская летопись под 1201 г. говорит о Романе Галицком, что он «ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганыя измаилтяны, рекомыя половци, изгнавшю Отрока во Обезы за Желѣзныя врата, Сърчанови же оставшю у Дону…; тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотым шоломомъ Донъ, и приемшю землю ихъ всю, и загнавшю оканьныя агаряны». Пребывание Отрока (Атерака), сына хана Шарукана, в Закавказье подтверждается грузинскими источниками (Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1897. Вып. 22). Лишь смерть сына Мономаха Мстислава Владимировича (в 1132 г.) вновь оживила враждебную деятельность половцев. О походе 1103 г. кратко говорится и в Киево-Печерском патерике (с. 154–155).

То есть хазара. – *Ред.*

Яну Вышатичу (ок. 1016–1106) и его отцу Вышате в «Повести временных лет», по-видимому, принадлежат рассказы о Новгороде, с которым Вышата был связан лично и через своих предков, и о тех событиях русской истории, в которых принимали участие представители их рода (Вышата был сыном новгородского посадника Остромира, внуком новгородского посадника Константина, правнуком дяди Владимира Добрыни, праправнуком Мстиши, прапраправнуком воеводы Игоря Свенельда). В частности, Вышате и Яну принадлежат рассказы о Свенельде и Мстише, о Добрыне (будущем герое русских былин, о посадничестве Добрыни в Новгороде, о помощи его Владимиру стать новгородским князем, о походе Добрыни с Владимиром на болгар, о помощи Добрыни в сватовстве Владимира к Рогнеде), о помощи Константина Ярославу, о героическом поведении Вышаты в походе Владимира Ярославича на Византию в 1043 г., о подавлении восстания волхвов в Белозерье Яном Вышатичем и мн. др. При этом в «Повести временных лет» отразились не только сведения, почерпнутые летописцами в рассказах Яна и его отца, но и их идеология старых дружинников, недовольных новыми порядками (см. подробнее: *Лихачев Д. С.* Устные летописи в составе «Повести временных лет»). Гипотеза Л. В. Черепнина предполагает в Яне Бояна «Слова о полку Игореве» (*Черепнин Л. В.* «Повесть временных лет», ее редакции и предшествующие ей летописные своды. С. 328–329; ср. аналогичное предположение А. Ф. Вельтмана: «Упоминаемый “бо Ян” в «Слове о полку Игореве» есть старец Ян, упоминаемый Нестором» (Москвитянин. 1842. Ч. 1. № 1).

375

Под 6614 годом в Ипатьевской летописи после слов «прибеже Избыгнев к Святополку» добавлено: «Того же лѣта помраченье бысть въ солнци, августа». Запись эта точна. Полное солнечное затмение произошло 1 августа 1106 г. (*Святский Д. О.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. М., 1915. С. 105).

376

В Синодальном списке Новгородской Первой летописи добавлено, что Святослав Давыдович (по прозвищу «Святоша») постригся в Чернигове («Цьрнигове»). В Погодинском и Хлебниковском списках Ипатьевской летописи указывается его новое, иноческое имя – Никола. См. сказание «О преподобном Святоши, князи Черниговьском» в Киево-Печерском патерике (с. 113–119).

377

Зимигола (земгалы, зиемгалы) – обитавшая на лев. берег Зап. Двины (в Земгалии) балтская народность. В I–VI вв. земгалы были самым северным балтским племенем. Позже оказали самое упорное сопротивление сначала русскому, а затем немецкому завоеванию, многократно наносили поражения крестоносцам, а когда в конце XIII в. уже не могли сопротивляться, то около 100 тыс. земгалов снялись с места, сожгли все свои замки и ушли в Литву. Впоследствии земгалы участвовали в этногенезе латышей и, в меньшей степени, литовцев. – *Ред.*

378

Глеб Всеславич выступает крупным вкладчиком Печерского монастыря. Под 1158 г. в Ипатьевской летописи сказано (очевидно, на основании вкладной книги Печерского монастыря): «Глѣбъ же вда въ животѣ своемъ, съ княгинею, 600 гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота; а по княжи животѣ княгини вда 100 гривенъ серебра, а 50 гривенъ золота; а по своемъ животѣ вда княгини 5 селъ и съ челядью, и все да и до повоя» (т. е. вплоть до головного платка).

379

Синодик (*греч.* συνοδικόν) – книга с записями имен умерших для поминания их во время богослужения.

Клов – урочище близ Киева, между Киевом и Киево-Печерским монастырем.

381

Этот поход русских князей снова упомянут в Лаврентьевской летописи под 1111 г.: «Идоша веснѣ на половцѣ Святополкъ, Володимеръ, Давыдъ. И дошедше Воиня, и воротишася». Подобные дублировки известий встречаются в Лаврентьевской летописи и в дальнейшем: смерть Олега Святославича записана под 1115 г. и 1116 г., вокняжение Глеба в Киеве под 1168 г. и 1169 г., поход Михалки Переяславского под 1169 г. и 1171 г., и др. Объясняется это тем, что во Владимире-Залесском были использованы в XII – начале XIII в. две летописи Переяславля-Русского – епископская и княжеская, – между которыми было различие в хронологии: хронологическая сеть в обеих не совпадала. Ошибался при этом княжеский летописец, а епископский имел правильные даты. Летописание же Владимира-Залесского отразилось в Лаврентьевской летописи (см. об этом: *Приселков М. Д.* Лаврентьевская летопись: (История текста) // Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. Л., 1939. Вып. 2. С. 92–93). Дата похода 1110 г. принадлежит епископскому летописцу и, очевидно, правильная.

382

Сильвестр был игуменом в Выдубицком Михаиловском монастыре, недалеко от Киево-Печерского. Монастырь этот был основан отцом Владимира Мономаха Всеволодом Ярославичем и был «княжим» монастырем в его роду. А. А. Шахматов полагает, что Сильвестр являлся составителем второй редакции «Повести временных лет». Некоторые исследователи (С. А. Бугославский) считают, что он был простым переписчиком «Повести временных лет». С 1118 г. Сильвестр был поставлен в сан епископа Переяславского (Переяславля-Южного). Умер Сильвестр в 1123 г. (Переяславль-Русский и Переяславль-Южный – это один и тот же город. – *Ред.*)

383

Синодальный список Новгородской Первой летописи дополнительно сообщает под этим годом: «Томъ же лѣтѣ ходи Мьстислав (Владимирович Новгородский. – *Д. Л.*) на Очелу».

384

К. В. Кудряшов так определяет календарь похода русского войска в 1111 г.: «Февраль 26 (воскресенье) – выступили в поход из Переяславля. Март 3 – на Суле; март 4 – на Хороле; март 6 – на Голтве; март 7 – на Ворскле; март 8 – вступили в Половецкую степь и “преидоша многие реки”; март 19 (воскресенье, пятая “неделя”) – пришли “к Донови”; март 20 – отдыхают и готовят вооружение; март 21 (вторник) – пришли к Шаруканю “ввечеру сущу” и ночью овладевают городом; март 22 (среда) – пришли к Сугрову и зажгли его; март 23 (четверг) – пришли с “Дона”; март 24 (пятница) – бой “на потоце Дегея”; март 25 (суббота) – отдыхают и празднуют день Благовещения; март 26 (воскресенье) – в походе; март 27 (понедельник Страстной недели) – утром сражение на Сальнице». Подробнее см. главу «Поход Владимира Мономаха в Половецкую землю в 1111 г.» в книге К. В. Кудряшова «Половецкая степь» (М., 1948. С. 114–116).

385

Город Шарукань назван по имени хана Шаруканя. К. В. Кудряшов указывает: «Половецкие города назывались по имени своего хана (как это наблюдалось и у печенегов). Со сменой хана, владельца города, менялось и название последнего. Шарукань в некоторых летописных списках носит название Осенева, по имени хана Асана (Осеня), по смерти которого стал называться по имени хана Шарука, едва избежавшего русского плена в 1107 г. на Хороле» (*Кудряшов К. В.* Половецкая степь. С. 119; здесь же попытка определить точное местоположение этого города).

386

В населении половецких городов был очень силен русский элемент. «Очевидно, город Шарукань, находившийся во власти половцев, – пишет И. У. Будовниц, – был населен не половцами, которые в городах не жили, а славянами и во всяком случае христианами, на которых торжественное богослужение должно было произвести, и действительно произвело, известное впечатление» (*Будовниц И. У.* Владимир Мономах и его военная доктрина // Ист. записки. М., 1947. Т. 22. С. 84).

387

Как указывает К. В. Кудряшов, «Сугров назван по имени хана Сугры, плененного русскими князьями при нападении на Лубны в 1107 г.». Местоположение Сугрова, как и Шаруканя, К. В. Кудряшов определяет в районе Северского Донца (*Кудряшов К. В.* Половецкая степь. С. 119).

388

Весь последующий рассказ и рассуждения летописца Выдубицкого Михаиловского монастыря об ангелах представляют собой попытку выставить патрона этого монастыря, архангела Михаила, «вождя бесплотных Сил», виновником русских побед над половцами: «Ангелы бо, глаголю, наша поборникы на противныя силы воюющим, им же есть (вождь) архангел Михаил» и т. п. Летописец развивает ту мысль, что к каждому войску приставлены ангелы. К войску язычников также приставлены ангелы. Язычники побеждают, когда по Божиему попущению их водит ангел. Со всей этой статьей 1111 г. следует сопоставить и статью 1110 г., также составленную в Выдубицком монастыре; в этой последней явление огненных столпов над Печерским монастырем также истолковано как явление ангелов и также развивается учение об ангелах.

Евфимия – дочь Владимира Мономаха – была выдана замуж за венгерского короля Коломана III. (См. о нем выше, примеч. к году 6605 (1097), а о Евфимии ниже: Родословие. – *Ред.*)

Влахернский монастырь – на ручье Клове близ Киево-Печерского монастыря, построен бывшим игуменом печерским Стефаном в честь Божией Матери «Влахернитиссы». (Другое название монастыря – Стефанич. – *Ред*).

391

Церковь Андрея была построена в Киеве Всеволодом Ярославичем в 1086 г. (см. в Ипатьевской летописи под 1086 г.: «Всеволодъ заложи церковь Святого Андрѣя, при Иванѣ преподобномъ митрополитѣ; створи у церкви тоя манастырь, в нем же постриженся дщи его дѣвою, именемъ Янка. Сия же Янка, совокупивши черноризици многи, пребываше с ними по манастырьскому чину»).

392

Под этим годом Синодальный список Новгородской Первой летописи дополнительно сообщает: «Семь же лѣтѣ побѣди Мьстислав на Бору чюдь».

393

Затмение было 19 марта 1113 г. Серп солнца действительно был виден с рогами, обращенными книзу (*Святский Д. О.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. М., 1915. С. 105).

Выръ – река в Переяславском княжестве, левый приток Сейма.

395

Николо-Дворищенский собор, заложенный Мстиславом Владимировичем в 1113 г., принадлежит к числу лучших сооружений домонгольской поры. Это был крупный княжеский дворцовый храм, богато украшенный внутри фресками (см. о нем: Каргер М. К. Новгород Великий. М., 1946. С. 24–27). О построении этой церкви имеется особое сказание «Чудо иже во святых отца нашего Николая, сотворившееся в Великом Новеграде, и что ради церковь Святаго Николая соборная, иже на Торговой стране, на Ярославле дворище, именуется, и что ради в той церкви местный образ Николая Чудотворца круглая доска». Опубликовано это сказание Н. К. Никольским (Материалы для истории древнерусской духовной письменности // Сб. ОРЯС АН. СПб., 1907. Т. 82, № 4). (Сохранился до наших дней, реставрирован. – *Ред.*)

396

Синодальный список Новгородской Первой летописи дополнительно сообщает под этим годом: «А НовЬгородЬ измьроша коня вся у Мьстислава и у дружины его. Том же лЬтЬ заложи Вой гость церковь Святаго Феодора Тирона, априля въ 28».

397

Солнечное затмение было 23 июля 1115 г. утром за девять дней до смерти Олега Святославича (*Святский Д. О.* Астрономические явления в русских летописях с научно-критической точки зрения. М., 1915. С. 105–107). В Лаврентьевской летописи смерть Олега Святославича отмечена дважды: под 1115 г. и 1116 г. Объясняется это тем, что в Лаврентьевской летописи слиты два источника с различной хронологией: Переяславский княжеский летописец и Переяславский епископский летописец. На самом деле смерть Олега произошла в 1115 г., что устанавливается той связью, которую летописец видит между его смертью и затмением. Затмение же, как отмечено выше, было в 1115 г.

Случеск – город на Волыни на реке Случь.

399

На Нижнем Дунае были русские поселения. Подунайские города обычно подчинялись галицким князьям. Ср. в «Слове о полку Игореве»: «Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! Высоко сѣдиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ, подперъ горы угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облакы, суды рядя до Дуная». Воскресенская летопись XVI в. дает в списке русских городов и города на Нижнем Дунае. Память о русских городах на Дунае сохранялась, следовательно, и в XVI ст. В XII и XIII вв. в придунайские города (главным образом в Берлад) стекались недовольные, изгнанные и т. п. Владимир Мономах смог послать на Дунай своих посадников после побед над половцами и их оттеснения в глубь степей. Посадники Мономаха, впрочем, не смогли надолго закрепиться в дунайских городах. В 1116 г. Мономах послал на Дунай своего сына Вячеслава и Фому Ратиборовича, однако те «пришедь къ Дѣрстру, и, не въспѣвше ничто же, воротишася». (Дерестр, или Доростол, – нынешний город Силистра в Болгарии. – *Ред.*)

400

По-видимому, здесь говорится о восстании торков и печенегов против половцев. Восстание это могло произойти как результат ослабления военной мощи половцев после походов Мономаха.

401

Синодальный список Новгородской Первой летописи содержит под этим годом следующее дополнительное известие: «Въ то же лѣто бысть знамение НовѢгородѢ въ СвятѢй Софии от грома, мѣсяця майя въ 14, въ час 10; вечерню поющимъ, единъ от дьякъ зараженъ бысть от грома, а клиросъ вѢсь съ людьми падоша ници, нъ живи быша; а на вечеръ бысть знамение въ лунѢ. Въ то же лѣто игуменъ Антонъ заложи церковь камяну Святыя Богородиця манастырь. Въ се же лѣто прѣставися Добрына, посадникъ новгородъскый, декабря въ 6».

402

В честь Бориса и Глеба, сыновей Владимира Святославича, на реке Альте, где был убит Борис.

403

Византийский император Алексей I Комнин умер в 1118 г. Ему наследовал Иоанн II Комнин (1118–1143).

Главы 2 и 3 печатаются с незначительными сокращениями и редакционной правкой (в основном в плане унификации написания некоторых имен собственных) по изд.: *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 2, тт. 1–5. Изд. 2-е. СПб., [б. г].

405

По всей вероятности, отвага Брячислава всего более содействовала тому, что Ярослав согласился оставить Полоцкое княжество в его владении. *(Здесь и далее примечания авт. и ред., как правило, специально не оговариваются.)*

У Соловьева ошибочно: 1053.– *Ред.*

407

3 февраля 1067 г.

Князя Брячислава.

Кривичи – союз восточнославянских племен, сложившийся в VI–X вв. в верховьях Зап. Двины, Днепра и Волги. Главные города кривичей: Смоленск, Полоцк, Изборск. С IX в. – в составе Киевской Руси. В XI–XII вв. территория кривичей входила в Смоленское и Полоцкое княжества, северо-западная часть – в Новгородские владения. – *Ред*.

Еще раньше Вячеслав, княживший в Смоленске, умер; князья перевели туда из Волыни Игоря, а по смерти Игоря назначили туда князем Владимира Мономаха помимо детей Игоря. Равным образом на Волыни не было наследственной преемственности между князьями, а киевские князья помещали там своих сыновей; так что, когда княжил в Киеве Изяслав, на Волыни был его сын, а когда Святослав овладел Киевом, то поместил там своего сына; когда же Святослав умер и Изяслав опять сделался князем в Киеве, на Волыни стал княжить сын Изяслава.

411

Были *гривна серебра* и *гривна кун*. Гривна серебра была двоякая: большая, состоявшая в серебряных кусках, которые попадаются весом от 43 до 49 золотников, и гривна малая – в кусках от 35 до 32 золотников. Семь гривен кун составляло гривну серебра, следовательно, гривна кун – это приблизительно от 6 до 7 или от 5 до 6 золотников серебра.

412

Всеволод останется здесь на княжении до 1073 г. – таким образом, Владимир Мономах проведет все детство в Переяславле.

413

Митрополит Киевский и всея Руси – титул предстоятеля Русской Церкви в период ее пребывания в составе Константинопольского Престола, т. е. от времени Крещения Руси и основания митрополии в Киеве до 1686 г., когда Киевская митрополия в результате присоединения Украины к России была присоединена к Московскому патриархату.

414

Митрополит Иларион был первым Киевским митрополитом русским по происхождению. Кроме того, Ярослав возвел Илариона в митрополиты, не испросив благословения Константинопольского патриарха Михаила I Керулария (ок. 1000–1059, патриарх в 1043–1058 гг.).

415

Первый русский по рождению епископ (занял новгородскую кафедру ок. 1036 г.). Как и (позже) киевский митрополит Иларион, поставлен в Новгород Ярославом Мудрым без согласования с Константинополем: всего лишь через полвека после крещения Русь делает первые шаги в направлении церковной самостоятельности. Во время епископства Луки Жидяты был построен Софийский собор (1045) и написано Остромирово Евангелие (1057).

416

Ростислав Владимирович (в крещении Михаил; ок. 1038–1067) – князь ростовский, владимиро-волынский и тмутараканский.

417

Владимир Ярославич (1020–1052) – князь новгородский (1034–1052). Вместе с епископом Лукой Жидятой много сделал для Новгорода.

418

Судислав Владимирович (ум. в 1063) – младший из 12 сыновей великого князя Владимира I Святославича (крестителя Руси). В 1014 г. получил от отца в удел Псков. В 1036 г. не желавший делиться с Судиславом властью (все остальные их братья к тому времени уже умерли) Ярослав Мудрый посадил его в поруб, где он и досидел до 1059 г., когда о нем «вспомнили» племянники. К счастью, бездетный Судислав был им не опасен: он даже не претендовал на возвращение ему Пскова.

Или, возможно, следующего (1060) года.

420

Просуществовавший более полутора десятка лет (со второй половины 1050-х гг. до 1073 г.) союз сыновей Ярослава Мудрого – Изяслава (1025–1078), Святослава (1027–1076) и Всеволода (1030–1093).

421

Всеслав Брячиславич (Всеслав Вещий, Всеслав Чародей; ок. 1029–1101) – князь полоцкий (1044–1101), единственный представитель полоцкой ветви Рюриковичей на киевском великокняжеском престоле (1068–1069). Известен также как персонаж «Слова о полку Игореве» и восточнославянского фольклора: богатырь и чародей, способный оборачиваться зверем. Нужно отметить, что Полоцкое княжество обособилось от Киевской Руси и стало наследственным уделом уже в конце X в., почему и не упоминалось в завещании Ярослава Мудрого.

Гумилев Л. Древняя Русь и Великая степь. М., 1989.

Червенские города (от назв. крупнейшего из них) – группа городов (Червень, Волынь, Холм, Броды, Сутейск, Луческ, Ярославль, Угровеск, Столпье, Всеволож, Верещин и др.) на левобережье Западного Буга, по его верхнему течению и притокам Хучве и Луге, а также по верховьям реки Стыр.

Разные ученые обосновывают разные версии – см. примеч. к соотв. году в «Повести временных лет».

Или в самом начале 1067-го.

Шарукан – половецкий хан, отец Сырчана и Атрака, дед Кочака.

Орлов А. Владимир Мономах. М.; Л., 1946. С. 10.

Кучкин В. А. «Слово о полку Игореве» и междукняжеские отношения 60-х годов XI века // Вопросы истории. 1985. № 11. С. 19–35.

429

Двоюродным братом Ярославичей: его матерью была, предположительно, их тетка, единокровная сестра Ярослава Мудрого – Мария Добронега (ум. в 1087 г.).

Орлов А. Владимир Мономах. М.; Л., 1946. С. 10.

И это – несмотря на то что Святополк был сыном два года назад вернувшего себе силой киевский престол и изгнавшего Всеслава из Киева великий князь Изяслава Ярославича. Удивительно и то, что Святополк, который сам в 1093 г. станет на 20 лет великим князем киевским, тоже не сможет (вряд ли «не захочет») прогнать Всеслава из Полоцка.

Уже второе: собственно «обретение» и первое перенесение мощей Бориса и Глеба состоялось еще при Ярославе Мудром в 1026 г.

433

Среди специалистов, по-видимому, нет согласия относительно статуса княжества в 1060–1073 гг. После смерти Игоря Ярославича Смоленское княжество было разделено Ярославичами на три части, но как именно оно было разделено и как скоро (и в прежних ли границах?) воссоздано – на эти вопросы аргументированных исчерпывающих ответов еще нет. Нет вообще твердой уверенности в том, что Владимир Мономах до занятия им престола в Чернигове (1076) пребывал (тем более непрерывно) на смоленском княжении. Нам неизмеримо больше известно о его походах и сражениях, чем о правлении в этот период.

434

На границе с Польшей было неспокойно: к Болеславу убежал Изяслав и военная угроза из-за Сана была и вероятна, и ожидаема.

Куда его посылали Святослав и Всеволод (отец). Кстати, именно авторитет Всеволода Ярославича, которого, после распада триумвирата Ярославичей, правильно будет (на тот момент) считать дуумвиром своего брата – великого князя киевского Святослава, защищал Владимира Мономаха. Как бы ни хотелось Святославу раздать лучшие уделы своим сыновьям, он не мог проявлять явной несправедливости к племяннику. Кроме того, Мономах был полезен Святославу: 20-летний князь уже зарекомендовал себя умелым и удачливым воином и политиком.

Это летописное свидетельство не очень согласуется с тем, что Всеволод княжил уже не в Переяславле, а в Чернигове.

Ивакин И. М. Князь Владимир Мономах и его Поучение. Ч. 1. М., 1901. С. 150.

Есть указания на то, что Болеслав не погнушался обобрать политического беженца, несмотря даже на то что Гертруда, жена Изяслава, доводилась Болеславу родной теткой.

Ивакин И. М. Князь Владимир Мономах и его Поучение. М., 1901. Ч. 1. С. 151.

440

Во время пребывания в Германии Ярополк женился на Кунигунде фон Орламюнде (Kunigunde von Weimar-Orlamünde; 1055–1140). После смерти мужа она покинула Русь.

Православная энциклопедия. М., 2006. Т. 12.

442

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Гл. 2. События при жизни сыновей Ярослава I (1054–1093).

В 1073–1077 гг. в нем княжил, напомним, Давыд Святославич, переведенный теперь в Муром (там он останется до самой смерти Всеволода в 1093 г.).

Чудь заволочская – летописное название финно-угорского населения (эстов и вепсов?) Заволочья (исторические области X–XIV вв. в бассейне Сев. Двины и Онеги, за «волоками», связывавшими Онежское озеро с оз. Белым и р. Шексной).

Никон – сподвижник Антония и Феодосия Печерских. В Киево-Печерской обители с 1058 г. (в 1078–1088 гг. – игумен монастыря), православный святой. В 1060 или 1061 г. вызвал гнев великий князь Изяслава, совершив без ведома и разрешения последнего пострижение в монахи Изяславова придворного Ефрема и боярского сына Варлаама. Уйдя в Тмутаракань, основал там церковь Святой Богородицы и монастырь. В 1068 г. вернулся в Киев. В годы изгнания Изяслава (1073–1076), по-видимому, вновь уходил в Тмутаракань. Нестор Летописец характеризовал Никона как «умудренного» и «великого».

Откуда он был сослан на о. Родос, где провел 2 года.

447

Ныне – пгт Барышевка, райцентр Киевской области Украины.

Его имя встречается и в других написаниях: Асан, Асинь и даже Овчина; комментаторы «Повести временных лет» считают, что все эти имена относятся к одному лицу.

При помощи, по мнению Л. Н. Гумилева, местных касогов и ясов и, возможно, половцев (см.: *Гумилев Л.* От Руси к России. Гл. 4).

450

Этому были свои причины: «Изгнанный из Тмутаракани Давид в 1084 г. у Олешья, на берегу Черного моря, захватил греческих купцов и отнял у них имущество. Подобное хозяйничанье князя в одном из важнейших транзитных пунктов великого водного пути “из варяг в греки”, по которому ходили караваны “гречников” и на охрану которого князья высылали целые отряды дружинников, не улыбалось Киеву, и поэтому Всеволод поспешил поскорей отделаться от Давида и дал ему Дорогобуж» (*Мавродин В.* Очерки истории Левобережной Украины. СПб., 2002. С. 239).

451

Туров как «довесок» к Владимиру-Волынскому принадлежал до этого брату Святополка – предательски убитому в 1086 г. Ярополку.

С 1078 г. там сидел его младший сын, ныне уже 18-летний Ростислав.

Не считая традиционно полусамостоятельного Полоцка и Владимира-Волынского, в котором после смерти Ярополка утвердился фактически вытребовавший себе, как мы помним, в 1085 г. Дорогобуж Давыд Игоревич.

Мавродин В. Очерки истории Левобережной Украины. СПб., 2002. С. 241.

Величко А. М. История византийских императоров. Т. 4. М., 2009. С. 431.

Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 8.

«И отдал брату стол отца его, а сам пошел на стол отца своего». Фактически Мономах признает, что справедливость восторжествовала: Олег не захватил чужое, а вернул свое. На княжении в родном Переяславле Мономах пробудет следующие почти 20 лет – до избрания на киевский великокняжеский престол.

Мавродин В. Очерки истории Левобережной Украины. СПб., 2002. С. 253.

Там же. С. 253–254.

460

Боняк неоднократно упоминается в «Повести временных лет» и в «Поучении» Владимира Мономаха. В 1091 г. вместе с другим половецким ханом, Тугорканом, и с русскими князьями оказывал помощь Византии в войне с печенегами, разгромив печенежское войско в битве при Лебурне. В 1097 г. участвовал в междоусобной войне, вспыхнувшей после ослепления Василька Теребовльского. Хитроумным маневром Боняк заманил венгерские войска в западню и нанес им сокрушительное поражение в битве на Вагре в 1099 г. В последний раз Боняк упомянут в 1113 г.

461

Сражение стало первым с 1068 г. (когда Святослав Ярославич разбил половцев в битве на р. Снове) крупным успехом русских князей.

462

Святополк счел своим долгом разыскать на поле боя тело тестя и похоронить его «на могиле» поблизости от Берестова.

463

«В этой паре, несмотря на то что в Киеве сидел Святополк, первенство во всех мероприятиях несомненно принадлежало Мономаху» (*Мавродин В.* Очерки истории Левобережной Украины. СПб., 2002. С. 260).

Причем Чернигов достался не Олегу, а Давыду Святославичу, что гораздо больше устраивало Владимира Мономаха. «Давыд, засевший в Чернигове, был послушным вассалом Мономаха и Святополка… Иное дело Олег. Последний… не претендует на вмешательство в общекняжескую борьбу за Киев, но и не дает кому-либо вмешиваться в свои дела» (*Мавродин В.* Очерки истории Левобережной Украины. СПб., 2002. С. 260–261).

465

Вторую жену Всеволода, мать уже погибшего к тому времени (в 1093 г. на р. Стугне) младшего брата Владимира Мономаха – Ростислава.

В самом начале этих бурных и важных для судеб державы событий смерть 3 марта жены Мономаха Гиты Уэссекской отодвинулась на второй план; однако не стоит забывать, что Гита была матерью десяти Мономаховых детей, в том числе – трех будущих великих князей киевских.

467

«Святополк Изяславич, по-видимому, прислал послов к Мономаху с предложением изгнать Ростиславичей из их волостей в 1099 г.» (примеч. Д. С. Лихачева к «Поучению» Вл. Мономаха, см. выше).

В науке рассматриваются три даты: 1099, 1105 и 1117 гг.

469

Случай довольно редкий, чтобы не сказать – уникальный: во-первых, Олег занимался устроением доставшегося ему наконец княжества – Новгород-Северского, – и не вмешивался в «киевские» дела; во-вторых, он был давним и, что важнее, последовательным и надежным союзником половцев, которые не раз помогали ему в русских междоусобицах. Впрочем, он болезненно реагировал на появление поблизости любых войск, а в данном случае слишком много половцев подступили слишком близко и к его границам. Во всяком случае, основной военной силой русских был Владимир Мономах: известно, что в походе участвовали трое его сыновей: Святослав, Вячеслав и Ярополк.

От этого брака родилось 8 детей, самый известный из них – князь Владимиро-Суздальский Андрей Боголюбский (1112–1174).

471

О ней практически ничего неизвестно. О других близких родственниках см. раздел «Родословие: Предки и потомки Владимира Мономаха».

472

Тот самый, который в 1097 г. ослепил Василька Теребовльского и был за это на Уветичском съезде лишен Владимир-Волынского.

Политические его таланты окажутся намного ниже: это проявится во время его киевского княжения в 1030-х гг.

См. выше: год 1072-й и примеч.

475

Самозванец Лжедиоген, за которого Владимир Мономах выдал дочь Марию.

476

Древний римский Durostorum (совр. Силистра в Болгарии).

То есть пришли поселиться как вассалы и данники.

После этого поражения внук Шарукана хан Атрак откочевал со своей ордой к грузинскому царю Давиду IV Строителю (он вернется только после смерти в 1125 г. грузинского и русского правителей и попытается – без особого успеха – омрачить восшествие на киевский престол Мономахова сына Мстислава).

Этот брак еще сослужит Мстиславу хорошую службу 11 лет спустя – см. ниже: раздел «Родословие».

Ныне с. Белогородка Киевской обл.

Очередь была не его, а Давыда Святославича, которому пришлось удовлетвориться княжением в Чернигове.

Возможно, это произошло уже в следующем (1118) году.

Это несомненно был символический жест, свидетельствующий, что имя Тугоркана продолжало много значить для Мономаха и через 21 год после гибели великого половецкого полководца под Переяславлем, когда половцы, после ряда поражений, уже не представляли столь серьезной угрозы для Руси. Напомним, что предшественник Мономаха на великокняжеском престоле Святополк Изяславич был женат на дочери Тугоркана.

После перевода Мономахом Мстислава (княжившего в Новгороде в 1086–1094 и 1096–1117 гг.) в Белгород-Киевский.

485

Предполагаем, что название 2-й должности Дмитра – «заместитель князя» – в данном случае можно понимать двояко: и как местоблюститель и управитель на время отсутствия, и как помощник и наставник молодого и еще неопытного Всеволода Мстиславича.

Ее имя встречается только у Карамзина.

Кстати, в этом же, 1119 г. Володарь «ходил с венграми на греков и возвратился с великим богатством» (Брокгауз-Ефрон).

Карамзин Н. История государства Российского. Т. 2, гл. VII.

489

Соловьев С. История России с древнейших времен. Т. 2, гл. 3.

490

То есть в следующем году или через год.

491

Соловьев С. История России с древнейших времен. Т. 2, гл. 3.

Удивляться этому не приходится: хорошие соседи важнее дальних родственников. Ростиславичи, годами существуя бок о бок с поляками, венграми и чехами, просто обязаны были наладить с ними добрососедские отношения. Близкое соседство до некоторой степени предопределяло общность интересов.

493

Некоторые современные исследователи склоняются к мнению, что убийцей был Ярослав, а в позднейших летописях сведения фальсифицированы (см.: *Данилевский И. Н.* Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998).

Данилевский И. Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). М., 1998. С. 347.

495

В историографии утвердилась оценка этого последнего похода киевлян на Царьград как неудачного. Впрочем, обоснованные сомнения в этом были высказаны уже давно – см.: *Брюсова В. Г.* Русско-византийские отношения середины XI века // Вопросы истории. 1972. № 3. С. 51–62.

496

Ода (*нем.* Oda; не позже 1038 – не ранее 1070-х) – дочь племянницы императора Священной Римской империи Генриха III и папы Льва IX Иды фон Эльсдорф (Ida von Elsdorf; 1020–1085) и предположительно графа Брауншвейга и маркграфа Фрисландии Людольфа (ок. 1004–1038). «Штаденской» Ода называется в старых источниках и исследованиях.

497

Тинг – древнескандинавское и германское правительственное собрание, состоящее из свободных мужчин страны или области. Тинги, как правило, имели не только законодательные полномочия, но и право избирать вождей или королей. Под скандинавским влиянием тинги появились в Северной Англии и на острове Мэн. В славянских странах аналогом тинга было вече.

То есть Ярослава.

Ободриты – средневековый союз полабских славян, обитавших в нижнем течении Эльбы (Лабы).

Однако впоследствии, когда Евпраксия бежала от Генриха и обвинила мужа в граничивших с пытками издевательствах над нею и в участии императора в оргиях и сатанинских ритуалах, Всеволод нашел союзника в лице оппонента Генриха – Папы Римского Урбана II, – что привело к кратковременному заигрыванию киевского князя с Римом.

501

Варианты личного имени: Анастасия, Мария, Ирина, Феодора или Анна.

Брюсова В. Г. Русско-византийские отношения середины XI века // Вопросы истории. 1972. № 3. С. 52.

Морозова Л. Е. Великие и неизвестные женщины Древней Руси. М., 2009.

Урбан II (1042–1099), урожд. Otho (Otto, Odo или Eudes) de Lagery – Папа Римский (1088–1099). Преемник и последователь папы Григория VII, дважды (в 1076 и в 1080 гг.) отлучавшего Генриха IV от Церкви (Урбан в 3-й раз предал императора анафеме – в 1095 г.). Среди внешнеполитических интересов Римских Пап важное место занимала Русь: еще в 1075 г. Григорий VII вмешался в распрю Ярославичей и поддержал изгнанного из Киева Изяслава, а в 1094–1095 гг. уже Урбан защищал (вернее будет сказать – использовал в своих политических целях) дочь Всеволода Ярославича Евпраксию.

505

Православная энциклопедия. М., 2008. Т. 17. С. 194–195. См. также: *Пушкарева Н. Л.* Женщины Древней Руси. М., 1989.

Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001.

Мавродин В. Очерки истории Левобережной Украины. СПб., 2002. С. 253.

Номинально возглавлял его великий князь киевский Святополк Изяславич; присоединился к ним также Олег Святославич Новгород-Северский, с которым, по-видимому, Святополк Изяславич и (особенно) Владимир Мономах окончательно примирились.

Если, как предполагается, Роман родился в начале 1080-х гг., то к моменту этого брака ему было за тридцать. Если это так, то можно смело предположить, что это был не первый его брак: по военно-политическим соображениям и с оглядкой на недолгую в те времена в среднем жизнь, обычным для князей было жениться около двадцати (а то и в пятнадцать) лет. К сожалению, нам ничего неизвестно о семейной жизни Романа или о его потомках.

510

В крещении – Феодор, в западноевропейских источниках – Гаральд.

Святославичи (и их потомки) все еще лелеяли надежду реанимировать «ряд Ярославля», который уже окончательно и бесповоротно почил в Бозе.

Есть сведения, что в 1096–1107 гг. он был наместником отца в Суздале, что вполне вероятно: Ростов, Суздаль, Белоозеро и Поволжье еще по завещанию Ярослава в 1054 г. достались Всеволоду Ярославичу «в придачу» к Переяславлю-Южному. Любечский съезд 1097 г. подтвердил их принадлежность Владимиру Всеволодовичу Мономаху.

513

Потомки Ростислава утвердятся в Смоленске до конца XIV в.

Единокровного брата, сына Владимира Мономаха от второй жены; см. о нем ниже.

515

Пушкарева Н. Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 33. См. также: *Розанов С. П.* Евфимия Владимировна и Борис Коломанович // Изв. АН СССР. VII сер. Отд. гум. наук. 1930. № 8. С. 585–599.

516

Год рождения Юрия установить или даже рассчитать чрезвычайно непросто. С одной стороны, первая жена Мономаха, Гита Уэссекская, умерла (как будто) в 1098 г. – и Владимир женился вторично только в следующем году. С другой стороны, в летописи упоминается, что в 1107 г. умерла «Гюргева мати» (2-я жена Мономаха). Следовательно, Юрий мог родиться между 1099 (или 1100) и 1107 г. В то же время известно, что в 1108 г. он женился, что вряд ли возможно в (максимум) 8-летнем возрасте. Вот почему на данный момент нельзя с уверенностью предполагать даже, был ли Юрий сыном первой или второй жены Мономаха.

517

Этот сюжет рассмотрен выше, в биографической заметке о Ярополке.

518

Осменик – сборщик торговой пошлины, судебно-полицейская должность в Др. Руси (Срезневский И. И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. СПб., 1902. Т. 2. Стб. 729).